

И.К.Стивел

Филология «ЖИЗНИ»

Харьков ПАРК 2017

УДК 81'373:128
С 80

Стивел И.К. Филология «жизни» / И.К.Стивел. – Харьков : ПАРК, 2017. – 555 с.

Лингвист не преподаёт уже 17 лет, в своё время долго проработав в университете. До сих пор обидно за былые упущения в подходе к предмету. Не так учили и сами отстали по застылой программе и готовым описаниям из учебников. А не то, чтобы понимать и усвоить живой язык в развитии. Нет бы самим разбираться в тонкостях языка, и получше пользоваться им в общении. По косности мышления бездарность неслась потоком многие годы, одно поколение за другим, до наших дней. Смелей, юноши, – в поиски.

© И.К.Стивел, 2015

НАУКА И МУДРОСТЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ

"То, что было философией, становится филологией".

(Сенека)

1

Трудности быта и загадочность судьбы задевают всех нас, мудрых и не очень, образованных и неучей. Общась, делимся взглядами, даём оценки, рассуждаем, говорим по поводу и без, не столько увлекаясь отвлечённой философией, но касаясь конкретных лиц, событий, происшествий, случайных дел. В домашнем обиходе, в практической и умозрительной деятельности, в семейном и дружеском, деловом, научном и другом разговоре господин случай стаёт поводом для беседы, зацепкой для откровений и исповеди. И редко отдают отчёт в содержании общих понятий, вряд ли кому досконально и подлинно известно, что такое *жизнь*.

Попробуйте выяснить у знакомых профессионалов мнение о жизни и смерти. Вопрос, можно ли в понять живой мир, озадачит, вызовет удивление и недоумение. В самом деле, к чему это? Станный вопрос, не ответишь определённо, ни утвердительно, ни отрицательно, просится и да, и нет. Не разбираясь, начнут пожимать плечами, переспрашивать, зачем и что именно требуется. Ссылаясь на житейский опыт, выскажут догадки, тем и закончится. Редко кто "справится". В целом же разнобой версий, не установишь, насколько согласуемы утверждения и предположения. Как бы предмета нет, ибо слишком размыт в представлении.

"Что есть жизнь? Что покидает умирающего человека, после чего остаётся труп, который вскоре же начинает разлагаться?" [364, 263]. – вопрос метафизический, не естественнонаучный. Кому-то захочется упростить задачу, ответив, что жизнь – всего-навсего жизнь, с нами и мимо нас, мигом проходящее нечто. Возразят верующие. "Он умер, мой друг и брат, но "умер" не то слово: жизнь никогда не умирает, а лишь вечно меняет формы" [364, 162]. Не все готовы принять сомнительное религиозное уверение. Жизнь не повторяется, а продолжается, она разная. "Всё течёт, всё меняется". Это о жизни, постоянно движется и преобразуется, словно куда-то устремлена.

Жизнью называют многое и непохожее. Различают жизнь органическую, но и неорганическая, иная, – тоже жизнь, будучи связана с живой материей. Живое существо и существование, в планетарном пространстве и в

космическом времени, не остаются в одной поре и положении. Хотя в разных жизнях обнаруживают сходство и подобие, прежде всего изменчивость отличает жизнь. Многообразие – особенное свойство процесса общемирового, который "протекает". Если принимать в расчёт пространственное измерение, у жизни планетарный масштаб, по сути космический. Жизнь земная, сопрягается с вечностью, она в протяжённости и вне времени.

Жизнь объёмна и разнообразна в проявлениях, не заметить всего в её пространстве, упустишь детали и планы. "Действительная наша жизнь состоит как бы из обрывков, это разорванное существование" [199, 341]. Сложно уловить взаимоотношения, зависимости и связи в происходящем. Размышляя отвлечённо и предметно, вроде имеют в виду одно, на самом деле каждый преследует своё, подразумевая не то самое, касаясь иного. Происходит подмена предмета, расширение или сужение поля зрения. По ходу скольжения взгляда вокруг и около – тематический сдвиг, с блужданием в бесконечности. Все знают – и никто не знает – случившееся.

Наше понимание жизни и смерти наивно, также и отношение к ним сбивчиво. В обыденном сознании естественное явление предстаёт обычной вещью, доступной для обладания. Лица, принадлежащие "к числу тех жалких людей, вся жизнь которых – внешняя и сводится почти к механическому усвоению и повторению того, что делают другие люди их круга" [Соллогуб Ф. Звериный быт], просто отвергают сложности мира. То, что творится, реальность, принимается поверхностно. Объяснение жизни зависит от того, кто как хочет оправдать происходящее, для чего ему нужно представить проблему и установить роковую обречённость живой истории.

Однако живут среди нас мыслители, склонные признать, что "существует какая-то иная жизнь, помимо нашей повседневной жизни". Причём "эта другая жизнь более реальна, чем та, которой мы живём ежедневно" [199, 109]. В самом деле, "если произведения суть формы жизни, суть великие мысли природы, то я могу считать их более реальными, чем наша "реальная" повседневная жизнь" [199, 544]. Н.А.Бердяев сказал: "То, что называют "жизнью", часто лишь обыденность, состоящая из забот. Теория же есть творческое познание, возвышающееся над обыденностью. Теория по-гречески значит созерцание. Философия (вечно зелёная "теория") освобождена от тоски и скуки "жизни" [35, 54].

Не согласимся, что "окружающая нас жизнь со всеми её тревогами и заботами не заслуживает серьёзного к ней отношения" [364, 385]. Собственная доля связана с внешними условиями и неурядицами, приходится отвечать за обустройство быта. Это "не только жизнь вещей, это и обычаи, весь ритуал ежедневного поведения, тот строй жизни, который определяет распорядок дня, время различных занятий, характер труда и досуга, формы отдыха, игры, любовный ритуал и ритуал похорон" [184, 12]. Глубока психологическая

связь с традициями и домом у знати. И у простых людей своя культура семейной жизни, своеобразны представления о нормах общежития.

Расхождения духовных ценностей, отличия жизненных ориентиров, несовпадение моральных принципов не исключают возможности полноценной жизни в любой культурной среде "внутри человеческого горизонта". Не только лишь жизнь образцовой семьи в среде русского дворянства "складывалась как сложное переплетение обычаев, утверждённых народной традицией, религиозных обрядов, философского вольнодумства, западничества, то поверхностного, то трагически влиявшего на разрыв с окружающей действительностью" [184, 122].

Формы и цели жизни многообразны, социальные и этнические культуры разнятся заметно. "То, как люди живут, думают, чувствуют, разговаривают друг с другом, какие носят одежды, поют песни, каким богам поклоняются, какую пищу едят, что принимают за очевидное, какие обычаи и привычки присущи им – всё это и создаёт различные общины, каждой из которых присущ особый "стиль жизни". Общества могут походить друг на друга во многих отношениях, но греки отличаются от лютеран Германии, и китайцы отличаются от тех и других. Мало общего найдётся в их стремлениях, страхах и молитвах" [36, 56].

2

Для нас живы, ибо смертны, прежде всего люди. Жизнь замкнута на личности, собственно волнует своя участь, – я, мы и всё, от чего зависим, ещё воображение, о чём беспокоимся. Что творится со мной, связано с иным, что нас окружает и касается, что за и над нами, сверх видимого, с нами, в нас, вовне, под и над нами – всё явлено жизнью, вечной и временной. Земное существование находится под покровом запредельных сил. Всё, к чему каждый приобщён и в чём участвует, есть всемирный ход, непостижимо заведённый задолго до нашего появления на свете. Мироздание таинственно сопрягается с малой и отдельной личной судьбой на Земле.

Живое существо занимает на планете пространство, отдельная жизнь ограничена временными пределами. У личности от рождения задатки, дар жизни очерчен программой, обозначен местом и ролью в сообществе. Сказываются условия существования, но в каждом поразительно отражён космос. Вращаясь во всеобщем потоке, человек как-то приобщён к глобальному единению и причастен к взаимосвязанному процессу бытия. Хотя никто не заметит всего, – проходя мимо множества вещей, которые не заденут внимания поглощённого иными интересами и предметами.

Жизнь не принадлежит одному субъекту, затрагивая коллективную, внешнюю, публичную, материальную и духовную грань общества. Мир человека – деятельность, волеизъявление, поступки, страдания, связи и отно-

шения, намерения и желания, мысли и чувства, интересы и потребности, вера и ощущение реальности, наследственность и преемственность – бесконечно шире и глубже, выходя за рамки эпохи и ограниченного культурного пространства. Трудно однозначно и законченно определить частное событие, немислимо, маловероятно, не отгадать. Наблюдая и понимая нечто, не раскрыть тайны назначения человеческой жизни – не объять всего, необъятного.

Существование человека и самочувствие зависят от обстановки, сложившихся условий, социального и семейного положения. "Жизнь – это семейные и общественные обязанности, это труды, затраченные на благо других людей, это не поддающиеся учёту жертвы, принесённые в дар времени, покою, имуществу" [244, 65]. Отвлечённое суждение оживят выдержки из рассказов реалистов и критиков устоев: "Временами Сашке хотелось перестать делать то, что называется жизнью: не умываться по утрам холодной водой, в которой плавают тоненькие пластинки льда, не ходить в гимназию, не слушать там, как все его ругают, и не испытывать боли в пояснице и во всём теле, когда мать ставит его на целый вечер на колени" (Л. Андреев). У каждого нагрузки и свои ощущения каждодневности. Нитьё – частый случай восприятия обустройства быта. Одни из миров "малы и тесны, другие необъятны, рядом с серыми и безрадостными появляются красочные, где звучат звонкие, весёлые голоса, в одних царит вечное ненастье, другие наслаждаются неизменно прекрасной погодой" [244, 177].

Всё важно в нашей жизни. Внедрённая в некую среду, она протекает в русле обстоятельств. "Интересная то была жизнь: целыми днями я толкался по кузнице, что-то мастерил себе и приобретал ценные сведения: сколько приданого дадут за той или другой девушкой-хуторяжкой; как узнать при покупке убойность охотничьего ружья; скоро ли будет война; как сделать так, чтобы понравившаяся тебе девушка не отказала; каким образом местный крестьянин, которого в Риге какой-то жулик пытался обмануть, сам того жулика надул" [364, 73]. То была тяжёлая жизнь "с пьяными драками, избиениями и растоптанным человеческим достоинством" [364, 93]. Кажется, "окружающая обстановка и скромная жизнь при кузнице в обществе крестьян не соответствовала нашей сущности" [364, 319].

Взять срез лагерной жизни – иные прелести и соблазны. "С утра до ночи Бутырки жили странной, трагической, но интересной и разнообразной жизнью. Стоило только утром сесть у окна и просмотреть серию камер на прогулке, чтобы почувствовать это. Во всех окнах, выходящих во дворик, мелькали лица, из рядов прогуливающих всё время раздавались отрывочные возгласы. Многие переговаривались на пальцах. Один раз Павел видел, по-видимому, настоящих специалистов по разговору при помощи рук" [11, 142]. В лагере для советских военнопленных тоже борьба за выживание. "Он замолк и больше не сказал нам ни слова... Дотянул он до Рождества. О

его смерти мы, соседи по нарам, никому не говорили два дня, чтобы получить на него рождественскую порцию баланды и кусок чёрного мёрзлого хлеба. И это называлось жизнью" [85, 158].

"Первый раз я увидел, что жизнь человеческая – не долговечнее травы. На глазах цветёт и вянет. Завтра может быть это со мной, с каждым из нас. И думалось: "а дальше что после смерти? Вдруг обнаружится, что есть загробная жизнь, есть наказание за грехи?" [85, 144]. Тревожное религиозное сознание беспокоит многих. "Пение незнакомых мне людей будило во мне какие-то воспоминания, трогало сердце, напоминало о существовании иной, неземной жизни" [85, 111]. "Хозяйка не сделала меня религиозным человеком, но вызвала во мне интерес к духовным вопросам, зародила сомнение, что душа человека смертна, что нет загробной жизни. – Кто-то есть выше человека, – думал я" [85, 117]. "Эти верующие выдумали всякую там посмертную жизнь... Жизнь и сознание просто физиологический процесс. Прекратился процесс и всё кончится" [11, 113].

"Этого я не боюсь, Иннокентий. Воду таскать, дрова колоть, в земле копать, если в меру – нормальная человеческая жизнь" [307, 460], – это из доверительного разговора эзков в шарашке. А вот уже возвращение литератора из Магадана в родной город, после долгой отсидки в ГУЛАГе: "Пока я лечу на Большую землю, и вся моя душа не просто раскрыта, а настезь распахнута навстречу ватным облакам, перламутровым струям воздуха, шальным искрам, рвущимся из-под самолётного крыла. Навстречу тому полузабытому, желанному, виденному в далёких снах, к тому, что называется жизнь" (Е.Гинзбург. Крутой маршрут). Попробуй разберись тут, что же названо жизнью, в переосмыслениях какие-то обрывки чувств, видения и образы.

Всё только похоже, но разное: жизнь и люди, вес мысли и понимание, отношение и оценки, следовательно, значение и значимость слова "жизнь". Каждый по-своему что-то понимает, угадывает и улавливает в случившемся с ним лично и происходящем вокруг с другими. Субъективное отношение к себе, к окружающим и обстановке сказывается на общих оценках действительности, однако всё то далеко ещё не определение жизни, хотя бы в малой степени достоверное и достаточное. Так как жизнь необъятна, почти всё, что можно представить, то для понимания и определения важно установить иерархию ценностей, что в ней прежде всего, в первую очередь, что для нас необходимо и неотвратимо, что побочно, допустимо и возможно.

Не разобравшись, легко заблудиться и запутаться в мыслях и высказываниях о среде обитания, о первоисточнике существования мира. "Советское бытие приучило каждого обязательно прятать всё то, что составляло подлинного его самого и подлинную его жизнь: взгляды, убеждения, мысли, слова, прошлое, ненависть, надежды" [222, 236]. Смертным заказано познание тайны существования. "Бог дал вам жизнь, а вы превратили её в

муку. Зачем? Неужели вам легче жить, мучаясь?" [222, 272]. Иной раз в человеке просыпается совесть и беспокоит сомнение: "кто кого формирует: жизнь человека или сильный благородный человек – жизнь!" [307, 345]. Она как-то да зависит от самого человека: "проживёт ли он её счастливо – дело Божие, а вот проживёт ли он её достойно – плод его собственных усилий" ["Новый мир", 1991, № 9. С.255.].

3

Многое замечается в среде обитания, сказано всерьёз и в шутку придумано разное об окружающем, – но не удаётся определить жизнь всеобъемлюще, в целостности. Вот ещё производное значение, без которого нет полноты понимания слова "жизнь". "Вся война, стоившая миллиардов народных денег и полмиллиона жизней, началась благодаря корыстолюбию и алчности некоторых русских бюрократов" [282, 84]. В книге экономиста М.А.Рейснера о русско-японской войне 1904-5 годов "жизнь", единица исчисления массы населения воюющей стороны, значит то же, что "человек", или "душа", первостатейный людской ресурс государства. Когда речь касается сражений и жертв, потерь "в живой силе", полезно вспомнить, что жизнь солдата "гениальная частность" [200, 196], а не "частный случай каких-то правил" [200, 100].

Экономист рассматривает мир по-своему, с его позиции правомерно, что "жизнь есть безостановочный хозяйственный процесс, протекающий в напряжённом труде" [64, 138]. Суждение, вытекавшее из социологического осмысления предмета, связано с толкованием слова, хотя и без ответа по сути, что есть жизнь. Эта учёная цитата не больше определение, чем следующие утверждения: "жизнь – это прекрасный процесс созидания идей, накопления красоты и мудрости, неустанного творчества новых форм, процесс таинственный, глубоко интересный и радостный" [103, 383]. Тем более таких формулировок, как "жизнь есть колебательный процесс между хаосом и порядком. Порядок часто бывает опаснее хаоса" [171, 7]. Легко заблудиться в ритуальных "определениях", ни за что не отвечающих по существу.

Всё читаем разнообразную литературу и усваиваем чужие мысли. "Жизнь сама по себе – ни благо, ни зло: она вместилище и блага и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили её" [215, 77], – казалось бы, можно согласиться с этим. Многие столетия моралисты обеспокоены вопросами нравственной ценности человеческой жизни. Вот что Н.Ф.Фёдоров писал в 1897 году В.А.Кожевникову: "Но Ницше стал хуже всех мистиков, ниже всех эпикурейцев, когда признал такую безусловную ложь, что "жизнь, по самой своей сущности, есть нечто безнравственное". Очевидно, он не понимал ни жизни, ни нравственности; и жизнь, превращённая из рождённой в трудовую и потому бессмертную, есть высочайше нравственная"

[349, 642]. Мироззрение разное, потому понимание ценности этого "не-что" никак не может стать бесспорным.

4

Учёные и гуманисты с мировым именем пришли к выводу, что "ни одна наука не в состоянии сказать, что такое жизнь" [381, 217]. Попробуй угадать, в чём смысл жизни? Просто мы живём на Земле – и, кажется, в этом всё, весь фокус [307, 48]. Отвлечённой высказывается другой современный философ, подчёркнув, что "проблемой жизни является сама жизнь" [199, 465] "Жизнь автономна. Она ни для чего. Она сама по себе. Так же как цветок, вместо того чтобы кого-нибудь радовать, он сам по себе" [199, 128]. Действительно, жизнь – не задача, которую следует решать: "Жизнь нужно проживать как можно умнее и компетентнее, день за днём. Жизнь – это то, что мы должны выносить. Для неё не может быть решения" [221, 41]. Она всё ещё слишком таинственна и значительна, чтобы стать разрешимой проблемой какой-то науки.

О непознаваемости жизни заявляла Е.П.Блаватская, ссылаясь на высказывания европейских светил, в частности на проф. Катрефаж: "Совершенно справедливо, что мы не знаем, что есть жизнь, но мы также не знаем, что есть сила, приводящая звёзды в движение" [56, 603]. Проф. Биль, известный физиолог, в своё время писал: "Жизнь включает тайну – тайну, глубина которой никогда не была измерена и которая оказывается более глубокой, по мере того, как мы вникаем и углубляемся в изучение феноменов жизни" [56, 604]. Хотя наука не знает и не может дать ответа на вопрос, для чего жизнь и почему существует мир и человек, тем не менее ощущение того, что человеческая жизнь полна непреходящим смыслом, пронизывает современную культуру и обращает нас к религиозной философии бытия.

Человеческая жизнь, отражая запредельный мир, относится к числу самого непонятного. Хейдок в каждой жизни усматривал лишь урок к постижению тайн бытия, полного безбрежности и бесконечности духа. Зачем живёте? – заостряет вопрос Агни-Йога и отвечает: "Чтобы познавать и совершенствоваться" [364, 309]. Истинно, только мощью мысли творится жизнь [364, 279]. "Представьте себе, что есть единица чувства или единица мысли, которая реализуется, и чтобы она реализовалась, нужна жизнь Платона, ваша, моя, а реализуется лишь единица одного ощущения, одной мысли" [199, 131]. На вопрос, что такое жизнь, Мамардашвили отвечал по-разному. Живое отличается от мёртвого тем, "что оно всегда может иначе, быть живым – это быть способным к другому" [199, 204]. Или "жизнь – это способность быть другим" [200, 297].

Жизнь, "ощущение себя живым" [199, 155], означает продолжение и интенсивность её. Любовь и поцелуй матери развивают ощущение напряжённо-

сти чувств, впоследствии доступных человеку, связанных с волнением и вызывающих радость и понимание. Ощущение жизненной напряжённости есть жизнь, "остальное всё вне жизни" [199, 171]. Ещё "условия, на каких мы, в качестве живых и пытающихся сохранить себя в этом качестве, можем вообще из-за чего-нибудь взволноваться, что-либо полюбить, возненавидеть, понять, найти, потерять и так далее" [199, 129]. Не делается исключения "воображаемой жизни, складывающейся из чтения, из общения с искусством, литературой и так далее" [199, 128]. Жизнь есть нечто хрупкое и опасное, "что мы признаём, пребывания и дления чего мы желаем, и единственное, к чему мы стремимся, даже когда живы" [199, 127].

То, что обнаруживаем, открываем, используем, – находится в этом мире. В определённом смысле жизнь – тот же мир, во мне и вокруг, встретишь видимое и невидимое, не перечислить. В жизни всегда что-то нужнее и важнее. Приходится искать, уточняя, главное и необходимое. Для верующих Дух святой – первооснова жизни, принимается как аксиома. На языке Библии еврейское слово "руах" и греческое "пневма" означают мощь, бурю, ветер, ураган, дыхание. А.Мень затвердил: "дыхание – это есть жизнь" [208, 193]. Для каждого из нас во всём есть существенное и несущественное, первостепенное и второстепенное, разные ценности.

А вот в стиле В.В.Розанова: "Жизнь. Она начинается там, где в существах возникают половые различия; и эти последние начинаются там, где появляется жизнь. Растения – и те не лишены пола, но совершенно лишены – камни. Глубоко поэтому, и как бы выявляет мысль всей природы, наименование подруги первого человека "Евою", что значит одновременно и "женщина" и "жизнь": т.е. указывает, что "женщина" – это и есть "жизнь", что в её половых отличиях, и соответственно, конечно, в половых различиях её друга, и лежит тончайший субъективный нерв жизни. Но полнее и отчётливее – что же это такое?" [286, 164].

Происходящие в мире пространственные перемещения и качественные изменения, не исключая возникновение, зарождение, появление, рост и гибель всего живого и человеческих сообществ, связаны со временем как условием движения, изменения и развития, формой протекания механических, органических и психических процессов [95, 110]. "Жизнь есть бесконечный процесс, и именно процесс становления жизни делает историю" [238, 260]. Жизнь ассоциируется с разными понятиями: с волей к жизни, тягой, стремлением, интересом, напряжением, энергией, активностью, деятельностью, любопытством, любознательностью, любовью, страстью, одержимостью, борьбой, неукротимостью, одухотворённостью, упованием, надеждой и мн. др.

"Вера есть жизнь" [208, 453], без неё нет человека, – к такому выводу склоняются возвышенные умы. "Жизнь – это сознание, скрытое в теле, ко-

тому свойственны целеустремлённость и целенаправленность" [238, 55]. Для Ницше "жизнь – это сила, чтобы расти, чтобы развиваться" [238, 116]. Согласно Дильтею, "жизнь есть человеческий опыт, который всегда выражается и проявляется во внешнем мире" [238, 260]. Все ценности, что имеем, теряем, потому "на жизнь можно смотреть как на цепочку постоянных потерь" [172, 135]. "Жизнь, по Сологубу, – это капли, продаваемые подозрительным армянином: "Каплю выпьешь – фунт убудет. Капля – фунт. Капля – руб. Считай капли, считай рубли" [30, 382]. Для кого жизнь превратилась в игру или стала "полем для исследований" [172, 160]. Для другого жизнь – партия в шахматы [172, 16-7].

Очевидно, есть разные подходы к жизни: не только радостный, светлый, но и печальный, трагичный. Ещё безразличие, равнодушие, упадок, вялость, отрешённость, спокойствие, нирвана – люди всякие, отсюда и соответствующее мировосприятие. Хотя сама жизнь во всём многообразии превратностей выступает "в роли тестовых ситуаций, раскрывающих и обогащающих человека [221, 174]. Выходит, никому никак не удаётся дать строгое и обобщающее определение жизни, бесконечно многообразной в проявлениях, по природе противоречивой и разноплановой.

В современной науке нет определённого объяснения и вряд ли возможно одно универсальное понимание жизни или того, что это на самом деле, как и того, что означает и как используется в русском языке (и других языках) это слово. Тем не менее, окружающий мир, внешняя и внутренняя жизнь человека, деятельность и взаимоотношения издавна привлекают к себе интерес мудрецов, которые стремятся разобраться в действительности, чтобы понять и объяснить себе и другим как всё то, явно происходящее у всех на глазах, так и скрытые процессы жизни, протекающие подспудно и незаметно.

5

Характеристика предмета, способствуя выявлению отличительных черт, сама по себе ещё не определяет понятия. Каковы социальные отношения в обществе и что такое жизнь – по сути разные вопросы, пусть как-то смыкаются. "Жизнь – борьба рабов за свободу и господ за власть, и она не может быть мягкой и спокойной, она не будет доброй и красивой, пока есть господа и рабы!". "Жизнь не будет справедливой и прекрасной, пока её владыки развращаются властью своей, а рабы – подчинением... Жизнь будет полна ужаса и жестокости до той поры, пока люди не поймут, что одинаково вредно и позорно быть и рабом и господином" (М.Горький. Тюрьма). Нравственные оценки социального устройства жизни, природы общественных отношений и неравенства постоянно перевешиваются и уцениваются.

Попробуем вникнуть в предлагаемые ответы – всяк судит по-своему, и в массе рассуждений сплошь разногласие. Для людей заурядных, тем паче для

мудрецов, бьющихся над "смыслом", вопрос жизни спорный и сложный. Философы из простонародья и учёного сословия приходят к религиозному осмыслению бытия, по сути не достигая знания того, что такое жизнь, как и того, что есть бог. Не огонь, не любовь, не космический мир, – может быть, вечность? Подобная рокировка заглавных фигур при определении понятий – ход не без лукавства, оставляет недоумение. Бог, вечность и жизнь завязаны в узел в нашем представлении: одно вытекает из другого, то ли некие перевоплощения, триединства непознаваемая сущность мира (космоса).

Мир безграничен, "в составе космоса есть всякое – звёзды, пыль, планеты, атомы, жизнь, искусственные предметы "второй природы", коллективные сообщества, следы их преемственности – всё, о чём мы можем постепенно узнать и зафиксировать в языке" [200, 9]. Пусть удастся людям что-то отгадать в жизни, нечто раскрыть в ней, нет шансов определить и исчерпать всё. Не вообразить жизнь отдельно, саму по себе и самодостаточную, не уразуметь, охватив взглядом всю, реализуемую "на многих точках пространства и времени", не уявить в чистом виде запредельное свойство созидającego духа. Нет лучшего уразумения сущности жизни, можно выбрать определение, а потом без конца спорить, сравнивая варианты, вокруг и около.

В строчку не возьмёшь, не схватишь живую мысль, тем паче чувство, эмоцию, – не даются, выскальзывают, утекают, не живут и не держатся в заключении слов, в клетке высказываний. Мысль, как жизнь своенравная, – в столкновениях, в спорах, соперничестве и противоборстве, не застылая и затвержённая фраза, но преодоление привычной привязки, отрицание пошлой рутины. Пока жива, она дышит, дыхание – не эпизод и шаг, лишь вдох или только выдох, отдельные стадии, а механизм обмена и насыщения организма кислородом, постоянный труд, взаимодействие разных пространств, организма и среды, не машина, а деятельность, тут объёмы, скорости, ритмы, не просто случай удивительной человеческой жизни.

Одно дело воплотить в слове чувственное восприятие и настроение, ощущение живого тела и одушевлённой материи, иное построение и назначение у мысли отвлечённой и умозрительной. Словами не опоясать полностью, от начала до конца, весь пройденный путь. Тут и далее откровения из религиозной философии А.Хейдока: "Жизнь стала как-то обостряться, зародыши событий, которые где-то прозябали в каком-то кукольном состоянии, стали быстро развиваться, принося нам горе или радость" [364, 46-7]. "С высоты палубы "Pluto" жизнь реки развернулась передо мною, как кинолента, как постановка в чудовищно большом театре, но с реализмом, превосходящим даже Московский Художественный" [364, 56]. "Это была жизнь, тесно переплетающаяся с природой, жизнь вблизи прекрасных озёр, лесов и холмов и много в ней звучало песен" [364, 325].

Вся жизнь – чудо из чудес, сокровенное, непостижимое, непознаваемое, недоступное. Включив сознание, – что-то приоткрываешь, о чём по ходу дела догадаешься, преодолевая тупики и препятствия. Пока размышляешь и длится процесс, в нём сомнения, перебираются точки зрения, сталкиваются мнения, взвешиваются версии, согласуются варианты осмысления. Разумение и творчество удивительны, как и приобщённый к таинству субъект, понимающий и творящий. "В подобных мирах из тонкой материи, или в тонких мирах, протекает человеческая жизнь до рождения" [364, 262], но у нас "отсутствуют те органы, которые могли бы воспринять тот диапазон волн, в пределах которого бушует жизнь определённых слоёв материи" [364, 375].

Сложно предложить приемлемое определение, если брать предельную и чистую отвлечённость понятия, – придётся перебирать частные случаи и разнообразные проявления. У каждой науки особенные интересы и свой предмет, аспект действительности. Философы занимаются поиском законов и общих характеристик жизни. По-своему вникают в духовность литераторы, художники, музыканты и пр. Исходя из собственных возможностей, каждый хочет понять, если хоть что-то. Обыватель употребляет слово "жизнь", говоря о себе и окружающих, большая тема. Политики, манипулируя человеческими запросами, играют на том же. Церковь издавна занимается вопросом земной и запредельной жизни. Человеческий быт – конёк моралистов всех мастей, кто только не учит других правилам поведения.

6

Внешне жизнь людская обычно складывается из лет. Не случайно говорят: "Важный год в жизни поэта". Или словосочетание "годы жизни". С одной стороны, бездонная пропасть времени заполняется чьими-то существованиями, то ли, наоборот, годы, словно кирпичики, составляют здание жизни человека. Она охватывает протяжённость времени, как правило, измераемую днями, месяцами, десятилетиями, веками. Жизнь – продолжающаяся, текущая – имеет длину и пределы. Есть начало, потом дрящущая и растущая сердцевина, продолжение, и окончание. Вне рамок этой конструкции ещё и вовсе другие горизонты, до и после самого отрезка времени жизни, предшествующие и последующие, неограниченные просторы бесконечности. Реальность теряется, растворяясь, в идеальном пространстве.

Наблюдается удивительное совмещение планов и масштабов: жизнь вообще, отвлечённо, и личная жизнь особы. Такова диалектика смысла, общего и частного. Разные грани осмысления жизни могут быть в согласовании, в гармонии или в столкновении и противоборстве, огромное множество противоречий в их отношениях. Зависит и от малого – личности, и от большого – всеобщего, надличностного, судьбы, рока, космоса, Бога. Между этими уров-

нями ещё какая-то третья связь и сила, промежуточная стадия, столь же непонятная, как, например, жизнь общественная, сословная, национальная и пр.

У жизни есть адрес, география, прописка. Где-то происходит, в определённой среде случается. Азия, Европа, Африка, Америки и др. – особые миры и материка. Разные люди и жизнь, интенсивность и качество, культуры, традиции, общественное устройство, психологии. Жизнь "взаперти" – условия, обстановка, порядок. Словосочетание уточняет смысл, просветляет тот или иной разворот семантики, такова роль текста. Провела жизнь, прошла жизнь, предстоит жизнь, жизнь впереди, в прошлом, на всю жизнь, раз в жизни, оставшаяся жизнь – некий отрезок времени, отмеренный человеку, история, воспринимаемая сквозь призму существования.

Жизнь рода, клана, сословия, нации, расы, человечества. Всякие субъекты могут включаться или объединяться в одно целое, в сообщество, в племя, как в стае, в рое, в стаде. Ср. также село, город – тоже некое единство, в чём-то разнородное, но взаимосвязанное, с внутренними отношениями и зависимостями. Не говоря уже о семье, там корпоративность – структурное начало и целое. Взаимная поддержка нужна изначально, она конструктивна, несущая часть целой конструкции, выживание и продолжение жизни обеспечивающая.

Для поддержания жизни важный момент и компонент – еда. В ней заложена тонкая нить связи естественного и социального начал. С одной стороны, естество зависит от природы и географии, в то же время культура человеческого пропитания, великое искусство и выдумка. Накормить себя – первостепенной важности вопрос, часто это трудно. От качества и количества корма зависит не только продолжительность жизни, но и её наполнение, уровень, состояние, стандарт. Еда – не только необходимое занятие, но и любимое. Жизнь не исчерпывается едой, но без неё нет жизни.

Что ещё в жизни, кроме еды? Всю жизнь регулярно едим, спим, двигаемся – таково требование физиологии. Социально-экономический план – заработать средства на продукты и пищу, вообще на жизнь. Работа и заработок составляют важнейшую часть жизни, по времени и усилиям. Жизнь предполагает деятельность, чувство, осознание и ещё, сверх того, иное. Следовательно, в отличие от физического механизма и предмета, жизнь в деятельном состоянии организма, рабочем и работающем (также и организации, предприятия, учреждения, природного пространства, всего, что в сознании сопрягается и связывается с одушевлённым человечеством).

Общаемся – это социальный план жизни. Раскаиваемся, молимся – метафизика жизни. Думаем, размышляем – это и природа, и культура. Сочиняем, творим, изобретаем – творческий, сугубо человеческий план, он над физиологией. Жизнь – сложный процесс, чтобы состоялся, проходил, осуществлялся, имел место, был – нужна энергия, подпитка живого организма. Топливо

получают извне. Как мы поддерживаем жизнь? Что мы делаем всю жизнь? Здесь жизнь не одно, а разное. И ещё есть, только приходится искать, не просто разделить связь. Есть элементарные и более сложные формы жизни.

Окружение, партнёры, дороги, путешествия, пропитание, отношения – всё в одной связке. И дружба, друзья, дружелюбие, любовь, чувства, занятие, дела, без чего человек не обходится – также важные сферы жизни. Конечно, связано и с отрицательным – враждой и пр. В общении находят смысл и интерес, испытывают потребность. От него получают впечатления, удовлетворение, радость, веселье – энергию. Для государственного человека карьера становится особой ценностью, движение по служебной лестнице чиновника и как следствие его благополучие, вознаграждения, повышение уровня социального положения и материального состояния – во многом зависят от начальства, их целая пирамида, на вершине царь-батюшка.

Дикость, варварство, цивилизация и современное общество, т.н. формации, стадии и формы общественного, социально-экономического устройства, что пройдены человечеством в ходе исторического развития и доисторического существования – всё это тоже как бы жизнь.

7

Орлята учатся летать, актёры учатся играть, на сцене новой истории длится вечный спектакль, коловорот призрачных самоопределений и перевоплощений, тщетные пробы познания и разрушительного творчества в преобразовании природы, без благословения, видно, нет святости найти точку опоры и ориентиры со-творения. Смертный обречён трагически быть втянутым в тотальную истерию или психоз выживания, человек обыкновенно захвачен суетой соперничества, чувством разрядности и первенства, быть может, он уже заранее и стратегически предназначен на должность, как бы закодирован мистически в дьявольской конторе кадрования населения владений. Чужих ли, отчуждённых?

Извечная сеть отношений задана, остаётся усвоить и затвердить урок. Есть предопределённость, или судьба, у каждого какие-то задатки, склонности, случайность, везение. Случай случаем, удача удачей, самочинство, дерзость, самостоятельность в историческом русле традиций, обычаев и обрядов, независимость личности и свобода, состояние общества, столь условны и относительны, хотя разного достоинства и качества. Наивные люди и мудрецы, чёрные массы и сиятельные царедворцы – все окольцованы без исключения. В фатальной обречённости людства иной раз почудится демоническая сила, по-разному можно называть злых духов, по-всякому относиться к демонам, нельзя отменить причину и первородство далёких и глубоких миров. Вроде бы очевидные, подобные средства – самые ухищрённые и изворотливые приёмы, обманчивые и неуловимые духи.

Словно духи рыщут по Земле, ищут что-то там и тут, смыслы, замыслы, умыслы, теневые схемы. То воплотятся и упрочатся, то наполнятся и исчерпаются, то перемелются и пылью носятся где-то. Разные идеи возвращаются, обращаясь к тебе, в конце незаметно отходят куда-то, провал в бездну бессмыслицы. Естественно, автор подыскивает название для книги, как и для глав и разделов. Разбираясь в том, как разные люди представляют себе жизнь, приходится всё больше убеждаться, что к единой оценке "судьбоносной случайности" всем им никогда не прийти и не приблизиться. Нет сил осмыслить, не определить тайны.

Как вам кажется, можно ли понять и узнать, что такое жизнь? Когда и какую? Кого же и как заинтересует, каковы подходы, средства, способы и техники знания? Согласуются ли в какой-то мере разные суждения о ней, чем объяснить расхождение взглядов или сходство точек зрения? Ведётся ли речь об одном или о разном, всегда ли разъяснение в одном ключе и стиле или их множество? В какой мере язык помогает в определении предмета или отвлекает от решения вопроса? Что же там, в жизни, из чего состоит, как к ней относимся? Любим, благословляем, поэтизируем, славим, иные, не одни неудачники, её клянут.

О жизни задумывались многие, каждый понимает по-своему, в разной связи. Темы касаются глубже старшие, надо дозреть до мысли. Глубина осмысления – дело чуткости и философии. Нельзя охватить взглядом всё разнообразие форм, жизнь суетна и многолика, необъятна и бесконечна, как вечный двигатель, много всякого самого разного, не определить в целом. Мир так велик, что не обозреть, несоизмеримы величины конечные и бесконечность. Приходится понимать порознь, частями, по фазам и граням, в силу способностей, начиная с того, что в данный момент больше всего и больно тебя касается.

Есть простые и сложные системы организмов, видов и форм, своего рода целостность и разнородно-связанное объединение, там тесные отношения подразделений и взаимозависимость частей единства. Род, клан, сословие, племя, нация – в человеческом сообществе. Стая, рой, стадо – в животном мире. Или селение, город, страна – уже в ином измерении. В семье, корпоративной ячейке общества, иерархия и взаимная поддержка конструктивны, составляя изначальную основу конструкции, для выживания и продолжения "корпорации" необходимую. Собственно, всевозможны организации жизни.

Чтобы процесс жизни состоялся, проходил, осуществлялся, продолжался, – нужна энергия, подпитка тела и духа. Топливо получаем извне. Мы постоянно поддерживаем жизнь, приходится что-то делать всё время. Жизнь не одно, а разное. Общение – социальный аспект жизни. Думаем, размышляем,

сочиняем, творим, изобретаем – это природа и культура, творческий и сугубо человеческий план надстройкой над физиологией. Раскаиваемся, молимся – и вовсе метафизика, держится как-то выше крыши. И ещё что, приходится искать. Не так просто собрать и разделить связи в и вокруг жизни.

Человек является в мире, родится, чтобы остаться и быть, может проявить способности, какое-то время проживая "свой век". В пути сойдутся путники, они соучастники, союзники, соратники, соперники. Ученики со-обща овладеют навыками, привыкают, делятся опытом и знаниями. Окружение и среда, пропитанная трудностями, научат поведению, подскажут мудрости. С кончиной завершится роль, сойдёшь со сцены, из пространства, где затеян спектакль. Жизнь, словно магическая летопись, – придёт время, скрижали перельются в историческую память. Хронологические рамки и внутренние пороги могут обозначить разделы биографии.

У каждого своя доля. Это прожитые годы, количество лет, месяцев, дней, протяжение, а также и качество жизни, благополучие, удельный вес счастья и несчастья, удовольствия и неудовлетворённость. Своеобразен и индивидуален для разных лиц смысл жизни, насыщенность, продуктивность, успехи и достижения в частном и общественном. Живая личность – в ней способ обнаружения души и проявления чувств, страстей, мыслей. Дело не в том, что у кого жизнь долгая, у кого короткая, но в разном содержании, наполнении и ценности земного существования. Пока ясно одно: "и неотвратим конец пути", разрыв земных и будничных связей.

В своё время открываешь много увлекательного и притягательного, встретишь добро и благо. Хотя в жизни хватает соблазнов и неурядиц, тем не менее, вокруг не только скука, рутина, косность, низости. В разные годы человек находится под влиянием и очарованием дружбы, приятельства, супружества. Молодость игрива и подвижна, любознательна и доверчива, не случайно сверстники вызывают особый интерес. Общение развлекает, развивает, насыщает новыми знаниями, привычками и впечатлениями, в то же время встречи и деловые контакты без меры могут и утомлять, разочаровывать, обманывая надежды.

Если личность проявляется в творчестве и труде, то это подвиг, горение, огонь, бой, битва, экстаз. В широком охвате жизни главные ценности в сфере чувств: наслаждения, любовь, вдохновение, ощущение свободы, это значимо и запомнится. В ней всё, что только можно представить, но нет сил, чтобы перебрать многообразие и перечислить формы и виды. Быт, досуг, отдых, развлечения; работа, учёба, служба; путешествие, дружба; вражда, конкуренция. Случаен перечень узлов и граней в жизни человека. Что находим, хватаем, глотаем, – лишь сколок, наживка, некий кусочек бытия, островок необъятности.

В механизмах и процедуре жизни можно выделить структурные блоки: деятельность и соучастие; уже в процессе их – участников, или актёров; за этим планом сценарий, далее роли, согласованные и дополняющие друг друга; там школа, мастерство исполнения и стиль игры. Во все детали и общие связи ответственного механизма жизнедеятельности заложены принципы приспособляемости и заменимости, избыточной и строго системной упорядоченности узлов. По определению, жизнь является процессом, отличающимся прочностью, устойчивостью, долгосрочностью. Хотя длительность относительна и, говорят, вовсе не главное.

Целостность жизни обеспечивается и укрепляется такими особенностями репродуктивности, свойственной живым организмам, как подражание, сходство, подобие, они характеризуются как повторяемостью, так и изменчивостью, им присуща стадиальность роста и ритмичность. Отсюда многообразие, множественность, многократность. Как бы ни подражали один другому в быту, ни повторяли друг друга в повседневном поведении, мышлении и рассуждениях, всякий раз в личном восприятии и объяснении жизни неизбежно скрывается свой особенный оттенок, или личный путь, смысл и образ.

Игра фантазии, весёлые придумки, прелесть, искушение, прельщение искусством – на фоне однообразия в распорядке рутинных будней – особенный стиль жизни, более высокой и качественной, нежели просто существование. Исключительный и краткий миг, пик вдохновения и воодушевления, взлёт, подъём восторга и напряжения, взбудораженность духа, опьянение, буйство – и за всем тем яма, падение напора, стылость равнодушия. Пусть скука жизни сама по себе утомительна, вдруг является любопытство и просыпается страсть и азарт действия. В межах полюсов стояния своя периодичность, дыхание, смена фаз и вех.

Много чего в наших пределах, с чем жизнь сопрягается и смыкается – речь, понимание, знание, названное, постигнутое. А по ту сторону жизни что-то невнятное: мрак, ничего, бездна безмолвия или же в той пустоте чужие голоса. Попробуйте исключить "хаос" из того, что больше непознанности, что над жизнью и не-жизнью. Всё мыслимое, так или иначе, отражение, представление широчайшего охвата, большой важности, звучания и веса. Надо означить масштабы, ограничить объём понятия, без определения трудно договориться. Или и эта – жизнь, и та – жизнь?

Важно увидеть и раскрыть, что называют жизнью, но не вдруг осознаешь всё разом. В целом сложный узел представлений, следствие охвата и обобщения важнейшего, с чем вовне и изнутри связано действительное существование – всё, что вокруг и в тебе. Жить – то же, что быть, иметь, находить, являть и представлять собой. Обо всём мироздании во всей совокупности отношений и во всеединстве, что сейчас и всегда во взаимодействии и зависимости, в пространстве и времени, существуют живые системы

и предметы во взаимосвязи. Ничего, кроме всеохватной системы жизни – сплошь космология, да одна биология с биографией.

В сознании жизнь связывается с много чем случайным и неопределённым: долгом, обязанностью, ответственностью, наказанием, даром небесным, авансом или незаслуженной наградой. Предстает также как нечто, вызывающее восторг, восхищение, что притягивает. И волшебное, мистическое, непостижимое, сверхъестественное, космическое (энергия), одушевленное и одухотворенное. Жизнь по происхождению, по качеству, по назначению, по форме и облику – всё разнородно-многообразно и в то же время как бы одно, общий сбор представлений. Не исчерпать и не объять окончательно отвлеченную жизнь-понятие.

Жизнь – свойство и признак живого мира, не только лишь человека, но поколения, даже в целом человечества. Она присуща всему живому. Живут по-своему и своей жизнью на Земле различные животные, растения, микробы. Организмы существуют в природе, их окружает неорганическая и духовная среда обитания и существования. "Рескин говорил о тайнах драгоценных камней, о клубящихся весенних облаках, о жизни деревьев, цветов, трав, говорил со страстной любовью, которая без малейшего усилия переносилась от полей и садов к расписанным холстам, смешивая дела рук человеческих и творения природы в едином преклонении" [244, 459].

2

Начнём с того, что всеобщая природная жизнь не в последнюю очередь связана с божественной тайной сотворения света и таинством порождения действительности. Как и с чудом постоянного и последовательного воссоздания и воскресения. Порой (значит, отнюдь не всегда) вся жизнь, первая и вторая тоже, кажется иллюзорной и чарующе прекрасной. "Несказанной прелестью дышали картины (Берн-Джонса), полные цветов и птиц, где жизнь во всех её видах таилась в ветвях, в складках одежд, в развалинах, словно всё это изображало только май – пору песен и цветения" [244, 471].

Чтобы вникнуть в суть, прежде знакомятся, в чём именно проявляется названный смысл. "Жизнь – это семейные и общественные обязанности, это труды, затраченные на благо других людей, это не поддающиеся учёту жертвы, принесённые в дар времени, покою, имуществу" [244, 65]. Как будто определение, в самом же деле нет предмета. Устанавливается причастность отдельных проявлений к общему имени. В жизни встречается и горе, и радость. Можно иной раз назвать одно другим, используя перенос. Однако горе – это горе, радость – это радость, а жизнь – иное. Различаем конструкции: В жизни есть нечто... / Жизнь есть нечто...

Иной раз не без основания подчёркивают, что суть жизни в наполнении, в содержательности и напряжении. Хотя в действительности она часто

вялая, обременительная и бессмысленная. "Все они познали полноту жизни в её обязанностях, задачах, успехах, бедах: были мужьями, отцами, любовниками, солдатами, гражданами, мирились с трудностями своей должности, не отказывались от назначений, подчас неприятных, были готовы служить родине в качестве её представителей за рубежом, не жалели времени, иногда на годы забрасывая творческую работу и добросовестно выполняя другую, как этого требовали от них обстоятельства" [244, 73].

Чем больше работаю с книгами, перебирая чужие высказывания, переваривая тексты, тем хуже понимаю, как решить вопрос и ответить, что для нас жизнь. Не сам ставлю окончательно проблему, собирая ответы и суждения других относительно жизни. Контекстов накапливается самых разных – и уже не согласовать точки зрения. Всякие там мнения и предпочтения, понимание же субъективно. Понятие – не конечный результат или вещь, а отношение в процессе нескончаемого диалога, соперничества и сопереживания. Всегда есть люди, которые хотят пойти дальше и понять иначе, вмешиваясь в спор.

На первых порах нет ясности и определённости, потом проясняется и уточняется позиция, подход зависит от расположения. Чтобы описать и охарактеризовать жизнь, нужны слова (средства). Обычный язык, не музыка, слишком ломок и несовершенен для отражения мелодии мышления и чувств. А тут ещё и ясной мысли, оконченной и определённой, всё нет, как нет, только поиск в переборе множества каждений, в потоке вариаций осмысленности. А фразы тоже ведь обладают своим изяществом и стилем, у мастерства и искусства нет предела, не может быть окончательности. Как бы напоминают и отражают собой ту же жизнь.

Сколько ни думай, ни читай – не понять всю жизнь и не определить, что это. Чем шире охват сведений и больше объём представлений, тем дальше от окончательного познания, от однозначности и сути понимания многообразия. Не скажешь, достижима ли сердцевина, главный стержень понятия. Жизнь – такой замысловатый конструкт, в котором сложно соединено разное. Всякий раз речь касается иного плана, близкого и сходного. В конкретной жизни бесконечно разнолико воплощение, она мгновенна и непостижима. Возможно столь же много приблизительных определений, непонимания и формулировок жизни.

Жизнь (и человека) сравнивают с книгой, есть сходство. Она "пишется" на чистом листе создателем. Каждый из нас, так или иначе, автор – участвует в создании истории собственной жизни. В какой мере "собственной", зависит от воли, характера, установки и обстановки. В разном возрасте по-разному ощущается скоротечность жизни. В детстве вообще не развито чувство времени. В суеде молодых лет и в зрелости, вкушая радости, не до философских раздумий. Страшно ощущаешь движение времени и панику-

ешь после пятидесяти. Приходит с опытом мудрость. Постепенно к концу успокаиваешься, отходишь от суеты страстей.

Тот или иной язык (украинский, русский и др.) не случайно так похож на жизнь. Тем, как продолжает постепенно складываться и развиваться, совершенствуясь, наполняется всё новым смыслом, усложняется и упорядочивается. То есть растёт, достигая когда-то своего естественного завершения. Жизнь и язык (связаны) выходят из семени, развиваясь, проживают историю, созревая, дают плоды. Наблюдая, можно уловить разнообразие обликов и смену ступеней развития. В совокупной целостности они всегда идут вместе и рядом. Суть нации как популяции – в становлении, полном объёме и осуществлении заповедного смысла.

Видимо, оказался слишком дерзким план обнаружить таинственную силу и сущность жизни – не объять взором всю Вселенную. По целому ряду причин до конца никак не осуществимо намерение. Вечный процесс всемирной жизни, неохватный, всё продолжается. Жизнь в целом несопоставимо больше нас, к ней причастных непредсказуемо и необъяснимым образом. Тем не менее, кое-что замечаем в себе и вокруг. Благодаря высшим силам человечество всё же способно уловить и описать в жизни нечто существенное и важное, хотя бы в отдельных проявлениях, звеньях и каких частностях.

3

Свойства и признаки того, что называют жизнью, разнообразны. Прежде всего, у неё длина, ведь длится какое-то время. Разные существа живут и продолжают по-своему. Ср.: жизнь мотылька, бабочки-однодневки и человека, или вороны, или черепахи, или дуба и т.д. Вместе с тем, различается жизнь индивида, индивидуальная, личная, и жизнь популяции, рода или человечества. У всего на свете жизнь своевременна, относительно более краткая или долгая. Для кого-то, только в мистическом разумении и истолковании, ещё вечная жизнь.

Для нас жизнь реальна и действительна. Откуда-то проистекает, ей отведено пространство, некое царство, с границами и горизонтами. У источника происхождение, где-то берёт начало, либо кто-то даёт. Река жизни течёт всё мимо, протекает из дали в даль, степенно отходит и уходит, постоянно нечто отстаёт и отрывается от массы, непременно утекает, куда-то вливается, исчезая или переливаясь. Каждое мгновение – прохождение через условную грань и движение дальше в пространстве и неких пределах, с подъёмами, спадами, есть зенит, где закат, а там ослабление и умирание. Дорога жизни как бы бежит гладко, нередко порожиستا и ухабиستا.

Разная обстановка, обстоятельства, условия, окружение, светлые и тёмные краски, разнополосица веселья, скуки и тоски, приязни и нелюбви, картины радостных дней и мрак отчуждения. Для земной жизни наряду с про-

тяжённостью значима напряжённость, важное качество и оценочная характеристика, связанные с насыщенностью существования и продуктивностью. Должно быть, есть какая-то мера её напряжения и натяжения, более или менее жизнь, как бы наполнение, количество и качество протока. В любом случае жизнь-нежизнь имеет множество разных степеней и проявлений.

Вследствие ли жизненной потребности или из любопытства, хочется узнать и понять то, что рядом и вокруг, имея к нам отношение. Человек пристрастен и неравнодушен к среде обитания и окружению, они задевают его, трогают, радуют, беспокоят, ранят – и живое сознание включает родовой зов выживания. Всё, что окружает, с чем связаны и что сказывается на существовании, обставляя или составляя жизнь, попадает в поле зрения, наружного и внутреннего. Смертному не дано объять целый мир, нет способности и средств совершенного постижения бытия и содержания беспредельности.

От рождения люди разные – робкие, скромные, резвые, дерзкие – из поколения в поколение длинной чередой в походе за своими находками и достижениями в познании себя, других и прочего в свете, стремятся сообща достичь природных пределов, доступных и дозволенных. Стоит присмотреться и прицелиться – как в окружающем пространстве заметишь разных чудес, необъяснимых вещей и фактов, в них полным-полно условностей и предрасудков. Сплошь и рядом жизнь человека и человек в жизни (едва ли не одно) то разумны, то чувственны, то полоумны, то вовсе безумны и невняты.

Человек связан с почвой, атмосферой страны и общества, ищет место среди прочих, занимая положение в социальной структуре, играя свою роль. Существенно зависим от других, от истории, от традиций и пр., не только внешних условий, обстоятельств и обстановки вокруг. У кого жизнь складывается успешнее, удачно, у кого хуже, несчастливо, первые довольны собой и участью, невезучие страдают. Или же она во внутреннем мире и душевном состоянии человека: самочувствие, настроение, характер и темперамент, нрав и привычки. Обыденность и праздники, проза и поэзия, труд и отдых, рутина и творчество, высокое и низкое – и это тоже жизнь.

Можно по-всякому увидеть многогранную жизнь, у каждого человека свой взгляд и осмысление жизни. С ней связано и соотносится разное и многое: общение, встречи, разговоры, выпивки, болезни, поездки, природа, чтение, другие занятия, труд, любовь, чувства, страсти, влечения и пр. Выделяя там семейные и гражданские обязанности, ответственность, интенсивность деятельности, увлечённость и неповторимость, мы рассматриваем жизнь также и как искусство. В её характеристиках совмещение и наслаение многих планов, мешается определение с субъективными оценками качества.

Как быть, если у нас в этом безграничном мире идей и вещей, связей и отношений своя исключительная, особенная (вовсе не обособленная) и неповторимая личная судьба, служба и долг, должность. Каждый по-своему

переживает в себе жизнь, проживая её в обществе, воспринимает в целом, понимает и оценивает всё. Видимо, в таком многообразии переживаний, частных деталей, положений и назначений в пути существования и по ходу распределения ролей заложена главная предпосылка соперничества и борьбы за место и продолжение своей жизни. Не всегда разберёшься во всей путанице важных ценностей и мелочей жизни.

Только при таком различии духовных качеств и свойств, сходстве и неравенстве, возможно действительно разнообразие функций и плюрализм форм, обеспечивающий выбор и естественный, эффективный, отбор, рост жизненных ресурсов и носителей. То, что называют жизнью, обусловлено и связано с растущим многообразием, дающим толчок движению и развитию силы и энергии, стимулов жизнеспособности и деятельности. Однако существенные для поддержания материи жизни отношения обусловленности и связанности с избыточностью и наполнением – важнейшие предпосылки и свойства, но ещё не дух жизни.

В пространстве жизни размещается всё видимое и невидимое. И жизнь как бы всё, что может иметь хоть какое-то отношение к осознанию самих себя и других, подобных нам. Даже образ и смысл жизни, – если не чья-то игра и не игра воображения, то только атрибутика, присущая таинственному миру, но не само существо понятия. Участие, соучастие, действие, причастность, присутствие, нахождение, наличие, размещение, совмещение, вмещение – тоже условные рамки, обстановка, связь, обстоятельства. Опять же не предметная суть сверхъестественного, что до конца не познаваемо и не определимо.

Человек живёт в определённом пространстве и во времени, постоянно перемещаясь в рамках жизни. Каждый связан узами семьи, дружбы, школой, работой, разнообразными интересами, связями и отношениями, обременён обязанностями, долгом, ответственностью, заботами, иными зависимостями и условностями. Живя во взаимодействии с окружающей средой, играя различные социальные роли, с возрастом странным образом – незаметно заметно – преобразуемся. Кто же и что в нас как меняется, да и что это такое "меняется"? (Не заостряем вопроса, что значит "живёт").

Со временем жизнеспособность в процессе развития, роста и угасания организма претерпевает изменения, перестраивается комплекс психологических и поведенческих свойств человека. Исподволь стираются отдельные черты и обретаются новые индивидуальные особенности в складе характера (общительность, сообразительность, беззаботность, совестьливость, подозрительность, деловитость и пр.). Несмотря на устойчивость личности, её свойства на протяжении жизни индивида меняются. Биологический процесс возрастного развития и перестройки характера не останавливаются ни в 30, ни в 60 лет, продолжаясь до конца жизни[264, 3-10].

Есть более или менее удачные высказывания и неожиданные суждения о жизни. Своей незаурядностью и свежестью они привлекают внимание и вызывают восторг, расширяют круг и обзор мышления. Давая толчок мысли, тем не менее, не приближают к сути и пониманию самого предмета. Напротив, богатство мнений и разноречивых точек зрения, трагическая несовместимость взглядов не способствует единению и концептуализации, создавая во множестве и многообразии всё новые точки и очаги возбуждения, почки и поросли, на пути дальнейшего поиска всё более глубокого осмысления и уразумения понятий.

У каждого человека своя жизнь, своё ощущение, оценка и понимание жизни, себя и других. Всё многообразие подходов и определений жизни можно свести воедино, найдутся общие моменты, характеристики и качества, останется и специфика, особенное. Так всегда. Вечно движение к познанию сути, никогда не прекратится поиск, не найти окончательного ответа. Жизнь между надо и нельзя всё возрождается, вопросы постоянно старые-новые, а люди всё приходят и уходят, незнание, но мир заведён и держится безостановочно на продвижении в бесконечности.

Например, для китайцев с древних времён жизнь – дао, путь. Для Ницше жизнь – лабиринт, хаос. Для Хабборга жизнь – выживание, борьба за существование, дарвинизм. Кто-то скажет жизнь – творчество. А.Кончаловский: "жизнь – это я". Такой откровенный взгляд, в нём своя логика, иначе не может. Надо бы различать смысл – суть и цель, и средства, и стиль, и много чего другого. В мире звучали и звучат разные голоса, среди них не последний Монтень, заявивший протест: "Наша жизнь – это сплошная забота о приличиях; они опутали нас и заслонили собой самую сущность вещей" [215, 268].

"Опочинин декларирует полный атеизм, но психологически он подразумевает и людей, которые будут его читать, и бессмертие: жизнь человека есть лишь платье, которое можно произвольно поменять" (Ю.Лотман) [184, 218]. "Жизнь этого удивительного человека словно демонстрировала русскую поговорку "Судьба – индейка, а жизнь – копейка" (Ю.Дружников) [119, 318]. " Жизнь – панорама: требуется острая смена пестроцветных впечатлений, крайностей" (В.Каменский) [148, 224]. "Искусство – это не жизнь, а жизнь – это не искусство. Страшно перепутать эти понятия. Эта путаница губительна и для жизни, и для искусства" (М.Казаков) [145, 393]. "И жизнь – это сказка" (И.Германович) [97, 201].

И ещё высказывания о природе и культуре жизни ряда других авторитетов: "В юности жизнь напоминает источник "быстрый и мятежный", который "кипит, бежит, сверкая и журча"(III, 57)" (С.Громбах) [107, 178]. "У каждого из нас есть непрерывный поток опыта, который мы называем мен-

тальной жизнью. Наш язык в основном служит для его описания" (В.Налимов) [221, 90]. "...во вне- и дознаковом мире лжи нет, ложь входит в мир вместе с языком, ложь творят знаки. Как утверждал Руссо (а до него, по слухам, – ещё Эзоп), язык создан для обмана. <...> вне знаков нет не только "кривды", но и "правды" (М.Лотман) [183, 4].

А.П.Чехов в 1904, последнем году своей жизни, в письме О.Л.Книппер написал между прочим: "Ты спрашиваешь: что такое жизнь? Это всё равно, что спросить: что такое морковь? Морковь есть морковь, и больше ничего неизвестно". "У Чехова, как в жизни, всё попеременно, и самые важные, высокие и душевные мысли идут часто в очередь с будничным сором мелочей. Самое же главное будто нарочно, из застенчивости и нежелания выглядеть назидательным, перемешано порой с пустяками" [174, 490].

Конечно, люди разные, у каждого свой обзор и образ жизни, надо иметь в виду и особенный стиль поведения. "На пирах в моём сельском уединении при мне всегда перо, и я откладываю его лишь из уважения к приезжему гостю. У меня в доме на всех столах письменные принадлежности и таблички. Нередко я даже просыпаюсь ночью, впотьмах нашариваю перо у моего изголовья и – пока не исчезла мысль – записываю, а назавтра едва могу разобрать написанное в темноте. Вот каков мой образ жизни и мои занятия" [244, 110]. Своеобразная, но отнюдь не исключительная, манера и писательская привычка, и у других такие же склонности.

"Профессиональные писатели – с конца XVIII века их число стало быстро возрастать – превратили художников слова в существа, настолько поглощённые своей работой, что им часто не хватает жизни на саму жизнь" [244, 123]. В одном предложении почти рядом встречаются два разных значения слова "жизнь". Понятно, что и так называемая "суета сует" – та же жизнь, сказать точнее, тоже жизнь, как и размышления, или "сосредоточенность внутренней жизни". Быть может, даже больше, во всяком случае, чаще и очевидней жизнь, нежели мечтания и отвлечённые борения мысли.

"Иногда мне бывает дано, в мои погожие дни, достигать такого состояния духа, блеск восторга пронизывает меня от макушки до кончиков пальцев, душа воспаряет над жизнью настолько высоко, что и слава перестаёт для неё что-нибудь значить, и даже само счастье представляется излишним..." [244, 111]. В данном утверждении и высказывании, а для нас контексте, обнаруживается, без сомнения, мистическое представление об особенной и как бы возвышенной духовности человечества.

В языке значителен удельный вес, относительная ценность, и культурологической компоненты понятия: "жизнь" как обустроиваемый общественный быт, разные его сферы. Вот пример: "Вернадский, как о вполне реальном, говорил об атомной энергетике: "Мы подходим к великому перевороту в жизни человечества, с которым не может сравниться всё им пережи-

тое. Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию – такой источник, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет" [26, 16]. Тут сразу и о судьбе, и об условиях выживания человечества в будущем, в зависимости от энергетических ресурсов.

Словом, жизнь – то ли пропасть, то ли помойка, не перечислить выкинутого и пропавшего. Там время, пространство, мир, общество, рай и ад. Там действительность, природа, бог и идол, чему поклоняются, что почитают. Не в последнюю очередь, и сам человек как субъект жизни, с разными свойствами и особенностями. Конечно, дело, деятельность, занятия и силы. Чувства, воля, мысли; настроение, самочувствие, желания, устремления, влечение. А там и искусство, образы, поведение, потребности, интересы, вкусы. В ней производство, экономика, отношения, борьба, труд, напряжение, опыт. Ещё разные трагедии и испытания, мучения, поиски, иллюзии.

Жизнь в нашем разумении – сложный сплав суждений и утверждений, хаос мыслей, смешение идей, целый блок и сверхъединство понятий в процессе осмысления и разметки действительности. В слове скрываются древние представления об окружающей среде обитания. "Жизнь часто рисуется нам как мирраж, а люди мелькают в ней, как бранные силуэты, и вслед за отшедшими быстро умолкает скудный лепет наших эпитафий" [9, 522]. "Уйти в мир бескрайний, светлый, скорбный; в безвестность, бедность, одинокую жизнь. И, зная час свой, принять его с улыбкой – незримая свеча в глубине сердца. Жизнь, смерть – привет" (Ю. Айхенвальд) [9, 522].

Жизнь как общее свойство или некий существенный признак – собственно основная и отличительная особенность живого организма, как и живого мира, определяет системные связи. "Попробуем определить прогресс не с позиции пчелы, рыбы или человека, а с точки зрения жизни как таковой. Антиподом жизни является смерть. Прогресс жизни, следовательно, заключается во всё более успешном противостоянии смерти, а смысл совершенствования состоит в приближении к бессмертию. В ходе прогрессивного развития жизни организмы становятся всё более "живыми" – уменьшается вероятность их гибели от непредвиденных причин" [162, 7].

P.S. Вчера не мог заснуть – от мыслей (мне мешали). В заглавии книжки – "жизнь" в кавычках (предмет, нечто удивительное). Филология, тоже заглавное, требует своего пояснения и уточнения. Моя наука в ряду таких, как лексикология, лексикография, текстология, контекстология (передовое языкознание, не традиционное, а в своём продвижении дерзкое). Пожалуй, правильной и точнее было бы назвать: "Контекстология "жизни". Разбор употреблений и смыслов слова "жизнь" во всей доступной нам литературе. Все авторы пишут так, как привыкли. И мы разбираемся кропотливо в том письме, раскрывая загадки языка (кода), понимание тайных и скрытых смыслов слова в своём реальном окружении и связях. Существа в системе.

II. НЕПРЕХОДЯЩАЯ ЦЕННОСТЬ МЫСЛИ

1

Биография как осмысление

1

Автобиография сообщает историю жизни той или иной особы о себе. В форме монолога подаётся информация определённого содержания и плана, поверхностно и выборочно. Бумага требуется по службе, при регистрации работников в официальном делопроизводстве и по учёту кадров. Жизнеописание служит и благородным целям самовыражения, оказываясь проявлением культуры, религиозности и мудрости. Биография может быть исследованием, поиском фактов и сведений об историческом лице, тогда научный труд, в копилку культурологических знаний. Случается и продуктом литературного вымысла, славословием или клеветой.

"Под словом "биография" подразумевается два значения: реальный процесс истории жизни человека, та непосредственность жизненной действительности, в которую вовлечён человек, переживаемая им и подчас не всегда аутентично обозначаемая; а также результат исследовательской работы по реконструкции жизни, компендиум знаний, высказываний, различного рода свидетельств и т.д., которые в своей совокупности именуется нами биографией" [73,16]. С самого начала важно было заметить и прояснить двойственность и спайку в названии жанра, различая связь и шов между основным и вторичным слоем означенного понятия и предмета.

Сочиняя биографию, свою или чужую, принимают в расчёт требования к жанру, представляя схему текста как разновидности письменной речи, со стиливыми особенностями и установками норм изложения. В первую очередь это либо художественное произведение, либо обязательный отчёт, в котором отражаются общие сведения о человеке, выбранные места и вехи документального плана. При этом нелишне охватить вниманием и понимать действительность объёмнее, уловив нечто индивидуально значимое и творческое в рамках рутинного жизненного опыта, наблюдения и размышления.

Что такое жизнь, отдельно человеческая и лично, как явление природы и продукт культуры, – и можно ли понять её в целом и объяснить в какой мере? Если важно и по силам, спросим далее: каким способом воссоздать образ и оценить качество воплощения замысла реконструкции. Итак, прежде всего назначение вещи: для чего пишется биография? Имеет смысл начинать дело с полагания цели: биография-послание, для потомков, биография в родословную, для души, словарная статья, форма знакомства и презентации ("разрешите представить: такой-то") или отчётность в отдел кадров, формальность и пережиток. Прощание в некрологе.

В зависимости от того, для чего пишется биография, она будет более или менее правдивой и деловой, глубокой и искренней. Есть автобиография-исповедь, откровение у Толстого, у Руссо. Есть философская автобиография-самопознание: человеку хочется связать себя с миром, копаясь в себе, как Ф.Ницше или Н.Бердяев. Не всегда приходит озарение, нелегко познать жизнь свою, тем паче чужую. Нередко наплывают мистификация и вымысел, чистый или грязный, зависит от биографа. Так или иначе "сочиняя" жизнь, выдумывая и гадая, можно понять и угадать: кто ты, частное и историческое лицо, – и даже начертить, заказать, кем стать позже.

Биография сосредоточена на личности, но не замыкается на ней. Её предмет – существование современного человека, роли, которые он играет в обществе, и его духовное развитие. Описывается то, как ведёт себя человек в определённой социальной среде и окружении. Жизнь складывается из слишком многих вещей и уровней, по содержанию не только поведение, поступки, дела и достижения. Как бы микроскопический сколок бесконечности, несущий на себе отражение и следы необъятной глубины мироздания, эта пылинка, частичка живого целого, более чем неоднозначна.

"Отрезок нашей жизни, нашего сознательного бытия, вставлен и вплетён во всю историю мира, как и во всю пространственную вселенную. В нём мы имеем узел, фокус бесконечных воздействий, "акций" и реакций, идущих из всех веков и миров во все века и миры. Или, если взять сравнение Лейбница, этот фокус, этот центр, схватывающий и посылающий излучения энергии, есть сознание, как монада, как "зеркало вселенной", в котором отражается "целый мир, полный бесконечности"[90, 314] Т.1.- Кн.2. Чувствуете, сколь всеохватно. Кажется, о том же и Паскаль в изложении Толстого: "Малейшее движение вещества важно для всей природы. Всё море изменяется от одного камня. Точно так же и в духовной жизни малейшее движение производит бесконечные последствия. Всё важно. Паскаль"[327, 353].

Слишком сложен весь завод жизни, не понять ни полёта птиц, ни поведения дельфинов. Не разберёшь смысла: от чего всё и к чему это? Зависит, что же в итоге ожидают от жизнеописания, какой полноты и достоинства биографию. В самом деле, "жизнь мы не можем понимать иначе, как известное отношение к миру: так мы понимаем жизнь в себе и так же мы её понимаем и в других существах"[325, 104]. И в то же время "жизнь человеческая есть ряд поступков от вставанья до постели; каждый день человек должен, не переставая, выбирать из сотни возможных для него поступков те, которые он сделает"[325, 28].

Зачем-то выделяют стадии, дробят отрезки, осмысливая целое и части, системно ли, глубоко ли, наделяя значением, сравнивая, связывая, оценивая тут же. Всякое описание отрывочно, избирательно и часто, действительно, шаблонно. Биография – сочинение индивидуального портрета жизни –

представляет собой документ и продукт "литературного творчества". Биография тяготеет к "целостной панораме" прошедшей жизни"[182, 75], причём у искусства сочинительства жизни накоплен опыт, есть традиции, у биографов свои цели, задачи, средства, возможности. Следует заняться типологией и стилистикой биографических опусов.

"Концептуальность – неотъемлемая черта жизнеописания, в определённой мере присущая и фактографической биографии, чаще всего, обретающей форму биографического монтажа (биохроники). Однако собственно концептуальная биография – видовой антипод биохроники, т.к. автор-концептуалист постоянно отступает в своём рассказе от хронологии реальных событий и может даже перейти к "вневременному" повествованию, хотя и обязан вернуться к историческому времени жизни "прототипа", если хочет остаться биографом"[182, 91-2].

В какой мере человеческие жизни похожи или подобны и насколько они вообще схематизируемы? Конечно, передаются какие-то стереотипы публичной и личной жизни, прививаются образцы и стандарты, люди подражают друг другу, уподобляются в повадках и образе жизни. Воспитываются и действуют нравственные императивы, сказываются традиции, влияет мода, также стиль и направление культуры. Сколько же там ещё остаётся индивидуального и своеобразного в человеке, необычного, неповторимого и оригинального в его поведении, реакциях, ответах на запросы и требования жизни.

Говоря о сознательной жизни человека, надо помнить, что писал Л.Н.Толстой о роли и значении мысли: "Переходы нашей жизни из одного состояния в другое определяются не совершаемыми по нашей воле заметными нам поступками: браком, переменою места жительства или деятельности и т.п., но мыслями, которые приходят во время прогулки, среди ночи, за едою, в особенности теми мыслями, которые, охватывая всё наше прошедшее, говорят нам: "Ты поступил так, но лучше было бы поступить иначе". И все наши дальнейшие поступки, как рабы, служат этим мыслям, исполняют их волю. Торо"[327, 330].

2

Биография – средство воссоздания не столько большой истории, сколько процесса становления индивидуальности и развития особы в социальной среде, в тех или иных условиях исторического существования личности. Индивидуальная человеческая жизнь от начала до конца не вполне самостоятельна, а связана, сопрягаясь с целым комплексом обстоятельств, материальных средств и удобств, духовных ценностей и традиций. В рамках социально-культурного целого всякая персональная жизнь происходит в коллективе и осуществляется сообща.

Слово "биография" ввёл в употребление Дж.Драйден в XVII в. Появилось оно в предисловии к переводу "Параллельных жизнеописаний" Плу-

тарха под названием "Биография, или История жизни отдельных людей"[73, 33]. Позже уже Эмерсон полагал, что "история суть бесчисленные биографии", уверенно утверждая наряду с тем: "истории, собственно говоря, нет, есть только биография"[73, 35]. Пусть биография даже и содержит в себе тот или иной исторический компонент, однако она прочно заключена в каркас сугубо природного основания, и принципы построения всей конструкции жизнеописания в целом по-своему не историчны.

Когда восточный мудрец, желая выявить самую суть в человеческой жизни, взялся раскрыть смысл её предельно сжатой характеристикой, то со скрытой от других улыбкой использовал своеобразно всего лишь три ёмких слова: рождается, мучится и умирает [о человеке]. Проста, оказывается, наша жизнь. Сквозит печаль в предельной экономии знаков при перечислении ведущих жизненных "функций". Всего-то на всего? Человек настолько убог – и в жизни больше как бы ничем существенным не занят. И ещё недоразумение: формы "в жизни" (где-когда?) и "жизнь" (что?) не совпадают по смыслу. Хотя не так просто, и жаль себя.

Тридцать лет спустя после гибели А.Пушкина на чужбине, на юге Франции, скончался А.Раевский, прототип Евгения Онегина. "На его могиле на кладбище Кокад в Ницце надпись: "Здесь покоится полковник Александр Николаевич Раевский. Родился на Кавказе, в крепости Св. Георгия, 16 ноября 1795 г., участвовал во всех боях славного времени, вышел в отставку 1820 г., скончался в Ницце 23 октября 1868 г."[174, 111-2]. Вкратце это всё, что останется на время от семидесяти трёх лет ухабистой жизни незаурядного человека, героя своего времени.

Человек, как считал Чехов, "должен начать с самовоспитания, с того, чтобы не лгать себе и другим, а ещё лучше – найти волю для переделки рядом с собой хотя бы малого уголка жизни. Каждый, сколько подымет. Сам Чехов поднял, помимо томов прославивших его книг, поездку на Сахалин, помощь голодающим в 1891-1892 годах, постройку в деревне трёх школ, работу врачом Мелиховского участка, создание библиотеки в Таганроге, и, уже совсем больным и усталым, ялтинский сад"[174, 422]. Писатель не склонен рассуждать о ценностях умозрительно. У каждого, по задаткам и способностям, свой взгляд на жизнь, если есть, других не трогает.

"Её [биографии] границами служат биологические события, рождение и смерть человеческого организма. <...> Много человеческого эмоций связано со зрелищем телесной жизни, со всеми её превратностями, и биография как литературный жанр поддерживает эти эмоции, даёт им благотворную пищу. Но это не история. И описание индивидуального опыта с его потоком ощущений и чувств, заботливо сохранённых в дневнике или достоверно воспроизведённых в мемуарах, также не история. В лучшем случае – поэзия, в худшем – навязчивый эгоизм. Но это описание никогда не может стать историей" [155, 290-1].

В каждой семье разворачивается драма жизни, с надеждой, разочарованием, трудом, радостями и болезнями – у всех одинаковыми, в разных пропорциях отпущенными, как повезёт. Взаимоотношения людей, какими бы сложными ни были, как-то рассеиваются в ограниченном наборе предметных классов и групп. То же можно сказать об их поведении: жизнь разнолика, пестра, неожиданна, но в чём-то общем трагически или счастливо как бы и повторяется, и воспроизводится. Всё труднее жить, не впадая в штампы, как и описать непростое чувство человека, продираясь к теплу и трепету человеческого сердца.

"Функций чрезвычайно мало, а персонажей чрезвычайно много, – пишет Пропп. – Этим объясняется двоякое количество волшебной сказки: с одной стороны, её поразительное многообразие, её пестрота и красочность, с другой – её не менее поразительное однообразие, её повторяемость" [223, 174]. "Биограф имеет дело с целой лавиной фактов, событий, мнений и чужих интерпретаций эмпирического материала. Ему в первую очередь необходимо найти путеводную нить объяснения этого многообразия" [73, 34]. При этом отличается обычный "факт жизни" от "биографического факта" [73, 37].

Биографические факты многообразны. Их составляют: даты жизни человека, его поступки, переживания, "события внутренней жизни"; а также внешние события, происходящие в обществе, как бы и не причастные непосредственно к персонажу, но пережитые и переосмысленные им; по времени достаточно длительный период жизни. Хронология как фактический базис биографии или же подробное воссоздание разговоров и встреч в воспоминаниях – не просто и не только жизненные факты. Тем же статусом биографического факта обладают и духовный кризис взрослого человека, на переломах жизни, и детские впечатления.

Не всё в жизни составляет биографию, и далеко не все люди могут претендовать на причастность к биографическому жанру. Как полагал Ю.М.Лотман, "далеко не каждый реально живущий в данном обществе человек имеет право на биографию. Каждый тип культуры вырабатывает свои модели "людей без биографии" и "людей с биографиями"... <ибо> каждая культура создаёт в своей идеальной модели тип человека, чьё поведение полностью предопределено системой культурных кодов, и человека, обладающего определённой свободой выбора *своей* модели поведения" [187, 106]. Одни лица подходят для типо-графии, другие же не так фотогеничны.

В то же время повышенный интерес и любопытство вызывает у читателей судьба незаурядных личностей, включая не только великих полководцев, государственных деятелей, классиков, рекордсменов, актёров, учёных, как и происки и выходки заядлых авантюристов, знаменитых шпионов, великих преступников и пр. Многие годы расширялась и пользовалась своим спросом чрезвычайно популярная среди книголюбов серия "Жизнь замеча-

тельных людей". Потом задумались: "Но разве не интересно было бы прочесть и "Жизнь незамечательных людей"?" [184, 13]. Терзает душу вечно вопрос: "Почём, скажи, за что нам такое житьё собачье?"

Перед биографом в конечном счёте встанет запредельный вопрос: каков удел и основная ценность, красная линия, жизни данного человека? Отвечая на него, автор конкретного описания работает над подходящей версией жизни. В поиске роковой формулы ему надлежит угадать тайну, которая сокрыта от всех и не известна никому, включая и виновника повествования. Чтобы ответить на вопрос, в чём именно глубинное назначение определённого лица, надо как-то представлять в целом исторический смысл современности, под ней имеют в виду ту же жизнь. Хотя сама метафизика жизни всё остаётся сверх наших сил и на грани возможностей биографа.

3

Не так просто в живом человеке уловить прообраз произведения словесности и написать биографию. Надо понять жанр, овладеть литературным стилем, усвоив общий взгляд на мир, включая образ современности, прежде чем излагать личные успехи и достижения. Следует охватить вниманием жизнь вообще, уяснить нечто существенное в рамках житейского опыта и собственного наблюдения, размышления и философского осмысления действительности. Пусть жизнеописание – текст, разновидность письменности со своей стилистикой, либо некое литературное творение, опять же традиция и нормы, либо рутинная делопроизводственная форма.

Жизнь – сложный процесс, как расскажешь, можно ли описать весь путь жизни человека? Смотря по тому, как понимать жизнь. Выделяют вехи и стадии, дробят отрезки, целое и части наделяя смыслами, продумывая системно ли, глубоко ли, тут же связывая и оценивая. Не всякое описание жизни отрывочно, поверхностно и по схеме, хотя часто именно так. Зависит от требований к жизнеописанию: что полагается и ожидается в результате, для кого и чего биография, какой полноты и достоинства? "Биографическое знание синкретично прежде всего потому, что индивидуальный опыт жизни ускользает от однозначного и окончательного проговаривания" [73, 54].

Первоначально автобиография являла собой документальное свидетельство служащего о себе, сведения по ограниченному перечню стандартных вопросов. Такая бумага, проформа и ритуал, требовалась в кадровой регистрации при трудоустройстве, в некоторых видах официальной отчётности. Не только жалкий пережиток и пустая формальность, автобиография служит и более высоким целям. Автография-воспоминание – рефлексия, исповедь и покаяние – оказывается проявлением религиозной культуры и зовом мудрости. Автобиографические "мемории" – в большинстве литературные опусы, не лишённые личностного колорита и звучания.

Жизнеописание может быть основательным исследованием, предполагающим поиск достоверных биографических фактов. То научный труд в копилку культурологических знаний об историческом лице. Биографии в стиле "благородного портрета" отражают взгляд внешний и сторонний, где не обойтись без обработки: ретуши, позы приличия, глянца. Биография сосредоточена на личности, не замыкаясь на ней. Предмет глубже и шире – существование современника, роли, которые тот играл в обществе, духовное развитие. Описывается, как ведёт себя человек в социальной среде и окружении, как люди и власти со своей стороны относятся к нему.

Что такое жизнь в целом как природное явление (или творение), отдельно человеческая, в том числе твоя лично, в какой мере можно понять и объяснить их? Жизнь складывается из многих слагаемых и уровней, по содержанию не только поведение, поступки, дела, достижения. Если кому важно и по силам, спросим далее: как именно, какими средствами осуществить пробу воссоздания и затем оценить качество воплощения замысла. Логично начать дело с уточнения цели и назначения предмета: биография-портрет, послание для потомков, биография в родословную, для души, словарная статья, форма для отдела кадров и отчётности.

4

Биография – осмысление и описание жизни человека, конкретного лица. Биографии очень разные по замыслу и реализации. Для чего пишутся, в результате что получается, как используются, какую пользу (вред) приносят? В мировой культуре этот литературный жанр – биографический, или жизнеописательный – и, соответственно, стилистика развиваются, как мастерство описания, так и средства выражения. Искусство жизнеописания (понимания) имеет долгую историю и, безусловно, национальную специфику. Раз так, значит, кому-то нужна эта отрасль сугубо человеческих, о себе знаний, назовём биографикой.

На очереди дня стояло требование – написать историю биографии как литературного жанра и типа исторического повествования. "История биографии, не жизни, а жизнеописания, есть литературная история способов, с помощью которых реальный индивидуальный человек виделся, понимался и изображался другим", – писал Ю.Андерсон, американский историк [73, 106]. Упорядочение материала, ради организации неуправляемой стихии жизненного процесса, лежит в основании античного, средневекового и возрожденческого типов жизнеописания, которые развивались на фоне преобразования базисной модели повествования [73, 66].

Уже в V – IV вв. до н. э. древнегреческие писатели приступили к описанию на своём уровне феномена личностной индивидуальности. Тогда возникает осознанная тяга к постижению и толкованию жизненного уклада личности и приверженность к процедуре жизнестроительства, в соответствии с оп-

ределённой доктриной, философской, религиозной или моральной. Первым биографом был Аристоксен Тарентейский – автор "Жизнеописаний мужей". Предметом биографического повествования избрано реальное историческое лицо (Пифагор, Сократ, Платон), в основе сюжета впервые – жизнь персонажа от момента рождения до смерти [73, 67].

Античное жизнеописание обращало внимание на "проблемный горизонт" повествования, в фокусе которого "акмэ" – период наивысшего расцвета дарований личности. Чтобы древнегреческому биографу показать своеобразие персонажа, требовалось изобразить проявление его "характера". Для этого отбирались ключевые поступки и описывались наиболее существенные факты жизни. При этом философский взгляд сосредоточивался не на душевном состоянии личности, а на поведенческой реакции героя в ситуации. Поступки трактовались в контексте возможных ответных действий в сложившемся положении [73, 69].

Ниже речь идёт об Августе, который сумел впрямь в свою политику Вергилия и Горация. В "Monumentum Ancyranum", заключающем в себе его политическую автобиографию, он подробно перечисляет, сколько гладиаторов выставил он на арену, сколько диких зверей дал убить для развлечения римлян, в перечне возведённых им сооружений не забыл упомянуть ни одного моста, ни одного канала, но зато ни словом не обмолвился о материальной поддержке литературы, будто ему даже неловко было об этом упоминать" [244, 53].

Средневековая агиография – следующий по времени тип жизнеописания. Житиё вносит в жанр биографии новое представление о духовном развитии и перерождении личности. Существенными чертами изобразительных средств и стилистических фигур средневекового жития станет драматичность и эмоциональная напряженность "яркости и остроты жизни" (Й.Хейзинга). "Позднее новоевропейская литература делает этот сюжет своей центральной задачей, перенеся её в плоскость нравственных и ценностно-смысловых реалий, хотя само представление о личностном перерождении (втором рождении) возникло именно в христианстве" [73, 70].

Биографическое описание Нового времени отличается большим реализмом и непарадностью отбора персонажей, доверием к достоверности чувственного восприятия среды, как и критериями ценности наблюдений и правдивости жизнеописания. "Конрад, начиная некоторые из своих романов писать с конца, достиг блестящих результатов, а мысль написать биографию исторического лица, начиная с описания смерти героя и заканчивая его рождением, может быть, является чем-то большим, нежели чудачество Папини, подсунувшего эту идея своему Гогу, и она вполне достойна воплощения" [244, 235].

Прославленный польский писатель Ян Парандовский родился в Львове в 1895 году. Десятилетним мальчиком решил вести хронику жизни. В самодельной книге при керосиновой лампе начал было её столь замечательно: "Когда вчера вечером я возвращался домой, из-за туч выглянула очень красивая луна". Именно ему через полвека суждено будет написать биографию Петрарки, в которой философа-гуманиста и гениального поэта, создателя бессмертных сонетов и страстного трибуна эпохи Возрождения изобразит и в момент триумфа на Капитолии, и в годы скитаний, и в часы работы, размышлений, и в минуты смятения, скорби.

Петрарка осознавал, что жизнь оставляет след в исторической памяти. Когда-то в будущем сведения о нём дойдут до тех, кто заинтересуется подробностями его творчества. Родоначальник европейской культуры не был безразличен к собственной репутации и судьбе своих творений. В "Письме к потомкам" признался: "Суждения обо мне людей будут многообразны, ибо почти каждый говорит так, как внушает ему не истина, а прихоть, и нет меры ни хвале, ни хуле". То, что случается, – можно называть случаями и случайностями. Есть ли такие связи, чтобы управлять всем происходящим и следить за всем случающимся в этой жизни?

А.Н.Веселовский не отрицает желая Петрарки "предстать перед потомством в том гармоническом, нравственно-уравновешенном образе, какой мечтался ему как художнику жизни" [70, 14]. Поселившись в Воклюзе, Петрарка принялся за многолетний труд "О славных мужах". "De viris illustribus" – собрание жизнеописаний от Ромула до Цезаря. "Он листал своих авторов, собирал в логическое целое разбросанные сведения, старался примирить противоречия, отбрасывал всё несущественное и фальшивое, особенно то, что, по его мнению, не соответствовало характеру данной личности или не было достойным её славы" [244, 351].

Для биографа XVIII в. герой не часть истории мира, а история мира не часть героя. Он сам по себе, со своим окружением и конкретными событиями, представленными индивидуально, в условиях частного существования. "Опыт изучения и построения биографии" Дж. Стенфилда является первым исследованием (1813), специально посвящённым методологическим проблемам. С лёгкой руки Шарля Сент-Бёва в гуманитаристику входит понятие "биографический метод", который впоследствии станет синонимом бездоказательного литературоведения [73, 76-7].

Постепенно рождается научная биографика. Она копается в существующей практике и состоянии дел, в писанных историях одной жизни, исследуя их массив и оценивая качество созданий. В то же время, разбирая особенности произведений, обобщая нормы письма и слога, намечает дальнейший ход развития жанра, как бы рисует идеальную картину будущего, прогнозируя образ желаемого в перспективе гуманитарной дисциплины.

Теоретические предпосылки новой дисциплины можно найти в методологии первого биографа Пушкина, Павла Анненкова, в постулатах "биографического метода" Шарля Сент-Бёва и Ипполита Тэна.

Биографика, по мнению Г.О.Винокура, – отрасль исторических знаний о письменных источниках, изучающая "круг проблем филологической энциклопедии" [84, 71-2]. Уже в недавнее время признано Г.Е.Померанцевой: "Нет ясного представления о биографии как литературном жанре, нет чёткого понятия и о составе научно-художественной биографии. Одни расширяют её рамки, включая сюда мемуары и роман-биографию, даже исторический роман, если в основе их апробированные факты, другие допускают – за отсутствием точных данных – и заведомо вымышленные биографии, а третьи исключают все эти возможности и даже литературный портрет, столь близкий биографии, выводят за рамки жанра" [265, 167].

"Сравнительно молодая наука, ещё находящаяся в стадии своего формирования", биографика выступает в качестве теории, методологии и истории документально-портретной литературы. Тут значимы "вопросы, связанные с онтологией биографического знания, литературной природой и исторической эволюцией биографии", существенно, что "фундаментально не разработана типология жизнеописаний" [182, 6-7]. И.Л.Андронников выделил такие разновидности жизнеописаний, как "строго научная" биография, автор которой не ставит перед собой задачи создания "художественного образа" героя; научно обоснованное повествование, центральное место в котором занимает исторический портрет (художественный образ исторического лица); и "полунаучный вид", где есть художественный образ героя, вымышленные диалоги, чередующиеся с действительными высказываниями исторических лиц и т.д." [182, 73].

5

Биографическое письмо определяют как "переданное средствами языка данной культуры и зафиксированное в текстовой форме цельное научно-образное представление о феномене личностной индивидуальности" [182, 17]. Согласимся, "нет и не может быть однозначного объяснения личностной "гайны" [182, 56], и "нельзя вывести единственно правильную форму судьбы, создать единственно верную, абсолютно достоверную научную биографию" [182, 62-3]. Предпочтительнее было бы "говорить о гипотетическом, вероятностном характере любой словесной реконструкции внутреннего мира человека, осуществляемой другим человеком" [182, 63]. Всякое рассуждение о человеке и его жизни, включая "научное", не надо абсолютизировать, оно всегда относительно.

"Биограф – реконструктор прошлого, другой реальности, уже не обладающей субстанциональной полнотой, но обуславливающей основные содержательные характеристики биографического образа, историческое свое-

образе реалий текста, пространственно-временного континуума" [182, 64]. Для биографа, избравшего своим объектом художника слова, включаются в предмет изучения жизненные факты, события духовного и душевного плана, явления литературного быта. Характерные проявления поведения и бытовые реалии представляют необходимый компонент жизнеописания, хотя "ценностная доминанта исследуемой личности – творчество" [182, 30].

Роль биографа исключительно важна для результата: "Неравновеликость" биографа и описываемой им исторической личности (не героя, им созданного, а биографического "прототипа") ощущается читателем. У маловыразительного автора герой получается неинтересным: читатель не узнает в нём биографического "прототипа", а это значит, что полнокровный образ исторической личности не получился, биографический синтез прошёл неудачно" [182, 60]. "Одна и та же физическая жизнь, – замечает Ю.М. Лотман, – включает в себя две, три, несколько биографий различной ценности, достоинства и творческой одухотворённости" [186, 236].

Какой предстанет реальная жизнь человека, если брать и описывать её конкретные срезы и частности? Биографии – семейная, бытовая, общественная, политическая, литературная, трудовая, военная, лагерная и др. – различаются по смыслу и содержанию деловых связей и отношений. Многообразны занятия, характер деятельности, нравственные установки и поведение. На первых порах при описании придётся отойти от идеального подхода и рассмотреть несовершенную жизнь в отдельной форме, в какой та являет себя на грешной Земле. Трудно представить мир отвлечённо, легче уловить образ конкретно и отдельно, как проявление жизни личности.

Чтобы понять и оценить другого, надо разобраться в предпочтениях человека, для этого сравнивают его приоритеты со своими идеалами. Проповедники персонализма, либералы бердяевского типа исповедуют по большому счёту такие ценности, как свобода духа (слова). Причём для них это не равенство, не демократия, не справедливость, а именно плюрализм в первую очередь. Ценностный подход И.Берлина и др., их аксиологизм, идущий от Канта, находится вместе с тем в русле английского эмпиризма. Они отвергают ценностно-нейтральный подход к политической мысли и жизни [346, 48].

6

Биография и жизнеописание – синонимы, оба слова знакомы и употребительны. Школьники учат биографии писателей. Взрослым людям пришлось писать свои биографии, то ли при поступлении на службу, то ли по другому поводу или же просто. Жизнеописание – довольно распространённый литературный жанр, у него давняя история. Та или иная знаменитость, смотришь, оставит после себя потомству описание жизни, и почётно и поучительно. Нет одного общего правила, как писать биографию (автобиографию). Тем не менее, есть традиция, стилистика, и авторы, хотя и в раз-

ной мере, склонны равняться на образцы, придерживаясь так или иначе принятых норм написания и построения истории или летописи жизни.

Постепенно на основе обобщения практики складывается филологическая теория, со временем она развивается всё больше, и в результате на наших глазах рождается специальная научная отрасль, объединяющая специалистов, занимающихся исследованием и разработкой теории и истории жанра жизнеописания – под названием биографика или даже биографистика. Обсуждается проблема: что есть биография, научная, популярная, художественная, документальная и иная, для чего и как она пишется. Очевидно, в определённых случаях целесообразно было бы унифицировать и формализовать требования к авторам (например, в биографические словари).

Из биографий складывается целая отрасль книжного дела – библиографии. Значительная часть изданий связана с описанием судьбы личности. Например, серия ЖЗЛ. Жизнь не только знаменитостей притягивает к себе читателя. Однако всё труднее становится использовать природный интерес. Процесс литературного вымысла, чем дальше, тем больше запутывается. Надо сказать, биография, помимо прочего, ещё и таинственный жанр, действительно, "чужая душа потёмки". Как раскрыть её правдиво и существенно? Жизнеописание может быть влиятельным. Ничто так не влияет на человека, как пример. И стиль письма воздействует на сознание и душу.

"Многие исторические деятели средних веков, и особенно деятели религиозные, имеют две биографии. Одна – фактическая (обычно менее известна) – достоверные события жизни данной личности замалчиваются, с одной стороны, из-за стремления подчеркнуть исключительность этого лица, а с другой – из боязни лишить его ореола исключительности, поскольку жизненная правда приобщит данную личность к кругу обыкновенных людей. Вторая биография – апологетическая. Авторы её интерпретируют все факты и детали жизни и деятельности героя как своего рода символы, закономерные для его появления и существования..." [138, 21-2].

"...общебиографические сведения: точные даты рождения и смерти (датировка по старому и новому стилю, населённые пункты – в современном и прежнем наименовании), сословное происхождение, имущественное положение и род занятий родителей; сведения об образовании, в том числе о прослушанных и специальных курсах, семинарах и т.п., темах магистерских (кандидатских) диссертаций; краткое описание научной карьеры и изменений в служебном положении, характеристика политических позиций и участия в общественной жизни. При всей важности общебиографических сведений, они ни по своему объёму, ни по содержанию не занимают главенствующего положения в словарной статье.

Наиболее важна по содержанию вторая часть статьи, содержащая характеристику научной деятельности, лаконичную, но по возможности ис-

черпывающую. Главным в ней является определение научного вклада, внесённого данным славистом в разработку той или иной проблематики, в накопление фактического материала, в публикацию источников, подготовку научных кадров и т.д." [123, 8].

"Биографическая часть статьи весьма лаконична и, кроме самых кратких демографических данных, содержит сведения, касающиеся образования и научной специализации, учёных степеней и званий соответствующего лица, основных результатов его научной и педагогической деятельности. Биографическая часть имеет два раздела; в первом из них перечисляются наиболее значительные работы данного автора по славистической проблематике, во второй – основные работы о нём" [123, 11].

"Наряду со словарями в историческую биографистику входят монографические исследования о видных деятелях или замечательных людях прошлого". "К исторической биографистике, кроме научных биографий, относятся также посвящённые прошлому произведения беллетристического характера и т.н. научно-художественная проза". "Что касается монографических исследований, то они, с одной стороны, открывают возможность для глубокого изучения жизненного пути, мировоззрения и научного творчества крупных учёных-славистов, а с другой – позволяют на конкретном материале воссоздать идейно-политические черты соответствующих научных направлений и школ, воочию увидеть взаимоотношения между ними, оценить их место в развитии славистики" [123, 14].

"Славяноведческая биографистика находится сейчас на подъёме, но достигнутый ею уровень едва ли можно назвать удовлетворительным. Пока словари славистов имеются даже не во всех славянских странах, а там, где они изданы, охватывают далеко не все нужные персоналии. Между тем словари начнут "работать" с полной отдачей лишь тогда, когда из них сложится единая информационная система, которая обеспечит быстрое получение любых нужных специалистам конкретных сведений и явится базой для широких страноведческих и сравнительно-исторических исследований" [123, 14-5].

"Важной и неотложной задачей славистов представляется увеличение числа монографических исследований и статей биографического характера. Наука индивидуализирована больше, чем многие другие сферы человеческой деятельности. Поэтому в её истории, в том числе и истории славистики, творческим портретам необходимо отводить всё большее место, причём речь должна идти не об отдельных эскизах и набросках, а о систематической работе по тщательному изучению творческого наследия наших предшественников на научном поприще. Весьма полезным было бы, в частности, создание специальной биографической рубрики в периодических и продолжающихся изданиях страноведческого профиля, в частности в журнале "Советское славяноведение" [123, 15-6].

"... имеющиеся работы отличаются друг от друга не только объёмом и степенью адаптации текста, если он предназначен не исключительно для специалистов, но также неодинаковым отношением общебиографического и историко-научного материала, различным подходом к вопросу о том, насколько далеко следует выходить за рамки биографии, стремясь показать ту общественную и научную жизнь, на фоне которой развёртывалась деятельность данного учёного. Вопросы эти очень важны и заслуживают специального рассмотрения" [123, 16].

Не все готовы были написать автобиографию, не все захотели и сумели. Твоя жизнь – это твоя жизнь. В ней, пожалуй, слишком много сокровенного. Трудно обойти подводные камни. Но, тем не менее, кажется, не вся же она сплошь закрытая тема.

Как ни странно, вроде существует Международный центр изучения жизни Столыпина. Впрочем, что удивительного? Всего-то тот центр, оказывается, из четырёх человек – киевлянина и трёх москвичей. А сколько надо? Действительно. Но в таком случае, почему бы не быть "международному центру" жизнеописания и известных харбинцев. Проявите инициативу, господа товарищи, роком связанные с печальной историей Русской Атлантиды, и создавайте центр на сопках Маньчжурии. Обязанность самих же выходцев, которые этим делом по собственной инициативе занимаются и очень интересуются. Уже есть такой цех пока виртуально.

Наш "центр" будет координационным: в разумном увлечении историей человеческой жизни полезно всем заинтересованным разобраться и рассредоточиться по биографическому пространству. Дабы во благо творческого сотрудничества самочинных биографов, ныне живущих по разным странам и всем континентам, можно было бы связаться и как-то согласовать подходы и принципы отбора имён, сбора фактического материала и изложения. Во-все не вредно обсудить и сообща разработать собственную биографику как перспективную отрасль знаний, наметав и испытав различные направления своей гуманитарной истории и стилистики.

Обычно описание жизни идет от начала к концу, от рождения человека к его смерти. В таких прямолинейных жизнеописаниях недостаёт кривизны и колебаний. Биографы ищут разные подходы и способы, и всё равно не даётся, трудно схватить стержень жизни. Не только в 1955-м году не мог предвидеть, предусмотреть, предугадать свою жизнь потом здесь, связав её с той там (в голову не пришла мысль). Даже теперь недопонимаю, зачем и как жил, прожил всю жизнь. И вопросы ведь ставлю неосмысленно и бессистемно. Должна же быть какая-то религия собственной жизни, а нет, до сих пор ни разумения, ни покаяния.

Что-то постоянно отвлекает от главных мыслей на тему. До сих пор никто не разгадал тайны, почему киты выбросились на берег и сообща совер-

шили самоубийство. Кто скажет, почему харбинцы в 1935-м и шанхайцы в 1951-м массой устремились на Родину, чтобы застрять и умереть в ГУЛАГе? Конечно, не всё можно предвидеть и знать заранее, тем не менее, не кажется ли, что были все они слишком легкомысленны и нерасторопны в отношении единственной жизни и остались излишне доверчивы к собственной судьбе. Или же дремучая невежественность и дикая халатность?

Если бы Зорге, а то и каждый из нас, мог заранее знать или предвидеть конец, то в какой мере и как прогноз изменил бы содержание жизни, её направление и протекание. Какая-то изначальная сила, видимо, всегда влияла и продолжает сказываться на таинственной судьбе нашей. Но люди в большинстве не склонны разбираться в загадочных службах мрака. В легкомысленном отрочестве и юности в голову не придёт загадать своё неведомо куда продолжение и неведомо где окончание. Последний поворот пути, казалось, вообще ничего особенного и мало чего стоит. Списывая старость, допускаем роковые ошибки – и пропадаем в мистической яме.

Есть внешние проявления жизни, а есть суть, только идеальный смысл. Можно схватить частность, присущую жизни, что характеризует, поддерживает, необходимо, как и уловить свойство, чуждое ей, что не совместимо с ней и отрицает её. Не даётся определение жизни, по-видимому, неслучайно, имеются причины. Зависит от многообразия и путаницы, разнородности и интенсивности, от наших способностей. Имея дело со сложным, разнообразным и многоплановым явлением, мысль бессильна, не схватывает предмета, никак не определяется понятие, не даётся образ. Люди и творят, и описывают свою жизнь, много подходов было и будет, возможно, и в сторону существа дела – от внешних и очевидных проявлений внутрь, проникая в суть. Всё разом не узнать полностью, так узнавать постепенно, накапливая средства, способы, методы и приёмы сознательного движения мысли, могли бы заметить и приоткрыть что-то.

Распространённые и, казалось бы, всем понятные слова: "свобода слова, мысли, веры, личности, жизни" – и в самом деле они весомы, много чего значат и многого стоят в плане духовности. Ни у кого нет права лишить человека этих основополагающих ценностей, хотя, к сожалению, хватает коварства, и злые силы ухищряются урезать любую свободу как-то и в чём-то. И люди у нас пока не научились отстаивать их и защищать себя. Важно каждому в своё время получить соответствующую прививку, чтобы владеть силой воли и отчётливыми знаниями собственной роли в космосе, природе и обществе.

Зрелый ум рано или поздно обязан справиться с осмыслением себя, приобщившись к культуре, науке или искусству собственного жизнеописания. Без этого невозможно развиваться должным образом. Лишённые дара биографии, как дара слова, изгой общества, по сути находясь вне пределов современной цивилизации, естественно, сами безвольно влачат жалкое су-

ществование. Биографика как дисциплина, жаль, специально пока не разработана в достаточной мере, чтобы можно было ею пользоваться на практике. Школа этим вопросом всерьёз и с умом не в состоянии заниматься, следует дорасти до осмысления и дотянуться до такой мудрости.

Большой вопрос шаблонности представлений, стереотипов восприятия и обозрения истории человеческой жизни, на наш взгляд, связан с тем, что люди почему-то довольно легко, проходя школьные курсы, подчиняются механистическому "мировоззрению". И затем, придерживаясь привычного и однообразно-упрощённого взгляда на природу, уже сами подражают друг другу в поведении, в житейских делах, часто заражённые привычкой и навыками стандартности и в письме, и в устной речи – "как все".

В творчестве существенная часть жизни – дерзания и поиски. Именно там скрывается более ценный биографический источник, нежели текст самой автобиографии. Жизнь писателя, актёра, скульптора, художника "двоемирна", но жизненный и творческий миры не разобщены. Связанные между собой, они "активно взаимодействуют, пересекаются, сливаются, презрев границы между собой" [182, 30]. В мысли всё зыбко и спорно, мнится кому как и когда. Для кого-то "биография одна, как едина жизнь, цельная и конкретная. Термины "внешнее" и "внутреннее" <...> допустимы здесь только как средство анализа", – "внешнее только знак внутреннего" [84, 65].

Наблюдая образный ряд творений, вместе со стилем улавливаем дух творчества и личность творца. "Поэтическое познание есть прежде всего самопознание. Это один круг; другим очерчивается весь окружающий поэта, ближайший к нему мир – его среда, его время, сверстники, современники. Но и "малый", и "средний" мир – это пути, ведущие к познанию мира большого, лежащего за пределами чувственной достоверности, макрокосм, чьи элементы на языке разных эпох <...> носят различные названия – "бог", "человечество", "вселенная" и т.п. Изучая вот эти три круга познания, определяя их характер, мы приблизимся к пониманию "тайны единения автора с его героями", "тайны" процесса личного творчества" [41, 520].

Не любые жизненные факты, отдельные и разрозненные, и не всякие биографические сведения сами по себе самостоятельно уже представляют собой цельную биографию и некий законченный сюжет. Помимо всего, в жизнеописании непременно ещё внутренняя связь фактов и зависимости, линия, логика, последовательность, система мыслей, действий, поступков, событий, определяющие определённую концепцию личности и её жизнедеятельности.

Жизнеописание (биография) и жизнь (предмет биографии) аналогичны, соотносятся и в чём-то сходны. В то же время и существенно отличны друг от друга. Их несходство примерно такое же, как живое лицо, сама личность, и фотография или словесный портрет. В одном случае оригинал, свои достоинства и живость, во втором его копия, иное качество, иначе ценится. У

действительности и репродукции разные свойства. "Подобные анекдоты придают известную прелесть биографиям писателей, но в жизни они были обязаны своим возникновением чертам характера, действовавшим на окружающих отталкивающе и вызывавшим неприязнь" [244, 118].

Есть литература, идеальный образ действительности, а есть сама реальность, первичная, осязаемая и переживаемая. Видимую и невидимую жизнь по-разному чувствуют и понимают, во всяком случае, тут чистая идеология, догадки, гипотезы, версии, попытки представить глубже, фантастика и всевозможные переносы, метафоры, сказки. И восприятие, и осознание отражённого мира – всё жизнь, то ли первая, то ли вторая, небесная и особенная сверхжизнь и просто жизнь земная. Высокие и низкие пределы религиозной, самоотверженной и творческой жизни-подвига, святое бытие и грешный быт.

Жизнь описывают, разбирают, исследуют, сопоставляют, оценивают, это в литературе. И жизнь планируют, строят стратегию, относятся расчётливо, вмешиваются в её ход, добиваются чего-то. Это уже в самой жизни. Идёт сознательное строительство, пусть называют карьеризмом достижения по службе. Не подчиняются стихии судьбы – будет как будет, – но сами влияют на её ход, ведут себя по жизни, рассчитывают шаги, осмысливают поступки, даже "брак по расчёту". Волевой стиль жизни – твёрдая политика, всё по плану. Холодный расчёт, без излишних эмоций, диктует выгода и польза. То чуждый нам стиль жизни, не умеем, такое не привито.

Больше того, такой обычай порочится – плохо, что инородно и чуждо. Политика – дело грязное, не занимайтесь! Гуляйте, веселитесь, радуйтесь, живите весело, как Бог на душу положит, не утруждайте себя планами. Лучше быть щедрым, чем скупым. Нам по душе богатство и широта, скупость и экономия – образ жизни жалких людей. А кто кому оказывает помощь? Те расчётливые до скупости выбились в люди и, захотят, могут помочь. Таковы взаимоотношения между людьми, и международная жизнь противоречива. Где скрещиваются интересы, там политика, у одних дальновидная, у других близорукая, у третьих как кисель. Разнообразная жизнь.

Зависимое, обязанное, навязанное, вынужденное, – тюрьма, заточение, ссылка, ГУЛАГ, бедность, нищенство – всё жизнь. Вернее, фатальная "форма" ущербного существования, язык часто не уточняет, предоставляя самим догадываться из контекста, какая это нормальная или ненормальная разновидность. Сложные отношения здесь, слишком много чего происходит, случается в ней – и, тем не менее, всё можно назвать жизнью. Жизнь всякая – всё многообразие, в неопределённо широких пределах. Она также и некая выборка из совокупной реальности.

А.А.Быков. Игнатий Лойола: Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1894.

"Прежде чем приступить к передаче событий из жизни основателя ордена иезуитов, необходимо сделать серьёзную оговорку.

Всякое лицо, обратившее на себя внимание общества и попавшее в историю, имеет свою биографию. Эту биографию пишут или поклонники и приверженцы исторической личности, или его недоброжелатели и враги; первые украшают в жизнеописании своего героя всеми хорошими качествами, приплетают, по мере сил и умения, тьму небылиц, рассказней и даже чудес, пропускают всё для него неприятное, дурное, смешное и в конце концов создают какое-то идеальное существо, не имеющее ничего общего с действительно существовавшей личностью. Вторые поступают как раз наоборот. Благодаря этому, беспристрастный историк очень нередко оказывается в затруднительном положении, не зная, как из имеющихся под руками исторических материалов восстановить образ исторического деятеля. На помощь ему является историческая критика, дающая возможность разобраться среди противоречивых показаний господ биографов. Но иногда и историческая критика, и чутьё историка оказываются бессильными при недостатке материалов или их односторонности; благодаря этому, немало исторических личностей до настоящего времени изображаются в истории в ложном виде, например Иван IV Грозный, Ричард III, Людовик XI и многие другие. Подобного же рода затруднения являются и при жизнеописании Лойолы. Почти исключительно его биографами являются иезуиты, и надо видеть, до какой наивности доходят многие из них, рассказывая жизнь основателя их ордена; встречаются указания у них, что с момента появления Лойолы на свет стали совершаться чудеса, выходящие из ряда обыкновенного, а затем каждый шаг малютки выказывал его гениальные способности, свойственные лишь божественному избраннику, и явное желание быть служителем единого Бога.

С другой стороны, т.е. со стороны врагов иезуитского ордена, серьёзный исторический материал так ничтожен, многие из писавших о Лойоле так мало знают о нём лично, так часто смешивают его действия и планы с действиями и планами Клавдия Аквавивы, пятого генерала ордена иезуитов, что желающему писать о Лойоле почти не на чем остановиться. Благодаря этому более или менее правдивая биография основателя ордена иезуитов, очевидно, должна быть с пробелами и пропусками, по причине которых самое жизнеописание является неполным, а потому личность Лойолы не вполне выясненной, как это было бы желательно каждому, интересующемуся этим деятелем XV столетия" [63, 298-9].

"Долгие дни своего невольного плена Лопес зачитывался принесёнными книгами, и его пылкое воображение, а также свойственная всем васко-

нам страсть к чему-нибудь особенному, способному выделить из толпы и прославить, внушили ему мысль бросить греховную светскую жизнь и отдаться христиански-духовной деятельности. Он стал обсуждать эту мысль, развивать её – и в нём началась внутренняя борьба: с одной стороны удовольствия жизни, жажда рыцарской славы, ласки женщин и всё то, что может привлекать 30-летнего мужчину; с другой – полное одиночество, подвиги религиозного рвения и самоотвержения, разрыв с прошлым, подражание угодникам, возможность обратиться на себя милости самого Бога. Борьба была продолжительная и упорная во время печальных зимних месяцев. Наконец мысль о возможности прославиться на духовном поприще, а также мысль о покровителе св. Петре, который, конечно, являлся ему не зря, одержали верх, и Иньиго Лопес, со всею неуклонною решимостью горца или, лучше сказать, со всею упрямством васкона, окончательно остановился на намерении отказаться от всего прошлого и начать новую, ещё неведомую ему жизнь во славу Господа Бога, Иисуса Христа и Пресвятой Девы Марии, рыцарем которой он решил объявить себя" [63, 303].

"В первом заседании Лойола сказал: "Небо закрыло нам путь в Землю Обетованную с той целью, чтобы отдать нам весь мир. Немного нас теперь для такого дела, но мы умножаемся и начинаем формировать батальон. Однако никогда отдельные члены не окрепнут в достаточной степени, если между ними не будет общей связи; поэтому нам необходимо создать устав для семьи, собранной здесь во имя Бога, и дать не только жизнь новоучреждаемому обществу, но и вечность. Помолимся же все вместе, а также и каждый отдельно, чтобы воля Господня исполнилась". В одном из следующих заседаний Лойола подтвердил свои гордые слова: "Мы, рыцари, призваны самим Богом, чтобы духовно покорить весь мир; поэтому вполне необходимо, чтобы наше товарищество образовало боевую дружину, способную просуществовать до конца мира. Сомневаться же в вечности мы не имеем права, потому что она формально обещана нам Господом Богом и Иисусом Христом" [63, 330].

2

В поисках смысла

Не перечислить авторов, которые терзались и касались вопроса смысла жизни. За тысячелетия осели в библиотеках мудрые мысли о жизни, накоплены имена, сохранены великие труды и знания. В них вникаем, как можем, и от них отталкиваемся, как от берега, чтобы плыть дальше. И до нас люди переживали и сочувствовали, и после ещё останутся со своими заботами, чувствами и думами. Ведь жизнь в определённом смысле всё-таки одна, всё продолжается, пока есть (идёт) время, до самого конца суетной и ходячей истории. Может быть, у нас в целом есть и всеобщее предназначение: в конце концов, кому-то да понять высший смысл, как придёт день.

В "Мудрости тысячелетий" 1300 авторов, в поисках смысла. "В сборнике представлены: материалисты и идеалисты; терпимые к верующим атеисты, страстные богоборцы и богохульники, а также богословы основных религий (христианства, ислама и буддизма); оптимисты и пессимисты; гуманисты и аморалисты; философы, защищающие законопорядок в обществе, и анархисты; альтруисты и эгоисты; сторонники эвдемонизма, гедонизма, эпикуреизма и аскетизма; эволюционисты и их противники; сторонники реализма, прагматизма, здравого смысла, утилитаризма, объективизма, эмпиризма и утопических воззрений; теоретики стоицизма, мистики, нигилисты; защитники других жизненных идеалов и ценностных ориентаций" [216, 26-7].

В книге 900 страниц оригинальных цитат, каждая особой значимости, и, как утверждает составитель сборника, "очень существенно, что такое разнообразие взглядов учит нас мыслить". Слово "жизнь" употреблено 2622 раза, из них в именительном падеже 951 употребление, 36% – совсем не случайно. В данном случае нас в большей мере занимает специальный вопрос о способах истолкования ключевого слова, раскрытия значения. Прежде всего, осмысление понятия предлагается в прямых ответах на вопрос: "Что такое жизнь?". Расшифровок значения "жизнь" в объёмном труде и перечне суждений всё же явно недостаточно.

Как и люди, цитаты-мысли разнообразны, отличаются глубиной, изяществом и содержанием, будучи все и своенравны, и капризны, в целом неравноценны, различаются складом характера. В суждениях и высказываниях значительный вес порой имеют мораль и нравоучения. Морализаторство и поучение сказываются на тональности слога, прорывается менторский тон и особенный стиль, своеобразный и тяжеловесный. Наряду с поиском и раскрытием смыслов, для фразеологии свойственно строгое научное изложение. В художественном описании и в образной речи, конечно, больше лёгкости, доступности, весёлости и розыгрыша.

Нет толку заявлять, что не знаешь и якобы нельзя узнать ничего об этом, ибо вселенская тайна. Значит, и вовсе закрыть себе перспективу и путь познания истины, пожалуй, беспомощная и непродуктивная позиция и для ученика, и для учёного. Отрицает и пресекает в тебе обеспокоенность, сдерживая дух и блокируя активность поиска. Хотя кто знает, какому чувству отдать предпочтение: самоуверенности или робости, дерзости или сдержанности. То ли исповедовать веру "Никому не ведомо", то ли держаться соблазна "Всё ясно". Пожалуй, в рассуждениях своих остерегайтесь крайностей, стремясь к уравновешенности позиции, как велит мудрость.

Писатели и философы стараются разгадать тайну мироздания. Соберём мнения и попробуем провести круглый стол на тему "Общая стратегия жизни: блуждание и поиск смысла".

Что такое жизнь? Смысл этот накапливается в памяти и в слове.

Рамки жизни, пространство. Где живёт жизнь, в чём? Космос, Земля, микрокосм. Смысл жизни. Значение и понимания смысла. В чём назначение и цель жизни? Познаваем ли смысл жизни и смерти? То, кажется, да, то нет, – от чего зависит ощущение? Любовь к жизни бессмертна. Жизнь прекрасна! Любите её! Красиво и призывно, несерьёзно и необязательно. Длительность – не суть жизни, всего-навсего одно из свойств и характеристик. Цель жизни. Значение цели в жизни, непросто определить и перечислить. Нет чёткости и полной ясности. Этапы жизни. Они бесспорны, ибо очевидны. Старые вещи имеют стоимость. Люди тоже. Отношение к прошлому, настоящему, будущему. Разная позиция к смерти. Сколь существенно различаются культуры. Как жить? Об искусстве жить. Стил жизни, есть внутренняя потребность. Хочется быть удачливым и ловким. Жить для других. Общая программа, очень спорная. К чему повторять посторонние слова? Жить для любви. Опять романтизм. Также из разряда наивных призывов, для других. Нет жизни без родины и Отечества. Было бы правильнее в конце поставить знак вопроса. Жить с чистой совестью. Зачем и как? Невероятно трудная задача, отвлечённая. Труд – условие жизни и счастья. Жизнь лентяев безрадостна. Не всегда. Надо спросить лентяев, каково им. Жить сегодня, довольствуясь малым. Хорош совет, но не для всех. А если не хотят довольствоваться малым? Жизнь в борьбе. Разве? В какой борьбе, революционной или с самим собою? Война, разбой, дерзость, смирение? Наслаждение, праздность, пустая жизнь. Молодость духа и романтизм в душе. Ценить время жизни. Как? Наполняя жизнь смыслом. У времени своя ценность. Быстротечность и краткость жизни, иным почудится в конце пути. Бренность жизни. Оправдание себя со стороны жалобщиков и плакальчиков. Тяготы и суетность жизни. Озабоченность существованием и мифотворчество. Что достаётся человеку? Переживать и переносить трудности. Невзгоды закаляют и умудряют. Так и не так. Нет жёсткой зависимости. Мудрость напрямую не связана с бедами. О смысле жизни и старости. Для старости свойственна задумчивость, похоже на совестливость. О смысле набожной жизни: за и против. Кому как угодно, зависит от внутреннего устройства души и химии. "Жизнь после смерти". Вечная жизнь и бессмертие. Метафизический вопрос веры, не научного знания. К чему теория? Понимание жизни совершенствует тех, кто интересуется и занимается наукой. Что укорачивает и что продлевает жизнь. Важно понять, как сделать жизнь содержательной.

3

К истории философских взглядов

1

Живём и развиваемся интеллектуально заимствованиями и подражанием, делясь "открытиями" и мыслями. Отсюда особое назначение и практическая роль механизма накопления, запоминания и обсуждения цитат, или повторения афоризмов и воспроизведения фигур и фраз. Такова основа

школы жизни, выживания, и в природном, и в культурном сообществе. Весь наш интеллект сцементирован и скреплён массой чужих высказываний, установками, нравоучениями и советами. Можно утверждать поэтому, что на первых порах мы держимся на плаву в решающей мере не своим, а чужим умом, если даже и вроде бы вопреки учителям, старшим и более осведомлённым, тем не менее, наследуя, воспринимая или отвергая сторонний, их опыт. "Учись, мой сын, наука сокращает нам опыт быстротекущей жизни".

Соломон: "Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чём говорят: "смотри, вот это новое"; но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после" (Екклесиаст, 1, 9-11). "Участь сынов человеческих и участь животных – участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом; потому что всё – суета!" (Екклесиаст, 3,19). "Все труды человека – для рта его, а душа его не насыщается" (Екклесиаст, 6,7). "Не проворным достаётся успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех" (Екклесиаст, 9,11).

Порой, отделяя идеальный стержень вещей, пытаемся представить и использовать отвлечённый конструкт. Например, Сенека: "Что такое бог? – Всё, что видишь, и всё, чего не видишь" (О природе) [298]. То есть абсолютная вездесущность, всё видимое и невидимое. Только человек способен задавать отвлечённые и глобальные вопросы, находя для себя такие же всеобщие ответы. Похоже, то же можно сказать и относительно проблематизации и озадачивания себя поиском сути таких понятий, как время и вечность, добро и зло, жизнь и смерть. Они, как видно, тоже сквозные, охватывают весь мир, всё, что в действительности окружает человека и чего касается он взглядом и отношением. Не ясно, можно ли мириться с безмерностью изъяснений абстрактных сущностей.

Бозций: "Вечность есть совершенное обладание сразу всей полной бесконечной жизни" (Утешение философией) [61, 233]. Лактанций: "Нет добродетели без порока, как нет победы без сражения и без неприятелей и как вообще нет добра без зла. Страсти суть как бы излишества души. Самые плодородные земли производят сами собою множество терния и дурных трав" (Божественные установления) [173, 49].

Августин: "Что такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю" [3, 292]. "Прошлого уже нет, а будущего ещё нет. И если бы настоящее всегда оставалось настоящим и не уходило в прошлое, то это было бы уже не время, а вечность; настоящее называется временем только потому, что уходит в прошлое. Как же мы говорим, что оно есть, если причина его возникновения

в том, что его не будет! Разве мы ошибёмся, сказав, что время существует только потому, что оно стремится исчезнуть?" (Исповедь) [3, 292].

Парфразируя философа, почти то же, что он о времени, можно утверждать и о жизни: если специально не задаваться вопросом "Что такое жизнь?", она как бы всем известна, но слишком отвлечённый предмет. Однако стоит сосредоточиться и задержаться всерьёз на осмыслении понятия, чтобы попытаться дать исчерпывающее и достаточное определение жизни, как выясняется, на самом деле, практически, сделать это чрезвычайно трудно. Обиходный уровень представлений (поверхностное знание) никак не схватывает существа глубинных токов и кровоснабжения понятия (или явления). Кроме того, не согласуются между собой и растекаются в разные стороны взгляды, не связанные друг с другом, противоречивые в огромном множестве суждений и толкований.

Толковые словари так называются, в самом-то деле нередко очень беспомощные и бестолковые. Вот и вынуждены мы вчитываться в книги и цитировать мудрецов, начиная с древних и средневековых, рассуждавших о сложной материи. Потом перейдём к современным философам и филологам. Они тоже копаются в своих мыслях и ощущениях, задумываясь над устройством мира, среды обитания, разбираются в замысловатости сознания и жизни. И у них будет что заимствовать и чему учиться. Не всё просто понять и познать, однако попытаемся в чужих стараниях и страданиях разобратся хоть в малой мере. Мысли-озарения, словно свет, – тоже природное явление, участвуют в обменных процессах жизни-деятельности.

Марк Аврелий: "Нет ничего устойчивого, а рядом с нами безмерная бездна прошедшего и грядущего, в которой всё исчезает" [284, 372]. "Азия, Европа – закоулки мира. Целое море – для мира капля. <...> Всякое настоящее во времени – точка для вечности" [6, 33]. "Как морской песок ложится покровом поверх прежнего, так прежнее в жизни быстро заносится новым" [6, 39]. "Всё происходящее ничем не отличается от происходившего ранее и имеющего произойти в будущем. <...> Повсюду одно и то же, только действующие лица другие" (Размышления) [284, 417].

"Жизнь наша – прохождение тени" (Премудрость Соломона). Мидраш: "Жизнь – как уходящая тень, – говорит Писание (Псалт., 101, 12). Чья это тень – тень от башни или тень от дерева? Ни то, ни другое; это – тень от летящей птицы" (Берешит раба) [124, 62]. Боэций: "Ваша нынешняя жизнь не больше, чем текущее и преходящее мгновение. Такая жизнь может быть бесконечно долгой, но она не может объять и охватить всю свою протяжённость одновременно. Ведь будущего ещё нет, тогда как прошедшее уже утрачено" (Утешение философией) [61, 233].

Сенека: "Изящно возразил мудрый Гай Лелий какому-то человеку, сказавшему: "В мои шестьдесят лет..." – "Скажи лучше «не мои шестьдесят»".

Привычка исчислять утраченные нами годы мешает нам понять, что суть жизни – в её неуловимости, а удел времени – всегда оставаться не нашим" (О природе) [298, 343]. "Время твоей жизни <...> движется беззвучно, ничем не выдавая быстроты своего бега" (О скоротечности жизни) [296, 49-50]. "Ничто не вечно, немного долговечно, <...> конец у вещей различный, но всё, что имеет начало, имеет и конец" (Утешение к Полибию) [393, 238].

2

Надо заметить, не только христианский мир, но всё современное и новое религиозное мировоззрение отличаются своей идеологической направленностью и методологией, развивая взгляд на преемственность проходной жизни здесь сейчас, земной и временной, и жизни потом там, будущей и вечной. Различая адское существование в наказание и райскую жизнь в награду.

"Путь жизни мудрого вверх, чтобы уклониться от преисподней внизу" (Притчи, 15, 24). Ориген: "Бог впервые начал действовать не тогда, когда сотворил этот видимый мир; но мы верим, что как после разрушения этого мира будет иной мир, так и прежде существования этого мира были иные миры" [237, 281]. "Тем, кто имеет в этой жизни некоторое предначертание истины и знания, в будущей жизни должна быть придана красота законченного изображения" (О началах) [237, 179]. Иоанн Златоуст: "Язычников не столько обращают чудеса, сколько жизнь. <...> Доколе проповедь не была ещё распространена, чудеса по справедливости были предметом удивления, а теперь нужно возбудить удивление жизнью" [142, 485]. Августин: "Преступления не искупаются милостынями, если не изменяется жизнь" [5, 55].

Читая "Мысли и изречения древних", понимаешь, мир древней мудрости удивительно глубок и настолько же разнопланов. Мыслим мы сходно с теми, кто жил ещё до или в начале нашей эры, рассуждаем подобно им, едва ли не одинаково. Не станем настаивать, что совершенно неотличимо от них, это не так, однако очень даже похоже. Конечно, есть различие в стиле и манере изложения, в характере высказывания. Древние философы так же, как и мы, настойчиво хотели осознать и сказать, что есть наша жизнь; как и мы, гадали по-всякому; видимо, как и мы, дерзали; и всё же никак не могли, как и мы, раскрыть божественной тайны мироздания. Философской мысли не откажешь в упорстве и настойчивости, порой она кажется изобретательной и изысканной, порой простоватой и грубой.

Пифагор: "Жизнь подобна игрищам: иные приходят на них состязаться, иные – торговать, а самые счастливые смотреть; так и в жизни иные, подобные рабам, рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы – до единой только истины" [117, 334]. Платон: "Люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю её длину тянется широкий просвет. <...> Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине <...>. Разве ты думаешь, что люди

что-нибудь видят, кроме теней, отбрасываемых огнём на расположенную перед ними стену пещеры?" (Государство) [255, 295].

За тысячелетия не исчерпал себя интерес и не иссяк запал, дух вечной озабоченности человеческой судьбой. По этой роковой части современный человек как бы продолжает предметно раздумье своих далёких предков. Не случайно же мы, уже в иной цивилизации, их слышим и понимаем. То, о чём говорили в древности и в раннем средневековье, трогает и увлекает. Готов их слушать, не прочь вступать в разговор, в спор, с теми авторами. Выходит, есть связь, остались общие вопросы, и с нас не сняты вечные обузы забот и страхов, тревог и надежд. Может быть, следуя друг за другом, мы продолжаем одно непрерывное дело, вовлечённые в долговременный процесс. Именно сообщая участвуем, как подельщики, обречённые на приобщение к той великой загадке, условно именуемой жизнью, кто называет иначе.

Всякое высказывание, самое умное или очень глупое, касающееся жизни, всегда относительно и частично. И тем самым в той или иной мере потребует уточнения, дополнения и развития. Древние философы ничуть не наивнее и не глупее нас, как вечные ценности культуры, их мышление и жизнь духа ничем не отменяются. Даже и осознавая это, тем не менее, мы просто обязаны прибавить от себя волю и долю изменений, дополнений и уточнений к знаниям и к общей картине мира. Работа мысли и философия не прекращаются и не прерываются, постоянно и настойчиво в своём круговороте продолжают. Хотя так, как они в своё время, нам уже не жить, не дышать, не сказать. И эта неповторимость и своеобразие формы жизни, переживаний и мысли, по-своему и значительны, и замечательны.

Иоанн Златоуст: "Настоящее – театр; здешние предметы – обманчивая внешность, и богатство, и бедность, и власть, и подвластность, и тому подобное; а когда окончится этот день и наступит та страшная ночь, или лучше – день: ночь для грешников, а день для праведников; когда закроется театр, обманчивые виды будут отброшены; и как здесь, по окончании театра, иной из сидевших вверху, увидев в театральном философе медника, говорит: "э, не был ли этот в театре философом? – а теперь вижу его медником; этот не был ли там царём? – а здесь вижу в нём какого-то низкого человека; так будет и там" (О Лазаре) [143, т.1, 857]. "Разве ты не знаешь, что настоящая жизнь есть путешествие? Разве ты – гражданин? Ты – путник. <...> Не говорите: у меня такой-то город, а у меня такой-то. Ни у кого нет города; город – горе /на небесах/; а настоящее есть путь. И мы путешествуем каждый день, пока движется природа" (Беседа...) [144, 414].

Марк Аврелий: "Жизнь – борьба и странствие по чужбине; посмертная слава – забвение" (Размышления) [284, 352]. Сенека: "Жизнь – вещь грубая. Ты вышел в долгий путь – значит, где-нибудь и поскользнёшься, и получишь пинок, и упадёшь, и устанешь, и воскликнешь "умереть бы!" – и, стало быть,

солжёшь" [296, 269]. "Жизнь ему в тягость". – Не спору, а кому она не в тягость? Люди и любят, и ненавидят свою жизнь" (Письма к Луцилию) [296, 283]. "Ничто так не обманчиво, как жизнь; <...> поистине, её не принял бы никто, если бы не получил против воли" (Утешение к Марции) [63, 326].

Человеку не открыта истина, он напряжённо и мучительно проходит её, приобщаясь к Сущему. Очевидно, продолжается поиск таинственного смысла Добра и Зла, Жизни и Смерти, Времени и Вечности. Порой приходят удачи, догадки, подсказки, озарение. Человечество, кажется, всё только учится, ему, в общем, трудно даётся наука жизни, ибо до конца не осознан и непонятен сам предмет, или то, чему следует научиться. Методология выживания и глобальной жизни как предмет мысли ещё никак не обозначены в должной мере, нет программы, обстоятельной и убедительной, которая могла бы овладеть массовым сознанием.

3

Мир бесконечно разнолик и многопланов, как и жизнь не одна и исключительна, но множественна, и в ней (и в мире) всё связано, противопоставлено, переплетено, сплавлено и расплавлено. Живая душа, дух, и жизнь как телесное существо – жизнь в жизни, многократно и разнородно. Как знать, всё это предположения, осмысленно ли, бессмысленно, и насколько? Никак нельзя найти строго научное определение жизни, хотя (или так как) мы её переживаем в себе, наблюдаем и чувствуем, подключая интуицию.

Гераклит: "Бессмертные – смертны, смертные – бессмертны; смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают" (О природе) [204, 46]. Пифагор: "Душа совершает круг неизбежности, чередою облекаясь то в одну, то в другую жизнь" [117, 336]. Платон: "Судьба – путь от неведомого к неведомому" (Определения) [255, т.4, 615]. "Все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни и каждый – с самим собой" (Законы) [255, т.4, 73]. "Во всей трагедии и комедии жизни страдание и удовольствие смешаны друг с другом" (Филеб) [255, т.3, 57].

Само по себе всё телесное и сущее на Земле, теперь и здесь, производно и вторично, конечно и тленно, будучи ограничено в жизнеспособности, пространстве и времени. У всякого существования имеются свои законные пределы, энергетические и в массе: если есть начало, то в нём уже заложен конец (диалектика). Так и у каждой индивидуальной жизни имеются свои природные грани, где есть рождение, там заранее задана перспектива и программа смерти – такова неизбежность, взаимосвязь и зависимость. Так, для кого же и что суть неуловимой жизни?

Издавна идёт, продолжается, безостановочный процесс поиска приемлемого способа использования символов на пути освоения и познания действительности. Слишком велик разброс мнений у участников экспедиции в мир таинственного и неведомого, непреодолимы расхождения, всё больше

разрыв непонимания и разночтения Слова. Никак не примирить взгляды, не согласовать подходы, не собраться и не найти, нет в принципе одной универсальной и окончательной постановки, не то что рационального решения, всеобщей задачи. Речь может идти лишь об ограниченных и частных формулировках относительных и временных условностей.

Аристотель: "жизнь есть питание, рост и одряхление, причиной которого служит принцип, имеющий цель в самом себе, энтелехия" (О душе). Плутарх: "Жизнь есть последовательность человеческих дел, большая часть которых имеет предметом добывание и приготовление пищи" (Пир семи мудрецов) [258, 379]. Ориген: "Вся жизнь христианина должна быть непрерывной великой молитвой" (О молитве) [240, 73]. Марк Аврелий: "Искусство жизни более напоминает искусство борьбы, нежели танцев. Оно требует готовности и стойкости и в отношении к внезапному и непредвиденному" (Размышления) [284, 391]. Публилий Сир: "Для несчастного сама жизнь – несправедливость" (Сентенции) [392, 247].

Сенека: "Всё познаётся легче, если расчленено на части не слишком мелкие. У чрезмерной дробности тот же порок, что у нерасчленённости. Что измельчено в пыль, то лишено порядка" (Письма к Луцинию) [296, 197]. Жизнь человеческую Пифагор разделял на четыре части: "Двадцать лет – мальчик, ещё двадцать – юнец, ещё двадцать – юноша, ещё двадцать – старец" (Пифагор и его школа) [117, 334]. Иероним спрашивал: "Примечает ли ты, <...> когда стал ребёнком, когда отроком, когда – юношей, когда мужем зрелого возраста, когда – стариком? Ежедневно мы умираем, ежедневно изменяемся, а считаем себя вечными!" (Письмо 60) [115, 258].

"Соломон написал сперва "Песнь Песней", а потом "Притчи", а потом "Екклесиаст", – и в этом вся наша дорога. В молодости мы слагаем песни, став постарше, изрекаем сентенции, и в старости говорим о суете жизни" (Толкование на "Песнь Песней") [124, 191]. Августин: "Всё это одинаково: в начале жизни – воспитатели, учителя, орехи, мячики, воробьи; когда же человек стал взрослым – префекты, цари, золото, поместья, рабы – в сущности, всё это одно и то же, только линейку сменяют тяжёлые наказания" (Исповедь) [3, 73]. "Чего не собрал ты в юности – как же можешь приобрести в старости своей?" (Иисус, сын Сирахов, 27, 28).

И далее, не раскрыв для себя вовсе тайны происхождения и механизма человеческой и земной жизни, вместо этого осознания действительности и бытия (онтологии) обычно либо пытаются определить своё отношение к окружающей среде, социальному строю и обустройству семейного быта. Либо задаются морально-нравственным вопросом, что же человеку следует и чего не целесообразно делать в обществе, для чего жить и как нам быть?

Парменид: "Мыслить и быть – одно и то же" (О природе) [357, 287]. Цицерон: Для человека учёного и образованного жить – значит мыслить

(Тускуланские беседы) [370, 368]. Дионисий Катон: "Жизнь без науки есть подобие смерти" (Моральные дистихи) [391, 230]. Августин: "В природе человека нет ничего выше ума. Но не по уму ему следует жить, если он хочет быть счастливым; иначе он жил бы только по-человечески, тогда как мы должны жить по-божески, чтобы достичь счастья. Ума его ему недостаточно, и он должен подчиниться Богу" (Пересмотры) [4, 183].

Наблюдается органическая взаимосвязь, противоположность и диалектическое единство жизни и смерти. Без смерти нет жизни, не ведали бы, и жизнь заканчивается, переходя в стадию смерти. Но жизнь вновь возрождается, опять расцветает, снова увядает и прекращается. Процесс жизни в целом развивается, восстанавливается и постоянно дальше продолжается. Всё сущее в отдельности рано или поздно прекращается, заканчивается смертью, она кажется безмерной и бездонной, как пустота. Идёт в мире великий круговорот вечного и всесветного бытия-небытия. Всякое существо (включая человека и человечество) существует, рождается, живёт и умирает. Закономерна жуть мрака в мировом вращении колеса вечности.

4

Эпикур: "Ничего нет страшного в жизни тому, кто по-настоящему понял, что нет ничего страшного в не-жизни" [117, 433] "Самое ужасное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти ещё нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет. Таким образом, смерть не существует ни для живых, ни для мёртвых" [117, 433]. "Большинство людей то бегут смерти как величайшего из зол, то жаждут её как отдохновения от зол жизни. А мудрец не уклоняется от жизни и не боится не-жизни, потому что жизнь ему не мешает, а не-жизнь не кажется злом" (Письмо Менекею) [117, 433]. "Жизнь – это благо и зло, а смерть ни то ни другое" (Надгробная надпись) [253, 104].

Иоанн Златоуст: "Что же такое смерть? То же, что снятие одежды: тело, подобно одежде, облакает душу, и мы через смерть слагаем его с себя на краткое время, чтобы опять получить его в светлейшем виде. Что такое смерть? Временное путешествие, сон, который дольше обыкновенного" (Беседы о статуях) [143, 75]. Тертуллиан: "Умирает обыкновенно лишь то, что рождается. У рождения со смертью взаимный долг" (О плоти Христа) [320, 167]. Иероним: "И для того, кто прожил десять лет, и для того, кто тысячу, одинаково всё прожитое, как только для обоих настал тот же конец жизни и необходимость неотвратимой смерти; разве только старец отходит с более тяжким бременем грехов" (Письмо 60) [115, 253].

Лактанций: "Не только нет возможности привести человека в глубокий покой <...>, потому что он сам по себе всегда находится в волнении и движении; но если бы то и возможно было, неблагоприятно допустить это. <...> Лишить душу движения значит лишить её жизни, которая есть движе-

ние, тогда как смерть есть покой" (Божественные установления) [173, 56]. "Покой принадлежит только сну и смерти. Самый даже сон есть не совершенный покой, потому что тут отдыхает одно только тело, а в душе представляются разные образы, и она находится в непрерывном движении, тогда как тело восстанавливает свои силы. Следовательно, одна смерть, собственно, есть вечный покой" (О гневе Божиим) [173, 250].

Тема смерти по-своему привлекает внимание, для испытаний и разгадывания она, может быть, в чём-то интересней, ибо таинственней, более расхожей и тяжеловесной темы жизни, хотя и не столь содержательной и разноплановой, зато сплошь чистая метафизика. Здесь по сути не две самостоятельных темы (отдельных предмета рассмотрения), но две стороны, или грани, одной более общей темы. В нашем сознании смыкаются две разных иллюзорных действительности, как бы реальность на фоне ирреальности.

Плутарх: "Что сильнее – жизнь или смерть? – Жизнь сильнее, раз она способна переносить столь великие невзгоды" (Александр) [260, 157]. "Пища нам не только средство к жизни, но и средство к смерти" (Пир семи мудрецов) [258, 381]. Сенека: "Размышляй о смерти!" – Кто говорит так, тот велит нам размышлять о свободе. Кто научился смерти, тот разучился быть рабом. Он выше всякой власти и уж наверное вне всякой власти" [296, 50]. "Кто не хочет умирать, тот не хотел жить. Ибо жизнь дана нам под условием смерти и сама есть лишь путь к ней" [296, 56]. "Ты заблуждаешься, полагая, что только в морском плавании жизнь отделена от смерти тонкою преградой: повсюду грань между ними столь же ничтожна. Не везде смерть видна так близко, но везде она стоит так же близко" [296, 83]. "Что такое конец жизни – её отстой или нечто самое чистое и прозрачное..." (Письма к Луцилию) [296, 101].

Сенека: "Те, кого мним мы исчезнувшими, только ушли вперёд" [296, 108]. "Что такое смерть? Либо конец, либо переселение. Я не боюсь перестать быть – ведь это всё равно что не быть совсем; я не боюсь переселиться – ведь нигде не буду я в такой тесноте" [296, 113]. "Жизнь не всегда тем лучше, чем дольше, но смерть всегда чем дольше, тем хуже" [296, 126]. "Лучшее из устроенного вечным законом – то, что он дал нам один путь в жизнь, но множество – прочь из жизни" [296, 127]. "В одном не вправе мы жаловаться на жизнь: она никого не держит. Тебе нравится жизнь? Живи! Не нравится – можешь вернуться туда, откуда пришёл [296, 127]. "Мы сетуем, что всё достаётся нам и не всегда, и помалу, и не наверняка, и не надолго. Поэтому ни жить, ни умирать мы не хотим: жизнь нам ненавистна, смерть страшна" (К Луцилию) [296, 139].

5

Долголетие не связано со счастливой жизнью, свойство, не всегда благое для самого долгожителя и окружения. Именно этот вопрос больше всего сосредоточил на себе внимание не только геронтологов, но и философов

с давних пор. Разумный человек не только инстинктивно, а и осознанно стремится продолжать активную жизнь возможно дольше, чтобы реализовать себя, добиваясь осуществления планов. Осознание роли приходит к человеку не сразу, требует зрелости и опыта. Каждый возраст мужчины и женщины отличается своей плодотворностью.

Демокрит: "Глупцы желают долгой жизни, не испытывая радости от долгой жизни" (Фрагм. 362) [204, 162]. "Жизни ничтожную часть успеваем прожить" (Неизвестный поэт) [297, 7]. Лукиан: "Жизнь коротка, а наука долга" (О выборе философии) [190, 75]. Публилий Сир: "Жизнь коротка, но несчастья делают её длиннее" (Сентенции) [392, 234]. "Не определено ли человеку время на земле, и дни его не то же ли, что дни наёмника?" (Иов, 7, 1). "Человек, рождённый женою, краткодневен и пресыщен печальями. Как цветок, он выходит, и опадает; убегает, как тень, и не останавливается" (Иов, 14, 1-2).

Сенека: "Самая короткая жизнь – у занятых людей" (О скоротечности жизни) [298, 50]. "Спокойная жизнь – не для тех, кто слишком много думает о её продлении" [296, 8]. "Жизнь наша коротка, и сами мы ещё больше сокращаем её своим непостоянством, каждый раз начиная жить наново. Мы рвём её на мелкие части и рвём в клочки" [296, 60]. "Расстояние между первым и последним днём изменчиво и неведомо; если мерить его тяготами пути, оно велико даже у ребёнка, если скоростью – коротко даже у старца" [296, 248]. "Жизнь – как пьеса: не то важно, длинна ли она, а то, хорошо ли сыграна" (Письма к Луцилию) [296, 153].

Цицерон: "Венец старости – всеобщее уважение и влияние. Те, кто блистательно удостоился этих наград, мне кажется, до конца доиграли драму жизни и в последнем действии не осрамились, как бывает с неискушёнными актёрами" [370, 393-4]. "Всё, что имеет конец, уже недолговечно. Конец наступает – и оказывается, что прошлое уже утекло" [370, 395]. "Какой век отпущен каждому, тем он и должен быть доволен. Ведь актёр может иметь успех и не играя от начала до конца драмы, достаточно ему понравиться в тех выходах, какие у него есть; так же и мудрым нет надобности доходить до последнего "Рукоплещите!" [370, 396]. "Если нам не суждено стать бессмертными, то для человека всё-таки лучше угаснуть в свой срок; ведь природа устанавливает меру для жизни, как и для всего остального, старость – последняя сцена в драме жизни" (О старости) [371, 401].

"Итак, долой этот бабий вздор, будто умереть раньше времени – несчастье! Раньше какого времени? Данного нам природою? Но она дала нам жизнь, как деньги, только в пользование, не оговорив, до какого дня" [370, 240]. "Какую же жизнь считать долгой? И что вообще может быть долгого в жизни человека?" [370, 241]. "Долгим и коротким мы называем всё на свете только по сравнению с тем, что людям дано и на что они рассчитывают. На реке Гипанисе, что течёт в Понт с европейской стороны, живут, по словам

Аристотеля, существа-однодневки: так вот, кто из них прожил восемь часов, тот умирает уже в преклонном возрасте, а кто дожил до заката, тот достигает глубокой дряхлости, – особенно если это было в день летнего солнцестояния. Сравни человеческую долговечность с вечностью – и окажется, что мы почти все такие же подёнки, как и эти твари" (Тускуланские беседы) [370, 242].

Марк Аврелий: "Всё от века единообразно и вращается по кругу, и безразлично, наблюдать ли одно и то же сто лет, двести или бесконечно долго. И долговечнейший, и тот, кому вот-вот умирать, теряет ровно столько же" [6, 11]. "Вот сказал бы тебе кто-нибудь из богов, что завтра умрёшь или уж точно послезавтра – не стал бы ты ломать голову, как умереть именно послезавтра, а не завтра, если ты, конечно, не малодушен до крайности" [6, 22]. "Самая продолжительная жизнь ничем не отличается от самой краткой. Ведь настоящее для всех равно, а следовательно, равны и потери – и сводятся они всего-навсего к мгновенью. Никто не может лишиться ни минувшего, ни грядущего. Ибо кто мог бы отнять у меня то, чего я не имею?" [284, 351]. "Что же такое вечная слава? Сущяя суета" [284, 363-4]. "Скоро ты забудешь обо всём, и всё, в свою очередь, забудет о тебе" (Размышления) [284, 387].

Жизнь есть постоянно продолжающаяся смена поколений, каждое из них, ограниченное и замкнутое, в своём промежутке, играет свою историческую роль, пусть не всегда определённую и ясную. Каждое поколение – необходимое звено более продолжительной сущности. Из временных отрезков складывается та или иная эра и зона вечности. Подлинный и полный смысл жизни, по-видимому, в целостной функции и вечном росте всего организма, состоящего из связанных между собой некой системой жизнедеятельных органов, тканей и клеток. Всякое рассуждение о бесконечности самонадеянно, субъективно и небесспорно, ибо условность, принимаемая или нет на веру и по доброй воле. Если нет критериев истинности, то бездоказательно, остаётся предположение и риторика.

Марк Аврелий: "Кто видел настоящее, тот уже видел всё, бывшее в течение вечности, и всё, что ещё будет в течение беспредельного времени" [284, 381]. "Безразлично, будешь ли ты наблюдать человеческую жизнь в течение сорока лет или же десяти тысяч лет. Ибо что увидишь ты нового?" (Размышления) [284, 390]. Сенека: "/В мире/ пребывает всё, что было прежде, но иначе, чем прежде: порядок вещей меняется" (Письма к Луцилию) [296, 100].

6

Древние философы задумывались над тем, как относиться к жизни, как тратить энергию и время. Относительные ценности распределены в пространстве времени, и чего только не встретишь в жизни. Чем взрослее и старше, тем больше осознаёшь и дорожишь её благами. Постепенно выстраивалась стратегия жизни. В борьбе приходится рисковать, подчас ставишь на кон саму жизнь, собственное существование, без жертвоприноше-

ний не обходится, жёсткость и жестокосердие приходится объяснять неизбежностью и оправдывать героизмом.

Порфирий: "Уходя, не оглядывайся", т.е. перед смертью не цепляйся за жизнь" (Жизнь Пифагора) [117, 457]. "Из двух благ лучше то, что бывает в конце жизни, ибо то, что бывает под конец, в большей степени обладает свойствами цели" (Риторика) [18, 41]. Платон: "В жизни всегда надо уметь выбирать средний путь, избегая крайностей; в этом – высшее счастье человека" (Государство) [255, 418]. Аристотель: "Жизнь надо размеривать так, будто жить тебе осталось и мало и много" (Биант из Приены) [117, 90].

Гиперид: "Заслугой стратега является принятие разумных решений, а побеждают в сражении те, которые добровольно рискуют своей жизнью" [390, 236]. "Грех называть погибшими людей, потерявших жизнь ради прекрасной цели" (Речь в честь афинян...) [390, 237]. Цицерон: "Пифагор запрещает без приказа полководца, т.е. божества, оставлять свой сторожевой пост, покидая жизнь" (Катон старший, или О старости) [370, 396]. Плутарх: "Нет ничего постыдного в том, чтобы бежать от гибели, если только не стараешься спасти жизнь бесчестными средствами, равно как нет и ничего хорошего в том, чтобы спокойно встретить смерть, если это сочетается с презрением к жизни" (Пелопид) [259, 318]. Сенека: "/Мудрый/ считает одинаково постыдным бежать и от смерти, и от жизни" (Письма к Луцилию) [296, 246].

Мир устроен многообразно, люди живут в нём сообща и плотно, соперничая между собой, сосуществуя и приспособляясь по-своему к природной и социальной среде обитания. Генетически они разные, и каждый проходит свой путь, жизнь проживается по-своему и индивидуально. Нет на Земле единственного способа выживания и одного образца поведения для всех. Жизнь человеческая (животная и всяческая), помимо прочего, – заключается в многосложных отношениях и межличностных связях. Взаимоотношения разнообразны, непросты и противоречивы, в тесноте жизни скрещиваются личные интересы, накапливается напряжение чувств, возгораются страсти соперничества. Во всей полноте событий и наполнении разными делами и всякими поступками, наша жизнь по содержанию неисчерпаема.

Плутарх: "Телесные качества и образ жизни атлета и солдата во всём различны: атлеты долгим сном, постоянной сытостью, установленными движениями и покоем стараются развивать крепость тела и сохранять её, так как она подвержена переменам при малейшем нарушении равновесия и отступлении от обычного образа жизни; тело солдата, напротив, должно быть приучено к любым переменам и превратностям, прежде всего – способно легко переносить недостаток еды и сна" (Филопеман) [259, 406].

"В супружеской жизни жена – твой противник, который всегда при оружии и всё время измышляет, как бы тебя подчинить" (Жизнеописание Эзопа) [17, 74]. Фукидид: "Все люди склонны совершать недозволенные

проступки как в частной, так и в общественной жизни, и никакой закон не удержит их от этого" (История) [361, 131]. Плутарх: "Солон показал себя мудрым законодателем в вопросах брака, предписав сближаться с жёнами не реже чем трижды в месяц, не ради наслаждения, а с тем, чтобы, обновляя брак, освободить его от набирающихся при всей взаимной благожелательности в повседневной жизни разногласий – наподобие того, как государства время от времени возобновляют свои дружеские договоры" (Об Эроте) [258, 754]. Марк Аврелий: "Люди будут делать одно и то же, как ты ни бейся" (Размышления) [284, 395].

Жизнь человека исторически складывалась в обстановке социального неравноправия личностей и в условиях общественного соперничества и сосуществования народов, классового неравенства и сословного расслоения. Праздная жизнь и привилегии для аристократии, стяжательство и накопительство для более широких слоёв населения, рабский труд, бесправие, обречённость и обуза для изгоев, рабовладение и абсолютизм формируют политический стиль существования демоса и этносов. В тех сообществах многие умы призывали и сами стремились кто к нравственному совершенствованию, кто к благополучию, кто к благоустройству обстановки и условий жизни. Естественно, философы наблюдают, соблюдают и рисуют жизнь.

"Частные воры влачат жизнь в колодках и узах, общественные – в золоте и пурпуре" (Марк Порций Катон) [334, 182]. Эпикур: "Жизнь гибнет в откладывании, и каждый из нас умирает, не имея досуга" [204, 219]; "Иные всю жизнь готовят себе средства к жизни" (Ватиканское собрание изречений) [204, 220]. Сенека: "Люди растрачивают всю свою жизнь, чтобы достать то, что им будто бы нужно для жизни" (О природе) [298, 314]. "За счёт своей жизни они устраивают свою жизнь, чтобы она стала лучше" [298, 50]. "Откладывать что-то на будущее – худший способ проматывать жизнь: <...> вы отдаёте настоящее в обмен на обещание будущего (О скоротечности жизни) [298, 50].

Плутарх: "Глядя в историю, словно в зеркало, я стараюсь изменить к лучшему собственную жизнь" (Эмилий Павел) [259, 272]. Марк Аврелий: "Жить, не рассчитывая на тысячи лет. Нависает неизбежность. Покуда жив, покуда можно – стань хорош" [6, 18]. "Кто чувствует и вдумывается поглубже, что происходит в мировом пространстве в целом, тот вряд ли хоть в чём-нибудь из сопутствующего природе не найдёт, что оно как-то приятно пристроено. Своими здравомысленными глазами он сумеет увидеть красоту, и некий расцвет старухи и старика, и прелесть новорождённого" (Размышления) [6, 13].

Стратегия жизни связывается с примерным поведением человека в семье и в обществе. Для общего блага надо условиться о правилах: как следует вести себя в быту и на публике, протокольно, чего не надо делать, ибо для всех пагубно? Постепенно устанавливается и принимается общая польза морали, направляющей в приемлемое русло согласованных связей разно-

речивые личные интересы. Гражданам прививаются знания и навыки: как нужно относиться к жизни, что хорошо и желательно, что вредно и опасно, потому и плохо.

Сенека: "Каждый день нужно проводить так, словно он замыкает строй, завершает число дней нашей жизни. Отправляясь ко сну, говорить весело и радостно: "Прожита жизнь, и пройден весь путь, что судьбой мне отмерен". А если бог подарит нам и завтрашний день, примем его с радостью" [296, 22]. "Поблагодарим бога за то, что никто не может навязать нам жизнь" [296, 22]. "Беда глупости ещё и в том, что она всё время начинает жизнь сначала" [296, 25]. "До чего противно легкомыслие тех, кто перед кончиной начинает надеяться заново. Что гнуснее старика, начинающего жизнь сначала?" [296, 25].

"Плохо живут те, кто всегда начинает жизнь сначала. <...> Напрасно мы полагаем, будто таких людей мало: почти все таковы. А некоторые тогда и начинают жить, когда пора кончать. А некоторые кончают жить, так и не начав" [296, 44]. "Жизнь любого занята завтрашним днём. <...> Люди не живут, а собираются жить" [296, 76]. "Я стараюсь, чтобы каждый день был подобием целой жизни" [296, 105]. "Не будем ничего откладывать, чтобы всякий день быть в расчёте с жизнью" [296, 254]. "В чтении, как и во всём, мы страдаем неумеренностью; и учимся для школы, а не для жизни" (Письма к Луцилию) [296, 269].

Так же вызывает особый интерес древний Восток – особенный образный мир, замкнутый на себе, закрытый, потому загадочный и таинственный, совершенная стилистика, не без изящества, по-своему судит окружающую жизнь, различая творчество и обиход. Там свои древности и культурные ценности, привидения и предрассудки, духи и иллюзии, пожалуй, несколько возвышенно оценивает своих, иначе других, своеобразно представляет живую душу, устройство бытия, вещи. Чаньский монах Умэнь Хуэйкай (1182-1260) был одной из примечательнейших фигур среди чаньбуддистов того времени – эпохи царствования династии Южная Сун. Составитель знаменитого сборника гуаньань "Застава без ворот ", он также ещё и автор комментариев и стихотворных кадансов к ним. Ниже 19-е его поучение, называется "Обыкновенное – вот Дао".

Чжаочжоу спросил Наньцюаня: "Что такое Дао?". Наньцюань ответил: "Обыкновенное сознание и есть Дао". Чжаочжоу спросил: "Можно ли ему научиться?". Наньцюань ответил: "Если будешь стремиться к нему, ты от него отойдёшь". Чжаочжоу спросил: "Если не стремиться к Дао, то как его распознать?". Наньцюань ответил: "Дао не принадлежит к вещам известным и не принадлежит к вещам неизвестным. Знание – обманчивое представление. Незнаемое – это просто несуществующее. Если хочешь постичь истину, которая рассеивает все сомнения, будь безбрежен и всеобъятен, как Великая Пустота. Тогда будешь вне "истинного" и "ложного".

Услыхав эти слова, Чжаочжоу достиг просветления.

Умэнь заметил: Когда Чжаочжоу задал вопрос, Наньцюань тут же сумел растопить лёд в кувшине. Но всё-таки Чжаочжоу понадобилось бы тридцать лет, чтобы достичь просветления.

Весной – сотни цветов, осенью – луна.

Летом прохладный ветер, зимой – снега.

Если не будешь зря утруждать ум пустяками,

Всякое время станет прекрасной порой (Застава без ворот) [24, 110].

7

В 1919 г. вышел в свет "Путевой дневник философа" Г.Кайзерлинга, по популярности равный трактату О.Шпенглера "Закат Европы". После появления их стало ясно, что бессмысленна культур-философия, исключаяющая "ориентальный параметр" истории человечества. "Человек есть не только единичная личность, но есть прежде всего родовая сущность, социальное существо, часть космоса", причём "сверхиндивидуальное предшествует индивидуальному, и в этом заключается корень всякой этики". В то же время "реальность космического человечества, как предпосылка духовной личности", позволяет совершенно по-новому осмыслить проблему бессмертия, наполнив её осязательным смыслом и оптимистическим реализмом" [314, 85].

Признание ценностей Востока и культурфилософское обоснование продуктивной специфичности их воспринято западными мыслителями. Идеи Кайзерлинга занимали А.Белого, М.Кагана, Н.Конрада, М.Бахтина [314, 84]. "Мир как система, в свою очередь, состоящая из множества систем, одновременно и чрезвычайно сложен и организован, причем его системное видение определяется не только его внутренней природой, но и существующими у современного исследователя способами его представления в знании. И в этом последнем пункте заявляют о себе гносеологические задачи системного исследования и системного подхода" [293, 10-11].

Парменид говорил: "Есть только бытие, небытия нет совсем". Восточная мифология и философия с древнейших времён пыталась связывать основания мира с аналогами небытия и ничто [168, 178]. Сферы небытия и бытия объединяют сегодня во взаимосвязанную систему: "Существующий мир имеет вечное и непрерывное начало. Он начинается всегда и постоянно заканчивается. И постоянно и непрерывно возобновляется в вечной и бесконечной регенерации бытия" [313, 64]. "Всякое нечто есть то, что оно не есть <...> всякое нечто или некто и существует, и не существует одновременно. Существует как одно (свое собственное) и не существует как другое (иное)" [313, 127].

Бытие обеими сторонами существования (со страховкой) оказывает всемерное сопротивление внешним силам, направленным на разрушение его форм. Ведущий мотив философии небытия связан с ощущением однократности и скоротечности жизни человека, отсюда ценности реального существо-

вания, как и с поисками новых подходов к экологии "бытия в небытийном океане". Антропологические аспекты этой философии раскрывают вопросы жизни и смерти человека, обращаясь к вечным размышлениям и предчувствиям, "перед небытием и в связи с погружением в ничто" [168, 179].

Древние изречения как части речи, размышления и мысли

Мы читаем и разбираем тексты древних писателей и философов, улавливаем сентенции и вникаем в них, осмысливаем. Что-то оттуда, из глубокой древности, застревает в нашем сознании, и мы продолжаем вместе или вслед за мудрецами размышлять дальше, опираясь уже и на свой опыт жизни. В результате можем соглашаться, дополнять, развивать мысль, можем не соглашаться с чем-то, отвергать и спорить с авторами. В итоге складывается и утверждается некое новое сооружение смыслов и мыслей, созвучных с древними идеями и соображениями. Так мы соединяем себя с прошлым или же отталкиваемся от него.

Конечно, можно было сесть и самому приняться за свой собственный трактат о жизни. Не знаю, насколько такой подход, то ли самостоятельность, то ли самонадеянность, сам по себе проще и был бы в нашем случае разумен и, главное, плодотворен. Мы не захотели начинать очередной поход за открытием вечной истины и поэтому двинулись принципиально другим путём, хотя и в одном и том же направлении поиска смысла. Поставили перед собой несколько иную задачу, решив прежде всего ознакомиться с тем, что делалось в прошлом, ведь и до нас жили философы и не философы, интересовавшиеся жизнью, сущностью и смыслом её.

Люди-то вокруг, как и другие создания, мысли и книги, всякие на Земле – и жизнь у них тоже разнообразная. Содержание, образ и качество их существования, как бытия, так и быта, различаются чем-то, незаметно и заметно изменяясь от поколения к поколению, от сословия к сословию, впрочем, как и у разных народов, тем более в тех или иных цивилизациях, существовавших и существующих. Всегда важно отличать жизнь людей, улавливать сходство и устанавливая разницу в характере, нравах и поведении. Хотя, к сожалению, далеко не у всех нас есть ясное понимание целого, что же такое мир, сама жизнь и человек как личность по самой их сути.

Уже Диоген в своё время говорил, что "когда он видит правителей, врачей или философов, то ему кажется, будто человек – самое разумное из живых существ, но когда он встречает снотолкователей, прорицателей или людей, которые им верят, <...> то ему кажется, будто ничего не может быть глупее человека" (Диоген Лаэртский). Другими словами, люди живут и растут в этом мире, развиваются и – в значительной мере отличаются друг от друга мерой и степенью развитости и разумности (разброс показателей не

только лишь IQ существен). На самом деле мы все интеллектуально очень даже разные, на любой вкус найдётся субъект. Вот тебе и homo sapiens.

Мы все с самого детства во всём подражаем друг другу. "Повторение – мать учения". Жизнь человека, в общем-то, должна быть поучительна и заражительна, являя собою наглядное пособие для других, только нужно, как следует, распорядиться этим достоянием и историческим прошлым. Подтверждают сказанное древние философы: "Глядя в историю, словно в зеркало, я стараюсь изменить к лучшему собственную жизнь" (Плутарх. Сравнительные жизнеописания). Хотя вот ещё: "Как морской песок ложится покровом поверх прежнего, так прежнее в жизни быстро заносится новым" (Марк Аврелий. Размышления). Можно ли сказать, что жизнь меняется к лучшему?

И в то же время жизнь человеческая, действительно, бесконечно разнообразна, сложна и как будто неповторима, люди всякие, очень даже своеобразные и разные, живут по-своему и по-разному. И, тем не менее, жизнь человека, в общем-то, и для других, и всех нас в целом весьма даже поучительна. Почему же это так, что "Среди бела дня он бродил с фонарём в руках, объясняя: Ищу человека" (Диоген Лаэртский). Выходит, они разные, и далеко не всякий – действительно полноценный человек. "Возвращаясь из Олимпии, на вопрос, много ли там было народу, он ответил: "Народу много, а людей немного" (Диоген Лаэртский). Думайте, как понимать и что это значит?

Наши возможности и способности определения жизни и жизнеописания весьма ограничены. "Когда Платон дал определение, имевшее большой успех: "Человек есть животное о двух ногах, лишённое перьев", Диоген ощипал петуха и принёс к нему в школу, объявив: "Вот платоновский человек!". После этого к определению было добавлено: "И с широкими ногтями" (Диоген Лаэртский). Мало что с тех пор изменилось и сдвинулось в нашем сознании. Действительно, и сегодня нам трудно по существу дать удовлетворительное определение даже и самого известного предмета (понятия *жизнь*).

Не знаю, что выделять и описывать в жизни, многолетнем потоке и смене дней, ибо нет ясности и отчётливости в понимании и знании смысла существования, что в нём главное, ведущее, основное, а что случайно и второстепенно. На чём же держится и строится развитие и здание жизни? Вот почему биография, как правило, навеивает скуку. Почему же жизнь другого человека (рассказ) не трогает нас и вовсе не интересует, или поверхностно задевает. Это естественно, если скучно протекают дни и годы жизни, если в ней нет логики, большого смысла и изюминки, борьбы, сопротивления, поисков, стремлений, преодоления трудностей, достижений.

Жизнь без труда и изобретательности, как и без всего перечисленного выше, течёт вяло. Очень часто мы безынициативны и неизобретательны. Скука – это стиль, это человек... Как и веселье, как и безделье, или же творчество и одержимость. Ещё Эпикур (341 – 270 до н.э.) заметил: "Иные всю

жизнь готовят себе средства к жизни" (Ватиканское собрание изречений). Это можно понять и объяснить. Сенека, Луций Анней (Младший) (ок. 4 до н.э. – ок. 65 н.э.): "Беда глупости ещё и в том, что она всё время начинает жизнь сначала". "Плохо живут те, кто всегда начинает жизнь сначала. <...> Напрасно мы полагаем, будто таких людей мало: почти все таковы. А некоторые тогда и начинают жить, когда пора кончать. А <...> некоторые кончают жить, так и не начав" ("Письма к Луцилию").

Философ и биограф Плутарх из Херонеи (ок. 46 – ок. 127) утверждал: "Жизнь есть последовательность человеческих дел, большая часть которых имеет предметом добывание и приготовление пищи" ("Пир семи мудрецов"). Что же, в конечном счёте, есть жизнь? Как видно, в разное время и в разных обстоятельствах самое разное, для кого что, по сути же жизнь бесконечно разнообразна и переменчива. Сущность жизни изменчива? Кажется, так, хотя трудно сказать, насколько же она своеобразна и изменчива.

Именно поэтому она неуловима, на неё не набросить петлю и её не поймать за хвост, как птицу. Жизнь, как и мысль, скорее – летящая стрела. Сенека: "Привычка исчислять утраченные нами годы мешает нам понять, что суть жизни – в её неуловимости, а удел времени – всегда оставаться не нашим" (О природе). NB! Когда это было известно, что суть жизни в неуловимости. "Жизнь – период возрастания". Но в жизни также есть и период увядания. Таким образом, жизнь – и возникновение, и исчезновение. Хотя на первом плане – выделяется – развитие и совершенствование, прогресс.

И ещё несколько высказываний и мнений древних, вникаем в них, постепенно затверживаем. Марк Аврелий (121 – 180), римский император с 161 г., философ-стоик: "Жизнь – борьба и странствие по чужбине; посмертная слава – забвение" ("Размышления"). Лактанций (ок. 250 – ок. 330), латинский христианский писатель и оратор: "Лишить душу движения значит лишить её жизни, которая есть движение, тогда как смерть есть покой" ("Божественные установления"). Цицерон, Марк Тулий (106 – 43 до н.э.): "Для человека учёного и образованного жить – значит мыслить" ("Тускуланские беседы").

Наше отношение к жизни тоже ведь самое разное и изменчивое, зависит от многих причин. Публилий Сир (I в. до н.э.): "Для несчастного сама жизнь – несправедливость" ("Сентенции"). Сенека: "Жизнь ему в тягость". – Не спорю, а кому она не в тягость? Люди и любят и ненавидят свою жизнь" ("Письма к Луцилию"). Отношение же, в свою очередь, связано с оценкой и пониманием, и они, пожалуй, тоже неустойчивы, причём колеблются существенно и значительно. Как же нам жить? Или как не следует жить? В какой мере это – образ и качество жизни – зависит от нас самих?

Сенека: "Жизнь наша коротка, и сами мы ещё больше сокращаем её своим непостоянством, каждый раз начиная жить наново. Мы дробим её на мелкие части и рвём в клочки". Иначе говоря, нет стратегии и крупного

плана жизни. "Не будем ничего откладывать, чтобы всякий день был в расчёте с жизнью" ("Письма к Луцилию"). Не следует слишком суетиться и мелочиться, мельтешить. Марк Аврелий: "Искусство жизни более напоминает искусство борьбы, нежели танцев. Оно требует готовности и стойкости и в отношении к внезапному и непредвиденному" ("Размышления").

В жизни завязано всякое. Найдётся сложный склад чувств, отношений, дел, поступков. И события, обстоятельства, состояния, обстановка. Жизнь – не только работа, труд, напряжение. В ней беды и бедствия, радость и благоденствие. Без конца переживания, и постоянны жертвы и горе, несправедливость и сожаление, обиды и наказание, благодарность. Где-то там и законы, предписания, словом, всего не перечислить. В каждой области знаний своё понятие (понимание) жизни. Свой предмет и конструкция жизни в разных религиях и в разных научных дисциплинах, таких как: биология, физиология, психология, социология, история, философия, медицина и пр.

Казалось бы, всегда можно сказать, что жизнь – не только это, но и ещё много чего другого. Она, действительно, бесконечна, неисчерпаема, беспредельна и потому не определима, что нет пределов. Но что же в ней есть? В жизни есть всё, в ней можно найти что угодно. Даже смерть есть в жизни. Хотя и сама жизнь тоже существует в окружении безмолвия – смерти. Таким образом, определяя понятие, важно установить рамки, пределы и сущность.

Может быть, все слова – названия в словаре – прямо или опосредованно связаны с понятием жизни, так или иначе всё вращается вокруг темы "жизнь", как-то примыкая по смыслу к ней.

Голоса истории (конференц-зал)

Секция № 1. Древний мир и Восток

"Наша жизнь – это то, во что её превращают наши мысли" (М.Аврелий). Наша жизнь есть то, что мы думаем о ней" (М.Аврелий). "Ничтожна жизнь каждого, ничтожен тот уголок земли, где он живёт, ничтожна и самая долгая слава посмертная: она держится лишь в нескольких кратковечных поколениях людей, не знающих и самих себя, не то что тех, кто уже давно почил" (М.Аврелий). "Какой же смысл кому бы то ни было желать более продолжительного пребывания в жизни" (М.Аврелий).

"Жизнь – путешествие, которое лучше совершать одиноко" (Адан).

"Человеческая жизнь похожа на книгу, в которой не хватает многих страниц" (Акутагава Рюноске).

"Для вечной жизни мы сотворены из глины, и наша цель не в том, чтоб сгинуть в час кончины" (Аль-Маарри). "Земная жизнь – война. Мы тягостное бремя несём, пока не остановит время" (Аль-Маарри). "Жизнь – быстролётный миг, и мало смысла в том, что колют нас копьём и рубят нас мечом" (Аль-

Маарри). "Жизнь – толчея для жаждущих наживы" (Аль-Маарри). "Разве жизнь – жилище, достойное жизни? Все мы убедились, что нет хуже крова" (Аль-Маарри). "Смерть – это мирный сон, отдохновение плоти, а жизнь – бессонница, пристрастная к заботе" (Аль-Маарри). "Как море – эта жизнь. Среди бурных волн плывёт корабль опасностей, неверный наш оплот" (Аль-Маарри).

"Смерть – это стрела, пущенная в тебя, а жизнь – то мгновение, что она до тебя летит" (Аль-Хусри).

"Целью жизни является непритязательность" (Антисфен).

"Жизнью мы называем всякое питание, рост и упадок тела, имеющие основания в нём самом" (Аристотель). "В чём смысл жизни? Служить другим и делать добро" (Аристотель).

"Ведь жизнь – это благо: зря жизни не трать, старайся, о доблестный, блага свершать!" (Ю.Баласагуни).

"Вся моя жизнь есть, собственно говоря, лишь очень длинное воспитание" (К.Гельвеций).

"Наша главная цель в этой жизни – помогать другим людям. Если же вы не в состоянии помогать им, то хотя бы не вредите" (Т.Гьятсо).

"Смерть – словно вечный сон, миг пробуждения – жизнь" (А.Джами).

"Жизнь верхом блаженства – лишь может казаться животным при сытной жратве и хозяйском уходе добротном" (Ибн Сина).

"Как мы можем знать, что такое смерть, когда мы не знаем, что такое жизнь?" (Конфуций).

"Ты должен понять жизнь в целом, а не отдельные маленькие части её. Вот почему надо читать книги, надо смотреть на небо, вот почему надо петь, танцевать и писать стихи, страдать и достигать понимания, ибо всё это – жизнь" (Д.Кришнамурти).

"Смерть существует лишь постольку, поскольку существует жизнь" (Ли Дао-Чунь).

"Для людей счастливых коротка и самая долгая жизнь, но для несчастных – кажется вечностью одна только ночь" (Лукиан).

"Человеческая жизнь подобна какому-то длинному шествию, в котором предводительствует и указывает место судьба, определяя каждому своё платье. Выхватывая кого случится, она надевает на него царскую одежду, тиару, даёт ему копьеносцев, венчает главу диадемой; другого награждает платьем раба, третьему даёт красоту, а иного делает безобразным и смешным: ведь зрелище должно быть разнообразным" (Лукреций).

"Пусть ни один человек не уйдёт из жизни без того, чтобы не стать хоть немного лучше или счастливее" (Мать Тереза).

"Сцена и шутка вся жизнь" (Паллад).

"Вся драгоценная жизнь прошла в заботах о том, что буду есть летом и что носить зимой! О жадный! Довольствуйся хлебом, чтобы не гнуть своей спины в дугу перед другим" (М.Саади).

"Вся жизнь – служение" (Сенека Младший). "Каков самый долгий срок жизни? Жить, пока не достигнешь мудрости, – не самой дальней, но самой великой цели" (Сенека Младший).

"То ли ты сделал, что нужно делать" – получает огромную важность, потому что единственный смысл жизни твоей только в том, то ли ты делаешь в этот короткий, данный тебе срок жизни, что хочет от тебя Тот, Кто послал тебя в жизнь. То ли ты делаешь?" (Галмуд).

"Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим? В чём нашей жизни смысл? Он нам непостижим" (О.Хайям).

"Там, где грязь, кишит жизнь. В очень чистой воде не бывает рыбы. Не должен человек чураться мерзости мира и слепо подражать образцам непорочного поведения" (Хун Цзычэн).

"Постигший сущность жизни не утруждает себя ничемными делами" (Чжуан-цзы). "Смерть и жизнь – это судьба" (Чжуан-цзы).

"Ради жизни самой забывают о жизненной цели" (Ювенал).

"Жизнь без цели – человек без головы" (ассир.). "Конечная цель определяется как жизнь, соответствующая природе, – жизнь, в которой мы воздерживаемся от всего, что запрещено общим законом, а закон этот – верный разум" (Неизв. стоик). "Жизнь – словно мираж, исчезающий в мгновение" (Др.-инд.). "Пусть недолго проживёт человек – жизнь его счастлива, если он прожил её ради ближних" (др.-инд.). "В истинном смысле живёт только тот, кто распространяет вокруг себя жизнь; начинать собственное брюхо – заслуга невелика: на это способна и ворона" (инд.). "С лягушкой, живущей в колодце, нельзя говорить об океане: она слишком привязана к своей дыре. С насекомым, живущим только одно лето, нельзя говорить о зимней стуже: оно ограничено временем своей жизни. С ограниченным грамотеем нельзя говорить о дао: он скован своим образованием" (кит.). "Не забывай, что и столетняя жизнь состоит только из 36 500 дней" (кор.). "Человеческая жизнь так же коротка, как жизнь мотылька" (япон.). "Жизнь – учитель мудрый" (казах).

Секция 2. Европейцы.

"Не смерть, а жизнь есть испытание мужества" (В.Альфьери).

"Всякая жизнь творит собственную судьбу" (А.Амиель). "Жизнь должна быть рождением души, выделением высшего вида реальностей. Животное должно быть очеловечено, плоть должна быть претворена в дух; физиологическая деятельность должна быть превращена в мысль, в сознание, в разум, справедливость, великодушие, как свеча в свет и теплоту. Эта

высшая алхимия оправдывает наше присутствие на земле; в этом наша миссия и наше достоинство" (А.Амиель).

"Религиозные идеи дают возможность ощутить значение и цель жизни, её целостность". (М.Аргайл). "Верующие люди, согласно наблюдениям, меньше болеют... Этому феномену есть по меньшей мере три объяснения. Во-первых, для религиозных людей характерно воздержание от алкоголя, табака, а их половая жизнь более упорядочена" (М.Аргайл).

"Жизнь любого человека – это дневник, в котором он собирается написать один рассказ, а пишет другой; и час наивысшего смирения наступает тогда, когда он сравнивает написанное с тем, что он надеялся создать" (Д.М.Барри).

"Жизнь – это материя, в которой мы запутаемся, если будем рассуждать о ней слишком много или слишком мало" (С.Батлер).

"Цель жизни – это помогать другим" (К.Бланшар).

"Смерть утешает – увы! – и заставляет жить. Она – цель жизни и единственная надежда, которая, как эликсир, нас бодрит, и опьяняет, и придаёт нам мужество идти своим путём до самого вечера нашего существования" (Ш.Бодлер).

"Не хлебом единым жив человек. Делать деньги, накапливать материальную власть – это ещё не всё. Жизнь – это нечто большее, и человек, не замечающий этой истины, лишается величайшей радости и удовольствия, доступных человеку в этой жизни, – служение другим людям" (Э.Бок).

"Жизнь – пламя; мы живём с невидимым солнцем внутри нас" (Т.Браун).

"Эта участь всех людей, каждый человек для себя – один-единственный на свете. Один-единственный, сам по себе среди множества других людей, и всегда боится... Жизнь – это одиночество" (Р.Бредбери).

"Детство стремится к жизни, отрочество пробует её, юношество упивается ею, зрелый возраст вкушает её, дряхлость привыкает к ней" (П.Буаст). "Если у человека нет цели, то жизнь его – не что иное, как продолжительная смерть" (П.Буаст).

"Благодаря вере человек переживает смысл мира; благодаря действию он наполняет жизнь смыслом" (Л.Бэк).

"Вся жизнь – в полёте" (Э.Верхарн).

"Жизнь – карантин у входа в рай" (К.Вебер).

"Мы ничего о самих себе не знаем, что такое движение, что такое жизнь, чувство и мысль" (Вольтер).

"Жизнь – прекраснейшее изобретение природы" (И.Гёте). "Природа – это вечная жизнь, становление и движение" (И.Гёте). "Пьесы природы всегда новы, потому что каждый раз появляются новые зрители. Жизнь – прекраснейшее её изобретение, а смерть доказывает, что у неё много жизни" (И. Гёте).

"Жизнь – не скаковая лошадь, которая никуда не сворачивает от старта до финиша" (Д.Голсуорси).

"Подобно живым организмам, общества переживают кризисы, моменты безумия, революции, изменения форм своей жизни; они рождаются, растут, умирают, переходят от здоровья к болезни, а от болезни – к здоровью, наконец, как и все существа человеческого рода, они имеют детство, юность, зрелый возраст, дряхлость и смерть" (П.Гольбах).

Жизнь противопоставляется смерти, пожалуй, самый простой и очевидный ход. "Если бы смерти не стало, жизнь лишилась бы всякой поэзии" (А.Граф).

"Наша жизнь – путешествие, идея – путеводитель. Нет путеводителя, и всё остановилось. Цель утрачена, и сил как не бывало" (В.Гюго).

"Чтобы знать и судить жизнь, нет даже необходимости много прожить, – совершенно достаточно перестрадать" (Ж.Гюйо).

"Смерть и жизнь равноправны: они не могут обойтись друг без друга" (А.Дальсем).

"Жизнь есть неправдоподобная история, дурно написанный роман" (А.Декурсель).

"В борьбе и в служении нашим братьям и сёстрам, личном и коллективном, мы обретаем смысл жизни" (Д.Джексон).

"Смех и вздох, поцелуй и прощание – вот и вся наша жизнь" (Д.Х.Джебран).

"Для богатых и сильных жизнь – это нескончаемый маскарад: все люди, их окружающие, носят маски" (С.Джонсон). "Великое искусство жизни – играть многим и рисковать немногим" (С.Джонсон). "Завершённость жизни, и краткой и долгой, определяется только целью, ради которой она прожита" (Д.Джордан).

"Общепризнанно, что жизнь иногда представляет собой сплошное несчастье" (Д.Дидро).

"Жизнь – или скука, или забота; для людей знатных и богатых она – скука и тягостное бремя, а для людей, которые сами проложили себе дорогу, жизнь – вечная забота о том, чтобы не потерять завоёванного положения" (Б.Дизраэли).

"Если бы я могла не дать разбиться хотя бы одному сердцу, то моя жизнь не была бы тщетной; если бы я могла облегчить скорбь хотя бы одной жизни, или остудить боль, или вернуть в гнездо упавшего птенца, моя жизнь не была бы тщетной" (Э.Дикинсон).

"Путь жизни состоит в постоянном поиске смысла и справедливости" (В.Дозье).

"Жизнь – это не просто несколько лет, предназначенных для продвижения по службе или развлечений. Это дар. Это ответственность. Это иму-

щество, которым нужно распорядиться в согласии с высочайшим призванием – призывом Бога" (Э.Доул).

"Главное в жизни и главное в познании – это сама жизнь" (Т.Драйзер).

"Жизнь для человека – это прежде всего сознание, что он живёт, что он участвует в величественном движении материи, которое постоянно всё меняет и вовлекает людей и вещи в вечный процесс возникновения, развития и исчезновения" (Ж.Дюкло). "Я слишком всё это люблю, чтобы хоть на мгновение допустить мысль, что жизнь – это простое отправление жизненных функций, когда уже погасла мысль" (Ж.Дюкло). "Когда я смотрю вокруг себя на животный или растительный мир, меня окружающий, когда вижу, как в расщелине цементной плиты пробивается семечко, занесённое ветром, утверждая, что жизненная сила травинки побеждает мертвенный холод цемента, я говорю себе, что жизнь прекрасна, что она стоит того, чтобы жить и что ни в коем случае нельзя сводить жизнь к её жалкому подобию, и что жизнь торжествует над всеми катастрофами и крушениями. Вот почему я убеждён, что жизнь сильнее смерти" (Ж.Дюкло).

Весь смысл жизни заключается в бесконечном завоевании неизвестного, вечном усилии познать больше" (Э.Золя).

"Высочайшая цель рода человеческого – это оправдание дарованной человеку жизни" (Н.Казинс).

"Вопрос о смысле жизни я считаю самым неотложным из всех вопросов" (А.Камю). "Великий вопрос жизни – как жить среди людей" (А.Камю). "... жизнь, сосредоточенная на деньгах, есть смерть" (А.Камю).

"Когда справедливость исчезает, то не остаётся ничего, что бы могло придать ценность жизни людей" (И Кант).

"Ни один человек не живёт, никого не задевая и никем не задетый; он должен обязательно проложить себе путь, толкаясь локтями. Жизнь его – борьба" (Т.Карлейль). "Труд есть жизнь" (Т.Карлейль). "Весь смысл человеческой жизни состоит в том, чтобы развивать своё "я", делать то, к чему человек чувствует себя пригодным" (Т.Карлейль). "Блажен тот, кто нашёл своё дело; пусть он не ищет другого блаженства. У него есть дело и цель жизни" (Т.Карлейль). "Жизнь твоя, хотя бы ты был самый жалкий из смертных, – не праздная грёза, а действительность, полная высокого смысла! Жизнь твоя – твоё достояние; это всё, с чем ты можешь пойти навстречу вечности" (Т.Карлейль).

"Для здорового человека жизнь, собственно говоря, лишь неосознанное бегство, в котором он сам себе не признаётся, – бегство от мысли, что рано или поздно придётся умереть" (Ф.Кафка).

"Самая прекрасная жизнь – это жизнь, прожитая для других людей" (Х.Келлер).

"Цель жизни – делать добро" (П.Купер).

"В чём вообще смысл жизни? Людей ведь, собственно говоря, можно подразделить на два класса: один должен работать, чтобы поддерживать жизнь, другой не нуждается в такой работе. Но не в работе же людей первого класса смысл жизни! Если допустить это, выйдет колоссальное противоречие: постоянное добывание условий станет ответом на вопрос о значении того, что этим обуславливается! Жизнь другого класса тоже не имеет никакого смысла, кроме уничтожения (проедания) готовых условий. Сказать, что смысл жизни в смерти – опять как будто противоречие" (С.Кьеркегор). "Большая часть людей живёт слишком бессознательно по отношению к себе самим, чтобы понимать, что такое последовательность; без глубокой связи духа их жизнь... есть всего лишь бессвязная смесь некоторой толики действия и толики случая, спутанных событий; порой можно видеть, как эти люди творят добро, затем вновь совершают зло, возвращаясь к исходной точке; порой их отчаяние длится целый вечер или же тянется целых три недели, однако в другой раз они вдруг оказываются игривыми весельчаками, чтобы затем впасть в отчаяние на целый день" (С.Кьеркегор). "Если бы вечное забвение всегда жадно подстерегало свою добычу и никакая сила не способна была бы вырвать эту добычу из его когтей, как безутешна и пуста оказалась бы тогда жизнь!". "Если бы у человека не было вечного сознания, если бы в основе всего лежала лишь некая дикая сила – сила, что, сплетаясь в тёмных страстях, порождает всё, от великого до незначительного, если бы за всем была сокрыта бездонная пустота, которую ничем нельзя насытить, чем была бы тогда жизнь, если не отчаянием?" (С.Кьеркегор). "Мой взгляд на жизнь лишён всякого смысла, – мне кажется, что какой-то злой дух надел мне на нос очки, одно стекло которых увеличивает всё до чудовищных размеров, а другое всё до такой же степени уменьшает" (С.Кьеркегор). "Наша жизнь всегда представляет собой результат преобладающих в нас мыслей" (С.Кьеркегор).

"Жизнь – трагедия для того, кто чувствует, и комедия для того, кто мыслит" (Ж.Лабрюйер). "Жизнь коротка, если считать, что название жизни она заслуживает лишь тогда, когда дарит нам радость; собрав воедино все приятно проведённые часы, мы сведём долгие годы всего к нескольким месяцам" (Ж.Лабрюйер).

Чем рискуем мы, умирая? И сколько риска, напротив, представляет собою жизнь!" (Ж.О.Ламетри).

"До тех пор, пока мы будем думать, что будущая жизнь существует, люди будут посвящать размышлениям о ней много времени и внимания, которые могли бы быть использованы для земных предприятий" (К.Ламонт).

"Жизнь – вредная штука. От неё все умирают" (С.Е.Лец).

"Смерти жду без сожаления, ибо для человека моего склада жизнь теряет всякую цену, если из-за слабости духа и тела не можешь более участвовать в творческой работе и движении века" (Ю.Либих).

"Ходячее выражение, что жизнь учёного заключается в его произведениях, следует сильно ограничить" (Г.К.Лихтенберг). "Только немногие люди думали настоящим образом о значении несуществования. Под несуществованием после смерти представляю я себе такое состояние, в котором я находился до рождения. Это не есть собственно апатия, потому что и апатию можно чувствовать; но это ничто. Как только я попадаю в это состояние, слова "я" и "состояние" уже не подходят к этому положению. Я думаю, что есть нечто, равновесное вечной жизни. Я думаю, что человеку одинаково хорошо в том и другом состоянии" (Г.К.Лихтенберг). "Ни одно изобретение не далось человеку так легко, как изобретение небесной жизни" (Г.К.Лихтенберг).

"Гении обладают одной привилегией – для них жизнь никогда не становится будничной, какой она бывает для всех нас" (Д.Лоуэлл).

"Похожа жизнь на океан, а все мы – только рыбаки: мечтаем выудить кита, а добываем хвост трески" (Ф.Лохан).

"Бог уже существует потому, что мы существуем. Называйте это Богом или как хотите, но бесспорно то, что в нас есть жизнь, не созданная нами, а дарованная нам, и источник её называйте Богом или как хотите" (Д.Мадзини).

"В надежде для людей смысл жизни и смерти" (А.Мальро).

"Чем ничтожнее твоё бытие, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твоё имущество, тем больше твоя отчуждённая жизнь" (К.Маркс).

"Жизнь есть вечное рабство, в котором ради приличия приходится жертвовать своими удовольствиями и удобствами" (Ж.Массильон).

"Главная цель жизни каждого человека должна состоять в уменьшении несчастий всего мира" (К.А.Меннингер).

"Когда же, наконец, расстанемся мы с мыслью, что смерть важнее жизни, а несчастье больше счастья? Кто сказал нам, что жизнь надо оценивать при помощи смерти, а смерть при помощи жизни?" (М.Метерлинк).

"Смерть должна быть такая же, как жизнь; мы не становимся другими только потому, что умираем" (М.Монтень).

"Смысл раздумий о смерти в том, что они лишены смысла" (А. Монтерлан).

"Цель жизни не в том, чтобы стяжать себе бессмертную славу... Она в том, чтобы превращать каждый день в маленькую вечность" (А.Моруа).

"Жизнь на десять процентов состоит из того, что вы в ней делаете, а на девяносто – из того, как вы её понимаете" (С.Мозм).

"Жизнь – источник радости; но всюду, где пьёт толпа, источники отравлены" (Ф.Ницше). "Великая лож личного бессмертия разрушает разум, уничтожает естественность инстинкта – всё, что есть в инстинкте благоде-

тельного, всё, что способствует в нём жизни и обеспечивает будущее, всё это огненные возбуждает подозрения" (Ф.Ницше). "Жить так, чтобы не было в жизни смысла, – вот что становится теперь смыслом жизни" (Ф.Ницше). "Сверхчеловек" – как это показывает само имя его – есть существо высшее, чем человек. Моральная цель человеческой жизни заключается в том, чтобы содействовать появлению на земле этого высшего существа" (Ф.Ницше).

"Вся наша жизнь – богослужение" (Новалис). "Жизнь существует в обоснование смерти" (Новалис). "Разгадать смысл жизни способен лишь художник" (Новалис). "Смерть – это романтизированный принцип нашей жизни. Смерть – это жизнь после смерти. Жизнь усиливается посредством смерти" (Новалис).

"Вместо того, чтобы воспитывать человека в страхе смерти..., надо учить людей смотреть на неё прямо, то есть как на всеобщий закон природы, неустранимый и, по всей вероятности, не только необходимый, но, возможно, и весьма благодетельный в своих конечных последствиях для всего, что обладает жизнью" (Р.Оуэн).

"Прекращается ли наша жизнь с плотскою смертью, это вопрос самой великой важности, и редкий человек не думает об этом" (Б.Паскаль). "Горе людям, не знающим смысла своей жизни" (Б.Паскаль).

"Понимать, что справедливо, чувствовать, что прекрасно, желать, что хорошо, – вот цель разумной жизни" (А.Платен).

"Религией будущего будет гуманизм, т.е. культ всего того, что относится к человеку, всей его жизни, освящённой и получившей нравственную ценность" (Э.Ренан).

"Всякая благородная жизнь оставляет фибры, волокна, которые на века вплетаются в жизнь мира" (Д.Рескин). "Где начинается искание истины, там всегда начинается жизнь; как только прекращается искание истины, прекращается и жизнь" (Д.Рескин).

"Коль скоро жизнь представляет собой целое, то есть имеет начало, середину и конец, не важно, коротка ли она или долга – важно, чтобы этапы её были соразмерны. Следовательно, жаловаться мы должны не на краткость жизни, а на преждевременную смерть, поскольку такая смерть не конец жизни, а пресечение её. Вот почему Сенека мудро заметил, что похороны человека всегда преждевременны, если на них присутствует его мать" (А.Ривароль).

"Понять лучшее в человеке – в этом смысл и радость жизни" (О.Роден).

"Когда человек полон жизни, он не спрашивает себя, зачем он живёт; он живёт для того, чтобы жить, потому что жить – чертовски славная вещь" (Р.Роллан). "Вся радость жизни в творчестве" (Р.Роллан). "Живой лишь тот, кто творит. Остальные – это тени, блуждающие по земле, чуждые жизни. Все радости жизни – творческие... Творить – новую ли плоть или духовные цен-

ности – значит вырваться на волю из плена своего тела, значит ринуться в ураган жизни, значит быть Тем, кто Есть. Творить – значит убивать смерть" (Р.Роллан). "Надо останавливаться только для ночного отдыха, чтобы восстановить свои силы. Остановившаяся жизнь – это смерть" (Р.Роллан).

"Только добро, творимое человеком, остаётся, и благодаря ему жизнь чего-нибудь стоит" (Ж.-Ж.Руссо).

"Счастливая жизнь измеряется не большим или меньшим числом солнц, которые мы лицезреем, ни большим или меньшим числом вздохов, которые мы издаём, или же пищи, которую мы поглощаем, – но тем, хорошо ли мы жили, сделали ли своё дело и покинули ли этот мир с улыбкой на устах" (Д.Свифт). "Последняя часть жизни умного человека обыкновенно посвящена борьбе с предрассудками и ложными взглядами первой части" (Д.Свифт).

"Но тот, кто убеждён, что нить его жизни будет раз и навсегда перерезана роковыми ножницами смерти, сознаёт, что ему необходимы уже в земной жизни те цели и радости, которых верующий ожидает лишь в будущем мире" (Э.Тайлор).

"Ибо только борьба имеет смысл в жизни" (Э.Тельман).

"Жизнь – не страдание и не наслаждение, а дело, которое мы обязаны делать и честно довести его до конца" (А.Токбиль).

Цель жизни – самовыражение. Проявить во всей полноте свою сущность – вот для чего мы живём" (О.Уайльд).

"Счастливая и свободная жизнь отдельного человека возможна лишь при таком общественном строе, который избавит мир от жестокого владычества тупых, упрямых, напористых, бесчестных стяжателей" (Г.Уэллс).

"Жизнь в неведении – не жизнь. Кто живёт в неведении, тот только дышит. Познание и жизнь неотделимы" (Л.Фейхтвангер).

"Жизнь – не сон. Сном она становится только для того человека, душа которого не откликается на будящий зов её" (Э.Фейхтерслебен).

"Жизнь в конечном счёте – это принятие ответственности ради того, чтобы найти правильное решение проблем и исполнить свои индивидуальные задачи" (В.Э.Франкл). "В конце концов, оказывается, что никакое стремление к счастью само по себе не может быть ни основным принципом, ни предельной целью человеческой жизни" (В.Э.Франкл). "Если бы фактор конечности жизни лишал её смысла, было бы неважно, когда настанет конец, в обозримом будущем или очень и очень нескоро" (В.Э.Франкл). "Пытаясь ответить на вопрос о смысле жизни – на этот самый человеческий из всех вопросов, – индивид вынужден понять, что это жизнь ставит перед ним вопросы и перед жизнью ему держать ответ... ответственность эта проистекает из неповторимости личности и ситуации и что с повышением этой уникальности растёт и ответственность... Неповторимость и своеобразие являются основными со-

ставляющими смысла человеческой жизни". "Спрашивать о смысле жизни вообще – ложная постановка вопроса, поскольку она туманно апеллирует к общим представлениям о жизни, а не к собственному, конкретному, индивидуальному существованию каждого" (В.Э.Франкл). "Рассмотрим такой вопрос: может ли ограниченность человеческой жизни во времени – то есть тот факт, что человек смертен, – лишить жизнь смысла? ... Так действительно ли смерть лишает нашу жизнь смысла? Напротив! Ибо что бы являла собой жизнь, будь она бесконечна?" (В.Э.Франкл). "Жизнь выдающейся личности не может лишиться смысла из-за того, что у этой личности нет потомства... воспроизводство жизни никогда не является её смыслом" (В.Э.Франкл). "Не только пожертвовав жизнью можно придать ей смысл – жизнь может наполниться благородным смыслом даже в тот момент, когда она неожиданно разрушается" (В.Э. Франкл). "Жизнь человека полна смысла до самого конца – до самого последнего вздоха. Даже самоубийца верит в смысл – если не жизни, то смерти" (В.Э.Франкл). "Целью нашей жизни должно быть не наслаждение, не погоня за удовольствиями и богатством, не удовлетворение своих желаний и потребностей. Напротив... оправдание существования должно заключаться в сохранении и возвышении человеческого достоинства" (В.Э.Франкл). "Жизнь, таким образом, может приобрести свой окончательный смысл не только в результате смерти (например, героическая смерть), но и в самом процессе умирания" (В.Э.Франкл). "Либо жизнь имеет смысл и сохраняет его вне зависимости от того, длинна она или коротка, воспроизводит она себя или нет, либо жизнь бессмысленна, и в этом случае она не станет более осмысленной, даже если будет длиться долго и воспроизводить себя" (В.Э. Франкл).

"Любишь ты жизнь? Тогда не теряй времени; ибо время – ткань, из которой соткана жизнь" (Б.Франклин).

"С точки зрения консервативной природы первичных влечений было бы большим противоречием, если бы целью жизни было никогда до этого не достигавшееся состояние. Скорее всего, этой целью должно быть старое исходное состояние, из которого живое существо когда-то вышло и к которому оно, идя всеми окольными путями развития, стремится возвратиться. Если мы признаем как не допускающий исключения факт, что всё живое умирает, возвращается в неорганическое, по причинам внутренним, то мы можем лишь сказать, что цель всякой жизни есть смерть" (З.Фрейд).

"Человек не может существовать как простой "предмет", как игральная кость, выскакивающая из стакана; он сильно страдает, если его низводят до уровня автоматического устройства, способного лишь к приёму пищи и размножению, даже если при этом ему гарантируется высшая степень безопасности. Человек нуждается в драматизме жизни и переживаниях; и если на высшем уровне своих достижений он не находит удовлетворения, то сам создаёт

себе драму разрушения" (Э.Фромм). "Никто и ничто вне нас самих не может придать смысл нашей жизни и ... только полная независимость и отказ от вещиц могут стать условием для самой плодотворной деятельности" (Э.Фромм). "Человеческие страсти превращают человека из маленького, незаметного существа в героя, в существо, которое вопреки всем преградам пытается придать смысл собственной жизни. Он хочет быть творцом самого себя, хочет превратить своё неполноценное бытие в полноценное, осмысленное и целеустремлённое, позволяющее ему в максимальной мере достигнуть целостности своей личности" (Э.Фромм). "Любить – это форма продуктивной деятельности. Она предполагает появление интереса и заботы, познание, душевный отклик, изъявление чувств, наслаждение и может быть направлена на человека, дерево, картину, идею. Она возбуждает и усиливает ощущение полноты жизни. Это процесс самообновления и самообогащения" (Э.Фромм). "Жизнь – это постоянный процесс возрождения. Трагедия жизни большинства из нас заключена в том, что мы умрём, так и не успев полностью родиться". "Допущение, согласно которому человеку приходится умирать потому, что смерть – сокровенная цель жизни, можно было бы считать своего рода утешением, предназначенным для того, чтобы облегчить страх смерти" (Э.Фромм).

"Наши жизни – это реки, впадающие в море по названию смерти" (Хорхе Манрике).

"Вот почему в прожитой жизни идут в счёт лишь напряжённые, волнующие мгновения, вот почему единственно в них и через них поддаётся она верному описанию" (С.Цвейг).

"Жизнь – короткая прогулка от колыбели до могилы, и она обязывает нас быть добрыми друг к другу на этом пути" (Э.Чайлддресс).

"Время притупляет в нас способность к наслаждениям абсолютным, как выражаются метафизики, но, пожалуй, преподносит нам больше наслаждений относительных; с помощью этой уловки природа, надо полагать, привязывает людей к жизни даже после того, как всё, что особенно красило её, все наслаждения стали для них недоступны" (Н.Шамфор). "Наблюдая или испытывая страдания, причиняемые глубоким чувством, например, любовью или дружбой, утратой близкого человека или иными обстоятельствами, невольно начинаешь думать, что беспутство и ветреность не так уж бессмысленны и что светские люди правильно относятся к жизни – другого отношения она и не стоит" (Н.Шамфор).

"Цель человеческой жизни – служение, проявление сострадания и готовность помочь людям" (А.Швейцер).

"Для труса жизнь – единственное благо" (Ф.Шиллер).

"Жизнь – очень сомнительная вещь, и я решил посвятить свою жизнь размышлениям о ней" (А.Шопенгауэр). "Всякий день есть маленькая жизнь: всякое пробуждение и вставание – маленькое рождение; всякое свежее утро

– маленькая юность; всякое приготовление ко сну и засыпание – маленькая смерть" (А.Шопенгауэр). "Жизнь есть, в сущности, состояние нужды, а часто и бедствия, где всякий должен домогаться и бороться за своё существование, а потому не может постоянно принимать приветливое выражение" (А.Шопенгауэр). "Пока мы проникнуты волей к жизни, нам нечего бояться за своё существование – даже при виде смерти. Конечно, на наших глазах индивид возникает и уничтожается, но индивид – это только явление, он существует для познания; с точки зрения такого познания индивид, разумеется, получает свою жизнь как подарок, проходит из ничего, в смерти своей несёт утрату этого подарка и возвращается в ничто" (А.Шопенгауэр).

"Там, где труд делается целью жизни, человек ещё не способен ни на какое возвышенное чувство собственной ценности" (А.Эйнзидель).

"Жизнь отдельного человека имеет смысл лишь в той степени, насколько она помогает сделать жизнь других людей красивее и благороднее" (А.Эйнштейн).

"Справедливо, что жизнь человека есть настоящий роман, который, при мужественном содержании, доставляет воображению более высокое удовольствие, чем всякий вымысел" (Р.Эмерсон).

"Ежели поглядеть на наш мир с высоты небес, как смотрит, по рассказам поэтов, Юпитер, скольких бед исполнена жизнь человеческая: жалкое и грязное рождение, мучительное воспитание, детство, сопряжённое с многочисленными обидами, юность, обременённая бесчисленными трудами, тяжкая старость, суровая неизбежность смерти, целая рать болезней, множество несчастных случайностей и житейских невзгод – повсюду мёд отравлен желчью! Не стану уж вспоминать, сколько зла причиняет человек человеку! Бедность, тюрьма, позор, бесчестие, пытки, мятежи, интриги, злословие, тяжбы, обманы..." (Эразм Роттердамский). "Глупость создаёт государства, поддерживает власть, религию, управление и суд. Да и что такое вся жизнь человеческая, как не забава Глупости?" (Эразм Роттердамский).

"Предположите, что не в моих силах более служить интересам общества; предположите, что я ему в тягость; предположите, что моя жизнь мешает каким-нибудь лицам принести обществу гораздо большую пользу. В таких случаях мой отказ от жизни должен быть не только безвинным, но и похвальным" (Д.Юм).

"Но является ли существенным смыслом нашего труда жизнь ради будущего? Думаю, что нет. Ибо и будущему мы служим лишь в той мере, в какой мы достигаем осуществление в настоящем" (К.Ясперс).

"Честная жизнь – вот единственная религия" (шотл.).

"Естественная потребность к осмыслению себя и мира... вставала перед каждым поколением, и разница между нами и теми, кто думал до нас, состоит лишь в том, что, во-первых, мы с большей изощрённостью задаём в сущности один и тот же вопрос, кто есть мы и что есть сущность бытия, и, во-вторых, напичканные и одурманенные множеством новых и новейших философских понятий, ищем ответ не там, где он лежит, то есть не в реальном течении жизни..." (А.А.Ананьев). "Цель жизни и есть стремление к бессмертию (хотя бы и имени); смысл жизни – это выбор пути (и деяний) к достижению цели" (А.А.Ананьев). "Цель жизни не может состоять только из обещанного вечного блаженства; ожидающие нас золотые врата рая, к коим только и следует обращать помыслы и дела, – это прекрасно; но есть, то есть непременно должно быть ещё нечто такое... что не в мифическом будущем, а сегодня, здесь, на земле, приносит удовлетворение" (А.А.Ананьев). "События прошлого, кажущиеся нам исключительными по проявлению могущества духа, единства, воли нации, от которых, как от неких достигнутых высот совершенства как раз и должна бы двигаться жизнь в грядущее, – достигнутое это не только не кладётся в основание движения народов и государств или, скажем, не берётся как урок или пример для нового совершенства, но, напротив, всячески вытравляется из сознания современников" (А.А.Ананьев). "Жизнь всякого сущего на земле существа подчинена определённым законам и не терпит насилия, и разум дан человеку не для того, чтобы своевольничать и тиранствовать над всем и вся, на какую бы высоту власти судьба ни возносила его, но для того, чтобы, осознав естественные потребности и законы бытия и согласуясь с ними и только с ними, помогать течению жизни, а не громоздить завалов на пути развития народов, государств, обществ, личностей. Но правители редко когда соотносятся с требованиями законов" (А.А.Ананьев).

"Без цели нет деятельности, без интересов нет цели, а без деятельности нет жизни"; "Борьба есть условие жизни: жизнь умирает, когда оканчивается борьба" (В.Г.Белинский). "Есть для человека и ещё великий мир жизни, кроме внутреннего мира сердца, – мир исторического содержания и общественной деятельности, – тот великий мир, где мысль становится делом, высокое чувствование – подвигом... И благо тому, кто не праздным зрителем смотрел на этот океан шумно несущейся жизни" (В.Г.Белинский).

"Резкое различие в судьбе людей, роскошь, в которой утопают одни, и нищета, от которой страдают другие, рождение одного человека в грязной трущобе, а другого – в великолепном дворце, одного – среди преступных людей, приучающих его с самого рождения к праздности и пороку, другого – в просвещённой семье, делающей всё, чтобы вызвать к жизни лучшие свойства его души, – всё это неизбежно вызывает вопрос: чем виноват пер-

вый ребёнок, что ему досталась такая горькая доля, и чем заслужил другой, что на его долю выпали такие счастливые условия" (Е.П.Блаватская).

"Тот, кто поймёт, что смысл человеческой жизни заключается в беспокойстве и тревоге, уже перестанет быть обывателем" (А.А.Блок).

"Вся жизнь твоя – есть мысль природы. Одна из океана мыслей" (Л.И.Болеславский).

"Понятие "счастья" и понятие "смысл жизни" нельзя отделить друг от друга, как следствие от причины, и наоборот" (Ю.В.Бондарев). "Можно ли расшифровать язык муравьёв, услышать их неуловимые крики о помощи перед катящимся на них стальным катком? Можно ли безошибочно проставить оценки каждому из нас, определить точно место и время отдельной жизни, объяснить всё, что происходит в современном мире. Пожалуй, разумное объяснение и понимание – это и есть философия существования. Она, мудрая философия, не может быть оптимистична, ибо действительность предаёт, обманывает всех без исключения, и люди чувствуют себя словно преступники, не совершившие преступления" (Ю.В.Бондарев).

"Есть только жизнь, и всё, что существует, существует лишь в свете жизни" (С.Н.Булгаков). "Окружённая кольцом смерти, постоянно угрожаемая раскрытым зевом небытия, жизнь робко и скучно ютится в уголках вселенной, лишь ценой страшных усилий спасаясь от окончательного истребления" (С.Н.Булгаков). "Под "тяжёлым покровом седых небес", под этим свинцовым небом на отравленной, зачумленной земле жизнь кажется какой-то случайностью, каким-то попусшением, снисходительностью смерти" (С.Н.Булгаков). "Мир "органический" – царство жизни в разных её формах, окружён враждебной стихией смерти, мёртвого механизма, давящей необходимости" (С.Н.Булгаков). "Следовательно, жизнь утверждается в царстве смерти, обступающей её со всех сторон и проникающей чрез все её поры" (С.Н.Булгаков). "Индивид умирает, вид остаётся. Это не есть, конечно, бессмертие или победа над смертью, как в этом хотят уверить нас натуралисты, но это свидетельствует о слабосилии смерти, об её условности: её сил не хватает на то, чтобы предотвратить зарождение жизни на земле, хотя и настолько трудное, подтверждённое столькими опасностями, или совершенно прервать начавшуюся жизнь" (С.Н.Булгаков). "В мире существует теперь только смертная жизнь, и это настолько общее её определение, что и самая смерть становится атрибутом и признаком жизни, – умереть может только живое" (С.Н.Булгаков). "Человек хочет проникнуть за пределы ему непосредственно данного, приподнять "кору естества"; с первобытным удивлением он повторяет слышащиеся у него в груди вопросы, вопросы о смысле всего существующего, о смысле его собственной жизни, жизни всего мира, или мирового процесса, жизни его братьев, или человечества. Непосредственно он знает лишь одно, что он есть факт внешнего мира, такой же факт, как это дерево,

этот камень, это насекомое. Но он не мирится с этой голой фактичностью своего существования, а хочет видеть в нём смысл, идею, цель" (С.Н. Булгаков). "Прежде всего нравственное достоинство человека ставит перед его сознанием основной вопрос, который заключает в себе все остальные вопросы: имеет ли наша жизнь смысл? Стоит ли жить?" (С.Н.Булгаков).

"Только жизнь даёт людям определённые возможности, которые осуществляются ими или пропадают напрасно; только жизнь может противостоять злу и несправедливости. Смерть – ничто" (В.В.Быков).

"Смешно было бы думать, что смысл жизни одних лиц состоит в том, чтобы служить средством для жизни других" (А.И.Введенский). "Смысл жизни сводится к назначению жизни для достижения абсолютно ценной цели – к тому, чтобы жизнь служила действительным средством для осуществления подобной цели" (А.И.Введенский). "Ведь нет никакой причины, которая могла бы придать столь сильную разницу людям, чтобы жизнь одного из них обращалась в абсолютно ценную цель, а жизнь других – лишь средство для достижения этой цели" (А.И.Введенский). "Вера в смысл жизни всё-таки оказывается логически непозволительной без веры в бессмертие" (А.И.Введенский). "Вопрос о смысле жизни совпадает с вопросом о цели жизни. Спрашивать – в чём состоит смысл жизни, то же самое, что спрашивать – какова ценная цель жизни. А в то же время легко убедиться, что вопрос о смысле жизни позволителен только в том случае, если мы имеем в виду такую цель, которая была бы абсолютно ценною" (А.И.Введенский).

"Жизнь – не бремя, а крылья творчества и радость; а если кто превращает её в бремя, то в этом он сам виноват" (В.В.Вересаев).

"Но что такое жизнь? И мертва ли та материя, которая находится в вечном непрерывном законном движении, где происходит бесконечное разрушение и созидание, где нет покоя?" (В.И.Вернадский).

"Забвение вечных вопросов, которыми всегда мучился человек, лишает его человечности. Человека... мучают вопросы о смысле жизни и смерти, о загадке своего существования" (А.А.Вознесенский).

"Современная наука и философия должны совершенно отстранить предрассудок "просвещения", будто ставить проблему бессмертия ненаучно, ибо мы знаем наверно, что никакой "загробной", никакой "вечной" жизни нет" (Б.П.Вышеславцев).

"Я не умел постигнуть жизни смысла" (П.А.Вяземский). "Жил, не заботившись проведать жизни цель, и умер, не узнав, зачем он умирает" (П.А. Вяземский).

"Человек может жить двояко: истинной (внутренней) жизнью или жизнью ложной, призрачной (внешней). Под внутренней жизнью я понимаю ту жизнь, когда человек уже не живёт одними впечатлениями, но когда сквозь всё видит одну пристань и берег – Бога, и во имя Его стремится употребить

в дело данный ему талант, а не зарыть его в землю, – зная, что не для своих удовольствий дана ему жизнь" (Н.В.Гоголь).

"Без жертв, без усилий и лишений нельзя жить на свете: жизнь – не сад, в котором растут только цветы" (И.А.Гончаров). "Жизнь "для себя и про себя" – не жизнь, а пассивное состояние, нужно слово и дело, борьба" (И.А.Гончаров).

"Если бы жизнь была интересна, никто не играл бы в карты" (М.Горький). "Неправда, что жизнь мрачна, неправда, что в ней только язвы да стоны, горе и слёзы!.. В ней есть всё, что захочет найти человек, а в нём есть силы создать то, чего нет в ней" (М.Горький). "Жизнь – величественное, неукротимое движение ко всеобщему счастью и радости" (М.Горький). "Всего полнее и интереснее жизнь тогда, когда человек борется с тем, что ему мешает жить" (М.Горький). "Смысл жизни в красоте и силе стремления к целям, и нужно, чтобы каждый момент бытия имел свою высокую цель" (М.Горький). "В совершенствовании человека – смысл жизни" (М.Горький). "Стремление вперёд – вот цель жизни. Пусть же вся жизнь будет стремлением" (М.Горький). "Верить в человека и любоваться ростом его духа – это лучшее, что даёт нам жизнь" (М.Горький). "Я знаю русский народ и не склонен преувеличивать его достоинства, но я убеждён, я верю – этот народ может внести в духовную жизнь земли и нечто своеобразное и глубокое, нечто важное для всех" (М.Горький).

Жизнь есть тяжёлый долг и подвиг, а не наслаждение и путь к личному счастью" (Н.Я.Грот). "Если цель жизни всё-таки личное счастье, то ради этой цели сильному всё позволено, а слабых можно заставить послужить себе" (Н.Я.Грот).

"Цель нашей жизни столь бесспорна, что зря не мучайся, приятель: мы сеем будущего зёрна, а что взойдёт – решит Создатель" (И.Губерман). "Покуда я у жизни смысла искал по книгам днём с огнём, вино во мне слегка прокисло, и стало меньше смысла в нём" (И.Губерман).

"Цель-то жизни в том, чтобы и после смерти не умирать" (Муса Джалиль).

"Жизнь – есть выявление человеческим опытом границ добра и зла" (С.Д.Довлатов).

"Гут, казалось бы, даже противоречие: если жизни так много, то есть кроме земной и бессмертная, то для чего так дорожить земною-то жизнью? А выходит именно напротив, ибо только с верой в своё бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле. Без убеждения же в своём бессмертии связи человека с землёй порываются, становятся тоньше, гнилее, а потеря высшего смысла жизни (ощущаемая хотя бы лишь в виде самой бессознательной тоски) несомненно ведёт за собою самоубийство" (Ф.М.Достоевский). "Есть много охотников жить без всяких идей и без всякого высшего смысла жизни, жить просто животною жизнью, в смысле низшего типа; но есть, и даже слишком уж многие и – что всего любопытнее – с виду, может быть, и

чрезвычайно грубые и порочные натуры, а между тем, природа их, может быть, им самим неведомо, давно уже тоскует по высшим целям и значению жизни" (Ф.М.Достоевский). "Идея о бессмертии – это сама жизнь, живая жизнь, её окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества" (Ф.М.Достоевский). "Человек – существо легкомысленное и неблаговидное, быть может, подобно шахматному игроку, любит один процесс достижения цели, а не самую цель. И кто знает (поручиться нельзя), может быть, что и вся-то цель на земле, к которой человек стремится, только и заключается в одной этой непрерывности процесса достижения, иначе сказать – "в самой жизни, а не собственно в цели" (Ф.М.Достоевский).

"Жизнь – обман с чарующей тоскою..." (С.А.Есенин).

"Смысл жизни западоидов (...людей определённого типа, которые создавали, развивали, поддерживали, охраняли Запад и завоёвывали себе место на планете. – А.М.) свёлся в конечном счёте к двум пунктам: 1) добиваться максимально высокого жизненного уровня или хотя бы удержаться на достигнутом; 2) добиваться максимальной личной свободы, независимости от окружающих и личной защищённости. Первое стремление делает человека прагматичным, второе толкает его на самоизоляцию" (А.А.Зиновьев).

"Жизнь человека есть жизнь, а не быт, не прозябание и не пресмыкание... есть не игра естественных сил и не беспринципная борьба за существование, но творческий процесс, протекающий пред лицом Божиим и при участии божественных сил, живущих в человеке (И.А.Ильин). "Наслаждение определяет и исчерпывает смысл их жизни и содержание их веры, но именно поэтому смерть их остаётся столь же бессмысленной, сколь бессмысленной была вся их жизнь. Скажи мне, за что ты хотел бы отдать свою жизнь, а я скажу тебе, во что ты веришь" (И.А.Ильин). "Это счастье – вести общение с людьми, вчувствуясь в их жизнь и постигая их смысл; отдавать им всё лучшее и принимать их дары; прощать им и получать от них прощение; иметь отца и мать и самому делаться отцом и матерью; иметь верных друзей; отстаивать свою родину и служить своему народу" (И.А.Ильин). "Несчастье современного человека велико: ему не хватает главного – смысла жизни" (А.И.Ильин). "И только там, где это чутьё для высшего смысла жизни и для истинного значения веры совсем иссякло и отлетело, где душа впала в совершенную религиозную слепоту и бесплодность, – только там человек может перед лицом какой-нибудь опасности или неудачи проклясть самую жизнь свою и от случившегося с ним несчастья искать спасения в смерти" (И.А.Ильин). "Мне надо постараться, чтобы мой земной конец стал не обрывом, а завершением всей моей жизни; все цели мои, все мои труды и творческие напряжения должны вести к этому завершению" (И.А. Ильин). "Вопрос о связи между философией и жизнью: ибо жизнь есть страдание, ведущее к мудрости, а философия есть мудрость, рождён-

ная страданием. Иными словами: жизнь в её настоящем, углублённом значении есть вынашивание и осуществление духовного, метафизического опыта, т.е. опыта, посвящённого божественному" (И.А.Ильин). "Философия больше, чем жизнь: она есть завершение жизни. Но жизнь первее философии: она есть её источник и предмет" (И.А.Ильин). "Человечество в своей массе, т.е. в большинстве составляющих его индивидуальных душ, оторвалось от духовной почвы и потеряло органическую живую связь с самым корнем духовной жизни" (И.А.Ильин). "Слепо и неумно прилепляться к чисто земным обстоятельствам, т.е. к чувственно-единичным вещам как таковым, превращать их в настоящий центр своей жизни, принимать их как своё любимое и главное, поклоняться им как высшей ценности, видеть в них высшую цель жизни, служить им и жертвовать ради них всем остальным" (И.А.Ильин). "За пределами повседневного быта, его мнимых благ и двусмысленных принципов современный человек не видит ни смысла жизни, ни цели жизни; и не ищет их; и не думает о них" (И.А.Ильин).

"Кто сознаёт, что уже начал делать то, что может, для общего благополучия, – уже достигает цели своей жизни. Она, цель эта, таким образом, наполняет жизнь разумным содержанием с самого того момента, как воля поставила себе эту цель и начала сообразно с нею действовать" (Н.И. Кареев). "Жить, разумеется, не стоило бы, если бы у жизни не было цели" (Н.И. Кареев). "Жизнь без разумной цели была бы жизнью бессмысленной..." (Н.И.Кареев). "Если выбирать разумно цель жизни из множества возможных, то лишь такую, которая вообще была бы достижима в течение короткого земного бытия и достижение коей зависело бы только от самого человека" (Н.И.Кареев).

"Смысл жизни нашей – непрерывное движение" (Якуб Колас).

"Смерть – своим чередом, жизнь – своим чередом" (В.Н.Крачковский).

"Как часто цель жизни одного человека становится мишенью для другого" (Б.Ю.Крутиер). "Рождённых летать жизнь часто заставляет ползать" (Б.Ю. Крутиер).

"Основная дилемма человеческого существования (помимо потребностей "биологического и материального выживания") – как прожить отрезок жизни, который не занят сном и работой" (А.В.Кукаркин).

"Когда бы мог весь свет узнать, что жизнь с надеждами, мечтами не что иное – как тетрадь с давно известными стихами" (М.Ю.Лермонтов).

"Цель жизни – уйти живым" (Г.Е.Малкин). "Смысл жизни в том, чтобы взять как можно больше радости, а цель – чтобы как можно дольше эту радость пронести" (Г.Н.Матюшов).

"Вся суть жизни в делах" (Д.И.Менделеев).

"Жизнь ставит цели науке; наука освещает путь жизни" (Н.К. Михайловский).

"Жизнь – только щель слабого света между двумя идеально чёрными вечностями" (В.В.Набоков).

"Жизнь – не праздник, не цепь наслаждений, а работа, в которой таится подчас много скорби и много сомнений" (С.Я.Надсон).

"Смысл жизни охотно допускается множеством лиц, по крайней мере – всей молодёжью; ибо она почти всегда бывает так идеалистична и вместе с тем так решительна, смела и последовательна в своих поступках, что вряд ли бы она стала жить, если бы потеряла веру в смысл жизни..." (В.И.Несмелов). "Под влиянием недавнего господства материализма и полного упадка философии множество лиц отвыкло от веры в бессмертие, даже посмеивается над ней, а в то же время толкует о смысле жизни, продолжает верить в него, и таким образом развращает свой ум, постепенно приучая его к крайней непоследовательности, к нелогичности, и этим самым вообще притупляет в нём способность чувствовать правду. И вот наш вывод содействует устранению подобного разврата, ибо он прямо требует от нас отречься от непоследовательного материализма, вынуждает нас или уверовать в бессмертие, или же сделаться вполне последовательными материалистами, то есть, не веря в бессмертие, перестать верить и в смысл жизни, а с ним – и в смысл обязательности нравственного долга" (В.И.Несмелов). "Вера в личное бессмертие есть условие и логической, и нравственной допустимости веры в смысл жизни" (В.И.Несмелов). "И если люди успеха могут наслаждаться своею жизнью и в этом наслаждении полагать весь смысл своей жизни, то очевидно, что для страдающей массы человечества этого смысла уже не будет, и если вообще никакого другого смысла уже не будет, и если вообще никакого другого смысла в жизни не существует, то значит – вся несчастная жизнь этой массы никакого вообще смысла и не имеет. Так это и было на самом деле". "К сознанию этого бессмыслия жизни, задолго ещё до появления христианства, постепенно пришла культурная масса древнего человечества" (В.И.Несмелов). "Каждому хорошо известно, что человек поживёт и умрёт, и если при этом допускается, что смерть есть полное уничтожение бытия человека, то ясное дело, что никакого вопроса о смысле жизни тут нет и быть не может. При таких условиях вопрос может ставиться не о смысле жизни, а только о целях человеческой деятельности в пределах жизни; потому что смысл жизни человек может только отыскивать, а цели своей деятельности он сам может создавать и сам же оправдывать. Он может создавать и действительно создаёт себе всевозможные цели жизни, и каждую цель он может оправдывать и действительно оправдывает для себя всевозможными представлениями блага жизни. Но так как право создания и оправдания для себя известных целей жизни в одинаковой мере принадлежит каждому отдельному человеку, то очевидно – целей человеческой жизни может существовать и фактически действительно существует ровно столько, сколько существует на свете людей" (В.И.Несмелов). "... а с другой стороны, он ещё неопытен в мыш-

лении и, наслаждаясь жизнью всем своим существом, невольно склонен думать, что этой жизнью уже исчерпывается вся действительность" (В.И. Несмелов). "Содержание человеческой жизни в действительности никогда не соответствует тому принципу, во имя которого это содержание создаётся людьми, то есть принципу блага жизни, и это постоянное несоответствие постоянно заставляло людей обращаться к точнейшему определению самого принципа: в чём именно следует полагать благо жизни и где следует искать это благо" (В.И. Несмелов). "Кто видит своё назначение в бесконечном осуществлении вечной для него цели, тот может иметь и вечную ценность по содержанию той цели, какая осуществляется им. Но только – где же найти эту вечную цель в пределах времени, и как можно бесконечно осуществлять её в конечной жизни? Подумай об этом, человек, и если только серьёзно ты будешь думать об этом, ты будешь на пути к христианству" (В.И. Несмелов). "Целью жизни должно быть не достижение счастья, а достижение совершенства, и потому принципом деятельности должно служить не какое-нибудь замаскированное своекорыстие, а только неуклонное исполнение нравственного долга. В таком преобразовании натуралистической системы морали в идеалистическую идеал совершенства человеческой жизни заменяется идеалом совершенства человеческой личности, а вместе с этой заменой и принцип блага жизни, очевидно, уступает своё место принципу смысла жизни" (В.И. Несмелов).

"Необходимо поставить себе определённую цель жизни. Конечно, надо иметь достаточно здравого смысла, чтобы ставить себе задачи по силам" (Н.А. Островский). "Самое дорогое у человека – это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества" (Н.А. Островский).

"Жизнь только для того красна, кто стремится к постоянно достигаемой, но никогда не достижимой цели" (И.П. Павлов).

"Я хочу задать тебе вопрос: зачем мы живём? Жизнь – это ничто. Проживём мы положенных нам 60 или 70 лет, дай Бог, 80 и помрём, а за нами родятся другие, и они тоже помрут, а потом ещё и ещё. И всё!" (Ю.Е. Песков).

"Только бы нам вовремя почувствовать и определить для себя смысл дарованной нам жизни. Ведь каждый из нас зачем-то пришёл сюда! И вовсе не для того, чтобы просто поесть и попить" (Е.В. Петросян).

"Жизнь – не что иное, как движение, переход из формы в форму, постоянное, неугомонное превращение, разрушение и созидание, следующие друг за другом и вытекающие друг из друга" (Д.И. Писарев). "Смерть – случайность, потому что камень может свалиться и на героя, и на негодяя, но жизнь со своим направлением и со своею обстановкою зависит от самого человека" (Д.И. Писарев). "Жизнь есть постоянный труд, и только тот пони-

мает её вполне по-человечески, кто смотрит на неё с этой точки зрения" (Д.И.Писарев). "Жизнь – дело в высшей степени прогрессивное, и главные двигательные пружины её прогресса сосредоточиваются в мыслях и стремлениях лучших, то есть самых здоровых и нормально организованных представителей нашей породы" (Д.И.Писарев).

"Любовь есть соединение любимого человека со своими искреннейшими идеями, осуществление через него своего смысла жизни" (А.П. Платонов).

"Все наши начальники суть чиновники, делопроизводители, бумажники. Жизнью им некогда заниматься, подмечать её явления, проникать в её причины, предугадывать следствие, прокладывать пути, облегчать сообщения, да и вообще делать добро, кроме бумажного, у них вечно связаны руки" (М.П.Погодин).

"Любовь не гарантирует смысла жизни, но иногда незаметно к нему приближает" (А.Б.Подводный). "В моей жизни есть смысл, но он меня не устраивает" (А.Б.Подводный).

"Жизнь состоит из двух сил, называемых в общем любовью; одна сила – это любовь рождающая (родовая сила), другая – любовь образующая (сила личности). На одной стороне – роды, на другой – смерть: роды в смерть и смерть в бессмертие" (М.М.Пришвин). "Мудрость жизни состоит в том, чтобы, сохранив во всей силе своё детское "жить хочется", приучить себя к мысли о необходимости расставания со всем, чем обладаешь, и даже с собственной жизнью" (М.М.Пришвин).

"Ты понял жизни цель, счастливый человек, для жизни ты живёшь" (А.С.Пушкин).

"Страшная пустота жизни. О, как она ужасна..." (В.В.Розанов). "В конце концов, Бог – моя жизнь" (В.В.Розанов). "Любите свою сказку. Сказку своей жизни. Жизнь каждого есть сказка, только один раз рассказанная в мире" (В.В.Розанов). И в самом деле, жизней, положений и ощущений всяких, бесконечное множество, она разбивается и воспринимается осколочно, являясь сугубо индивидуально и лично, для кого что и как. "Жизнь – раба мечты. В истории истинно реальны только мечты. Они живучи, их ни кислотой, ни огнём не возьмёшь. Они распространяются, плодятся, "овладевают воздухом", вползают из головы в голову" (В.В.Розанов). "Мы разумеем идею, что человеческое существование не заключает в себе какого-либо иного смысла, кроме как устройство его собственных судеб на земле. Это не есть догма, наложенная на сознание извне; скорее это есть следствие свободного отвлечения, которое произвела мысль человека, наблюдая мириады единичных целей его и подмечая в них общее, ради чего все они избирались как цели: "счастье деятельного существа как цель его деятельности" – это есть одновременно высшая абстракция практической жизни". "Как было бы ошибочно думать, что в повёртывании руля и заключается весь смысл плавания, – так

ошибочно, и уже с логической точки зрения, видеть в счастье человека и цель, и смысл его жизни" (В.В.Розанов). "Каков же итог жизни? Ужасно мало смысла. Жил, когда-то радовался: вот главное. "Что вышло?". Ничего особенного. И особенно как-то ненужно, чтобы что-нибудь "вышло". Безвестность – почти самое желанное" (В.В.Розанов). "Двоякого рода может быть жизнь человека: бессознательная и сознательная. Под первую я разумею жизнь, которая управляется причинами; под вторую – жизнь, которая управляется целью" (В.В.Розанов). "Из самого понятия о сознательной жизни прямо вытекает, что вопрос о цели человеческого существования есть первый, разрешение которого необходимо для сознательности этого существования" (В.В.Розанов). "Жизнь, управляемую целью, справедливо назвать сознательной, потому что сознание является здесь началом господствующим, определяющим. Ему принадлежит выбор, к чему должна направиться сложная цель человеческих поступков..." (В.В.Розанов). "Только оканчивая жизнь, видишь, что вся твоя жизнь была поучением, в котором ты был невнимательным учеником" (В.В.Розанов). "Собственно, сила души уходит вся в эту рефлексию, и от этого так вяла и мало привлекательна бывает жизнь людей слишком преданных размышлению" (В.В.Розанов). "Цели, принудительно наложенные на человека (например, религиозным учением), потому не придают жизни сознательности, что не было участия сознания в их выборе: они были данное, открывшееся человеку, чему он должен покорно следовать. Но он никогда не имел возможности заглянуть по ту сторону их, откуда они давались: к нему всегда обращена была только одна их сторона, человеческая, но скрыта была сторона божественная. Там эти цели были, без сомнения, свободно избраны и, следовательно, сознательны. Но для человеческой природы они и принудительны, и темны" (В.В.Розанов). "Не имея никаких данных для точного определения этой формы, можно, однако, с полной уверенностью утверждать, что ни одна форма бытия по ту сторону жизни, которую рисуют нам представители той или другой религии, не может считаться истинною. Уже одно то, что конфуцианство, буддизм, еврейство, христианство, магометанство – рисуют разные формы загробной жизни, доказывает, что ни одна из них не истинна, ибо Истина может быть только одна" (В.В.Розанов). "Русская жизнь и грязна, и слаба, но как-то мила" (В.В.Розанов). "Да... вся наша история немножечко трущоба, и вся наша жизнь немножечко трущоба..." (В.В.Розанов). "Что Он даст будущую жизнь? Нет". (В.В.Розанов).

"Мы живём во времена допсихологической цивилизации, и всё устройство нашей жизни – устройство семьи, быта, труда, воспитания – стоит на незнании человеческой природы, на коренном разладе с законами нашей психологии, физиологии, нравственности" (Ю.Б.Рюриков).

"В стяжании Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие, ради Христа делаемые, суть только средства к стяжанию Духа Божьего" (Серафим Саровский).

"Что такое жизнь? Это странствие: прокладывать себе дорогу, не зная, куда идти, зачем идти" (Г.С.Сковорода).

"Свою жизнь сохранить мы не можем, но чужое существование можем разрушить, и действительно разрушаем, питаюсь чужой жизнью, а то, для чего мы это совершаем, – сохранение нашей жизни, в сущности призрачно, ибо наша жизнь и на мгновение не обеспечена, а со временем, наверное, погибнет, сколько бы мы ни губили других для её спасения" (В.С. Соловьёв). "Науки, изучающие настоящую и прошедшую жизнь земного шара (биология, геология), показывают нам, что не одни особи умирают, но что вымирают и целые роды существ: они рассказывают нам далее про гибель целых образований и степеней животного и растительного царства; а наука, изучающая природу небесных тел (астрономия), приводит нас к заключению, что целые миры и собрания миров, образовавшись из бесформенного и безвидного мирового общества, снова разлагаются и рассеиваются в пространстве и что, прежде чем подобная участь постигнет наш солнечный мир, Земля и другие планеты мёртвыми ледяными глыбами будут носиться кругом потухающего солнца" (В.С.Соловьёв). "Но если это в самом деле жизнь? Если каждое поколение существует только для того, чтобы погибнуть с появлением нового, которому в свою очередь предстоит такая же гибель, и если род живёт только в таких непрерывно гибнущих поколениях, то жизнь рода есть постоянная смерть, и путь природы есть явный обман" (В.С.Соловьёв). "Разочарованный и отчаявшийся самоубийца разочаровался и отчаялся не в смысле жизни, а как раз наоборот – в своей надежде на бессмысленность жизни" (В.С.Соловьёв). "Кто хочет принять смысл жизни как внешний авторитет, тот кончает тем, что за смысл принимает бессмыслицу своего собственного произвола" (В.С.Соловьёв). "Когда на вопрос: для чего мы живём, какая цель нашей жизни? – отвечают, что жизнь имеет цель сама в себе, что мы живём для самой жизни, то и эти слова не имеют смысла, ибо именно самой-то жизни мы и не находим нигде, а везде только порыв и переход к чему-то другому, и только в одной смерти постоянство и неизменность" (В.С. Соловьёв). "Особенного вопроса о задачах жизни, о том, для чего жить и что делать, не могло возникнуть в тогдашнем обществе, потому что жизнь и деятельность обуславливались не вопросом для чего, а основанием почему. Помещик жил и действовал известным образом не для чего-нибудь, а прежде всего потому, что он был помещик; и точно так же крестьянин обязан был жить так, а не иначе, потому что он был крестьянин; и между этими крайними формами все остальные группы в готовых условиях быта находили достаточное основание, которым определялся круг их жизни, не оставляя места

для вопроса – что делать" (В.С.Соловьёв). "Любовь есть внутренняя неразделённость и единосушее двух жизней, а естественная страсть только стремится к этому, но никогда не достигает, почему и следствием её бывает только нечто внешнее, отдельное от обоих производителей и могущее быть для них совершенно чуждым и даже враждебным" (В.С.Соловьёв). "Если вместо светской дамы или игрока мы возьмём, на противоположном полюсе, великих людей, гениев или изменивших судьбу народов, то увидим, что содержание их жизни и её исторические плоды имеют значение лишь как данные раз и навсегда, а при бесконечном продолжении индивидуального существования этих гениев на земле потеряли бы всякий смысл" (В.С.Соловьёв). "Для большинства человечества жизнь есть только смена тяжёлого механического труда и грубочувственных, оглушающих сознание удовольствий" (В.С. Соловьёв). "Бессмертная жизнь, отделённая от нравственного совершенства, не есть благо: мало быть бессмертным, – должно ещё стать достойным бессмертия через исполнение всякой правды..." (В.С.Соловьёв). "Без этой веры нам пришлось бы допустить, что добро есть только обманчивое ощущение или же произвольный вымысел человеческого ума, т.е. что его, в сущности, нет совсем. Но это допустить мы нравственно не можем. Ибо мы сами, как нравственные существа, и вся наша жизнь имеем смысл только через веру в действительное добро или добро как истину" (В.С.Соловьёв). "Нравственный смысл жизни первоначально определяется самим добром, доступным нам внутренне через нашу совесть и разум, поскольку эти внутренние формы добра освобождены нравственным подвигом от рабства страстям и от ограниченности личного и коллективного себялюбия" (В.С.Соловьёв).

"Нет ничего противнее духу христианства, как думать, что загробная жизнь есть продолжение нашей видимой земной жизни с её личными интересами и внешними благами. <...> ... жизнь загробная не есть продолжение нашей видимой жизни с её личными интересами и временными благами, но она есть восполнение нашей духовной жизни, так что и теперь уже мы, хотя не вполне, живём вечною невидимую жизнью" (М.М.Тареев).

"Возникает вопрос о смысле светского бессмертия и перспективе человеческой судьбы, завершаемой смертью. В этот смысл вписано продолжение нашего существования через потомство, достижения нашей жизни и свершённые дела" (А.Токарчик).

"Вся жизнь есть только стремление и постепенное приближение к совершенству, которое недостижимо, потому что оно совершенство" (Л.Н.Толстой). "Вся жизнь человека – это борьба духа с телом"; "Вся жизнь – это, хочешь ли ты или не хочешь этого, жертва телесного духовному" (Л.Н.Толстой). "Но такого большего блага нигде никогда не может быть, потому что нам в жизни нашей дано такое великое благо – жизнь, выше которого нет и не может быть" (Л.Н.Толстой). "Думаем мы, что при смерти кончается жизнь

потому, что мы считаем жизнь тела от рождения до смерти" (Л.Н. Толстой). "Каждому человеку самому надо решать для себя вопросы о смысле жизни и смерти" (Л.Н.Толстой). "Молитва есть восстановление в своём сознании высшего понимания смысла жизни" (Л.Н.Толстой). "Самое короткое выражение смысла жизни такое: мир движется, совершенствуется; задача человека – участвовать в этом движении, и подчиняться, и содействовать ему" (Л.Н.Толстой). "И такой смысл есть в человеческой жизни. Смысл этот – во всё большем и большем сознании в себе Бога" (Л.Н.Толстой). "Я уверен, что смысл жизни для каждого из нас – просто расти в любви" (Л.Н.Толстой). "Разум открывает человеку смысл и значение жизни" (Л.Н.Толстой). "Вера есть понимание смысла жизни и признание вытекающих из этого пониманий обязанностей" (Л.Н.Толстой). "Не думаю, чтобы недоумение перед смыслом человеческой жизни и непонимание его представляло бы что-либо возвышенное или трагическое. Недоумение человека перед смыслом жизни подобно недоумению человека, попавшего в общество, занятое чтением хорошей книги. Недоумение этого человека, не вслушивающегося или не понимающего то, что читают, и суетящегося среди занятых людей, представляет не нечто возвышенное и трагическое, а нечто смешное, глупое и жалкое" (Л.Н. Толстой). "Имей цель для всей жизни, цель для известного времени, цель для года, для месяца, для недели, для дня, и для часу, и для минуты, жертвуя низшие цели высшим" (Л.Н.Толстой). "Сущность всякой веры состоит в том, что она придаёт жизни такой смысл, который не уничтожается смертью" (Л.Н.Толстой). "Истинная цель жизни в том, чтобы узнать жизнь бесконечную" (Л.Н.Толстой). "Чтобы жизнь имела какой-нибудь смысл, надо жить так, чтобы смерть не могла разрушить дела жизни" (Л.Н.Толстой). "Просвещённый тот, кто знает смысл своей жизни" (Л.Н. Толстой). "По истинному христианскому учению, цель жизни – благо, и благо это получается здесь" (Л.Н. Толстой). "Цель жизни всякого отдельного человека одна: совершенствование в добре" (Л.Н.Толстой).

"Заслуживает ли название жизни это бессмысленное чередование рождений и смертей, это однообразная смена умирающих поколений?" (Е.Н.Трубецкой). "Жизненный пир человека есть торжество победителя в борьбе за существование. Из-за него льются потоки крови, ибо в замкнутом биологическом круге существования всякая жизнь поддерживается за счёт других жизней, всякое торжество одного возвещает смерть другого и связывается с лозунгом – "горе побеждённым" (Е.Н.Трубецкой). "Ибо всякая жизнь так или иначе воспроизводит в себе движение какого-либо без конца повторяющегося круга, которому она подчинена. Жизнь земледельца, который сеет, жнёт, жнёт и опять сеет без конца, подчинена кругу солярному, жизнь рабочего – кругу фабричного колеса, жизнь чиновника – круговращению огромного административного механизма"; "Биологический круг,

биологический закон траты и обновления, – вот что приводит в движение весь механизм человеческой жизни, вот ради чего вращаются эти бесчисленные колёса, а в них – сам развенчанный Царь-человек со своими помыслами, желаниями, надеждами" (Е.Н.Трубецкой). "Умирает каждый живой индивид, а жизнь рода слагается из бесконечной серии смертей. Это – не жизнь, а пустая видимость жизни. К тому же и эта видимость поддерживается в непрерывной "борьбе за существование". Для сохранения каждой отдельной жизни нужна гибель других жизней..." (Е.Н.Трубецкой). "Если есть смысл жизни, то он должен быть силою, всё побеждающею. Он должен обладать способностью всё претворять в себя, даже суету, даже самую бессмыслицу" (Е.Н.Трубецкой). "Тут речь идёт... о том – стоит ли жить, обладает ли жизнь положительной ценностью, притом ценностью всеобщей и безусловной, ценностью, обязательной для каждого" (Е.Н.Трубецкой). "Среди обречённой огню действительности душа жаждет положительного смысла, ради которого стоит жить; она ищет жизни, достойной вечности" (Е.Н.Трубецкой). "Тут мы имеем одну из самых мучительных коллизий между присущей человеку жаждой смысла жизни и превосходящей силой, царящей в мире бессмыслицы" (Е.Н.Трубецкой). "Недостаточно знать, в чём заключается смысл жизни: нужно прежде всего осуществлять его на деле" (Е.Н.Трубецкой). "Всякий сознательно или бессознательно предполагает такую цель или ценность, ради которой, безусловно, стоит жить. Эта цель, или, что то же, жизненный смысл, есть предположение неустранимое, необходимо связанное с жизнью как таковой; и вот почему никакие неудачи не могут остановить человечество в поисках этого смысла" (Е.Н.Трубецкой). "Выдвигается на первый план философская задача, которая в мысли Соловьёва становится центральной: это – вопрос о смысле жизни. Самой по-пыткой устранить этот вопрос век философского отчаяния доказал его неустранимость: внутренними противоречиями своего отрицания он доказал, что смысл жизни есть необходимое предположение нашего сознания, без коего – самая мысль не может быть логичной. Вопрос, следовательно, не в том, есть ли в существующем смысл или нет, а в чём он заключается, каково его содержание" (Е.Н.Трубецкой). "Если человек есть только временное, преходящее сочетание атомов материи, то проповедь уважения к человеческой личности, к её достоинству и свободе есть чистейшая бессмыслица: об уважении к человеку можно говорить только в том предположении, что человек есть сосуд безусловного, носитель вечного, непреходящего смысла жизни". "И в этой полноте жизни, торжествующий над всякими задержками, препятствиями, – над самой смертью, – и заключается тот "смысл" жизни, отсутствие коего нас возмущает" (Е.Н.Трубецкой). "Индийская религиозность верит не в смысл, а в бессмыслицу жизни... здесь дух в конце концов не одухотворяет землю, не преображает её изнутри, не побеждает в ней изначальные силы зла, а только сам избавляется от этой силы.

Его отношение к земле – только отрицательное: он отлетает от неё навеки и тем самым отдаёт землю всем живущим на ней во власть страдания, зла и бессмыслицы. Это – не спасение жизни, а спасение от жизни..." (Е.Н. Трубецкой). "И все учения обеих мировых религий есть... попытка осуществить это пробуждение, подняться над наваждением суеты и тяжким бредом, именуемым действительностью; для буддизма, как и для браманизма, подлинное выражение истинной жизни и её смысла – не это действительность, а те крылья, которые влекут нас прочь от неё". "Одни умом отрицают всякий смысл в жизни, но вместе с тем делами своими вносят в неё определённый, добрый смысл, осуществляют его на практике; другие, наоборот, признают его умом, но отрицают его на деле – всю свою жизнь" (Е.Н.Трубецкой). "Попытке ответить на вопрос о смысле жизни должна предшествовать ясная и точная его постановка" (Е.Н.Трубецкой). "Волей-неволей вся жизнь строится в расчёте на какую-то безусловную цель; а свидетельство совести говорит нам о том, что эта цель, ради которой стоит жить, есть некоторая объективная правда, безусловная и всеобщая, которая бесконечно возвышается над всяким субъективным желанием и мнением" (Е.Н.Трубецкой). "Самая целесообразность устройства живых организмов, сообщающая ему видимость разумности, на самом деле только подчёркивает суетность их существования в его целом, потому что вся эта целесообразность рассчитана на эту единую и единственную цель, которая никогда не достигается, – цель сохранения жизни" (Е.Н.Трубецкой). "Цель всякого жизненного стремления есть полнота жизни неумирующей: именно эта полнота, к которой стремится всякая жизнь, есть предмет всякого религиозного искания" (Е.Н.Трубецкой). "Идёт вековечный спор двух противоположных жизнепониманий – жизнепонимания натуралистического, которое ищет подлинной жизни и её смысла в плоскости здешнего, и жизнепонимания супранатуралистического, которое утверждает, что истинная жизнь и её смысл сосредоточивается в ином, верхнем, потустороннем плане бытия. Рассмотрение этих двух решений жизненной проблемы приводит нас к заключению об одинаковой односторонности, а потому и одинаковой несостоятельности обоих" (Е.Н.Трубецкой). "Всякая жизнь стремится подняться над землёю и неизбежно вновь на неё ниспадает, смешиваясь с прахом; а крылья, на которых она взлетает, оказывается лишь призрачной и исчезающей поэтической прикрасою" (Е.Н.Трубецкой). "Аскетическое отрешение от всего доводится до конца в буддизме. Его идеал заключается в том, чтобы возвыситься не только над жизнью конечной, индивидуальной, но надо всякой жизнью как таковою, над самим стремлением к жизни, над самим желанием бессмертия" (Е.Н.Трубецкой). "Полнота жизни как единая цель для всего живущего – таков предмет искания всякого жизненного стремления; единая истина для всех – таково предположение всякого сознания вообще, и, наконец, единая правда для всех, – таково предположе-

ние нравственного сознания. Тоска по всеединству – вот что лежит в основе всего нашего страдания о суете и бессмыслице жизни; и поскольку мы возвышаемся сознанием над этой суетой, этот мысленный подъём уже представляет собою некоторый предварительный выход из этого порочного круга, в котором мы томимся" (Е.Н.Трубецкой). "Тот положительный конец жизни, который составляет её смысл, есть полнота радости. Но путь, который ведёт к этой радости, есть путь величайшей скорби, – крестный путь". "Вопрос о всеильном и всепобеждающем смысле есть вопрос о Боге. – Бог как жизненная полнота и есть основное предположение всякой жизни". "Что Бог есть жизнь, – источник смысла и существования всякой иной жизни, – в этом внутреннее откровение религиозного сознания человечества" (Е.Н.Трубецкой). "В чём же заключается эта цель, ради которой стоит жить, и эта объективная правда жизни, которая должна в ней осуществляться? – В чём заключается искомое нами содержание в смысле жизни? В этом вопросе выражается основной мотив религиозного искания всех веков. – Различные религиозные и философские учения дают на него различные ответы; но есть и общее, что сближает между собой искателей правды всех веков. Это – самый предмет их искания" (Е.Н. Трубецкой). "В служении такой России самая жизнь личности наполнялась высшим общечеловеческим смыслом: служить ей – значило отдаваться всему человечеству" (Е.Н.Трубецкой). "Спрашиваем ли мы о смысле какого-либо непонятого нам слова, о смысле какого-либо нашего переживания или целой нашей жизни, вопрос всегда ставится о всеобщем и безусловном значении чего-либо: речь идёт не о том, что значит данное слово или переживание для меня или для кого-либо другого, а о том, что оно должно значить для всех" (Е.Н.Трубецкой).

"Жизнь есть не что иное, как постоянно побеждаемое противоречие" (И.С.Тургенев). "Жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслаждение, жизнь тяжёлый труд" (И.С.Тургенев). "Вся жизнь наша сон, и лучшее в ней опять-таки сон" (И.С.Тургенев). "Смерть не ждёт, и жизнь ждать не должна" (И.С.Тургенев).

"Жизнь, как подстреленная птица, подняться хочет – и не может" (Ф.И.Тютчев). "Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, – не светлый дым, блестящий при луне, а эта тень, бегущая от дыма" (Ф.И.Тютчев).

"Удовлетворите всем желаниям человека, но отымите у него цель в жизни, и посмотрите, каким несчастным и ничтожным существом явится он" (К.Д.Ушинский). "Воспитание не только должно развить разум человека и дать ему известный объём сведений, но должно зажечь в нём жажду серьёзного труда, без которого жизнь его не может быть ни достойною, ни счастливою" (К.Д.Ушинский). "Цель в жизни является сердцевиной человеческого достоинства и человеческого счастья" (К.Д.Ушинский).

"Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки, а жизни нет конца, и цели нет иной, как только веровать в рыдающие звуки..." (А.А.Фет).

"Учёные могут, конечно, сказать, что в прежнее время стариков убивали, а теперь только презирают их; замена физического убийства духовным разве не прогресс?! Прогресс самого прогресса, можно сказать! Поэтому может ли прогресс дать смысл жизни, не говоря уже о цели? Ибо только то, в чём может выразиться высшая степень любви и уважения, даёт и смысл, и цель жизни" (Н.Ф.Фёдоров). "Искания смысла жизни есть философия истории, которая также не лишена памфлетного свойства или вообще субъективного характера; философия истории и сама имеет уже очень длинную историю, хотя смысла жизни ещё не отыскала и даже отчаялась найти его" (Н.Ф.Фёдоров).

"Жизнь бесконечно полнее рассудочных определений, и потому ни одна формула не может вместить всей полноты жизни. Ни одна формула, значит, не может заменить самой жизни в её творческом, в её ежемоментном и повседневном созидании нового" (П.А.Флоренский).

"Уже то обстоятельство, что человеческая жизнь, индивидуальная и коллективная, в такой огромной мере сводится на ту самую борьбу за существование, на непрерывную, самоубийственную драку за средства пропитания, которая господствует во всём животном мире, – что, несмотря на все технические усовершенствования, с размножением человеческого рода всё относительно меньше становится на земле плодородной почвы, угля, железа и всего, что нужно людям, и борьба за обладание ими становится всё ожесточённее, – уже одно это есть достаточное свидетельство того, как стихийные условия космической жизни сковывают человеческую жизнь и заражают её своей бессмысленностью" (С.Л.Франк). "Лишь поскольку наша жизнь и наш труд соприкасаются с вечным, живут в нём, проникаются им, мы можем рассчитывать вообще на достижение смысла жизни". "Жизнь осмысливается только отречением от её эмпирического содержания; твёрдую, подлинную опору для неё мы находим лишь вне её; лишь перешагнув за пределы мира, мы отыскиваем ту вечную основу, на которой он утверждён. Пребывая в нём, мы им охвачены и вместе с ним шатаемся и кружимся в бессмысленном мире" (С.Л.Франк). "Она [личная жизнь] есть, с одной стороны, набор бессмысленных случайностей, длинная вереница коллективных, всенародных и международных событий, которые не вытекают разумно одно из другого, не ведут ни к какой цели, а случаются как итог стихийного столкновения и скрещения коллективных человеческих страстей; и, с другой стороны, поскольку история есть всё же последовательное осуществление человеческих идеалов, она есть вместе с тем история их крушений, неуклонное разоблачение их иллюзорности и несостоятельности, бесконечно длинный и мучительный предметный урок, в котором человечество обучается усматривать тщету своих надежд на разумное и благое устройство

своей коллективной жизни" (С.Л.Франк). "Душевная жизнь есть некоторая полнота или жизнь неопределимо-бесформенного объёма: она не имеет границ не потому, что объемлет бесконечность, а потому, что положительное её содержание в своих крайних частях каким-то неуловимым образом "сходит на нет", не имея каких-либо границ или очертаний" (С.Л.Франк). "Человеческая, как и космическая, жизнь проникнута началом борьбы" (С.Л.Франк). "Человечество живёт сменой подъёмов и падений, и все великие его достижения во всех областях жизни – государственной и общественной, научной и художественной, религиозной и нравственной – имеют свой конец и сменяются периодами застоя и упадка" (С.Л.Франк). "В каком-то уголке мирового пространства кружится и летит комочек мировой грязи, называемый земным шаром; на его поверхности копошатся, кружась и летя вместе с ним, миллиарды и биллионы живых козявок, порождённых из него же, в том числе дву-ногие, именуемые себя людьми; бессмысленно кружась в мировом пространстве, бессмысленно зарождаясь и умирая через мгновение по законам космической природы, они, в то же время, движимые теми же слепыми силами, дерутся между собой, к чему-то неустанно стремятся, о чём-то хлопчут, устраивают между собой какие-то порядки жизни. И эти-то ничтожные создания природы мечтают о смысле своей общей жизни, хотят достигнуть счастья, разума и правды" (С.Л.Франк). "Имеет ли жизнь вообще смысл, и если да – то какой именно? В чём смысл жизни? Или жизнь есть просто бессмыслица, бессмысленный, никчемный процесс естественного рождения, расцветания, созревания, увядания и смерти человека, как всякого другого органического существа? Те мечты о добре и правде, о духовной значительности и осмысленной жизни, которые уже с отроческих лет волнуют нашу душу и заставляют нас думать, что мы родились не "даром", что мы призваны осуществить в мире что-то великое и решающее" (С.Л.Франк). "Если бытие лишено всякого внутреннего смысла, если субъективные человеческие желания суть единственный разумный критерий для практической ориентировки человека в мире, то с какой стати должен я признавать какие-либо обязанности, и не будет ли моим законным правом простое эгоистическое наслаждение жизнью?" (С.Л.Франк). "Так неумолимо стоит дилемма. Одно из двух: или жизнь в целом имеет смысл – тогда она должна иметь его в каждое своё мгновение, для поколения людей и для каждого живого человека, сейчас, теперь же – совершенно независимо от всех возможных её изменений и предполагаемого её совершенствования в будущем... или же этого нет, и жизнь, наша нынешняя жизнь, бессмысленна, – и тогда нет спасения от бессмыслицы"; "Душевная жизнь человека возникает в определённый момент – скажем для простоты: в момент его рождения, – имеет известную длительность и в определённый момент кончается, по крайней мере в пределах земного бытия..." (С.Л.Франк). "Ис-

кания смысла жизни есть... "осмысление" жизни, раскрытие и внесение в неё смысла, который вне нашей духовной действительности не только не мог быть найден, но в эмпирической жизни и не существовал бы" (С.Л.Франк). "Смысл жизни" нельзя, так сказать, найти в готовом виде, раз навсегда данным, уже утверждённым в бытии, а можно только добиваться его осуществления... смысл жизни должен ведь быть смыслом самой нашей жизни, он должен быть в ней, принадлежать к ней, он сам должен быть живым" (С.Л.Франк). "Мы не можем жить для жизни; мы всегда – хотим ли мы того или нет – живём для чего-то. Но только в большинстве случаев это "что-то", будучи целью, к которой мы стремимся, по своему содержанию есть, в свою очередь, средство, и притом средство для сохранения жизни. Отсюда получается тот мучительный заколдованный круг, который острее всего даёт нам чувствовать бессмысленность жизни и порождает тоску по её осмыслению: мы живём, чтобы трудиться над чем-то, стремиться к чему-то. И, измученные этим кружением в беличьем колесе, мы ищем "смысла жизни" – мы ищем стремления и дела, которое не было бы направлено на простое сохранение жизни, и жизни, которая не тратилась бы на тяжкий труд для её же сохранения" (С.Л.Франк). "Перед нами теперь, через увеличительное стекло наших нынешних бедствий, с явностью предстала сама сущность жизни во всей её превратности, скоротечности, тягостности – во всей её бессмысленности. И потому всех людей мучащий, перед всеми неотвязно стоящий вопрос о смысле жизни приобрёл для нас, как бы впервые вкусивших самое существо жизни и лишённых возможности спрятаться от неё или прикрыть её обманчивой и смягчающей её ужас видимостью, совершенно исключительную остроту... для чего жить" (С.Л.Франк). "Всякий миг счастья с избытком искупается страданиями или тоской пресыщения; мы знаем, что горя в жизни безмерно больше, чем счастья и радостей, мы извели нищету, мы ясно видим неизбежный конец всякой жизни – смерть, перед лицом которой всё становится одинаково призрачным. Словом, мы имеем слишком живое ощущение бессмысленности жизни, чтобы увлечься самим голым процессом жизни" (С.Л.Франк). "Найти" смысл жизни – значит сделать так, чтобы он был, напрячь свои внутренние силы для его осуществления. Ибо, хотя первое его условие – бытие Бога – есть от века сущая первооснова всего остального, но, так как само это бытие есть жизнь и так как мы должны приобщиться к нему, Бог же не есть Бог мёртвых, но Бог живых, то мы должны через максимальное напряжение и раскрытие нашего существа "искать" смысл жизни и улавливать его в творческом процессе приобретения и приобщения к нему" (С.Л.Франк). "Искание смысла жизни есть всегда борьба за смысл против бессмыслицы, и не в праздном размышлении, а лишь в подвиге борьбы против тьмы бессмыслия мы можем добраться до смысла, утвердить его в себе, сделать его смыслом

своей жизни и тем подлинно усмотреть его или уверовать в него. Вера, будучи "вещей обличением невидимых", невозможна без действия. Она сама есть напряжённое внутреннее действие, которое необходимо находит своё обнаружение в действительном преобразовании нашей жизни; и поэтому "вера без дела мертва есть" (С.Л.Франк). "Искание смысла жизни есть, таким образом, собственно "осмысление" жизни, раскрытие и внесение в неё смысла, который вне нашей духовной действительности не только не мог бы быть найден, но в эмпирической жизни и не существовал бы" (С.Л.Франк). "Смысл жизни – в её утверждённости, в вечном, он осуществляется, когда в нас и вокруг нас проступает вечное начало, он требует погружения жизни в это вечное начало. Лишь поскольку наша жизнь и наш труд соприкасаются с вечным, живут в нём, проникаются им, мы можем рассчитывать вообще на достижение смысла жизни" (С.Л.Франк). "Не знаем ли мы и теперь, поскольку мы не ослеплены нашими страстями – всё равно индивидуальными или общими, – что тот хаос бессмыслицы и зла, который затопил нашу родину и потопил всех нас, имеет вместе с тем какой-то глубочайший религиозный смысл, что он есть, очевидно, для нас единственный путь к религиозному, т.е. подлинному возрождению нашей жизни, единичной и национальной" (С.Л.Франк). "Нет, от вопроса о смысле жизни нам – именно нам, в нашем нынешнем положении и духовном состоянии – никуда не уйти, и тщетны надежды подменить его какими-либо суррогатами, заморить сосущего внутри червя сомнения какими-либо иллюзорными делами и мыслями" (С.Л.Франк). "Можно ли обновить общую жизнь, не зная, для себя самого, для чего ты вообще живёшь и какой вечный, объективный смысл имеет жизнь в её целом?" (С.Л.Франк). "Ведь мы не только бесстрастно-объективно знаем факт бессмысленности жизни – мы томимся этим знанием, не удовлетворены им и ищем смысла жизни" (С.Л.Франк). "Что эмпирическая жизнь как таковая, будь то наша личная жизнь, будь то жизнь мировая – бессмысленна, – не удовлетворяет условиям, при которых осуществим смысл жизни – принадлежит к самому её существу, это вытекает уже из того, что она подчинена потоку времени, что она, говоря словами Платона, "только возникает и гибнет, а совсем не есть", – и это знала истинная мудрость всех времён и народов. Но ею совсем не исчерпывается истинное бытие, и к чему-то мы должны теперь обратить наш духовный взор" (С.Л.Франк). "И мы уже видели, что древние греки, восхищаясь красотой и живой стройностью космического целого, с горечью и безысходным отчаянием сознавали безнадежность, тщету и бессмысленность в нём человеческой жизни" (С.Л.Франк). "Вопрос "о смысле жизни" волнует и мучает в глубине души каждого человека. <...> Этот вопрос – не "теоретический вопрос", не предмет праздной умственной игры; этот вопрос есть вопрос самой жизни, он так же страшен – и, собственно говоря, ещё гораздо более

страшен, чем при каждой нужде вопрос о куске хлеба для утоления голода" (Л.С.Франк). "Если бы могли найти вне нас готовый "смысл жизни", он всё-таки не удовлетворил бы, не был бы смыслом нашей жизни, оправданием нашего собственного существа. Смысл нашей жизни должен быть в нас, мы сами своею жизнью должны являть его. Поэтому искания его не праздное упражнение любознательности, не пассивная оглядка вокруг себя, а есть волевое, напряжённое самоуглубление, подлинное, полное труда и лишений погружение в глубины бытия, невозможное без само-воспитания" (С.Л.Франк). "Говорят: всякое действие осмысленно, когда служит цели или – что как будто то же самое – жизнь в её целом не имеет уже вне себя никакой цели: "жизнь для жизни мне дана". Потому что либо надо раз навсегда примириться с роковой из логики вещей вытекающей "бессмысленностью" жизни, либо же – что правильнее – надо признать, что сама постановка о смысле жизни незаконна, что этот вопрос принадлежит к числу тех, которые не находят себе разрешения просто в силу своей собственной внутренней нелепости..." (С.Л.Франк). "Как ни убедительно на первый взгляд это рассуждение, против него прежде всего инстинктивно протестует наше сердце; мы чувствуем, что вопрос о смысле жизни – сам по себе не бессмысленный вопрос, и, как бы тягостна ни была для нас его неразрешимость, рассуждение о незаконности самого вопроса нас не успокаивает" (С.Л.Франк). "Но и независимо от этого, она не может быть самоцелью и потому, что жизнь, по самому её существу, есть не неподвижное пребывание в себе, самодовлеющий покой, а делание чего-то или стремление к чему-то; миг, в котором мы свободны от всякого дела или стремления, мы испытываем как мучительно-тоскливое состояние пустоты и неудовлетворённости" (С.Л.Франк). "Очевидно, что наша жизнь, простой стихийный процесс изживания её, пребывания на свете и сознания этого факта вовсе не есть для нас самоцель. Она же не может быть самоцелью, во-первых, потому, что, в общем, страдания и тягости преобладают в ней над радостями и наслаждениями, и несмотря на всю силу животного инстинкта самосохранения мы часто недоумеваем, для чего же мы должны тянуть эту тяжёлую ляжку" (С.Л.Франк). "Единственное дело, осмысляющее жизнь и потому имеющее для человека абсолютный смысл, есть, следовательно, не что иное, как действительное соучастие в Богочеловеческой жизни" (С.Л.Франк). "Жизнь же есть действительность, творчество, самопроизвольное расцветание и созревание изнутри, из собственных глубин" (С.Л.Франк). "Жизнь наша осмысленна, когда она служит какой-то разумной цели, содержанием которой никак не может быть просто сама эта эмпирическая жизнь" (С.Л.Франк). "Трудно осмыслить, проще принять без доказательств, что жив "Богочеловек Христос, который есть для нас "путь, истина и жизнь" и который ... есть вечный и ненарушимый смысл нашей жизни" (С.Л.Франк).

"Как индивидуальная человеческая жизнь в её эмпирическом осуществлении имеет только один смысл – научить нас той жизненной мудрости, что счастье неосуществимо, что все наши мечты были иллюзорны и что процесс жизни есть тяжкая опытная шко-ла, необходимая для очищения нас от иллюзий всечеловеческого счастья, для обличения суетности и обманчивости всех наших упований на воплощение в этом мире царства добра и правды, всех наших человеческих замыслов идеального общественного самоуправления" (С.Л.Франк). Сознание наше задето роковым вопросом: как "научиться отличить истинную жизнь от жизни, которая есть смерть, – понять тот смысл жизни, который впервые вообще делает жизнь жизнью, то Слово Божие, которое есть истинный, насыщающий нас хлеб жизни" (С.Л.Франк). "Русский интеллигент привык вопрос о "смысле жизни" ставить в форме вопроса "что делать?". "Жизнь не имеет никакого объективного, внутреннего смысла; единственное благо в ней есть материальная обеспеченность, удовлетворение субъективных потребностей; поэтому человек обязан посвятить все свои силы улучшению участи большинства и всё, что отвлекает его от этого, есть зло и должно быть беспощадно истреблено – такова странная, логически плохо обоснованная, но психологически крепко спаянная цепь суждений, руководящая всем поведением и всеми оценками русского интеллигента" (С.Л.Франк). Безнравственное существо, безбожник, не склонен признавать или иметь высший смысл жизни. "Бессмысленность жизни нужна как преграда, требующая преодоления, ибо без преодоления и творческого усилия нет реального обнаружения свободы" (С.Л.Франк). "Русские люди вообще имели привычку жить мечтами о будущем; и раньше им казалось, что будничная, суровая и тусклая жизнь сегодняшнего дня есть, собственно, случайное недоразумение, временная задержка в наступлении истинной жизни, томительное ожидание, нечто вроде томления на какой-то случайной остановке поезда; но завтра или через несколько лет, словом, во всяком случае вскоре в будущем всё изменится, откроется истинная, разумная и счастливая жизнь; весь смысл жизни – в этом будущем, а сегодняшний день не в счёт" (С.Л.Франк). "Русский человек страдает от бессмыслицы жизни. Он остро чувствует, что если он просто "живёт как все" – ест, пьёт, женится, трудится для пропитания семьи, даже веселится обычными земными радостями, он живёт в туманном, бессмысленном водовороте, как щепка уносится течением времени, и перед лицом неизбежного конца жизни не знает, для чего он жил на свете". "Словом, мы имеем слишком живое ощущение бессмысленности жизни, чтобы увлечься самим голым процессом жизни. И слово "свобода" в этом смысле кажется нам даже оскорбительно-неуместным" (С.Л.Франк).

"Цель всякой человеческой жизни одна: достижение бессмертия" (Д.И.Хармс).

"Во сне жизнь моего Я прерывается, в смерти этого нет; ибо, если бы при этом перестало существовать моё Я, наступило бы уничтожение. Из могилы нет возвращения, но после сна мы возвращаемся к своему Я" (П.Я.Чаадаев). "Я нахожу, что именно сон скорее есть настоящая смерть, а то, что называется смертью, быть может, и есть жизнь?". "Мы бываем совершенно мертвы наполовину нашей жизни без преувеличения, без иносказания, но в буквальном, истинном смысле слова мертвы" (П.Я.Чаадаев).

"Всякий истинно образованный человек чувствует, что истинная жизнь – жизнь ума и сердца" (Н.Г.Чернышевский). "Что же милее всего для человека? Жизнь: потому что с нею только связаны все наши радости, всё наше счастье, все наши надежды"; "Ближе всего и милее всего человеку – человек и человеческая жизнь" (Н.Г.Чернышевский). "Прекрасное есть жизнь" (Н.Г.Чернышевский).

"Смысл жизни только в одном – в борьбе" (А.П.Чехов). "Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги" (А.П.Чехов). "Мусульманин для спасения души копает колодезь. Хорошо, если бы каждый из нас оставлял после себя школу, колодезь или что-нибудь вроде, чтобы жизнь не проходила и не уходила в вечность бесследно" (А.П.Чехов). "Призвание всякого человека в духовной деятельности – в постоянном искании правды и смысла жизни" (А.П.Чехов). "Нужны умные, образованные люди; по мере приближения человечества к лучшей жизни число этих людей будет увеличиваться, пока они не составят большинства" (А.П.Чехов).

"В жизни всё – это жизнь, даже мысль о смерти" (И.Н.Шевелев). "Смерть для каждого священна, но не для каждого священна жизнь" (И.Н.Шевелев). Неисчерпаемы и весьма красноречивы образы жизни в литературе: "Вся наша жизнь – вокзал – синоним вечной суеты, а люди – поезда – приходят и уходят" (И.Н.Шевелев). "Жизнь – вытрезвитель для опьянённых счастьем" (И.Н.Шевелев). "Жизнь – огниво, высекающее в сознании человека искру мысли" (И.Н.Шевелев). "Для одних жизнь – ристалище, для других – пристанище". "Для одних жизнь – битва, для других молитва" (И.Н.Шевелев). "Смысл жизни – в слиянии конечного с бесконечным, временного с вечным путём познания вечных истин и созидания вечных ценностей" (И.Н.Шевелев). "Смысл жизни заложен в заветной шкатулке, открывающейся двумя ключевыми словами: "познание" и "созидание" (И.Н.Шевелев). "Жизнь никогда не укладывается в схемы, но без схем невозможно ориентироваться в жизни" (И.Н.Шевелев). "Цель жизни – в стремлении к цели" (И.Н.Шевелев).

"Детство есть та великая пора жизни, когда кладётся основание всему будущему нравственному человеку" (Н.В.Шелгунов). "Всесторонняя жизнь – только общественная" (Н.В.Шелгунов).

"Положена человеку жизнь с природой, с весной и осенью, с небом и солнцем, с ветрами и дождями, надо жить, чтобы в полночь слышать пение петуха, а на рассвете мык коровушки, чтобы у ворот лаял пёс, чтобы слышать, как осенью барабанит в крышу дождь и шумит ветер в трубе, а по весне поют птицы" (Б.В.Шергин).

"Едят, пьют, гадят, размножаются, произносят отяжелевшими языками бессмысленные слова. Нигде ни следа "свободной воли", ни одной искры сознания, никакой потребности пробудиться от вековечного сна. Все глубоко убеждены – что их сон, их жизнь и их "общий мир" есть единственная, последняя и окончательная реальность" (Л.Шестов). "Только посредственные люди твёрдо знают, что такое жизнь, что такое смерть" (Л.Шестов).

"Стремись не к тому, чтобы добиться успеха, а к тому, чтобы твоя жизнь имела смысл" (А.Эйнштейн).

"Смерть есть реальность такая громадная, такая всепоглощающая, что жизнь перед ней бледнеет, становится только видимостью. Жизнь сегодня есть, завтра её не будет" (В.Ф.Эрн). "Во-вторых, каждая человеческая жизнь, обрываясь со смертью, переходит в ничто" (В.Ф.Эрн). "При таком допущении целое, из-за которого я должен жить и которым должна быть оправдана моя смерть, есть пустое ничто, т.е. ни жизнь моя, ни смерть моя такой идеей целого осмыслена быть не может" (В.Ф.Эрн). "Я – преходящий момент в процессе, но, если я хочу осмыслить мою преходящую жизнь, я должен искать этот смысл в процессе, взятом как сумма всех моих преходящих моментов" (В.Ф.Эрн). "Но всё же я спрашиваю о смысле моей жизни, об оправдании моей смерти, и если их нет во мне как ничтожной частице, и только частице, то и смысл моей жизни и оправдание моей смерти должны заключаться в том целом, частицей которого я являюсь" (В.Ф.Эрн). "Чем может быть осмыслена моя смерть? Ибо если в ней нет никакого смысла, то нет смысла и во всей моей жизни" (В.Ф.Эрн). "Во-вторых, моя жизнь как частица приносится в жертву целому" (В.Ф.Эрн). "Стоики умирали спокойно, но они не только умирали спокойно, они жили всю жизнь, готовясь к смерти. Центр тяжести их жизни переносился на смерть. И они уже не говорили и не могли говорить о каком бы то ни было прогрессивном развитии жизни. Жизнь сама по себе теряла всякую цену для них и становилась только ступенью к безбоязненной и спокойной смерти. Смерть была главным событием жизни" (В.Ф.Эрн).

"Добиться исполнения мечты – в этом величайший смысл жизни человека" (А.С.Яковлев).

"Если я по смерти обращусь в ничто, к чему, зачем мне тогда жить? Какой смысл будет тогда иметь моя жизнь? Ужели я – не более как червяк или букашка, которых прохожий раздавливает своею ногою, сам того не замечая? Нет, что-то внутри меня говорит, что это не так" (Неизв. автор).

"Вся жизнь – сцена и комедия: научись или шутить, отбросив всякую серьёзность, или терпеть горе" (Неизв. автор).

"Жизнь – не лошадь: её кнутом не побьёшь" (рус.).

"Если ты вдруг нашёл смысл жизни, самое время проконсультироваться у психиатра" (неизв амер. автор). Вот так путаются слова и смыслы их.

"Круг чтения": "Целью жизни мира представляется разумному человеку бесконечное просветление и единение существ мира, к которому идёт жизнь и в котором сначала люди, а потом и все существа, всё более и более подчиняясь закону разума, будут понимать то, что дано понимать теперь одному человеку, – что благо жизни достигается не стремлением каждого существа к своему личному благу, а стремлением, согласно с законом разума, каждого существа к благу всех других".

"Самое обычное явление нашего времени – видеть то, что люди, считающие себя учёными, образованными и просвещёнными, коснеют в самом мрачном и смрадном невежестве, не только не знают смысла своей жизни, но и гордятся этим незнанием".

Неизв. автор: "Если ты вдруг нашёл смысл жизни, самое время проконсультироваться у психиатра". "Вся жизнь – сцена и комедия: научись или шутить, отбросив всякую серьёзность, или терпеть горе". "Если я по смерти обращусь в ничто, к чему, зачем мне тогда жить? Какой смысл будет тогда иметь моя жизнь? Ужели я – не более как червяк или букашка, которых прохожий раздавливает своею ногою, сам того не замечая? Нет, что-то внутри меня говорит, что это не так". "Жизнь как спичка – сгорела и осталась кривой уголёк". "искусство любви... Щедрость – это искусство жизни". "Конечная цель определяется как жизнь, соответствующая природе, – жизнь, в которой мы воздерживаемся от всего, что запрещено общим законом, а закон этот – верный разум".

Общие вопросы познания жизни:

определение, смысл-назначение, цель, мораль

И далее продолжение из цитат ряда авторов, разный взгляд и стиль.

Жизнь – это "битва, и надо готовиться к ней с самого детства" (А.Моруа); "... борьба за бессмертие" (М.М.Пришвин); "... борьба против разрушающих начал" (Э.Ренан); "... вечность в миниатюре" (Р.Эмерсон); "... взаимодействие с людьми" (С.Хилл); "... воспоминание об одном мимолётном дне, проведённом в гостях" (Б.Паскаль); "... гильотина, работающая в веках и приводимая в движение не столько естественными законами природы, сколько произволом человеческого разума" (А.А.Ананьев); "... дар немногих многим, тех, кто знает и умеет, тем, кто не знает и не умеет" (А.Модильяни); "... чудесный дар. В ней нет ничего незначительного" (Ф.Найтингейл); "... неровное, неправильное и многообразное движение"

(М.Монтень); "... детство нашего бессмертия" (В.Гюго); "... долг, хотя бы она была мгновением" (И.Гёте); "... женщина, которую любят все, но женятся, как правило, на другой" (Г.Е.Малкин); "... искусство извлекать значительные выгоды из незначительных обстоятельств" (С.Батлер); "... искусство любви... Щедрость – это искусство жизни" (неизв. автор); "... карнавал, где под лицами можно распознать маски людей" (Г.Е.Малкин); "... край, который видели и в котором жила старики. Те, которым предстоит проходить её, должны только у них спрашивать дорогу" (Ж.Жубер); "... лабиринт, в котором мы начинаем блуждать ещё до того, как научимся ходить" (С.Коннолли); "... героический марш, а не идиллия. Идиллией жизнь может быть только для мелких, ничтожных людей" (Н.Казандзакис); "... миссия, это труд; представлять себе жизнь как только приятную, это значит унижать её" (Ж.Гюйо); "... нечто большее, чем обладание" (М.Б.Сендак); "... нить, ей суждено соединить людей, но жаль, что сделал эту нить короткою Аллах" (А.Джами); "... огонь: её начало – пламень, конец – пепел" (груз.); "... остров в мире одиночества и уединения" (Д.Х.Джебран); "... та пилюля, которую невозможно проглотить, не позолотив" (С.Джонсон); "... поле битвы, ведь даже самые дружеские отношения – это всегда борьба" (Р.Стивенсон); "... праздник с буднями каждый день" (Г.Е.Малкин); "... преемник смерти, а смерть – это начало жизни" ("Даосские притчи"); "... или дерзкое приключение, или ничего" (Х.Келлер); "... чудесное приключение, достойное того, чтобы ради удач терпеть и неудачи" (Р.Олдингтон); "... то, что мы называем природой" (Гао-цзы); "... затаенный прыжок из утробы в могилу" (совр. фольклор); "... риск. Только попадая в рискованные ситуации, мы продолжаем расти. ... это риск полюбить, риск оказаться уязвимым, риск позволить себе открыться перед другим человеком, не бояться ни боли, ни обид" (А.Хаффингтон). "... бесконечное совершенствование. Считать себя совершенным – значит убить себя" (Х.Ф.Геббель); "... терпение" (армян.). "... как бы усилие, направленное к тому, чтобы поднимать тяжесть, которая падает" (А.Бергсон). "... усталость, растущая с каждым шагом" (С.Батлер); "... почти непрерывная цепь собственных открытий" (Г.Гауптман); "... чередование всяких комбинаций, их нужно изучать, следить за ними, чтобы всюду оставаться в выгодном положении" (О.Бальзак); "... последний шанс, дарованный нам судьбой, чтобы стать человеком" (Б.Ю.Крутиер); "... школа, но спешить с окончанием её не следует" (Э.Кроткий); "... ящик, полный колющих и режущих инструментов. Всякий час мы калечим свои руки до крови" (Ж.Ренар). И ещё целый ряд псевдонимов: огниво, пламя, змея.

"... то, что люди больше всего стремятся сохранить и меньше всего берегут" (Ж.Лабрюйер); "... лучший способ не умирать; подарок, который неприлично передаривать другим; рай для грешников; непрерывный размен

крупных купюр на мелкие" (Г.Е.Малкин); "... кратчайшее расстояние между этим и тем светом, короткое замыкание вечности, лучший подарок ко дню рождения" (Б.Ю.Крутиер).

Жизнь как "бал: кружишься – весело: кругом всё светло, ясно... Вернулся лишь домой, наряд измятый снял – и всё забыл и только что устал" (М.Ю.Лермонтов); "как волчок – всё время стремится к покою, но постоянно вертится, чтобы не упасть" (Г.Н.Матюшов); "как лук, с которого снимают шкуру" (фр.); "как спичка – сгорела и остался кривой уголёк" (неизв. автор); "как пьеса в театре: важно не то, сколько она длится, а насколько хорошо сыграна" (Сенека Младший).

"Жизнь человека должна всегда походить на эту реку, протекающую передо мной. Постоянно одно и то же русло, и в нём в каждый момент свежая вода" (Г.Торо). "Некоторые жизни напоминают отливы в морской гавани: чем дальше они уходят, тем больше грязи обнажается на дне" (О.О'Мэлли). "Земная и загробная жизни подобны двум жёнам-соперницам: если муж угодит одной, то рассердит другую" (араб.). Жизнь подобна "игрищам: иные приходят на них состязаться, иные – торговать, а самые счастливые – смотреть" (Пифагор); "...лестнице. Человек живёт до тех пор, пока продолжает карабкаться вверх" (Х.Махмуд); "...огню: она начинается с дыма и кончается золой" (араб.). "...театру: в ней часто весьма дурные люди занимают наилучшие места" (Пифагор); "...универмагу: в ней находишь всё, кроме того, что ищешь" (Э.Кроткий).

Примеров достаточно, чтобы видеть разброс характеристик и отношений к жизни. Легче жизнь сравнивать с чем-то, в чём-то похожем, нежели определять суть. Что касается всеобщности нашего понимания значения слова, как и чувства, то это нереально и недостижимо вовсе.

Жизнь воспринимается и осознаётся по-разному. Нет единогласия, немыслимо общее и всеохватное понимание. Жизнь огромна, вряд ли целостна, нечто многогранное и разноликое, в бесконечном становлении и изменении крутится в вечности. Чувствуем, ощущаем, переживаем, воспринимаем: каждый свой мир и по своим силам. Другие не могут и не обязаны мыслить, как я, и мне хотелось бы самому жить своим умом. В соперничестве бесконечен спор, не договориться и никак не определиться. Ибо она для кого что.

Сложно сказать, что же это такое жизнь. Знаем и не знаем. Не определить суть, она на недосягаемой глубине. Проще назвать, какая жизнь, личная и окружающая, духовная, космическая. Легко давать оценки и характеристики, мнение есть мнение, или же: что кому-то и когда-то как покажется, дело случайное и безответственное, можно сказать – плёвое. Худо, если случайный взгляд взамен мучительного и творческого акта – проникновения и углубления в тайный смысл, поиска главного и более существенного,

определения понятия. Найти или угадать скрытый принцип, распутать узел, пожалуй, сложное искусство и стратегия, не так просто и вдруг.

Литературная цитата – своеобразный и значимый фрагмент текста, представляет относительно полное и законченное высказывание, суждение, собственно выражение и выборку текста, состоящую из одного или нескольких предложений, совокупно передающих определённый смысл, отношение и оценку. Являя собой авторское утверждение, вопрос, сомнение, сравнение, отражая взгляд на предмет, мысль, своего рода понимание и образ, обретает своеобразное стилистическое звучание и вместе с тем несёт дополнительный заряд и вес, отличаясь авторитетностью и авторитарностью, тем самым выделяется из общей массы будничных фраз.

Мудрецы больше других сомневаются в названиях и их смыслах, в понимании и понятиях.

Сам человек – это и есть его жизнь. Понятийно связаны, слова равнозначные, синонимы.

Косвенным путём, попутно, тоже можно выразить своё видение предмета. Высказывания и суждения далеко не равноценны по своей значимости, содержательности и основательности. В них своя направленность и заданность, установка, предвзятость, которые следует уловить и выявить. Обычно высказывают мнения и оценки, в них скрыто то или иное отношение. И поэтому, кажется, всё же больше ставится и задаётся вопросов, чем предлагается ясных, определённых и утвердительных ответов. Вокруг темы жизни полно мистической тревоги, озабоченности и серьёзной обеспокоенности.

Не могут определить жизнь, не находят суть, поэтому вместо этого просто сравнивают её с чем-нибудь, обнаруживают некое общее свойство и сходство в явлениях, чтобы сделать таинственное более близким, зримым, очевидным и доступным в обращении, сбивая при этом страх непонимания и недоразумения. Изобразительный приём вполне оправдывается художественными задачами.

Тема жизни и смерти, а в ней задача и требование как-то определиться в мистических понятиях, утверждающих высокий смысл, – настолько нешуточное дело, что в нём вряд ли всегда уместно использование игры. В данном случае нецелесообразно и непродуктивно опираться на пародию, наивный юмор и поверхностный смех, при этом балуясь вульгарным богохульством, направленным на снижение запредельных знаков и символов, путём принижения превращая их в средство комического. Религиозное знание и отвлечённое познание себя – не эстрада, чтобы забавляться и развлекаться анекдотами. Не тот случай, не для легкомысленной забавы.

Мы предполагаем, не знаем определённо, не схватывая самой сути, – отсюда неуверенность, колебания и сослагательное наклонение. Словами играя, защищаются, и отсюда так много словоблудия.

III. ТАЙНА И МУДРОСТЬ ЖИЗНИ

Заметки в ежедневнике

□

5 января 2005 года звонок в дверь. Две дамы, лет тридцати и постарше, приличные. Вижу, что от Иеговы. С вопросом "Верите ли, что Библия – книга от Бога?". Отвечаю, что в общем "да". Верно то, что Библия – книга. У неё авторство, время написания, содержание, мудрость, иные достоинства. Однако надо бы знать, что значит предлог "от" и что здесь "Бог". Ср.: "Президент и власть – от Бога" (из церковной речи). Конечно, не совсем прямой ответ (как и вопрос, заданный мне). С занудой разговаривать сложно. Но и толкование бога тоже сомнительно. Мои собеседницы оказались, по-моему, в тупике.

В конце концов гости от Иеговы вручили мне "Книгу для всех", 30 страниц о Библии, пообещав, что придут обсудить позже. Прошли месяцы, как миссионеры оставили меня, брошюрку прочёл и по-своему использовал. Посчитал слово "жизнь", употребляется 28 раз, не во всех случаях в одном и том же значении, но и не каждый раз в особенном. Давно интересуюсь подобными словами, выписываю контексты и пытаюсь разобраться лексикографически. Лексикография – теория и практика составления словарей. В толковом словаре значения слов толкуются, т.е. раскрываются. Надо сказать, далеко не всегда удачно.

23.01.05. Инаугурация Ющенко в ВС и на майдане. Жизни лишь только миг. Вечность – совершенно иная категория, нам не по зубам, не для нас, смертных. Мотыльки – зримый символ краткосрочности пребывания в свете. Потом вечная тьма небытия. При этом популяции всё живут и продолжают на Земле. Большую часть жизни провёл не мотыльком, учителем, и 45 лет ушло на обучение других. В начале был восторг глупости. В конце разочарование: досадно, не тем занимался. Учить надо себя, стремиться к своему смыслу.

Не только теперь, с самого первого дня страдать, мучиться и терзаться завершением: как достойнее дойти до финиша. Ведь другим (хоть родным детям) не внушишь, станут жить по-своему, свой образ и опыт текущей жизни. Нормально. А мне вот с молодых лет поступать бы так... Только где та молодость? Уж лучше разобраться с самим собой и сказать, что делать

сейчас и завтра, пока жизнь продолжается. Вместо того чтобы учить других, учи сам, отнесись к учёбе с прилежанием и вниманием. Совесть – личный наставник.

Надо бояться и избегать собеседников "начитанных", рассуждающих просто так, от нечего делать, бессочувственно. Легко вспомнят избитые фразы, что когда-то запомнилось, привязывая с выгодой для себя к текущему моменту, к обстановке или обстоятельству. "Цитаты" отличаются устойчивой расхожестью, не ищите ни глубины, ни последовательности. Очень даже связная и гладкая речь (эти успевали в посредственной школе), призрак и следствие образованщины.

Вырванные из контекста, фразы чудовищны, несут разрыв и бесполезны на практике, разве что на собрании: "Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества" (почему?), "Меньшинство подчиняется большинству" (почему?). Высокий слог не вытянет жалкие истины из трясины низостей: "Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи", "Религия – опиум для народа". До сих пор у нас в ВС в ходу пустозвонство, и терпим же безвкусицу нравственных оборванцев. Пустая болтовня опасна и заразительна, во всяком случае, не столь безвредна, как может показаться иной раз.

У слова должна быть глубина смысла, практичность и уместность. Постарайтесь быть по возможности самостоятельными, остерегайтесь бессмысленных и шаблонных фраз, как и дремучих мифотворцев, кои щеголяют ими. По мне, не столь важно, на каком языке говорит депутат, на украинском или русском, выступая в том же ВС. Оба языка достойны и доступны нам хотя бы в понимании. Не было бы пошлой и дешёвой политической демагогии. Прежде возносили и славил высокопоставленных ленинцев, заодно уж гегемонов. Нынче заменили тех гавриков так называемой "новой элитой" гавришей.

□

Было нас ровно десятеро за столом на моём семидесятилетии. Мы ещё не пьяны, но уже сыты, – и я прошу высказаться, что каждый усматривает в жизни, как понимает и воспринимает. Пояснил, что смыслом жизни с некоторых пор лично озадачен. И тут же начали, пошли подряд, слева направо. Не всё помню, что сказано было, но кое-что осталось в памяти. Запомнилось, моя дочь Лена сказала, для неё жизнь – прежде всего и сплошь трудности, даже не стала раскрывать их. Валерий, мой зять, счёл, что так жена хочет обвинить мужа в неумении облегчить ей бремя существования. Конечно, жизнь разнопланова, поэтому целесообразно уточнить, о чём речь, что именно обсуждается в данном случае. Есть частная, есть общественная сферы жизни, разные, хотя связаны. Огромны и разнообразны мир животных. Ещё и растительный мир, тоже чудесный. Но мы в нашем кругу – о

своём, другом. (Сашенька, внучка, не принимала участия в разговоре, в соседней комнате за компьютером раскладывала пасьянс).

Анатолий Васильевич, тесть, немногословен. Жизнь – стихия, как цунами, бесполезно управлять, она больше всех, вместе взятых. Ольга Емельяновна, тёща, добавила, что следует жить по Библии, там всё сказано и предписано. Далее Ямпольские. Лиза просто отказалась, наотрез: "Я не знаю". В данном случае реакция осмысленная. Надюша уверена, и вовсе бесполезно строить планы на жизнь, которая с нами не считается, поступит по-своему. Так что всякий раз приходится решать конкретно всё новые задачи, они диктуются неожиданными встречами и предложениями. "Жизнь – Броуновское движение", – поддакнул Саша, её отец, математик. На закуску осталась Н. Предложила задержаться на мотиве иллюзорности и обманчивости жизни. К жизни очень даже подходит метафора и образ игры, театра, сцены. Где-то и я прибавил, что для лиц, вроде Амосова, жизнь сосредоточена в напряжённой мысли. А какие-то мотыльки живут всего один день, и тоже интенсивной жизнью.

Непросто делать обобщение, забылось и выветрилось многое, что было произнесено за столом. Люди говорили сходу, без долгого обдумывания, импровизировали каждый на свой манер, выкручиваясь по-своему. Все вместе и как бы порознь, но всё же от чего-то отталкиваясь, имея в виду, что говорено, и к чему-то стремясь дальше. Примерно так же в научных диспутах и в литературе авторы как бы разбегаются во все стороны, захватывают ограниченную и определённую часть проблемного и предметного пространства и мысленно обрабатывают его, культивируя тему, как почву, более или менее последовательно, убедительно и основательно. Во всяком случае, редко кто сможет удовлетворить всех и самого себя ответом. На первых порах в сплочённости разнобой, и мы повторялись и вторили кому-то.

Соберись застолье шире, вопрос жизни всё равно не исчерпать, что бездонный океан ладошкой. Все наши жалкие и дерзкие рассуждения, так или иначе, в той или иной мере касаются беспрестанного темпа и вечного пульса своего бытия. Только *Homo sapiens*, по подсчётам палеонтологов, где-то 190 тысячелетий на Земле. Но не всегда и не всех одинаково занимает мистический взгляд, одновременно религиозный и философский, на происхождение и назначение жизни. Лишь на зрелой стадии развития культуры человеческое сознание обращается к метафизике духовного пространства. Миг за мигом вальсирует или пульсирует во тьме, то ли мысль, то ли жуть, словно светлячки в просторах таинственной ночи тропических джунглей, и так далеко ещё жучкам-червячкам от электрического освещения цивилизации.

Мне, грешному филологу, в жизни и работе нередко приходилось обращаться к философам. И самому философствовать, читая что, переживая, размышляя, сочиняя, обсуждая, споря. Допустим, при разборе каких-то об-

щих вопросов, касающихся самых распространённых понятий и названий, таких, в частности, как "жизнь". На первый взгляд, вроде бы простой предмет речи, что проще, кажется. Но если серьёзно вникать в существо дела, для объяснения, оказывается чрезвычайно запутанной и не разрешимой проблемой. Тая в себе необъятную многозначность, слово "жизнь" включает разные энергии и направления мысли.

Жизнь человеческую, в том числе и конкретно одной личности, рассматривают и толкуют в разном осмыслении, особенном объёме и развороте, содержании и связях, то самых общих, то частных и дерзких. Кроме всего прочего, жизнь как определённого рода существование социума может представляться и своеобразной манерой игры или некой публичной ролью того или иного общественного человека. Всё, что случается, так или иначе, кому-то для чего-то нужно в какой мере. Есть немало стереотипов, которые привычно применяем, без запинки воспринимая в речи собеседников и в печати. Если же задержать внимание и задаться вопросом, что означает там слово "жизнь", то не сразу найдёшься и справишься с его изъяснением.

Как-то, едва проснувшись, вдруг, словно осенён таинственной силой, пришёл поутру к маленькому для себя открытию. Жизни счастливая непостижимость – это, может, шанс как-то самосовершенствоваться, становясь иным, со временем более в чём-то зрячим и достойным. Кто-то подтолкнул к высокой мысли, подсказал, что ли. Во всяком случае, какое-то время держался, полагая, что такой вывод связан с промыслом. Не путь, дао, а возможность обнаружить и раскрыть тайну предназначения конкретного, или живого, человека. Увы, вскоре оказалось, что в моем озарении нет чуда, всего на всего просто воспоминание или догадка.

В основном занимает философский вопрос (религиозный, метафизический), в первую очередь личной и общественной жизни, они завязаны. Какой толк в таком мудрствовании? Скажете, надо было думать раньше. Но я созрел поздно. Впрочем, никогда не вредно вспомнить о душе. Вечная тема, и никуда не денешься. Хватит ли сил, чтобы вникнуть в тайну и приспособиться к ней? Прочитываю разных авторов, никак не улавливаю сути. Или её нет вовсе? Кажется, все знают что-то, и никто не схватит главного. Нет самого зерна, ядра, всякий раз центр тяжести перемещается. Сознание в пелене, в тумане, нет чёткости.

"Мы говорим словами, которых не понимаем" (Лев Толстой) [104, 272]. Серьёзное замечание – кратко, внятно и веско – надо принять в целом. Как всякий тезис, можно уточнять, расширять и всё углубляться в пучину недоступной и загадочной истины. Часто речь наша зыбка, путана, простовата и довольно поверхностна, именно потому, что недооцениваем веса и смыс-

ла легко схваченного заимствования. Настоянное в замкнутом объёме фразы, косное и ходкое слово-знак теряет гибкость, будто предмет, закончено. К числу таких застылых конструкций мысли относится и взбудоражившее нас "жизнь", окольцованное мнение, сплюснутое, прижатое.

Зациклились на себе. Будто одни на свете, и кроме нас ничего. Действительно, самый ли важный отрезок времени – наше существование? А к чему же захватывать мир глубже и больше, чем я да мы? В том-то и дело, что первостепенное значение имеет не столько случайность, но вся протяжённость пути и движение в целостности, не просто фрагмент биографии, а история. Пусть даже и мы, но сквозь призму исторического развития, как и общественный процесс через страсть личную. Важно связывать то и это, соотносить часть с целым, друг без друга нет смысла. Эпоха складывается из эпизодов и частных, так или иначе, всё из наших душ, из массы нас. А если бы каждый за свой век открыл и оставил после себя своим потомкам одну только живую мысль, или мудрость, – трудно представить прогресс, какими станем обеспеченными!

"Мысль, как живое дерево, даёт плоды, только если развивается естественно! А книги и чужие мнения – это ножницы, они перерезают жизнь твоей мысли! Сперва надо все мысли найти самому – и только потом сверять с книгами" [307,]. Хорошо сказано, согласен с Солженицыным, порой самому так казалось. А если, тем не менее, всё же порыться в книгах, в поисках разъяснений, житейского опыта и мудрости, оттолкнувшись и от добротной литературы также? Мысли разные повсюду вокруг нас рассеяны, прячутся и таятся там и тут. Не исключено, что и в библиотеках тоже, в книжных переплётах, в посланиях старых и новых авторов к нам.

Жизнь как цитата и мысль

Жизнь – это всё: противоречивая тема, спорная и сомнительная, объёмная и неисчерпаемая.

Как в музыке повторяются фразы и мелодии, так и в литературе в том или ином виде сходятся и расходятся темы и воспроизводятся, повторяются мысли и цитируются отдельные высказывания. Само по себе, нет одной самой важной и исключительной идеи (суждения) о чём бы то ни было, о жизни-смерти в том числе. Мысль живёт и продолжается, разрастается и углубляется в жизни. Не может быть такой конструкции или такого текста, которые окончательно, раз и навсегда завершили бы и закрыли тему, исчерпав мысль полностью. Одним махом не исчерпывается живой ряд, неизбежно растущий и стремящийся ко всё большей полноте и разнообразию.

Как отобрать цитаты, какие именно и почему, каким образом объяснить и прокомментировать их, как расположить, в какой последовательности, какую цель при этом преследовать?

Нельзя всё перебрать и перечислить, чем мы живём. Каково же тогда содержание жизни? Видимо, это зависит от того, о какой и чьей жизни идёт речь. Если всей жизни вообще содержание, то это бесконечный ряд, всё то, что уже было, есть и ещё продолжится в мире. Такая полная энциклопедия всего, что сотворилось и творится. Раз нельзя охватить всё на свете, придётся ограничить сферы и перечень случаев и фактов. Мы сократили число авторов, сосредоточившись на лицах, самых значимых в чём-то. Нас интересуют бывалые люди высокой культуры, имеющие большой жизненный опыт. Те, кто много пережил и продумал.

Все люди сами знают что-то, хоть самое малое, о том, что такое жизнь. Это более или менее поверхностное знание, какие-то сведения, не по самой сути. Понимание и отношение к жизни зависит от возраста, образования, начитанности, от способностей и развития человека, от внешних обстоятельств. У каждого особенная судьба – и свой взгляд на вещи, собственное осмысление себя и всего окружающего. Во всяком случае, мы употребляем постоянно в речи ходовое слово "жизнь", широко распространённое в разных сферах общения. "Что-то-знание" представляет собой лакуну в общей картине мира, отражая пустоту и неясность внимания.

И в самом деле, сколько же и что именно скрывается в относительном и ущербном познании, частичном и частном. Это как раз тот случай, когда важно как-то установить меру и степень мысленного охвата и определения предмета, такой сложной темы, как жизнь (ср.: бытие, существование, доля). Пусть же это "нечто" в нашем случае станет в итоге более определённым и чётким пониманием вещей, охватив собою как можно больше существенных связей, смыслов и реальных значений. Жизнь есть некое пространство и мир: бытие и сознание, личность и общество. Очевидно, разобравшись в чужих суждениях, – кое-как разберёмся и в своих мыслях.

Именно для того, чтобы вникнуть в суть самого понятия, из ста произведений (книг) подряд были выписаны на отдельные карточки все предложения (фразы), в которых употребляется слово "жизнь", словоупотребления в разных падежных формах и сочетаниях. В результате сложилась картотека, насчитывающая более 20 тысяч текстовых отрывков, или цитат, с занимающим нас словом и понятием. В каждом отдельном случае речь идёт, хотя и об очень распространённом слове, но и о своеобразном и разностороннем переосмыслении того, что названо "жизнью", в том или ином контексте и смысловых связях, у того или иного автора.

Под приведёнными ниже условными заголовками предложены читателю "выбранные места" – фрагменты из ряда книг, преднамеренно отобран-

ных и прочитанных (список источников см. в Библиографии), для последующего исследования собранного массива словоупотреблений. Тридцать шесть отборных и пространных цитаций, достаточно полных и целостных по смыслу изречений, в них собственно своё содержание и последовательность из связки меньших отрезков, как правило, дополненных разъяснениями, представляющими собой изложение и осмысление тех или иных подходов и взглядов на наше предметное поле и задачу.

Всякий раз речь идёт будто бы о своём и особенном. Однако сколько ни перебирай и ни продолжай рассуждений и разговоров разных, – они не новы, "уже проходили", касаясь так или иначе подобного предмета и схожей темы. Именно жизнь с разных сторон постоянно приковывает к себе взгляд, неисчерпаемый и бесконечный интерес. Такая уж притягательная и заманчивая тема, проблема и тревожный вопрос. О неустанной жизни, о себе и обо всём на свете вечно рассуждают и более или менее умело, изощрённо судят-рядят кому ни лень, писатели и учёные всех достоинств, мудрствуя лукаво, всяк из них горазд изречь что-то научно, всерьёз и мрачно.

Чтобы сказать, чего ещё не говорено о жизни и потому остаётся в тайне, надо знать, что хоть однажды высказано о ней кем-то и где-то. Для этого надо постараться филологам – и настроиться на самоотверженный громоздкий труд энциклопедического плана по пересмотру доступной литературы в поисках своеобразных и редких мыслей и словоупотреблений о разных вещах, многих людей занимающих. Мы говорим на невнятных наречиях, почему и в какой степени расходимся, не понимая один другого, чем дальше, тем больше, не всегда замечая угол расхождения. Человек социальный обречён на недопонимание. Нет выхода из тупика культуры.

Разноязычие и связанное с ним торможение, помехи, непонимание закономерны и естественны, потому как неизбежны и, обостря обстановку и положение в общении, в конечном счёте даже необходимы и в чём-то благодетельны, требуя от всех бдительности. До поры до времени плуты и политики бессовестно извлекают практическую пользу из природной путаницы, многозначности языка, двусмысленности, недосказанности и ущербности. Попробуйте с ними говорить, рассуждать и поспорить о природе и смысле жизни, о судьбе, бытии, о Вселенной, о боге, душе, совести, истине, чести – вряд ли обнаружите понимание и единоподушие.

Противоречия жизни отражаются в человеческом сознании и речи. В то же время и в самом устройстве языка заложены и упрочены предпосылки недопонимания и борьбы, межличностных и общественных конфликтов. Важно уразуметь диалектику и антиномии языка, чтобы управлять более или менее удачно навигацией в сообщении мыслей в пространстве социализации личности и развития общественной коммуникации. Глубоко знать язык и мастерски владеть им – сложный и трудный процесс, большое ис-

кусство, а не просто укоренённая привычка, унаследованный жест или же всего-то на всего ответ, или условный рефлекс.

Вокруг себя встречаем людей разных: по национальности, полу, возрасту, темпераменту, по складу характера, развитию, по профессии и специальности. Не обойтись без пессимистов, скептиков, мудрецов, обывателей, невезучих, бедолаг, какие на земле водятся. И без учёных, естествоиспытателей, писателей, богословов, удачливых, образованных, глубоких. А то и неучей, легкомысленных, юмористов, шутников, глупых, дерзких, хватких. Всех человеческих типов и характеристик не перечислить. По-своему люди живут, смотрят и ощущают себя, вникают, по-разному видят, понимают и судят о жизни, своей, окружающей и запредельной.

Надо бы сначала как-то разобраться в том, что же это такое: *определить* жизнь? В принципе возможно или нет понять и познать саму суть явления, всё наиболее существенное в нём, пусть не исчерпывающе, но достоверно и достаточно полно, предлагая свою версию и своё видение феномена и этого "чуда из чудес"? Кажется, что всякий раз в рассуждении только подступ, делается попытка, и чаще всего не самая удачная, дерзаем методом проб и ошибок, случайный, узкий и поверхностный взгляд. Прицепиться своим соображением к общей идее – вовсе ещё не значит прояснить смысл, глубоко вникнув и охватив его.

Можно сказать, что вся мировая литература, как и все разговоры наши между собой, так или иначе, бочком или же непосредственно, завязаны сквозной темой человеческой жизни. Речевая продукция, культура и стихия имеют отношение, прямое или косвенное, к бытию и быту, к нашему присутствию и существованию в этом мире подлунном, к нашим делам, поведению и мыслям, злободневным или возвышенным. Речь идёт о человеческом сообществе и окружающей среде, месте обитания, о природе и о способах выживания. Размышления и высказывания по теме жизни бесконечно разнообразны и в целом необъятны, как сама жизнь и мысль.

Нельзя ни остановить, ни охватить или задержать поток осмысливания действительности, самого себя, общества и окружающего мира, как и процесс приобщения ко времени или к вечности. Однако нужно сказать, отношение к жизни – вовсе не то же самое, что её определение. Выявление отдельных черт, особенностей и свойств того, что называют жизнью, как и субъективные характеристики и оценки её, – сами по себе ещё не составляют определения понятия. У него слишком сложная структура, система связей и зависимостей, чтобы выразить и охватить одним законченным суждением или высказыванием.

Реальность и понятие жизни вряд ли так просто выявляемы и определимы, если вообще определимы: в том, что считается жизнью, слишком много динамики, планов и разворотов, и всю её совокупность, множествен-

ность и раздельность трудно объять и объединить в одно целое. В этом понятии, конструкте, при использовании слова в речи допускаются и проявляются всевозможные взгляды, оттенки и приметы, едва уловимые, различные осмысления и переосмысления некой "бытийной" общности и основы. Этим словом пользуются в речи, употребляя всерьёз и основательно, если ум пронизательный, порой им балуются и играют, коверкая шутки ради.

Видимо, чтобы определить смысл слова во фразе (в цитате), нужно было бы в первую очередь установить, о какой, или чьей, жизни идёт речь: то ли определённого человека, человеческой общности, то ли из области животного мира, то ли касается иных сфер – жизнь, вообще-то, универсальна. Вся наша Вселенная живёт, дышит, она в вечном движении, расширяется и как-то развивается, чем-то наполненная Пустота. И ещё жизнь – это некоторое свойство и инерционное состояние кого-то, чего-то. Есть огромное множество самых разных субъектов жизни на Земле и вообще во Вселенной. И у каждого жителя своя особенная жизнь, и её смысл тоже.

Что же такое для нас цитата? Для чего и кого, каких авторов, не всяких же, мы цитируем? В чём-то усматривается особая значимость, или ценность, "цитаты", чем-то своеобразным она обязана выделяться на общем фоне, привлекать внимание и вызывать к себе интерес. Спорный вопрос: должна ли цитата быть запоминаемой и привлекательной по смыслу, стилю и форме, хотя бы в какой-то мере? Цитата – это изречение, фраза, отрывок, выборка, препарат, малое речевое произведение, отрезок речи, отрывок текста. Отличается относительной цельностью и ценностью, воспроизведением, переносом, повторяемостью и потенциально авторитетностью, величиной и популярностью. Горсть, кусок метеорита, фрагмент, иной раз изюминка, родинка. И у цитат есть свои лица, выражения, черты.

Застывшие, законсервированные, засушенные мысли, взгляды и мнения, своего рода фразы-мумии, и без них не обходимся в общении, потому что порой они и к месту, и кстати, бывают выразительны и поразительны, дерзки, неожиданны, авторитарны, весомы и солидны. См. у отца Павла (Флоренского) известную фразу Вольтера: "Если бы Бога не было, то следовало бы Его выдумать" [355, 197]. У Дэна Брауна находим: "Как однажды сказал Наполеон: "Что есть история, как не басня, в которую договорились поверить?" – Он улыбнулся. – В силу своей природы история – это всегда односторонняя оценка событий" (Код да Винчи).

Цитата из А.П.Чехова: "Человечество понимало историю как ряд битв, потому что до сих пор борьбу считало главным в жизни" [216, 516]. У Пастернака: "А что такое история? Это установление вековых работ по последовательной разгадке смерти и её будущему преодолению" [245, 19]. Солженицын в "Круге первом": "Побеждает в истории всегда одна сторона. Но никогда – идеи одной стороны. Идеи сливаются, у них своя жизнь" [307,

716]. История – это вопрос интерпретации. Препарированная и перенесённая фраза, в ином контексте, – и есть цитата.

Цитаты умные и разные, словно живые организмы, со страстями и чувствами. Между собой, и с нами тоже, они спорят, соглашаются, опровергают, соперничают, говорят что-то, научают и поучают, каламбурят, утверждают, подтверждают, настаивают, отстаивают, убеждают, доказывают, шутят, подсмеиваются. Самые разные идиомы, максимы, афоризмы, анекдоты, басни и прочие части речи (велика наша фразеология) нарасхват порождаются и разглашаются, потом носятся по белому свету, срываются, вырываются, отрываются и расселяются. При умелом и творческом использовании цитата (какая именно, когда, где и как) играет важную роль в нашей жизни. Она должна быть вровень и умнее нас.

Что лежит в основе обучения? До поры до времени цитатничество. "Повторение – мать учения". Воспроизведение – делай, как я, – на начальном этапе преобладает как способ заучивания, решающий в механизме школьного образования. В сознании и языке человека постепенно пополняется склад воспроизводимых цитат, корпуса более или менее живых и стылых выражений, мыслей. "Я" сам не в состоянии охватить внутренним взором всю Вселенную, бесконечный процесс развития и движение великого космоса, как и безмерное духовное пространство. Наши органы, способности и ум слишком ограничены. Тем не менее, как-то познаём мир и всё же, так или иначе, совершенствуемся. На шее драгоценное ожерелье из цитат.

Поголовно копируют и повторяют идеологов, вожаков и кумиров. Самочинство и самоуправство считаются дерзостью и не поощряются в педагогике. Всеми средствами выхаживается прежде всего послушание. Ученики повторяют учителя, продолжая средневековый стиль поучения. Школа стоит на программных ограничениях, обучение покоится на цитатах, держась устаревших представлений. Вузовская наука ещё и корпоративна. Реформаторы и незаурядные умы с трудом пробивают рутину. Традиционная картина мира устойчива и недвижна, свидетельствует об ограниченности ума. Бунт в науке – исключительное событие, чревато неприятностями для бунтующей личности, разрывающей привычные узы и связи.

Мы подражаем произвольно и привычно, повторяем, отвергаем и отрицаем, продолжая мысли и себя, друг друга. Чужие высказывания нередко переносятся, воспроизводятся, пересказываются или обсуждаются. Само по себе цитирование ещё не предполагает законченности суждения, остановки, и вовсе не запрещает, кому бы то ни было, обдумывать примерно то же самое и далее, осознанно проникать и углубляться собственно в связи и логику случая. Чтобы, касаясь тех или иных событий, докапываться до самой сути жизненных и условных фактов. Цитата как эстафетная палочка, принимаем и бежим дальше по кругу.

Цитата, чья-то мысль, оценка и отношение к предмету, становится поводом для глубокого восприятия и осмысления действительности, положения вещей, для уточнения, подтверждения или опровержения, продолжения и развития мысли. Цитата-мысль живёт всё дольше и дальше, не замыкаясь, словно в скорлупе, в жёсткой форме фразы и речевой обстановки. Одна мысль в потоке отталкивается от другой, сталкиваясь с третьей, получает толчки и ускорение, меняет скорости движения и направление, продвигаясь в образующемся вихре и течении жизни.

Подыскиваю подходящие названия для книги и глав. Жизнь: цели и отношения... Вспомнилось заглавие одной из работ М.Шелера: "Сущность и формы симпатии". Можно использовать как модель, как выкройку, получим соответственно содержанию: "Сущность и формы жизни". И это тоже как бы воспроизведение, повторение пути, своего рода цитирование. Мы получили просто общее название, трудно сказать, в какой мере точное. Цитата – сгущение (концентрат) смысла и застывшая мысль, используется как средство закрепления не затверженного замысла.

Мысль – уже новость, новизна и открытие, жизнь сознания, работа и продукт, средство добывания и хранения опыта и знаний. Если и в самом деле мысль, не подобие и внешнее сходство с ней, то продуктивна и бесконечно противоречива. "Быть" и "казаться" относительно самого разного, быть и восприятие, явление и осмысление фактов – не то же самое и не одно и то же, разные понятия, уровни и степени, они взаимообусловлены, связаны и зависимы. Речь здесь о мысли. Сравни: есть полнокровная мысль, искра сверкнула – тут тебя осенило, подлинно изобретение, и есть ещё как бы, квази-мысль, безлика и без души, форма, подделка, фальшивка.

Действительная мысль живёт в культуре, дышит, развивается, существуя в диалоге, споре и столкновении интересов. Не сама по себе, глухо и в вакууме, но в движении и достижении цели, в общении и сообщении, в мыслительном пространстве, во взаимодействии с другими живыми мыслями, утверждениями или опровержениями. Питательная среда мысли – заинтересованный разговор, борьба мнений, сотрудничество и соперничество сторон. Мысль, как и жизнь, продолжается, продолжение, чем дальше, всё масштабнее и интенсивней. Она вопрошает, требуя откликов и ответов, и не кончается на этом, не имея завершения, нет точки в данный момент.

Собственно, внутренняя энергия мысли – сомнение. Пушкин называл скептицизм "только первым шагом умствования" (VI, 17). Недоверие к догмам, "подвергай всё сомнению", трезвый критицизм и ирония, свобода и вольность, не цинизм и безверие, безусловно, продуктивней в познании и науке, нежели слепое поклонение авторитету, покорность и поза смирения. Мысль, бесконечный процесс, незатухающее волнение, укрепляется и поддерживается другими мыслями. Начатая давным-давно, родилась где-то и

проистекает к нам из древности, мы перенимаем, примеряем, приспособливаем, усваиваем и присваиваем. Неисчерпаема и неопишима, как жизнь, всё разветвляется и усложняется.

Например, вместе с Толстым, с его помощью, пытаемся вникнуть и объяснить себе человеческую природу, восприятие грешной жизни, сурового быта и морали, заодно осмыслим и разберёмся в простонародном чувстве греховности. "Оленину по душе природная красота и сила в лицах женщин, бесстрашие и удаль казаков-мужчин, когда ни в чём, что радость для человека, – ни в вине, ни в любви, ни в жестокой охоте, – нет греха" [175, 205]. За одной фразой-рассуждением скрывается мировидение, живописная картина и ценный образ жизни. И всё же жизнь не обходится без пороков, преступлений и заблуждений.

В литературных цитатах воспроизводится собственный стиль писателя, слог и манера изложения. "В оригинале письма Дантес писал, что "ночью танцы, поутру манеж, а днём сон – вот моё бытие (лучше сказать "жизнь". В.Л.) последние две недели" [135, 180]. Ю.Тынянов пишет о Фаддее Булгарине: "В его жизни было всё: польская скудная молодость, война, которой он боялся, измены и близость смерти, нищенство, съезжая, дружба с квартальными надзирателями, служба в Третьем отделении" [337, 69]. Вот вам краткая биография, профиль и оценка. "Фаддей же был поэт лавок. Его настоящая жизнь была покупки, расхаживание по лавкам" [337, 72].

"Беспечная, светская, юная девушка, дочка профессора, в поисках настоящей любви проходит очень бурно свой жизненный путь. То спортсменка, то актриса, то танцовщица, через ряд любовных историй и разочарований катится всё ниже и ниже и, наконец, попадает в ночлежку, где, разнимая драку двух бродяг, она получает смертельную рану и умирает" [388, 424]. Каждый человек склонен думать и распоряжаться собою по-своему. И всё же жизнь – высшая ценность. Обычно ею дорожат, над ней дрожат, оберегают, защищают, стремятся продлить, сделать качественной. Она очаровывает, окрыляет, вдохновляет, но иной раз угнетает и разочаровывает.

Нас призывают и учат, укрощая норы: "Перед смертью думай только лишь о жизни после смерти". Евангелие внушает благостное смирение верующим. "И не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестёр, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной..." (Мк., 10. 30). Таков миссионерский язык и утешающий стиль церковной проповеди.

Свою, окружающую и вообще жизнь, отвлечённо, мы каждый по-своему как-то понимаем и представляем. Чтобы детализировать взгляд по существу, уточнив подход, так или иначе моделируем и профилируем ту самую жизнь. Её ведь, имея с ней дело, как-то ощущают, видят, улавливают, воспринимают (1); либо различают, сравнивают, оценивают (2); иной

раз воображают, изображают, рисуют, показывают (3); а то и раскрывают, объясняют, характеризуют, определяют (4); или же называют, обозначают (5); наконец, принимают, используют, управляют и направляют (6). Все эти частные планы (разные действия и состояния) обусловлены и связаны с твоим отношением к себе, к делу и к миру. Несмотря ни на что, сколько в ней ещё остаётся недоразумений и непостижимой всемирной тайны, последнее, пожалуй, всё же самое главное.

Всё как всеединство и целостность, то есть всеобщность, а именно жизнь внутри и вокруг нас, что творится над нами и под нами, осознано и названо, – это такой идеальный охват целого мира единым мысленным оком и взором. Самое важное для познания и разума: нечто существующее, живущее и живое, разлитое в целом свете. Бог и бытие, существование, жизнь – первостепенное, высокое и глубокое осмысление, одновременно субъект и предикат, в одном порыве и разом. Жизнь – всё многообразие, разноцветье и своеобразие мира, включая и талант, и большую любовь. Однако отнюдь не только и даже не столько. Жизнь произрастает ввысь и, отмирая, летит в пропасть.

"Живая действительность", "жизненный путь" – ведь это иными словами, видоизменённое и сложное наименование всё той же "жизни", несколько в другом ракурсе, переосмыслении и представлении. Близкий смысл и понимание её заключены в словосочетаниях: жизненный путь 16, сила 11, опыт 10, процесс 4, круг 3, ситуация 3, цикл 3, энергия 2, жизненное дело, жизненная дорога, драма, жизненный интерес, жизненные испытания, история, круговорот, основание, перемены, позиция, правда, практика, проявление, риск, ритм, стремление, строй, уровень, участь, тонус, тревога, цель, Ср. также: житейское волнение, наивность, опыт, житейская проза.

Как видим, жизнь касается разных сфер действительности, нашего существования и деятельности, соотносясь и связывая себя сходством и подобием с рядом понятий и представлений. Различные характеристики и осмысление жизни, в конце концов, направляют и уточняют её общий и объединённый смысл. Значение жизни – всё это разом и вместе. Смысл, тот же или аналогичный, может быть выражен разными средствами, использованием любых единиц языка: слова, словосочетания, предложения. Более простые и усложнённые, смыслы пересекаются, перемежаются и наслаиваются. Сознание и язык для понимания и развития, общения и сообщения.

Синонимы слова группы "жизнь", равнозначные и близкие по смыслу

Наряду со словом "жизнь", в том же значении, с ним равные по смыслу в речи, используются также и другие слова, для разнообразия и уточнения. Так, иной раз приравниваются к жизни: бессмертие, биография, быть, бытие, бытиё, век, время, дни, доля, душа, живое, живот (устар.), жизнедеятельность, жизненность и жизнерадостность, жизнеописание, жизнечувств-

вие, жительство, житие, житье-бытье, житьё, жребий, удел, кровь, мир, "обыденщина", обстановка, положение, события, среда, условия, участь, рок, судьба, смерть, общественное развитие, исторический процесс, существование, эпоха. Все те слова частично связаны по смыслу 'жизнь'. Значение формируется и раскрывается постепенно, в сравнении, совокупности и целостности, парадигме.

Чтобы удостовериться в сказанном, найди и сравни смысл 'существование' в следующих ниже цитатах: "Природа любой тоски человека – тоска по физическому бессмертию", – сказал древний философ" [145, 62]. "Создана была целая наука: фабрикация искусственных репутаций, сочинения фантастических биографий, рекламы вождей по назначению" [330, т.2, 239], Лев Троцкий знал и писал в автобиографии. Биография книги, оказывается, не менее таинственна, чем другая. "У книг, которые мы зовём классическими, вечными, как и у людей, их написавших, есть своя биография, своя судьба" [174, 216].

"Чехов, подобно Толстому, нередко берёт героя в тот момент, когда вопросы смысла и цели бытия становятся для него глубоко личными, кровными, неотвратимыми" [175, 306]. Человек, конечно, не всегда сосредоточен только лишь на мысли о смысле жизни, но бывает и такое настроение и состояние духа, когда углубляешься в себя и мироздание, увлекает религия и затягивает философия. "Напротив, обнаруживается исключительная прямота и честность действий поэта, его деликатность и безграничное доверие по отношению к жене и готовность защищать её и от преследований, и от клеветы ценою собственной крови" (Ю.Лотман) [2, 331]. Кровь – не просто символ жизни.

"Будучи человеком, прошедшим всю жизнь за изучением скрытой взаимосвязи между несопоставимыми символами и мировоззрениями, Лэнгтон смотрел на мир как на паутину тесно переплетённых между собой историй и событий" (Дэн Браун Код да Винчи). "Вот почему Вольтер говорит: "Мы оставим этот мир столь же глупым и столь же злым, каким застали его" [384, 190] "Мир стоит на исполнении желаний, для этого вся людская работа" [105, 426] "Я очень рано понял, что человека создаёт сопротивление окружающей среде" [104, 12]. Мир живёт, наше окружение и среда живые. Жилой дом – живой дом, нежилой – мёртв.

"... даже тогда, когда Пушкин по видимости ничего не делал, в нём непрестанно совершалась великая духовная работа" [2, 148]. Жизнь только частично осознаётся и управляется субъектом, её носителем. Осмысливается не всё существование, не все действия и поступки сознательны. Может быть, большая часть времени в нашей жизни проходит неосознанно, само собой, произвольно, "на автомате", мимо воли и сверх разума. Работа и старание со-

ставляют и определяют жизнь человека. Сверх того и помимо всего есть ещё в жизни непонятная и влиятельная судьба, произвол или воля Божия.

"Вяземский в своих первых сообщениях о январской трагедии – в письмах от 2, 5, 6 февраля говорил о "роковом предопределении, которое стремил Пушкин к гибели". ... "Адские сети, адские козни были устроены против Пушкина и жены его". ... "Пушкин и его жена попали в гнусную западню, их погубили..." [2, 70]. Кому-то может показаться, что "роковое предопределение" – основной принцип жизни, неизбежно и обязательно, на этом предписании и завете держится мир. Никому не дано предотвратить, избежать, спрятаться от судьбы. Обстоятельства – "западня", сильнее нас. Слепы и случайны, или кем-то они всё-таки складываются.

"Я не меряю исторического процесса метром личной судьбы. Наоборот, свою личную судьбу я не только объективно оцениваю, но и субъективно переживаю в неразрывной связи с ходом общественного развития" [330, 338]. Вычурность и плоский слог выдаёт автора, это Троцкий. "Они прожили дома около месяца. Это было время тихого, радостного существования" [130, 190]. Простота таланта, Борис Зайцев. Другие А.Ф.Лосев и Д.Неру: "В своём "Воробье" Тургенев тоже рисует довольно обычную картину борьбы животных за своё существование" [180, 262]. "... власти издали ряд законов, направленных на улучшение участи промышленных рабочих" [225, 116]. Участь, доля, рок, жизнь, существование и исторический процесс, развитие – на выбор языковые средства.

"Роза всегда была главным символом женской красоты и сексуальности. В первобытных культурах богини пять лепестков символизировали пять ипостасей жизни женщины: рождение, менструация, материнство, менопауза и, наконец, смерть" (Дэн Браун. Код да Винчи). Ипостаси, грани, блоки и составные части – ещё один существенный разворот темы, касается формы и содержания целого. Я сам и мы сами, весь и все, представляем собой какую-то жизнь, необъятную и разнородную. Если жизнь всеохватна и безмерна, то какие же ещё могут быть у неё планы, органы, звенья, состояния, режимы и другие "части", составляющие, в этом сложнейшем мировом организме?

Жизнь по своему составу, можно сказать, элементарна, в том смысле, что она устроена из каких-то основ, частей и частиц, составляющих и составных, складывается, синтезируется и, в конце концов, разлагается, распадаясь. В постоянном движении и становлении мир, Вселенная, природа – жизнь рождается, дышит, плодоносит, живёт, свершается и исчезает, рассыпаясь и оставляя прах.

Жизнь, прежде всего, протекает и развивается, течёт, проходит, как время. В течении наблюдается последовательность и смена фаз и состояний зрелости: младенчество, детство, отрочество, юность, молодость, зрелость, старость. Здоровье и болезнь, то и другое, – тоже ведь своего рода переход-

ные стадии и частности, как бы фазы, или "смены" состояний и дней жизни. Именно подобными отношениями: части и целого – связано в жизни чрезвычайно многое, едва ли не всё, что есть в мире.

Мало чего останется в памяти от дней и переживаний раннего детства. Хотя невидимые следы укоренятся и потом разрастутся в душе и характере взрослого. Дошкольный период становления личности – первое детство, – в нём ещё слишком мало понятий, целеустремлённости и сознательности, пока нет системы и главного стержня, поток и стихия. Человек растёт под покровом родительской опеки, мало осмысливая себя, ничего не планируя в жизни, не связывая явлений и событий, живёт эпизодами, данной минутой и яркими красками. Радует и печалит тому, что случается. Юность и молодость, цвет жизни, а старость – не радость.

Человек и разумные существа – часть природы. Сознание и психика человека – часть человека. Может быть, всякая жизнь устроена в какой-то мере рационально (разумно). Тем не менее, мир (природа) по своей сложности иерархичен и многоступенчат. Всё, что в нём явлено и организовано, более или менее сложно, с одной стороны, далее развиваясь и совершенствуясь, с другой – далее и более деградируя, иначе сказать, оживляясь и одухотворяясь или же окостеневая, омертвляясь, переходя в пыль.

Можно рассматривать жизнь человека, помимо прочего, и как исторический калейдоскоп. Чередуются, сменяясь, беспорядочные комбинации форм, в них сочетание и переплетение связей, разногласия, борьба, своекорыстие, действия, добрые и злые дела, смены поступков, событий, ощущений, чувств, страстей, переживаний, желаний, стремлений, целей, интересов, отношений, фикций, полным полно ложных уверений. Если бы мы не ленились и постоянно стремились разобраться во всей путанице жизни, с целью развязать хотя бы один узел, разгадать хоть одну загадку, раскрыть самую маленькую тайну, занятие принесло бы облегчение и пользу.

Жизнь и в самом деле разная, в ней встречается что угодно, мыслимое и немислимое. Есть жизнь очевидная, в пределах видения, и есть жизнь-тайна, запредельная. С первой сталкиваемся, знаем близко, в нас самих и рядом. Вторая, таинственная и недоступная, за горизонтом земного существования, возможностей постижения умом. По большому счёту в целом жизнь, кажется, системна и сбалансирована, разумна и закономерна, в то же время наша жизнь, близкая, в значительной мере случайна и фатальна. В жизни не только произвольность и случайность, но и рок, судьба и воля свыше, вмешательство вечности и бесконечности.

Жизнь имеет протяжённость и продолжительность, измеряясь временем, объёмом и площадью. У человеческой жизни своя длительность, зримый признак и явный параметр. Кроме того, своё содержание, смысл, качество, ценность. В сравнении с животным миром, человеческая жизнь для

нас особенна, отличаясь складом, сознанием, осмыслением, видением мира. Животное живёт в чём-то совершенно иначе, нежели человек. По-разному живём, по-разному видим и понимаем мир, по-разному относимся к себе и времени, различая прошлое и будущее, разные связи со средой и окружением. Хотя человек – социальное животное, но он и больше этого.

Наша жизнь, какой складывается, настоящая, прошлая, в будущем, зависит от Слова, от какого-то шага, поступка и решения и от случая, случайности в немалой степени тоже. Живут же люди по-разному, но это не значит ещё, что существует жизнь только индивидуальная, по отдельным кусочкам и самая частная, жизнь по отдельности и в частности. Кроме того, есть и общий образ (представление) или стиль существования определённых сословий, социальных групп, народов, национальностей, по эпохам и временным срезам. Человек живёт, семья живёт, село и город, тот или иной этнос существует, каждый по-своему. И это многообразие жизни.

Жизнь обобщённо или вообще (как некая отвлечённость и умствование), такая идеализация, и собственно жизнь, конкретная и наблюдаемая, отдельно чьё-то существование (как реальность) – не то же самое, как факт-действительность и отражение-абстракция. В одном случае слово "жизнь" максимально отвлечённо, в другой обстановке то же слово предметно, связано, обусловлено. Есть понятийное слово, отвлечённость, существенность, наряду с этим может быть конкретное словоупотребление. Вот каждый из нас проживает свой век, мы все успеваем пройти какой-то путь, прожигая жизнь. Известно ли кому, одну и ту же, общую, или же каждый свою?

Какаясь внешнего плана жизни, можно выделить в ней факты и мысли, дела и слова. Постоянно что-то делают, осмысливают, говорят, чего-то хотят, к чему-то стремятся – несколько направлений и потоков энергии в связанном процессе социальной деятельности. Много ещё чего другого, слагаемых, составных частей и профилей, важных для объяснения, в устройстве жизни. Ведь она природа и сознание, дух и плоть, разные степени одухотворённости. Жизнь существует здесь и там, включая продуктивность и активность, создание и сознание, здание и знание, силу, движение, работу, творчество, поэзию, музыку. В её конструкции – Земля и небо, мироздание и тут ядро, центр, периферия, оболочка, окружение, фон, косное тело и отходы.

Жизнь как развлечение, как отдых, как веселье, как радость, как увлечение, как труд, как страдание, как скука... Кто что увидит в жизни, когда что уловит в ней? В твоей жизни много чего самого разного, на твой вкус и выбор. И в каждом человеке складывается своё отношение, вырабатывается свой характер, стереотип, стиль, склонности, привычки и установки. В чём-то каждый сам по себе творит свою жизнь, в зависимости от восприятия себя и её. Люди, конечно, разнообразны – и единичные жизни у них тоже,

соответственно, по-своему своеобразны. Или же это что-то не так, и жизнь одна единственная на всех нас, всеобщая, неохватная?

Многоплановую картину и образ мира, т.е. знание о мире, человеке и жизни, современную и древнюю науку, конечно, в первую очередь философию и филологию, можно принять как литературу и письменность, представить как связный текст, как основные понятия и истолкования, собрание версий, догм и мифов, вообразив в конце концов как отдельные цитаты, ключевые мысли, основные мотивировки и разъяснения, складывающиеся в базу сознания. Цитата-мысль – лишь звено и частность, вроде детали от целого произведения, из текста и темы один срез. Взгляд задержится на фрагменте и разберёт вехи, чтобы углубиться в смысл целого замысла.

Отобранные и использованные нами цитаты, сформированные и выраженные до и для нас важные мысли по поводу жизни, заметки, или зарубки, памяти в целой их совокупности так или иначе способствуют тому, чтобы повторно задержать внимание на предмете, разбираясь в теме (проблеме), чтобы познавать и сообщать другим наше сегодняшнее состояние души, ощущение радости и боли бытия.

"В афоризмах жизнь ещё не заслонена отвлечёнными идеями, принципами или законами; в них она сверкает и переливается бесконечно разнообразной мозаикой лиц, ситуаций, точек зрения, в них находят подтверждение самые общие и самые непосредственные, неуловимые для логических формул ценности человеческого бытия" [197, 4]. "И афоризм так же убедителен, как может быть убедительно только приходящее внезапно, но извечно предвкушаемое и оттого даже не нуждающееся в доказательствах понимание того, что жизнь *реальна* и что в ней есть, как выражался китайский литератор, "нечто подлинное" [197, 5].

"Подлинной пищей литературного творчества стали тревоги и радости частной жизни во всём её разнообразии" [197, 6]. "Не ученического самоуподобления древним авторитетам искал китайский художник, обращаясь к "древности", но, напротив, приобщённости к всеединству жизни через осознание своего отличия от всего понятого и понятного, пусть даже древнего" [197, 15]. "О неисповедимых путях смысла сообщают слова древнего даосского философа Чжуан-цзы: "Говоришь всю жизнь – и ничего не скажешь. За всю жизнь не произнесёшь ни слова – и всё выскажешь" [197, 19].

"Истина не может не терять себя; правда жизни извечно "забывается" [197, 31]. "Дао – это пустота, предельная открытость, которая не есть ни действие, ни факт, ни сущность и потому не может быть предметом какого бы то ни было знания" [197, 35-6]. "Китайский моралист видит смысл жизни в неустанной внутренней работе над собой, совершенно неприметной со стороны, но оказывающей неотразимое воздействие на мир" [197, 54]. "Стихи Мандельштама неожиданно перекликаются с заключительным афо-

ризмом Хун Цзычэна, где жизнь сравнивается с вольным и всё же требующим упорства плаванием в океане жизни" [197, 60].

"Чему же учат моралисты старого Китая? Они учат тому, чему нельзя ни научить, ни научиться, и притом в двух смыслах: во-первых, потому, что говорят о чём-то "вечно другом", недостижимом, несбывающемся – о смерти в жизни, о пробуждении во сне; во-вторых, потому, что говорят о чём-то, имеющем чисто практическую ценность и сполна данным каждому, о здоровом чувствовании безмерной мощи вечно юной жизни – чувствовании радостном, поскольку в нём открывается неуничтожимость бытия, и печальном, ибо даётся ценой познания неотвратимости собственного конца" [197, 59].

"Мысль отдельно никогда ничего нового не представляет; мысли же могут быть разнообразны до бесконечности" [68, 318].

Мысли как творения и способы выражения-чеканки, т.е. стиль, производны и вторичны. Направляемые талантом, зависят от свойств и своеобразия личности, обусловленные задатками авторов и культурой, приобретениями и способностями. Далее Пушкин, Бичурин, Тютчев, Герцен, Толстой, Соловьёв, Чехов, Горький, Бунин, Осоргин, Зайцев, Блок, Пастернак, Набоков, Бердяев, Вышеславцев, Лосев, Рерих, Хейдок, В.Н.Иванов, Мамардашвили, Перминова – все имена самобытны. Каждый из них – незауряден и талантлив, прожигатель жизни, создатель и творец, неповторим как личность и обыватель, как учитель, мыслитель, писатель.

"У большого писателя всегда два источника вдохновения: жизнь и литература" [174, 347]. Литература, письменность и словесность как творчество (или вдохновение) – не само по себе, вне цивилизации, помимо социальной жизни, но порождение и существенная часть культуры и нашего бытия, существования. "Жизнь книги как живого организма – от замысла до осуществления и потом бытование её в читательской среде, в толпе современников и потомков – вот что всегда занимало меня в литературной истории" [174, 458].

Слова, как и люди, живут своей жизнью. "Жизнь слова не всегда можно изобразить как прямую линию: многообразные взаимоотношения позволяют увидеть в истории слова, как и в истории культуры, своеобразную цикличность" ("Рус. речь", 1990, 4, 32). Пушкин понимал, что следовать за мыслями великого человека поучительно и к тому же доставляет большое наслаждение. "Мысль – истинная жизнь слова". Это не пустое изречение. Действительно, все значительные мысли человеческие живут, облачённые в мудрые фразы, и наоборот, слово оживает, раскрываясь, в высказывании, в порождённой и выраженной мысли. Поэтому вовсе не удивительно, что, например, "у слова Тайна много синонимов. Один из них – Бог, другой – Истина, третий – Созерцание, далее – Воображение и, наконец, Спонтанность" [221, 253].

"Не менее хорошо знал и Сологдин, что "народ" есть безразличное тесто истории, из которого лепятся грубые, толстые, но необходимые ноги для

Колосса Духа. "Народ" – это общее обозначение совокупности серых, грубых существ, беспросветно тянущих упряжку, в которую они впряжены рождением и из которой их освобождает только смерть. Лишь одинокие яркие личности, как звенящие звёзды, разбросанные на тёмном небе бытия, несут в себе высшее понимание" [307, 506].

"Жизнь была уже страшнее III-го отделения" [181, 86]. А.Ахматова: "Но и каждая наша благополучная жизнь – шекспировская драма в тысячекратном размере" [181, 153]. "Жизнь, едва пришедшая в себя после сталинских холодов, оказалась рекой с обмелевшими берегами" [181, 164]. "Ахматова не была бы поэтом, если бы не знала, что и жизнь самого счастливого человека на земле соткана из света и тени, надежды и боли" [181, 174]. Аманда Хейт: "Когда я перечитываю её "Поэму без героя", я испытываю сильное искушение представить саму Ахматову более грандиозной, чем жизнь" [181, 177-8].

К.А.Федин: "Всё, конечно, очень понятно, ясно, просто, но в этой понятности и заключается трагическая безысходность нашей жизни: мы давно все поняли, т.е. разделили, приняли, примирились, и если могут ещё произойти такие "нетактичные" выступления с нашей стороны, как, например, желание издать неофициального поэта, то только потому, что мы сохраняем некоторую инерцию, потому что не уничтожились, потому что полагаем, что литература по природе своей не может быть менее многообразна, чем жизнь, но – больше того – стремится превзойти её в бесконечных сочетаниях прошлого с будущим" ("Рус. лит.", 1992, №4. С. 164-5) [181, 76].

"Самое интересное, что человек чаще всего не догадывается, в чём его миссия, и не узнает того момента, когда выполняет действие, ради которого был послан на Землю. Скажем, он считает, что он композитор и его задача – писать музыку, а на самом деле единственная цель его существования – это попасть под телегу на пути в консерваторию. – Это зачем? – Ну, например, затем, чтобы у дамы, едущей на извозчике, от страха случился выкидыш и человечество избавилось от нового Чингисхана. Или затем, чтобы кому-то, стоящему у окна, пришла в голову новая мысль. Мало ли". (В.Пелевин. Хрустальный мир). Всё может быть – забавно.

Вокруг непроницаемая тьма, мистика уплотняется и всё продолжается. Но мысль всё же настойчива, напориста, постепенно распространяется и проникает во все поры и норы неведения. Многие усвоили и уже названо – имена освещают и освящают, глубже раскрывают дух и смысл жизни. Детальнее часто касаемся своих интересов и дел. Огромный шаг вперёд – признание того, что не только одни мы в мире полноценные живые существа. Вокруг нас живо всё, благодатное и значимое, вопрос только насколько и в каком смысле. Мир существует в целостности – и, значит, живёт связанно, всё чем-то дышит.

В семантической классификации имён учитывается разделение миров, различаются сферы жизни: макро-мир, микро-мир, мир материальный, духовный, запредельный, видимый, человеческий. Творения сверхприродные, природные и рукотворные – в целом то всё в жизни. В потустороннем мире скрываются тайны: боги и ангелы, духи и души. Сейчас тут вращается по земной орбите жизнь: людей, животных, птиц, насекомых и прочих организмов, тварей, и также осуществляются организации (цивилизации), идеи и вещи. "Всякий организм имеет ведь свою историю, живёт самостоятельной жизнью" [180, 152].

Живой организм сложен из систем и связей, состоит из органов, и они в нём тоже живые. Из живых особей складываются группы и живые сообщества. Жизнь, длясь, отличается протяжённостью во времени, получается, что и время тоже "живёт", вместе с живыми существами, предприятиями и другими институтами. Жизнь протекает в той или иной местности, в том или ином помещении – это культуры, разные города, посёлки, сёла, деревни, районы, кварталы, дома, школы, другие учреждения, которые, наполняясь живым, в конечном счёте, оживают сами.

Что касается людей, вовсе нет уверенности, что мы самые живые, продуктивные и одухотворённые существа в свете. Конечно, пока почему-то, зачем-то и как-то держится человеческое сообщество, но наша цивилизация не бесконечна, будучи ограничена таинством и тайной бытия. Если мы узнаем, кто живёт (сосуществует) на Земле с нами и над нами, проникнемся чувством близости ко всему живому, что-то важное ещё и ещё приоткроется нам. Жизнь значительно больше и сильнее всех нас вместе. И тайна жизни тоже значительна, не просто есть, но растёт и тоже развивается, и это о чём-то говорит, что-то да значит.

Что же ещё, кроме людей, народов, государств, царства животных и растений, обладает и живёт своей жизнью? Живёт работа, живёт дело, живёт мысль, идея, теория, живёт совесть. Живёт взгляд, живёт слово, живёт музыка, также идеология, даже протоны, оказывается, живут. Музыка, слово, взгляд, совесть, мысль, дело, работа и многое другое – нередко живы. И вдохновенны, и плодотворны. Отмечен каждый своей жизнью, развитием, ростом, движением, смыслом, как следует из текста, слово, монстр и симптом. "... произведение живёт своей жизнью, и, будучи плохой конструкцией, будет порождать безнравственный эффект" [200, 129].

"Наука и философия потому и существуют, что истина – техника. А она живёт своей жизнью, по своим законам" [200, 134]. "Канон "золотого сечения" живёт своей жизнью" [200, 136]. "Помните, в каком-то смысле колесо живёт своей жизнью – колесо как идея, как воспроизводящая форма, как горизонт наших возможностей" [200, 136]. "Я говорил, употребляя выражения "большее, чем знание", "не природное, однако и не искусственное", а в

том смысле, что живёт своей жизнью" [200, 136]. "vorschwein ... Это слово-монстр, но живущее своей жизнью. Какой жизнью? Жизнью симптома, которым и заинтересовался Фрейд" [200, 338].

"Наконец, чтобы не оставить места никакому упрёку в неясности, можно принять во внимание, что под "жизнью" здесь мыслится просто категория осуществления той или иной интеллигенции" [180, 74]. "Религия есть, прежде всего, определённого рода жизнь" [180, 92]. "Может ли сравниться тонкость чувств и глубина созерцания монаха с мещанством того, что называется "мирской" жизнью?" [180, 132]. "Выражение вещи есть такая её внутренняя жизнь, которая проявила себя внешним образом, и такая внешняя сторона вещи, которая указывает на её внутреннюю жизнь" [180, 260]. "Природа начинает жить своей собственной жизнью" [180, 376].

Живёт природа, цивилизация и культура – рождаются, взрослеют, стареют, страдают, болеют, умирают тоже. Своей жизнью и каждый по-своему, живёт едва ли не всё, что есть в этом мире. Растут и множатся, обогащаясь смыслом, содержанием и формой, не только лишь сами люди, но их занятия и средства поддержания жизни и производства. Определённо причастна к жизни, подчас процветая, также и надстройка. Философия, мифология, религия, наука, техника, литература, искусство, произведения. Язык, знание и сознание, таинственные духи, тайны и страхи, не только безмерны владения и имущество, – и всего не перечислить в нашей жизни.

"... не задумывался о том, что у матери не только был он, его детство и его надобности, но и ещё какая-то своя жизнь, что вот она страдает от болезней..." [307, 451]. "Я питаюсь, – солгала она. – Просто жизнь беспокойная, дёрганая" [307, 282]. "Разве это жизнь – на шарашке?" [307, 757]. "Звонил Яконову замминистра Селивановский. К двенадцати часам ночи он вызывал его в министерство, на Лубянку. И это была жизнь!" [307, 74]. "Ну да. Внутри – хвои набросано, запах от брёвен смолистый, и дымоватый от прежних костров – печек нет, так как прямо отапливали. А в крыше дырка. Ну и света, конечно, никакого... Пока костёр горел – тени на брёвнах... Глубка! Жизнь, а?!" [307, 45].

"Франция господствует над жизнью, ею управляет" [184, 34]. "Господствует и правит жизнью", иначе говоря, здесь миром. "Н.Тургенев удивляется тому, что во Франции, стране, живущей напряжённой политической жизнью, можно тратить время на танцы" [184, 366]. Страна (народ) живёт по-своему, и время тоже как бы жизнь, наполняется тем или иным жизненным смыслом, расходуется и уходит на разные занятия и дела.

"Жизнь его – длинная цепь событий, которые не могут считаться обычными" [184, 256]. У каждого из нас свой взгляд на мир и жизнь, что по сути одно и то же. "А Крылов прибегнул к взгляду "с позиции собачки". Приём этот в дальнейшем использовал Толстой, придав рассказчику Холстомера –

умудрённого жизнью мерина – черты естественного взгляда на мир и, следовательно, "естественного" его непонимания" [184, 117].

"Иначе говоря, в семени растения заложена жизнь, и именно жизнь заставляет семя превращаться в дерево и плод" [238, 84]. "Дэвид Бом пишет... "Каким-то непонятным образом семя непрерывно сообщает неодоушевлённой материи окружающей среды новую информацию, которая побуждает её давать жизнь растению или животному. В таком случае, кто может утверждать, что жизнь не имманентна даже перед тем, как семя посажено?" [238, 376]. Каким-то непонятным образом сообщает и даёт жизнь.

"Поэтому жизнь, основанная на ценностях, – это жизнь ради других, то есть жизнь человека для своей семьи, рода, нации, человечества и, в конечном счёте, для Бога" [238, 97]. "Таким образом, жизнь, связанная с пищей, одеждой, жилищем и сексом, стала первичной целью людей, а жизнь, ориентированная на истину, добро, красоту и любовь, превратилась в средство достижения этой цели" [238, 97-8]. "В итоге можно отметить, что жизнь, устремлённую к пище, одежде и жилью, следует вести, основываясь на стремлении к истине, добру и красоте, основанных на любви" [238, 162].

"Так как у Платона больше, чем у кого-нибудь, философия была жизнью и так как свои теоретические построения он выстрадал всей своей благородной эллинской душой и, в конце концов, положил за них, может быть, жизнь свою, то мы не имеем права исходить из анализа только того, что непосредственно относится к теме об Эросе" [180, 191]. "Так безвременно оборвалась жизнь человека, которому едва было 47 лет и который отличался небывалой силой философской мысли, небывалым владением мировой философией, напряжённейшей духовной жизнью и мощной творческой энергией, полной неиссякаемых замыслов" [180, 492].

"А то, что имя есть жизнь, что только в слове мы общаемся с людьми и природой, что только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах её проявления, всё это отвергать – значит впадать не только в анти-социальное одиночество, но и вообще в анти-человеческое, в анти-разумное одиночество, в сумасшествие" [179, 20]. "Это вы, абстрактные, несознательные метафизики и беспочвенные нигилистические идеалисты-утописты, боитесь противоречия и не умеете его формулировать, а не мы, диалектики, для которых противоречие есть жизнь и жизнь есть противоречие, ждущие синтеза" [179, 23]. "Мир и жизнь немислимы без имени (слова)" [179, 236]. "Но и сама жизнь (мир) в свою очередь имя (слово), разные степени словесности" [179, 237]. Ср.: жизнь – мир, имя и диалектика.

Разные состояния, фазы и стадии в составе и качестве вещей, быта и существования, разные уровни одухотворённости жизни, взаимоотношений и связей миров. Одно дело – просто быть здесь, иметь место, служить целям

или играть роль, и уже не то – сознать, мыслить, творить, расти, развиваться, стремиться всё выше... Рутинная и совершенная многомерная, и всё это такая разная жизнь. Отвлечённая (абстрактная) лексика составит отдельную группу, и её нужно будет как-то разбить на части. Можно использовать какую-то систему, например, древнюю таксономию филологов, не только лишь, но и... Разные микробы и фикции, мысли и взгляды, разные мифы, ужасы и страхи, разные духи и ангелы, идеи, понятия и тайны, чувства и ощущения наполняют мировое пространство, вместе с нами живут своей невообразимой жизнью.

"Саха (санскр.) – мир (чаще всего как географическое понятие), в котором обитают живые существа" [138, 301]. "Сангай (яп.) – "три мира (ступени)", состояния существования живых существ" [138, 301]. "Мушики-кай (яп.) – "мир (состояние) нечувственного, одно из состояний существования живого существа" [138, 300]. "Нин-кай (яп.) – "мир (состояние) человека", одно из состояний, переживаемых живым существом" [138, 300]. В неприводимых словах прячется непостижимая, чуждая нам, идеология, для нас слишком заковырист буддийский словарь и религиозная фразеология, таитесь в мудрёных линиях иероглифов "восточная грамота" и мудрость.

"Одна у человека жизнь, и ту не устроить по своему разумению" [164, 410]. "А нет ничего хуже, нежели жизнь в сутолоке каждодневности, в плену суетных забот, когда человеку некогда оглянуться, подумать, зачем он живёт, куда идёт" [164, 281]. Не может быть полноценной жизни без идеалов. Что-то должно вести нас по жизни, кто-то должен во время подсказать путь истины. "Амвросий учил, что человек не может жить без веры, что жизнь без веры – это жизнь животного" [164, 31]. Идеология нередко оказывается ложной или ошибочной, а политика почти всегда связана с насилием и обманом.

"Поглощённые повседневным течением жизни, мы, как правило, не очень-то задумываемся над её "смыслом", однако рано или поздно сделать это приходится" [160, 5]. "... нередко принимаемся искать какого-нибудь советчика, авторитетного "мудреца", "философа", который поделился бы с нами не столько тем, что он сам пережил, сколько тем, что он "знает" о жизни – знает из кабинетных размышлений, из книг, от других "мудрецов" [160, 5]. "... и, снабдив эти образцы античной мудрости кратким комментарием, преподнести их своим современникам в качестве "учебника" жизни (обыденной, политической, военной) – учебника, которым мог бы пользоваться "образцовый дворянин" [160, 8].

"Монтень заботит не только то, что следует думать о жизни, но и – в первую очередь – как её прожить" [160, 16]. "Монтень переворачивает привычное отношение между жизнью и рефлектирующей над ней мыслью: у него не жизнь проверяется мыслью, но сама мысль подвергается испытанию

щей проверке со стороны жизни" [160, 17]. "Именно потому, что ни одна из доктринальных систем не в силах уловить абсолютную истину, Монтень противопоставляет "доктрине" "жизнь". Доктрины тшятся подчинить себе жизнь, исчерпать её до дна и, без остатка переложив на язык отвлечённых понятий, втиснуть в схему, тогда как подвижная, изменчивая, многоликая жизнь постоянно разрушает любые доктринальные идеи, как бы прорастает сквозь них и ускользает от любой готовой философской "формы" [160, 17].

"Он не чувствует себя ни изгоем, ни избранником. Жизнь притягивает его, и задача заключается лишь в том, чтобы овладеть "искусством жить достойно" [160, 26]. "Жалея кого-нибудь, мы при виде его страданий одновременно ощущаем в себе и некое мучительно-сладостное щекотание злорадного удовольствия; <...> и кто истребил бы в человеке зачатки этих качеств, тот уничтожил бы основания, на которых зиждется наша жизнь" (III, 1) [160, 27]. "На первом (этапе. В.Л.) автор "Опытов", обнаружив, что "истинное" бытие запредельно, что первопричины вещей от нас ускользают, обрекая на жизнь в сугубо феноменальном мире "кажимостей", где господствуют "привычка" и "обычай" и где люди связаны отношением слепой зависимости и взаимного подчинения, готов в ужасе отпрянуть от такого мира" [160, 27-8].

"Жизнь существует для того, чтобы её прожить, пережив во всех данных нам проявлениях. Привязанность к ней – вот что оказывается оборотной стороной скептического отрицания" [160, 28]. "Я, говорит Монтень, "с упоением тешу себя всеми прелестями жизни", однако, "приглядываясь к ним повнимательнее, нахожу, что они – всего-навсего дуновение ветра. Да и мы-то сами – всего-навсего ветер" [160, 28]. "Жизнь среди себе подобных, в изменчивом мире – вот единственно доступное для человека "бытие", приковывающее и не отпускающее его от себя" [160, 28].

"Жизнь – скучный, зимний день в грязном кабаке, не более" (Бунин. Сны Чанга) [67, 271]. "И однако жизнь её была сплошным томлением, непрестанной жаждой уйти прочь от постылого земного мира, где все всегда не те и не то" (Бунин. Дело корнета Елагина) [67, 429]. "Жизнь моя – трепетное и радостное причастие вечному и временному, близкому и далёкому, всем векам и странам, жизни всего бывшего и сущего на этой земле, столь любимой мною" (Бунин. Воды многие) [67, 452]. Жизнь столь многолика, разнообразна и неопределима, как и наши ощущения и восприятие её, их никак не унять и не уравнивать.

С одной стороны, жизнь – вовсе не литература и философия, не теория, не мифы, не книги, не сказки. Она в последовательности: рождение, взросление, болезнь, смерть, в ней счастье сменяется унынием. Всего-то на всего череда неких успехов и каких-то неудач, и только? В чём же ещё жизнь, из чего она состоит, как слагается? Каковы её формы и виды, чем наполнена, от чего зависит, полна чего, что происходит в ней? Живут люди и животные,

вокруг носятся духи, живут атомы и клетки, развивается идеология. Говорят о жизни идей (эйдоса), души, смысла, сущности. Жизнь многолика, письменность, искусство, наука получают прописку в этой жизни, составляя её лики.

"... поэт сказал, что Полтавской победою Пётр спас жизнь своей державы" [350, 56]. Вон ведь живёт держава, царство, государство, страна, империя, республика, Русь. "Трудно назвать эпоху русской жизни, в которую устная речь: разговоры, дружеские речи, беседы, проповеди, гневные филиппики – играла бы такую роль" [184, 334]. Очевидно, чтобы вместо дела разговоры разговаривать, в этом отличие российской действительности, характер и стиль. "Нет, – говорит он, – лучше пойду я к людям попроще", – и первый опускается в простые и так называемые низшие слои жизни" [294, 94]. Общество, его социальный срез, сословие тоже жизнь, существуют по-своему.

Много чего значит слово в тех или иных связях. Жизнь – промежуток времени от рождения до смерти. "Онегин" – самое значительное творение Пушкина, поглотившее половину его жизни" [294,64]. Жизнь – автобиография. "... допустимо ли вообще разбирать личную жизнь великого человека, читать и обсуждать его интимные дневники, переписку и т.д., отнюдь не предназначенные для опубликования?" [157, 242]. Жизнь – семейные связи, брачные отношения, быт. "Пришла как-то Зина к Зотовне и завела разговор о том, что рано Ольге такой молодой да учёной на себе крест ставить, жизнь устраивать надо, не война – одной век коротать" [248, 104].

Такая очень разная жизнь, зависит и от того, кто (что) живёт. Разные "жители" ведут себя по-разному. "Биотоки сопровождают физическую и физиологическую жизнь клеток мозга, а не являются мышлением" [208, 222]. "Поэтому интеллект зиждется на соматической жизни организма, но последний сам зиждется на воле" [384, 122]. "С другой стороны, однако, Вагнер никак не мог уничтожить эту бившую ключом жизнь в глубине своего духа, это страстное желание вечно жить, вечно творить и вечно любить" [180, 311]. Мозг, организм, дух, природа и многое другое на нашей земле живут и, следовательно, могут быть живы или мертвы. Хотя сама-то жизнь в целом неопределима.

"Передонов чувствовал в природе отражения своей тоски, своего страха под личиною её враждебности к нему – той же внутренней и недоступной внешним определениям жизни во всей природе, жизни, которая одна только и создаёт истинные отношения, глубокие и несомненные, между человеком и природою, этой жизни он не чувствовал" [309, 204-5]. "Но при более внимательном анализе романа можно заметить, что такое резюме слишком многосложно, в нём встречаются явно факультативные слова, просящиеся за скобки, так что роман о нелепости (русской) (провинциальной) жизни (конца прошлого века) становится романом о "нелепости жизни" вообще, если под жизнью разуметь бытовую каждодневную земную реальность" [309, 7-8].

"Во второй зале, отделённой от первой полукруглой аркой, шли картины из лягушачьей жизни: лягушки пьют пиво в зелёном болоте, лягушки охотятся на стрекоз среди густого камыша, играют струнный квартет, дерутся на шпагах и т.д." (А.И.Куприн). "Он не понимал, как, будучи так хорошо принят жизнью, он не умел ценить жизнь как простой и ясный факт" [83, 137]. "Ты не имеешь потребности устроить нашу жизнь так, чтоб и комнаты ожили? Или ты всё ещё не поймёшь "быта"? Есть ведь на свете живой быт, настоящий, согласный с живой жизнью" [388, 251]. В традиционном японском доме (обстановке и быту) заключён религиозный смысл, там своя философия, символика и искусство.

"Собор жил своей особенной жизнью" [14, 36]. "Окончательная судьба человека не может быть решена лишь этой кратковременной жизнью на земле" [35, 303]. "Когда отрицают существование Бога на том основании, что мировая и человеческая жизнь полна зла и страдания (проблема теодицеи), то в этом нет никакого интеллектуально-познавательного аргумента против существования Бога" [35, 73]. "Я наблюдал, что французы по сравнению с нами, русскими, умеют наслаждаться жизнью, извлекать из неё максимум приятного, получать удовольствие от вкушения блюд интеллектуальных и – блюд материальных" [35, 273]. "Евреи человеческую жизнь ценят очень высоко" [149, 269].

"Н.А.Добролюбов писал: "Пушкин откликнулся на всё, в чём проявлялась русская жизнь, он обозрел все её стороны, проследил её во всех степенях" [107, 8]. Разные нации живут по-разному, были и остаются национальные и местные особенности быта, культуры, верований, политического строя, общественного устройства, экономики, сельского хозяйства и т.п. У жизни-существования много своеобразия и тонкостей, сторон и граней. Соотносясь со смертью, имея массу разносторонних связей в мире, жизнь составляет часть "Нечто", ещё большего и неопределённого всеединства.

В частности, не без основания жизнь иной раз рассматривается упрощённо, как становление, осуществление, усилие, увлечение, действительно, ведь в ней возможны такие планы. Но это срезы, и именно потому не являются всеохватными и объёмными, как атмосфера. "... это только я и хотел услышать от тебя, жизнь моя" [148, 279]. "Лена не для этого была создана: самолюбивая, порывистая, талантливая, она любила поэзию, не любила прозу быта" [149, 139]. "Мне иногда казалось, что жизнь была бы хороша и радостна, если бы исчезла причина того, что меня мучит сейчас" [35, 55-6].

"Какова степень этого развития (духа. В.Л.) у человека, такова его жизнь после смерти" [55, 22]. "Бесконечное однообразие материи, силы и закона" лишь подталкивает миллионы копошащихся человеческих существ к вечному забвению, чтобы в конечном итоге исчезнуть, не оставив следов или памяти о прошлом, когда всё вернётся в смутный огненный туман, из

которого когда-то возникло. Земная жизнь сама по себе не является целью. Она окутана мраком и страданием" [55, 61].

"Этот парадокс тысячелетие спустя повторил один из величайших физиологов всех времён. "Жизнь – это Смерть", – сказал Клод Бернар. Организмы живут благодаря тому, что части их постоянно умирают. И выживание наиболее приспособленных из них основывается именно на этом принципе" [55, 62] "Жизнь всего высшего требует гибели низшего; смерть этих частей зависит от неё и подчиняется ей" [55, 62].

"Большой интерес представляет наличие в библиотеке Пушкина произведения выдающегося французского анатом и физиолога К.Биша "Физиологические исследования жизни и смерти" [107, 85-6]. Медицина – не философия, хотя и философия тоже. "Определение жизни как совокупности функций, сопротивляющихся смерти, сформулированное Биша, подсказало Пушкину замечание, что долго сохраняющаяся живость (NB! В.Л.) деятельности и внимательности "по физиологическим примечаниям" является "поручкой в долголетию и здравии" [107, 86].

"Его предмет – тот же, что и предмет всяких высоких философских размышлений: жизнь, смерть" [195, 120]. "В первой части разрезаны первые 29 страниц. На них – главы "О жизни" и "О смерти", в которых автор полностью следует за Биша в разделении жизни на органическую и животную, прекращающиеся не всегда одновременно" [107, 87]. "Первый из афоризмов Гиппократов – знаменитое "жизнь коротка, искусство долго" – Пушкин перифразировал в письме к М.А.Корфу: История долга, жизнь коротка, а пуще всего, человеческая природа ленива" [107, 93]. "Всё это из мира искусства, в котором прошлое и настоящее, жизнь и история неразделимы" [195, 164].

"Но когда опыт прибил весенние цветы и остудил летний румянец, когда он догадывается, что жизнь, собственно, прошла, а осталось её продолжение, тогда он иначе возвращается к светлым, к тёплым, к прекрасным воспоминаниям первой молодости" [98, 81]. "Нет, эта высокая жизнь не бред горячки, не обман воображения, она слишком высока для обмана, она действительна, я живу ею, я не могу вообразить себя с иною жизнью" [98, 159]. "Мы обыкновенно думаем о завтрашнем дне, о будущем годе в то время, как надобно обеими руками уцепиться за чашу, налитую через край, которую протягивает сама жизнь, непрошенная, с обычной щедростью своей, – и пить и пить, пока чаша не перешла в другие руки" [98, 319].

"Такою же безбрежной кажется жизнь мира и отсюда, если лежать под дубом, закрыв глаза, слушая шум приречных лесов, созерцая тихий ход реки" [131, 47]. "У его (пруда. В.Л.) берега не могла Аграфена не остановиться, и, смотря на призрачные отражения в нём – деревьев, облаков, на свой зыбко-облегчённый облик, глянувший из глубины, прожила она мгновения бессознательной мудрости, когда вся жизнь взглянула в ответ оттуда, чуть заволочну-

тая лёгкой слезой, но также обожествлённая и просиянная" [131, 96]. "Св. Сергей родился более шестисот лет назад, умер более пятисот. Его спокойная, чистая и святая жизнь наполнила собой почти столетие" [131, 474].

"Но фатально – вся жизнь и его, и Лавры переплетена с судьбой России того времени. Во всех страданиях и радостях её – и он участник" [131, 512]. "О чём мечтает человек? О том, какая будет жизнь, кем он будет" [131, 182]. "Вы живёте поверхностной, а не внутренней жизнью" [132, 50]. "И как же попасть на эту твою глубину? Ощутить себя морем, жизнь которого совсем не на поверхности. А для этого – заглянуть в себя поглубже" [132, 51]. "Вся её жизнь казалась ей сейчас выдумкой, игрой, несущественным чем-то, и только здесь, в этой тишине, в темноте с дальними шорохами, и была самая настоящая жизнь" [131, 67].

"Мимо него таскали трупы на препарирование в анатомичку – в морге своя жизнь" [149, 165]. "Да, расставаться – чертовски грустное занятие. Правда, вся жизнь – это сплошные расставания: "И каждый час уносит частичку бытия!" [154, 217]. "Искусство – это не жизнь, а жизнь – это не искусство. Страшно перепутать эти понятия. Эта путаница губельна и для жизни, и для искусства" [154, 393]. Такова одна точка зрения на искусство, но может быть и иная.

"Искусство есть сама жизнь как таковая; и Рерих, отдавшись искусству и его высочайшей форме, отдался самой жизни, слился с ней. Искусство не ослабляет жизнь, давая её в повторениях, а наоборот – концентрирует её" [137, 36]. "Вся жизнь сосредоточилась теперь только в лихорадочно блестящих глазах девушки" [137, 90]. "Стыдно быть несчастливым", – как писал ещё один наш общий друг, и хотя жизнь быстротечна, и вся-то она – моя, по крайней мере, самое главное в ней вместилось в мою не слишком объёмистую книгу..." [154, 427].

"Ведь то, что проходило, и было его жизнью, и он с грустью провожал каждый прожитый день" [164, 195]. "Я искал в монашестве не даровой хлеб, не сан, не грядущие почести и власть духовную, а место в жизни, жизненный путь свой, самого себя" [164, 105]. "Ведь перед вами откроется новый, неведомый мир восточный, с его своеобразным укладом, поверьями, со всей его жизнью, так непохожей на нашу..." [164, 90].

"Чем дальше углублялся он в монгольские степи, чем больше беседовал с монголами, тем твёрже укреплялся он в мысли, которая и прежде приходила ему в голову: самое главное во всякой религии, от самой возвышенной до самой грубой, – в ответе на вопрос: как жить тебе на земле и что станет с тобой после смерти?... Вот живёт человек, к чему-то стремится, чего-то ищет, страдает, мучается и вдруг исчезает в небытии... Зачем же тогда дана ему эта жизнь, с её волнениями, стремлениями, поисками? Чтобы обратиться в прах?" [164, 167].

Как видим, слишком много вопросов, хочется узнать, что же такое жизнь, как понимать и прояснить её, – роковой узел не развязать, не разрубить, запутаешься дальше больше, никак не разобраться в страстях, представлениях, взглядах, и нет конца в разноречии, путанице и бессмыслице.

Страницы жизни и приключений.

1

Человек дерзкого склада

"Образ и опыт жизни этого человека, раскрываясь постепенно в истинном свете, обретает сейчас особую значимость" [170, 45]. "Замечательный деятель русского XVIII века, никогда не сверкавший на гребне внешнего успеха, бежавший от придворной жизни и политиканства, Андрей Тимофеевич принадлежит к сокровенным явлениям отечественной культуры" [170, 45]. "Зерно великожизненности было заложено в глубине культуры, которой принадлежал А.Т.Болотов, в самом типе и способе жизни, осуществляемых им" [170, 45]. Начинаем с того, что, как оказывается, жизнь – стиль, тип и способ существования твари, человека, тела и духа.

"Андрей Тимофеевич прожил девяносто пять лет (1738-1833) и оставил в числе прочих своих трудов 29 аккуратно переплетённых томиков, явивших собой замечательное произведение отечественной мемуаристики "Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков" [170, 46]. "Мемуары Болотова – это своеобразная энциклопедия русской провинциальной жизни XVIII – начала XIX веков. По-видимому, аналогична "Жизни и приключениям Андрея Болотова" лишь 16-томная автобиография его современника, французского писателя Н.Ретиф де ла Бретона" [170, 46].

"Перед читателем возникают зримые, со многими подробностями картины русской столичной и провинциальной жизни XVIII века" [170, 46]. "Они очерчены автором непредвзято, так, как увидены, как открылись ему, чаще всего в действии, в связи с сюжетами его собственной жизни (так, скажем, образ поэта и государственного деятеля Г.Р.Державина в нашей публикации)" [170, 46]. "По-видимому, Андрей Тимофеевич принадлежал к тому начинавшему возникать в XVIII веке типу образованного дворянина, чья жизнь неразрывна с плодотворной почвой, с укладом трудовой народной жизни (при всех социальных различиях и противоречиях, разумеется)" [170, 46].

"Он был "рыцарь бедный", пожизненно увлечённый сельским образом жизни, усердным чтением, полевыми опытами, неустанным трудом, умственным и физическим" [170, 46]. "Именно самостоятельность и определённая болотовской личности определили его жизненный путь" [170, 46]. "По выходе указа Петра III "О вольности дворянства" двадцатичетырёхлетний флигель-адъютант генерал-полицмейстера Петербурга Болотов немедленно уходит в отставку, покидает столицу, уезжает в свою деревеньку

Дворяниново, чтобы начать жизнь, близкую его сердцу" [170, 46]. "Ни военная карьера, ни хитросплетения придворной жизни влекли Андрея Тимофеевича, но радости и открытия размеренной и полной трудов жизни учёного и культурного хозяина" [170, 46].

"Нужно взглядеться, вчитаться в запись его жизни" [170, 46]. "При всей геометричности линий, несколько суховато-твёрдых, которые обычно видятся во внешнем рисунке его жизни, некая странность, как нам представляется, живёт в натуре, в характере Болотова" [170, 46]. Для понимания жизни первостепенна значимость стиля поведения, темперамент и настроение.

Человеческая жизнь сама по себе весьма разнопланова, во всех своих частях, частностях и разновидностях именно она подробнее всех остальных "жизней" рассмотрена и представлена, будучи самой развитой сферой существования и деятельности, для нас, людей, естественно, наиболее близкой и значимой. И уже в рамках человеческого сообщества специализированы такие сферы жизнедеятельности по их направленности и наполнению, как внутренняя, духовная, личная, семейная, трудовая, общественная, государственная, политическая, экономическая, религиозная и др. В каждом случае у разной жизни особенное содержание и смысл.

В тех или иных областях знаний накапливаются сведения о понимании, формировании и развитии названных и не названных планов человеческой жизни. Такое "распределение" связано, очевидно, с предметной специализацией науки. Столь разноликая жизнь изучается биологическими, психологическими, социологическими, историческими, политологическими, философскими науками. Свой интерес к жизни у медицины, педагогики, археологии, антропологии, этнографии, богословия и в других областях. Писатели и критики, журналисты, искусствоведы, публицисты, политики отнюдь не чужаются "общего" предмета. И все пристрастны...

Каждое слово в отдельности таит в себе и до поры до времени скрывает, накапливая энергию мысли, свои выразительные, или назывные, возможности. Конкретный смысл имя обнаружит в употреблении и определённом окружении слова. Чтобы понять и познать языковую единицу, усваивая систему, нужно разбираться в смысловых связях, производных и сочетаемости. Важно усвоить минимальные словосочетания. Так, жизненным (относящимся к жизни) может быть разное: опыт, путь, процесс, проявление, интерес, круг, положение, цикл, уровень, дело, испытание, основание, ритм, риск, строй. Имеет отношение к жизни: сила, энергия, обстановка, ситуация, перемены, позиция, драма, трагедия, проза, тайна, тревога, вежа, дорога и пр.

В.В.Огарков. Воронцовы. Биографические очерки.

Титул, честь, достоинство

"В замечательной автобиографической записке Александр Романович [дядя Михаила Семёновича] высказывает много благородных мыслей и, говоря в исполненных достоинства выражениях о своей службе, не бесполезной, по его мнению, Родине, а также об испытанных неудачах, заканчивает следующими прекрасными словами: "Впрочем, я всегда был того мнения, что люди имеют соответственно их достоинствам внутреннюю цену, которой не в состоянии отнять у них никто" [251, 226].

"Но брюзжащая и упрямая старость, отстаивающая с упорством убеждения, раз сложившиеся в уме и с трудом поддающиеся новым влияниям, бывает плохой союзницей кипучей, порывающейся молодости, желающей испытать способы пересоздать по новым рецептам мир и восстановить в нём нарушенное нравственное равновесие. И братья Воронцовы испытали это вскоре по воцарении Александра I" [251, 235].

"Обозревая жизнь государственного человека, захватывавшего своей деятельностью многие сферы народной жизни, невольно сталкиваешься с вопросом о взаимодействии личности и общества, о степени влияния деятеля на общество и наоборот. Существуют разные взгляды на этот предмет; одна школа историков верит в возможность чудес при воздействии со стороны гениальной личности даже на самое инертное и невежественное общество; другие историки, наоборот, отводят слишком мало места личности в ходе исторического процесса и видят в деятеле только что-то вроде аккумулятора, скопившего в себе то, что в разбросанном виде циркулирует в массе" [251, 237].

"Мы здесь приведём эпизод, последовавший после кровавых бородинских дней, который в симпатичном свете рисует нашего героя. Прибыв в Москву, он приказал разгрузить подводы, увозившие воронцовские богатства (многие из них потом погибли в пожаре) в селе Андреевское, и посадил на эти подводы многих своих товарищей, раненных под Бородином. Вместе с хозяином села, перешедшего к нему от покойного Александра Романовича, лечились в усадьбе до 50 офицеров, у которых было до сотни денщиков и 300 раненных рядовых. Все эти сотни людей и лошадей находились в течение долгого времени на полном содержании графа, и при расставании с солдатами Михаил Семёнович снабдил каждого из них тёплой одеждой и 10 рублями" [251, 242].

"После целого ряда блестящих битв и форсированных маршей Михаил Семёнович, по заключении мира командуя оккупационным корпусом, оставался во Франции до 1818 года. Получив высокие назначения, граф, однако, не изменил простых и добрых отношений к сослуживцам и, как известно, продажей одного из своих имений уплатил долги офицеров своего корпуса во Франции. Памятником этих добрых отношений служит серебряная ваза,

поднесённая Воронцову офицерами корпуса, с вырезанными на ней их именами" [251, 243].

"Он был одним из главных действующих лиц при подаче известной записки 5 мая 1820 года императору через графа Каподистрия. В этой записке, подписанной графом Воронцовым, князем Меншиковым, братьями Трубецкими и Каразиным, говорилось об основании несколькими помещиками общества, целью которого являлось изыскание способов к улучшению состояния крестьян и к постепенному освобождению от рабства как их, так и дворовых людей, принадлежащих помещикам, вступающим в общество... Увы, это "справедливое и благородное" дело должно было с того времени ждать своего осуществления более 40 лет!

Во всяком случае, Воронцов был гуманным и симпатичным помещиком, чего, к несчастью, нельзя сказать про многих, страстно распинавшихся за "мужика" писателей даже новейшего периода. На гуманность Воронцова существует много указаний и, между прочим, в записках Огарёвой-Тучковой, ненавидевшей графа, но уважавшей его с самого детства за умение во время крепостного права сделать своих крестьян счастливыми и богатыми. Он отдавал всю господскую землю "миру" и брал за неё лёгкий оброк" [251, 243].

"Обаяние громадной власти туманит голову человеку, у него часто пропадает перспектива событий, и могущество превращает быстро в действие какую-нибудь случайную эмоцию, от чего человек при других условиях мог бы воздержаться. Иногда, впрочем, те действия, которые кажутся несимпатичными, являются результатом глубокого убеждения в их целесообразности. Конечно, случай с Пушкиным (о чём подробно скажем ниже) мало прибавляет к славе новороссийского генерал-губернатора, но в данном случае и наш знаменитый поэт, кажется, был не совсем прав" [251, 244]. "В мае 1823 года Михаил Семёнович был назначен генерал-губернатором обширного Новороссийского края, и с этого времени начинается новая, мирная, эра его деятельности" [251, 245].

"Начало истории разрыва Пушкина с Воронцовым, где были оба не правы и оба, кажется, впоследствии раскаялись, положил наш знаменитый поэт. Он написал несколько эпиграмм на дам и гостей, принятых у графа. Весьма возможно, что в ссоре, как осложнение, явилось и то обстоятельство, что Пушкин не стеснялся говорить любезности молодой и красивой графине, писал ей стихи и, вообще, как говорится на светском языке, "ухаживал" за ней. Некоторые даже полагают, что со стороны Пушкина могло быть и глубокое чувство. И действительно, на такое утверждение могли бы дать право прекрасные и прочувствованные стихи, связанные с именем графини, как "Ангел" и "Талисман", а также и то обстоятельство, что Пушкин был всегда в восторженном, нервном состоянии по получении писем из Одессы в своём Михайловском. А такое отношение поэта к жене Воронцова могло вызвать

особенно холодное отношение со стороны последнего. Как бы то ни было, но обидчивый Пушкин, в ответ на холодность графа, разразился убийственными эпиграммами, хотя потом и уверял, что известное "Полумилорд, полукупец" он просто импровизировал, а его приятели записали и разболтали. К другой же эпиграмме подал повод неосторожным выражением сам Воронцов. Когда было получено известие о казни Риуго, Михаил Семёнович сказал Александру I: "Quelle heureuse nouvelle, sire!".

Подлило масло в огонь назначение Пушкина в командировку для борьбы с саранчой. Это поручение, сочтённое за месть, окончательно взбесило поэта: он написал дерзкое письмо, вместе со знаменитым донесением о саранче, и вскоре затем последовало его удаление в Псковскую губернию, в село Михайловское, – удаление, шедшее в разрез с желаниями поэта, но, тем не менее, давшее бесценные перлы русской литературе в период жизни на родном пепелище. Трудно, конечно, оправдать в этом деле и Воронцова. Величие человека больше всего было бы видно в том, если бы он, ради удовлетворения личной обиды, не воспользовался своей громадной властью. Но когда читаешь письмо Воронцова к Нессельроде, составленное в простых и убедительных выражениях о неудобствах пребывания Пушкина в Одессе для самого поэта, которого и образ жизни, и окружающие льстецы портят, то невольно хочется верить, что не одно негодование Воронцова было причиной удаления из Одессы Пушкина, но помогла и его прежняя репутация, а также и несомненная решительность тогдашнего центрального начальства, часто делавшего "из мухи слона".

Как бы то ни было, но известно, что Воронцов в годы смерти поэта был у его вдовы с выражениями соболезнования, а княгиня Воронцова до конца своей жизни сохранила глубокую и добрую память о поэте. Плохо владея под конец жизни глазами, она заставляла читать вслух произведения усопшего писателя, по смерти которого две одесские газеты, "Одесский вестник" и "Journal d'Odessa", основанные генерал-губернатором и бывшие его полуофициальными органами, посвятили тёплые и прочувственные статьи автору злых эпиграмм на Воронцова" [251, 252-4].

"Тем не менее, эта экспедиция (на Кавказе в 1845 году против Шамиля В.Л.), стоившая так много жертв, сдружила закалённые кавказские войска с их новым вождём: он сам разделял тягости экспедиции в простой походной палатке. Во время отступления, в глубине чеченских лесов, для облегчения лошадей, предназначенных для раненых, он приказал вместе с имуществом отряда сжечь и свой большой, ценный багаж. Ласковое, участливое отношение к солдатам, и в особенности к раненым, за этот достопамятный поход надолго сохранилось в сердцах войск, а поведение вождя, его неутомимость и та постоянная нравственная бодрость, которую он проявлял в эти тяжкие дни, подкрепляли солдат и прогоняли панику" [251, 259].

"Были, конечно, большие промахи, были люди, эксплуатировавшие даже дальновидного князя, были жестокости, требовавшиеся роковым ходом событий и нуждами того могучего государственного организма, которому призван был служить князь и ради здоровья которого считалось необходимым производить ампутации и кровопускания. Есть, конечно, разные взгляды на служение государству, но, по крайней мере, своё дело князь делал бескорыстно и убеждённый в его полезности" [251, 265]. "Воронцов достиг всего, чего только может добиться человек на земле: славы, чести, почестей и богатства. Но был ли он счастлив? Давали ли его душе удовлетворение эти внешние атрибуты счастья? Неизвестно, "чужая душа – потёмки" [251, 266].

В.Соловьёв. Поэзия Ф.И.Тютчева.

3

Стихия поэта

"Прежде всего бросается в глаза при знакомстве с нашим поэтом созвучие его вдохновения с жизнью природы, – совершенное воспроизведение им физических явлений как состояний и действий живой души" [312, 86]. "Конечно, все действительные поэты и художники чувствуют жизнь природы и представляют её в одушевлённых образах; но преимущество Тютчева перед многими из них состоит в том, что он вполне и сознательно верил в то, что чувствовал, – ощущаемую им живую красоту принимал и понимал не как свою фантазию, а как истину" [312, 86].

"Не то, что мните вы, природа: Не слепок, не бездушный лик, – В ней есть душа, в ней есть свобода, В ней есть любовь, в ней есть язык..." (Тютчев). "Вовсе не высшее *знание*, а только собственная слепота и глухота заставляет людей отрицать внутреннюю жизнь природы: "Они не видят и не слышат, Живут в сем мире, как в потьмах, Для них и солнца, знать, не дышат И жизни нет в морских волнах" [312, 86]. Жизнь не переписать, мастерство и стиль не подделать.

"Кто же прав из двух поэтов [Шиллер или Тютчев]? Есть жизнь и душа в природе, или нет?" [312, 87]. "Никто не решится утверждать, что механическое устройство и действие скелета, сосудистой, мускульной и нервной систем, изучаемое точными науками – анатомией и физиологией, – исчерпывает собою весь истинный смысл человеческого существа и существования; напротив, каждый согласится, что весь этот механизм координированных частей имеет смысл только как орудие или средство выражения и осуществления внутренней жизни или души человека" [312, 87]. "Точно так же и механизм всей природы есть только слаженная совокупность для проявления и развития всемирной жизни" [312, 87].

"Как телесная видимость человека, сверх анатомических и физиологических фактов, говорит нам ещё своими знаками о его внутренней жизни

или душе, так точно и явления всей природы, каков бы ни был их *механический состав*, говорят нам в своей живой действительности о жизни и душе великого мира" [312, 87]. "... для взгляда же, направленного на полную истину, а не на одну только её сторону, есть жизнь и во внешней природе" [312, 87]. "Последовательная мысль должна выбирать между двумя положениями: или ни в чём, даже в человеке, даже в нас самих, нет одушевлённой жизни, или – она есть во всей природе, различаясь только по степеням и формам" [312, 87].

"Своею телесною организацией, которою обусловлено развитие его внутренней жизни, человек принадлежит к животному царству, а животных никак нельзя выделить из прочей природы и признать их исключительными носителями жизни. На самом деле животное царство неразрывно связано с растительным, имея с ним первоначально одну общую основу органического бытия, до сих пор ещё представляемую такими организмами, которых нельзя отнести ни к животным, ни к растениям. А целый органический мир, при всём своём формальном *отличии, нераздельно* связан, однако, и по составу, и по происхождению, с миром неорганическим" [312, 87].

"Нет во всей вселенной такой пограничной черты, которая делила бы её на совершенно особенные, не связанные между собою области бытия; повсюду существуют переходные, промежуточные формы или остатки таких форм, и весь видимый мир не есть собрание деланных вещей, а продолжающееся развитие или рост живого существа" [312, 87]. "Как художники, они передают нам жизнь и душу природы, но при этом в уме своём убеждены, что она безжизненна и бездушна, что их чувство и вдохновение их обманывают, – что красота есть субъективная иллюзия" [312, 87].

"Дело поэзии, как и искусства вообще, – не в том, чтобы "украшать действительность приятными вымыслами живого воображения", как говорилось в старинных эстетиках, а в том, чтобы воплощать в *ощутительных* образах тот самый высший *смысл* жизни, которому философ даёт определение в разумных понятиях, который проповедуется моралистом и осуществляется историческим деятелем как идея добра". "Следовательно, прав наш поэт, когда прекрасное он сознательно принимал и утверждал не как вымысел, а как предметную истину, и, чувствуя жизнь природы и душу мира, был убеждён в действительности того, что чувствовал" [312, 88].

"Гёте, который был не только поэтом и мыслителем, но и великим естествоиспытателем, положившим начало двум интереснейшим наукам – сравнительной анатомии животных и морфологии растений – лучше, чем кто-либо другой, мог видеть всю недостаточность исключительно-механического объяснения вселенной, и в целом ряде великолепных стихотворений, под заглавием: *Gott und Welt*, он прославляет душу мира и жизнь природы" [312, 88]. "Но и сам Гёте не захватывал, быть может, так глубоко, как наш поэт,

тёмный корень мирового бытия, не чувствовал так сильно и не признавал так ясно *ту таинственную основу всякой жизни*, – природной и человеческой, – основу, на которой зиждется и смысл космического процесса, и судьба человеческой души, и вся история человечества" [312, 88].

4

Былое – думы

Александр Иванович Герцен (1812 – 1887), сосредоточившись на историческом времени и исследуя свою жизнь, пишет автобиографический очерк, о себе, о политической обстановке в России и о круге личного общения на протяжении определённого периода зарождения и развития демократических идей в царствование Николая I. Он искал и нашёл для себя ответственное место непокорного борца с российским самодержавием, в конечном счёте обеспечив себе достойную роль в мировом политикуме, оказывая значительное влияние на умы и управляя общественным мнением.

Его "Былое и думы" (1862-1887) занимает почётное место в ряду великих памятников литературы. Это не столько записки, сколько *исповедь*. Рассказать жизнь значило раскрыть убеждения. Такой авторской установкой определяются стилевые и стилистические вехи произведения. Включение автографии в форму исторического романа и фельетонной публицистики, смешение жанров в мемуарном повествовании, выглядит "неожиданным и смелым на русском и западноевропейском литературном фоне" [272, 22]. Первые четыре части воспоминаний и размышлений охватывают 35 лет жизни в России, от рождения до эмиграции автора в 1847 году.

Казалось, "нет статей, более исполненных жизни и которые бы было приятнее писать"[272, 5], нежели мемуары. Писательским замыслом и творческим начинанием Герцена неустанно сопутствовало рвение поведать миру о несломленной судьбе и душе. Художественное жизнеописание становится одновременно летописью общественно-политического быта России и Западной Европы 30-60-х гг. XIX века. В европейскую культуру словно ворвалась стихия жизни, "со всей её хаотичностью и закономерностью, с её "неправильностями" и строгой последовательностью, в её сложности, контрастах, в борьбе и единстве противоположностей"[272, 30].

Почтовый рассказ в литературе и в быту отличается той или иной долей непосредственности, в какой-то мере искренностью и особенной душевностью, играя подчас немаловажную социальную роль в обиходе и культурном развитии человека. Трудно переоценить влияние дружеской переписки, велико значение частного письма в жизни нашего современника, одновременно культурного и исторического. И как во времена Герцена, нам бы тоже признать эпистолярный жанр, ибо "письма – больше, чем воспоминанья,

на них запеклась кровь событий, это само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное"[98, 263].

"Я, впрочем, вовсе не бегу от отступлений и эпизодов, – так идёт всякий разговор, так идёт сама жизнь" [98, 55]. Писатель представляет, что есть жизнь, проговариваясь о тех или иных свойствах. Труден процесс поиска истины путём расщепления предмета и овладения частями, сказывается двойственность материи и духа. Внешне жизнь проявляется в деятельности, общении и отражается в сознании. Затем в другом действии повторяется отражение и воспроизводится программа изречения. Такова глубинная связь, взаимозависимость мысли и речи, сцепление факта и текста, объективности и реальности. Жизнь исподволь уподобляется Слову.

"Чтоб дать полное понятие о нашем житье-бытье, опишу целый день с утра; однообразность была именно одна из самых убийственных вещей, жизнь у нас шла, как английские часы, у которых убавлен ход, – тихо, правильно и громко напоминая каждую секунду" [98, 102]. Каждый занят чем-то, идут дни – и это тоже жизнь. Общественные нравы в значительной мере потомственны. Следуем традиции, подчиняясь сословным предрассудкам, установкам и жёсткой дисциплине, служебному, семейному и иному распорядку, больничному, тюремному... Режим дня и времяпрепровождение определяют стиль поведения и, в конечном счёте, образ жизни.

Никому из смертных не дано вполне объять жизнь, остановив хотя бы на миг ход её, словно собственный вдох. И даже длительность одного твоего часа пусть ещё обозрима по минутам, тем самым как бы доступна поверхностному вниманию, не окончательному охвату. Уж вовсе сомнительно держать в памяти связи и схватить отношения, описав в полном объёме подробностей даже весь текущий день. Ещё труднее замечать смену событий и настроений, помнить и свидетельствовать происходящее в мире. Недоступна пониманию и управлению вся жизнь, даже если сосредоточиться на ограниченном её пространстве.

Человечество в живом мире спяно со средой обитания, существуя на протяжении многих тысячелетий в вечно изменяющейся экологической нише. Со временем, по мере роста массы, и сами люди постепенно отчётливо тоже меняются. Возрастная периодизация в системе связана с определённым набором качеств и свойств жизнедеятельности организмов, с градацией и оценкой отрезков в процессе их созревания, взросления, возмужания, старения и дряхления. Очевидны функционально-ролевые проявления того или иного временного среза личности. Таинствен энергетический круговорот в пространстве, перераспределение и обмен веществ.

Психофизиологические особенности детского и юношеского возраста будут выявлены педиатрией, иные задачи поставит геронтология. "Природа с своими вечными уловками и экономическими хитростями *даёт* юность чело-

веку, но человека сложившегося *берёт* для себя, она его втягивает, впутывает в ткань общественных и семейных отношений, в три четверти не зависящих от него, он, разумеется, даёт своим действиям свой личный характер, но он гораздо меньше принадлежит себе, лирический элемент личности ослаблен, а потому и чувства и наслаждение – всё слабее, кроме ума и воли" [98, 81].

Действительно, блажен тот человек, кому посчастливилось в своей жизни пережить драгоценное чувство детства и пройти полноценную школу юности. Именно вследствие этого "совершеннолетним можно бы было понять, что "ребячество" с двумя-тремя годами юности – самая полная, самая изящная, самая *наша* часть жизни, да и чуть ли не самая важная, она незаметно определяет всё будущее" [98, 81]. Правда, не всё так просто и однозначно в действительности. И пусть себе: "Жизнь впоследствии отучает от гордой веры, наказывает за неё; оттого-то юность и отважна и полна героизма, а в годах человек осторожен и редко увлекается" [98, 207].

Всё же каждого человека, стоит оглянуться в конце пути, преследует загадочный лик рока. Чаще всего непредсказуемо складывается некая таинственная линия личной судьбы. Предначертание ли, предназначение ли? Вот у Герцена, к примеру, прочтём в его книге жизни: "Из детской я перешёл в аудиторию, из аудитории – в дружеский кружок, – теории, мечты, свои люди, никаких деловых отношений. Потом тюрьма, чтоб дать всему осесться. Практическое соприкосновение с жизнью начиналось тут – возле Уральского хребта" [98, 209]. У него так сложилось – до конца сознательная, самоотверженная и непримиримая борьба с самодержавной властью.

У каждого рода-племени, пожалуй, было и есть своё представление о жизни и смерти, о добре и зле, о высших силах. И отнюдь не случайно потому, "все молитвы их (речь о вотяках, угро-финском племени. В.Л.) сводятся на материальную просьбу о продолжении их рода, об урожае, о сохранении стада, и больше ничего. "Дай, Юмала, чтоб от одного барана родилось два, от одного зерна родилось пять, чтоб у моих детей были дети". В этой неуверенности в *земной* жизни и хлебе насущном есть что-то отжившее, подавленное, несчастное и печальное" [98, 242]. Вот так на религиозной основе делаются разные спекуляции и выводы.

Однако сегодня я не стал бы настаивать на том заключении. По-моему, пристойно есть – смиренно и покорно желать и ждать от покровителя лишь главного и самого важного. Что человеку нужно для счастья, какие у него интересы и как ещё удовлетворить потребности? Непостижима мифология древнего человека, ибо своеобразны мистические представления о мире и норме благоденствия в жизни. Сколь несовместны менталитет дикаря и цивилизация, в Древнем мире, в Средневековье, у современного человека, на Западе, Востоке, Севере и Юге, сплошь и рядом отличающихся культурой и религиозными воззрениями.

Чем-то же заполнена жизнь человека. Каково её содержание и наполнение, от этого и качество жизни личности, может быть, значимость и её ценности. Жена писала ему: "В 1842 я желала, чтоб все страницы твоего дневника были светлы и безмятежны; прошло три года с тех пор, и, оглянувшись назад, я не жалею, что желание моё не исполнилось, – и наслаждение и страдание необходимо для полной жизни, а успокоение ты найдёшь в моей любви к тебе – в любви, которой исполнено всё существо моё, вся жизнь моя" [98, 399].

"Это было 6 мая 1846 года, около трёх часов пополудни. Торжественно и пышно был он (отец. В.Л.) схоронен в Девичьем монастыре; два семейства крестьян, отпущенных им на волю, пришли из Покровского, чтоб нести гроб на руках; мы шли за ними; факелы, певчие, попы, архимандриты, архиерей... потрясающее душу "со святыми упокой", а потом могила и тяжёлое падение земли на крышу гроба, – тем и кончилась длинная жизнь старика, так упрямо и сильно державшего в руке своей власть над домом, так тяготевшего надо всем окружающим, и вдруг его влияние исчезло, его воля исключена, его нет, совсем нет!" [98, 465]. Кажется: жизнь – воля.

"Смерть приравнила двух непохожих братьев. Кто же из них лучше воспользовался своим промежутком между двумя немymi и безответными пропастями? Один истратил и себя и своё достояние, но имел свой медовый месяц из лучших липовых сот" [98, 485]. У другого почти сплошь серые будни, рутина. "Если из жизни Дмитрия Павловича исключить два-три случая – Бычка, скачки и кубки да два-три входа и выхода, например, когда он взошёл в университет со знанием, что он – начальник его, когда он вышел в первый раз из своей комнаты в звезде, когда он представлялся е. и. величеству, когда водил по аудиториям е. и. величество, – останется одна проза, одно деловое, натянутое, официальное утро" [98, 485].

"Он не обращал внимания, так, как это делает большая часть французов, на то, что *истина* только даётся методе, да и то остаётся неотъемлемой от неё; истина же как результат – битая фраза, общее место. ... Людям этого слоя не живётся в отрицании, в разборе, им анатомия противна, они ищут готового, целого, созидającego" [98, 415]. "Безмерно печально сличение двух посланий Пушкина к Чаадаеву, между ними прошла не только их жизнь, но целая эпоха, жизнь целого поколения, с надеждою ринувшегося вперёд и грубо отброшенного назад" [98, 440].

А.И.Герцен:

"Жизнь человеческая – непрерывная, злая борьба; лишь только с одной стороны побеждены препятствия, улажен мир, с другой восстают изпод земли, падают с неба враги, нарушающие спокойное пользование жизнью, гармонию и развитие" [216, 90].

"Наша жизнь – постоянное бегство от себя, точно угрызения совести преследуют, пугают нас. Как только человек становится на свои ноги, он начинает кричать, чтоб не слышать речей, раздающихся внутри; ему грустно – он бежит рассеяться; ему нечего делать – он выдумывает занятия; от ненависти к одиночеству – он дружится со всеми, всё читает, интересуется чужими делами, наконец женится на скорую руку" [216, 91].

"Кому и эта жизнь не удалась, тот напивается допьяна всем на свете – вином, нумизматикой, картами, скачками, женщинами, скупостью, благодарениями, ударяется в мистицизм, идёт в иезуиты, налагает на себя чудовищные труды, и они – ему всё-таки легче кажутся, нежели какая-то угрожающая истина, дремлющая внутри его" [216, 91]. "В этой боязни исследовать, чтоб не увидеть вздор исследуемого, в этом искусственном недосуге, в этих поддельных несчастьях, усложняя каждый шаг вымышленными путями, мы проходим по жизни спросонья и умираем в чаду нелепости и пустяков, не пришедши путём в себя" [216, 91].

"Зачем всё живёт?.. Прежде все искали отгадки в облаках или в глубине, поднимались или спускались, однако не нашли ничего, оттого что главное, существенное всё тут, на поверхности. Жизнь не достигает цели, а осуществляет всё возможное, продолжает всё осуществлённое: она всегда готова шагнуть дальше затем, чтобы полнее жить, ещё больше жить, если можно; другой цели нет. Мы часто за цель принимаем последовательные фазы одного и того же развития, к которому мы приучились: мы думаем, что цель ребёнка – совершеннолетие, потому что он делается совершеннолетним; а цель ребёнка – скорее играть, наслаждаться, быть ребёнком. Если смотреть на предел, то цель всего живого – смерть" [216, 238].

"Шутить с мечтою опасно: разбитая мечта может составить несчастье жизни; гоняясь за мечтой, можно прозевать жизнь или из безумного воодушевления принести её в жертву" [216, 397]. "Мы обыкновенно думаем о завтрашнем дне, о будущем годе в то время, как надобно обеими руками уцепиться за чашу, налитую через край, которую протягивает сама жизнь, непрошенная, с обычной щедростью своей, – и пить, и пить, пока чаша не перешла в другие руки; природа потчевать и предлагать не любит" [216, 403].

"Частная жизнь, не знающая ничего за порогом своего дома, как бы она ни устроилась, бедна" [216, 491]. "Жизнь, которая не оставляет прочных следов, стирается при всяком шаге вперёд" [216, 499]. "Достоинство жизни человеческой – в борьбе" [216, 512].

"Вам, верно, случалось видеть удручающую грусть, томительную, тревожную неизвестность, которая распространяется в доме, где есть умирающий; отчаяние усиливается надеждой, нервы у всех натянуты, здоровые больны, дела не идут. Смерть больного облегчает душу оставшихся; льются слёзы, но нет более убийственного ожидания, несчастье перед глазами, во

весь рост, безвозвратное, отрезавшее все надежды, и жизнь начинает врачевать, примирять, брать новый оборот" [216, 719]. Что же это? Не смерть.

"Жизнь даром не проходит для людей, у которых пробудилась хоть какая-нибудь сильная мысль" [216, 860].

С.Н.Булгаков:

"Несмотря на свои позитивно-атеистические воззрения, Герцен был постоянно занят вопросами религиозного сознания – о смысле жизни, истории и т.д., карамазовскими вопросами. Но, как и Карамазову, Герцену суждено было испытать не радость положительного разрешения этих великих и страшных вопросов, а горечь сознания их неразрешимости. Он искал и не нашёл; но ведь истинная-то религиозность именно и состоит в искании" [216, 185].

Теперь наша задача – попытаться выяснить и определить, как разные люди, писатели и учёные, понимают жизнь, явление природы и истории, вместе с тем также и как слово, единицу языка и речи. Важно ответить на вопрос, в какой мере и в какой обстановке наблюдаются расхождение, сходство или единообразие в понимании и в истолковании слова "жизнь". Чтобы решать поставленную задачу, естественно, придётся обращаться, сравнивая смыслы и значения соответствующих словоупотреблений, и к толковым словарям, не в последнюю очередь и к литературным источникам, к текстам отобранных произведений.

В.Лакшин. Толстой и Чехов.

5

Толстой и Чехов

"Толстого и Чехова объединяет чуткость совести, обеспокоенность самыми коренными вопросами: как жить, зачем жить?" [175, 6]. "В романе Толстого больше всего нравилось Чехову то, что иногда неудачно называют социальным "фоном", – это широкая и ёмкая картина русской жизни конца века, нарисованная рукой точной и беспощадно смелой, равно способной на изображение дворцов и деревенских изб, светских раутов и пересыльных тюрем" [175, 52-3].

"В своём дневнике он записывал: "когда болеешь, умираешь, то сосредоточивайся в себе, думай о смерти и жизни за смертью; а не тоскуй об этой" (т. 53, 178) [175, 61]. "Говорили о бессмертии. Он признаёт бессмертие в кантовском виде; полагает, что все мы (люди и животные) будем жить в начале (разум, любовь), сущность и цель которого для нас составляет тайну" (XVII, 64) [175, 63].

"Незадолго до встречи с Чеховым, 17 ноября 1896 года, Толстой так определил своё понимание бессмертия: "Думал о том, как очевидно ошибочны наши представления о будущей жизни в телах, более или менее по-

добных нашим. Наши тела, такие, какими мы их знаем, суть не что иное, как произведение наших внешних шести чувств. Как же может быть жизнь для того духовного существа, которое отделилось от тела, быть в той форме, которую определяет и производит это тело своими чувствами" (т.53, 119)" [175, 62-3].

"Впрочем, иногда он (Чехов. В.Л.) готов был отстаивать идею бессмертия, но только в каком-то сугубо земном, безрелигиозном обличье.

"Много раз, – вспоминает И.Бунин, – старательно-твёрдо говорил он мне, что бессмертие, жизнь после смерти в какой бы то ни было форме – сущий вздор:

– Это суеверие. А всякое суеверие ужасно. Надо мыслить ясно и смело. Мы как-нибудь потолкуем с вами об этом основательно. Я, как дважды два – четыре, докажу вам, что бессмертие – вздор.

Но потом несколько раз ещё твёрже говорил прямо противоположное:

– Ни в коем случае не можем мы исчезнуть без следа... Бессмертие – факт. Вот погодите. Я докажу вам это"¹ [175, 64-5]. Пока никому не удалось доказать факт бессмертия.

Трофимов из "Вишнёвого сада": "Что значит – умрёшь? Быть может, у человека сто чувств, и со смертью погибают только пять известных нам, а остальные девяносто пять остаются живы". А ещё вероятнее, он (Чехов. В.Л.) говорил бы о бессмертии как о вечном обновлении жизни на земле, о связи поколений, преемственности исторической цепи" [175, 65].

"Дама с собачкой": "Так шумело внизу, когда ещё тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет. И в этом постоянстве, полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог нашего вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства". Спасение приходит здесь к человеку не с той стороны, с какой он ждёт его: не от уверенности в личном бессмертии, а от признания вечной сохранности и самозащиты жизни всего человечества" [175, 65].

"Как бы отдавая на суд третьейскому судье – читателю – свой спор с Толстым, Чехов делает до конца очевидной разницу двух взглядов на жизнь: "Он хочет и ищет Бога, ищет день и ночь и находит одну только пропасть, в которую чем дальше смотришь, тем кажется она глубже и темнее. А какое высокое наслаждение для меня гулять по деревне и заходить в избы к людям и говорить с ними. Какое разнообразие лиц, голосов, умов, вкусов, верований!: Хороша жизнь, Мария Сергеевна! Правда, она тяжела, скоротечна, но зато как богата, умна, разнообразна, интересна, как изумительна! Травников отравляет себя тоской по бессмертию и вечному бла-

¹ И.А.Бунин. Собр. соч. В 5 т. Т. 5. М., 1956. С.280.

женству; но я не так жаден и для меня совершенно достаточно этой короткой, маленькой, но прекрасной жизни.

Если Баштанов – лирический герой Чехова (а этого нельзя не видеть), то как характерно, что его "томит жажда жизни", стремление больше узнать и понять.

Чеховский герой признаётся, что жизнь для него – это прежде всего люди, его окружающие, а среди них и Травников, с которым он яростно спорит, но любит его "тем сильнее, чем глубже засасывается он в тину, куда влечёт его жадная, неумолимая, противоречивая мысль" [175, 79].

"Страстная, искренняя, исполненная редкого душевного благородства, Анна личной значительностью, полнотой жизненных сил, наконец, прочно завоёвывает сердце читателя, заставляя поблукнуть и отступить в тень добродетельных Кити и Долли" [175, 90].

"Не мерками "разума", познания и прогресса, а способностью жить "для души" измерял Толстой цену жизни, своё представление о счастье. В присутствии Чехова он признался как-то: "Халиф Абдурахман имел в жизни четырнадцать счастливых дней, а я, наверное, не имел столько. И всё оттого, что никогда не жил – не умею жить – для себя, для души, а живу напоказ, для людей"² [175, 120].

"Наделённый от природы крепким здоровьем, необычайной энергией и творческим гением, Толстой испытал, кажется, всё доступное человеку: он воевал и учительствовал, пахал землю и издавал книги, знал счастье большой семьи и радость творческого труда, встречался с многими замечательными людьми своего века, пережил религиозные и философские искания и заслужил, наконец, ещё при жизни всемирную славу и поклонение современников. Одна эта жизнь по своей полноте, разнообразию словно вместила в себя жизни многих людей.

Но не только это имел в виду Чехов. "Работать для науки и для общих идей, – писал он в 1901 году одному из своих корреспондентов, – это-то и есть личное счастье. Не "в этом", а "это" (XIX, 112). Толстой для Чехова был человеком, посвятившим жизнь свою работе для "общих идей" и служению людям" [175, 121]. "Но вот проходят годы, уезжает разобиженный мужиками инженер, его дача уже принадлежит другому, а мост, точно независимо от всего и от всех, занимает своё место в жизни" [175, 135].

"Чехову ненавистна мораль, которая изолирует человека от духовной жизни и повелевает только: "вы должны иметь приличных, хорошо одетых детей, а ваши дети должны тоже иметь хорошую квартиру и детей, а их дети тоже детей и хорошие квартиры, а для чего это – чёрт его знает" (из записной книжки, XII, 278) [175, 138]. "В своей автобиографии, написанной

² М.Горький. Собр. соч в 30 тт., т.14. С.282.

для Г.И.Россолимо, Чехов говорит: "К беллетристам, относящимся к науке отрицательно, я не принадлежу; и к тем, которые до всего доходят своим умом, не хотел бы принадлежать" (XVIII, 242) [175, 138].

"Мотив духовных поисков не ослабевает в творчестве писателя вплоть до 900-х годов, отзвываясь в "Трёх сёстрах" словами любимой чеховской героини – Маши: "Мне кажется, человек должен быть верующим, или должен искать веры, иначе жизнь его пуста, пуста...". Это убеждение разделяет и сам писатель, но путь поисков веры превращается у него на деле в отвержение одной за другой тех вер, в которых он временами надеется найти зыскуемую правду". [175, 142].

"Радостная, восторженная, счастливая от переполняющих её молодых сил Ирина говорит Чебутыкину в первом действии "Трёх сестёр": "Милый Иван Романыч, я знаю всё. Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги. Как хорошо быть рабочим, который встаёт чуть свет и бьёт на улице камни, или пастухом, или учителем, который учит детей, или машинистом на железной дороге...". Праздность невыносима Ирине, и мы с сочувствием внимаем её мечтам. Но было бы ошибкой думать, что слова Ирины и есть убеждение Чехова. Его прелестная юная героиня ошибается, думая, что в самом деле "знает всё". Ирина поступает служить на телеграф, но эта работа не приносит ей радости и удовлетворения: "Чего я так хотела, о чём мечтала, того-то в ней именно и нет. Труд без поэзии, без мыслей...".

Герои Чехова приходят к выводу: "надо жить", "надо работать", надо терпеть, смирившись с тем, что жизнь и труд не приносят счастья. Но может ли быть прекрасна жизнь, когда труд превращается лишь в долг, в необходимость, не сливающуюся с желаниями человека, не высвобождающую всех его сил?

Безрадостна и уныла жизнь Марьи Васильевны ("На подводе"), которая пошла в учительницы из нужды, не чувствуя никакого призвания" [175, 144].

"В воображении любимых чеховских героев рождаются смелые картины бодрой, разумной жизни на земле. "Представьте, что все мы, богатые и бедные, – мечтает художник в "Доме с мезонином", – работаем только три часа в день, а остальное время у нас свободно. Представьте ещё, что мы, чтобы ещё менее зависеть от своего тела и менее трудиться, изобретаем машины, заменяющие труд... Все мы сообща отдаём этот досуг наукам и искусствам. Как иногда мужики миром починаят дорогу, так и все мы сообща, миром, искали бы правды и смысла жизни, и – я уверен в этом – правда была бы открыта очень скоро..." [175, 145].

"Толстой всегда стремится брать истину жизни не в том или ином её преломлении, отражении, пусть даже его верность кажется общепризнанной, а из первых рук – от природы и от жизни. "Ум, который я имею и который люблю в других, – замечал Толстой в записной книжке, – тот, когда

человек не верит ни одной теории; проводя их дальше, разрушает каждую и, не доканчивая, строит новые" (т.47, 212). Толстой больше всего дорожил самостоятельностью открытия правды жизни, и оттого мир его художественных образов, сам его подход к людям так нов и самобытен" [175, 151].

"Если хочешь стать оптимистом и понять жизнь, то перестань верить тому, что говорят и пишут, а наблюдай сам и вникай", – заметил Чехов в записной книжке, прямо переключаясь в этом своём убеждении с Толстым (XII, 250)" [175, 154]. "... характерный для Чехова сюжет в записной книжке: "Когда живёшь дома, в покое, то жизнь кажется обыкновенною, но едва вышел на улицу и стал наблюдать, расспрашивать, например, женщин, то жизнь – ужасна. Окрестности Патриарших прудов на вид тихи и мирны, но на самом деле жизнь в них – ад" (XII, 252) [175, 154].

"Чехов не зарекается изображать деревенскую жизнь, его чем-то влечёт к себе и угасающая поэзия усадебного быта, но чаще он ведёт нас в студенческие "меблирашки", обывательские квартиры, аптеки, суды, банки, больницы" [175, 156]. "Чехову тоже не раз приходилось высказываться на тот счёт, что о Сократе писать легче, нежели о кухарке или барышне. Чехов советовал брать сюжетом "жизнь ровную, гладкую, обыкновенную, какова она есть на самом деле..." (XIV, 110). А писатель Потапенко вспоминал и такие слова Чехова: "Никаких сюжетов не нужно. В жизни нет сюжетов, в ней всё перемешано – глубокое с мелким, величавое с ничтожным, трагическое с смешным" [175, 158].

"Человек сознаёт, что живёт в обществе, его начинают интересовать проблемы жизни вообще, жизни в её философском смысле, цели бытия, общего социального устройства – государства, власти, права" [175, 159]. "Когда в чеховском "Доме с мезонином" читаешь споры художника с Лидой Волчаниновой о смысле жизни, об отношении к народу, чувствуешь самое близкое родство этих страниц с размышлениями Левина или спором Безухова и Болконского в Богучарове" [175, 159].

"Маленький человек" вызывал самое живое сострадание и сожаление писателей, но он был лишён права на самостоятельную духовную жизнь, она была у него крайне примитивна" [175, 160]. "Вопросы смысла и цели жизни, социальной справедливости стали интересовать самых как будто "обыкновенных" людей" [175, 160].

"Толстой – самый "автобиографический" писатель, какого можно себе представить. В творчестве он вторично пережил свою собственную жизнь" [175, 162]. Чехов Суворину. "Но вы смешиваете два понятия: решение вопроса и правильная постановка вопроса. Только второе обязательно для художника" (XIV, 208) [175, 166]. "С разных концов Чехов и Толстой подошли к важнейшему открытию в реалистическом искусстве: изображению жизни в сложном переплёте связей индивидуального сознания, психологии

личности с широким социальным миром, с вопросами, касающимися массовых настроений и массовой психологии" [175, 166].

"Да, истинное произведение искусства, как сама жизнь, можно рассматривать под бесчисленными углами зрения, – это верно и по отношению к толстовскому творчеству" [175, 167]. "Стремление "сопрягать всё", рассматривать жизнь в её связях, движении, "сцеплении" оплодотворило творческую мысль Толстого, дало его искусству в целом (а не одному лишь психологическому анализу) свойства *художественной диалектики* в самом глубоком и полном смысле слова" [175, 169].

"... сам художественный принцип "диалектики души" говорил о том, что сложная духовная жизнь, ищущая мысль, беспокойное нравственное чувство были не менее дороги Толстому, чем естественность, простота, "натуральность".

Пусть поначалу это определение покажется слишком общим, но *жизнь и мысль*, – жизнь естественная, живая и мысль органическая, нераздельная с нравственным чувством – вот два основных для Толстого объекта изображения, две ипостаси той правды, которую писатель считал для себя высшим законом творчества.

Но разве Пушкин, Лермонтов или Тургенев изображают не жизнь, а нечто другое? Разве Онегин, Печорин, Рудин не мыслят, не чувствуют, как толстовские герои?

Да, разумеется, все писатели-реалисты изображают жизнь в тех или иных эпизодах, сценах, в судьбах людей. Толстого же интересует сам процесс жизни, её естественный ход, её безграничное стихийное богатство, поистине всё, чем жив человек от рождения до смерти. Жизнь как недолгий срок, отмеренный всякому человеку, и жизнь как бесконечное сплетение людских судеб, условий бытия во времена войны и мира, молодости, зрелости и старости, в частной жизни и в жизни общей, "роевой", – таков не только предмет изображения Толстого, но словно бы и критерий его художественной правды" [175, 170].

"Живая жизнь" и "диалектика души", непосредственное чувство и ищущая мысль должны быть поняты в их сцеплении, сопряжении, единстве" [175, 171].

"Толстой любит говорить о "силе жизни", "требованиях жизни", существующих словно бы независимо от сознания, таящихся в каждом живом существе и помогающих превозмочь любую боль, любые испытания, выпавшие на долю человека" [175, 173]. "Рана душевная, как и физическая, – пишет Толстой, – заживает только изнутри выпирающей силой жизни. Так же зажила рана Наташи. Она думала, что жизнь её кончена. Но вдруг любовь к матери показала ей, что сущность её жизни – любовь – ещё жива в ней. Проснулась любовь, и проснулась жизнь" [175, 173]. "Натура", инстинкт, жизнь во всех

случаях ведут человека по правильному пути" [175, 174]. "Нравственность хороша и полноценна тогда, когда жизнь бьёт ключом" [175, 176].

"Жизнь для Толстого потому и несёт в себе радость, что она состоит в постоянном движении, обновлении, смене форм. В сословном же, классовом обществе, и особенно в светском, дворянском кругу, живое движение сдерживается окостеневшими формами, правилами, условиями. "В числе бесчисленных подразделений, которые можно сделать в явлениях жизни, – объясняет Толстой в "Войне и мире", – можно подразделить их на такие, в которых преобладает содержание, другие – в которых преобладает форма. К числу таковых, в противоположность деревенской, земской, губернской, даже московской жизни, можно отнести жизнь петербургскую, в особенности салонную. Эта жизнь неизменна" [175, 178].

"Ведь если ты понимаешь, как неизмеримо богата, противоречива и многолика жизнь, то вряд ли будешь излишне самонадеян. Налёт механичности, автоматизма, лежащий на всей светской жизни (в этом выразительность образа салона Шерер – прядильной мастерской), поддерживается самоуверенностью как чертой общественной психологии" [175, 180].

"Неподлинная, фальшивая, построенная на выхолощенной форме, жизнь светского и бюрократического круга враждебна не только народу в целом, но и любым проявлениям непосредственной "живой жизни" в каждом отдельном человеке" [175, 182]. "Жизнь внешняя, жизнь по принятым условиям и обычаям вовлекает людей в свой поток, не даёт им оглянуться, лишает своей воли и мысли, подчиняет себе" [175, 182].

"Что дурно? Что хорошо? Что надо любить, что ненавидеть? Для чего жить, и что такое я? Что такое жизнь, что смерть? Какая сила управляет всем?" – эти вопросы, которые сверлят мозг Пьера на постоялом дворе в Торжке, по существу, лишь в разных формах всё время заново возникают в сознании любимых толстовских героев – Болконского, Безухова, Левина, Нехлюдова. Для них, как и для самого автора, вопросы эти не отвлечённое лобомудрие и не "забава", а дело жизни. Не решив их, нельзя жить дальше" [175, 185].

"А жизнь, вечно изменяющаяся и подвижная, поворачиваясь к человеку то одной, то другой своей стороной, вновь и вновь побуждает мысль к решению больших, существенных вопросов" [175, 186]. "Жизнь – чувство – мысль – это замкнутая цепь, и стоит выкинуть одно, как нарушается органическое движение" [175, 188-9].

"Толстому хотелось захватить русскую жизнь начала века в такой широте связей, обстоятельств и противоречий, что соображения единства действия, завязки и развязки отступали в тень, становились просто ненужными" [175, 207]. "Семья, любовь, война, охота, азартная игра, дуэли, придворные балы и деревенские святки, обеды, рауты, опера, усадебный быт, сражения, отступления и биваки, дипломатические салоны и крестьянская

сходка, покои императоров и солдатские костры, масонские ложи и купеческие лабазы – таков эпический размах "Войны и мира", дающий представление о целой полосе русской жизни" [175, 208].

"Всё, чем пользуется человек для внешней жизни, – писал Гегель, – дом, двор, шатёр, кресло, кровать, меч и копьё, корабль, на котором он пересекает моря, повозки, на которых он едет сражаться, то, что он себе варит и жарит, бойни, еда и питьё – всё это не должно быть для человека мёртвым средством, но он всем своим помышлением и существом должен во всём этом чувствовать себя живым..."³ [175, 211].

"Толстой тоже отдаёт дань обстоятельности описаний быта, в котором он находит поэзию, но несравненно важнее для него эпическая широта связей, противоречий и взаимодействий людей в непрерывном процессе жизни. Автор "Войны и мира" стремится изобразить жизнь в многообразии мотивировок, углов зрения, поворотов, сочленений, в бесчисленных "сцеплениях" людей друг с другом, от самых интимных, личных, семейных, домашних и до широких, исторических, общенародных. В этом главное свойство толстовского эпического таланта" [175, 211].

"Есть две стороны жизни в каждом человеке, – писал Толстой, – жизнь личная, которая тем более свободна, чем отвлечённее её интересы, и жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы. Человек сознательно живёт для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических, общечеловеческих целей" [175, 212].

"Только что вступивший в более сложные, разветвлённые и богатые связи с миром, человек новой эпохи сознаёт, что он в плену у государственных, общественных, правовых и прочих условий, "норм" жизни" [175, 223].

"Героев и героинь Толстого читателю особенно легко принимать в свою душу, понимать их, сочувствовать им, потому что автор показывает не только их внешнюю, обозримую со стороны жизнь, их речи и поступки, но и все мысли и чувства "про себя" и "для себя" [175, 234].

"Если внимательно, непредвзято перечитать эпилог "Войны и мира", мы увидим, что в своеобразной форме здесь определены некоторые законы, которые служат Толстому подспорьем в понимании жизни и задач искусства" [175, 239]. "Конечно, всякий писатель-реалист видит жизнь в её связях, движении, противоречиях, – без этого не может быть искусства" [175, 240]. "Толстой с его девизом "сопрягать всё" хочет, чтобы в его книгах читатели узнавали реальную жизнь в её естественном богатстве, в сложных взаимосвязях внешнего и внутреннего мира, в непрерывности движения и т.п." [175, 240-1]. "Какое многолюдство! Всё это говорит, движется, живёт своей

³ Гегель. Соч., т. XIV. С.238.

жизнью, и каждого отличает своё настроение, свои сложные отношения с окружающими..." [175, 242].

"Если судьбы "частных людей", таких, как Андрей и Пьер, Толстой воспринимал и как слагающие силы истории, то исторические фигуры он сводил с традиционного пьедестала, возвращал в реальную жизнь, показывал в обыденном быту, где интересы минуты, личные слабости, пристрастия и привычки заслоняют интересы "вечности" [175, 243]. "Для историка, – объясняет Толстой, – в смысле содействия, оказанного лицом какой-нибудь одной цели, есть герои; для художника в смысле ответственности этого лица всем сторонам жизни, не может и не должно быть героев, а должны быть люди..." (т.16, 9) [175, 242].

"Жизнь представляется Толстому бесконечной цепью событий, одним своим концом уходящей в прошлое, другим теряющейся в будущем. И потому ему всегда так трудно бывает заключить действие своих романов в узкое русло строго последовательных эпизодов с завершающейся все развязкой" [175, 256-7]. "Каждый момент жизни единствен, неповторим, и потому навязчивая симметрия, "сведение концов" в сюжете, отбрасывает, как кажется Толстому, тень недоверия к внутренней логике жизни, идущей вечно новым путём через всевозможные случайности" [175, 258].

"Всякий человек внешне связан крепче всего со своим ближайшим окружением, условиями быта, "атмосферой" момента, со всем тем, что может казаться автономной принадлежностью личного "малого мира". Но взгляните, и вы увидите, как отдельного человека – "песчинку" – вместе с другими людьми несёт могучий поток жизни и истории.

Все в жизни подчиняется закону незаметного изменения, обновления. До поры до времени перемены неощутимы, не видны, но вдруг они бросаются в глаза, вполне обнаружат себя" [175, 258].

"Самые случайные, незначительные для постороннего взгляда мелочи могут играть громадную роль в духовных переменах. Признание непрерывности движения, в частности движения внутренней жизни, привело Толстого к открытию этого психологического закона" [175, 261]. "Ядро" душевной жизни человека – это стремление к правде, к справедливости, пробивающее себе путь сквозь инерцию жизни, обычаи среды, настроения минуты" [175, 263-4].

"Читатель Толстого всегда помнит о непрерывности движения жизни и сознания, о бесчисленности связей и отношений действительности, но более всего его внимание захвачено сопряжением в характерах, сценах, картинах противоречий, обнажающих истину" [175, 271]. "Толстой старается рисовать жизнь, как он её видит, – в её сложности, движении, противоречиях, а её вековой диалектике" [175, 277]. "Глубина и острота восприятия противоречий жизни, её связей, движения, утончённость анализа духовной жизни героев – всё это сделало Толстого знаменем реализма конца XIX века" [175, 277].

"Но умение черпать художественную правду в бескрайнем море жизни, не упрощая и не сглаживая её сложностей, желание в самом трезвом изображении жизни "как она есть" найти идеалы совершенствования и обновления человека сблизило Чехова с Толстым" [175, 277-8]. "У Чехова нет такой целостности, завершённой концепции жизни" [175, 278]. "И тем не менее различие очевидно. Чехова интересует не столько человеческая жизнь в целом, с её радостями и скорбями, жизнь как выражение вечных законов бытия, сколько характерные черты и настроения его современников" [175, 279].

"То, что у автора "Войны и мира" мы с полным правом называли "жизнью", у Чехова скорее должно именоваться сухим и прозаическим словом "действительность" [175, 280]. "Власть, закон, всемогущество формы и буквы придавили и опутали личность человека, оставили ничтожно мало возможностей для свободной жизнедеятельности. В России конца века, где мирно уживались грубое, "азиатское" насилие и новейший бюрократизм, омертвевшие формальные нормы всё грознее наступали на живую жизнь" [175, 280].

"Сентенциям Беликова вторит самодовольный и недалёкий Кулыгин в "Трёх сёстрах", повторяющий как заповедь слова своего директора: "Главное во всякой жизни – это её форма... Что теряет свою форму, то кончается" [175, 281]. "В его рассказах и пьесах мы чувствуем постоянно тревожащую писателя боль за жизнь, тонущую в мелочах и пустяках, растраченную без смысла и цели, оставляющую человека перед горьким итогом" [175, 283].

"Чехов как никто умел изобразить ужас обыденщины, незаметно съедающей жизнь человека, вдруг оставляющей его один на один со старостью или смертью.

Горький верно замечал, что Чеховым написано много "маленьких комедий о людях, проглядевших жизнь". Одни проглядели жизнь в бессмысленном накопительстве, в одержимости "своим крыжовником", другие, как дядя Ваня, в поклонении идолу авторитета, третьи, как герои рассказа "О любви", – в рабстве у ходячей морали, четвёртые, как профессор из "Скучной истории", – в своём учёном затворничестве. Все они не увидели, не узнали "живой жизни" – в полноте человеческого счастья, в осмысленном свободном труде, в духовной деятельности, объединяющей людей и помогающей им жить" [175, 283].

"Ложь и противоестественность общественного устройства накладывают несмыслаемую печать и на частную жизнь людей, на личное бытие" [175, 284]. Никто не знает и не узнает всё – и долгой самонадеянностью! Как в природе, так и в жизни, нет законченности и завершённости, правда и смысл жизни никогда не будут раз и навсегда открыты и закрыты окончательно. И у нас нет более или менее определённых и чётких взглядов, концепции жизни. И всё же почему люди в целом так неосмотрительны и духовно вялы, слабо

разбираясь, проживаем и кончаем свои жизни? Разбудить бы в себе интерес, став как-то более внимательным к своей классике!

"В "Крыжовнике" Чехов даёт картину целого города, точно вымершего, поражённого нравственным мором, потонувшего в обыденщине: "Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, враньё... Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; из пятидесяти тысяч, живущих в городе, ни одного, который бы вскрикнул, громко возмущился. Мы видим тех, которые ходят на рынок за провизией, днём едят, ночью спят, которые говорят свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащат на кладбище своих покойников; но мы не видим и не слышим тех, которые страдают, и то, что страшно в жизни, происходит где-то за кулисами". Чехов и проводит читателя "за кулисы", чтобы поразить его зрелищем пустоты, застоя, несправедливости и мелкой лжи, какими изо дня в день живут люди" [175, 284-5].

"Жизнь между тем, – писал он (Толстой. В.Л.), – настоящая жизнь людей, с своими существенными интересами мысли, науки, поэзии, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей, шла, как и всегда, независимо и вне политической близости или вражды с Наполеоном Бонапарте, и вне всех возможных преобразований" [175, 285].

"Толстовский Оленин ещё мог восхищаться и завидовать наивности и цельности казаков: "... люди живут, как живёт природа: умирают, рождаются, совокупляются, опять рождаются, дерутся, пьют, едят, радуются и опять умирают, и никаких условий, исключая тех неизменных, которые положила природа солнцу, траве, зверю, дереву. Других законов у них нет...". Чеховский герой Андрей Прозоров в "Трёх сёстрах" скажет о простой, "растительной" жизни уже с ненавистью и презрением: "Только едят, пьют, спят, потом умирают ... рождаются другие и тоже едят, пьют, спят, и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами..." [175, 285-6].

"Толстой не только вздыхал о прошлом. Его герои могли быть ещё счастливы и в настоящем, вот в эту минуту жизни, счастьем патриотического народного подъёма, воинской доблести или счастьем любви, семьи, домашнего быта" [175, 286]. "Любовь, брак, дети, болезнь, рождение, смерть – всё это вещи обычные в человеческой жизни, если глядеть на них со стороны, и это же самые необыкновенные и исключительные события в каждой личной судьбе" [175, 286]. "В "Войне и мире" и "Анне Карениной" быт совсем не был враждебен героям, он был естественной частью их жизни, согревал и создавал уют, радость дома, семейного очага, человеческих привязанностей" [175, 287].

"Быт враждебен "живой жизни", потому что вместо постоянного движения, обновления он создаёт повторяющееся однообразие замкнутого круга" [175, 289]. "Поцелуй": "Вода бежала неизвестно куда и зачем. Бежала

она таким образом и в мае; из речки в мае месяце она влилась в большую реку, из реки в море, потом испарилась, обратилась в дождь, и, быть может, она, та же самая вода, опять бежит теперь перед глазами Рябовича... К чему? Зачем? И весь мир, вся жизнь показались Рябовичу непонятной, бесцельной шуткой..." [175, 289].

"Человек цитаты, Лаевский знаком с дуэлью лишь в той мере, "как описано у Лермонтова" [175, 292]. "Лодку бросает вперёд, – думает Лаевский в повести "Дуэль", – делает она два шага вперёд и шаг назад, но гребцы упрямы, машут неутомимо вёслами и не боятся высоких волн... Так и в жизни... В поисках за правдой люди делают два шага вперёд, шаг назад. Страдания, ошибки и скука жизни бросают их назад, но жажда правды и упрямая воля гонят вперёд и вперёд" [175, 294].

"Писателю ненавистен фальшивый лексикон либерального доктринерства. "...Идейность, идеалы, цель жизни, принципы... Эти слова вы говорили всегда, когда хотели кого-нибудь унижить, обидеть или сказать неприятность", – говорит героиня рассказа "Жена" своему мужу..." [175, 294-5]. "Но жизнь с её бесконечным разнообразием трудно подчинить прямолинейным формулам" [175, 295].

"Герои Чехова, питающиеся крохами заемной мудрости, обывательской философии или узкими политическими доктринами, вроде культурничества, ходового либерализма, равно не понимают жизни, идут с ней в разлад. Единственное прибежище подлинно живой мысли у Чехова – это мечта о будущем, о прекрасной жизни, которая настанет на земле через "сто – двести лет".

Чеховских героев, как барона Тузенбаха, "кашей не корми, только дай им пофилософствовать", поспорить о смысле жизни. Эти рассуждения и споры никогда не приводят, как у Толстого, к открытию простых и "вечных" истин, которые могут быть использованы сейчас же, должны служить непосредственным руководством к жизни. Философия чеховских героев мало что даёт для настоящего, но всякая живая и беспокойная мысль находит себе выход в обращении к будущему" [175, 300].

"Истинная "живая мысль" и "живая жизнь" будут возможны только в будущем. Об этом мечтает художник в "Доме с мезонином", когда говорит: "Призвание всякого человека в духовной деятельности – в постоянном искании правды и смысла жизни". Высочайший расцвет науки и искусства в будущем должен сделать каждого из людей вдохновенным мыслителем и поэтом" [175, 301]. Точно о своих героях сказал Чехов в "Рассказе госпожи NN": "Нет такой стены, которой нельзя было бы пробить, но герои современного романа, насколько я их знаю, слишком робки, вялы, ленивы и мнительны и слишком скоро мирятся с мыслью о том, что они неудачники, что личная жизнь обманула их; вместо того, чтобы бороться, они лишь крити-

куют, называя свет пошлым и забывая, что сама их критика мало-помалу переходит в пошлость" [175, 301-2].

"Чехов, подобно Толстому, нередко берёт героя в тот момент, когда вопросы смысла и цели бытия становятся для него глубоко личными, кровными, неотвратимыми" [175, 306]. В газетной редакции рассказа "Тяжёлые люди" Чехов писал: "Бывают в жизни отдельных людей несчастья, например, смерть близкого, суд, тяжёлая болезнь, которая резко, почти органически изменяет в человеке характер, привычки и даже мировоззрение" (V, 482) [175, 306]. "Гробовщик Яков Бронза в "Скрипке Ротшильда", всю жизнь тревожившийся лишь об убытках, вечно находившийся в дурном расположении духа, никогда не пригревший и не приласкавший никого, задумывается перед смертью: "...зачем на свете такой странный порядок, что жизнь, которая даётся человеку только один раз, проходит без пользы?" [175, 306].

"Герой одного из последних и прекраснейших рассказов Чехова "Архиерей", умирая, передумывает всю свою жизнь, сознаёт, что он достиг всего, что было доступно в его положении, но всё-таки чувствует на дне души неисповедимую горечь: "...всё ещё казалось, что нет у него чего-то самого важного, о чём смутно мечталось когда-то, и в настоящем волнует все та же надежда на будущее, какая была в детстве, и в академии, и за границей". Подобно героям Толстого, чеховские герои сознают, что жили они неразумно, ложно, что во всём их пребывании на земле не было какого-то высшего оправдания и цели" [175, 306-7].

Толстой. "Он знал, что уравнять всех избытком материальных благ и возможностями для расцвета духовной жизни слишком трудно, и решил уравнять их недостатком, сознательным самоограничением" [175, 308].

"Палата № 6": "Свободное и глубокое мышление, которое стремится к уразумению жизни, и полное презрение к глупой суете мира, – вот два блага, выше которых никогда не знал человек" [175, 309]. "Но жизнь ради жизни – теория тоже малопривлекательная, и она не подходит Чехову" [175, 309]. "Многие его (чеховские. В.Л.) герои захвачены жадной жизнью, простой радости бытия – и все же стоицизма, сознания долга перед будущим у Чехова больше, чем эпикурейства" [175, 309]. "Жить для будущего? жертвовать ему настоящим? терпеть? – но ведь жизнь единственна и скоротечна... Жить для настоящего? – да не пошлость ли это?" [175, 310].

"...а он понял её, как никто не мог понять, пожалел и ещё общий взгляд бросил на всех таких учительниц, изо дня в день несущих ношу своего нелёгкого труда в уездном захолустье, на сотни и тысячи таких жизней" [175, 322]. "Чехов воспринял у Толстого его принцип неизменной координации "телесного" и психологического тем охотнее, что к этому поощряло его "знакомство с медицинскими науками", решающее значение которых для себя как для художника он подчеркнул в автобиографии" [175, 345-6].

"Чеховские герои-интеллигенты живут внутренней жизнью сложной, иногда трагичной, но почти всегда замкнутой, лишённой волевого, деятельного начала" [175, 351].

"Толстой знал, что каждый личный, индивидуальный взгляд, неизбежно односторонен, что это лишь одна краска спектра. Он собирал взгляды-лучи, идущие от разных людей, воедино и создавал впечатление многокрасочной объёмной панорамы жизни" [175, 366]. С полной внешней объективностью сопоставив сцены жизни, схваченные сквозь призму восприятия разных лиц, Толстой оставляет за собой право на решительное авторское, публицистическое толкование, будь то философско-исторические отступления в "Войне и мире" или обличительные филиппики в "Воскресении" [175, 369].

"Чехов любит жанр рассказа-монолога, исповеди, повести от первого лица, когда герой рассказывает о своей жизни, освещая всё своим взглядом на вещи ("Скучная история", "Моя жизнь", "Жена", "Дом с мезонином" и др.)" [175, 370]. "Чехов обычно рисует жизнь через призму одного или немногих героев, как бы доверяя им свои лирические интонации, но сохраняя в то же время возможность суда "со стороны" над своими лицами" [216, 371]. "Многочисленные и разнородные "личные" восприятия в своей совокупности создавали в романах Толстого впечатление живой жизни, объективности изображения" [175, 371].

"Не отдельно в зримой "натуральности", верности жизни до мелочей и не отдельно в лирическом психологизме своеобразие Чехова-художника, а в сближении и сопоставлении этих двух углов зрения, в умении лично, человечески, не описательно, а через индивидуальные ощущения запечатлеть быт, природу, характер" [175, 374]. Автор захватывает душу сразу с двух сторон – полнейшей естественностью, правдивостью воспроизведения жизни и своей мыслью, насыщенностью духовной жизни, лирикой, позволяющей подняться над обыденщиной" [175, 375].

"Толстому должен был быть особенно близок чеховский лаконизм, краткость в ту пору, когда сам он работал над такими образцами художественной сжатости, как "Ягоды", "Корней Васильев" и особенно "Алёша Горшок". Здесь Толстой, мастер эпических полотен, доказал своё умение рассказать о целой человеческой жизни на двух-трёх страницах" [175, 376]. "Чувство неудовлетворённости театральной условностью, желание сблизить сцену с жизнью было знакомо и Толстому, особенно в последние годы творчества" [175, 393].

"Интересное рассуждение о сходстве "Живого трупа" и чеховских пьес мы найдём в оригинальном "Диалоге" театрального критика С. Волконского, воспользовавшегося для своей статьи формой гоголевского "Театрального разезда". "... Мы в жизни разве видим события? Мы видим только людей, – разговаривающих, закуривающих, смеющихся, плачущих людей.

И вот что удивительно в этой пьесе (всё же приходится говорить "пьеса", а то как же назвать), что даже слова не важны, не самое главное; важно не то, что они говорят, и не то, что они делают, – они ничего не делают, а важно то, что с ними происходит"⁴ [175, 382].

"В самом деле, жизнь дворянского гнезда среднерусской полосы, интеллигентных людей, которые "мыслят и чувствуют изящно", мечтают вырваться из "сонной одури" провинции, но страдают не меньше, чем от чужого произвола, от своего слабоволия и нерешительности, – трудно найти тему, более характерную для Чехова-драматурга" [175, 401].

"... Астров говорит: "Вообще жизнь люблю, но нашу жизнь уездную, русскую, обывательскую, терпеть не могу и презираю её всеми силами моей души" [175, 406]. "Астров хотел бы вырваться из-под власти будней обывательской жизни, которая "глупа, скучна, грязна" [175, 406]. "Чехов всегда на стороне тех, кто не удовлетворён жизнью, страдает от пошлости, мечтает о лучшем будущем" [175, 409]. "Он, этот человек, – писал о Чехове Горький, – видит перед собою жизнь такой, какова она есть – отдельные жизни, как нити, а все вместе – как огромный, страшно спутанный клубок"⁵ [175, 413].

"Жизнь и в самом деле сложна, отношения людей порой завязываются в тугой узел, но для доказательства лишь этого тезиса не стоило бы писать драму" [175, 422].

"Герои же "Дяди Вани" и "Живого трупа" – "не герои", они больше воспринимают жизнь, чем воздействуют на неё, больше страдают и переживают, чем пытаются сопротивляться" [175, 428]. "Войницкий после неудачной попытки "бунта" смиряется с тем, что жизнь его безвозвратно погибла, снова работает в имении, щёлкает на счётах в конторе, высылает деньги Серебрякову, живёт по инерции, как и жил" [175, 428].

"Немирович-Данченко писал, что Чехов "представлял себе людей только такими, как наблюдал их в жизни, и не мог их рисовать оторванными от того, что их окружало: от розового утра или сизых сумерек, от звуков, запахов, от дождя, от дрожащих ставней, лампы, печки, самовара, фортепьяно, гармоники, табака, сестры, зятя, тёщи, соседа, от песни, выпивки, от быта. От миллиона мелочей, которые делают жизнь тёплой"⁶ [175, 432].

"Чехову-драматургу претит всякая условность, искусственность, нарочитость. Ему надо, чтобы открывался занавес и началась жизнь: люди входили бы и уходили, говорили кстати и невпопад, ворчали, философствовали, пошвыстывали, шутили и, наконец, просто молчали. Поэтому, между прочим,

⁴ "Студия", 1911, №1. С.10.

⁵ М.Горький и А.Чехов. Переписка, статьи, высказывания. М., 1951. С.123.

⁶ Вл.И.Немирович-Данченко. Статьи, речи, беседы, письма. М., 1952. С.80.

действия у Чехова не разбиты на "явления", обычно отмечающие в драме выход на сцену нового лица и новую тему разговора" [175, 432].

"Оба – и Толстой, и Чехов – отрицают господствующие "нормы" жизни" [175, 436]. Протасов: "А уж быть председателем, сидеть в банке – так стыдно, так стыдно. И только, когда выпьешь, перестаёт быть стыдно. А музыка – не оперы и Бетховен, а цыгане... Это такая жизнь, энергия вливается в тебя. А тут ещё милые чёрные глаза и улыбка. И чем это увлекательнее, тем после ещё стыднее" [175, 447].

А.П. Чехов:

"Призвание всякого человека в духовной деятельности – в постоянном поиске правды и смысла жизни" [216, 193]. "Смысл жизни только в одном – в борьбе" [216, 212]. "Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги" [216, 219]. "Чем выше человек по умственному и нравственному развитию, тем он свободнее, тем большее удовольствие доставляет ему жизнь" [216, 222]. "Надо поставить свою жизнь в такие условия, чтобы труд был необходим. Без труда не может быть чистой и радостной жизни" [216, 352].

"Сколько чиновников около науки, театра и живописи! Тот, кому чужда жизнь, кто не способен к ней, тому ничего больше не осталось, как стать чиновником" [216, 450]. "Мы хлопочем, чтобы изменить жизнь, чтобы потомки были счастливыми, а потомки скажут по обыкновению: прежде лучше было, теперешняя жизнь хуже прежней" [216, 463]. "Не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молоды, сильны, добры, не уставайте делать добро! Счастья нет и не должно его быть, а если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чём-то более разумном и великом. Делайте добро!" [216, 493].

"Мусульманин для спасения души копает колодезь. Хорошо, если бы каждый из нас оставлял после себя школу, колодезь или что-нибудь вроде, чтобы жизнь не проходила и не уходила в вечность бесследно" [216, 500]. "Подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают. Их личности – это живые документы, указывающие обществу, что, кроме людей, ведущих спор об оптимизме и пессимизме, пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешёвые диссертации, развратничающих во имя отрицания жизни и лгущих ради куска хлеба, есть ещё люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно осознанной цели" [216, 536].

"Жизнь без определённого мировоззрения – не жизнь, а тягота, ужас" [216, 544]. "Жизнь страшна, но ещё страшнее было бы сознание, что будешь жить вечно и никогда не умрёшь" [216, 689]. "Нужны умные, образованные люди; по мере приближения человечества к лучшей жизни число этих людей

будет увеличиваться, пока они не составят большинства" [216, 869]. "Наука – самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека" [216, 873].

6

"Эка штука!"

"Поблескивая острыми глазами, Морозов негромко говорил: "Мышлю, значит – существую", это неверно! Или – этого мало. Мышление – процесс, замкнутый в себе самом, он может и не перейти вовне, в мир, оставаясь бесплодным и неведомым для людей. Мы не знаем, что такое мышление в таинственной сущности своей, не знаем – где его границы? Может быть, и тарелки мыслят, мыслит растение. Я говорю: работаю, значит – существую. Для меня вполне очевидно, что только работа обогащает, расширяет, организует мир и моё сознание..." [104, 500].

"Савва философствовал: "Всё-таки – не очень остроумно, что жизнь заканчивается процессом гниения. Нечистоплотно. Хотя гниение суть тоже горение, но я предпочёл бы взорваться, как динамитный патрон. Мысль о смерти не возбуждает у меня страха, а только брезгливое чувство, – момент погружения в смерть я представляю как падение в компостную яму. Последние минуты жизни должны быть наполнены ощущением засасывания тела какой-то липкой, едкой и удушливо-пахучей средой" [104, 512]. "Я замечал, что иногда он подчиняется настроению угрюмой неприязни к людям. "Девяносто девять человек живут только затем, чтоб убедить сотого: жизнь бессмысленна! – говорил он в такие дни" (Савва Морозов) [104, 512].

И вот ещё один подход, взгляд, мнение пессимиста. "Андрееву человек представлялся духовно нищим; сплетённый из непримиримых противоречий инстинкта и интеллекта, он навсегда лишён возможности достичь какой-либо внутренней гармонии. Все дела его – "суета сует", тлен и самообман. А главное, он – раб смерти и всю жизнь ходит на цепи её" (Леонид Андреев) [104, 326]. "Наука, брат, тоже мистика фактов: никто ничего не знает – вот истина. А вопросы – как я думаю и зачем я думаю, источник главнейшей муки людей, – это самая страшная истина!" (Леонид Андреев) [104, 328].

"Меня влекло к нему не простое любопытство и не желание состязаться с ним в силе ума, – меня крутил по земле вихрь сомнений, от которых сердце моё разрывалось на куски и леденел мозг, я ходил среди людей полуслепой, не понимая смысла их жизни, их страданий, почти до безумия изумлённый их глупостью и жестокостью, измятый своим бессилием, не находя нигде ответов на острые вопросы, а они резали душу мне" (Из воспоминаний <Иоанн Кронштадский>) [104, 453-4].

Жизнь и смерть связаны в чём-то: изойдёт дух – умрёт временная жизнь. Будучи частью вечности, жизнь примыкает к смерти. Та громадней, величественней и мистичней, по всем статьям даст фору.

"Ничего не надо сдерживать, пусть всё разрушается. Может быть, истинный смысл жизни именно в разрушении чего-то, чего мы не знаем; или – всего, что придумано и сделано нами" (Леонид Андреев) [104, 331]. Именно смерть ведёт к полному разрушению и исчезновению. Нельзя говорить о жизни и объяснить её, не касаясь и избегая речи о смерти. Одно не просто с другим связано. Смерть больше, чем только конец жизни – исход, возвращение. Жизнь как вращение, круговорот, разве возможно помимо или вне, обходя уничтожение. Без нет не понять да, как и не бывает начала без конца.

Философию смерти связывают с философией жизни. Первое даже глубже. Жизнь после смерти продолжается в царстве теней, египетские пирамиды утверждают это. "Я знаю, что бог и дьявол только символы, но мне кажется, что вся жизнь людей, весь её смысл в том, чтобы бесконечно, беспредельно расширять эти символы, питая их кровью и плотью мира. А возложив все до конца силы свои в эти две противоположности, человечество исчезнет, они же станут плотскими реальностями и останутся жить в пустоте вселенной глаз на глаз друг с другом, непобедимые, бессмертные. В этом нет смысла? Но его нигде, ни в чём нет" (Леонид Андреев) [104, 353].

"У меня нет иных оснований верить в победу над смертью, у меня только одно основание – вот, умирает человек, и это так просто, так ненужно. А он, как будто уловив мои думы о боге и смерти, говорит, закатив глаза, бредовым голосом: "Чудес – нет... Сказки – по эту сторону. По ту – ничего нет... очевидно. Я ожидал чего-то. Я спрашиваю сам себя... До рождения – не было, и по смерти – нет. Я жалею?" (Из воспоминаний) [104, 396]. Так бредил при смерти старик, знакомый Горького, "один из тех людей, которые всю жизнь ищут применения своим недюжинным силам и умирают, не успев израсходовать себя" [104, 394], он не признавал философии.

Все цитаты следует сложить в умный ряд, чтобы связать некий смысл. Похоже, что все писатели, делая своё дело, задеты-таки солнечным ударом осмысления истины. И каждый сочинитель по-своему улавливает всеобщий источник жизни, раскладывая его свет на составные части и фракции. Каждый человек – стиль – по-своему мудрствует. Кто скажет прямо, кто оговорится, о своём божестве, о религиозном прозрении, или интуиции, относительно нашего присутствия на Земле, как и об избранной им роли. Вдумываясь в то, что другие поняли и представили, придётся самому ещё доложить и вклеить в текст кое-какие свои мысли по этому поводу.

Что есть жизнь, какая она, чья, для чего жить, как надо жить? Здесь несколько слагаемых вопроса, по крайней мере, две части. Главного я не знаю, пока не определился, может, и не узнаю. Второе же – задачи и назначение своей жизни, себя, – если постараться и вникнуть в суть дела, то, вероятно, может быть как-то выявлено и сформулировано, хотя бы для себя. Что-то можно сказать о цели, о задачах, которые ставятся, разрабатываются

и формируются каким-то образом, преимущественно. Вообще-то их много и они для разных лиц самые разные. Кому что нравится, кому что хочется, кто что ищет, добывается, к чему стремится.

М.Горький писал, вспоминая свою жизнь: "Меня арестовали и посадили в одну из четырёх башен нижегородской тюрьмы. В круглой моей камере не было ничего интересного, кроме надписи, выцарапанной на двери, окованной железом. Надпись гласила: "Всё живое – из клетки". Я долго соображал – что хотел сказать человек этими словами? И, не зная, что это аксиома биологии, решил принять её как изречение юмориста" ("Время Короленко") [104, 172]. Курица из яйца, яйцо от курицы – замкнётся круг простого наблюдения. И философский вопрос: откуда, из какой "клетки" взялась жизнь? – остался открытым, нешуточно глубок и таинствен, не по зубам.

Что понимается под жизнью, в чём основа и сущность, назначение и предназначение, из чего состоит и складывается, откуда и от чего происходит, к чему идёт и стремится, насколько произвольно или целенаправленно? Что именно названо жизнью изначально и конечном счёте? Быть может, на самом деле она как бы дух, воплощенный в материи, и одушевлённая природа устроена сознательно. Одухотворённое тело кружит в необъятном потоке связей и отношений, осуществляясь вселенски и не вдруг существуя деятельно в пространстве. Вершина духа направлена и устремлена в высь творчества, изредка достигая пределов небывалого.

В речи слово "жизнь" употребляется обычно, машинально, не всегда при этом существенна вся полнота значимости его. С трудом объяснишь подлинное содержание словоупотребления, не раскрыв смысла сказанного. Вроде бы понимаем что-то, о чём речь, на самом же деле частенько наблюдается какая-то размытость со-мнений. В итоге случается так, что не достаёт отчётливости, если не полной, то должной ясности и глубины высказывания. Стоит захотеть, конечно, можно как-то догадываться и уславливаясь о том, что понимать под жизнью. Хотя тогда слишком затягивается трудный и путаный разговор и разбор.

Конечно, никого нельзя заставить думать. Впрочем, так же как и никому не запретишь ставить самому себе вопросы, размышляя про себя о великом чуде жизни, включаться в глубокие раздумья на общую тему, раз уж коснулось и трогает тебя. Хотя всё то, связанное с предметом твоей тревоги, несоизмеримо больше всех нас, вместе взятых, и уж, безусловно, выше способностей каждого в отдельности. И всё же словно бы хочется прозреть, угадав непостижимую тайну жизни, вечного двигателя, и пусть себе человек дерзает и старается, только бы осознать с самого начала, что задача определённо не разрешима до конца.

И наши подлинные чувства и переживания – тоже как бы некий план реальности, а рассказы и записи их – верхний этаж, уже ракурс надстроечный.

Это два сопредельных и отдельных ряда отражений, хотя не вполне самостоятельных и разрозненных, но преемственных, и одна с другой связанных частей жизни – впечатлений, настроений, отпечатков, природы и культуры. Чувствуется и мыслится (одно), говорится и пишется (другое), делается и обрабатывается (третье) – разные плоскости действительности, параллельные миры. В мышлении и литературе велико значение воображения, придумки органично впаяны в письмо и присущи искусству.

У человека особенная и неповторимая судьба, вместе с тем своё личное отношение к жизни, как и понимание смысла её, не только и не столько устройства быта и режима расходования сил. Каждый сам перед собой ставит задачи, определяет цели и средства их достижения. В расчёте и выполнении собственного плана жизни разные возможности и особенности. Как только люди не распоряжаются своей жизнью: одни плывут по ней, как по течению, другие яростно сопротивляются, добиваясь чего-то. Очень запутано всё многообразие межличностных, родственных и внутрисемейных отношений, и разный стиль жизнеустройства у разных лиц.

"Но чаще Изот сидит молча, думая о чём-то, и лишь порою говорит, вздохнув: "Да, вот оно как..." – Что? – "Это я про себя...". И снова вздыхает, глядя в мутные дали. – "Хорошо это – жизнь!". Я соглашаюсь: "Да, хорошо!" (Мои университеты) [104, 106].

Печальная зарисовка, характерный диалог, мычание и признание. Понятно ли, о чём вздохи? Просто человек доволен, что существует: он дышит, сидит, смотрит по сторонам, рядом напарник, такой же изгой, в кармане копеек двадцать на двоих, все накопления. Хоть радости мало, нет крова, ни работы, голодно. Зато так легко, вольный ветер, беззаботно, и что ещё нужно, такова жизнь, облака, тишина и благодать.

Почему трудно объять и объяснить жизнь, столько умов со всей страстью занимались этим делом, пытаюсь уловить в ней самое главное, чтобы устранить недостатки и усовершенствовать. Но нет, она хитроумна, не даётся, и никому не удастся с ней справиться. Видимо, всё же человеку не дано овладеть и владеть жизнью. Потому что слишком сложно устройство. И она не предмет для исследования, с целью усовершенствовать её основы. Кажется, люди слишком наивны или чего-то важного не знают. Чего же они хотят? Только материального благополучия для себя за счёт других, призывая остальных к совести и блюсти законы.

"Говорил он о том, что всякая разумная попытка объяснить явления жизни заслуживает внимания и уважения, но следует помнить, что "жизнь слагается из бесчисленных, странно спутанных кривых" и что "крайне трудно заключить её в квадраты логических построений" [104, 193]. "Жизнь моя шла путано и трудно. Я работал в складе пива, перекачивал в сыром подвале бочки с места на место, мыл и купорил бутылки. Это занимало весь

мой день. Поступил в контору водочного завода, но в первый же день службы на меня бросилась борзая собака управляющего завода, – я убил собаку ударом кулака по длинному черепу, и меня тотчас прогнали" ("Время Короленко") [104, 176].

"Он говорил со мной ласково и охотно о творческой силе любви, о том, что надо развивать в своей душе это чувство, единственно способное "связать человека с духом мира" – с любовью, распылённой повсюду в жизни. "Только этим можно связать человека! Не любя – невозможно понять жизнь. Те же, которые говорят: закон жизни – борьба, это – слепые души, обречённые на гибель. Огонь непобедим огнём, так и зло непобедимо силой зла!" (Мои университеты) [104, 76].

Мало ли кому что мнится, бросают мнения разные и невероятные, те напористы и назойливы, плодятся делением, сколько видов и проектов, многие противоположны, все спорны.

Жизнь такая разная и, в общем, отношении к ней всякое, когда у кого как: для одних она благо, для других же – ничего хорошего, не заслуживает доброго слова. Как видим, порой воспринимают и относятся к ней, словно к какому зловредному существу вне тебя, которое отличается порочным нравом, мешая жить, строя козни, вредит. Есть такие характеристики, с размытыми очертаниями, без определённого смысла. "Остановился и, почёсывая череп, спросил: "А – куда поедешь? Везде бывал. Да. Везде ездил, а только себя извездил". Плюнув, он добавил: "Ну – и жизнь, сволочь! Жил, жил, а – ничего не нашёл, ни душе, ни телу" (Мои университеты) [104, 81].

В тех или иных странах и континентах, и в разное историческое время, складывается всяко очень даже несхожая жизнь, обстановка. Своеобразие национальных культур, материальной и духовной жизни, теперь уже совершенно очевидно для многих. Разные племена и сообщества по-своему строят взаимоотношения, как между собой связи внутри сообщества, так и обращение с соседями и внешним миром. Важно было бы всем народам и нациям разобраться в основных ценностях бытия, определившись как-то и в этом сложном, подчас больном вопросе: как жить между собой у себя дома и как обходиться, выстраивая отношения, с остальными?

"На чтениях было скучно, хотелось уйти в Татарскую слободу, где живут какой-то особенной, чистоплотной жизнью добродушные, ласковые люди; они говорят смешно искажённым русским языком; по вечерам с высоких минаретов их зовут в мечети странные голоса муэдзинов, – мне думалось, что у татар вся жизнь построена иначе, незнакомо мне, не похоже на то, что я знаю и что не радует меня" (Мои университеты) [104, 26]. Национальные особенности культуры и жизнеустройства разнообразят мир и украшают племена. Наука этнография занимается изучением неповторимого своеобразия национальных культур и быта.

Помимо всего прочего, в жизни общественной скрываются весомые социальные аспекты уложения, вместе с идеологией и, прежде всего, в раскрытии роли классовых отношений и противоресов. Также ещё там обнаруживает себя громадная мощь и тяжесть системы политического устройства государственной власти. В свободном обществе, по сути, никогда не было, нет, никогда не будет, не может быть по определению никакого полного единодушия, во всём единомыслия и полной солидарности. Живые люди от рождения слишком разные по своим задаткам, возможностям и способностям. По природе они существенно отличаются друг от друга.

"– Прогресс – это выдуманно для самоутешения! Жизнь – неразумна, лишена смысла. Без рабства – нет прогресса, без подчинения большинства меньшинству – человечество остановится на путях своих. Желая облегчить нашу жизнь, наш труд, мы только усложняем её, увеличиваем труд. Фабрики и машины для того, чтоб делать ещё и ещё машины, это – глупо! Всё больше становится рабочих, а необходим только крестьянин, производитель хлеба. Хлеб – это всё, что надо взять трудом у природы. Чем меньше нужно человеку – тем более он счастлив, чем больше желаний – тем меньше свободы. <...> – Пойми, – каждому нужно не много: кусок хлеба и женщину..." (Мои университеты) [104, 45]. Вязь неудержимая, одно за другое цепляется.

"А за всем этим муж возлюбленной моей был добрый малый, несколько сентиментальный и комически обременённый "научным багажом". Он так и говорил: "Смысл жизни интеллигента – непрерывное накопление научного багажа в целях бескорыстного распределения его в толщах народной массы" (О первой любви) [104, 216]. Каждое сословие имеет свой смысл жизни, или, иначе говоря, своё общественное назначение. Однако долг и смысл – это вовсе не одно и то же. Очевидно смысл жизни, её предназначение, и больше, и таинственней, целостней, нежели профессиональный долг и добросовестное исполнение служебных обязанностей.

"– А.М., милый, ничего мне не надо, никуда всё это – академии, науки, аэропланы, – лишнее! Надобно только угол тихий и – бабу, чтоб я её целовал, когда хочу, а она мне честно – душой и телом – отвечала, – вот! Вы – по-интеллигентски рассуждаете, вы уже не наш, а – отравленный человек, для вас идея выше людешек, вы по-жидовски думаете: человек – для субботы?" (Мои университеты) [104, 46]. Вот частник, не общественник, не государственный. Узкий взгляд на жизнь, решительно, без доводов, опрощение как способ, даже и не классового, принятия условной истины, грубость, вульгарность, простонародность и предвзятость, наш – не наш.

"Необходима – справедливость! Когда она, накопляясь понемногу, маленькими искорками, образует большой огонь, он сожжёт всю ложь и грязь земли, и только тогда жизнь изменит свои тяжёлые, печальные формы. Упрямо, не щадя себя, никого и ничего не щадя, вносите в жизнь справедли-

вость, – вот как я думаю" ("Время Короленко") [104, 194]. Лучше было бы сказать: несите в себе справедливость, тем самым произвольно, может быть, хотя и слишком мало и медленно, где ты, там улучшилась клеточка жизни. Однако в целом весь организм по-прежнему всё же обречён остаться во всё более порочном и загнивающим состоянии.

Видимо, почти беспомощны нравоучения, тем не менее, проповедники добра и сеятели разумного утвердились на земле давно и прочно. "Леонид Антонович Сулержичский, человек исключительно одарённый, человек, родившийся "праздновать бытие". О нём необходимо рассказать, ибо его жизнь – яркое горение силы недюжинной, его история способна утвердить веру в творческую мощь городской демократии, мощь, которой так трудно развиваться и которая, развиваясь, обогащает среду, социально чуждую (Письма к читателям) [104, 471].

Пусть бы какие-то "статистики" рассчитали, как происходит размножение в обществе единиц и нулей, плюсов и минусов. В целом наблюдения за качеством людской массы не столь оптимистичны. Мир (в жизни отношения) не становится лучше, хотя мы даже не знаем, что такое здесь "лучше" или "хуже". Однако то, что сеют нам политики, – очевидно для нас, чаще всего бред, наглость и обман. И, вероятно, нужно было бы как-то решить проблему личной и общественной совести, с этим не справился пока никто, ни церковь, ни, тем более, государство, по самой природе своей бессовестное, как всякий жёсткий механизм и инородное тело.

Человек добивается цели, своей главной задачей установив преследование. В маниакальном устремлении много страсти, он связывает замысел с делом жизни. "Он третий год судился с какими-то родственниками, симбирскими купцами, и заявлял всем и каждому: "Жив быть не хочу, а – разорю их вдребезг! Нищими по миру пойдут, три года будут милостыней жить, – после того я им ворочу всё, что отсужу у них, всё отдам и спрошу: "Что, черти? То-то!" "Это – цель твоей жизни, Конь!" – спрашивали его. – Весь я, всей душой нацелился на это и больше ничего делать не могу" (Мои университеты) [104, 20]. Не все, конечно, столь злокозненно одержимы.

"– Но, видите ли, батя мой, – чем меньше трения в частях машины, тем лучше она работает. В жизни – наоборот: чем сильнее трение, тем быстрее идёт жизнь к своей цели, к большей разумности. Разумность же – это и есть справедливость, гармония интересов. Рассуждая последовательно – необходимо признать борьбу благим законом жизни. И тут полицейский прав: если жизнь – борьба, жалость – неуместна" (Сторож) [104, 158]. Вот так. И тоже распространённая в нашей среде точка зрения. Хочешь быть сильным и успешным, оставь предрассудки, будь всегда готов отстаивать собственные интересы в яростной борьбе с противниками и соперниками.

"Я и заглядывал всюду, не щадя себя, и так узнал многое, чего мне лично лучше бы не знать, но о чём рассказать людям – необходимо, ибо это – их жизнь, трудная, грязная драма борьбы животного в человеке, который стремится к победе над стихией в себе и вне себя" (Сторож) [104, 148]. "Окна плотно закрыты ставнями, на столе, в углу, горит лампа, перед нею крутолобый, гладко остриженный человек с большой бородою, он говорит: "Суть жизни в том, чтобы человек всё дальше отходил от скота" (Мои университеты) [104, 102].

Предписание это звучит слишком важно: дорожи культурой. Как бы битая истина, грузная спекуляция в рамках пустых нравоучений, в целях поучения, благородного поиска и утверждения моральных ценностей. Хотя в целом сказанное вроде вполне доступно, – до конца всё же не ясно, почему это именно так. Одно дело – слова, поверхностный смысл, и совсем иное столкновение и сама мысль, в глубине осознания проповеди благочинности. К святости духа, по большей части, призывают других, как ни странно, освобождая себя от серьёзных обязанностей и ответственности.

Стоит ли жить, для чего, ради чего себя истязать? Есть личные интересы, есть общие, есть командные. И ещё другие цели, если конкретно, самые разные. Откроется простор деятельности – придёт понимание-непонимание: как именно прожить свой век, или ради чего. Люди живут кто для любви, кто для славы, кто ради карьеры, ради денег. И чтобы нравиться, заслужить уважение, овладеть богатством, знаниями, искусством, профессией, и хочется стать совершенным в той или иной области и т.д. И ещё, сказывают, надо бороться со злом, но не с человеком. Только как с этой задачей, действительно, справиться?

"Любовь и голод правят миром", а философия – несчастье его, – говорила она. – Живут – для любви, это самое главное дело жизни" (О первой любви) [104, 236]. В общем, здорово! Не столько красиво, сколько забавно, от неожиданности и дерзости. С таким увлечением и романтизмом можно спорить, но смешно было бы, настолько само по себе очевидно, и жизнь постоянно опровергает возвышенное, поэтическое, отнюдь не серьёзное, утверждение. Помимо прочего, сказанное расплывчато и бездоказательно, не то, что противоречиво, а легкомысленно и неубедительно. Мало ли что ещё можно придумать... Хотя выразительное – влияет.

"Слава не была для него только "яркой заплатой на ветхом рубище певца", – он хотел её много, жадно и не скрывал этого. Он говорил: "Ещё четырнадцати лет я сказал себе, что буду знаменит, или – не стоит жить. Я не боюсь сказать, что всё сделанное до меня не кажется мне лучше того, что я сам могу сделать" (Леонид Андреев) [104, 322].

"Леонид говорил: "Высшее и глубочайшее ощущение в жизни, доступное нам, – судорога полового акта, – да, да! И, может быть, земля, как вот

эта сука, мечется в пустыне вселенной, ожидая, чтоб я оплодотворил её пониманием цели бытия, а сам я, со всем чудесным во мне, – только сперматозоид" (Леонид Андреев) [104, 329]. Эпатаж удивит дерзостью мысли о нашем присутствии тут, завязывая в узел идею единения плоти и духа, физиологии и метафизики. Смысл размножения животного мира – в природном одушевлении Космоса; здесь же следует самопознание, человеку предписано стать средством раскрытия вселенской тайны бытия.

"А ведь в самом деле, эта жизнь вокруг меня – пустяковая жизнь, со всеми её драками, распутством, мелким воровством и матерщиной, которая, может быть, потому так обильна, что человеку не хватает хороших, чистых слов" (Как я учился) [104, 414]. "Я мог бы много рассказать о том, как чтение книг – этот привычный нам, обыденный, но в существе своём таинственный процесс духовного слияния человека с великими умами всех времён и народов – как этот процесс чтения иногда вдруг освещает человеку смысл жизни и место человека в ней, я знаю множество таких чудесных явлений, исполненных почти сказочной красоты" (Как я учился) [104, 418].

"Достаточно гения одного Достоевского, чтоб оправдать даже и бессмысленную, даже насквозь преступную жизнь миллионов людей. И пусть народ духовно болен – будем лечить его и вспомним, что – как сказано кем-то: "Лишь в больной раковине растёт жемчужина" (Леонид Андреев) [104, 355]. В природе не заложено свойства равноценности возможностей и способностей существ. Людей на свете всё больше, со временем всё более разнообразны. Многие обделены талантами, гениальность исключительно редка, не может быть речи об одном весе и достоинстве всех и вся, в живой природе многомерная цепь качеств индивидов и ценностей.

Учат поведению и манерам в той или иной ситуации, вести себя в разных обстоятельствах, направляют, как выходить из трудных положений, подсказывают, как играть ту или иную роль в обществе. Человек, стоит захотеть, многому научится сам – что заметит, откроет, найдёт, зависит от способностей и настойчивости. "Она была правдива в желаниях, мыслях и словах. "Ты – слишком много философствуешь, – поучала она меня. – Жизнь, в сущности, проста и груба; не нужно усложнять её поисками какого-то особенного смысла в ней, нужно только научиться смягчать её грубость. Больше этого – не достигнешь ничего" (О первой любви) [104, 230].

Сколько людей, столько подходов, расходов, переходов, входов-выходов на материке жизни, тьма переживаний и мнений, множество всевозможных представлений и взглядов насчёт всего. Накапливается опыт, им делятся, кто умеет и как может. Что же нужно знать и сказать о жизни? Откуда черпать сведения? Как распоряжаться знаниями? Прислушиваемся к разговорам, рассказам, общаясь с людьми, внимаем. Приобщаемся к литературе, читая книги, перебираем авторов, вникаем в тексты. Что запомним, что дополним, что

сами раскроем. Терпеливо собираем, накапливаем мысли. Люди отличаются начитанностью, осведомлённостью и мудростью.

"Жизнь развёртывалась предо мною как бесконечная цепь вражды и жестокости, как непрерывная грязная борьба за обладание пустяками" [104, 78]. "Во избежание кривотолков должен сказать, что религиозное творчество я рассматриваю как художественное; жизнь Будды, Христа, Магомета – как фантастические романы" [104, 263]. "Пишешь не о том, что есть настоящая жизнь, как она есть, а о том, что ты думаешь о жизни, ты сам" [104, 308].

Последние три цитаты – важные и многозначительные мысли – пусть каждый попробует истолковать сам, они даются нам исключительно для усвоения и развития. С автором можно соглашаться в чём-то полностью или хотя бы частично, можно спорить и отрицать. На самом деле в нашей жизни всё сложное спорно. Живая мысль, не догма.

М.Горький. ПСС, том 17 – произведения, писанные и опубликованные в первой половине 30-х годов XX века. "Заметки из дневника. Воспоминания" отрывками выходили в различных изданиях, книгой выпущены в свет в июне 1924 года в Берлине. Тогда же, имея в виду свои "Рассказы 1922-1924 годов", писатель сообщал: "Какую из моих книг я считаю самой лучшей? Она ещё не написана мною. <...> Скоро напечатаю книгу рассказов, написанных мною в 23-24 годах" [105, 603]. Кто только не рассуждает там, вместе с автором, о смысле и значимости себя, собственного существования. Кому как кажется и удаётся ли оставить след на грешной Земле.

В каждом литературном произведении столько следов человеческих переживаний и самых разных мыслей о жизни, общих и частных, расхожих, особенных и исключительных, трудно бывает согласовать и примирить между собой. Одни дополняют друг друга, иные пререкаются и соперничают, противостоят другим. У читателя есть право заимствовать предназначенное для этого. У каждого в памяти хранится некое собрание воспринятых, усвоенных, впитанных, присвоенных фраз и истин, они разнообразят нас, обогащая. Или возвращают, или искушают и портят, или уродуют, надо уметь пользоваться достоянием.

"Этот острый блеск глаз и вызвал у меня Диогеново стремление, свойственное каждому литератору, – я упросил зубастого человека рассказать мне его жизнь" (Рассказ о необыкновенном) [105, 522]. <...>" – По месту жизни, по бумагам – я сибиряк, а по рождению – русский, рязанец из-под Саватьмы. Слово это – Саватьма – осталось у меня с детства, от родителей, они, бывало, объясняли: "мы из-под Саватьмы" (Рассказ о необыкновенном) [105, 523]. И так далее, в таком же духе: шёл медленный и разветвлённый рассказ-воспоминание о разворотах и перипетиях жизни.

Интересно слушать и наблюдать, как хитро и изошрённо люди могут рассказывать о своей жизни, о переживаниях, о себе, о своём прошлом. На-

сколько этот опыт может быть для других поучительным и полезным? Горький был любознателен и в своём творчестве нередко предпочитал пользоваться "автобиографическим" методом. Человек подчас сам пытается трезво разобраться в себе, копаясь в житейских ошибках и заблуждениях. "Затем охотно и немножко хвастливо, любуясь своей речью, как адвокат, он начал рассказ о себе, – рассказ, в котором, вероятно, было не меньше правды, чем во всякой другой автобиографии.

– Сознательную жизнь мою я начал ошибкой: увлечением естественными науками, биологией, физиологией – науками о человеке. Естественно, что это увлечение толкнуло меня на медицинский факультет. С первого же курса, препарировав трупы, я задумался о ничтожестве человека, почувствовал чью-то злую иронию надо мной, и у меня стала развиваться брезгливость к людям и отвращение к себе, человеку, который обязан быть трупом. Мне следовало бросить это грязное дело, но – я упрям и захотел победить себя" (Чужие люди) [105, 64]. В таких случаях особенно содержательными и ценными случаются авторские проговорки и обмолвки.

Различны срезы жизни, неисчерпаемы. Чтобы разобраться и понимать глубже, рассматривают по отдельности частную и личную жизнь, отдельно публичную и общественную. Помимо того, тоже самостоятельно, жизнь животная (зоология), растительная (ботаника). Микробиологи изучают бактерии, вирусы, свой предмет. Археологи занимаются древностями, жизнью давних цивилизаций. Политологи и социологи интересуются злободневностью. Особо ещё маячит жизнь загробная, вечная (теология) и космическая (астрономия). У каждого писателя свой профиль и вкус, своя философия, литература многопланова, немало разных наук.

"Интересность необыкновенной вашей жизни и новое её начало – чистые денежки! И ежели вы согласны написать вашу автоисторию за пятьдесят рубликов, то я – вот он! – издатель вам!". Написать "автоисторию" я тоже отказался, но это не помешало Брееву издать составленную кем-то глупую книжонку, нечто вроде моей биографии" (Монархист) [105, 194]. Жанр – другой ряд. Сравним названия: биология и биография. Описывать собственную жизнь, свои переживания и изучать природу, вообще жизнь – не одно и то же, разные вещи, подходы и мотивы. Ещё история, этнография, археология, палеонтология и прочее, касаются разных сторон жизни.

"– Всё известно: рождаются, женятся, нарожают детей, умрут. Пожары, воровство, убийства. Цирк приехал. Крестный ход, жена сбежала. Пьяные дерутся. Капусту квасят или огурцы солят. В карты играют... Зачем это мне? Не хочу я ничего этого! – А – чего же тебе надо? – спокойно спросил столляр, и это его спокойствие тотчас охладило Миронова, он сказал невнятно: – Я тишину люблю" (Голубая жизнь) [105, 490]. "– Пустяки всё это... – А ты

– ну-ко, попробуй, поживи без пустяков-то, – строго ответил столяр" (Голубая жизнь) [105, 501].

Горького не спутать с другими, в разном возрасте он разный, развивается и меняется человек, время и годы его преобразуют. Писатель наблюдает за людьми и видит окружающее сквозь призму своего сознания, в споре и соперничестве с другими "я". Всяк человек – чудо; чудесна и таинственна жизнь; язык – загадка. Если наложить одно на другое, родится тайна. Зачем заниматься отражениями, мнениями, выборками чужой речи, если автор может отказаться, откреститься, закрывшись тем, что, мол, то была игра и выдумка, не его взгляд. Не лучше ли самому писать, что думаешь, как представляешь жизнь? Это, однако, уже несколько иное задание.

Попытаемся чужие отрывки, собрав, осмыслить и склеить, сочиняя более или менее связный текст. Кто-то другой сделал бы по-своему, представив дело иначе. Хочется понять и раскрыть, как умеем, суровую философию Горького, его понимание жизни, отношение к ней профессионального литератора. Каждый прозаик или поэт – хотя бы стихийно, в той или иной мере, мыслитель. Свои философские взгляды на мир и окружающую жизнь мудрец выражает пусть не всегда до конца последовательно и связно, но как-то непременно обнаружит, выскажет их, будучи учителем жизни, как-то всё же влияя в итоге на своего читателя.

Сколько здесь цитат из Горького, мало или много, и от чего это зависело? Все те суждения и отдельные наблюдения, кажется, случайны и бессистемны, будто никак не связаны между собой. Тем не менее, они всё же выделены и собраны воедино, вокруг образа и личности автора. Он каким-то способом, сложно и хитро, взял и рассыпал их в своих записях и рассказах, произвольны ли, нет ли, зависит от авторских установок, привычек и, в конечном счёте, от стиля, сказываясь на нём. Все при одной большой мысли – темы жизни, которая, понятно, не имеет точного "решения", ясного ответа, нет одной версии, подхода и раскрытия.

Наше отношение к жизни зависит от настроения, общественного веса, семейного положения, возраста, здоровья, темперамента, характера, религиозности, много от чего ещё. Чтобы суметь оценить и описать отношение к миру, понимание жизни, надо иметь способности, они разные, как и талант. Есть жизнелюбы, скептики, циники, романтики, духовные, плотские... Есть нытики, просто глупые, моралисты... Каков же ты сам и каков Горький, насколько он последователен или в чём противоречив, логичен и настойчив? Слушая человека внимательно, читая его мысли, можно уловить в них нечто. Постепенно складывается представление о людях...

"Пожалуй, они оставят мне жизнь. Интересно: что я буду делать с нею? Вот тоже вопрос: жизнь дана во власть человеку или человек дан жизни на съедение? И чья это затея – жизнь? В сущности: дурацкая затея" (Карамора)

[105, 402]. Человека порой терзают вопросы жизни. Они могут касаться практической стороны дела, обустройства жизни. Однако жизнь, даже наша, столь разная – и в ней много чего всевозможного и разноречивого. И ещё помимо всего, кроме рутины и быта, есть ещё наука, теория, философия, естествознание и прочее, ведь тоже занятие и труд, страсти, борения, большая политика, чья-то энергия и жизнь.

"– Как вам нравятся, коллега, эти маленькие нелепости? – спрашивал он меня, подмигивая кошачьим глазом. – Как нравится вам всё это: день, ночь, рождение, любовь, знание, смерть, а? Забавно, не правда ли?" (Дора) [105, 167]. Вся окружающая жизнь будит сознание, вызывая и притягивая интерес к вечной теме смысла и цели жизни. И сама личность, ведь тоже часть природы, занимается самопознанием, постепенно распутывая загадочность мира, раскрывая некоторые из тайн естества и внутренней жизни, заменяя их всё новыми и более глубокими туманностями.

"Почему вы не пишете об этих вопросах?" – настойчиво допытывался он. Я сказал, что вопросы о смысле бытия, о смерти, о любви – вопросы глубоко личные, интимные, вопросы только для меня. Я не люблю выносить их на улицу, а если, изредка, невольно делаю это – всегда неумело, неуклюже. "Говорить о себе – тонкое искусство, я не обладаю им". <...> Растирая ногою солнечный узор на земле, он упрекнул меня: "Вы прячетесь, прячете ваши мысли о духе, об истине. Зачем?" (А.Блок) [105, 224]. Писатели ведь тоже очень разные. И они тоже люди, не всё знают. Да и не всё скажут, сомневаются, порой лукавы и хитрецы.

Очевидно, не всем дано узреть и выразить неуловимое движение в себе. Горький подчёркнуто считал более существенным и значимым для себя разбираться в общественной психологии и социальной обстановке, нежели в отдельной личине души. Он слишком противник частной собственности и чрезмерно тенденциозен, привязав себя добровольно к политической партии и ввязавшись в революцию и классовую борьбу. Пожалуй, тем самым он ограничил себя и, по сути, не был свободен до конца. Верил ли он в рай на земле, трудно сказать. И не известно, каким он был безбожником, разве, пожалуй, лишь в узко церковном, каноническом смысле.

Какие-то влиятельные силы, добрые ли, злые, всё время парят над людьми и невнятно влияют на нас. Не просто фикции и мистика, эти духи, или стихии и идеи, укоренились в общественном мышлении и сидят в подсознании. Жестокие призраки, скрываясь и прячась, тем не менее, господствуют в мире, их вокруг тьма, уйма, видимо-невидимо. Кому-то подчас явно покровительствуют, пособничают, кого-то иной раз угнетают, ломают, безжалостно изничтожают. Здесь же каждый сам решает за себя, и нет общей ответственности. Каждый отвечает за себя. Может быть, кому-то подскажет что-то совесть, защитит вера.

"Горбун заговорил, ни на кого не глядя, внушительно и звонко: "Значит: есть судьбы, подсудьбинки и доли..." <...> Помолчав, плотнее окутав плечи, горбун продолжал: – Доли – это вроде ангелов-хранителей, только их приставляет к человеку Сатана. – А душа? – тихонько спросил кто-то. – А душа – птица, которую ловит Сатана, – вот!

Говорил он чепуху, но – страшную. Он, видимо, знал статью Поттебни "О доли и сродных с нею существах", но серьёзное содержание научной статьи у него смешалось со сказками и мрачными вымыслами" (Чужие люди) [105, 70-1].

"Странные бывают совпадения мнений: в 901 году, в Арзамасе, протоиерей Фёдор Владимирский рассуждал: "Каждый народ обладает духовным зрением, – зрением целей. Некоторые мыслители именуют свойство это "инстинктом нации", но, на мой взгляд, инстинкт ставит вопрос: "как жить?" – а я говорю о смутной тревоге разума и духа, о вопросе: "для чего жить?" И вот: хотя у нас, русских, зрение целей практических не развито, – потому что мы ещё не достигли той высоты культуры, с которой видно, куда история человечества повелевает нам идти, – однако ж я думаю, что именно нам суждено особенно мучиться над вопросом: "для чего жить?". Пока что – мы живём слепо, на ощупь и крикливо, а всё-таки мы уже люди..." (Вместо послесловия) [105, 229].

Люди вокруг всякие и очень по-разному относятся к тому, что им дано и у них есть. У массы людской такой своеобразный нрав, ум и сердце, в конечном счёте, мысли и суждения, способы оценок и выводы, уж так устроено природой, многообразно, живое сознание отдельного индивида. "Однажды, когда она, связанная по рукам и по ногам, лежала на земле у двери конюшни, я слышал, как Никон сказал ей: "Жизни ты не жалеешь, Мокрея". Она хрипло ответила: "А – что мне жизнь? Эка штука – жизнь!" (Рассказ о герое) [105, 327].

"Я безумно боялся её, она возбуждала у меня чувство острого отвращения, непобедимой брезгливости. – Зачем живёт она? – спрашивал я дядю, он отвечал, лаская меня: – Сего вопроса разум не решает; на вопрос – зачем? – мы не находим иного ответа, как: это есть воля божия" (Рассказ о герое) [105, 310]. Религиозный подход к пониманию истоков, честный ответ: мне не дано знать того, ибо вечность – тайна. Религиозное сознание толкует невидимый мир всегда мистически, и редко кому удаётся вовсе обойти древнее, иерархическое, воззрение на пирамиду бестелесных существ и фикций в воображении.

Что есть жизнь человеческая? Вечность терзает ум горьковских персонажей. Не у всех склонность к метафизике, пристрастие к мистике. Каждый философ – выпутывается из положения как может. Нет общего ответа, приемлемого для всех, на важный вопрос, тревожащий мысль, возбуждающий

самопознание и совесть. Люди подражают друг другу в действиях и поступках, но всё же у всякого свой путь раскрытия окружающего мира и понимания действительности. Соображая по-своему и по отдельности, каждый сам по себе – гадаем, разгадываем, постигаем. Дразнит жизнь, как и мысль, – часто человек отвечает дерзко, наивно и просто.

"Доктор утверждал, что жизнь человека подобна полёту пули, направленной в неизвестную цель, – траектория, говорил он, – и что никакого высокого смысла в жизни не заключается. Эти отверженные слова несколько напоминали мне Колю. А Лариса Антоновна с великой настойчивостью доказывала, что в жизни скрыт высочайший смысл, но чувствовать его может только женщина, возбудитель всяческих желаний, страстей, в том числе порочных" (Рассказ о безответной любви) [105, 299-300]. Спорный вопрос, всякая теория сомнительна, ибо в ней разум, разъём, разбор, анализ сущности явлений, и нет одного предмета.

"Лысый толстый Пушкарёв, слесарь и медник – вольнодумец, атеист. Поджимая дряблые губы, странно изогнутые, цвета дождевых червей, он говорит сиплым басом: "Бог – выдумка. Над нами ничего нет. Только один синий воздух. И все наши мысли – от синего воздуха. Синё живём, синё думаем – вот где загадка. Вся суть жизни моей, вашей – очень простая: были и сгнили" (Городок) [105, 10]. Таков вульгарный вывод, смешной безбожный взгляд на природу и назначение человека. Звучит революционно и цинично, пусть грубовато, зато смело, коротко и ясно, глядя в корень, не без изысков и выкрутасов, но ведь, право же, мы кратковременны.

"– Жизнь отвратительна не тем, что обрывается смертью, а тем, что каждый день жизни – оскорбление человеку. Изумительно плохо устроили её мы, гордые силою нашего разума, который, всё более успешно создавая и расширяя условия внешних удобств и удовольствий, всё меньше помогает нам терпеть друг друга, – да, да, только терпеть" (Репетиция) [105, 454].

"Жизнь суть драка; вежливость же – тот фиговый лист, которым можно прикрыть скотское и звериное в человеке" (Чужие люди) [105, 66]. Затасканная логика: одновременно "потому-поэтому", путаются связи. Жизнь изначально и постоянно противоречива. Вроде бы из этого не следует, что она суть (точнее было бы, в ней есть) та самая борьба, война, драка, раздор, ссора, конфликты, а также и прочие неприятности. "И, стараясь найти самое существенное в характере Якова, Быков говорил: – Жизнь, братец мой, война, закон её простой: не зевай! – Совершенно верно. Оттого и все неприятности. – Без этого – нельзя, без неприятностей-то!" (Анекдот) [105, 412].

"Женщина – это, дружба, большое дело, вся земля об этом бредит, – зверь, птица, малая букашка – все одним живы. Кроме-то – чем жить?" (Отшельник) [105, 240]. О том же, о роли пола, пёкса и В.Розанов, и не только он. Дерзкий, биологический, физиологический взгляд, не церков-

ный, не монашеский, платонический и бесполой. Трудно было всегда обойти вниманием природу и культуру секса, говоря о жизни человечества. Вопрос половой морали, как и женский вопрос, занимал и беспокоил в большей или меньшей степени едва ли не всех, и не только лишь светских, наших писателей. М.Горький не был исключением.

"– Самое большое удовольствие – одурачить, обыграть человека. Вспомните-ка детские игры и, начиная с них, просмотрите всю жизнь: игра в бабки, в мяч, потом игра с девицами, игра в карты, вся жизнь – в игре! Среди вашего брата немало людей, которые играют самими собою" (Карамора) [105, 391]. Одна из версий, предположение, соблазнительное суждение, оно по-своему ярко, живо и неожиданно. Однако же если в жизни встретишь игру, то из этого вовсе не следует, что жизнь вся только лишь одно сплошное развлечение. Помимо веселья игры, там есть ещё и другое, иное: любовь, страдание, борьба, работа и много чего прочего, иного рода.

"– Игра. Охота, – говорил он, сводя всю жизнь к этим забавам, но я ему всё больше не верил, зная, как ловко люди строят различные загородки, чтоб отделить себя от жизни, объяснить своё нежелание работы на неё" (Карамора) [105, 392]. Нельзя упрощать предмет, не вникая в суть, ограничиваться теми или иными отдельными свойствами, игнорируя его сложный характер и многообразии видов и форм, беря во внимание отдельные стороны многопланового явления, каким представляется жизнь. "– Спите? – Нет. – Глупа жизнь. Страшна пуганостью своей, тёмн смысл её... А всё-таки – хороша? – Хороша. – Очень. Только вот умирать надо" (Н.А.Бугров) [105, 128].

"Смотрел в окна. Стёкла их снаружи покрыты пылью, закопчены дымом пароходов, сквозь их муть видна тёмная вода Волги, заставленной пристанями, баржами. Всюду на берегу – горы товаров, ящики, бочки, мешки, машины. Шипят и свистят пароходы, в воздухе – облака дыма, на камнях набережной – тучи пыли, сора, лязг и грохот железа, крики людей, дребезжат телеги, непрерывно идёт жизнь, гудит большая работа" (Н.А.Бугров) [105, 114]. Что есть жизнь – больной вопрос. В каком-то смысле социальная обстановка, общественная работа, взаимосвязи и отношения в сообществе живых существ составляют костяк и основу развивающейся жизни.

Чтобы жить, надо знать, понимать, уметь, владеть средствами и технологией. Для этого следует обобщать чужой и свой опыт, учиться, дерзать, ошибаться и стремиться к чему-то. Тесно между собой как бы связаны, в чём-то похожие: водосток и судьба. Они льются из неведомой дали в крошечную пропасть небытия. "– Смутился я, встал, и – хоть в реку прыгнуть! А река, знаете, течёт, течёт, мутная, как моя жизнь" (Рассказ о безответной любви) [105, 289]. Отвлечённую жизнь сравнивали, бывало, с осязаемым речным течением. И вот смещение тем, инверсия, всё наоборот: река, влекущая муть жизни.

"Есть теории добра: Евангелие, Коран, Талмуд, ещё какие-то книги. Должна быть и теория зла, теория подлости. Должна быть такая теория. Всё надо объяснить, всё, иначе – как жить?" (Карамора) [105, 395]. "– Он не хочет беспокойной жизни надеждами, его удовлетворяет медленно текущая тихая жизнь под ночными звёздами. Я утверждаю: возбуждать несбыточные надежды в людях, которые вообще – ненадолго, это значит: путать их игру. Что может дать коммунизм?" (Петербургские типы) [105, 209]. Для Горького небесспорный и большой вопрос. В разные годы разный, человек мыслящий, сомневающийся, неоднозначен в поиске. Процесс сложен и противоречив.

"– Чаще всего он говорил о том, что жизнь построена по форме пирамиды и хотя основание её широко, но – гнило, непрочно, может раздаться под тяжестью, и тогда всё рухнет, развалится. Говорил он задумчиво, пощипывая усики, и усмеялся. "Другой формы не могут иметь ни жизнь, ни мысль. Мысль тоже строится пирамидой: основание – огромное количество фактов беспощадной борьбы, а вершина – ничтожный, остренький вывод" (Рассказ о безответной любви) [105, 281]. Этажи – в устройстве богопознания, в нём устойчивость: действительное открывается разумом, и жизнь разумна. Жизнь-слово путём осмысления мира, оправдывая теософию.

"Ишь ты, говорит, как тебя вывихнуло! Ну, это хорошо: дураку жить – легче, умному – забавнее. Теперь тебе, Яков, надобно книжки читать. Ну, только в книжках доказано наоборот: управляет нами закон, который всё простое дробит на особенное. В дочеловеческие времена, говорит, земля была сплошь камень и родить не могла ничего, до поры, пока не раздробилась на песок, глину, потом – чернозём. В незапамятных веках был один зверь, одна птица, а теперь от них разродились тысячи разных птиц и зверей. Также и все древние люди: сначала все были мужики, потом от них пошли князья, цари, купцы, чиновники, машинисты, доктора. Это – закон!" (Рассказ о необыкновенном) [105, 530].

"– Гораздо больше, чем от книжек, видел я пользы для себя от бесед с доктором. Бывало – после работы в больнице и объезда недужных по городу снимет доктор пиджак, ботинки, наденет туфли, ляжет на диван, около него бутылка красного вина, лежит он, курит, посасывает кислое вино это, ухмыляется, балагурит, всё об одном: мы-де присуждены жить под властью прошедших времён, корни пустыков вросли глубоко, корчевать их надо осторожно, а то весь плодородный слой земли испортишь. Сегодняшним днём командует вчерашний, а настоящая жизнь обязательно будет командовать будущей, и от этой канители не увернёшься, как ты не вертись" (Рассказ о необыкновенном) [105, 531].

Всего десяток цитат из Горького, ПСС, т.20, его суждений и рассуждений, намекающих на то или иное понимание и отношение автора к поведению и обустройству быта, хоть не было у него прямых поползновений

схватить и определить саму сущность жизни. Всё у него там, в тексте, делается и заполняется мерно и более чем продуманно, без лишней суеты. "Впрочем, мне нравится всякая работа, как нравится всякая погода: и зной, и холод, и снег, и дождь, и ветер, и тишь. Всё по-своему хорошо" (О единице) [106, 491]. Но это совсем не Максим Горький, но тоже настрой и какая-то философия жизни, кстати, даже очень пристойная.

Жить – значит быть и расти, развиваться определённое время. "Вот, ядри вашу долю, гриб три часа растёт, а жеребёнок года" (Экзекуция) [106, 397]. Вон как! Безграмотный крестьянин способен делать для себя обобщения и житейские умозаключения, передавая свой ментальный опыт другим. И тоже ведь вот так утверждается сам в своей жизни. Вроде бы, скажут, вовсе не хитрое наблюдение за протяжённостью жизни, но оно требуется, чтобы подтвердить факт, ещё раз удивившись загадкам природы. А ведь по такой модели вообще устроена живая связь с её разномастностью, многомерностью, неравноценностью форм жизни и их назначений.

Можно утверждать, в той или иной мере каждый человек, тем более писатель (да и читатель), по-своему философ. Поскольку он, как может, мыслит и, как умеет, воссоздаёт человеческую жизнь, некое сообщество и, если шире, действительность. И в самом деле, то, что называют жизнью, что, терзаясь и радуясь, переживают, желают и рисуют в своём представлении и воображении, едва ли не бесконечно многолико, и многообразно, и во всех своих пределах и глубине, необъятно, неопределимо и неопишимо. Жизнь всеохватна, как бог, как время, как пространство, как энергия, как борьба и творчество, с ними сопряжена и тесно связана.

"И.П.Павлов был – и остаётся – одним из тех редчайших, мощно и тонко выработанных органов, непрерывной функцией которых является изучение загадок органической жизни. Он изумительно целостное существо, созданное природой и работой как бы для познания самой себя. Высшая для человека форма самопознания является именно как познание природы посредством эксперимента в лаборатории, в клинике и борьба за власть над силами природы посредством социального эксперимента. <...> И.П.Павлов – умер, но энергия его, воплощённая в работу, ещё долго будет жить" (Из воспоминаний о И.П.Павлове) [106, 482-3]. Могуч проект, развернуть бы.

"Собеседник мой, торопливо покуривая, продолжал: "Она высыпала на голову мне столько этих драм и неурядиц бытовых, что я даже перестал понимать "связь событий" в хаосе этом" (Рассказы о героях) [106, 305]. Из сказанного как бы само собою вытекает вывод, что в беспорядочной бесформенности текущей жизни в принципе всё же возможна мысль, какая-то логика последовательностей и отношений. Не всем нам дано сразу, без астрономических познаний и навыков, уловить порядок движения звёзд и

увидеть созвездия в ночном небе. Не случайно то, что и рассказ о жизни часто бывает бессвязным, либо воспринимается так.

"Стихи свои он подписывал псевдонимом Любяр <...> и любил говорить: "Жизнь – дурная привычка" (Иван Вольнов) [106, 326]. Человеку свойственно пошутить, поважничать. Не всегда просто признать, что не разумеешь чего, не дорос до понимания. Мало ли какие есть чудеса вокруг в природе. Для одних лиц, назовём их робкими или скромными, жизнь – чудо, имеет божественное происхождение, потому всеохватна и непостижима, остаётся "веровать", благоговеть и молиться Всевышнему, Творцу Неба и Земли (всё с прописной). А кто дерзок, кому море по колено, тот глядит с ухмылкой, со всеми на "ты". У людей различна способность проницания.

Одни сознают, другие нет, что имеют какое-то представление о жизни. Спросим себя, как представляем себе её и что есть жизнь? Видение, или представление, история и мифология связаны с работой воображения. Важно было бы уточнить ещё, какая жизнь и чья, присущая кому именно, какому роду-племени, веку и поколению. "Не мог бы он признаться, как признаюсь я, что не имеем мы ни даже малейшего точного представления о жизни не только предков наших, но и прадедов, что с каждым днём всё труднее становится нам воображать даже то, что было полвека тому назад" (Иван Вольнов) [106, 335].

Одно дело – картина, там образ; вовсе иное пространство – прообраз и запредельная действительность. Между ними сознание, автор воссоздаёт, манипулирует и впечатляет, читатель воспринимает и вздыхает. "Некоторые из фигур моей повести как бы утрированы. Да, мне хотелось ярче оттенить их слабость, никчемность или ничтожество. Я как бы сгустил краски. Но в жизни они были ещё слабей и противнее" (Иван Вольнов) [106, 340]. Любимое занятие творца высказываться по любому поводу и иметь мнение, вольно или невольно учить, выставяя оценки окружающим, всему на свете. Постепенно вяжется полотно косноязычных идеологий.

"Каждый сознательный рабочий-революционер обязан понимать, что чем длиннее срок его жизни, тем более это полезно для его класса, тем продуктивнее должна быть его работа строителя "нового мира" и воспитателя молодёжи" (По Союзу Советов) [106, 147]. "Для меня Камо – один из тех революционеров, для которых будущее – реальнее настоящего. <...> Вне революционной работы вся действительность, в которой живёт их класс, кажется им чем-то подобным дурному сновидению, кошмару, а реальная действительность, в которой они живут, это – социалистическое будущее" (Камо) [106, 354].

Будучи предвзятым и податливым, М.Горький сверяет смысл и курс людской жизни с сомнительным заказом власти, путано внушая себе и другим политические несуразности и пошлости большевизма. "Производится интересный опыт: в синюю воду Гокчи пустили 15 миллионов мальков сига

из Ладожского озера и уверенно ожидают, что сиги приспособятся к жизни в этом огромном бассейне на высоте почти 2000 метров. Да, всюду, на всех точках земли Союза Советов делаются смелые, великого значения опыты, строится новая жизнь" (По Союзу Советов) [106, 134]. Землеустроитель-мичуринец падёт низко, с позором и обидно валится в яму.

"Скверно то, что, в общем, девицы моложе стали. Наркомздрав, Наркомтруд и Собес тратят огромные средства на борьбу с проституцией. А не лучше ли израсходовать всю массу этих денег на организацию колоний для девушек по типу удивительно удачной производственной трудкоммуны, которой справедливо гордится ОГПУ? Это трудкоммуна блестяще и неоспоримо доказывает облагораживающее влияние свободного труда, и мне кажется, что её пример не следует забывать во всех тех случаях, когда возникают вопросы борьбы с малолетней преступностью, проституцией и т.д., когда строятся планы излечения социальных язв" (Письма друзьям) [106, 104].

Переведя себя на ремесленное довольствие и усвоив газетно-партийный слог, не чужд чванства, писатель напрасно унижал пролетарское достоинство. Теперь видно даже школьнику: буревестник дал маху. Однако не наше дело читать нравоучения кому бы то ни было. Нет смысла спорить с историей, только лишь принижая и осуждая прошлое. Постараться понять, почувствовать, может, пожалеть кого, совсем другое дело. Постоянно учиться друг у друга пониманию быстротекущей жизни, многократно переучиваясь, используя чужой опыт и накапливая навыки проникновения в незримые тайны природы. Никак не даётся жизнь.

Всерьёз, жизнь знаем, да не знаем. Сколько суждений рассеяно по книгам, соображений и выдумок, наукообразных, строгих, мистических, религиозных, представлений и мнений. У простаков, поэтов, мудрецов и учёных та или иная привычка знания, свои предпочтения и причуды на сей счёт, у каждого взгляд. Жизнь проживая, переживаем, испытываем, как-то складывается канва быта, более или менее удачно, а то и счастливо. Человек обеспечивает себя и взирает на окружающий мир. Рассуждая рискованно, судит всяко о разном, порой захватывает неясная тревога, терзает совесть, библия сущего.

Вместе с тем, говоря о жизни, называя её, подчас имеется в виду и нечто близкое, доступное, касающееся повседневности, обихода, быта семейного и общественного. Не замыкается, но постоянно расширяется, круг житейских забот и потребностей. Вокруг и около всех много чего разного и необходимого для процесса и прогресса, поддержания и продолжения рода. Значимы для всех сытость, занятость, работа, заработки, доход, здоровье. И благополучие, состоятельность, положение, связи, отношения, настроение. Так или иначе, всё, что вокруг, – жизнь: либо в ней, либо с нею связано. Всё, что переживаем, ощущение и представление, сказывается.

Во множестве форм обустройства живого сообщества, обеспечивающего существование, развитие и связи, выделяются разнообразные организации существ. Среди сложных "видов" взаимоотношений, к примеру, жизнь личная, семейная, частная, общественная; племенная, национальная, социальная, классовая; государственная, политическая, гражданская, международная. В перечне далее жизнь глобальная, земная, над нею космическая, под вопросом внеземные цивилизации. По поводу каждой из сфер жизни высказано немало взглядов и точек зрения, нет единообразия во мнениях ни по одному кругу, вопросы сомнительны и спорны. И это отнюдь не только невнятное "Есть ли жизнь на Марсе?".

7

Книги моей жизни

Все эти дни, сидя во дворе на солнышке, читал Бунина. В своё время он мучился раскрытием тайного смысла жизни. Всегда были и останутся на Земле чудачки неугомонные, будто не всё равно им, отчего и для чего жизнь дана тем, кому посчастливилось. И вот вынужден признаться, что мне в голову вовсе не первому и не второму пришла идея определить человеческую жизнь как дар божий, аванс, не вознаграждение, ведь не за что, а почему-то мы с вами, не кто другой, живы, испытываем жизнь. Какая же это непостижимая случайность в том, что выбор пал именно на нас?

Наблюдаем вечный круговорот в свете. Прожитые годы уносятся куда-то в провал прошлого. Жизнь существа, тело и дух, течёт и исчезает за горизонтом, в вечности. В конечном счёте, переходит в смерть, рассеиваясь в ледяной мрак. На себя и жизнь можно смотреть из разных положений. Чаще воспоминания и размышления о ней в финале биографии, по прохождении жизненного пути. Человек обретает опыт, становится степенней, тише, мудрей. Конечно, груз старости тяжёлый. Как быть, раз скоро "меня совсем не будет". В вопросах философии и мировосприятия неизбежность непристойна, будучи тут легковесно-неуместной.

Или где-то я всё-таки останусь, доколе мы часть природы? Терзают суетные духи-мысли... "Не всё ли равно, про кого говорить? Заслуживает того каждый из живших на земле" (Сны Чанга) [67, 263]. Мы склонны принять и согласиться с этим небесспорным мнением, заострённым в самом зачине одного из бунинских рассказов 1916 года. Может быть, "заслуживает" в определённом смысле, хотя и, безусловно, в не одинаковой, но разной степени. Есть люди самобытные, более образцовые и яркие, и менее своеобразные, не столь привлекательные. Тем не менее, зачем-то на нашем рынке процветает многоголосица и разнорослица, на всякий вкус и выбор.

Многие годы писателя терзают бойкие мысли о смысле жизни. И затем уже думы мои...

1892

"Сижу, как сыч на бугре, – подумал Капитон Иваныч. – Вот, скажет народ, делать нечего старику!

"А ведь правда – старик я, – продолжал он размышлять. – Умирать скоро... Вот и Анна Григорьевна померла... Где же это всё девалось, всё прежнее?"

Он долго смотрел в далёкое поле, долго прислушивался к вечерней тишине.

– Как же это так? – сказал он вслух. – Будет всё по-прежнему, будет садиться солнце, будут мужики с перевёрнутыми сохами ехать с поля... будут зори в рабочую пору, а я ничего этого не увижу, да не только не увижу – меня совсем не будет! И хоть тысяча лет пройдёт – я никогда не появлюсь на свете, никогда не приду и не сяду на этом бугре! Где же я буду?

Сгорбившись, закрывши глаза и потягивая левою рукой чёрный, седеющий ус, он сидел, покачивался...

Сколько лет представлялось, что вот там-то, впереди, будет что-то значительное, главное... Был когда-то мальчиком, был молод... Потом... в жаркий день на выборы на дрожках ехал по большой дороге! – И Капитон Иванович сам усмехнулся на такой скачок своих мыслей...

Но и это уже давно было. И вот приходишь до такой поры, в которой, говорят, всё кончается; семьдесят, восемьдесят лет... а дальше уже и считать не принято! Что же наконец, долга или коротка жизнь?

"Долга! – подумал Капитон Иванович. – Да, всё-таки долга!".

В тёмном небе вспыхнула и прокатилась звезда. Он поднял кверху старческие грустные глаза и долго смотрел в небо. И от этой глубины, мягкой темноты звёздной бесконечности ему стало легче. "Ну, так что же! Тихо прожил, тихо и умру, как в своё время высохнет и свалится лист с этого кустика...". Очертания полей едва-едва обозначались теперь в ночном сумраке. Сумрак стал гуще, и звёзды, казалось, сияли выше. Отчётливее слышался редкий крик перепелов. Свежее пахло травой... Он легко, свободно вздохнул полной грудью. Как живо чувствовал он своё кровное родство с этой безмолвной природой!" (На хуторе) [66, 57-8]. Очень важно.

1895

"И он шёл по парам, уже заросшим высокой травой и цветами, и ему было приятно, что они щёлкают его по ногам, что поднявшийся ветер обвеивает лицо солнечной теплотою, запахом зелёных хлебов.

– Как хорошо! – воскликнул Гриша, останавливаясь и снимая картуз.

Он постоял, подумал, послушал жаворонков и тихо добавил:

– Ты исполнишь меня радостью перед лицом твоим!

Потом лёг на межу навзничь и стал делать то, что делал в детстве: медленно-медленно закрывать глаза так, чтобы солнечные лучи ярко-золотистой паутиной протянулись к ресницам, а потом задрожали и превратились в трепещущие кружки, радужные, как хвост павлина...

– "Как жить? – думал Гриша. – Как жить, чтоб всегда было хорошо, легко, свободно, просто? И чтоб и другим было также? Как жить?".

Он постарался представить себе, что будет в его жизни... в тридцать, в сорок, в пятьдесят лет... Но всё было смутно и непонятно. Представилось только что-то похожее на туманную синеву в долине под мельницей..." (На даче) [66, 117-8]. Так трудно предугадать жизнь.

"– Я хотел ответить вам, Софья Марковна... Оставим на минуту труд в стороне, нужно сперва говорить о жизни... И вот я думаю так: жизнь человека должна быть направлена прежде всего к раскрытию и познанию...

– К раскрытию чего?

– К раскрытию того, что нужно и важно для человека, к развитию его добрых чувств, чтоб он мог любовно и радостно исполнять своё назначение на земле и волю пославшего его...

– Пославшего его, – повторил Игнатий. – Кто же этот пославший?

– А это называйте, как хотите – Роману, Вишну, Фта... Дух Жизни, одним словом.

– Дух Жизни! Что такое Дух Жизни?

– А вам что – хочется решить его, как уравнение?

– Нисколько, это уравнение, состоящее из всех неизвестных, следовательно, я и пытаться не буду решать такое уравнение... Да это и не уравнение будет" (На даче) [66, 130-1]. Без веры худо.

"Каменский подумал и опять заговорил размеренно:

– Я говорил: человек должен уяснить себе, для чего он живёт...

– Виноват, – снова не выдержал Игнатий, – одно слово... Как это уяснить, для чего я живу? Я могу сказать, для чего я сегодня в город ездил...

– Да, вот именно так, – подтвердил Каменский, – именно, надо уяснить себе цель жизни так же, как цель поездки в город. И вот: есть жизнь телесная и плотская и есть жизнь духовная и душевная. Жизнь телесная...

– Ну, это уже начинается метафизика какая-то! – воскликнула Софья Марковна" (На даче) [66, 131-2].

"– Нет, дайте же мне договорить! – пробовал как можно спокойнее возражать Каменский. – Вы сказали именно то, что нужно: вы сказали как человек, который на вопрос: почему он едет так плохо и тихо, ответил, что у него сломана ось. Остановись же, – сказали ему, – почини её.

– Позвольте-с, – заговорил Бернгардт сумрачно, приближаясь к Каменскому, – современные условия зависят не от одного человека. Это не телега, в которой едет благодушный мечтатель и единственный обладатель её, это – наполненный народом дилижанс. И починка зависит не от единичной воли... Конечно, можно и пренебречь сломанным экипажем, встать, махнуть рукой и отправиться пешёчком; только это и нечестно, и навряд хорошо для отправившегося пешёчком...

– Да, – горячо подхватил Каменский, – если дилижанс плох, нужно его остановить и не тащить в нём или не сваливать всё на других, на "обстоятельства"... И во всяком случае, починка делается не злобой, а единением и любовью!" (На даче) [66, 132-3]. Сложное устройство, многозначное.

"Он опять начал с того, что нужно в жизни. Современный человек, говорил он, отличается тем, что умеет становиться на всевозможные точки зрения и ни одной не признавать безусловно справедливой, ни одной не увлекаться сердечно. Жизнь стала слишком сложна, и сложная общественная организация парализует нашу волю и растягивает нас в разные стороны. Мы одурманиваем себя ненужными делами, мы загнипнотизированы книгами и разучились говорить языком сердца. <...> Мы устали от вероучений, от научных гипотез о мире, устали от распрей за счастье личности, слишком много пролили крови, вырывая это счастье друг у друга, когда жизнь наша должна состоять в подавлении личных желаний и исполнении закона любви" (На даче) [66, 134-5]. А если просто жить, по закону любви? Есть такой выбор, не самый лёгкий.

1897

"– Да! – сказал я со злобою, подымаясь. – Я люблю жизнь, безнадежно люблю! Мне дана только одна жизнь и та на какие-нибудь пятьдесят лет, из которых пятнадцать ушло на детство и четверть уйдёт на сон. И при этом я никогда не знал счастья! Смешно, не правда ли?" (Без роду-племени) [66, 159]. В какой мере зависит от самого человека? Жизнь и её оценка.

1898

"С тех пор прошло много лет, но то, что я переживал на Днестре, не исчезло бесследно. Прежде я бессознательно тянулся к скитаниям по новым местам, – теперь я ясно понял, что значат они. Я понял, что для того, чтобы жить полной жизнью, мало науки, мало одних книжных знаний и житейского благополучия. Для меня открылась красота природы, глубокая связь художественных созданий с родиной их творцов, увлекательность изучения народа и понятие свободы и воли в скитальческой жизни..." ("Казацким ходом") [66, 189]. Природа, свобода и воля.

1901

"– Хорошо у нас! – говорил он мне часто. – Главное дело – лесу много. Правда, хлебушка, случается, не хватает али чего прочего, да ведь на бога жаловаться некуда: есть лес – в лесу зарабатывай. Мне, может, ещё трудней другого, у меня одних детей сколько, а я всё-таки иду да иду! Волка ноги кормят. Сколько годов я тут прожил и всё не нажился... Я и не помню ничего, что было. Был будто один-два дня летом али, скажем, весной – и больше ничего. Зимних дён больше вспоминается, а все тоже похожи друг на дружку. И ничего не скушно, а хорошо. Идешь по лесу – лес из лесу выходит, синее, а там прогалина, крест из села виден... Придешь, заснешь – глядь, уж опять

утро и опять пошёл на работу... была бы шея – хомут найдётся! Говорят – живёте вы, мол, в лесу, пням молитесь, а спроси его, как надо жить, – не знает. Видно, живи как батрак: исполняй, что приказано, – и шабаш.

И Митрофан действительно прожил всю свою жизнь так, как будто был в батраках у жизни. Нужно было пройти всю её тяжёлую лесную дорогу – Митрофан шёл беспрекословно... И разладила его путь только болезнь, когда пришлось пролежать больше месяца в темноте избы, перед смертью" (Сосны) [65, 67]. Без претензий, покорно и спокойно.

"Я не понимаю молчаливых тайн этой ночи, как и вообще ничего не понимаю в жизни. Я совершенно одинок, я не знаю, зачем я существую. И зачем эта странная ночь, и зачем стоит этот сонный корабль в сонном море? А главное – зачем всё это не просто, а полно какого-то глубокого и таинственного значения?" [66, 203] (Туман). Зачем всё? Тревога или беспокойство.

"И невыразимое спокойствие великой и безнадежной печали овладело мною. Думал я о том, что всегда влекло меня к себе, – о всех живших на этой земле, о людях древности, которых всех видел этот месяц и которые, верно, казались ему всегда настолько маленькими и похожими друг на друга, что он даже на замечал их исчезновения с земли. Но теперь и они были чужды мне: я не испытывал моего постоянного и страстного стремления пережить все их жизни, – слиться со всеми, которые когда-то жили, любили, страдали, радовались и бесследно скрылись во тьме времён и веков. Одно я знал без всяких колебаний и сомнений, – это то, что есть что-то высшее даже по сравнению с глубочайшею земною древностью... может быть, та тайна, которая молчаливо хранилась в этой ночи... И впервые мне пришлось в голову, что, может быть, именно то великое, что обыкновенно называют *смертью*, заглянуло мне в эту ночь в лицо, и что я впервые встретил её спокойно и понял так, как должно человеку..." (Туман) [66, 204]. Бесконечность.

" – ...До чего это понятно – обожествление природы! Какое это великое счастье – жить, существовать в мире, дышать, видеть небо, воду, солнце! И всё же мы несчастны! В чём дело? В кратковременности нашей, в одиночестве, в неправильности нашей жизни? Вот на этом озере были когда-то Шелли, Байрон... потом Мопассан, одинокий и носивший в своём сердце жажду счастья целого мира. И все мечтатели, все любившие и молодые когда-то, все, которые приходили сюда за счастьем, все уже прошли и скрылись навсегда. Так пройдем и мы с тобой..." (Тишина) [66, 208]. Куда уходят все, зачем? Непостижимо.

1904-14

"Что думал он о смерти?

Много раз старательно-твёрдо говорил, что бессмертие, жизнь после смерти в какой бы то ни было форме – сущий вздор:

– Это суеверие. А всякое суеверие ужасно. Надо мыслить ясно и смело. Мы как-нибудь потолкуем с вами об этом основательно. Я, как дважды два четыре, докажу вам, что бессмертие – вздор.

Но потом несколько раз ещё твёрже говорил противоположное:

– Ни в коем случае не можем мы исчезнуть без следа. Обязательно будем жить после смерти. Бессмертие – факт. Вот погодите, я докажу вам это..." (Чехов) [65, 366]. Не дано знать.

1907

"По-прежнему на душе было и хорошо, и грустно, и тревожно... Всё благополучно, всё слава богу, но чего-то недостаёт... людей, может быть, жилья, приятеля... Хотелось петь, рассказывать свою жизнь... Спросить кого-нибудь: что же, наконец, будет на том свете что-нибудь или нет? Райские яблочки и черти в неугасимом пламени, конечно, вздор... Но ведь вздор и полное исчезновение. Зачем родился? Зачем рос, любил, страдал, восхищался? Зачем так жадно думал о боге, о смерти, о жизни?" (Белая лошадь) [66, 236]. И в самом деле, зачем?

"Потом остановился на словах Сафара: "Можешь ли ты постигнуть вседержителя? Он превыше небес: что можешь сделать? Глубже преисподней: что можешь узнать? Но пустой человек мудрствует, хотя человек рождается подобно дикому ослёнку..."

"Вот и ответ дикому ослёнку! – подумал землемер, глядя в сумерки.

– Помилуй мя, боже, по велицей милости твоей! – вслух сказал он, и брови у него страдальчески сморщились и задрожали.

– Он представил себе своё детство, младенчество, – и почувствовал невыразимую жалость к этому бедному маленькому "ослёнку", неизвестно зачем пришедшему в мир и осмелившемуся мудрствовать. Что ответит ему бог "в шуме бури"? Он только напомним безумцу его ничтожество, напомним, что пути творца неисповедимы, грозны, радостны, и развернёт бездну величия своего, скажет только одно: Я – Сила и Беспощадность". И ужаснёт великой красотой проявления этой силы на земле, где от века идёт кровавое состязание за каждый глоток воздуха и где беспомощней и несчастней всех – человек" (Белая лошадь) [66, 249-50]. Кажется, мудро.

1909

"– И замёрзнешь, не откажешься. Смерть, брат, она как солнце, глазами на неё не глянешь. А найдёт – везде. Да и помирать-то не десять раз, а всего один" (Птицы небесные) [66, 262].

1909-10

"– Страм сказать! – пробормотал он [Тихон Ильич]. – В Москве сроду не бывал!... Как вода меж пальцев, скользят дни, опомниться не успел – пятьдесят стукнуло, вот-вот и конец всему, а давно ли, кажись, без порток бегал? Прямо вчера!" (Деревня) [65, 112]. Рефлексия.

"Народу на свете – как звёзд на небе; но как коротка жизнь, так быстро растут, мужают и умирают люди, так мало знают друг друга и так быстро забывают всё пережитое, что с ума сойдёшь, если вдуматься хорошенько! Вот он давеча про себя сказал:

– Мою жизнь описать следует...

– А что описывать-то? Нечего. Нечего или не стоит. Ведь почти ничего не помнит из этой жизни. Совсем, например, забыл детство: так, мерещится порой день какой-нибудь летний, какой-нибудь случай, какой-нибудь сверстник... Кошку чью-то опалил однажды – секли. Плёточку со свистулькой подарили – и несказанно обрадовали. Пьяный отец подозвал как-то, – ласково, с грустью в голосе: "Поди ко мне, Тиша, поди, родной!". И неожиданно сгрёб за волосы..." (Деревня) [65, 116]. Краткая биография про себя.

"– Пропала жизнь, братуша! Была у меня, понимаешь, стряпуха немая, подарил я ей, дуре, платок заграничный, а она взяла да и истаскала его наизнанку... Понимаешь? От дури и от жадности. Жалко налицо по будням носить, – праздника, мол, дождусь, – а пришёл праздник – лохмотья одни остались... Так вот и я... с жизнью-то своей. Истинно так!" (Деревня) [65, 172].

"Все дни, как и раньше часто... мучения, порою отчаяние – бесплодные поиски, попытки выдумать рассказ, – хотя зачем это? – и попытка пренебречь этим, а сделать что-то новое, давным-давно желанное и ни за что не хватает смелости, что ли, умения, силы... начать книгу, о которой мечтал Флобер, "Книгу ни о чём", без всякой внешней связи, где бы излить свою душу, рассказать свою жизнь, то, что довелось видеть в этом мире, чувствовать, думать, любить, ненавидеть" [292, 532]. Это очень серьёзно и глубоко. Попробуй заставить мысль против течения.

"В 1921 году записи 1911 года послужили основой для задуманной, но не осуществлённой Буниным "Книги моей жизни" (написано было лишь несколько страниц). Они близки к рассказу "Ночь". Приведём отрывки из этой рукописи: "Как у всех, моя жизнь есть нечто, не имеющее начала и конца, книга, обречённая на тлен и забвение в самом недалёком будущем... Постоянное сознание или ощущение этого ужаса преследует меня чуть не с младенчества, под этим роковым знаком я живу весь век. Хорошо знаю, что такой знак есть участь общая. Но мне кажется, что я всегда чувствовал и чувствую его гораздо сильнее, чем многие другие... Полагают, что лишь человек дивится своему собственному существованию и что в этом его главное отличие от прочих тёмных существ, которые ещё в раю, в неведении, недоумении о себе. Если так, отличие немалое. Надо только прибавить, что и люди отличаются друг от друга – степенью, мерой этого удивления..." [292, 533-4]. Видимо, мы все в какой-то мере разные, талантливые и обречённые.

1911-26

"Какие-то странные серые птички с совершенно круглыми крылышками в чёрной каёмке перелетали по снастям, по поручням бортов. Откуда их занесло? Сколько разнообразнейших жизней в мире, о которых мы и не знаем, никогда не думаем!". "И едва сделаешь лишний шаг – птичка порх и уже где-нибудь высоко, на рее, нет, никакая жизнь не верит другой! И не без основания..." (Воды многие) [67, 456]. "Тысячелетиями идёт эта полуживотная жизнь. Но над нею – нам неведомые божьи цели. В этом грязном человеческом гнезде, среди этой первозданной пустыни, тысячелетиями длятся рождения и смерти, страсти, радости, страдания... Зачем? Без некоего смысла быть и длиться это не может" (Воды многие) [67, 462]. Чудо-жизнь безответна.

"Поминутно думаю: что за странная и страшная вещь наше существование – каждую секунду висишь на волоске! Вот я жив, здоров, а кто знает, что будет через секунду с моим сердцем, которое, как и всякое человеческое сердце, есть нечто такое, чему нет равного во всём творении по таинственности и тонкости? И на каком же волоске висит и моё счастье, спокойствие, то есть жизнь, здоровье всех тех, кого я люблю, кем я дорожу даже гораздо больше, чем самим собою... За что и зачем всё это?" (Воды многие) [67, 464]. Нельзя понять. А верить?

"Бунин причислял себя к людям "мечты, созерцания, удивления себе и миру, людям умствования". Он не уставал испытывать это удивление и вопрошать: что же всё-таки есть земная жизнь хрупкого человеческого организма, от чего зависит его крепость, невредимость?" [292, 172].

1913

"– Давно слышу я, Горизонтов, о причудах твоих. Ответь мне: юрод ты или мудрец? Зачем живёшь ты на свете, уподобляясь тем, которые жили во времена зоологические, на первых ступенях развития? – Горизонтов, держа над головою зонт и опираясь на костыль, долго думал, глядя в землю и насупя свои ежом торчащие серые брови.

– Но скажите и вы мне, отец Кир, – ответил он наконец, – зачем *вы* живёте?

– Я тебя не о цели жизни спрашиваю, – сказал о. Кир. – Я тебя спрашиваю о её образе.

– Но ведь образ соответствует цели?

– Ага! Цели! Ну. Допустим. В чём же заключается твоя цель?

– В долголетию и наслаждении им.

– Но наслаждаешься ли ты?

– По мере сил и возможностей. Крепко и заботливо держу в своих руках драгоценную чашу жизни.

– Чашу жизни? – строго перебил о. Кир и широко повёл рукой по воздуху. – Жизни здесь? На этой улице? Я не могу спокойно говорить с тобой! Ты достоин своей позорной клички!

– В земле не распознаешь костей человека от костей животного, – ответил Горизонтов и медленно двинулся по улице, опираясь на костыль (Чаша жизни) [65, 131-2]. Такой диалог.

1923

"– Как тут не сказать, что в жизни всё-таки бывают минуты – ну, необыкновенные, что ли? Жизнь, может быть, не так уж проста, как кажется".
"– Мы умствуем, а жизнь, может быть, очень проста. Просто похожа на ту свалку, которая была сейчас возле трапа. Куда эти дураки так спешили, давя друг друга?" (В ночном море) [67, 332]. "Говорят: прошлое, прошлое! А всё вздор. Никакого прошлого у людей, строго говоря, нет. Так только, слабый отзвук какой-то всего того, чем жил когда-то..." [67, 336]. "– И где она теперь? Вот там, в этом прелестном небе? – Один аллах ведает, друг мой. Скорее всего, что нигде" [67, 338]. Может.

1924

"Все мы в сущности своей добры. Я иду, дышу, вижу, чувствую, – я не су в себе жизнь, её полноту и радость. Что это значит? Это значит, что я воспринимаю, приемлю всё, что окружает меня, что оно мило, приятно, родственно мне, вызывает во мне любовь. Так что жизнь есть, несомненно, любовь, доброта, и уменьшение любви, доброты есть всегда уменьшение жизни, есть уже смерть" (Слепой) [67, 359]. "Словно списано со страниц позднего Толстого" [292, 170].

"Я читал, жил чужими выдумками, а поле, усадьба, деревня, мужики, лошади, мухи, шмели, птицы, облака – всё жило своей собственной, настоящей жизнью. И вот я внезапно почувствовал это и очнулся от книжного наваждения, отбросил книгу в солому..." (Книга). "Он счастлив. Чем? Только тем, что живёт на свете, то есть совершает нечто самое непостижимое в мире" (Книга) [67, 385]. Тоже вроде бы определение настоящей жизни, очень книжное суждение: "нечто самое непостижимое в мире, умонепостижимое".

1925

"Он выпил несколько рюмок водки, закусывая малосольными огурцами с укропом и чувствуя, что он, не задумываясь, умер бы завтра, если бы можно было каким-нибудь чудом вернуть её, провести с ней ещё один, нынешний день, – провести только затем, только затем, чтобы высказать ей и чем-нибудь доказать, убедить, как он мучительно и восторженно любит её... Зачем доказать? Зачем убедить? Он не знал зачем, но это было необходимее жизни" (Солнечный удар) [67, 390]. Есть такая всеобщая сверхценность, абстрактное имя.

"Экклезиаст: "В будущие дни всё будет забыто. Нет памяти о прежних людях. И любовь их, и ненависть, и ревность давно исчезли, и уже нет им участия ни в чём, что делается под солнцем". "Это мысль о собственной мысли, понимание своего собственного непонимания есть самое неотразимое

доказательство моей причастности чему-то такому, что во сто крат больше меня, и, значит, доказательство моего бессмертия: во мне есть, помимо всего моего, ещё некое нечто, очевидно, основное, неразложимое, – истинно частица бога" (Ночь) [67, 437]. "Только человек дивится своему собственному существованию, думает о нём. Это его главное отличие от прочих существ, которые ещё в раю, в недумании о себе. Но ведь и люди отличаются друг от друга – степенью, мерой этого удивления" (Ночь) [67, 438].

"Нет, это только ничего не значащая случайность – то, что мне суждено жить не во дни Христа, Тиберия, не в Иудее, не на острове Кипре, а в так называемой Франции, в так называемом двадцатом веке. За всю долгую жизнь с её бумагами, чтением книг, странствиями и мечтами я так убедил тебя, будто я знаю и представляю себе огромные пространства места и времени, столько я жил в воображении чужими и далёкими мирами, что мне кажется, что я был всегда, во веки веков и всюду. А где грань между моей действительностью и моим воображением, которое есть ведь тоже действительность, тоже жизнь?" [292, 535].

1952

И.А.Бунин пишет из последних свой рассказ, названный собственным именем "Бернар". В первой же фразе чётко и значительно: "Дней моих на земле осталось уже мало"[65, 350]. Как бы пора подводить итоги и без суеты скупо сосредоточиться на вечном. Цитирую далее:

"Бернар худ, ловок, необыкновенно привержен чистоте и порядку, заботлив и бдителен. Это чистосердечный и верный человек и превосходный моряк... Так говорил о Бернарде Мопассан. А сам Бернар сказал про себя следующее:

– Думаю, что я был хороший моряк. Je crois bien que j'etais un bon marin.

Он сказал это, умирая, – это были его последние слова на смертном одре в тех самых Антибах, откуда он выходил на "Бель Ами" 6 апреля 1888 года" [65, 351].

"А что хотел он выразить этими словами? Радость сознания, что он, живя на земле, приносил пользу ближнему, будучи хорошим моряком? Нет: то, что бог всякому из нас даёт вместе с жизнью тот или иной талант и возлагает на нас священный долг не зарывать его в землю. Зачем, почему? Мы этого не знаем. Но мы должны знать, что всё в этом непостижимом для нас мире непременно должно иметь какой-то смысл, какое-то высокое божье намерение, направленное к тому, чтобы всё в этом мире "было хорошо" и что усердное исполнение этого божьего намерения есть всегда наша заслуга перед ним, а посему и радость, гордость. И Бернар знал и чувствовал это. Он всю жизнь усердно, достойно, верно исполнял скромный долг, возложенный на него богом, служил не за страх, а за совесть. И как же ему было не сказать того, что он сказал, в свою последнюю минуту? "Ныне отпус-

каеши, владыко, раба твоего, и вот я осмеливаюсь сказать тебе и людям: думаю, что я был хороший моряк" [65, 351].

"– В море всё заботило Бернара, писал Мопассан: и внезапно повстречавшееся течение, говорящее, что где-то в открытом море идёт бриз, и облака над Эстерелем, означающие мистраль на западе... Чистоту на яхте он соблюдал до того, что не терпел даже капли воды на какой-нибудь медной части...

Да какая польза ближнему могла быть в том, что Бернар сейчас же стирал эту каплю? А вот он стирал её. Зачем, почему?

Но ведь сам бог любит, чтобы всё было "хорошо". Он сам радовался, видя, что его творения "весьма хороши".

Мне кажется, что я, как художник, заслужил право сказать о себе, в свои последние дни, нечто подобное тому, что сказал, умирая, Бернар" [65, 352].

Так заканчивается рассказ. В нём глубокий религиозный смысл, усвоенный в своё время прагматичным протестантизмом. Немногие сейчас верят, что жизнь предназначена для жертвоприношения, ради практической пользы окружающим. В другой стилистике жил и с пафосом умирал Николай Островский, однозначный и несокрушимый, поклоняясь своим идолам.

Глубоко, ненавязчиво и изящно пронизательные герои рассказов Бунина на протяжении долгих лет творчества в России и за рубежом, под пристальным и мастерским управлением, не менее стремительно заняты большими смыслами бытия, на свой лад перебирая в мыслях, делясь в доверительных разговорах откровениями, продолжая и развивая вечную тему, неразрешимую и религиозной направленности, едва ли не главную не только для одного нашего писателя.

И.А.Бунин: "Венец каждой человеческой жизни есть память о ней, – высшее, что обещают человеку над его гробом, это память вечную. И нет той души, которая не томилась бы в тайне мечтою об этом венце" [216, 795]. "Счастлив тот, кто жизнью мир пленяет. Но стократ счастливей тот, чей прах веру в жизнь бессмертную всеяет и цветёт легендами в веках" [216, 835].

"Прямая аллея была – как жизнь, маня дрожащими бликами солнца, дивуя тенями, уходя вдаль узкой дорогой" [239, 116]. "Новые люди, далеко не заглядывая, знали твёрдо, что жизнь – только сегодня, что даже и сто процентов – пустяк, что либо весь мир, либо завтра же позорный конец" [239, 157]. "Хотя центром вселенной был, конечно, особнячок на Сивцевом Вражке, но и за пределами его была жизнь, вдаль уходившая по радиусам" [239, 187]. Пишет это М.Осоргин.

"Дело в том, что жизнь, в общем, занятная штука" [239, 539]. И весело, и любопытно, пусть самому не всё доступно и понятно в её устройстве. Во-

круг немало загадочного, неожиданного и забавного, интересно наблюдать, испытывать, переживать, вмешиваться во что-то и жить более полноценно, стремясь разобраться в том, что задевает и касается. Тем самым выражено отношение к предмету, не вполне определённого, не до конца тебе ясному. Как будто бы речь о некоей обстановке и обстоятельствах, об окружении. Такое вот привычное в целом оценочное суждение о чём-то объёмном, и часто без конкретизации значения.

I. Что такое жизнь, какая именно, как устроена, в чём цель жизни, основной смысл.

Всё, что с тобой и вокруг, так или иначе, – жизнь, в целом необъятна и необозрима. В полноте её весь освоенный мир, пожалуй, ничего нет помимо этого. "Всё существующее разумно". При определении жизни, тем не менее, хочется назвать главное, взять и схватить общую основу, отбросив детали и частные проявления. Однако ценности жизни столь подвижны и неустойчивы, не постоянны, что каждый век и возраст обнаруживают свои предпочтения. А потому едва ли не всякий отбор более существенного и важного для нас субъективен, относителен и условен. И, кажется, не может быть одного видения и идеала жизни для всех времён и народов.

Люди по-разному входят в жизнь, по-разному участвуют в ней, живут, по-разному ощущают её, по-разному чувствуют себя в жизни, по-разному требовательны, заинтересованы, внимательны, придирчивы. Видят по-разному, думают по-разному, понимают по-разному, ведут себя тоже разное, по-своему стремятся к чему бы то ни было, ибо все от рождения и по воспитанию своеобразны, опять же неповторимо разные. Ключевыми словами в данном случае являются: различие, своеобразие, многообразие, разноречие. В результате получается, всё может стать для кого-то в какой-то момент первостатейным, и от этого общая мысль о жизни столь изменчива.

"Знала, что всё это важно, даже щекочущий волос дедушкиной бороды, – но было так некогда, так много работы, что делала мыслью прыжок от деталей (о них подумает потом) к гигантскому общему, от мятой складки скатерти – к сладкому и страшному "зачем жизнь" и особенно "как жить?". Однажды уже додумалась, что цель жизни – в процессе жизни; и потому мучалась: верно ли? Не оскорбила ли цели? Не унизила ли смысла существования?" [239, 12]. Очевидно, всё в рамках этой нашей жизни важно: и щекочущий волос дедушкиной бороды, и складки мятой скатерти, и философские вопросы смысла жизни, как и её происхождения и назначения.

Жизнь устроена сложно, наряду с помехами в ней заложены разные возможности для существования и развития личности. Мало ли чего хочет человек, к чему стремится в этой жизни. В конечном счёте, всё зависит от того, кто как понимает жизнь вообще и своё место в ней, в частности. Могут быть высокие планы у личности, иначе не стоит жить, влача существо-

вание. "Слабый здоровьем, он должен быть стойким, стальным, несокрушимым волею, – в этом все оправданье жизни" [239, 162]. Не ждать милости извне, но достоинство требует от человека рассчитывать только на себя, на свои знания и силы. Бывает по-разному, так и этак.

А ещё вот: "День сменяется днём – и это жизнь" [239, 466]. Кажется, так всё обычно и просто. Конечно, иногда возникают тревожные вопросы. "Не есть ли жизнь – вечная борьба двух начал, борьба поколений и веков?" [239, 308]. Потом приходило утешение. "Так думала: жизнь, сама по себе, – это вечная творческая радость, а страдание – это временное, внешнее, что ли" [239, 279]. И так, и не совсем так. В жизни целый комплекс сложных ощущений, в ней бесконечное многообразие переживаний и чувств, положительных и отрицательных вперемежку, в разной последовательности и сочетании.

"Вот буддисты и говорят, что незнание – скрытый корень мирового страдания. Именно – незнание четырёх священных истин: истины о страдании, о его происхождении, о его уничтожении и путях к уничтожению страдания. А страдание – это и есть жизнь: рождение, старость, смерть" [239, 367]. Выходит, есть и такой, восточный подход к глубокой тайне бытия или сдержанный и печальный путь к таинственной истине существования. Многих из нас всегда терзает сомнение: "О какой говорите вы цели, не зная не только причины, но и причины причин?" [239, 518].

Можно, конечно, и так рассуждать про себя.

Люди по-разному мыслят и оценивают себя и мир, жизнь и смерть. В общем же, полагают, в этом бесконечном мире нет смерти, полного отсутствия, абсолютной пустоты и покоя, в природе вечен процесс движения и преобразования. "И давно поняла Наташа, что смерть – одно из явлений жизни, что смерти, собственно, и нет, а есть простое превращение Мушки – в травку, бывшего – в настоящее, настоящего в будущее. Страшного в этом ничего нет" [239, 224]. Как видим, в целом особенно нечего бояться ни жизни, ни смерти, стоит ли страшиться запредельного и идеального образа.

"На повороте в боковую аллею меня остановила волна воздушной мысли – накат неожиданного, показавшегося великим открытием: цель жизни есть сама жизнь! Это могло явиться в долгом ходе скрытых и путанных размышлений, но не могло свалиться с ветки липы случайным подарком. Я читал русских и иностранных классиков – не один из них не дал мне этой простой формулы, хотя мог незаметно к ней подвести. С полнотой переживались драмы, помнились прекрасные ответы и умные слова, но детство, ещё вчерашнее, не ставило ясного вопроса о цели и смысле человеческой жизни. Его выдвинуло утро и очаровало самостоятельностью, ниоткуда моего открытия: цель жизни в самом ходе жизни, в движении, а не в какой-то последней точке" [239, 517].

II. Познание жизни и развитие культуры, философия, наука, политика.

"Чему учить других, когда жизнь учит лучше всякого философа" [239, 82]. Конечно, противоречивое суждение и наивная простота имеют право быть. В религии и науке отражаются образы существования мистической реальности. В свою очередь культура тоже чём-то ограничена. Опытным путём доходим до осознания смысла и практики коммуникации, находим средства выживания и способы приспособления к условиям. Жизнь учит жизни, философия – философии, и первое вовсе не исключает второе. Напротив, научные знания, теоретические, дополняют и не могут быть помехой для жизни, отрицать вообще науку и теорию непродуктивно и вредно.

У каждого человека только лишь одна своя жизнь, и не столь уж и важно подчас, сколько она продолжается, не должно быть никаких предвзятых взглядов и иллюзий относительно исключительности и бесценности личной судьбы. Именно потому следует с самого начала настроиться на полноценную и содержательную жизнь, чтобы прожить её смиренно, испытав в этом мире самого себя по возможности глубоко, достойно и самоотверженно. "Если бы было тебе суждено прожить три тысячи лет и ещё столько-то десятков тысяч – всё-таки помни, что человек теряет только ту жизнь, какую он живёт, и живёт только ту жизнь, которую теряет" [239, 205].

Деятельная и смелая жизненная позиция в идеале должна была бы сочетаться с нравственным отношением порядочного человека к окружающим и близким людям, с подлинным его жизнелюбием и оптимизмом. "А жизнь дана не для того, чтобы её экономить и расходовать по капелькам" [239, 227]. Хотя надо признать, что в общественной среде и в той политической обстановке, в которой находимся, не всегда наблюдается только лишь одна райская жизнь, благопристойность и идиллия. Реальность изобилует борьбой, злом, невзгодами, жестокостями, сопротивлением, не одними прелестями, добром и счастьем.

Можно ли построить рай на земле, достичь обеспеченной и благодатной жизни для всех, без насилия и эксплуатации чужого труда? Стремление усовершенствовать жизнь имеющимися мало достойными средствами часто приводит к печальным последствиям.

"Он [симбирский дворянин] выправляет буквы и меняет цифры, потому что действительность может ошибаться, но теория не может. Жизни нет, есть только экономический материализм. Если нет жизни, то нет и крови" [239, 471]. Это об Ульянове-Ленине, совершившем революционный переворот в Российской империи, дабы установить в мире коммуны. Война меняет людей. "Смысл жизни в том, чтобы подольше остаться неубитым и неясно ощущать, что убиваешь других. Эти другие – никто, выдумка, плод воображения, условие игры. Никаких врагов нет – и откуда могут быть враги у пехотинца Бодрясина, в котором нет вражды ни к кому?" [239, 458].

III. Биография, стиль, цель и план жизнеописания.

Как описать жизнь? Зависит не только от цели и стиля жизнеописания. "Я завидую – хотя и не верю – тем, кто рассказывает о своей жизни в стройном порядке, год за годом, как будто справляясь по календарю и регистратору, – от мягких шёлковых волосиков до щетины на щеках, от детской курточки до тёплого халата и от коротких штанишек до той поры, когда они постепенно доходят до пят заглаженными макаронами и человек, теряя приятные иллюзии, вырастает в стоеросовый кантовский императив. Моя жизнь не росла ни тополем, ни подсолнухом, а ветвилась кустом спиреи, начисто отмирая в старом побеге и заново вырастая из подземного корня. И поэтому её картины не собраны в аккуратный альбом, а перепутаны во множестве папок, старых, новых, пыльных и обтёртых тряпочкой. Не всегда разберусь, что пережито и что вычитано, что думал и видел мальчик – и что ему подбросил растратчик жизненного капитала" [239, 494].

Разные стадии и фазы жизни естественны, как и деление на части, для лучшего её охвата, понимания и описания роста. "Младенчество, ребячество, детство, отрочество, юность, молодость, возмужалость, зрелость, возраст средний, почтенный, преклонный, старость, дряхлость – что ещё? Какое множество верстовых столбов!" [239, 517]. Для чего-то, видимо, важна подобная возрастная периодизация жизни, в ней чем-то своим, особенным привлекательно, прежде всего, своеобразное детство. "Мы были усталыми старичками на уроках географии, мы стали малымя детьми в политических спорах. Детство не возраст, а настроение" [239, 512].

"И я утешаю: молодость может вернуться, ведь это не возраст, а мироощущение! В жизни, духовно богатой, переживается несколько возрастов, и невозвратно только детство, – но ведь не хотите же вы прыгать козлятами? И обратно: бывают люди без юности; их поезд минует эту таинственную станцию зарождения самостоятельной мысли и страстного наката неразрешимых вопросов. Пожалуй, в нынешней спешке прямые поезда удобнее и экономнее. Спешили и мы, но тогда ещё не гнались за рекордами скорости и техника была невысока" [239, 517].

"Как это никто не догадался делить жизнь на трёхлетия или пятилетия, каждое со своим ярлычком, – и не было бы путаницы, и, главное, качества и настроения одного отрезка не позволяли бы себе вторгаться в неподобающую клетку" [239, 517]. "... вот мы после сказок вступаем в самую обыкновенную, рассказанную и затасканную жизнь. Здесь она несложна, но будет утомительнее в других городах и свяжется с ними в путаные узлы, будут знакомые и незнакомые улицы, люди разных одежд и языков, новые реки и притоки рек, остатки истории, заваленные новыми наслоениями событий, огненным вихрем будет сметать людей, и всё это совершенно не нужно" [239, 503].

Автобиография нередко как бы ставит цель разобраться в действительной жизни. Вовсе не такое уж простое занятие – неким образом отобразить,

сообщить и оценить в логических связях и последовательности действия, поступки, намерения и их последствия. Люди по-разному внимательны и наблюдательны, и они не способны чувствовать и замечать полностью всё вокруг себя, как и в себе тоже. Не всё оседает в памяти, трудно уловить причины и мотивы, установить связи событий и зависимости между людьми, их свойствами и деятельностью. К описанию своей жизни у каждого автора свой подход.

"Не будет последовательности в моей жизненной повести. Нет, я не буду рассказывать о революции. Вообще не буду рассказывать – мне хочется рождать образы прошлого, дав им полную свободу. Мы живём в последовательности дней, месяцев и годов; но, оглядываясь на прошлое, мы видим путаницу событий, толпу людей, нагромождение сроков и дат. В бывшем есть реальное и есть кажущееся, прежде важное стало ничтожным, маленький случай вырос в Гималаи, лёгкий мотивчик песни запомнился в укор стёршийся в памяти симфонии" [239, 546].

"Я должен бы пояснить ему моё первое открытие: цель жизни есть сама жизнь, и я не умею эту жизнь резать на аккуратные кусочки.<...> Мы же условились, что жизнь не делится на отчётливые возрастные кусочки" [239, 541]. "Бессильны мои строки, мои выкрики. Старый писатель, я отлично знаю, что лишь спокойными, взвешенными, может быть, расчётливо-злыми и ядовитыми словами можно передать свои негодующие мысли; крик ранит только детей и женщин. Но я пишу не произведение – я пишу жизнь. И мне трудно обойтись без отступлений. Насколько легче писать о других, шить платье на марионеток, ниточками которых играют пальцы!" [239, 549].

IV. История жизни.

И всё же, как кажется, полезно время от времени поступательно обдумывать и объяснять свои поступки и желания, наблюдая и осмысливая жизнь, свою и окружающую.

Сами люди определяют и цель жизни в каком-то смысле, и свои планы на будущее, все такие разные и непохожие, мало ли что каждый из них предпочтёт для себя. Далеко не всегда и не всякий может знать и сколько-нибудь внятно объяснить, чего ожидает от жизни. Кроме того, все мы неодинаково целенаправленны и настойчивы. "Жаль людей суженного кругозора и ограниченных духовных запросов, кастратов мысли, но если цель жизни – счастье, то возможно, что новые поколения счастливее нашего; мы целью жизни считали не счастье, а широту и благородство духовных стремлений, возможность их развивать и им следовать" [239, 580].

Цель в жизни ставится, преследуется, достигается, к ней стремятся в поте, при постановке и до достижения она как бы вне нас, отстранённая, в стороне. А смысл – в душе, в мыслях, в сознании, и представляется, понимается, объёмлется. Хотя и то, и другое – устанавливается и проясняется. Одно

задаётся кем-то, другое уже задано. Цели земные и человеческие, а смысл больше, он сверхъестественный. Хочу сделать, достичь – то моя цель. Каждый проживает доставшуюся жизнь, от рождения до смерти. И должен быть какой-то высший смысл во всём на Земле: кому-нибудь и для чего-нибудь нужно, чтобы Солнце и звёзды в небе и всё другое в мире.

Н.А.Бердяев писал: "Однажды мне пришлось с другим членом правления союза писателей быть у Калинина, чтобы хлопотать об освобождении из тюрьмы М.Осоргина, арестованного по делу комитета помощи голодающим и больным" [35, 233]. "Но материально существовать я мог только благодаря участию в Лавке писателей. Главным лицом в Лавке был М.Осоргин. Эта Лавка превратилась в литературный центр, где все встречались, во что-то вроде клуба" [35, 234].

9

Осенний свет Бориса Зайцева

Что такое жизнь? Трудно понять, определить и объяснить это, если в целом и окончательно, ибо у этого начала и свойства разноплановой реальности чрезвычайно мощное излучение и проникновение, широкий объём и разностороннее измерение. Дух жизни охватывает и затрагивает очень многое вокруг, и самые разные сферы мироздания, всё видимое и невидимое, так или иначе задеты его мистическим влиянием. Задача вряд ли существенно упростится, если каким-то образом расчленим бесконечный мир, чтобы заниматься поиском смысла постепенно. Но у нас не было иного выхода, кроме разбора предмета по частям и последовательного поиска.

Вопросы обращены к совести. "Что мы видим с вами вокруг себя? Какова наша жизнь?" ("Сны") [131, 158]. Твоя жизнь – это всё то, что к тебе пристало и имеет отношение. Получается, что и семья, и окружение, и среда обитания, и работа – тоже как бы твоя жизнь. Включая и отношение к стороннему миру, и взаимоотношения между людьми. Признание твоих заслуг, это мы все любим. Всё, что в поле нашего зрения, что нас трогает и нам интересно, нас занимает, – условно говоря, это наша жизнь. Включая образ мира, вкусы, стиль поведения. Слишком размыто, неточно и обобщённо в одной упаковке – и на ней товарный знак, солидный и важный: "Жизнь".

"И его дорожные мысли шли, как всегда, по тропе горькой, знакомой: что есть он? что ему дано, в чём его жизнь?" ("Спокойствие") [131, 102]. Жизнь-предназначение, переносный смысл, особенность, самоценность, отличие, судьба и предназначение. Вопрос есть вопрос, никак не ответ, однако в нём определённое направление, указывается контекстом. Личное местоимение – существо – личное существование – его жизнь, назначение, роль особая и особенная. Для какой роли человек, пришедший в этот мир, предна-

значен изначально, что совершит, в конечном счёте? Общественное положение и происхождение человека в какой-то мере определяют его жизнь.

"Что была его жизнь? Молодость – порыв к любви – её нет; жениться с усмешечкой; когда прочно полюбил жену, её смерть. Наука – в ней неудача. Сзади года, тяжесть, одиночество" ("Спокойствие") [131, 133]. Что происходило с тобой? Какие случаи запомнились? Были ли успехи и достижения? Если неудачник, то ничего выдающегося, из ряда выходящего, останутся одни пустые и грустные воспоминания. Прошлое непоследовательно, без глубокого смысла, без основательности связи и отношений, всё сводится к случайным эпизодам, общие места, примитивные и пошлые умозаключения. Странные следы оставляет жизнь в вялой памяти.

"На улице шумели пролётки, дети гомонили за забором; часто на дворе бегал мальчик, с ним две девочки. Случалось, они мешали ему криком; но было приятно, что вокруг есть жизнь" ("Спокойствие") [131, 128]. Жизнь – когда есть люди, движение, дети, крики и другие шумные признаки, разнообразие и страшная мешанина, трудно себе представить городской быт без напряжения голосовых связок, как и без привычных шумовых эффектов технических. Жизнью считают и называют всё, что может происходить с человеком и вокруг него, олицетворяя привычный образ жизни и стиль.

"Крон, думая о них, мечтает, где они будут жить, плодиться, служить; как бы им преподать свою мудрость, – жизнь трудна, какой приход, какой причт?" ("Священник Кронид") [131, 48]. Отцовская обеспокоенность о будущем детей и забота о благоустройстве и пропитании, хлебе насущном. Материальная сторона и основа благополучия на пути обустройства семейного быта потребует от человека знаний и умения для преодоления житейских трудностей, труда и сопротивляемости во взаимоотношениях с окружающими и социальной средой обитания.

"Под сердцем Агафены билась жизнь" ("Агафена") [131, 85]. В этом контексте: жизнь стучится под сердцем женщины, – здесь это, конечно, плод в утробе матери, живое существо, на первых порах движение робкое и ощущение малопонятное, но всё более полноценное, настойчивое и с характером. Женщина-роженица, исполняя природный зов и долг, приносит потомство и как бы дарует жизнь, продолжая свой род. Без полового акта, как и без деления клетки и её размножения, невозможно существование человеческого рода и животных и продолжение жизни.

"Её жизнь раскрыта перед ней, как небесная книга; за руку с милым, с другом Каутского, она убежала бы на край света" ("Агафена") [131, 98]. Жизнь – наше прошлое, прожитые годы, пережитое, оставшиеся в памяти переживания, радости, комков чувств и межличностных отношений. Жизнь как светлая мечта и воспоминание, сильная страсть и впечатление, которые навсегда останутся с тобой, не забываясь и не отходя от тебя в прошлое.

Жизнь-переживание, в непосредственном ощущении, текущая, в настоящем времени; и не совсем то же самое образ, впечатление, память, воспоминание о прошлом, жизнь в прошедшем времени.

"Тогда она пала на колени, и внутреннее видение осенило ей душу; вся жизнь явилась ей в одном мгновении..." ("Агафена") [131, 99-100]. Жизнь-воспроизведение, таинственная лента событийной хроники собственной жизни провернулась разом перед собственным внутренним взором. Так мы представляем себе конец земного существования, прощание и каждение перед смертью. Выдуманный образ жизни, очевидно, чистый литературный миф и кинематографический приём.

"Для человека в десять лет "мама" обнимает три четверти жизни" ("Заря") [131, 170]. Здесь речь идёт уже о текущей жизни, у которой иные объёмы и измерения (часы, дни, недели, месяцы), а также и своё содержание (интересы, занятия). Десятилетний ребёнок ещё только учится самостоятельной жизни, однако и он не всё может и умеет, сильно зависим от матери. В наше время дети, кажется, более самостоятельны, чем некогда, ибо в большей мере на самообслуживании, предоставленные сами себе. И это связано с тем, что другая жизнь, она изменилась заметно.

"Были ничтожные или непонятно-прелестные воспоминания – игра, ласка, запах летнего сада; но это тонуло в тумане детства, легендарного существования, бросающего на целую жизнь свой свет" ("Заря") [131, 165]. Да, отдельные впечатления детства оказываются столь яркими, что запоминаются надолго, а то и до самого конца, на всю оставшуюся жизнь. Мы употребляем слова в значительной мере автоматически и при этом ничуть не сомневаемся в правильности использования их в совокупности и сочетании, так принято говорить и так говорят, однако мало кто сумеет внятно объяснить, что же означает то или иное слово, взятое в отдельности.

"Зима! Это значит, что всё завяло ровным белым снегом, остро вкусен воздух, небо приятно-свинцового тона и летают вороны. Это значит, что для детей настал новый ряд радостей – зимняя жизнь и зимние удовольствия – лыжи, коньки, салазки, а вдали, где-то на границе двух годов, Рождество" ("Заря") [131, 171]. У жизни сезонные отличия. Зимой и летом, действительно, жизнь (что это такое? как её определить?) у нас разная, с этим не будут спорить. Режим и ритм жизни, занятия и дела, напряжённость, самочувствие, настроение, погода, одежда, питание, состав и калорийность пищи, обмен веществ и прочее – всё по-другому в зиму и в лето, весной и осенью.

небо тянуло теми мыслями, раскалывавшими людей на лагери. "Мог ли бы я бросить нашу теперешнюю жизнь – простым монахом жить тог"Взрослые не понимают природы. Они не знают весны, лета, осеннего очарования. Всё это для них было, и жизнь их охвачена равнодушием" ("Заря") [131, 174]. Может быть, это и так, и не так. Возраст откладывает свой

отпечаток на характер и способ существования, на стиль жизни, на интересы и времяпрепровождение. Жизнь – душа, это понятие охватывает очень многое и разное: ощущение, впечатления, реагирование, чувства, оценки. Кроме того, и разное отношение к окружающим, к миру вещей и живому, к своим и чужим, к идеям и понятиям, к учениям и религиям, к требованиям, законам, нормам, к традициям, новациям, к призывам и словам.

"... и сейчас на да, отстаивая Бога?" ("Спокойствие") [131, 127]. Теперешняя, очевидно, брэнная и суетная, жизнь, суета сует, определённое русло существования, и нет духовности и глубокого смысла во всём этом. Для жизни духа свойственно терзание, вопрошание, очищения от скверны, перебираем в мыслях возможные перспективы, смену и продолжение пути, действительно, благочестивой, достойной и разумной жизни. Далеко не все готовы к одиночеству и тишине, подвигу в аскезе.

"– И, между прочим, должен вам заявить, я считаю, что правда, вообще говоря, есть.

Марианна затуманилась. Её чудесные глаза, в тёмной оправе бровей, сияли.

– Я и не говорю. Я тоже в правду верю. Но всё же, понять жизнь... и всегда иметь силу принять её... Всё-таки, это очень трудно. Например, если б у вас Женю взяли..." ("Спокойствие") [131, 130]. Для нас свойственны колебания. Действительность не идеальна, нет полной гармонии отношений между людьми, наполнена суетой и злом. Её – какую жизнь? – пытаются сперва понять, разобрать, объяснить, затем принять, признать, согласиться с её требованиями. Как бы дух.

"– А, однако, я полагаю, – что есть правда, да трудно до ней допнуться. Можно переделать жизнь. Если б налечь миром, принажать – то достигли бы большего" ("Сны") [131, 158]. Если и можно что переделать, то это, очевидно, обстановка, окружающая среда, условия существования, но не сам внутренний процесс жизнедеятельности и природу то ли человека или же социального организма. Нелегко одному человеку переустроить мир, добившись всеобщей справедливости в нём. Пока мало кому удаётся согласовать и уравновесить личные интересы и потребности, чтобы добиться всеобщего благоденствия и гармонизировать общественные отношения.

"Неужели всю жизнь, половина которой уже прошла, я употреблю на добывание денег, комфорта, известности, что ли?" ("Изгнание") [131, 235]. Здесь речь идёт и о времени, и о силе, энергии, труде и усилиях. Прошли годы жизни, человек, видимо, обеспокоен смыслом и ценностями человеческого существования, он ставит про себя тревожный вопрос: как быть, что делать, на что направить устремления, к какой цели двигаться? Такая философия жизни и мудрствование, почин рассуждения о высоком и главном. Вме-

сто того чтобы заниматься делом практическим, человек запутывается в мыслях и отвлекается теорией. Отвлечённое глубокомыслие по-русски.

"Её внешняя жизнь так же шла, как и раньше в то далёкое – казалось теперь – время, когда она не знала ещё Константина Сергеича. Так же Мать работала в больнице, так же ходил к ним Бобка, иногда бывал весел и любезен, иногда придирался, ревновал" ("Мать и Катя") [131, 275]. Что-то можно наблюдать вокруг, действия и поведение, движения и передвижения, разговоры окружающих, отношение и общение в той или иной среде. В отличие от скрытой от глаз посторонних внутренней и духовной жизни. Тоже жизни, или деятельности, хотя и не вполне доступной для нашего понимания и объяснения. Мы пока ещё не знаем доподлинно, что это такое жизнь.

"И как, несмотря на всю свою серьёзность, просвещённость и богатство, он, Андрей Афанасьевич Казмин, лежит этой тёмной ночью один, в постели, со своим честным именем, с разгромленной душой и без надежд на будущее. "Вся моя жизнь, – думал он, – имела смысл до тех пор, пока Надя меня любила. Лишь до тех пор" ("Путники") [131, 279]. Иной раз твоя жизнь связана с острыми обидами и сильными психическими переживаниями. Пределом любовных драм может стать чувство самоубийства, или невыносимости продолжения собственного существования. Субъект спрашивает себя выводом, что без взаимной любви ему нет смысла жить.

"Утром Казмин пил с ним кофе, потом уходил к себе, читал, занимался. Обедали тоже вместе – вернее, обедал Казмин, в столовой, за богатым прибором... Эта жизнь не была Казмину неприятна. Быть может, ему даже нравилось – после сурового однообразия деревни попасть в неожиданные, столь непривычные условия" ("Путники") [131, 293]. Условия жизни, обстановка, обстоятельства, жизненная и социальная среда, местность сказываются на жизни. То ли городская, то ли сельская, она может быть более роскошной, богатой, обеспеченной, благоустроенной. Или, напротив, бедной, неустроенной, без всяких удобств, первобытной и примитивной.

"Много здесь выпито, много здесь перемучено. Но это – жизнь" ("Душа") [131, 308]. Чтобы не разбираться в сущности вещей, не вскрывать трудности и несуразности, – просто вздох и объяснение, такой синтаксис и отношение фатальной неизбежности и обусловленности. Мол, что поделаешь, таковы общепринятые рамки, правила, обычаи, инерция. Нечто очень само по себе тяжёлое, устойчивое, такая массивность. Иначе говоря, наследие прошлого, то, с чем бессмысленно бороться, – привычное поведение, традиции, которые укоренились и передаются из поколения в поколение. Так вот устроен мир, от нас мало что зависит, и в этом какое-то утешение.

"А сейчас, по-моему, они меня стесняются. Мы совсем в добрых отношениях. Но меж нами – пропасть. В разные стороны мы глядим, разно живём, разно чувствуем. Я для них слишком чудной, они для меня – слишком

жизнь" ("Душа") [131, 309]. Жизнь – обязанности, рутина, поиск, дерзания, устремления и страсти. Обыватель и творческий человек расходятся в своих интересах и поведении, у них разные взгляды на жизнь и системы ценностей. Есть люди практичные, приземлённые и приспособленные к привычной жизни, а встречаются странные, оторванные от реальности, неукоренённые фантазёры, которые увлечены разными изысками и чудачествами.

"Привет бесцельному. Глазам, ребятам, играм, ветерку, облаку, благоуханью... "Жизнь, как она есть" – долой" ("Душа") [131, 309]. Отношение к тому, что вокруг нас происходит, и оценки того, что на самом деле случается, безусловно, довольно пристрастны и неизбежно субъективны. Мало ли кто чем и почему недоволен, много есть поводов и причин для недовольства и протестов. Много, едва ли не почти всё, зависит от самих людей. Но иногда приходят общие беды, голод, мор, войны, природные бедствия, наказание божеское, и тогда на Земле действительно катастрофически худо. И тогда, пожалуй, не спасает никакое благоговение перед жизнью.

"– Я желаю, пить, ладно, – кричал Яшин. Пшерва подсвистнул, сделал глазом "иронию". "Хе-хе, вся жизнь – чёртов танец". Он любил страшные выражения: "пляска любви", "синагога сатаны" ("Спокойствие") [131, 135]. Невнятные сравнения и броские метафоры вместо определения и рассуждения, когда нет ясности понимания, или же нет понятия о предмете. Соответственно успехам и достижениям и циничные самооценки. Жизнь – прежде всего это собственная роль в обществе, в кругу общения. Не получается всерьёз о серьёзном – переходим на смех, на осмеивание и принижение предмета.

"Трудно вообще сказать, когда легка была жизнь человеческая. Можно ошибиться, называя светлые периоды, но в тёмных, кажется, погрешности не сделаешь. И без риска станешь утверждать, что век четырнадцатый, времена татарщины, ложились камнем на сердце народа" ("Преподобный Сергей Радонежский") [131, 478]. Жизнь – труд и борьба за существование. И они не могут быть простыми и лёгкими для всех. Кто-то страдает, кого-то не удовлетворяет что-то, что-то угнетает, притесняет, унижает, оскорбляет, чего-то недостаёт. Всегда есть люди, недовольные в той или иной мере. Нет мира под оливами.

"Молитвы, труд над грядкою капусты, и жизнь леса вокруг: он не проповедовал, как Франциск, птицам и не обращал волка из Губбио" ("Преподобный Сергей Радонежский") [131, 483]. Чем именно это лицо обычно занято, увлечено, обеспокоено, к чему привлечено, приобщено, причастно, приставлено, приросло, в какой среде и окружении существует. Всё это и ещё что другое составляет содержание и особенность жизни, или времяпрепровождения, личности. Монахи, в отличие от людей светских, коротают дни по-своему и живут по монастырским уставам, у них строгие установки и порядки.

"Но небыстра история. Жизнь поколения – ничто" ("Преподобный Сергей Радонежский") [131, 507]. Жизнь человека складывается из занятий и дел, переживаний на протяжении дней, месяцев, лет, десятилетий (его век недолог). История страны тянется дольше, складываясь из жизни многих поколений. Живой мир преемствен и многоступенчат, целостный и необъятный, он устроен загадочно и чудесно, существует (живёт) в сложных внешних связях и внутренних отношениях. Каждый субъект безмерной жизни так или иначе играет свою "историческую" роль, какую-то, в таинственном пространстве и измерении Жизни.

"Олег был крепкий, вероломный, закалённый в трудных временах князь типа тверитян. Вся жизнь его прошла в интригах и походах. Ему случалось бить и москвичей, терпеть и "нахождения" татар. Чтобы спасти своих рязанцев, живших на пути татарском в глубь России, – унижаться, продавать. Быть может, его старость, после бурной и тяжёлой жизни, была нелегка" ("Преподобный Сергей Радонежский") [131, 507]. Так говорят о прошлом и настоящем существовании, связав и назвав жизнью, полной борьбы и вероломства, не вполне осознавая реальное содержание и смысл слишком общего названия: жизнь трудная, опасная, в коварстве и битвах.

"Монастыри "сергиевские" – их считают до сорока, а от себя они произвели ещё около пятидесяти – в огромном большинстве основанные в местах пустых и диких, в дебрях. Не они пристроены к преуспевающей жизни – жизнь от них родится в лесных краях, глухо-озёрных" ("Преподобный Сергей Радонежский") [131, 513]. "Ибо ведь они – колонизаторы. Вокруг них возникает жизнь, при них светлей, прочней духовно чувствуют себя и поселенцы" ("Преподобный Сергей Радонежский") [131, 513]. Православие и церковная жизнь, в частности, монастырская и миссионерская, были и остались в связи и в рамках светских интересов и государственной политики.

"Такою же безбрежной кажется жизнь мира и отсюда, если лежать под дубом, закрыв глаза, слушая шум приречных лесов, созерцая тихий ход реки" ("Тихие зори") [131, 47]. Как ещё можно ощутить торжественную красоту и величественность бесконечного мира вокруг нас иначе, нежели только не обративши взор в высь бездонного или звёздного неба? Жизнь, может быть, и в самом деле связана с неким Разумом, осмысленным заполнением разумного пространства в тишине просторов Вселенной. Мифологемы, древние боги и духи, ведь не случайно же населяют и обживают воображаемый космос.

"Константин Андреич отбросил Федю, смерть, тоску – только слушал, вздыхал эту жизнь вокруг – такую благозвучную, цветущую жизнь. "Может быть, ничего и нет, – лишь это луговое сено, липы, луна... Может, это самая большая правда" ("Спокойствие") [131, 124]. Природная, во многом растительная, жизнь – ощущение красоты окружающего мира, прелесть, дар и

ценность, отречение от общественных и животных рефлексов. Бывает и такое настроение, случается с нами такой вот глубокий атавизм чувств.

"Я открыл маленькое Евангелие на одном из любимых мест: "Ибо тесны врата и узок путь, ведущие во жизнь, и немногие находят его" ("Изгнание") [131, 242]. Вечная жизнь – жизнь будущего века, вечность, противоречивое религиозное понятие, разъясняется в богословии как то, что наступит после воскресения мёртвых и Страшного суда. "Для верующих, любящих Бога и делающих добро она будет столь блаженна, что теперь мы сего блаженства и вообразить не можем <...>, а неверующие и беззаконные будут преданы вечной смерти или, иначе сказать, вечному огню, вечному мучению вместе с дьяволом". Жизнь и смерть – награда и наказание.

Итак, мы выбрали из книги Б.Зайцева 32 фразы со словом "жизнь" и попытались во всех тех случаях прояснить и как-то обозначить хоть какое содержание словоупотреблений, улавливая их смысл в определённом фразовом окружении, в контексте и подтексте. При этом ставилась сверхзадача и предусмотрительно преследовалась цель: установить меру и степень семантического, содержательного и качественного сходства или же отличия контекстов и словоупотреблений. Естественно поставить вопрос: надо ли определять значение слова, в общем понятного вполне и так, без истолкования и раскрытия смысла. Представляется, что очень даже излишне.

Важно разобраться, насколько же широк (и наполнен) в творчестве писателя размах смысловых колебаний ключевого слова, очерчивающий семантическое пространство основной единицы языка, используемой в творческой мысли или образной речи мастера и незаурядного литератора. Очевидно, пока живёт слово, применяясь в речи, постоянно всё больше расширяется не только тема и сфера его применения, но и вместе с тем объём и плотность семантического пространства, которое становится всё более ёмким и наполненным, весомым и значимым. Ценность его постоянно увеличивается, как валютная обеспеченность и устойчивость сбережений в банке.

Никто не станет спорить, что в тайге и лесах, в пустыне, в озёрном краю, в степях, в горах, в тундре, в поморье и т.д., – повсюду своеобразная природа, природно-климатические условия, и в этом смысле потому там складывается и проистекает очень разная жизнь. Скажут, во всех землях и странах люди всегда живут сообразно естественным и историческим условиям: тут и жилище, и одежда, и пища, и орудия труда, и технология, и искусство, и ритмы, и традиции, и быт, и обычаи – всё целенаправленно, особенно и по-своему устроено, сложено. Свяжем воедино перечисленное выше, и наречём обобщённо всё то жизнью, великим и важным именем.

Рождаются люди, расселяются по всему пространству и площади планеты, тем самым жизнь на ней постепенно всё больше расширяется и уплотняется. Жители Земли, её заселённость и плотность населения (сущего),

безусловно, также составляют и определяют в значительной мере то, что мы называем жизнью. Однако людская масса вовсе не исчерпывает собой всего состава жизни на планете. Помимо нас, её населяет ещё богатый и разнообразный животный и растительный мир, наши младшие братья и партнёры (соперники) по существованию в одних и тех же жизненных пределах. И ещё невидимый мир тоже живой ведь.

Мы, люди, живём в некоем природном и социальном пространстве, в космическом, физическом и историческом времени, постоянно приспособляясь к меняющимся условиям и сами преобразуясь. Наша Земля занимает своё место в Солнечной системе и, видимо, не просто так вертится и крутится в великом пространстве Космоса. А ещё жизнь зависит от самого человека, его достоинств, а также несовершенств и слабостей. Именно поэтому возможен узкий и эгоистический подход к жизни, наряду с тем, однако, может быть и экологический подход, более зрелая, глубокая и широкая по взглядам оценка положения и перспектив.

На этом свете, на Земле, вовсе не только лишь я один. Нас много, и Жизнь связывает каждого из нас с окружающей средой и обстановкой. Вокруг другие люди, целый мир духов и идей, вещей, творений и разных тварей, животный и растительный миры, без которых немислима никакая отдельная жизнь. У каждого человека – раз уж самость – жизнь неповторима и проходит по-своему, тем самым наполняется своим уникальным содержанием, или смыслом. Интересы, потребности, способности, мысли, занятия, труд, отношение, окружение, восприятие, чувства, ощущение – всё то в жизни обособливает нас и отличает одних от других.

Жизнь в первую очередь практика, деятельность, текущий момент и активность, но в то же время и безделье, рутина, скука, тоска, зло, пьянство, болезни и многое другое, тоже заполняют собой человеческое существование. Высвечиваются и на первый план выходят те или иные стороны необъятной и всеохватной жизни. В ней наше всё: что имеем, делаем, умеем, понимаем, знаем, видим, осязаем – и кроме неё у нас ничего. Поэтому это также и одно из самых общих понятий. Трудно развязать все узлы и связи, чтобы разложить содержимое по полочкам. Организм можно расчленить и препарировать, но тогда будет препарат, совсем другой предмет.

Жизнь так или иначе включает в себя едва ли не всё на свете. И ни один человек, смертный, не может объять жизнь, раз она бесконечна и безмерна, охватывая весь мир, время и пространство. Жизнь – не только существование и реальность, но и сверх того ещё и виртуальная, мнимая, действительность тоже. Субъекты жизни, чья жизнь, жизнь чего. От этого зависит по сути, что именно всё это. И она бывает всякая и самая разная. Подход к тому, что называется жизнью всевозможный, самые разные аспекты жизни

исследуются самыми разными науками. Много тем, задач и целей, средств и методик исследования жизни.

Как ещё та общепонятная и всеохватная "жизнь" называется или перефразируется в русском языке? В просторечии – это житьё-бытьё, житуха. И, кроме того, в других сферах общения нередко ещё как бы и действительность, существование, деятельность, прозябание, процветание, даже современность, прошлое и др. Очевидно, всё это из самой разной категории именуемого. В какой мере, каким образом можно разобраться во всём том разноречии и многообразии (в чём и зачем)? Рассказывая жизнь, не все замыкаются на очевидном. Наши мысли проникают в сферу, недоступного и непостижимого, в потусторонний мир, мистический и таинственный.

Говоря о жизни в целом, философствуя в метафизическом плане, как и занимаясь ею специально по разделам природоведения, принято опираться на ту или иную научную классификацию. Различают органическую и неорганическую жизни, её части. Вместе с тем нужно учитывать масштабы и охват, имея в виду те или иные сегменты и рамки жизни: всемирная, глобальная и земная, отдельно растительная и животная, принимается в расчёт сложность организмов и распределение по средам обитания. Расходится философское и религиозное понимание жизни.

10

Жизнь в письмах и дневниках

"Я лучшей доли не искал..."/

Сост., очерки и комм. П.Енишерлова.

В сборнике представлены материалы, касающиеся жизни и творчества Александра Блока.

Всего 389 словоупотреблений существительного "жизнь", по падежным формам распределённого так: и – 90 (И – 1), р – 141, д – 16, в – 57 (В – 1), т – 18, п – 65. Ниже представлены наиболее значимые контексты, или предложения, с нашими пояснениями.

[Софья Григорьевна Карелина] "Она любила жизнь в её простых проявлениях: в людях, в природе, была глубоко религиозна. Любила также живопись и литературу, своей наивной и чуткой душой чуяла лирику Тютчева, а впоследствии и Блока" [388, 31]. Выходит, что наряду с относительно простыми проявлениями жизни есть и другие, более сложные, её проявления. На наш взгляд, было бы интересно и важно подробнее и полнее как-то представить и перечислить их. Полностью, во всех своих проявлениях жизнь, видимо, неисчерпаема. Едва ли не всё на белом свете, так или иначе связано с её проявлением и обнаружением.

[Л.Д.Блок. Из воспоминаний]: "Я отдалась странной прелести наших отношений. Как будто и любовь, но в сущности – одни литературные раз-

говору, стихи, уход от жизни в другую жизнь, в трепет идей, в запевающие образы" [388, 76]. Есть одна жизнь, и есть другая, совсем иная, у того или у другого человека своя жизнь, связи, интересы, потребности, склонности, ценности и представления.

"Да, я вижу, что я Вам никогда не прощу то, что Вы со мной делали всё это время, – ведь Вы от жизни тянули меня на какие-то высоты, где мне холодно, страшно и ... "скучно" [388, 83].

В чём-то существенном все мы похожи и в то же время так не похожи друг на друга. И сами на себя в разные годы, очевидно, тоже. Люди живут и растут противоречиво, под влиянием чужих взглядов и слов, под неустойчивыми и зыбкими сводами переменчивых иллюзий.

А.А.Блок 29 января 1902 года: "Могу просто и безболезненно выразить это так: моя жизнь, т.е. способность жить, немислима без Исходящего от Вас ко мне некоторого непознанного, а только ещё смутно ощущаемого мной Духа" [388, 84]. Важное место в жизни молодого человека занимает ощущение и переживание собственного чувства любви к Прекрасной Даме.

"Чего только не было – и романтизм, и скептицизм, и декаденты, и "две бездны". ... Свой "мистицизм" я уже пережил, и он во мне неразделен с жизнью" [388, 97-8]. В своё время каждый из нас по-своему усваивает уроки жизни, испытывая разные увлечения, переживания и состояния, словно бы перенося всевозможные прививки.

А.А.Блок – Л.Д.Менделеевой, 22 февраля 1903 года: "Мистики совсем не юродивые, не "олухи Царя Небесного", а только разряд людей особенно ярко и непрерывно чувствующих связи с "Иным", притом чувствующих не только в минуту смерти, а на протяжении всей жизни. Не думай, что я один называю именно то "мистицизмом". Это – общее понимание (конечно, не специально учёных философов и пр.). Тут нет точного определения, но и его вообще нет для мистицизма в самом широком смысле, как нет определений для неисповедимых путей божиих" [388, 99-100]. Для верующих неисповедимы – и никак не определимы Пути Господни.

"Ибо театр – это сама жизнь искусства, та высокая область, в которой "слово становится плотью" [388, 154]. В жизни существует, действует и процветает (т.е. живёт по-своему) искусство как вид творческой деятельности и проявления религиозной связи, мистики и Жизни.

Из книги "Александр Блок" М.А.Бекетовой: "Это случилось осенью 1906 года. Квартира – "демократическая" – найдена была на Лахтинской улице, в четвёртом этаже. В трёх небольших комнатах Блоки устроились уютно. Вещей у них было немного, средства были крайне скудные, но вся атмосфера их жилья дышала обычной милой своеобразностью" [388, 167].

А.А.Блок – Е.П.Иванову, 25 июня 1906 года: "Читал я много ... Лучшая пора жизни – ночью перед сном, когда всё тихо, – читать в постели – тогда

иногда чувствуешь, что можно бы стать порядочным человеком". Жизнь – временная протяжённость, дробится произвольно на те или иные промежутки и определённые части: периоды, этапы, отрезки, срезы, сезоны.

"Наша жизнь того периода также проходила в некоем нереальном плане – в игре. После "Балаганчика", на вечере бумажных дам маски сделали нашу встречу чудесной, и мы не вышли из магического круга два зимних сезона, пока не расстались" [388, 215]. Отличается жизнь бесконечно и по-своему содержанию, наполнению, характеру. Имеет свою значимость и ценность.

Из записной книжки, 2 июля 1909 года, из Тараканово: "Западу обязан я тем, что во мне шевельнулся дух пытливости и дух скромности. Оба боюсь я утратить опять. А без них невозможна работа, т.е. жизнь. Без них всё случайно, подвержено случайностям" [388, 241].

А.А.Блок – матери, 28 апреля 1908 года: "Но – "всё невинно". Главное, что это не надрывает меня. Моя жизнь катится своим чередом, мимо порочных и забавных сновидений, грузными волнами. Я работаю, брожу, думаю. Надоело жить одному. ... Отчего не напиться иногда, когда жизнь так сложилась: бывают минуты приближения трагического и страшного, ветер в душе ещё свежий; а бывает – "лёгкая, такая лёгкая жизнь" (Сологуб)" [388, 248].

А.А.Блок – Л.Д.Блок, 24 июня 1908 года, из Шахматово: "Ты не имеешь потребности устроить нашу жизнь так, чтоб и комнаты ожили? Или ты всё ещё не поймёшь "быта"? Есть ведь на свете живой быт, настоящий, согласный с живой жизнью. Беспокоюсь о тебе" [388, 251]. У японцев-самураев традиционно домашний и семейный быт – живой и древний по складу и смыслу, целое искусство. У нас, увы, часто по стилистике это как бы общежитие.

А.А.Блок – Л.Д.Блок, 23 июля 1908 года: "Пойми, что мне, помимо тебя, решительно *негде* найти точку опоры, потому что мамина любовь ко мне беспокойна, да я и не могу питаться только материнской любовью; мне надо, чтобы около меня был живой и молодой человек, женщина с деятельной любовью; если этого никогда не будет, то мне ничего не остаётся, кроме пустой и зияющей темноты, когда я растрочу все свои жизненные силы" [388, 253]. Как видим, жизнь, очевидно, не только поэта, питается и поддерживается энергией деятельной любви.

А.А.Блок – матери, 19 июня 1909 года, из Милана: "Люди мне отвратительны, вся жизнь – ужасна. Европейская жизнь так же мерзка, как и русская, вообще – вся жизнь людей во всём мире есть, по-моему, какая-то чудовищно грязная лужа" (С.271). В зависимости от настроения и состояния духа наши суждения, мы даём самые разные оценки окружающей действительности.

А.А.Блок – П.И.Карпову, 27 января 1910 года: "Тут уже дело не об "интеллигенте" и "народе", а о гораздо большем: пусть всякий человек, *какими может и хочет* путями (а пути у всех разные) побеждает *зверство* (уродство) – и государственное, и интеллигентское, и народное, и душевное и те-

лесное. Зверство повсюду есть. – Это – только моё "крайнее" возражение на одно из Ваших "крайних" мнений" [388, 295]. "Крайние" мнения вызывают "крайние" возражения.

Из записной книжки, 21 марта 1910 года: "Что-то будет?" Мне кажется, что я давно не пил, и чувствую себя молодым. Ещё поборемся. Так резко впечатлительна жизнь, так много планов и дум. Заря весенняя погасла. Что будет? Вагон качает" [388, 277].

Запись в дневнике, 17 октября 1910 года: "Писать дневник, или по крайней мере делать от времени до времени заметки о самом существенном, надо всем нам. Весьма вероятно, что наше время – великое и что именно мы стоим в центре жизни, т.е. в том месте, где сходятся все духовные нити, куда доходят все звуки" [388, 279]. Субъективный взгляд на мир. Центр жизни, как и настоящее время, никогда не стоит на месте, он постоянно перемещается во времени и пространстве. То же надо сказать и о понимании "самого существенного". "Мне скоро 31 год. Я много пережил лично и был участником нескольких, быстро сменивших друг друга, эпох русской жизни. Многое никуда не вписано, и много драгоценного безвозвратно потеряно" [388, 280].

Из дневника, 20 октября 1910 года: "Безумно люблю жизнь, с каждым днём больше, всё житейское, простое и сложное, и бескрылое и цыганское" [388, 283]. 9 декабря: "Нет, рано ещё уходить из этого прекрасного и страшного мира" [388, 291]. 4 марта 1912 года: "Скандалы" этих дней на улицах (я – свидетель "необходимый") – так называемые скандалы, а по существу – настоящие проявления жизни, случайно вышедшие на улицу (хулиганы, бьющие фонари и друг друга, пьяный в трамвае, муж и жена на Большом проспекте, – ибо Невский потерял своё значение)" [388, 315].

Запись 24 марта 1912 года: "В большинстве случаев люди живут настоящим, т.е. ничем не живут, а так – существуют. Жить можно только будущим. Те же немногие, которые живут, т.е. смотрят в будущее, знают, что десятки видимых причин, заставляющих людей уходить из жизни, ничего до конца не объясняют; за всеми этими причинами стоит одна, большинству живых не видная, не понятная и не интересная" [388, 315-6].

29 марта 1912 года: "Сегодня отвечаю Н.Н.Скворцовой, что: "всё не так, слова её – покров, на знаю, над чем. Мир прекрасен и в отчаянии – противоречия в этом нет, Жить надо и говорить надо так, чтобы противодействующая жизни была истовая цыганская, соединение гармонии и буйства, и порядка и беспорядка. Иначе - пропадёшь" [388, 316].

То есть: моя строгость к самому себе и "скромность" изо всех сил могут помочь пьесе – стать произведением искусства, а произведение искусства есть существо движущееся, а не покоящийся труп" [388, 319].

Дневниковые записи, 17 декабря 1912 года: "Тягостное утро, одиноко, тоскливо, ничего не выходит. Холодные телефоны" [388, 322]. Настроение – и тоже самая настоящая жизнь.

19 декабря: "Надо, чтобы такое напоминало о месте, на котором стоишь, и надо, чтобы иногда открывались глаза на "жизнь" в этом её, настоящем смысле, такой хлыст нам, богатым, необходим" [388, 322].

А.А.Блок – А.И.Арсенишвили, 8 марта 1912: "В этом же смысле могу сказать: "не люблю я стихов" – т.е. "слишком болезненно люблю", за то, что все прошедшие стихи (и мои в том числе) способны стать вдруг "полями блаженных", царством забвения. Чем меньше сил для жизни, тем слаще забвение" [388, 323].

"Если в современной противоречивой и вялой жизни многое тонкое и высокое бессильно сказать нам о будущем, будем беречься его, будем даже любить более грубое и более низкое (в культурном, что ли, смысле), если там голос будущего громче" [388, 324].

А.А.Блок – С.М.Михайловой и А.И.Романовой, март-апрель 1912 года: "Будьте счастливы, смотрите, наступает весна; если будете сильны и чисты, жизнь Вам откроется, Вы в неё войдёте и поймёте, что, несмотря на всё, что было, что есть и что будет, она исполнена чудес и прекрасна" [388, 325].

А.А.Блок – И.П.Брихничёву, 26 августа 1912 года: "Весь мир наш разделён на клетки, толстыми переборками; сидя в одной, не знаешь, что делается в соседней. Голоса доносятся смутно" [388, 325].

"Для меня же это только разрозненные факты, и я всегда могу думать *меньше*: Вы, Клюев, я, кто-нибудь четвёртый с Волги, из Архангельска, с Волыни – всё равно, – все разделены, все говорят на разных языках, хотя, может быть, иногда понимают друг друга. Все живут по-своему. ... Все остаёмся разными" [388, 326].

Дневниковая запись, 13 января 1913 года: "Жизнь идёт своими путём и загоняет мокриц постепенно во всё более и более зловонные ямы". "Болтовня о подругах – ничтожнейшая – с подробными биографическими сведениями, как принято в захолустье. "Вышла замуж, чахотка, муж офицер..." [388, 338]. Такое вот наблюдение и замечание о жизни, и там же ещё жизнь в жизни.

"Мир движется музыкой, страстью, пристрастием, силой. Я волен выбирать, кого хочу, оттуда – такова моя верховная воля и сила" [388, 341]. И это ведь тоже о нашем существовании.

А.А.Блок – С.А.Богомолу, 1 мая 1913 года: "Всё-таки, читая Ваши письма, я чувствую, как много Вы копаетесь в себе – именно в себе, а не в своём. Будь у Вас какая-нибудь любимая работа, "специальность", Вы бы иначе себя чувствовали. Она и будет, надо надеяться. Пока её нет, всё отношение к миру выходит женское, много "настроений" и мало действия. Не так ли? Кому не одиноко? – Всем тяжело". "Завоевать хотя бы небольшое пространство воз-

духа, которым дышишь по своей воле, независимо от того, что ветер всё время наносит на нас тоску, или веселье, легко переходящее в ту же тоску, – это и есть действие мужественной воли, творческой воли" [388, 346].

Из записной книжки, 28 июня 1914 года: "Жизнь моя есть ряд спутанных до чрезвычайности личных отношений, жизнь моя есть ряд крушений многих надежд. "Бодрость" и сцепленные зубы. И – мать" [388, 387].

Из книги "Страницы жизни" Вс.Рожественского: "Ведь для Блока стихи – это вся жизнь, а как о жизни неведомому человеку, да ещё в такое короткое время, расскажешь?" [388, 394].

А.А.Блок – С.Н.Туголминой, 16 января 1916 года: "Жизнь моя, по тысяче причин, так сложилась, что мне очень трудно быть с людьми, за исключением немногих, что я смотрю на жизнь, что называется, мрачно (хотя сам я не считаю своего взгляда мрачным), что я не чувствую связей родственных; я знаю, при этом, что дело моё, которое я делаю (худо ли, хорошо ли, – я сам, как ты уже знаешь, вовсе недоволен собой), требует, чтобы я был именно таким, а не другим" [388, 414-5]. "Не умею ценить потому, что требую от жизни – или безмерного, чего она не даёт, или уже ничего не требую. Вся современная жизнь людей есть *холодный ужас*, несмотря на отдельные светлые точки, – ужас надолго непоправимый" [388, 415].

Из воспоминаний О.В.Гзовской "А.А.Блок в Московском Художественном театре": "Александр Александрович сказал: "Вы говорили – вас увлекает роль, так что же, давайте создавать этот образ. Я рад, что вам Изора нравится, а я боялся. Ведь сцены короткие, и слов не так много". Я ответила: "Да ведь дело не в словах, для актрисы-художника важнее то, что между слов, по-моему, в этом жизнь роли. Вот, например, сегодня паузы во время вашего чтения очень много говорили" [388, 419]. Так что, очевидно, сценические роли (как и актёры на сцене) тоже по-своему "живут", отличаясь жизненностью, страстью и вдохновением.

"Беспечная, светская, юная девушка, дочка профессора, в поисках настоящей любви проходит очень бурно свой жизненный путь: то спортсменка, то актриса, то танцовщица, через ряд любовных историй и разочарований катится всё ниже и ниже и, наконец, попадает в ночлежку, где, разнимая драку двух бродяг, она получает смертельную рану и умирает" [388, 424].

А.А.Блок – О.А.Кауфман, 14 апреля 1916 года: "Вообще деление на поколения условно. Есть люди, в которых сразу – как бы десять поколений, а то и того нет" [388, 427].

Из записной книжки, 21 мая 1917 года: "Отдыхая от службы перед обедом, я стал разбирать (чуть не в первый раз) ящик, где похоронена Л.А.Дельмас. Боже мой, какое безумие, что всё проходит ничто не вечно. Сколько у меня было счастья ("счастья", да) с этой женщиной. Слов от неё почти не останется. Останется эта груда лепестков, всяких сухих цветов,

роз, верб, ячменных колосьев, резеды, каких-то больших лепестков и листьев. Всё это шелестит под руками. Я съёл некоторые записки, которые не любил, когда получал; но сколько осталось. И какие пленительные есть слова и фразы среди груды вздора. Шпильки, ленты, цветы, слова. И всё на свете проходит" [388, 440].

М.Горький. А.А.Блок: "Он сказал, что ему приятно видеть, как я освобождаюсь "от интеллигентской привычки решать проблемы социального бытия".

– Я всегда чувствовал, что это у вас не настоящее. Уже в "Городке Окурове" заметно, что вас волнуют "детские вопросы" – самые глубокие и страшные!

– Он – ошибается, но я не возражал, пусть думает так, если это приятно или нужно ему.

– Почему вы не пишете об этих вопросах? – настойчиво допытывался он.

Я сказал, что вопросы о смысле бытия, о смерти, о любви – вопросы строго личные, интимные, вопросы только для меня. Я не люблю выносить их на улицу, а если, изредка, невольно делаю это – всегда неумело, неуклюже.

– Говорить о себе – тонкое искусство, я не обладаю им" [388, 462-3].

С одной стороны, как видим, перед человечеством стоят задачи социального и политического обустройства общей жизни, в то же время, с другой стороны, беспокоит религиозный по сути вопрос о жизни и смерти. Земное существование человечества (как бы его быт) и запредельный смысл вечной жизни (бытия).

С.Алянский. Из воспоминаний "Встречи с Александром Блоком": "Жизнь в "Привале комедиантов" начиналась поздно, часов в одиннадцать. До двенадцати публика собиралась вяло, оживление же наступало обычно после полуночи, когда в театрах кончались спектакли" [388, 502]. Жизнь – оживление, движение, распоряжения. Своеобразная артистическая и творческая работа, театральная, клубная, связана с присутствием зрителей, как и организаторов и участников действий, поддерживаясь, собственно говоря, собранием публики, общением и общественностью.

Всего мы отобрали сорок отрывков, или сорок цитат и контекстов. В каждом из них своё понимание и осмысление "жизни", освещается тот или иной план, определённый аспект многосложной жизни. Это связано с тем, к кому или чему та жизнь имеет отношение, с чем сопрягается, какая именно она, где или в чём обнаруживается и проявляется. Как и в зависимости от словесного окружения, у неё самое разное смысловое содержание и наполнение. И совсем не так легко и просто понять и разъяснить реальный смысл словоупотребления. Есть вечные вопросы, а есть нечто на злобу дня, то и другое касается какой-то грани жизни, она бывает для нас очень разная и невнятно своеобразная.

Одно дело вообще жизнь, как всеобщая и отвлечённая сущность и философское понятие, и другое дело её то или иное проявление, причастность к конкретному существу, человеку, животному, растению, вещам и идеям, к существованию некоторой системы отношений и связей (общество, животный и растительный мир, галактика, космос, предметный мир, идеология). Жизнь касается очень многого, если не всего, что приобщается к сознанию, освещается им. Для нас во главу угла ставится собственно личность и жизнь человека, хотя мир и бытие не исчерпывается только лишь одним этим углом, жизнь значительно многогранней и бесконечно разнообразней, и в принципе она вся и целиком неохватна, представляя собой поток, имеющий космическую природу и непостижимое (таинственное) происхождение.

Дневник А.Блока, 13 июля 1917 года: "Ложь, что мысли повторяются. Каждая мысль нова, потому что её окружает и оформливает новое" [388, 448].

"Когда былые дни я вижу сквозь туман, / Мне кажется всегда – то не моё былое, / А лишь прочитанный восторженный роман" (В.Брюсов) [157, 144]. Ср.: былые дни (былое), жизнь, и роман. То есть писание, оно возвращается в жизнь, вторгаясь в неё и как бы оживая вновь.

Разбираясь в словоупотреблениях и словосочетаниях, вникаем в сказанное. Слово "жизнь" в речи уточняется в контекстах, где проясняется разновидность, *какая* именно жизнь. Взять наугад такие определения жизни, как свободная, полнокровная, современная, долгая, счастливая. Случается человеческая, беспутная, шальная, бесшабашная, трезвая. Бывает московская, столичная, сельская, моя. Может быть семейной, духовной, внутренней, общественной, частной, личной. Не перечислить всех определений. Или просто жизнь, без определения: вдохнуть жизнь, уйти из жизни. При этом редко раскроют, что есть жизнь, будто ясно значение слова и без толкования. Что в них называется "жизнью"? Одно и то же или разное, насколько разное?

В.Набоков. Истребление тиранов.

11

Terra incognita

Жизнь там, где человек, а где человек, там чувства. "В теснейшем и существеннейшем своём значении романтизм есть не что иное, как внутренний мир человека" [331, 202]. Явление и сущность вещей не совпадают вполне, и наука не просто описывает отдельные проявления, только лишь представляя их, но ищет основу, существенные связи и отношения в мире вещей, суть и душу отвлечённых понятий. "Пушкин когда-то сказал, что следовать мыслям великого человека поучительно и доставляет большое наслаждение" [331, 178]. Эти слова могут быть отнесены к мыслям Маркса, и Белинского, и самого Пушкина тоже, как и других классиков.

Что такое жизнь? Очень широкое понятие, сборное, не одно, многое называет. В целом, если не расчленишь, то не найти сущности всепоглощающей жизни. Попробуем поискать хоть какой ответ в литературных произведениях Вл. Набокова. Жизнь – не только я, человек, или нечто, связанное со мной, но и ночная бабочка, индийский шелкопряд тоже. Жизнь под стеклом, или биография шелкопряда, занимает энтомолога Вл. Набокова. Исключительная роль дыхания для поддержания жизни. Дышать – это жить, такова физиология.

"Слепцов зажмурился, и на мгновение ему показалось, что до конца понятна, до конца обнажена земная жизнь – горестная до ужаса, унизительно бесцельная, бесплодная, лишённая чудес... <...> Медленно разворачивались смятые лоскутки, бархатные бахромки, крепи, наливаясь воздухом, веерные жилы. Оно стало крылатым незаметно, как незаметно становится прекрасным мужающее лицо. И крылья – ещё слабые, ещё влажные – всё продолжали расти, расправляться, вот развернулись до предела, положенного им богом, – и на стене уже была – вместо комочка, вместо чёрной мыши, – громадная ночная бабочка, индийский шелкопряд, что летает, как птица, в сумраке вокруг фонарей Бомбея" ("Рождество") [219, 416]. Ведь тоже жизнь.

"Когда умер отец, бабочки окончательно завладели магазином, хотя ещё долго доживали свой век, там и сям, парчовые туфли, бумеранг, коралловое ожерелье, – потом и эти остатки исчезли, бабочки царствовали самодержавно, и только очень недавно они в свою очередь начали сдавать; пришлось пойти на уступки, появились учебные пособия, естественным переходом к которым служил стеклянный ящик с наглядной биографией тутового шелкопряда" ("Пильграм") [219, 544]. Под биографией здесь понимается, необычно и удачно, не что иное, как стадийное развитие форм одного из видов насекомых. И тоже жизнеописание, энтомология.

Известно, сколь важную роль в процессе жизнеобеспечения играет дыхание. Читаем у Набокова такое: "... между тем как добро в людях я едва замечал, настолько оно мне всегда представлялось состоянием нормальным, необходимым, чем-то данным и неотъемлемым, как, скажем, существование живого подразумевает способность дышать" ("Истребление тиранов") [219, 611]. Иначе говоря, дышать – это жить. Как бы подразумевается, что физиология жизни теплокровного организма поддерживается обменом веществ и, в частности, обеспечивается дыханием, впитыванием и поглощением кислорода из окружающей воздушной или иной среды.

Свойства человеческой жизни: быстротечность и неповторимость жизни. И ещё свойства: скорость жизни, плотность и весомость. Общительность и коммуникабельность как свойства жизни. Свободное развитие жизни, детерминизм и воля.

"И Ганин в этот миг почувствовал не только стыд, но и быстротечность, неповторимость человеческой жизни" ("Машенька") [219, 34]. Мы пока ещё не знаем доподлинно, что такое жизнь, но чувствуем на себе некоторые из её характеристик и свойств: жизнь у всякого человека только одна, она не повторится, замкнута в определённых пределах. Жизнь ограничена своими сроками, что-то маячит за чертой, и всем обязаны вечные должники. Религиозная одержимость раскалывает сознание, у людей мировоззрение, вкусы и отвлечённые понятия. Пусть среди нас разные безбожники и вероотступники, диалектики и скептики, доктринёры и схоласты.

От чего-то зависим темп жизни. Движение предполагает расход энергии. Полёт птицы, бег зверя, заплыв рыб, погоня морских животных – всё проявление жизни, там свои физические скорости. Переваривание пищи – физиология, и тоже движение. Есть объективные и субъективные измерения. Различна и плотность жизни. "Мы никогда ни о чём не расспрашивали друг дружку, как никогда друг о дружке не думали в перерывах нашей судьбы, так что когда мы встречались, скорость жизни сразу менялась, атомы перемещались и мы с ней жили в другом, менее плотном, времени, измерявшемся не разлуками, а теми несколькими свиданиями, из которых сбивалась эта наша короткая, мнимо лёгкая жизнь" ("Весна в Фиальте") [219, 573].

Жизни, если не всегда, то часто, играютя, словно бы чьи-то спектакли и постановки, в которых особенно важна режиссура и мастерство. У разных промежуточных жизней разные скорости, и это важно осознать, чтобы заметить и уловить. "Она махнула мне цветами, я познакомил её с Еленой Константиновной, и на этом ускорявшем жизнь вокзальном ветерке было достаточно обмена нескольких слов для того, чтобы две женщины, между собой во всём различные, уже со следующей встречи друг дружку называли по именам, так свободно уменьшая их, точно они у них порхали на устах с детства" ("Весна в Фиальте") [219, 566].

"Таинственна эта ветвистость жизни: в каждом былом мгновении чувствуется распутие, – было так, а могло бы быть иначе, – и тянутся, двоятся, троятся несметные огненные извилины по тёмному полю прошлого" ("Соглядатай") [219, 481]. По-видимому, и в самом деле нет жёсткой обусловленности и полной несвободы нашего поведения. Почти всегда или, лучше сказать, как правило, человеку обычно предоставляется возможность выбора того или иного хода, прохода, пути, выхода из положения, варианта решения, одного из нескольких или многих, поскольку каждый вправе, так или иначе, распорядиться собой в своей жизни.

Не всегда важно то, что говорится, часто даже важнее то, что проскользывает в умолчании. Жизнь прихотлива, занимает самое разное и всё расширяющееся пространство в мире. Видим жизнь сквозь призму собст-

венного сознания, или "я". Восприятие жизни – восприятие человека. Прошлое и настоящее, реальность и воспоминание. Портреты и лица.

Можно приблизительно и примерно объять выборку в бесконечном разнообразии представлений, жанров и сюжетов, не перечислить, не перебрать всех форм жизни, только случайно отдельные случаи. "Пора было садиться, она быстро, но набожно всех перецеловала, влезла в тамбур, исчезла, а затем сквозь стекло я увидел, как она располагалась в купе, вдруг забыв о нас, перейдя в другой мир, и было так, словно все мы, державшие руки в карманах, подглядывали ничего не подозревавшую, откуда она не очнулась опять, по стеклу барабана, затем вскидывая глаза, вешая картину, но ничего не получалось" ("Весна в Фиальте") [219, 566-7].

"...так как память его не учитывала каждого мгновенья, а перескакивала через пустые, непамятные места, озаряя только то, что было связано с Машенькой, и потому выходило так, что не было несоответствия между ходом прошлой жизни и ходом настоящей. <...> Это было не простое воспоминание, а жизнь, гораздо действительнее, гораздо "интенсивнее" – как пишут в газетах, – чем жизнь его берлинской тени. Это был удивительный роман, развивающийся с подлинной нежной осторожностью" ("Машенька") [219, 59].

Хотя, действительно, словесный портрет – лишь "отражение" и связан с воображением, далеко ещё не сам человек. Вместе с тем, достоверно "рассказать" внешний облик или передать словами сущность и характер кого бы то ни было – вовсе не такое уж общедоступное и простое дело. У каждого из нас о себе и о других лицах своё мнение, неизбежно субъективное, к тому же особенное видение и представление всенепременно отличаются зыбкостью, нечёткостью и неопределённостью. Если сослаться на мастера, "какое ещё нужно напряжение, до какой ещё пристальности дойти, чтобы словами передать зримый образ человека" ("Соглядатай") [219, 482].

"Ведь меня нет, – есть только тысячи зеркал, которые меня отражают. С каждым новым знакомством растёт население призраков, похожих на меня. Они где-то живут, где-то множатся. Меня же нет" ("Соглядатай") [219, 515]. Многообразно, неопределённо и изменчиво положение человека в обществе. Разнообразны люди и отношения между разными лицами. Своеобразны и субъективны оценки, множественны образы, противоречивы и спорны мнения, иллюзорны и не исчислимы в общем. Портреты и образы исторических личностей и простых обывателей постоянно множатся в рассказах и пересказах, быстро плодятся каждения, мнения и видения.

Собственно смысл жизни человеческой личности, если есть, всегда особенный, неповторим. Жизнь-игра. Осмысление и определение жизни: для кого что, с чем сравнивать. Книга жизни. В поиске смысла жизни. Какая она и на что похожа.

"Сегодня за обедом этот, как его... старый писатель... да, Подтягин... спорил со мной о смысле нашей эмигрантской жизни, нашего великого ожидания" ("Машенька") [219, 20]. Первая (и не последняя) волна российской эмиграции так и закончит жизнь-существование за пределами своей родины. В первые годы после массового исхода многие из них поддерживали себя, свой дух, иллюзорной верой в неизбежное и скорое возвращение домой. Постепенно вынуждены были приспособиться к новым условиям жизни и как-то прижились, оставшись на чужбине. Многих, однако, такая участь коверкала и безжалостно ломала.

Жизнь одна, протяжённая, без видимого начала или конца, в то же время членится бесконечно и многократно: в прошлом, далёком и недавнем, в настоящем и в будущем, отдалённом и завтра. Особое измерение у человеческой жизни. "... она так усмехнулась, как будто я плоско пошутил или, подробнее, как будто все эти города, где нам рок назначал свидания, на которые сам не являлся, все эти платформы, и лестницы, и чуть-чуть буффорские переулки, были декорациями, оставшимися от каких-то других доигранных жизней и столь мало относившимися к игре нашей судьбы, что упоминать о них было почти безвкусно" ("Весна в Фиальте") [219, 565].

У человеческой жизни, личной и сословной, не случайно было и есть очень много общих черт именно с книгой и литературным произведением. Между ними глубокая, внутренняя связь и взаимозависимость. И там и тут имеются и играют роль сюжет, действие, логика, намерения, мотивы, замыслы, умыслы, цели и средства, подражание, традиции, новации, стиль, словарь и синтаксис. "Вновь и вновь она впопыхах появлялась на полях моей жизни, совершенно не влияя на основной текст" ("Весна в Фиальте") [219, 572]. Жизнь – запись и знания, ценность, иерархия, система значений, полевая структура, ядро и периферия.

Стоимость жизни как экономическая категория. С её помощью возможна более объективная оценка качества жизни. Какая разная жизнь вокруг нас, кто в самом центре, кто на периферии. Прежде всего, социальное многообразие и неравенство в ней. Из чего может состоять и складываться достойная и жалкая жизнь. Нелепая, бесплодная, непонятная, жестокая жизнь эмигранта, проходит на обочине жизни.

"Подошла ночь, скользкая, отполированная луна без малейшего терпения неслась промеж облаков, и Элеонора, возвращаясь за полночь со свадебного ужина домой, чуть-чуть пьяная от вина, от ядрёных шуточек, от блеска сервиза, подаренного молодожёнам, шла не спеша и вспоминала со щемящей нежностью то платье невесты, то далёкий день собственной свадьбы, – и ей казалось, что, будь жизнь немного подешевле, всё было бы в мире хорошо и можно было бы прикупить малиновый молочник к мали-

новым чашкам" ("Пильграм") [219, 552]. Стоимость жизни, дороговизна или дешевизна, – категория экономическая, задевает всех потребителей.

"Жизнь, мой друг, так устроена, – говорилось в этой беседе, – что за каждую секунду человек должен платить, по самому минимальному расчёту, 1/432 часть пфеннига, и это будет жизнь нищенская; вам же нужно содержать жену, привыкшую к известной роскоши ("Защита Лужина") [219, 200]. В обеспечении содержания человеческой жизни, как ни странно, всё более важную роль играет современный экономический расчёт и определение стоимости. Семейный бюджет складывается из заработков и прибылей, жизнь-существование требует определённых трат и затрат на пропитание, жильё, тепло, одежду, развлечение и другую роскошь.

Писателю, прежде чем умереть и оставить этот мир, не терпится, наконец, признать своё крушение в жизни, которая не удалась. Человек боролся, как умел, но не повезло, внешние силы, обстоятельства и обстановка, оказались явно сильнее. "Ему [умирающему Подтягину. – В.Л.] захотелось сказать многое, – что в Париж он уже не попадёт, что родины он и подавно не увидит, что вся жизнь его была нелепа и бесплодна и что он не ведаёт, почему он жил, почему умирает" ("Машенька") [219, 96]. Ситуация внутреннего протеста, непонимания и вопрошания.

Человек то ли нерасторопен, то ли просто не везёт в жизни, и вот он застрял на обочине. Не у всех и не всегда есть достаточно сил, возможностей и способностей, бороться за более удачное положение под солнцем, за благополучие в несусветной толчее своего сообщества. "Он думал о том, что осуждён жить сбоку от жизни, что всегда было и будет так и что поэтому, если смерть не окажется для него выходом в настоящую существенность, он жизни так никогда и не узнает" ("Лик") [219, 595]. Несчастному и отчаявшемуся человеку может показаться иной раз, что подлинное благоденствие следует искать вне тесных пределов жестокой реальности.

Иные относятся к себе высокопарно, связывая времяпрепровождение своё с историей (а то называют её летописью). "И основательно, подробно, с кропотливыми повторениями, Колдунов стал рассказывать нудную, жалкую историю, и чувствовалось, из таких историй давно состоит его жизнь, что давно его профессией стали унижения и неудачи, тяжёлые циклы подлого безделья и подлого труда, замыкающиеся неизбежным скандалом" ("Лик") [219, 603-4]. Интересно знать, из чего, в самом деле, складываются дни и годы жизни, прожигаемой прощелыгами? Порой люди поверхностны и расточительны, сплошь растворяя себя в суете, низостях и пошлости.

У Вл. Набокова не случайна же "ночная жизнь лампы". Налицо явно своеобразное переосмысление слова. И вещи тоже "живут" в каком-то своём мире и в своём пространстве времени, где уже иные скорости. Археология открывает и сохраняет память прошлой и прошедшей жизни.

Научное жизнеописание – это значительно более сложное и многопрофильное занятие, нежели кажется. Филология – лишь отдел и частность, разрабатывает отдельные жанры письма. Есть, кстати, литературная и житейская биография. А ещё какая?

"Он избегал с ними встреч, так что приходилось подстергать и ловить его, чтобы на миг заглянуть в его ускользающие зрачки. Обнаружив ночную жизнь его лампы, Антон не выдержал и, босиком пройдя к двери, из-под которой натянутой золотой нитью сквозил свет, постучал" ("Королёк") [219, 582]. Человек постоянно расширяет смысл, границы и формы жизни, приобщая к участи разнообразные вещи, созданные и используемые им. Он окружил себя множеством предметов, без которых не мыслился существование, они помогают жить, составляя незаменимые ценности. Трудно представить современную цивилизацию без электричества и приборов.

На развалинах можно почувствовать и обнаружить следы и знаки прошлой жизни, ушедшей в прошлое. Обстановка подчас более устойчива, по сравнению с людьми, которые более бренны и кратковременны. "У ног наших валялся ржавый ключ, и на стене полуразрушенного дома, к которой площадка примыкала, остались висеть концы какой-то проволоки... я подумал о том, что некогда тут была жизнь, семья вкушала по вечерам прохладу, неумелые дети при свете лампы раскрашивали картинки" ("Весна в Фиальте") [219, 577]. Тут "жизнь" – археология: "жили когда-то люди". Оказывается, слово "жизнь" имеет время, настоящее и ещё прошедшее.

"Как-то вечером, когда он полулежал в полотняном кресле на веранде, к нему пристал один из жителей пансиона, болтливый русский старик (уже успевший дважды ему рассказать свою биографию, сперва в одном направлении, из настоящего к прошлому, а потом в другом, против шерсти, причём получились две различные жизни, одна удачная, другая нет), – и, удобно усевшись, теребя подбородок, сказал..." ("Лик") [219, 596]. Некоторые люди, оказывается, порой склонны приставать к незнакомым лицам с назойливыми воспоминаниями и подробными рассказами о себе, о своём прошлом, такой исповедальный и спасительный комплекс, вдруг прорывается.

Можно предположить и договориться, что у человека не одна, а несколько биографий, хотя и как бы одна жизнь. Это зависит от того, как прожита эта жизнь и для чего именно пишется биография, для служебного ли пользования, для каких-то иных целей. Может быть, в частности, философское жизнеописание с целью выявить сущность, цель и основное направление жизни того или иного человека. "... место и значение его в русской литературе определить довольно трудно. И прежде чем совершить эту попытку, есть смысл припомнить главные вехи литературной и житейской биографии Набокова" (О.Михайлов. Король без королевства) [219, 5].

Говорят, что всякий человек занятен, хотя и, дополняют при этом, в разном отношении и в разной мере. Так ли это в действительности?

Люди от рождения отличаются природными задатками, и в жизни они занимают каждый своё положение. Нас всех по-разному пестуют, берегут и ценят. Мы все живём неравноценно и растём в разных условиях. Природа отличается бесконечным разнообразием и избыточностью форм, обеспечивающей эволюцию, процесс выживания и роста. Именно поэтому для неё не свойственно единообразие и полное сходство экземпляров, умов и индивидуумов. "Я счастлив тем, что могу глядеть на себя, ибо всякий человек занятен – право же, занятен! Мир, как ни старайся, не может меня оскорбить, я не уязвим" ("Соглядатай") [219, 516]. Каждый нужен.

Есть слова и слова, люди и люди, в общении и сообществе своеобразны, составляя некую последовательность достоинств, иерархию ценностей. Солидные и мелкие, элита и выродки, отличаются значимостью и весом. "Не за что, не за что", – ответила она и много ещё произнесла таких слов, – бедные родственники настоящих слов, и сколько их, этих маленьких сорных слов, произносимых скороговоркой, временно заполняющих пустоту. Употребляя такие слова и чувствуя их мелкую суетность, она спросила, нравится ли ему курорт, надолго ли он тут, пьёт ли воду. Он отвечал, что нравится, что надолго, что воду пьёт ("Защита Лужина") [219, 144].

Как жизнь? При встрече знакомых это как бы форма приветствия, не следует понимать буквально, по сути же нет действительной, глубокой заинтересованности положением дел по существу. "– Ну как вы живёте? – спросил Леонтьев. Он был из породы тех людей, которые спрашивают, как вы живёте, только для того, чтобы обстоятельно рассказать, как они сами живут. <...> А Леонтьев уже рассказывал. Он рассказывал пространно. Он рассказывал о том, сколько он платит за комнату, как трудно платить, как трудно вообще жить, как редко бывает, что попадается хорошая квартирная хозяйка, что у них хозяйка так себе" ("Подлец") [219, 446].

Иногда оригинальная фраза художественной речи в состоянии заменить строгое содержательное определение, особенно если его трудно (а то и невозможно) предложить, никак не справиться с характеристикой самого называемого или обозначающего предмета мысли. Например: что есть бог, душа, дух, чудо, слово, мысль, истина, память – попробуйте раскрыть и определить мистику. "...будь я литератором, лишь сердцу своему позволял бы иметь воображение, да ещё, пожалуй, допускал бы память, эту длинную вечернюю тень истины, но рассудка ни за что не возил бы по маскарадам" ("Весна в Фиальте") [219, 568]. Нас вполне удовлетворяет толкование.

"– Машенька, – опять повторил Ганин, стараясь вложить в эти три слова всё то, что пело в них раньше, – ветер, и гудение телеграфных столбов, и счастье, – и ещё какой-то сокровенный звук, который был самой жизнью

этого слова" ("Машенька") [219, 54]. "Жизнь этого слова" – здесь не то обычное значение, что всегда или часто. Обычно это связано с употреблением, использованием, применением слова в речи, в общении. А тут другое: "жизнь" – это как бы сама "сущность" слова, в данном случае как бы его сердцевина.

Прав Гоголь, говоря о творчестве Пушкина: "Всё лаконизм... Слов не много, но они так точны, что обозначают всё. В каждом слове бездна пространства" [331, 186]. В статье "Несколько слов о Пушкине" читаем, что в Пушкине, "как будто в лексиконе, заключалось всё богатство, сила и гибкость нашего языка. <...> В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт" [331, 227]. Бездна связана с бесконечностью, пространство – с простором. Мыслящий человек и талантливое слово неудержимы в полёте и неохватны в развитии смысла.

12

Личность: след после неё

Вл. Соловьёв. Из литературного наследия.

"Древняя наука догадывалась, а нынешняя доказывает, что органическая жизнь есть превращение света" [310, 102].

"Оставляем метафизике решать вопрос, насколько тут субъективной иллюзии и насколько действительно природа, помимо органических существ (растений и животных), имеет в себе жизни, т.е. способности к внутренним восприятиям и самостоятельным движениям" [310, 103]. "Жизнь по самому широкому своему определению есть игра или свободное движение частных сил и положений, объединённых в индивидуальном целом" [310, 105]. "... тогда как главный предмет поэзии есть нравственная и социальная жизнь человечества, бесконечно далёкая от осуществления своего идеала" [310, 138].

"Люди факта живут чужой жизнью, но не они творят жизнь. Творят жизнь люди веры" [310, 178]. "Полнота христианства есть всечеловечество, и вся жизнь Достоевского была горячим порывом к всечеловечеству" [310, 181].

"Можно не верить в блестящую будущность русской философии, но нельзя отрицать того факта, что именно в последнее время философские вопросы возбуждают у нас особый интерес и даже давно отпетая и погребенная метафизика возвращается к новой жизни" [310, 202]. "Поэтому воссоздать для современного сознания полузабытого языческого бога со всем теплом жизни, со всеми оттенками местного колорита, со всеми этнографическими черточками культа – значит вызвать к новой жизни давно мёртвый народ и давно пережитую эпоху" [310, 202].

Не станем укорять поэта в эгоизме и его дело в бесполезности. "Если от жизненной тревоги он уходит в мир вдохновенного созерцания, то ведь он возвращается не с пустыми руками: то, что он оттуда приносит, позволяет и

простым смертным "вдохнуть на мгновение чистым и свободным воздухом поэзии" [310, 212]. "Внутренний духовный мир ещё более реален и бесконечно более значителен для поэта, чем мир материального бытия" [310, 213].

"Жизнь есть бессмысленная тоска, от которой чужая нам Европа находит развлечение в ненужном шуме так называемых вопросов, а более близкая Азия – в гашише; в самой России царит ничем неодолимая, лишь мгновенно прерываемая ужасами войны скука – скука сытая в столичном обществе, скука голодная – у деревенского люда; такова современность..." [310, 259].

"На самом деле животное царство неразрывно связано с растительным, имея с ним первоначально одну общую основу органического бытия, до сих пор ещё представляемую такими организмами, которых нельзя отнести ни к животным, ни к растениям. А целый органический мир, при всём своём формальном отличии, нераздельно связан, однако, и по составу, и по происхождению с миром неорганическим" [310, 286]. "Нет во всей вселенной такой пограничной черты, которая делила бы её на совершенно особенные, не связанные между собою области бытия, повсюду существуют переходные, промежуточные формы, или остатки таких форм, и весь видимый мир не есть собрание деланных вещей, а продолжающееся развитие или рост единого существа" [310, 286].

"Смысл человека есть он сам, но только не как раб и орудие злой жизни, а как её победитель и владыка" [310, 293]. "Точно также и механизм всей природы есть только слаженная совокупность для проявления и развития всемирной жизни" [310, 285]. "Жизнь и красота в природе – это борьба и торжество света над тьмою, но этим необходимо предполагается, что тьма есть действительная сила" [310, 290]. "Жизнь души, сосредоточенная в любви, есть по основе своей злая жизнь, смущающая мир прекрасной природы" [310, 291]. "Но если поэтическая истина есть только создание мечты, то вся жизнь есть лишь "пустая и глупая шутка", с которою всего лучше покончить в самом начале" [310, 321].

"Поэтическое вдохновение, по свидетельству Пушкина, есть нечто особенное или исключительное, не сливающееся с повседневною жизнью" [310, 298]. "Не для житейского волнения, Не для корысти, не для битв, Мы рождены для вдохновения, Для звуков сладких и молитв" [310, 299]. "Вся высшая идейная энергия исчерпывалась у него поэтическими образами и звуками, гениальным перерождением жизни в поэзию, а для самой текущей жизни, для житейской практики, оставалась только проза, здравый смысл и остроумие с весёлым смехом. Такое раздвоение между поэзией, т.е. жизнью творчески просветлённою, и жизнью действительною, или практическою, иногда бывает поразительно у Пушкина" [310, 346-7].

"Действительность, данная в житейском опыте, несомненно находится в глубоком противоречии с тем идеалом жизни, который открывается вере,

философскому умозрению и творческому вдохновению" [310, 349]. "Решительно и торжественно заявляю: если бы в прочие дни живота моего случилось мне напечатать что-нибудь столь непроницаемо-туманное, как статья Мережковского, или столь нелепое по содержанию, как статья Минского, то я от души желаю и убедительнейше прошу всякого вышучивать и давать мне щелчки, по мере сил своих, чтобы не пропал здравый смысл и не глохло чувство писательского долга в русской литературе" [310, 391].

"Странно было бы поэту внимательно созерцать морских гадов и небесных ангелов и закрывать глаза на человеческую жизнь, насквозь проникнутую нравственными категориями, всю состоящую из относительного движения по всем степеням злорадства и добродетели, между двумя неподвижными полюсами добра и зла" [310, 423]. "... жизнь человеческая определяется внутренним нравственным движением в ту или другую сторону – или подвигом добра или злодеянием, – а потому и от настоящего объективного поэта требует, кроме созерцания, – нравственной оценки, внутреннего движения – симпатии или антипатии" [310, 423]. "Настоящий центр жизни и существа человеческого, конечно, не в языке, а в сердце его, и оно ли останется нетронутым в процессе совершенствования?" [310, 427].

"А в другом, также раннем, стихотворении сообщается, что жизнь научила поэта встречать невольно и повсюду "под гордой важностью лица – в мужчине глупого льстеца и в каждой женщине Иуду" [310, 450]. "Существенный интерес и значение фантастического в поэзии держится на уверенности, что всё происходящее в мире и особенно в жизни человеческой зависит, кроме своих наличных и очевидных причин, ещё от какой-то другой причинности, более глубокой и многообъемлющей, но зато менее ясной" [310, 459]. "Но представление жизни как чего-то простого, рассудительного и прозрачного прежде всего противоречит действительности, оно не реально" [310, 459].

"Но в чём же тогда смысл существования? Смысл природы был в создании разумного существа – человека. Но разум в природном человеке оказывается лишь формальным преимуществом; он не в силах овладеть самой жизнью, сделать её разумною и бессмертною; назло разуму и на погибель человека поднимается в нём демоническое и хаотическое безумие" [312, 89].

Евг. Трубецкой. Личность В.С.Соловьёва.

"Кому случалось хоть раз в жизни видеть покойного Владимира Сергеевича Соловьёва – тот навсегда сохранил о нём впечатление человека, совершенно непохожего на обыкновенных смертных" [332, 70]. "Все эти внешние проявления его душевной жизни казались ненормальными и превеличенными только потому, что в них в самом деле сказывалась величина, далеко превосходящая обыкновенный уровень" [332, 70]. "В связи со всем сказанным станет понятным, что Соловьёв был совершенно лишён понимания к прозе жизни" [332, 70].

"Я совершенно не перевариваю этой здоровой обыденщины", – говорил он мне. И в самом деле, людям, хорошо знавшим Соловьёва, совершенно невозможно представить его себе увлекающимся изображением хозяйственных и семейных забот какого-нибудь Левина, а тем более – красочным толстовским описанием какой-нибудь охоты или скачки" [332, 70]. "Соловьёву наша житейская проза казалась гораздо более, чем нам, бесцветною и скучною именно потому, что он слишком высоко над нею поднимался" [332, 70].

"С этой чертой связана та житейская наивность Соловьёва, которая так живо напоминает классическое изображение философа, данное Платоном: "С юных лет избранник мудрости не знает дороги на площадь, не ведаёт, где суд, совет или какое-либо другое место публичных собраний. Законы его страны ему неизвестны: в действительности он живёт и вращается в государстве только телом, ум же его всё это мало ценит и ни во что не ставит; но, говоря словами Пиндара, он всюду проникает, измеряя недра земли и то, что над нею, возносится над небом, изучая астрономию, везде исследует природу сущего и не спускается к близлежащему. В земных, рабских делах философ не смыслит, он не умеет даже завязать своего дорожного мешка..." [332, 70].

"В жизни Соловьёва мы найдём сколько угодно иллюстраций к этой платоновской характеристике философа" [332, 72]. "Сам он с бесподобным юмором описывает своё путешествие в Сахаре; там, на основании внушения, полученного на спиритическом сеансе, он ждал чрезвычайных откровений и вместо того едва не поплатился жизнью..." [332, 72]. "... не все понимали, что как его вдохновение, так и его негодование и его смех вытекали из одного общего источника: из его серьёзного отношения к жизненному идеалу – из пламенной веры в смысл жизни" [332, 72]. "Вне этой борьбы света с тьмой жизнь была для него бессмыслицей, шуткой" [332, 72].

"Такое отношение его к жизни выразилось в одном из наиболее ярких его стихотворений: "Из смеха звонкого и из глухих рыданий созвучие вселенной создано" [332, 72]. "Глядя на действительность с недостижимой для простых смертных высоты, он, понятное дело, ясно видел общую картину жизни, но сбивался в оценке отдельных явлений, и в особенности индивидуальных характеров" [332, 73]. "С беспомощностью в Соловьёве сочеталась безалаберность человека, совершенно неприспособленного к жизни" [332, 73].

"Вообще вино повышает энергию нервной системы и через неё – психической жизни на низших ступенях духовного развития, где преобладающая сила в душе ещё принадлежит плотским мотивам, всё, что возбуждает и поднимает служащую душе нервную энергию, идёт на пользу этого господствующего плотского элемента и, следовательно, крайне вредно для духа; потому здесь необходимо полное воздержание "от вина и сикера" (Оправдание Добра)". [332, 73]. "Бывшая из него ключом духовная жизнь вообще не укладывалась в какие бы то ни было житейские рамки..." [332, 74].

"В его неприспособленности к жизни заключается без сомнения главная причина его преждевременного конца" [332, 74]. (Что же именно здесь понимать под жизнью?) "Врачи, окружавшие его перед смертью, удивлялись не тому, что он умирает, а тому, что он мог жить и притом жить столь напряжённой духовной и умственной жизнью при такой степени физического упадка" [332, 74]. "Общую иннервацию" нашёл у Соловьёва уже за одиннадцать лет до его кончины известный Боткин, который тогда же поставил условием здоровья женитьбу и спокойный образ жизни – то самое, что всего больше противоречило душевному складу философа" [332, 74].

"Он видел деятельность незримых сил духовных в самых разнообразных явлениях природы – в движении волн морских, в молнии и громе. Они наполняли для него таинственной жизнью и леса и горы" [332, 75]. "В другой раз, обращаясь к земле-владычице, поэт прямо говорит: "Родного сердца пламень ощутил я, Услышал трепет жизни мировой" [332, 75]. "В этом проникновении в тайну мировой жизни он находит исцеление земным страданиям: он верит в животворящую силу красоты" [332, 75].

"Природа жива! В этом залог нашей надежды на окончательное торжество жизни над смертью" [332, 75]. "Рано или поздно восторжествуют те зрячие силы, коих несовершенное явление мы уже теперь наблюдаем во внешнем мире. Тогда земля вернёт умерших к жизни" [332, 75].

"Соловьёву в течение всей жизни приходилось страдать от такого партийного к себе отношения и не в одной политике" [332, 76]. "В жизни Соловьёва выразились те же черты характера, как и в его мировоззрении" [332, 76]. "Как и в своём учении, он не мог успокоиться на каком-либо одностороннем начале, так и в жизни он не мог окончательно плениться чем-либо, носившем печать преходящего, временного" [332, 76]. "... в течение своей жизни он был влюблён много раз, горячо и страстно" [332, 76].

"В стихах и прозе он твердит, что в любви раскрывается высший смысл жизни, что любовь для него "всё", что без неё "мир потеряет все краски" [332, 77]. "В силу тех же особенностей своего гения, которые не позволяли ему связать себя постоянными узами брака, Соловьёв вообще не мог ввести свою жизнь в какое-либо определённое житейское русло" [332, 77]. "В "Трёх свиданиях", вспоминая своё искание откровений в пустыне египетской, он сравнивает себя с дядей Власом Некрасова. Всё стихотворение, по признанию Соловьёва (в подстрочном к нему примечанию), воспроизводит в шуточных стихах самое значительное из того, что до той поры случилось с ним в жизни" [332, 77].

"Своим духовным и, пожалуй, даже физическим обликом он напоминал тот созданный бродячей Русью тип странника, который ищет Иерусалима, а потому странствует по всему необъятному простору земли, читит и посещает все святыни, но не останавливается надолго ни в какой здешней обители. В

такой жизни материальные заботы не занимают много места: у странников они олицетворяются всего только небольшой котомкой за плечами" [332, 77].

"Поэзия и философия стали его жизнью"⁷. Это А.Ф.Лосев о Владимире Соловьёве. И далее следует такая вот метафизика: "Всё существует во всём. Каждая отдельная вещь – частичное проявление всего мира в целом. Первоединое же всё обнимает и поэтому есть всё"⁸.

То, что было сказано В.Соловьёвым о целостности и всеединстве мира, можно повторить, перефразируя сказанное уже касательно жизни. Мир и жизнь – в данном случае нераздельны, как бы одно и то же. Жизнь в нашем представлении, как и мир, тоже состоит из частей и обязательно есть нечто целое, и, тем не менее, целое образует собою новое и в сравнении с отдельными частями специфическое целое, которое в той или иной степени присутствует во всех своих частях.

Б.П.Вышеславцев. Этика преображённого Эроса.

13

Обожение красоты

"Не так легко избавиться от "Закона", ибо вся наша жизнь состоит из дел и опутана законами" [90, 28]. "Мы не можем жить, не творя и не воображая, жизнь есть продуктивное воображение и воплощение" [90, 66]. "Так очерченная сфера действия внушения охватывает всю жизнь: наша жизнь есть длинная вереница внушений" [90, 76].

"Эрос есть влюблённость в жизнь, "аффект бытия" (Фихте), жажда полноты, жажда полноценности, рождение в красоте, жажда вечной жизни (всё это ещё Платон); а в конце концов Эрос есть жажда воплощения, преображения и воскресения, богочеловеческая жажда, жажда рождения Богочеловека, этого подлинного "рождения в красоте", жажда обожения и вера, что "красота спасёт мир" (Достоевский), и это сказало христианство, ибо оно есть религия абсолютно желанного. И оно сказало то, что искал и что предчувствовал Платон, ибо "рождение в красоте" есть, конечно, воплощение и преображение" [90, 46].

"Безбрежное море сорной травы вырастает из подпочвы души. Но если бы существовали только плевелы дурного внушения, жизнь заглохла бы и утасла бы. Если бы сеял только "враг" – мы бы давно погибли. То, что существует жизнь и нарастание жизни, то есть творчество, – доказывает, что существует ценное внушение, ценные семена, бросаемые в подсознание. Мы живём и питаемся "пшеницей". Сеет и внушает не только "враг", сеется и божественное Слово, существует и благодатное внушение. Все творчески-ценные образы и

⁷ А.Ф.Лосев. Он сердечно любил Россию//Наше наследие, 1988, №2. С.68.

⁸ Там же. С.69.

слова, упавшие в глубину сердца ("посеянное в сердце"), представляют собою благодатное внушение, оно столь же многообразно и богато по содержанию, сколь многообразна жизнь и творчество, сад жизни" [90, 76].

"Социальная и политическая жизнь широко и в значительной степени сознательно применяет внушение" [90, 77]. "Жизнь, культура, история, развитие индивидуальности – получают совершенно иное направление под влиянием этих внушений"[90, 81]. "Трагическая диалектика жизни заставляет личность, народ, эпоху по очереди выдвигать то автономию лица, то автономию принципа. Мы живём в эпоху, когда автономии личности угрожает наибольшая опасность от всяческих диктатур и тираний, и не христианству, конечно, эту опасность усугублять" [90, 105].

"Но органическая жизнь не индифферентна к ценностям. Жизнь начинается там, где начинается оценка: стремление к чему-либо или отталкивание от чего-либо. Для жизни существенна чувствительность и реакция; растение чувствительно к свету, ибо реагирует на свет, тендирует к свету. Реакция есть не-индифферентность, а не-индифферентность и есть оценка. Организм не реагирует на то, что безразлично для жизни, он реагирует лишь на положительные или отрицательные витальные ценности" [90, 107].

"Категориальное объяснение высшего посредством низшего есть типичное нарушение иерархического закона категорий. Примером может служить объяснение органической жизни при помощи категорий механизма и химизма; объяснение свободной целесообразности (творчества) при помощи одной только причинности; объяснение явлений "духа" при помощи категорий материально-пространственного бытия. Всякий материализм являет собою грубейшую форму этой ошибки" [90, 109].

"Так при помощи двойного транс мы открываем три измерения бытия: бытие пространственно-временное, бытие идеальное и бытие абсолютное. Последнее есть уже, однако, сверхбытие, ибо высшее "измерение" – несоизмеримо с двумя первыми. Абсолютное не имеет "измерения" [90, 128]. "Абсолютное может быть лишь признано, но не познано (nur anerkannt? Aber nie erkannt), оно не может быть познано даже с приближением (annahend)" [90, 150].

Г.С.Сковорода (1722 – 1794): "Сия всеглавнейшая, всемирная, невидимая Сила, едина – ум, жизнь, движение, существование, – изливаясь из непостижимости в явлении, из вечности во всеобширность времени, из единства исключительно до беспредельной множественности, образуя круг человечества, уделяет оному от главности своей благороднейшее преимущество, свободную волю" [90, 156]. "Пока существует жизнь, существует и рефлекс свободы"[90, 171].

"Пушкинисты исследуют Пушкина исторически: его характер, его жизнь, его среду, его поэтическое хозяйство. Всё это бесконечно ценно, но

всё это смотрит в прошлое, тогда как сам Пушкин смотрит в будущее и даже в вечное. Если верно, что "поэты – по слову Платона – суть учителя мудрости", то пророческая мудрость есть высший дар поэта. Ею Пушкин обладал и её ценил выше всего: "Поэт казнит, поэт венчает; Злодеев громом вечных стрел В потомстве дальнем поражает" [90, 173].

"Художник творит в некоем божественном умоисступлении, говорит Платон. Поэзия творит "как во сне", бессознательно, как Пифия. "Горячка рифм", "поэзии священный бред" свободен от всякого разумного веления. Однако на одном безумии нельзя построить поэзии и вообще искусства: нужен ещё и ум. И он был у Пушкина, и очень трезвый и пронизательный, и если в жизни ему не хватало благоразумия, то в поэзии его была мудрость. Искусство не есть хаос, но есть космос, т.е. красота, и она создаётся из хаоса, из стихийной игры сил" [90, 174].

"Можешь ли ты понять, зачем существует глупый страус, смелый конь и страшный неуязвимый бегемот?" (Книга Иова, гл. 41) [90, 175]. (Антиномии) "Они помогают открыть реальную систему бытия, как гармонию разных и противоположных смыслов и значений, ибо конкретная реальность не однозначна, но многосмысленна и многозначительна" [90, 177]. "Человек содержит в себе много ступеней бытия: он есть механическая природа (физико-химическое бытие), биологическая природа; но, может быть, он есть не только "природа", а ещё нечто большее и высшее: цивилизация и культура?" [90, 180].

"Так, Аристотель изображал соотношение ступеней бытия при помощи противопоставления формы и материи. Бытие неоднородно, оно представляет собою множество ступеней бытия, причём каждая высшая ступень бытия предполагает и содержит в себе низшую, но не наоборот; и это потому так, что каждая высшая ступень есть новая форма бытия, для которой предшествующая ступень служит "материей" [90, 182].

"Это особое соотношение ступеней бытия пронизает всё бытие и создаёт особую иерархию бытия: биологическое бытие включает и содержит в себе физико-химическое – но не наоборот; психическое бытие предполагает и в каком-то смысле включает биологическое (организм); наконец, духовное бытие свободной личности, познающей и действующей, предполагает и содержит в себе её психику и её телесный организм. Дух вовсе не индифферентен к телесной жизни, хотя функции телесной жизни индифферентны к духу. "Дух" – это вовсе не существо, которое так пугает материалистов, это не дух спиритов и спиритуалистов. Быть может, не существует бесплотного, свободно витающего духа – но бесспорно существует воплощённый дух или одухотворённая плоть. "Дух" означает особую ступень бытия, которая не может отрицаться никаким материализмом, эта ступень – имеет

свою детерминацию, свою закономерность, выразимую в особых категориях, не встречающихся в природе и в науке о природе.

Бытие свободно действующей и познающей личности мы называем "духовным" бытием, чтобы отличить эту ступень от низших, материальных ступеней бытия" [90, 182-3]. "Наука есть объективная ценность, социальная организация есть объективная ценность, хозяйство и техника есть объективные ценности, личность есть объективная ценность, наконец, жизнь есть объективная ценность (и притом сама жизнь есть сплошная – сознательная или бессознательная – оценка)" [90, 184]. "Его (Платона) Эрос возводит сублимацию к новым ступеням бытия, открывает новые категории жизни: 1) Эрос, как либидо, как плотское стремление, есть продолжение рода, рождение поколений; 2) Эрос, как поэзия (творчество), есть рождение "детей Гомера и Гесиода" и "царственное искусство", политика, созидающая государство" [90, 201].

"Но ведь мир, и человек, и всё бытие состоят из глубочайших внутренних противоречий: мир конечен и бесконечен, прекрасен – и "весь во ле лежит", человек смертен и бессмертен, он "царь и раб, червь и Бог". Противоречия действительно глубочайшие, а потому их видит только тот, кто способен заглянуть в таинственную глубину бытия. Философия и мистика в своих прозрениях так же антиномичны, как антиномичны жизнь и история в своих трагизмах. Смысл христианства, смысл великой религии, состоит в том, что она переживает и разрешает глубочайшие противоречия, глубочайшие трагизмы бытия" [90, 206].

"Подлинная философия развёртывает систему категорий бытия, систему ступеней бытия. Причём каждая ступень раскрывает новое качество бытия. Упрощая и схематизируя, мы можем наметить такие ступени:

1. Категории физико-математического бытия (материально-пространственные процессы).

2. Категории органического бытия (растительно-животные процессы).

3. Категория бытия психического (сознание и подсознание).

Это царство природы: над ним возвышается царство духа и свободы. Дух и свобода – одно.

4. Категория бытия духовного, тоже имеющего несколько ступеней: наука, техника, экономика, право, мораль, искусство, религия.

Царство духа и свободы вводит нас в сферу творческих ценностей: техника, хозяйство, наука, искусство – суть ценности; нет творчества без оценки" [90, 216].

"Рассматривая эту иерархию в духовном бытии, нетрудно заметить один удивительный закон; он был сформулирован ещё Аристотелем, а затем Гегелем: всякая высшая ступень бытия и ценности предполагает и содержит в себе все процессы механические и химические; психическая жизнь предполагает и содержит в себе процессы органической жизни. Духовная жизнь

предполагает и содержит в себе психические процессы подсознания и сознания. В этом смысле человек во всей полноте своей есть механизм, химизм (обмен веществ), организм: есть неодушевлённое растение, одушевлённое животное и, наконец, творчески-свободный дух" [90, 216].

"Будет материализмом сказать, что органическая жизнь сводится к физико-химическим процессам, что человек есть, в сущности, только животное, что сознание есть только нервный ток; материализмом будет сказать, что статуя есть только мрамор, что музыка есть только звуковая волна; но точно так же материализмом будет сказать, что культура есть только особая форма хозяйства ("экономический материализм"), или сказать, что дух есть только особая форма основной сексуальной психической энергии, как это делает Фрейд" [90, 217].

"Жизнь человека на земле требует бесконечно сложной суммы условий в космическом смысле: особой температуры солнца, особой конструкции земли, наличности воды и воздуха, иначе говоря – сложнейшей суммы условий, представляющих, как думают некоторые астрономы, редчайшее, а может быть, и единственное исключение во вселенной. Если хоть одно из этих условий пошатнётся, то немедленно рухнут все высшие ступени и формы жизни: прекратится культура, исчезнет человек, исчезнет органическая жизнь; однако камни и скалы на земле, как на луне, ещё останутся, ибо они гораздо прочнее, требуют гораздо меньшего количества условий для своего существования. Что же касается механики атомов и химических процессов, то она вообще останется неизблемой при всякой мировой катастрофе, при всякой гибели земли, ибо низшая ступень физико-химического бытия есть самая прочная ступень" [90, 222].

"Если бы существовал только один закон слабости всего высшего, то всё высшее давно разрушилось бы, и даже, собственно, вовсе не могло бы явиться. Если бы существовал только закон энтропии, как закон всеобщего охлаждения и космического уравнивания температуры, то жизнь просто была бы невозможна. Ибо жизнь построена на прямо противоположном законе: на согревании, в противоположность охлаждению, на создании контрастов, в противоположность всеобщему уравниванию температуры. И духовная жизнь построена на прямо противоположном законе: не на понижении, а на сублимации, на возможности крепости, силы и победы возвышенного и святого, на возможности пришествия Царствия Божия" [90, 226].

"Высший принцип жизни и творчества антиномичен и трагичен: знать слабость и хрупкость возвышенного и святого и, рискуя его гибелью, искать победы и крепости. Никогда не искать крепости и силы, отказываясь от высоты, но, сохраняя всю устремлённость к высшим святыням и ценностям, искать их укрепления и усилия, зная, что всякая неудача в сублима-

ции есть удача своего рода, есть героический жест, указующий ввысь и предвосхищающий конечное достижение" [90, 227].

"Позитивная наука, построенная на законе причинности, "каузальная", совершенно не может заниматься проблемой конечных целей и дать людям ответ на вопрос о последнем смысле жизни" [90, 228]. "Однако последний вопрос о смысле жизни тогда всплывает из глубины самосознания, когда "я" находится в трагическом противоречии, когда оно сталкивается с бессмыслицей, не-счастьем, не-справедливостью" [90, 228].

"Многозвучна и многообразна, согласно Гераклиту, гармония космоса, как гармония лиры и лука" (Плутарх). "Космос есть не простое единство, но нечто соединённое из множества, и в нём отдельные части пребывают в содружестве и борьбе" (Синезий) [90, 246].

"Лук и лира в своём принципе тождественны и всё же противоположны, как жизнь и смерть (ибо жизнь есть гармония). Эту ритмическую игру противоположностей Гераклит выразил в следующих словах: "имя лука есть жизнь, а его дело есть смерть". ("Биос" по-греч. означает и "лук", и "жизнь"). Глубочайшие тайны диалектики нащупали Гераклит и Гегель, но оба они повинны в игре с нею и в неправильном её применении" [90, 246].

"Осознай сам себя" – это императив, приказ; и он требует внутреннего переворота, как бы нового рождения. Это – освобождение от бессознательности и приход к самому себе, – основа и начало творческой жизни самоопределения и самооформления, ибо самость, как говорит Юг, есть цель жизни" [90, 256]. "Телесное бытие и существование на земле не иллюзия, но и не единственное бытие и не всё бытие. Перевес – на стороне бесконечной трансцендентности. Воплощение самости вовсе не иллюзия, самость действительно присутствует в своих воплощениях, присутствует в теле, в душе, в сознании и в бессознательном; но в то же время она бесконечно трансцендирует все ступени своего "спуска", своей имманентности" [90, 260].

"В мифологии, в мистике, в философии и, наконец, в поэзии всех народов слышим мы постоянно этот вечный вопрос: откуда мы пришли и куда мы идём? (Тертуллиан)... Эта проблема по-новому переживается в современной философии – перед лицом трагического состояния мира, в "страхе и трепете" перед закатом Запада. Отсюда – открытие современностью Киркегарда, который в глубочайшей личной трагедии глубочайшим образом осознал себя. И это, в сущности, опять тот же извечный вопрос: "Откуда и куда?". "Где я? Кто меня во всё это заманил и здесь бросил? Кто я? Как попал я в мир? Почему меня сначала не спросили, не посвятили в нравы и обычаи жизни?" [90, 262].

"Вся современная философия есть переход от имманентного к трансцендентному. ... "Бытие как бытие "я", – говорит Ясперс, – столь же непосредственно достоверно, сколь и непостижимо". "Несомненность "я", – го-

ворит Николай Гартман, – может сосуществовать с полнейшим незнанием того, что такое "я". Самость для нас "несомненна", но "непознаваема". ... "Знание самого себя есть только самоощущение, – говорит Н.Гартман, – оно есть некая данность без предметности". Самость радикально обособлена от всего другого бытия, представляет собой нечто непроницаемое, по большей части иррациональное – алогическое и в то же время – за пределами понятного" [90, 264].

"Мы испытываем его (речь о переживании трансцендентной зависимости. – В.Л.) везде на высотах нашей духовной жизни: так, искусство переживается, как вдохновение, наука, как открытие, нравственное действие, как призвание, религия, как откровение" [90, 270]. "Из неведомой глубины бытия я возник не своей властью и призван к неведомой цели ("жизнь, зачем ты мне дана?"). Это и есть тайна творения, чудо творения, чувство со-творённости с его удивлением, из которого родится размышление, в сущности, вся наука, вся философия, вся теология. ... В каких "идеях", в каких символах и иероглифах лучше выражается Абсолют? – вот в чём вопрос, вот где возможно сомнение. "Враждебная власть" возвала меня из ничтожества или любовь Отца к сыну?" [90, 282]. "Эрос Абсолютного, стремление в глубину и в высоту есть трансцензус. Человек не изначален и не самодостаточен; есть бытие, которое глубже и выше его. И, однако, он находит в себе отображение и печать последней глубины и высоты. Такова точка зрения христианской антропологии" [90, 283].

"Чему учит нас наука? – ставит вопрос Паскаль. Она открывает нам, отвечает он, астрономическую бесконечность, в которой центр везде, а периферия нигде. Что перед нею земля, города, государства? Что перед нею человек? Но такая же бесконечность в бесконечно малом – бесконечность микроскопического строения вещества. Так мы существуем между двумя бесконечностями, двумя пределами, двумя пропастями. "Что такое человек? Он есть середина между ничто и всем". Человек бесконечно удалён от понимания крайностей. Нет надежды познать начало и конец вещей, принцип и последнюю цель бытия. Только Творец этих чудес может их понять и охватить. Только бесконечный разум может охватить бесконечность всего. Поэтому все науки имеют перед собою бесконечные задачи. Мы – ограниченные, конечные существа, и в смысле нашего тела, и в смысле нашего духа. Все крайности для нас как бы не существуют. Наше знание есть отчасти знание – отчасти незнание. Во всяком познании каждое достижение представляет собою новую проблему и всякий твёрдый результат ускользает от нас" [90, 292].

"Продвинулась ли наука дальше после Паскаля? Поняла ли она то, что он считал тайной? Современная физика движется совершенно в том же направлении, в котором шёл Паскаль. "Человеческий мир лежит между бес-

конечно великим и бесконечно малым" – говорит английский натурфилософ Джинс. "Он лежит между миром электрона и миром астрономических туманностей". Можно прибавить, что после той революции, которую пережили гипотезы современной физики, эти два мира стали для нас более таинственными" [90, 292].

"Трансцендентное", "потустороннее" открывается нам через самопознание, через изумление перед своим собственным существованием, которое выражается в известных словах: "откуда я и куда иду?". Чтобы поставить такой вопрос, нужно совершить акт трансцензуса по отношению к самому себе, поставить себя в отношение к миру, к бесконечности, к Богу. Паскаль знал эти переживания и выразил их с предельной силой в следующих словах: "Я вижу невероятные пространства вселенной, в которые я заключён, и я ощущаю себя привязанным к одной точке этих пространств, без того, чтобы я знал, почему я прикреплен к этому месту, а не к другому, почему из того бесконечного потока времени, которое мне предшествовало и которое будет течь после меня, мне суждено жить в этом малом отрезке его, а не в другом?"... "Я знаю только, что, перешагнув этот мир, – (вот здесь-то и открывается трансцендентность, о которой мы говорим), – я навеки падаю или в бездну ничтожества, или же в руки гнева Божия".

Совершенно такой же вопрос поставлен Киркегардом и Достоевским (ср. выше). Его ставит и современный экзистенциализм у Гейдеггера, у Сартра. Мы поставлены перед неким таинственным "или - или": или Бог и бессмертие, или Ничто. Трансцендентность может означать или первое или второе – причём наука и разум не могут дать решение этой дилеммы, решение это даётся сердцем, даётся религией" [90, 295].

"Вся человеческая жизнь подобна игре, в которой мы делаем ставки на различные открывающиеся перед нами возможности" [90, 296].

Наконец, не единственная мысль, поразившая Кальдерона: "жизнь – это сон" [90, 299].

"Я вижу эти страшные пространства Вселенной, в которые я заключён... всю вечность, которая мне предшествовала и всю вечность, следующую за мной... и я себя спрашиваю: "откуда я пришёл" и "куда иду" (Паскаль. Мысли)" [90, 305].

Кругозор Питирима Сорокина

В 1904 году Сорокин поступает в Хреновскую церковно-учительскую школу, в Костромской губернии. Вспоминая об этом времени, он заметит в своей биографии: "Кроме учителей и студентов здесь я познакомился с кучей народа: крестьяне, рабочие, чиновники, служители культа, официальные лица, доктора, писатели, юристы, предприниматели, лидеры местных

кооперативов и представители разных политических течений – эсеры, социал-демократы (большевики и меньшевики), монархисты, анархисты, либералы и консерваторы всех мастей. Благодаря контакту с этими людьми я узнал много новых идей, познал новые ценности и стал разбираться в социальных условиях. Новое окружение, новые знакомства, но главным образом моё интенсивное чтение доселе неизвестных мне книг, журналов и газет расширили и углубили мой кругозор. Мои новые идеи были вдобавок сдобрены русско-японской войной и бурлящим штормом, вылившимся в революцию 1905 года. Совокупный эффект всех этих сил оказался столь могущественным, что в течение двух лет пребывания в школе большинство моих предыдущих религиозных, философских, политических, экономических и социальных убеждений были подвергнуты пересмотру. Моя религиозность сменилась полурелигиозным отказом от теологии и ритуалов русской православной церкви. Принудительные посещения церкви, навязываемые школой, лишь стимулировали этот протест. Всё моё предшествующее мировоззрение и ценности были заменены на "научно-эволюционную теорию" и "естественнонаучную философию". Былая лояльность к царскому режиму и "капиталистической" экономике сменилась республиканскими, демократическими и социалистическими взглядами, а политическая индифферентность открыла путь к революционному рвению.

Я стал энтузиастом-проповедником антицаристской революции и лидером социалистов-революционеров в школе и прилежащих регионах. В противоположность социал-демократам эсеры претендовали на роль партии всех трудящихся классов – крестьян, рабочих и интеллигенции. В отличие от марксистского материализма и экономической интерпретации человека и истории философия и социология эсеров были в большей степени интегральными и идеалистическими. Они особо подчёркивали роль творческих идей, волеизъявления, "борьбы за индивидуальность" против "борьбы за существование", значимость неэкономических факторов, детерминирующих социальные процессы и человеческое поведение. Всё моё предыдущее мироощущение соответствовало скорее этой идеологии, чем "пролетарской", "материалистической", "экономической" идеологии марксистов-социал-демократов. Этой близостью и объясняется мой выбор в пользу эсеровской, а не социал-демократической партии и, собственно, почему на протяжении всей последующей жизни я таки не был "заражён" марксистской идеологией" [315, 6-7].

Бойня: революция 1917 года.

"В полном жизненном цикле всех великих революций как бы просматриваются три типические фазы. Первая обычно очень кратковременна. Она отмечена радостью освобождения от тирании старого режима и ожиданиями обещаемых реформ. Это начальная стадия лучезарна своим настроени-

ем, её правительство гуманистично и милостиво, а его политика мягка, нерешительна и часто бессильна. Но вот в людях начинает просыпаться "наихудший из зверей". Краткая увертюра подходит к концу и обычно на смену её приходит вторая, деструктивная фаза. Великая революция превращается в ужасающий шквал, неразборчиво сметающий всё на своём пути. Она безжалостно искореняет не только обветшалые, но и всё ещё жизнеспособные институты и ценности общества, а тем самым уничтожает не только отжившую свой век политическую элиту старого режима, но и множество творческих лиц и групп. Революционное правительство на этой стадии безжалостно, тиранично и подчас кровожадно, а его политика преимущественно деструктивна, насильственна и террористична. И если случается, что торнадо второй фазы не успеваает до основания разрушить нацию, то революция постепенно вступает в свою третью, конструктивную фазу. Уничтожив все контрреволюционные силы, революция начинает создавать новый социальный и культурный порядок. Причём этот новый строй основывается не только на новых революционных идеалах, но и реанимирует самые жизнестойкие дореволюционные институты, ценности и способы деятельности, временно разрушенные на второй фазе революции, но возрождающиеся и вновь утверждающие себя помимо воли революционного правительства. В послереволюционном порядке обычно новые модели и образцы поведения тем самым гармонизируют со старыми, но не потерявшими жизненную силу образцами дореволюционной действительности" [315, 223].

"Жизнь в Петрограде становилась всё более сложной. Столкновения, убийства, голод; смерть стала привычным спутником повседневности. Мы все ждали нового взрыва. Он должен был наступить очень скоро. Вчера я выступал на публичном диспуте с Троцким и мадам Коллонтай. Было совершенно ясно, что революционный энтузиазм этой женщины есть не что иное, как косвенное удовлетворение её нимфомании" [315, 236].

"Мне постоянно приходилось видеть жену и друзей страдающими от голода. Весёлыми беседами мы старались позабыть о пустых желудках. Впрочем, это было своего рода самодисциплиной.

Во всех полках большевики организовали военные комитеты помощи революции. Всё это предвещало новый взрыв. Я приобрёл револьвер, но мог ли я выстрелить в кого-либо? Вряд ли.

Люди тысячами покидали Петроград. В самом деле, почему они должны были в нём оставаться? Там царил голод, не говоря уже о погромах большевистских толпищ" [315, 241].

"Тень разрушения распространялась над Петроградом. Вся коммерческая жизнь замерла. Днём и ночью постоянно раздавались винтовочные залпы. Сумасшествие и грабёж распространялись по городам и сёлам. Армия, как таковая, уже больше не существовала, немцы могли вторгнуться,

когда им заблагорассудится. Наступил последний день уходящего 1917 года. Оглядываясь назад, я не мог избавиться от чувства горечи и разочарования" [315, 244].

Национальный вопрос и социальное равенство.

"Поставьте большинству из них (спорящих. В.Л.) ясно и категорически вопрос: *"Что такое национальность? Каковы её элементы? В чём её отличительные признаки?"* И вместо ответа вы получите либо молчание, либо нечто вразумительное, но неверное, либо, наконец, ответ, может быть, и верный, но смысла которого ни мы, ни сам "отвечатель" понять не в состоянии. Посмотрим, так ли обстоит дело. Начнём с той категории теоретиков национальности, которые говорят, быть может, и верное, но никому не понятное. Что же они понимают под национальностью? А вот что... "Всякое национальное бытие... в своих последних пределах должно мыслиться одним из многочисленных проявлений абсолютного". "Мы должны понимать эту войну не как войну против злого духа, овладевшего *национальным* сознанием Германии" и искажившего "метафизическую основу" немецкой национальности. Читатель! Вы понимаете? Я, каюсь, нет. Впрочем, я понимаю одно, что в эти фразы можно всунуть любое содержание: и бога, и сатану. Так пишут философы" [315, 245].

Проблема социального равенства и социализм.

"Разве фактически количество жизненных благ, приходящихся на долю капиталиста и рабочего, аристократа и крестьянина, равно? Разве мы не видим с одной стороны роскошные дворцы, а с другой – подвалы нищеты? Пресыщение и ничегонеделание одних, голод и работу до изнеможения других? Разве и до сих пор жизнь для одних не является сплошным пиром, а для других – голгофой, пыткой, непрерывным трудом и нищетой? Короче говоря, равенство экономических благ далеко ещё не достигнуто. Как общее правило, трудовые классы остаются обделёнными до наших дней, а львиная доля благ приходится классам "празднующим" и мало работающим" [315, 261].

"Разве не аксиома, что люди рождаются неравными, одни с хорошей наследственностью, другие – с плохой, одни с прирождёнными талантами, другие – без оных? Разве же не утопия думать, что всё это может быть преодолено? Далее, не означало ли бы такое равенство подавление индивидуальности, её самобытности и отрицание пользы дифференциации и борьбы за совершенствование и господство?". "Сама история и жизнь ведут к указанным формам равенства. Правда, полное умственно-моральное уравнивание – предел, абсолютный идеал, который, быть может, никогда не будет достигнут. Но вместе с тем несомненно, что историческое колесо вертится именно в этом, а не в ином направлении. Вот почему идеал социального равенства и социализма без этих форм равенства был бы неполон и вот почему он не может не выставлять подобного требования" [315, 265].

Революционные отклонения в поведении людей.

"Воистину нам часто твердят: "История человечества не повторяется". Но разве повторима история земли, звёздных галактик или любого другого уголка вселенной? В одинаковых организмах клетка со свойственными ей составляющими также никогда не повторится. Но разве препятствуют эти факты обнаружению в ряде неповторяющихся процессов повторения многих феноменов, описанных в законах физики, химии и биологии? Не истинно ли, что на земле Н₂ и О (водород и кислород) составляют воду, несмотря на всю уникальность истории земли? А разве явления и причинные связи, описанные в законах Ньютона, Менделя и других, не повторялись бесчисленное число раз? Этим я хочу лишь сказать, что исторический процесс при всей своей неповторимости распадается на множество повторяющихся элементов. Справедливо это в отношении человеческой истории, и в отношении истории органического и надорганического миров. Здесь также "схожие причины при схожих обстоятельствах порождают схожие результаты". Война и мир, голод и процветание, захват и освобождение, рост и упадок религий, правление большинства и правление меньшинства – все эти явления неоднократно повторялись в разных временных и пространственных связях. Вопреки существующим отличиям в социальных условиях, при которых происходят эти процессы, сохраняется фундаментальная схожесть феноменов одного и того же типа" [315, 266-7].

"Давайте теперь зададимся вопросом: "Что такое революция?" Немало приводилось дефиниций на этот счёт, хотя многие из них базировались на ложных принципах. К ним относятся как "слащавые", так и "горькие" определения. Под этим я разумею те дефиниции, которые соотносятся скорее с воображаемым, чем с реальным образом революции.

Э.Бернштейн пишет, что "в настоящий момент революционными можно назвать лишь те периоды в истории, в которые достигались определённые свободы" ("Дни", №17). Другой автор утверждает: "Октябрьский переворот 1917 года обычно описывается как революция, но пытки и революция несовместимы. Так в Советской России, где насилие стало обыденным явлением, есть только реакция, но нет никакой революции" ("Дни", №117).

Эти концепции революции могут быть расценены как умозрительные, "слащавые", поскольку все революции и постреволюционные периоды, как правило, не только не давали приращения свободы, но чаще сопровождались её сокращением" [315, 267].

"Во-первых, революция означает смену в поведении людей, их психологии, идеологии, верованиях и ценностях. Во-вторых, революция знаменует собой изменение в биологическом составе населения, его воспроизводства и процессов отбора. В-третьих, это – деформация всей социальной структуры общества. В-четвёртых, революция привносит с собой сдвиги в

фундаментальных социальных процессах. Оценка революции – вещь сугубо субъективная, а научное её изучение должно быть исключительно объективным" [315, 269-70].

"Читатель почерпнёт из моей книги, что революция суть худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс. На словах обещается реализация величайших ценностей, на деле же... достигаются совершенно иные результаты. Революции скорее не социализируют людей, а биологизируют; не увеличивают, а сокращают все базовые свободы; не улучшают, а скорее ухудшают экономическое и культурное положение рабочего класса. Чего бы она ни добивалась, достигается это чудовищной и непропорционально великой ценой" [315, 270].

"История социальной эволюции учит нас тому, что все фундаментальные и по-настоящему прогрессивные процессы суть результат развития знания, мира, солидарности, кооперации и любви, а не ненависти, зверства, сумасшедшей борьбы, неизбежно сопутствующих любой великой революции. ...Правда, все эти мрачные предвестия заметно уменьшаются в случае "малых" революций, не вызывающих к жизни великих гражданских войн" [315, 271].

Социальное пространство, социальная дистанция, социальная позиция.

"Для того чтобы дать определение социальному пространству, вспомним, что геометрическое пространство обычно представляется нам в виде некой "вселенной", в которой располагаются физические тела, местоположение в этой вселенной определяется путём определения положения того или иного объекта относительно других, выбранных за "точки отсчёта". <...> Подобным же образом *социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли*. Там, где нет человеческих особей или же живёт всего лишь один человек, там нет социального пространства (или вселенной), поскольку одна особь не может иметь в мире никакого отношения к другим. Она может находиться только в геометрическом, но не в социальном пространстве. Соответственно, *определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие "точки отсчёта"*. Сам же выбор "точек отсчёта" зависит от нас: ими могут быть отдельные люди, группы или совокупности групп" [315, 298].

"Дабы определить социальное положение человека, необходимо знать его семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессию, принадлежность к политическим партиям, экономический статус, его происхождение и т.д. Но и это ещё не всё. Поскольку внутри одной и той же группы существуют совершенно различные позиции (например, король и рядовой гражданин внутри одного государства), то необходимо также знать положение человека в пределах каждой из основных

групп населения. Когда же наконец определено положение населения как такого среди всего человечества (например, население США), тогда можно считать и социальное положение индивида определённым в достаточной степени. ... Биография любого человека по своей сути есть в основном описание групп, с которыми связан человек, а также его место в рамках каждой из них" [315, 299].

"Итак, резюмируем: 1) *социальное пространство – это народонаселение Земли*; 2) *социальное положение – это совокупность его связей со всеми группами населения, внутри каждой из этих групп, то есть с её членами*; 3) *положение человека в социальной вселенной определяется путём установления этих связей*; 4) *совокупность таких групп, а также совокупность положений внутри каждой из них составляют систему социальных координат, позволяющую определить социальное положение любого индивида*" [315, 299].

"Никакие этикетки, вывески, устные высказывания не в состоянии изменить или затушевать реальность факта экономического неравенства, которое выражается в различии доходов, уровня жизни, в существовании богатых и бедных слоёв населения. Если в пределах какой-то группы существуют иерархически различные ранги в смысле авторитетов и престижа, званий и почестей, если существуют управляющие и управляемые, тогда независимо от терминов (монархи, бюрократы, хозяева, начальники) это означает, что такая группа *политически дифференцирована*, что бы она ни провозглашала в своей конституции или декларации" [315, 302].

"Если некая картина, изображающая дерево, имеет подпись "Рыба", то только лишь психически ненормальный человек может утверждать, что "это картина рыбы". К несчастью, в социальных науках подобных "ненормальных" суждений всё ещё множество. Исследователи всё ещё не осознали полностью, что существует большая разница между вывеской и действительностью, словами и поведением людей. И если в конституции написано, что "все люди равны", то они склонны считать, что так оно и есть в действительности. По этим же причинам многие продолжают считать, что периоды революций были периодами прогресса. Ещё за несколько столетий до всех этих "мыслей" П.Бейль писал: "Суждения людей не есть руководство к действию, и люди чаще не следуют им". Согласно такой интерпретационной модели, христианин лишь тот, кто подставит левую щеку, когда его ударят по правой. Хотелось бы мне воочию увидеть таких христиан. Можно привести бесчисленное число примеров, как между действиями людей и словами возникают существенные противоречия. И в этом, пожалуй, одна из причин того, что при описании социальных феноменов нельзя полагаться на "лейблы", вывески, слова. Вторая причина заключается в том, что противоречие это крайне распространённое. В-третьих, в большинстве случаев речевые реакции людей – лишь часть более существенных реакций". В этом смысле придавать сло-

вам и вывескам исключительное значение означает поступать ненаучно, хотя так и действуют многие исследователи" [315, 302].

"Растительный и животный мир. Если можно использовать понятия гуманитарной социологии при рассмотрении мира животных и растений, то и здесь мы обнаружим существование социального расслоения. Так, в растительном мире существуют различные "социальные" классы, явления паразитизма и эксплуатации, доминирования и подавления, различные уровни жизни в "экономическом" смысле (по количеству поглощаемого воздуха, света, влаги, по плодородию почвы) и т.п. Конечно же, всё это можно лишь грубо отождествлять с феноменом социального расслоения в человеческом обществе. И тем не менее такие явления ясно свидетельствуют, что растительное "сообщество" не есть сообщество абсолютно "равных", с одинаковым положением и одинаковыми взаимосвязями внутри него.

С ещё большим основанием то же можно сказать о мире животных, где социальное расслоение находит выражение: а) в существовании различных, строго разграниченных классов у пчёл, муравьёв и других насекомых; б) в наличии вожаков у стадных млекопитающих; в) в известных фактах паразитизма, эксплуатации, доминирования, подчинения и т.п. Короче говоря, в животном мире нет сообществ, где не существовало бы расслоение" [315, 304].

"Развитые общества и группы. Если даже в первобытнообщинной древности невозможно найти общества без расслоения, то тем более бесполезны попытки отыскать его в более поздние эпохи развитых и сложных цивилизаций. Здесь факты расслоения становятся уже всеобщими, без единого исключения. Различаются, правда, его формы и пропорции, но расслоение существовало повсюду и во все времена. Среди всех аграрных и в особенности индустриальных обществ социальная стратификация становится ясной и заметной. Не составляют исключения из правила и все современные демократии" [315, 305].

О так называемых факторах социальной эволюции.

"... неужели же миром понятий ограничивается культура и цивилизация! Куда же вы дели религию, искусство, нравственность, технику и т.д. Вы говорите про какой-то мир понятий, которых нельзя взвесить, измерить, ощупать и т.д.!

Это замечание с виду очень убедительно, но тем не менее оно поверхностно, и вот почему. Совершенно верно, мир понятий нельзя взвесить так просто, как мы взвешиваем хотя бы камень. Но, спрошу я в свою очередь, разве можно взвесить, например, *жизнь*, не тот комплекс материи, в котором она воплощена, а *саму жизнь*? Нельзя, конечно, и, однако, никому в голову не приходит отрицать её реальность. То же относится и к миру понятий: его нельзя непосредственно взвесить, но оглянитесь вокруг себя, и

вы его увидите всюду!! Вот, например, фабрика со сложнейшими машинами, вот школа, университет, академия, вот больница..." [315, 528].

Из конспекта лекции по социологии.

"Моя задача – познакомить вас в нескольких лекциях с социологией. Не скрою – задача эта трудная и ответственная. Трудная потому, что установленной системы социологии до сих пор нет: сколько социологов – столько и социологий. Поэтому каждый преподаватель социологии принуждён идти своим путём и строить систему социологии на свой страх и риск" [315, 27].

"... социология – это наука об обществе и закономерности, проявляющейся в общественных явлениях. Такое определение социологии вытекает из смысла самого слова "социология", что буквально означает "слово (наука) об обществе". Из него следует, что предметом изучения социологии является общество или общественное явление". "Раз мы говорим об обществе, тем самым мы предполагаем наличность не одной единицы, не одного существа, а по меньшей мере нескольких. Единица общества не составляет. Значит, общество означает прежде всего совокупность нескольких единиц (индивидов, существ, особей)" [315, 27].

"Для ответа на эти вопросы мы должны обратиться за помощью к биологии и психологии. А эти науки говорят, что только организмы, наделённые развитой нервной системой, в частности обладающие серым корковым веществом мозга, проявляют психическую жизнь как совокупность идейных, волевых и чувственно-эмоциональных состояний. Вне развитой нервной системы нет и не может быть сознания. Отсюда вывод: психическое взаимодействие дано в общении организмов, наделённых развитой нервной системой, в частности серым корковым веществом мозга. Такими организмами являются человек (*homo sapiens*) и высшие животные. Следовательно, общество в смысле социологическом означает прежде всего совокупность людей, находящихся в процессе общения, и далее – совокупность взаимодействующих высших организмов.

Действительно, присматриваясь к миру человеческого общежития, мы видим людей, живущих совместно друг с другом; между ними ежесекундно возникают тысячи процессов взаимодействия, носящих психический характер: обмен идеями (религиозными, научными, обыденными, художественными образами и т.д.), обмен волевыми импульсами (общества и кооперации, в которые люди объединяются для достижения целей коммерческих, благотворительных, хозяйственных, моральных, научных и т.д.), обмен чувствами (на почве любви, сострадания, ненависти, при созерцании драмы, при религиозном обряде и т.д.). Жизнь каждого из нас представляет непрерывный процесс психического взаимодействия между нами и другими людьми. Только ночью, во время сна, этот процесс несколько ослабляется" [315, 29].

Формы общественного поведения и морали.

"Все виды мировой энергии или мирового бытия, говорят эти теории, абстрактно могут быть разделены на известные разряды, из которых каждый разряд обладает своими специфическими свойствами. Таких основных видов энергии три: 1) энергия (а соответственно и взаимодействие) неорганическая (физико-химическая); 2) энергия (и взаимодействие) органическая (жизнь); 3) энергия (и взаимодействие) психосоциальная (общество). Сообразно с этим и науки могут быть разделены на три группы: 1) физико-химические, 2) биологические и 3) социальные, и потому область социологии может быть определена и определяется следующим образом: "Все процессы взаимодействия, обладающие психической природой, совершенно независимо от того, между кем или чем они совершаются, представляют социальное взаимодействие и тем самым являются объектом социологии" (Г.Тард, М.М.Ковалевский, Е.В.Де-Роберти, Л.Уорд и др.)" [315, 37].

"Не будет большой ошибкой, если мы скажем, что понятие психического в настоящее время напоминает одно из бэконовских *idola*, которая почти всеми употребляется, но точного определения которого большинство даже и не пытается дать, как будто бы дело идёт о чём-то вполне понятном и определённом. Между тем нужно ли доказывать, что "психическое" – понятие чрезвычайно неясное и малоопределённое. Я уже не говорю о гносеологических разномыслиях относительно понятия психического. Достаточно для моей аргументации указать на разномыслия в этом отношении у представителей так называемых точных наук, в частности психологов, биопсихологов и биологов" [315, 37].

"Обычное определение психологии как науки о "состояниях сознания, – говорит Бундт, – делает круг, ибо, если спросить вслед за тем, что же такое сознание, состояния которого должна изучать психология, то ответ будет гласить: сознание представляет сумму сознаваемых нами состояний. "Описание или определение их (сознания и его элементов), – говорит Гефдинг, – невозможно". Читая курсы психологии, мы сплошь и рядом встречаем, как "психическое" сначала отождествляется с сознанием, а затем тут же, через страницу, автор, не стесняясь, говорит о "бессознательных психических процессах" и т.д." [315, 37]. "Подобно этому другие, например Вундт, Роменс, Летурно и Эспинас, с большим увлечением толкуют о "патриотизме", "любви", "сознании долга", "эстетике", "чувстве собственности" и т.д. среди муравьёв, пчёл, пауков, червей и т.п." [315, 37].

"Эта проблема встаёт потому, что сама "психика" – "не материальна", "не предметна" и "не вещественна", а потому она непосредственно не уловима для наблюдателя. Мы всегда можем её наблюдать не непосредственно, а лишь в символических проявлениях" [315, 39].

"Со времени своего рождения вплоть до смерти каждый человек непрерывно действует, производит бесчисленное множество актов и получает в ответ на эти акты бесчисленное множество реакций от других людей, в об-

шестве которых он живёт. Из совокупности его поступков создаётся его поведение; характер первых определяет собою и характер последнего. Эти акты по своему конкретному виду настолько разнородны и разнообразны, что нет никакой возможности хотя бы приблизительно перечислить и описать их. Но эта конкретная разнородность, однако, не мешает с известной точки зрения сгруппировать все эти поступки в определённые разряды и подвести их под вполне определённые немногочисленные категории" [315, 52].

"Все акты каждого из разрядов *facere* (делание), *abstinere* (воздержание), *pati* (терпение) по характеру психических переживаний распадаются на три основные категории, на: 1) Акты "дозволенно-должные" <...>. 2) Акты "рекомендуемые" <...>. 3) Акты "запрещённые" или "недозволенные" <...>. Один может считать "должным" один шаблон поведения, а другой – иной. Сообразно с этим неодинаковыми будут и те акты, которые каждый из них будет считать рекомендуемыми и запрещёнными" [315, 56-7].

"Акты рекомендуемые назовём подвигом или услугой, а реакцию на них со стороны другого, воспринимающего их именно как акты рекомендуемые, наградой. Акты запрещённые назовём преступлением, реакцию на них, понимаемых другими именно как акты запрещённые, – наказанием. Акты "дозволенно-должные" и вызываемую ими реакцию будем называть просто дозволенно-должными". "Как известно, преступления и наказания изучаются наукой уголовного права. По их поводу написаны сотни тысяч томов и имеется множество определений. Но, несмотря на это богатство определений, приходится сознаться, что общепризнанного понятия преступления, а соответственно и наказания, до сих пор ещё нет" [315, 60].

"Дюркгейм определяет преступление так: "поступок преступен, когда он оскорбляет сильные и определённые состояния коллективного сознания", понимая под коллективным сознанием "совокупность верований и чувств, общих, в среднем, членам одного и того же общества, образующих определённую систему, имеющую свою собственную жизнь" [315, 68]. "Поэтому, допуская правильность формулы Дюркгейма, по меньшей мере необходимо было бы её дополнить и сказать: "Преступлением для кого-нибудь будет тот поступок, который оскорбляет сильные и определённые состояния сознания этого "кого-нибудь". Но эта формула уже радикально расходится с дюркгеймовской" [315, 69].

"Если акты убийства, воровства и растления с убийством – сами по себе преступны, преступны по своей сущности, то как же согласовать это с бесчисленным рядом фактов, где убийство вовсе не считалось преступлением? Достаточно указать на детоубийство, отцеубийство, насилдование и убивание жён и девушек и т.п. факты, обычные в древности и совершенно не считавшиеся преступными актами. Достаточно, далее, указать на ряд

народов, у которых кража и грабёж не только не были преступлениями, но, напротив, считались добродетелью" [315, 71].

"И чем культурнее человек, тем большее значение в его поведении играют целевые соображения, так как тем более способным он становится заглядывать в будущее и высчитывать цепь последствий, получающихся из тех или иных поступков" [315, 116].

Структурная социология.

"... взаимодействие людей производит социокультурное явление, реальное общество или социокультурную систему, которые совершенно не сводимы ко всем их индивидуальным членам, взятым изолированно. Структурные и динамические свойства любой продолжающейся системы межличностных или межгрупповых действий радикально отличаются от свойств простой арифметической суммы этих индивидов" [315, 185].

"В настоящее время мы имеем ряд довольно детальных исследований взаимоотношений между собственно экономическими явлениями, а также между ними и физическими, умственными характеристиками населения, движением жизненных процессов (самоубийства, преступность, миграции, мобильность, формы социальных и политических институтов, забастовки, внутренние беспорядки, революции, войны, характер законов, мораль и религия, формы искусств и т.д.)" [315, 187].

"Речь является основным медиумом для объективации и передачи значений, даже тех, которые имеют очень сложный и тонкий характер. Нет преувеличения в утверждении, что надорганическая социокультурная жизнь становится возможной исключительно благодаря существованию языка. Не только значимое взаимодействие, но даже сама мысль (особенно абстрактная мысль) вряд ли возможны без использования слов" [315, 208].

15

Самопознание Бердяева

То, что называют жизнью, чрезвычайно многообразно. Человеческая особь (индивидуум) существует по-своему – то жизнь. Окружающая среда – тоже жизнь. И обстановка, условия существования – и в них своя жизнь. В нас, вокруг нас, под и над нами всё жизнь, хотя и разная. До нас было, при нас есть (идёт жизнь), после нас будет – в прошлом, в настоящем, в будущем всё то же существование, бытие, быт. Материя, плоть, тело, отдельно душа, если существуют, духи – всюду жизнь, с одной стороны, такая одинаковая, похожая, в то же время разная, разноликая. Мысли тоже живут в человеческом сознании и как бы образуют некую ноосферу.

Различаются ценности: материальные и духовные. Для Н.А.Бердяева предпочтительнее вторые. "Сильное чувство собственности у меня было только на предметы потребления, особенно на книги, на мой письменный

стол, на одежду. Деньги, необходимые для жизни, мне казались дарованными Богом, чтобы я мог отдаться единственно творчеству" [35, 20]. "Я понимал жизнь не как воспитание, а как борьбу за свободу" [35, 24]. Безусловно, это не единственное понимание (и раскрытие) жизни, которая, как и мысль о ней или отношение к ней, многогранней. Всякое понятие в сознании, постепенно развиваясь, устанавливается противоречиво.

Для личности важно, каким человек родился и в какой обстановке рос. С возрастом меняются интересы, требования, вкусы и взгляды. Однако какие-то черты характера отличаются относительно большей устойчивостью. На сцене жизни все мы играем присущие нам роли. Бердяев напишет: "Я мало подвергаюсь внушению, но в детстве мне была внушена мысль, что жизнь есть болезнь. Лучший профессор медицины приезжал осматривать всех членов нашей семьи" [35, 28]. "У меня есть страстная любовь к собакам, к котам, к птицам, к лошадям, ослам, козлам, слонам. Более всего, конечно, к собакам и кошкам, с которыми у меня была интимная близость. И я бы хотел в вечной жизни быть с животными, особенно с любимыми" [35, 38].

"Я так же плохо представлял себя в роли профессора и академика, как и в роли офицера и чиновника или отца семейства, вообще в какой бы то ни было роли в жизни" [35, 48]. "Чувство жизни, о котором я говорю, я определяю как чуждость мира, неприятие мировой данности, неслиянность, неукоренённость в земле, как любят говорить, болезненное отвращение к обыденности" [35, 31]. "Я всегда чувствовал себя далёким от того, что называют "жизнью". Я, в сущности, не любил так называемой "жизни", в молодости ещё меньше, чем теперь. Впрочем, не точно было бы сказать, что я не люблю жизни. Вернее было бы сказать, что я люблю не жизнь, а экстаз жизни, когда она выходит за свои пределы" [35, 33].

"Герои литературных произведений казались мне более реальными, чем окружающие люди. Прежде всего, я убеждён в том, что воображение есть один из путей прорыва из этого мира в мир иной. Вы вызываете в себе образ иного мира" [35, 44]. "Я чувствовал облегчение, когда речь переходила в сферу идей и мысли. Но половая любовь и борьба за преобладание и могущество наполняют то, что называют "жизнью" [35, 34]. "Но философия моя была, как теперь говорят, экзистенциальна, она выражала борение моего духа, она была близка к жизни, жизни без кавычек" [35, 34]. Важно различать хотя бы жизнь (без кавычек) и "жизнь" (в кавычках).

"Я вижу два первых двигателя в своей внутренней жизни: искание смысла и искание вечности. Искание смысла было первичнее искания Бога, искание вечности первичнее искания спасения. Однажды на пороге отрочества и юности я был потрясён мыслью: *пусть я не знаю смысла жизни, но искание смысла уже даёт смысл жизни, и я посвящу свою жизнь этому исканию смысла*" [35, 84]. "Я не согласен принять никакой истины иначе

как от свободы и через свободу. Слово свобода я употребляю здесь не в школьном смысле "свобода воли", а в более глубоком метафизическом смысле" [35, 57]. "Под свободой разное понимают, и отсюда много недоразумения. Нельзя мыслить свободу статически, нужно мыслить динамически. Существует диалектика свободы, судьба свободы в мире. Свобода может переходить в свою противоположность" [35, 61].

"Другая основная тема есть тема тоски. Всю жизнь меня сопровождала тоска. Это, впрочем, зависело от периодов жизни, иногда она достигала большей остроты и напряжённости, иногда ослаблялась. Нужно делать различие между тоской и страхом и скукой" [35, 50].

"Есть тоска юности. В юности тоска у меня была сильнее, чем в зрелом возрасте. Это тоска от нереализованности преизбыточных жизненных сил и неуверенности, что удастся вполне реализовать эти силы. В юности есть надежды на то, что жизнь будет интересной, замечательной, богатой необыкновенными встречами и событиями. И есть всегда несоответствие между этой надеждой и настоящим, полным разочарований, страданий и печалей, настоящим, в котором жизнь ущербна. <...>. И я как раз испытывал тоску в моменты жизни, которые считаются радостными. Есть мучительный контраст между радостностью данного мгновения и мучительностью, трагизмом жизни в целом. <...>. Я часто испытывал жгучую тоску в чудный лунный вечер в прекрасном саду, в солнечный день в поле, полном колосьев, во встрече с прекрасным образом женщины, в зарождении любви. Эта счастливая обстановка вызывала чувство контраста с тьмой, уродством, тлением, которыми полна жизнь" [35, 52].

"Тоска очень связана с отталкиванием от того, что люди называют "жизнью", не отдавая себе отчёта в значении этого слова. В "жизни", в самой силе "жизни" есть безумная тоска. "Сера всякая теория и вечно зелено древо жизни". Мне иногда парадоксально хотелось сказать обратное. "Серо древо жизни и вечно зелена теория" [35, 54]. "Многие любят говорить, что они влюблены в жизнь. Я никогда не мог этого сказать, я говорил себе, что влюблён в творчество, в творческий экстаз. Конечность жизни вызывает тоскливое чувство. <...>. Самое совершенное в конечном есть погребение. Поэтому "жизнь" есть как бы умирание бесконечного в конечном, вечного во временном" [35, 55].

"Меня всегда мучили не столько богословские, догматические, церковные вопросы или школьно-философские вопросы, сколько вопросы о смысле жизни, о свободе, о назначении человека, о вечности, о страдании, о зле. Этим мне близки были герои Достоевского и Л.Толстого, через которых я воспринял христианство" [35, 85-6]. "Философия была для меня также борьбой с конечностью во имя бесконечности. Я всегда чувствовал себя скорее разбойником, чем пастухом (терминология Ницше)" [35, 93]. "Мир

не есть мысль, как думают философы, посвятившие свою жизнь мысли. Мир есть страсть и страстная эмоция. В мире есть диалектика страсти. Охлаждение страсти создаёт обыденность" [35, 93].

"Познание тайны есть углубление подлинной тайны. Бог есть Тайна, и познание Бога есть приобщение к Тайне, которая от этого становится ещё более таинственной (апофатическая теология). Рациональное богопознание есть ложное богопознание, потому что оно снимает Тайну, отрицает Тайну Бога" [35, 94]. "Слишком большое знание жизни и людей печально. Многие хотелось бы не видеть так ясно и так близко. Но это есть крушение ложных иллюзий, которыми полна наша жизнь. Это может расчистить нам путь к подлинной Тайне" [35, 95].

"И многое, что было в начале моего философского пути, я вновь осознал теперь, после обогащения опыта мысли всей моей жизни. Меня всегда интересовало не исследование мира, каков он есть, меня интересовала судьба мира и моя судьба, интересовал конец вещей. Моя философия не научная, а пророческая и эсхатологическая по своей направленности. Я очень многое приобрёл и узнал за всю мою жизнь, я всю жизнь учился, но самое первоначальное остаётся то же. Это и есть тайна личности, неизменность в изменении" [35, 95].

"Я всегда боролся за свободу и независимость философской мысли в марксистской среде, как и в православной среде. Меня никогда не покидало чувство, что я и весь мир окружены тайной, что отрезок воспринимаемого мной эмпирического мира не есть всё и не есть окончательное" [35, 96]. "Думаю, что особенность моей философии прежде всего в том, что у меня иное понимание реальности, чем у большей части философских учений. Реальность для меня совсем не тождественна бытию и ещё менее тождественна объективности. Мир же субъективный и персоналистический есть единственный подлинно реальный" [35, 100].

"Существование не может быть объектом познания, оно субъект познания или, ещё глубже, находится вне распада на субъект и объект. Меня никогда не интересовал объект, познание объекта, меня интересует судьба субъекта, в котором трепещет вселенная, смысл существования субъекта, который есть микрокосм" [35, 105]. "Никогда "природа", "жизнь", инстинкт, коллективная стихия не были для меня Богом. Истина была для меня Богом, Истина, возвышающаяся над всем. Но Истина может вочеловечиться" [35, 108]. "Годы моей петербургской жизни в общении с творцами культурного ренессанса были для меня сравнительно мало творческими. Я ещё не вполне себя нашёл и не вполне ещё определил главную тему моей жизни" [35, 157].

"Но толстовская прививка у меня была, и она осталась на всю жизнь. Она сказывалась в моём глубоком презрении ко всем лжесвятыням и лжевеличиям истории, к её лжевеликим людям, в моём глубоком убеждении, что

вся эта цивилизованная и социализированная жизнь с её законами и условностями не есть подлинная, настоящая жизнь" [35, 112]. "Михайловский, подобно Герцену, был защитником индивидуалистического социализма. Для меня это было приемлемее других форм социализма. Проблема конфликта личности и общества не представлялась основной" [35, 117]. "У Розанова нет личности. У него жизнь торжествует не через воскресение к вечной жизни, а через деторождение, то есть распадение личности на множество новых рождённых личностей, в которых продолжается жизнь рода" [35, 147].

"У нас в России, в период наших старых споров, дело шло о последних, предельных, жизненных проблемах, о первичности, а не об отражении, не о вторичном. <...> Белинский говорил после спора, продолжавшегося целую ночь: "Нельзя расходиться, мы ещё не решили вопроса о Боге" [35, 159]. "Западные культурные люди мало верили в возможность решить вопрос о Боге и после споров расходились вовремя. Споры по целым ночам есть русское явление" [35, 160]. "К Богу не применимо ни одно понятие, имеющее социальное происхождение. Государство есть довольно низменное явление мировой действительности, и ничто, похожее на государство, не переносимо на отношения между Богом и человеком и миром" [35, 177].

"И всё же необъяснима судьба людей" [35, 196]. "Я предвидел и предчувствовал наступление катастроф. Мне свойственно катастрофическое чувство жизни. Я не верю в твёрдость и устойчивость мирового и социального порядка. То, что казалось устойчивым и прочным, опрокидывается с большой лёгкостью вулканическими силами, которые всегда скрыты за кажущейся гармонией" [35, 217]. "Но я, может быть, недостаточно концентрировал и недостаточно проповедовал основную идею своей жизни. Я с горечью замечал, что меня плохо понимают, плохо понимают самое главное у меня и, в сущности, плохо знают мои центральные мысли, плохо связывают разные стороны моей мысли" [35, 218].

"Я остаюсь индивидуальным мыслителем и всегда возвращаюсь к себе, в свою индивидуальную мысль. Я мыслю о времени, о своей эпохе, о её проблемах и о её зле, но я не современный мыслитель. Я нахожусь в совершенном разрыве со своей эпохой. Я воспеваю свободу, когда моя эпоха её ненавидит, я не люблю государства и имею религиозно-анархическую тенденцию, когда эпоха обоготворяет государство, я крайний персоналист, когда эпоха коллективистична и отрицает достоинство и ценность личности, я не люблю войны и военных, когда эпоха живёт пафосом войны, я люблю философскую мысль, когда эпоха к ней равнодушна, я ценю аристократическую культуру, когда эпоха её низвергает, наконец, я исповедую эсхатологическое христианство, когда эпоха признаёт лишь христианство традиционно-бытовое" [35, 260].

"Но причины оргии национализма лежат глубже. Национальность подменила Бога. У меня есть настоящее отвращение к национализму, который не только аморален, но всегда глуп и смешон, так же как и индивидуальный эгоцентризм. Моя настроенность походила на настроенность Вл. Соловьёва, когда он писал "Национальный вопрос в России" [35, 268]. "Я всё сильнее и сильнее сознаю, что происходящее во мне с трудом передаваемо другим. Познание жизни, самое глубокое и самое истинное познание, имеет невыразимо эмоциональную природу. Лишь глубоко эмоциональная мысль познаёт тайну жизни. И эта эмоциональность мысли совсем не есть её психологическое искажение" [35, 270-1].

"Даже когда мужчина и женщина, казалось бы, говорят на одном языке, они вкладывают разный смысл в произносимые слова. Горький опыт убедил меня, что люди вообще плохо понимают друг друга и плохо вслушиваются в то, что говорят друг другу. Личность другого всегда остаётся для нас почти непроницаемой тайной" [35, 284]. "Но и другие долго старались поддерживать внешнее единомыслие со мной, в сущности расходясь со мной в основных оценках жизни" [35, 286].

"Руссо был признан источником европейского романтизма. От него пошли все несчастья. Но нет ничего более неопределённого, чем слово романтизм. Определить романтизм очень трудно. Я старался вникнуть в характер реакции против романтизма, которая мне была антипатична [35, 288].

"На Западе, в изгнании, которое я особенно остро почувствовал после второй войны 40-го года, я перечитывал Герцена и вдумывался в его судьбу на Западе. Я пережил большие катастрофы, чем Герцен. События его времени кажутся маленькими по сравнению с современными. Герцен был разочарован в Западе после революции 48-го года, он оттолкнулся от мещанства Запада. Я тоже имею основания быть разочарованным и ещё больше оснований. Я ранен не менее К.Леонтьева уродством демократического века и тоскую по красоте, которой было больше в столь несправедливом прошлом. Но разочарование носит более глубокий характер и утешение должно быть более глубоким, чем у Герцена. Разочарование связано с судьбами не только Европы, но и всего человечества и всего этого мира. И утешение может быть связано не с верой в русского мужика, как у Герцена, а с благой вестью о наступлении Царства Божьего, с верой в существование иного мира, иного порядка бытия, который должен означать радикальное преобразование этого мира. Россия и русский народ могут сыграть в этом большую роль в силу нашего эсхатологического характера. Но это дело свободы, а не необходимости. Герцен ушёл из рабства Николаевской России в свободу западного мира и не нашёл там настоящей свободы. Мы также ушли или были изгнаны из России, в которой воцарилось рабство духа и была истреблена свобода. И некоторую свободу мы на Западе вкусили. Но

и это царство очень несовершенной свободы кончается, её нет уже на Западе, мир всё более порабощается духом Великого инквизитора. Нельзя примириться с рабством человека и народа" [35, 290].

"Можно было думать, что злость делала людей талантливими. Эту большую силу злой воли, этот прогресс в зле я видел на протяжении всей своей жизни" [35, 279]. "Подлинная жизнь есть творчество, и это единственная жизнь, которую я люблю. Я не могу пассивно воспринимать красоту, в творческом восприятии, в воспоминании, в воображении я её творю" [35, 292].

"Бытие есть понятие, а не существование. Реальность бытия есть реальность предиката и означает, что что-то существует, а не то, что существует. Моя философия не принадлежит к онтологическому типу, к типу философии Парменида, Платона, Аристотеля, Шеллинга, Вл. Соловьёва, хотя это не мешает мне высоко ценить всех этих философов. Наиболее враждебен я всякой натуралистической метафизике, которая объективирует и гипостазировывает процессы мысли, выбрасывая их во вне и принимая их за "объективные реальности", которые применяет к духу категории субстанции, натурализирует дух. Моя философия есть философия духа. Дух же для меня есть свобода, творческий акт, личность, общение любви" [35, 296-7].

"Цель жизни – в возврате к мистерии Духа, в которой Бог рождается в человеке и человек рождается в Боге" [35, 314]. "Судьба неповторимой индивидуальности не вмещается ни в какое мировое целое" [35, 321]. "Жизнь в действительности слишком часто напоминала мне сновидение и иногда кошмарное сновидение, но с прорывами дневного света. Я ведь не верю, не признаю и по своему непосредственному чувству, и по сознательному своему миропониманию, что "объективность" есть подлинная реальность, перво-реальность. Объективность есть объективация, т.е. порождение известной направленности духа и субъекта" [35, 324].

"Для исторического, обращённого к мировым ценностям взгляда на жизнь, остаётся в силе заповедь Ницше: будьте жёстки, тверды. И другая ещё заповедь лежит в основе этого чувства жизни: любите дальнего больше, чем ближнего. Жёсткость совсем не есть жестокость, она есть свойство духовное, а не биологическое, – жертва низшими состояниями духа во имя высших состояний, жертва элементарными благами во имя восхождения и эволюции человека" [34, 208].

Мудрость тысячелетий. В поисках смысла.

Н.А.Бердяев: "Опыт жизни, горение духа создают образ человека. Человек не есть окончательно готовое и законченное существо, он образуется и творится в опыте жизни, в испытаниях своей судьбы. Человек есть лишь Божий замысел" [216, 407].

"Жизнь благородна только потому, что в ней есть смерть, есть конец, свидетельствующий о том, что человек предназначен к другой, высшей жизни. Смерть есть самый глубокий и самый значительный факт жизни, возвышающий самого последнего из смертных над обыденностью и пошлостью жизни" [216, 666].

"Очень много русских кончает жизнь самоубийством". "Потеря всякого смысла жизни, оторванность от родины, крушение надежд, одиночество, нужда, болезни, резкое изменение социального положения, когда человек, принадлежавший к высшим классам, делается простым рабочим, и неверие в возможность улучшить своё положение в будущем – всё это очень благоприятствует эпидемии самоубийств". "Люди убивают себя от несчастной любви, от сильной страсти или от несчастной семейной жизни; убивают себя от потери вкуса к жизни, от бессилия; убивают от позора и потери чести; от потери состояния и нужды; убивают себя, чтобы избежать измены и предательства; убивают от безнадежной болезни и страха страданий" [216, 767].

"Человеческая личность бессмертна не потому, что душа человеческая субстанциальна, не потому, что последовательное мышление о природе человеческой личности требует бессмертия, а потому, что есть духовный опыт вечной жизни, потому, что духовная жизнь есть богочеловеческая жизнь, потому, что есть Христос, как источник вечной жизни. Бессмертие доказывается и показывается самим обнаружением бессмертия в духовной жизни". "Бессмертие есть естественное свойство природного человека, бессмертие есть достижение духовной жизни, второе рождение в духе, рождение во Христе, источники вечной жизни" [216, 813-4].

"Бессмертие есть возрождение к новой высшей жизни, в духовном роде Нового Адама. Эта жизнь есть вечная жизнь, жизнь, победившая смерть. Бессмертие, вечная жизнь есть раскрытие Царства Божьего, а совсем не метафизическая природа бытия". "Воскресение есть событие духовной жизни, духовного мира, которое побеждает тленность и смертность мира природного". "Только духовная жизнь заслуживает бессмертия, только дух обладает качеством вечной жизни.... Источник бессмертия в Боге, а не в природе, и нельзя мыслить бессмертия без жизни в Боге и божественном. Путь бессмертной, вечной жизни раскрывается во Христе. Вечная, бессмертная жизнь есть Царство Божие, и вне Царства Божьего, вне Духа Св. нет бессмертия, нет вечной жизни" [216, 814].

У замысловатой жизни здесь немало обыденности и скуки, однако, если есть рутинная и вялость воли, то временами в ней где-то там вспыхивает экстаз, напряжение и подъём. У большой и глубокой личности религиозное миропонимание, особенный взгляд и картина мира: вера в бессмертие и вечную жизнь, в их Источник, путь Христа. Отсюда и свой стиль восприятия жизни, церковная фразеология и слог.

От о. Павла

"... когда жизнь, удаляясь от глубинных истоков своих, течёт мелкими водами лёгкого эпикуреизма, в атмосфере легковесной буржуазности греческих человечков – graeculorum, как их называли современные им римляне, человечков, лишившихся ноуменальной глубины греческого гения и не успевших приобрести величественного размаха, вселенской по обхвату, морально-политической мысли римского народа" (Обратная перспектива) [355, 19]. "В этом ведь и состоит нетрудовое, лишённое чувства реальности и сознания ответственности, мирочувствие, что для него жизнь есть только зрелище, и ничуть не подвиг" (Обратная перспектива) [355, 20].

"Ведь есть, в конечном итоге, только два опыта мира – опыт общечеловеческий и опыт "научный", т.е. кантовский, как есть только два отношения к жизни – внутреннее и внешнее, как есть два типа культуры, – созерцательно-творческая и хищнически-механическая" (Обратная перспектива) [355, 27].

"... вещи меняются, движутся, поворачиваются к зрителю разными сторонами, растут и уменьшаются, мир есть жизнь, а не оледенелая недвижность" (Обратная перспектива) [355, 64]. "Художник изображает не вещь, а жизнь вещи по своему впечатлению от неё" (Обратная перспектива) [355, 64-5].

"Да, жизнь нашей собственной души даёт опорную точку для суждения об этой границе соприкосновения двух миров, ибо и в нас самих жизнь в видимом чередуется с жизнью в невидимом, и тем самым бывают времена – пусть короткие, пусть чрезвычайно стянутые, иногда даже до атома времени, – когда оба мира соприкасаются, и нами созерцается самое это прикосновение" (Иконостас) [355, 75]. "Сон – вот первая и простейшая, т.е. в смысле нашей полной привычки к нему, ступень жизни в невидимом" (Иконостас) [355, 75].

"Как всякий, кто живёт, занят мыслью, живёт ли он по правде или нет, а не тем, оказывается ли его жизнь похожей на жизнь соседа, – живёт сам в себе для истины и убеждения, что искренняя жизнь для истины непременно индивидуальная и в самой сути своей никак не повторима, истинной же может быть лишь в потоке всечеловеческой истории, а не как нарочито выдумываемая, – так не иначе и жизнь художественная..." (Иконостас) [355, 112].

"Да кратко говоря, иконопись есть метафизика бытия, – не отвлечённая метафизика, а конкретная. В то время как масляная живопись наиболее приспособлена передавать чувственную данность мира, а гравюра – его рассудочную схему, иконопись существует как наглядное явление метафизической сути ею изображаемого" (Иконостас) [355, 141].

"Живой организм целостен, и в нём не может быть ничего, не организованного силами жизни; и если бы было хоть что-нибудь неживое, самое малое, тогда разрушилась бы и вся целостность организма. Он существует

только как наглядно раскрывающая себя сила жизни или формообразующая идея; или же его вовсе нет, и самое слово организм должно быть исключено из словаря" (Иконостас) [355, 142-3].

"Одежда – часть тела. В обычной жизни это – внешнее продолжение тела, аналогично волосяному покрову животных и птичьему оперению; она приложена к телу полумеханически, – я говорю "полу", потому что между одеждой и телом есть отношения более тесные, нежели только соприкосновение: организованная более тонкими слоями телесной организации, одежда отчасти врастает в организм. В порядке же зрительно-художественном одежда есть явление тела и собою, своими линиями и поверхностями, строение тела она проявляет" (Иконостас) [355, 145]. "Мы не страдаем протестантско-кантовской гордыней, которая не желает и от Бога принять полного сока и жизни мира только потому, что он дан, дарован нам, создан для нас, а не нами" (Иконостас) [355, 150].

"Но есть не только мир видимый, хотя бы и одухотворённому взору, но и мир невидимый – Божественная благодать, как расплавленный металл, струящийся в обожествлённой реальности" (Иконостас) [355, 151]. "В самом деле, если бы художнику потребовалось изобразить магнит и он удовлетворился бы передачей видимого (конечно, сейчас я говорю о видимом и невидимом не в высшем догматическом смысле, а более житейски и грубо), то изображён был бы не магнит, а кусок стали; самое же существенное магнита – силовое поле – осталось бы, как невидимое, неизображённым и даже неуказанным, хотя в нашем представлении о магните оно, несомненно, налично" (Иконостас) [355, 152].

"Иконопись исторически возникла из техники стенописной, а по существу есть самая жизнь этой последней, освобождённая от случайных архитектурных и других стеснений" (Иконостас) [355, 158]. Жизнь стенописной техники, очевидно, сама её суть. "Но далее и красочная часть иконописи разделяется между личниками и доличниками. Это – очень глубокомысленное деление – по принципу внутреннего и внешнего, "я" и "не я" – человеческого лица, как выражения внутренней жизни, и всего того, что не есть лицо, т.е. что служит условием проявления и жизни человека – весь мир, как созданный для человека" (Иконостас) [355, 160].

"Напротив, греховное раздробление твари, противопоставление человека природе в новом искусстве очень отчётливо завершилось разделением живописи на пейзажную и портретную, причём в первой человек сперва подавляется, затем делается аксессуаром и, наконец, вовсе исключается из ландшафта, а во второй – всё окружающее его перестаёт жить своей жизнью, делается только обстановкой, а далее вслед за нею исчезает из портрета и тело, оставляя одно отвлечённое от всего мира лицо, целью которого служит только выразительность" (Иконостас) [355, 160].

"Церковь отрицает духовную значимость мысли, не опирающееся на нечто конкретное в опыте, и утверждает метафизичность жизни и жизненность метафизики" (Иконостас) [355, 172]. "Свидетельство же о мире духовном есть, по воззрению всей древности, философия. Вот почему истинные богословы и истинные иконописцы равно назывались философами" (Иконостас) [355, 173].

"Давно замечено, что в литературном произведении внутренне господствует тот или иной образ, то или другое слово; что произведение написано бывает ради какого-то слова и образа или какой-то группы слов и образов, в которых надо видеть зародыш самого произведения" (Иконостас) [355, 175].

"Церкви вообще в высочайшей степени чужда мораль, и если говорится церковно о поведении, то это исключительно в смысле онтологии, онтологии жизни, а не моралистически и тем более не юридически. Кто более Апостола Павла познал тщету и духовную опасность "дел закона", попытки спастись моралью?" (Иконостас) [355, 177].

"Иконостас" входит в большой цикл работ о Павла под общим названием "Философия культа" (Иконостас) [355, 184]. "На книгу дю Преля "Философия мистики" ссылается сам о. Павел" (Иконостас) [355, 186]. "В существе своём икона есть ничто иное, как *лик*, и только *лик*. Но *лик* есть, в сущности, *имя*. Существо иконы будет если на кусочке бумаги написать *имя* святого" (Иконостас) [355, 189].

"В храме, говоря принципиально, всё сплетается со всем: храмовая архитектура, например, учитывает даже такой малый, по-видимому, эффект, как выющиеся по фрескам и обвивающие столпы купола ленты голубоватого фимиама, которые своим движением и сплетением почти беспредельно расширяют архитектурные пространства храма, смягчают сухость и жёсткость линий и, как бы расплавляя их, приводят в движение и жизнь" (Храмовое действо как синтез искусств) [355, 210]. Всё сплетается со всем и в организме, и в жизни, и в языке (это системы).

"Как памятник и центр высокой культуры Лавра бесконечно нужна России, и притом в её целостности, с её бытом, с её своеобразною, отошедшею уже давно в область далёкого прошлого жизнью. Весь своеобразный уклад этой исчезнувшей жизни, этого острова XIV-XVII веков, должен быть государственно оберегаем, по крайней мере с не меньшею тщательностью, чем в беловежской Пуще сберегались последние зубры" (Храмовое действо как синтез искусств) [355, 212].

"Даже красочно, в смысле цветowych пятен в церквах или на площадях Лавры, замена чёрных фигур с их своеобразною монашескою посадкой какими-либо другими, иного стиля, или вовсе бесстильными сразу разрушила бы целостность художественного впечатления от Лавры и сделала бы её из памятника жизни и творчества мёртвым складом более или менее случайных вещей" (Храмовое действо как синтез искусств) [355, 212-3].

"Итак, если нет абсолютной ценности, то нечего воплощать, и, следовательно, невозможно самое понятие культуры; если жизнь, как среда, насквозь чужда божественности, то она не способна принять в себя, воплотить в себе творческую форму, и, следовательно, – снова уничтожается понятие культуры" (Троице-Сергиева Лавра и Россия) [355, 224]. Среда.

Бычков В.В. Философия искусства П.Флоренского

"После кончины старца Исидора составляет и публикует его житие" [69, 187]. Житие – жизнь-подвиг святого; здесь жизнеописание его.

Размышляя в одном из последних писем о судьбе Пушкина, Флоренский делает обобщающие выводы, опираясь и на собственный горький опыт... "Ясно, свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонением. Чем бескорыстнее дар, тем жёстче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни, основная аксиома её" (13.2.1937) [69, 291-2].

"После известия о кончине Флоренского С.Булгаков, размышляя о судьбе друга, писал: "Можно сказать, что жизнь ему как бы предлагала выбор между Соловками и Парижем, но он избрал <...> родину, хотя то были и Соловки, он восхотел до конца разделить судьбу со своим народом. О. Павел органически не мог и не хотел стать эмигрантом в смысле вольного или невольного отрыва от родины, и сам он и судьба его есть слава и величие России, хотя вместе с тем и величайшее её преступление" [69, 292].

"Подходя к философии искусства о. Павла, необходимо иметь в виду, что под философией он, продолжая традиции древнего православного мышления, понимал не только то, что имеет в виду новоевропейская наука, но и всякое "свидетельство о мире духовном. Формы этого свидетельства многообразны, но большинство из них имеют, в отличие от западноевропейской философии, непонятный, невербальный характер. А там, где философия выходит на уровень словесного выражения, она делает это также нетрадиционными для западноевропейского мышления образом – в глобальном антиномизме" [69, 295].

"Жизнь многообразна и наполнена противоречиями; их снятие возможно только на уровне абсолютного бытия, в Божественной сфере – конечном единении всего многообразного и противоречивого. Поэтому описать более или менее адекватно мир и жизнь в целом, в их сущностном единстве на вербальном уровне можно только с помощью антиномий" [69, 296].

"В понимании Флоренского метафизическая триада Истина, Добро и Красота – не разные начала или стороны бытия, а одно начало. Это одна и та же духовная жизнь, рассматриваемая под разными углами зрения. Духовная жизнь, имеющая средоточие в субъекте познания, есть Истина. Понимаемая как "непосредственное действие" объекта познания – она есть Добро. "Предметно же созерцаемая третьим, как во-вне лучающаяся – Красота" [69, 298].

"Итак, святой подвижник, реально приобщаясь к жизни в "Безусловной красоте", фактически ещё при жизни преодолевает границу между двумя мирами Универсума: дольным и горним; и совершает он эту сложнейшую онтологическую метаморфозу на уровне эстетического – на путях любви к красоте – филокалии" [69, 300].

"Феургия – "искусство Богоделания" – понимается русскими мыслителями как главная задача человеческой жизни, "как задача полного претворения действительности смыслом и полной реализации в действительности смысла" [69, 305]. "Если говорить точнее, то Флоренский различает три основных вида человеческой деятельности: практическую, теоретическую и литургическую. Первая производит вещи, или "инструменты-машины" в широком смысле; вторая – теории, или "понятия-термины; и третья – "святыни" [69, 305-6].

"Для Флоренского произведение искусства не просто целостный организм, но и живой организм. Раз созданное, оно живёт в культуре многие века, значительно переживая своего создателя. Это не мёртвая вещь, музейный предмет, а "никогда не иссякающая, вечно бьющая струя самого творчества", пульсирующая, переливающаяся цветами жизни, волнуемая энергия творческого духа. Здесь позиция о. Павла полностью совпадает с соответствующими взглядами на искусство В.В.Кандинского, который в книге "О духовном в искусстве" писал о произведении искусства как о "живом существе". Отделившись от художника, утверждал он, оно обретает "самостоятельную жизнь, становится личностью, самостоятельным, духовно дышащим субъектом, ведущим также и материально реальную жизнь: оно является существом" [69, 307].

О чередовании двух принципиально различных типов культуры: "Это созерцательно-творческая культура и хищнически-механическая. Первой присущи внутреннее отношение к жизни и общечеловеческий опыт мира; для второй характерно внешнее отношение к миру и "научный" опыт, квинтэссенцию которого Флоренский видит в философии Канта. Первый тип культуры укоренён в духовных, глубинных основаниях бытия, проявляет себя в иррациональном опыте; второй – более обращён к материальному миру, к земной жизни людей, законам и нормам их существования; он опирается на рассудочное мышление, рациональные схемы и построения" [69, 312-3].

"Художник изображает не вещь, а жизнь вещи по своему впечатлению от неё", а это означает, что он представляет не моментальную фотографию жизни, а некий синтетический образ вещи; возникший в процессе её всестороннего изучения. Живое восприятие – это и есть жизнь такого синтетического образа, постоянно меняющегося, пульсирующего, искрящегося, поворачивающегося к свету духовного зренья своими различными гранями" [69, 313].

У философа свой необычный стиль. Чтобы писать, как П.Флоренский, нужно мыслить так, как он, чтобы достичь этого, надо стать им или, по

крайней мере, хотя бы столь же глубоким мыслителем. Действительно, различается мир видимый и невидимый. "Мир есть жизнь, не оледенелая неподвижность". Есть жизнь-подвиг и жизнь как среда. Кроме того есть жизнь людей, души, мира, вещи, образа, техники, искусства, ещё есть образ жизни, цвет, памятник, ступень, силы, выражение жизни. Сколько же разных имён и сходных смыслов в подобных словосочетаниях?

А.Ф.Лосев. Философия. Мифология. Культура.

17

Диалектика мифа

А.А.Тахо-Годи во вступительной статье к книге А.Ф.Лосева, касаясь его жизни и творчества, пишет: "Перед читателем раскрывается мифология времени и пространства разных типов в разные исторические эпохи и у разных народов. Оказывается, что время и пространство неоднородны. Они могут расширяться и сжиматься, сгущаться и рассасываться; они имеют складки и прорывы: во времени бывают сотрясения; каждое из времён имеет своё строение, и наконец, время в каком-то смысле обратимо" [180, 14]. "Но чужие мысли полезны только для развития собственных" [180, 212], – повторим и запомним фразу и мудрость русского философа.

Сплетение заглавных понятий и узел ключевых слов в книге А.Ф.Лосева:

I. Миф – Жизнь (Судьба) – Диалектика – Космос (Мир)

"Надо сначала стать на точку зрения *самой* мифологии, стать самому мифическим субъектом. Надо вообразить, что мир, в котором мы живём и существуют все вещи, есть мир *мифический*, что вообще на свете только и существуют мифы" [180, 23]. Небесспорная установка ведь. "Я же категорически утверждаю, что тот, кто ест мясо, имеет совершенно особое мироощущение и мировоззрение, резко отличное от тех, кто его не ест. И об этом я мог бы высказать очень подробные и очень точные суждения. И дело не в химии мяса, которая, при известных условиях, может быть одинаковой с химией растительных веществ, а именно в *мифе*" [180, 26-7].

"... миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряжённая реальность. Это не выдумка, но *наиболее яркая и самая подлинная действительность*. Это – *совершенно необходимая категория мысли и жизни*, далёкая от всякой случайности и произвола. Заметим, что для науки XVII – XIX столетий её собственные категории отнюдь не в такой мере реальны, как реальны для мифического сознания его собственные категории" [180, 24]. "Категория" употребляется тут трижды, но что подразумевается под ней, строго говоря?

"Всякая вещь имеет свой смысл, не с точки зрения цели, а с точки зрения существенной значимости. Так, дом есть сооружение, предназначенное для предохранения человека от атмосферных явлений; лампа есть прибор, служащий для освещения, и т.п. Ясно, что смысл вещи не есть сама вещь: он – абстрактное понятие вещи, отвлечённая идея вещи, мысленная значимость вещи. Есть ли миф такое отвлечённо-идеальное бытие? Конечно, *не есть ни в каком смысле*. Миф не есть произведение или предмет *чистой мысли*" [180, 25]. Стиль не безупречен, излишняя настойчивость автора, напор и страсть.

"Миф – не идеальное понятие, и также не идея и не понятие. Это есть сама жизнь. Для мифического субъекта это есть подлинная жизнь со всеми её надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей её реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью" [180, 27]. "Исповедовали часто в Европе так, что одна эпоха имеет смысл не сама по себе, но лишь как подготовка и удобрение для другой эпохи, что эта другая эпоха не имеет смысла сама по себе, но она тоже – навоз и почва для третьей эпохи и т.д. В результате получается, что никакая эпоха не имеет никакого самостоятельного смысла и что смысл данной эпохи, а равно и всех возможных эпох, отодвигается всё дальше и дальше, в бесконечные времена" [180, 31]. Понять-то можно.

"Так, если взять христианскую мифологию, то творение мира есть величайшее чудо, искупление – величайшее чудо, рождение, жизнь и смерть человека – сплошное чудо, не говоря уже о такой мифологии, как мифология Богоматери, Воскресения, Страшного Суда и т.д. Спрашивается: что же такое является тогда чудом, если не-чуда вообще никакого нет, если вся мировая и человеческая жизнь, со всеми её мелочами и подробностями, есть сплошное чудо? Явно, что взгляд на чудо, как на вмешательство высших сил, собственно говоря, не выдерживает никакой критики" [180, 136-7]. "Не нарушение законов природы есть чудо, а наоборот, установление и оправдание, их осмысление. С точки зрения мифического сознания чудо-то и есть установление и проявление *подлинных*, воистину нерушимых законов природы" [180, 137].

"Время есть подлинно алогическая стихия бытия – в подлинном смысле *судьба* или, в другой опытной системе, *воля Божия*. Напрасно учёные и философы забросили это понятие *судьбы* и заменили его понятием причинности. Это – беспомощное закутывание своего носа под собственные крылья и боязнь взглянуть прямо жизни в глаза" [180, 144]. Темпераментный и небрежный слог, выражения без меры и чувства строгости или изящества – в результате необузданные и непричёсанные мысли отвлекают читателя от содержания, мешая восприятию смысла, незаурядного и увлекательного.

"Всякий переживал это странное чувство, когда вдруг становится странным, что люди ходят, едят, спят, рождаются, умирают, ссорятся, любят и пр., когда вдруг всё это оценивается с точки зрения какого-то другого, забытого и

поруганного бытия, когда вся жизнь предстаёт вдруг как бесконечный символ, как сложнейший миф, как поразительное чудо. Чудесен сам механизм, мифически-чудесны самые "законы природы" [180, 159]. "*Весь мир и все его составные моменты, и всё живое и всё неживое, одинаково суть миф и одинаково суть чудо*" [180, 160]. "*... миф есть развёрнутое магическое имя... Это максимально простая и максимально насыщенная формула мифа*" [180, 170].

"Жизнь же символична по самой природе своей, ибо то, как мы живём, и есть мы сами" [180, 50]. "Жизнь и смерть Пушкина можно сравнить с лесом, который долго сопротивлялся и отстаивал своё существование, но в конце концов не выдержал борьбы с осенью и погиб" [180, 51]. "... и нет ни одной вещи, которую мы воспринимали бы только как голое и отвлечённое понятие. Живая вещь, вот эта бумага, эти карандаши и перья, эта комната – всегда воспринимаются как вещи, наделённые тем или другим личным, социальным или иным глубинно-выразительным содержанием и все в той или другой мере причастны бытию мифическому" [180, 72].

"Наконец, чтобы не оставить места никакому упреку в неясности, можно принять во внимание, что под "жизнью" здесь мыслится просто категория осуществления той или иной интеллигенции" [180, 74]. ("Интеллигенция" здесь – работа интеллекта). "Возьмите вашу комнату, в которой вы постоянно работаете. Только в очень абстрактном мышлении её можно представлять себе как нечто нейтральное к вашему настроению и вашему самочувствию. Она то кажется милой, весёлой, радушной, то мрачной, скучной и покинутой. Она есть живая вещь не физического, но *социального* и *исторического бытия*" [180, 78]. Запомним, разного рода бытие и восприятие.

"Личность есть *факт*. Она существует в *истории*. Она *живёт*, борется, порождается, расцветает и умирает. Она есть всегда обязательно *жизнь*, а не чистое понятие. Чистое понятие должно быть осуществлено, овеществлено, материализовано. Оно должно предстать с живым телом и органами. Личность есть всегда *телесно* данная интеллигенция, *телесно* осуществлённый символ. Личность человека, например, немислима без его тела, – конечно, тела осмысленного, интеллигентного, тела, по которому видна душа" [180, 75]. Есть где-то "чистое понятие".

"Тем не менее у этого насекомого есть своя органическая жизнь, с богатым прошлым и неведомым, значительным будущим; и если такое насекомое сознательно, то можно поручиться, что оно ни в каком случае не считает свою жизнь такой уж особенно краткой и смешной" [180, 85]. "Тогда получится, что *времени очень много*, что *они сжимаемы и расширяемы*, что *они имеют фигурное строение*. Ребёнок, проживший три года, отнюдь не меньше прожил, чем девяностолетний старец. Их жизнь одинакова перед лицом вечности как жизнь, только она наполнена в обоих случаях разным содержанием и смыслом. Времени столько, сколько вещей; а вещей, или

вернее, родов их столько, сколько смыслов и идей" [180, 85]. Парадоксально осмыслено время.

"... материя обращается во вселенское мёртвое чудище, которое, будучи смертью, тем не менее всем управляет. Позвольте, да почему же "мёртвое", почему "чудище", – спросит материалист. А потому, что мне некуда деть категорию личности и категорию жизни. Ведь эти же две категории есть совершенно необходимое, совершенно естественное и, я бы сказал, совершенно банальное достояние и всякого живого опыта, и всякой диалектической мысли. Куда же мне деть эти категории? Если бы вероучение материализма допускало положить в основу бытия "жизнь" и "личность", тогда я не мог бы говорить ни о смерти, ни о чудище, но тогда и материализм перестал бы быть материализмом" [180, 114]. За свои взгляды учёный пострадает.

"Как рассуждает "механист", например, в биологии о "жизни"? Жизнь для него есть только совокупность физико-химических процессов. Но это значит, что он просто игнорирует жизнь, ибо всякий не сумасшедший всегда отличит живое от неживого; он просто отворачивается от живой жизни; он, не умея ни видеть, ни уразумевать жизни, нигде даже не употребляет этого термина; он просто агностик. Или же он берёт жизнь во всё её разнообразии, но для каждой категории жизни им подыскано физико-химическое объяснение; он – механист" [180, 118]. "Цель жизни состоит в том, чтобы вернуться в отчий дом, чтобы посредством разума уяснить, а посредством воли приблизиться к познанию истины" [180, 220]. Метафоры не помогут, не спасут автора от ГУЛАГа.

"Судьба – самое реальное, что я вижу в своей и во всякой чужой жизни. Это – не выдумка, а жесточайшие клещи, в которые зажата наша жизнь. И распоряжается нами только судьба, не кто-нибудь другой" [180, 144]. "Тайна появления нового существа, великая тайна и необъяснимая" [180, 159]. "Антитеза души и тела примиряется в понятии жизни, которая немислима ни без тела, т.е. того, что нужно двигать, объекта движения, ни без самодвижущего и самодвижущегося начала. *Абсолютная мифология есть теория жизни*" [180, 178]. "Вся жизнь насквозь есть диалектика, и в то же время она – именно жизнь, а не диалектика, она – неисчерпаемая, тёмная глубина непроявленных оформлений, а не строжайше выведенная абстрактно-логическая формула" [180, 245].

"Ведь жизнь есть прежде всего некоего рода сплошная текучесть. А неподвижный образ, будь то образ архитектурный, скульптурный или живописный, как бы он ни был драматичен по своему содержанию, всё же является нам в виде какой-то устойчивости и неподвижности, а тем самым и не выражает самой жизни в её непрерывной текучести. Ведь в процессах жизни хотя и важны составляющие её предметы, но ещё важнее само появление этих предметов, само их открытие, первое их ощущение и первое их

познание" [180, 324-5]. "Однако процессы жизни приводят не только к возникновению той или иной предметности, но и к её неустойчивости, её развитию и расцвету, её увяданию и смерти" [180, 325].

"Таким образом, если общественно-политическая обстановка является решающей для всякого художественного творчества, то эмигрантская жизнь Вагнера в Цюрихе, в одиночестве, вдали от друзей, вдали от нормальной артистической деятельности, в те моменты европейской истории, когда после крушения революции 1848 года распространялись волны политической реакции, вызвавшей пессимизм, порой и отчаяние, естественно, вызывала такой же пессимизм и отчаяние и у самого Вагнера" [180, 308]. Такая разная жизнь-обстановка повсюду и во все времена проживается, переживается и по-своему отражается в литературе, науке и искусстве.

"Когда кто-то спросил Анаксагора, ради чего лучше родиться, чем не родиться, последний сказал: "Чтобы созерцать небо и устройство всего космоса". У близкого к Анаксагору драматурга Еврипида читаем (тот же фрагмент Дильса), что "счастливее тот, кто созерцает нестареющий космос бессмертной природы" [180, 421]. "Вещевистски обобщённый интеллект должен был признавать кроме себя и выше себя ещё и судьбу, т.е. ту сверхразумную и сверхинтеллектуальную силу, которая как раз и определяла собою реальное протекание жизни, неохватное для интеллекта" [180, 446]. Никак не исчерпать, не охватить и не объять жизни.

"Но никто как следует не знает, что такое "душа", и не умеет точно определить, что такое "тело". Тем не менее все прекрасно понимают, что такое живой человек, и прекрасно отличают его от мёртвого человека, от трупа. А ведь живой человек как раз и есть не что иное, как полное слияние его физической и психической жизни, слияние тождественное и нерасторжимое, покамест человек живёт. Обыватель не может определить, что такое "личность" и что такое "общество". И тем не менее все прекрасно понимают, что личность возможна только в обществе, что общество невозможно без существования личностей и что личность есть определённого рода сгусток общественных отношений" [180, 429]. Всё сложно взаимосвязано.

"Я уже не говорю о том, что если действительно "бытие определяет человека", то невозможно не только то активное переделывание жизни и мира, к которому призывает революция, но невозможна и сама революция, которая есть именно сознательное и активное действие "сознания" на социальное бытие. Бытие определяет сознание, а разве само сознание не есть бытие?" [180, 121]. "Я хотел указать только на то, что чисто *диалектически* нужно говорить: и "бытие определяет сознание" и "сознание определяет бытие"; мифологически же можно утверждать всё что угодно. Это вопрос не знания, но веры" [180, 121].

"Диалектика – абстрактна. Но как же в таком случае она есть непосредственная основа жизни? А так, что она есть как бы скелет жизни, ритм жизни, оформление и осмысление жизни. Не ищите реальности только в безымянном, бессловесном и хаотическом. Скелет, стержень, форма, фигура жизни так же реальны, как и сама жизнь" [180, 243]. "Диалектика есть ритм жизни, но не просто сама жизнь, хотя это же самое и значит, что она есть жизнь, ибо ритм – тоже жизнь" [180, 243]. "Жизненность диалектики в том, чтобы она была правильным, а не уродливым скелетом жизни, чтобы она не была горбатым, безногим, безруким и т.д. скелетом" [180, 243].

"Возьмём пример: вот перед нами стоит шкаф. Есть ли он нечто единое и одно? Не есть ли он также и нечто многое? Разумеется. В нём есть доски, крючки, краска, ящики, зеркало и т.д. Ну так что же он – единое или многое? Абстрактный метафизик сейчас же станет в тупик, ибо если $A=A$, то уж ни в коем случае A не может равняться не- A . А тут как раз оказывается, что один и тот же, именно один и тот же шкаф есть и одно и многое. Как быть? Для непосредственного знания и для диалектики тут нет ни малейшего затруднения. Как бы мне ни вколачивали в голову, что единое не есть многое, а многое не есть единое, – всё равно я, пока нахожусь в здравом уме и в свежей памяти, вижу шкаф сразу и как единое и как многое. А если я ещё и диалектик, то я ещё и пойму, как это происходит. Именно диалектика мне покажет, что единое и многое есть логически необходимое противоречие, антиномия, ибо одно не может быть без многого и требует его, а многое само необходимо, есть тоже нечто единое, и что это противоречие необходимо, логически необходимо примиряется и синтезируется в новой категории, именно в целом. "Целое" есть диалектический синтез "одного" и "многого" [180, 240]. Так и жизнь.

"Вот диалектика выставляет, например, требование, что если есть нечто "одно", оно должно отличаться от всего "иного", но так как это "иное" есть тоже нечто одно, то, следовательно, "одно" не только отлично от "иного", но и тождественно с "иным". Это утверждение совершенно неопровержимо, какими бы жупелами вы ни грозили диалектике. Получается, что "одно" и тождественно и отлично с "иным"; покоится и движется – и в себе и в ином, и т.д." [180, 244]. "Диалектика абсолютна нетеоретична; диалектика не есть никакая теория. Диалектика есть просто глаза, которыми философ может видеть жизнь. Однако это именно хорошие глаза, и куда они проникли, там всё освещается, проявляется, делается разумным и зримым" [180, 245].

"Если диалектика не показывает, что в теле дана последняя осуществлённость, что всякая жизнь есть жизнь тела, того или иного, что тело – движущий принцип всякого выражения, проявления, осуществления, то такую диалектику надо вырвать с корнем из человеческого рода, и пусть будет отстранён всякий, кто станет её насаждать среди нас и развивать"

[180, 241]. "Тут Аристотель совершенно прав: сущность вещи не может быть вне самой вещи" [180, 336].

"В самом деле, что такое материализм? Как показывает само слово, тут должна играть какую-то особенную роль *материя*. Какую же? Она должна лежать в основе всякого и всяческого бытия, и к ней должны сводиться все причины и первопричины жизни и мира. Хорошо. Но что такое *материя*? То ли самое, что и материальные вещи? Конечно, не то же самое" [180, 109]. "Но тогда уже и младенцу ясно, что мир как целое отнюдь не есть простая сумма своих частей; и увидеть дерево, луну, солнце и т.д. не значит ещё увидеть мир" [180, 110].

"Конечно, становление есть везде, и вообще всё, что существует в жизни и в мире, обязательно становится, а не только покоится в неподвижном виде. Становление имеется не только во всяком искусстве, но и вообще во всякой жизненной и даже только мысленной предметности. Постоянно меняется тело человека и животных, а также всякое неорганическое тело. Меняются погода, общественные отношения, положение и характер личности и её состояния, земная кора и всё, что мы видим и чего не видим в небесном своде" [180, 325]. Основной вопрос философии жизни. Всё течёт, всё изменяется, или "становится". Всё – мир, космос – в движении, и жизнь не стоит на месте.

"В его "Тимее" мы читаем: "Восприняв в себя смертные и бессмертные живые существа и пополнившись ими, наш космос стал видимым живым существом, объемлющим всё видимое, чувственным богом, образом бога умопостигаемого, величайшим и наилучшим, прекраснейшим и совершеннейшим, единым и однородным небом" (пер. С.Аверинцева) [180, 422]. "Теперь возьмём все вещи, из которых состоит мир. Мир тоже окажется не сводимым ни к одной из тех вещей и ни к одному из тех движений, которые в нём существуют. Мир есть просто мир, и больше ничего" [180, 339].

"Именно он (чувственно-материальный космос. В.Л.) отождествлялся и со всем своим внутренним становлением. А это значит, что он становился также и душой, поскольку душа трактовалась в античности именно как становление ума, именно как становление идеи. Душа трактовалась в античности как принцип самодвижности" [180, 462]. "Мало кто ставит и решает вопрос о том, почему же это в период рабовладельческой формации понадобилось учение об одушевленном космосе. Это учение должно пониматься нами исторически и критически. А с такой историко-критической точки зрения этот одушевленный космос был только предельным обобщением любой материальной вещи, которая всегда понималась как живая, а не мёртвая, и потому всегда сама носила в себе источник своего движения" [180, 462-3]. "Становление" – та же жизнь, то же движение.

II. Сознание – Бытие – Имя (Слово) – Биография

"Одна картина восприятия у паука, другая у рака, третья у рыб, четвёртая у различных млекопитающих, пятая у человека (у одного человека можно насчитать сотни и тысячи различных типов восприятия), шестая у тех более совершенных существ, до которых, вероятно, разовьётся человек и которые, быть может, уже существуют на других планетах" [180, 110]. "В самом деле, у человека очень много абстрактных понятий, без которых он не может мыслить мира и жизни. "Материя" – одно из таких законнейших и необходимейших понятий человеческого разума" [180, 111]. Мысль живёт, развивается. Сознание и понятие, существуя, тоже "становятся".

"Ясно, что мысль философа ищет предельно общего, т.е. идеи тех единичных предметов, которые без этого общего остались бы просто непознаваемыми" [180, 341]. "Однако важнее другое: любого из нас ещё более увлекает драматизм развивающейся мысли – не "драма идей", невесть откуда взявшихся, изначально ли свыше данных, изобретённых ли "чистым разумом" и застывших раз и навсегда, – нет, но становление форм человеческого познания, рождение, развитие, столкновение, расцвет и гибель идей, наполняющих живое сознание человечества, воплощающихся в практической деятельности" [180, 500].

"Нужно помнить, что в науке является самым трудным как раз то, что интуитивно понятно и ни для кого не представляет на первый взгляд никаких затруднений. Разумеется, всем известно, что такое текст и контекст. Но войти в анализ этих понятий при современном состоянии науки требует огромных усилий" [180, 256]. "В таком выражении, как "жизнь идёт", уже нет никаких представлений ни о шагании, ни о наступлении, а скорее о прохождении. Мы здесь говорим, что жизнь проходит, что она временная, неустойчивая и вот-вот кончится" [180, 256]. Жизнь – не только процесс (развитие, становление), но и состояние, время, обстановка и др.

"... я остановлюсь только на одном значении "бытия", которое чаще всего и имеется в виду защитниками этой аксиомы. Именно обыкновенно (далеко не всегда!) здесь имеется в виду *социальный порядок* и даже более частные его моменты" [180, 121]. "Жизнь личности может быть взята с разных сторон. Возьмём её с точки зрения синтеза её *свободы и необходимости*" [180, 185]. Бытие и, в частности, жизни бывают очень разные. Всё разнообразие их полностью необозримо, сразу и просто так не перечислить их виды. Различают жизнь земную, внеземную, загробную, личную, общественную, семейную и др. – все человеческие.

"Но и биография Платона, и его произведения полны необычайной активности, практической предприимчивости и постоянного искательства во что бы то ни стало реально воплотить в жизнь свои философские принципы" [180, 357]. "И ниже, приводя некоторые факты из его биографии, мы убедимся, что даже и его умозрительность стремилась так или иначе перейти в жиз-

ненное дело, не говоря уже о том, что самой натуре Платона было свойственно это постоянное, это неутомимое, всегда несущее с собой огромный жизненный риск стремление переделывать действительность" [180, 357-8].

"Позволим себе сказать несколько слов ещё и о Плутархе, писателе I-II вв. н. э. Ему принадлежит несколько десятков жизнеописаний героев прошлого" [180, 434]. "В каждом жизнеописании Плутарха приводится масса отдельных фактов из жизни изображаемого героя. Но назвать жизнеописание Плутарха только фактографическими совершенно невозможно. Плутарх часто пользуется ещё и риторическими приёмами с целью похвалы или порицания изображаемого героя. Но назвать жизнеописание чистой риторикой было бы грубейшей ошибкой. Жизнеописание Плутарха можно назвать моралистически-психологическими этюдами" [180, 434].

III. Философия – Литература – Наука – Искусство

"Русская самобытная философия представляет собой непрекращающуюся борьбу между западноевропейским абстрактным *ratio* и восточно-христианским, конкретным, богочеловеческим Логосом и является беспрестанным, постоянно поднимающимся на новую ступень постижением иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом" [180, 217]. "Он (Сковорода. В.Л.) бродил по рынкам и ярмаркам и повсюду излагал своё одухотворённое учение; как истинный мудрец он углублялся во все мелочи и случайности человеческой жизни. Это был истинный Сократ на русской почве, и не меньше, чем греческий Сократ, он видел свою жизненную задачу в духовном рождении человека, в посвящении его в философию" [180, 217].

"Ведь всё идеальное и всё материальное существует, с античной точки зрения, не само по себе, но ещё и вечно движется; а так как чувственно-материальному космосу невозможно двигаться куда-нибудь за пределы космоса (ничего такого за-космического для античности вообще не существует), то ясно, что космические движения вечно возвращаются сами к себе же, а потому круг и является единственно возможной идеальной формой всякого движения" [180, 459]. "А куда же девать материю? Об этой материи мы пока ведь не сказали ещё ни слова. Но что такое исходная для античного мышления вещь? Она, конечно, и живая, и одушевлённая, и в природном смысле даже разумная. Но ведь она же, и притом в первую очередь, также ещё и материальная, *чувственно-материальная*" [180, 463].

"Последние же столетия античной философии ознаменовались самым решительным намерением отождествлять идею и материю в одном едином, нераздельном и притом субстанциальном, т.е. буквально реставрируемом, мифе. На этом и кончилась история античной философии, которая началась с мифологии, фактически состояла из анализа отдельных её элементов, т.е. отказывалась признать её в буквальном виде, и всё же кончилась новым

признанием мифологии, но уже в аналитически разработанном и рефлексивном виде. Дальше наступала очередь не только за новым мышлением, но и за новой культурой и новой социально-исторической формацией, за средневековьем, Возрождением, новым и новейшим временем" [180, 468].

"Итак, ты видишь, что человек относительно религии при правильном развитии проходит три возраста: сначала пора детской или слепой веры, затем вторая пора – развитие рассудка и отрицание слепой веры, наконец, последняя пора веры сознательной, основанной на развитии разума" [180, 479]. В.Соловьёв писал своей кузине Е.В.Романовой: "Для большинства людей этим кончается всё дело; любовь и то, что за нею должно следовать: семейное счастье – составляет главный интерес их жизни. Но я имею совершенно другую задачу, которая с каждым днём становится для меня всё яснее, определённое и строже. Её посильному исполнению посвящу я свою жизнь. Поэтому личные и семейные отношения всегда будут занимать второстепенное место в моём существовании" (Вл. Соловьёв. Жизнь и творчество) [180, 481].

"Существует, говорил Вл. Соловьёв, бытие идеальное, или божественное, и бытие материальное, или природное. Одно из этих начал предполагает другое, и одно без другого невысказуемо. Вл. Соловьёв утверждал: "Если задача философии заключается в том, чтобы установить общую связь всего существующего, а всё существующее сводится к божественному и к материальному (природному) началу, то задача философии определяется ближайшим образом так: установить внутреннюю связь между началом божественным и началом материальным" [180, 486].

"Час тоски невыразимой: Всё – во мне; и я – во всём" (Тютчев) [180, 61]. "Итак, между мифологией и поэзией то коренное сходство, что по способу созидания и оформления своего предмета это суть "выразительные" акты, которые являются в то же время *интеллигентно-выразительными*, т.е. самое их понимание вещей приводит последние к помещению в некоторую одухотворённую, живую среду, независимо от характера самих этих вещей" [180, 64]. Я, мы, мысли и чувства, понятия и представления, занятия и поступки, дела и вещи, обстановка, окружение и среда, природа, будучи воодушевлены и одухотворены, включены в общую жизнь.

"Всегда отзывчивая к настоящему, преходящему, временному, русская художественная литература в то же время всегда была сильна мыслью о вечном, непреходящем; почти всегда в глубине её шла неустанная работа над самыми важными, неумиряющими и значительными проблемами человеческого духа; с проклятыми вопросами она почти никогда не расставалась" [180, 212]. "Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Салтыков, Тургенев и Гончаров, Толстой и Достоевский, Успенский, Короленко, Чехов – всё это подлинная наша философия, философия в красках и образах живого, дышащего слова" [180, 213].

"В связи с этой "живостью" русской философской мысли находится тот факт, что художественная литература является кладезем самобытной русской философии. В прозаических сочинениях Жуковского и Гоголя, в творениях Тютчева, Фета, Льва Толстого, Достоевского, Максима Горького часто разрабатываются основные философские проблемы, само собой в их специфически русской, исключительно практической, ориентированной на жизнь форме. И эти проблемы разрешаются здесь таким образом, что непредубеждённый и сведущий судья назовёт эти решения не просто "литературными" или "художественными", но философскими и гениальными" [180, 214].

"Ну а что же в природе *объективно*? Материя, движение, сила, атомы и прочее? Но почему же? Понятия о материи, движении, силе и атомах также меняются, как и все прочие наши субъективные построения. В разные эпохи они совершенно различны. Так почему же тут вы не говорите о субъективизме, а когда я заговорил о том, что природа – весела, грустна, печальна, величава и т.д., вы вдруг обвиняете меня в субъективизме?" [180, 130]. Вселенная, космос, мир, Земля в определённом смысле представляются по-своему живыми и нам, как и древним. Живое – умирает. Жизнь, рождение, становление и смерть – в диалектической взаимосвязи.

"Наука, конечно, не есть жизнь, но осознание жизни, и, если вы строители науки и творцы в ней, вам волей-неволей придётся запереться в своём кабинете, окружиться библиотекой и хотя бы временно закрыть глаза на окружающее. Жизнь не нуждается в науке и в диалектике. Жизнь сама порождает из себя науку и диалектику" [180, 243]. Если не нуждается, то зачем "порождает"? Всё, с чем мы так или иначе связаны, есть в той или иной мере жизнь: не только быт и труд, но и отдых, и искусство, и литература, и наука, и политика, и религия, и многое другое. Трудно бывает охватить и непротиворечиво, внятно выразить или определить многозначную жизнь.

"Если мы поймём, что музыкальный феномен есть не что иное, как сама эта процессуальность жизни, то делается понятной эта необычность волнения, которая доставляется музыкой, её максимально интимная переживаемость, которая в других искусствах заслоняется неподвижными формами, а ведь жизнь как раз и не есть какая-нибудь неподвижность" [180, 325]. Основной вопрос философии музыки. "Правда, если быть более точным, то Платон должен был бы сказать, что прекрасное есть нечто большее, чем совокупность прекрасных предметов, лиц и занятий, которые составляют жизнь" [180, 362].

1. Мир (Космос), бытие, жизнь; 2. мысль (сознание), имя, миф; 3. философия (наука), литература, искусство – три узла понятий, и сквозь них вечная диалектика (становление и движение). И ещё один крайне значимый метафизический уровень существования и познания: чудо, судьба, воля Божия.

Мир Рериха

Состав и слагаемые в пространстве достойного существования: Мысли, Творчество, Идеалы, Культура, Личность; Труд, Слово, Сердце, Свобода, Личность. Из них складывается жизнь.

"Зачем вы живёте? – Чтоб познавать и совершенствовать. Ничто туманное не удовлетворит вас" (Н.Рерих. "Община") [299, 43]. "Так что же? Выходит, что светлые и тёмные – противоположные полюсы, которые, однако, разъять невозможно, не уничтожив целостности мира, а борьба между ними и является основным содержанием человеческой жизни? Так ли это? Нет. Не так. Силам света противостоит хаос. Их извечная задача – преобразовывать хаос мироздания, вносить творческое начало и порядок в многообразии ещё не сложившихся форм бытия" [299, 86].

"Философия Рериха, сгущённая в стихотворные строчки, лишена и намёка на пассивность. Это философия активного действия. На первый план выступает требование углублённой работы человеческой мысли. <...> Круговорот событий стремителен и непостижим. Картины мира не успев уложиться в сознании, меняются с пугающей быстротой" [299, 99]. "Самое основное условие будет труд, как мысленный, так и физический. В этом движении собираются энергии из пространства. Но нужно понять труд, как естественное наполнение жизни" [7, 228].

Части света и культура. "В самом деле, где же этот Восток и Запад? – подхватывает близкую ему мысль художник. – Я не умаляю ни Запада, ни Юга, ни Севера, ни Востока, ибо в сущности эти разделения не существуют. Весь мир разделён только в нашем сознании" [299, 55]. "Но напряжённый поиск истины не замыкается на чужих источниках. Изучение чужого опыта может послужить толчком для внутреннего развития, но не подменить его самого. Рерих разделяет мысль ряда индийских философов, что истина не в книгах, а в медитации, то есть в самостоятельной работе человеческого духа. Истина внутри нас" [299, 100].

"Но и наедине с бесконечностью мироздания человек должен дерзко воскликнуть, как восклицает Рерих: "И один я взойду!". Индивидуален и неповторим путь каждого человека. Его сокровенный мир нельзя постичь поверхностным взглядом. Да и что может увидеть сторонний наблюдатель, если к тому же он во власти предубеждения или предрассудка" [299, 104].

"Духовная битва не локальна. Она всеохватна. Она космична. Понятия достоинства, чести и подвига не должны быть отвлечёнными. Они должны появляться во всех обстоятельствах будничной жизни, ибо каждый день – это лишь своего рода поход. Выступая по делийскому радио, художник призывает к подвигу, творимому в жизни непрестанно. "В любом обиходе,

в каждом труде может коваться доспех подвига. Мудро произнесено "герои труда". Битва за лучшее будущее не только на полях сражений. Неутомимость, терпение, достижение лучшего качества испытывается в жизни каждого дня" [299, 106].

"Дантовские круги ада поневоле приходят на ум, когда читаешь стихи Рериха о перипетиях этой внутренней борьбы человека. "Ошибаешься, мальчик! Зла – нет. ... Есть лишь несовершенство. Но оно так же опасно, как то, что ты злом называешь" [299, 107].

"– Поистине каждый свидетельствует о себе, – говорит Рерих. – В тайных мыслях он оформляет будущее действие. Лжец боится быть обманутым. Предатель в сердце своём особенно страшится измены. Невер в сердце своём трепещет от сомнения. Героическое сердце не знает страха. Да, мысль управляет миром. Прекрасно сознавать, что, прежде всего, мы ответственны за мысли" [299, 107-8].

"Поверх всякой любви есть одна общечеловеческая любовь". Глубинный и многоплановый смысл этого афоризма будет постоянно раскрываться в стихах Рериха. "... Из мысли, эманации совершенно реальной, мы ухитрились сделать отвлечённость. Мы забыли, что не рука, но мысль и творит, и убивает. А из любви мы сделали кислое воздыхание, или мерзость блуда" [299, 112]. "Культура есть почитание света. Отныне праздничный отблеск сокровенной мысли художника пронизает многочисленные аспекты, связанные со словом "культура". Прежде всего он постарается очистить высокое понятие жизни от наслоений и путаницы, при которых смешивается вечное с преходящим" [299, 114].

"Зов творчества – это зов самой жизни, потому что они неразделимы. Творчество имеет воистину космическую значимость, ибо что такое красота, ведущая к познанию космоса? Это и есть творчество. Все века, запечатлевшие свой дух и свой лик в памятниках искусства, раскрывают творчество как ведущее начало жизни. Они наглядно свидетельствуют об одном и том же: выживает лишь то, что связано с творчеством; бессмертны научные открытия, неистребима мысль художника" [299, 127]. "Проявления творчества многообразны, как бесчисленны разнообразные проявления жизни" [299, 127].

Вс.Н.Иванов. Из неопубликованного.
19

Художник, мыслитель

"Сколько таинственного! Сколько чудесного! И в самой смерти – бесконечная жизнь!" [137, 17]. Восторги и восхищение легко приведут к со вмещению понятий и смещению ценностей, но в них нет действительного благоговения перед душой и живой природой. Временная жизнь неотделима от своего конца и неотвратимого предела – смерти.

Вечный вопрос бытия: "Зачем мы тут?". Люди всё наблюдают, вникают и гадают. Хотят понять и узнать своё назначение, да и всего живого. Для чего-то появились и, выходит, нужны. У каждого особенная роль или всё же есть нечто общее в земной жизни вообще? Как ни трудно, хотелось бы получить хоть какой утвердительный ответ на мучительный и сложный вопрос, словно зов откуда-то издали и сверху. Может, и вправду, что мы "все рождены на то, чтобы рождать из себя всё новые и новые создания, новые мысли, новую жизнь, как женщина рождает новых людей" [137, 12]. Даже дерево, разрастаясь и размножаясь, приносит свои плоды и "потомство".

"Если хотите прикоснуться к душе камня, – пишет Рерих, – то найдите его сами на стоянке, на берегу озера, подымите его своей рукой. Камень сам вам расскажет о длинной жизни своей" [137, 24]. Оказывается, в принципе возможно сказание о долгой жизни камня, как бы его автобиография. Нет ничего удивительного в том, раз природа жива, живёт. Всё зависит от того, какой смысл мы вкладываем в слова "жить", "живой" и "жизнь". И пусть себе горы, скалы, горные породы и камни, действительно, живут себе своей жизнью, не только сказки и мифы, но и геология подтвердит их таинственную жизнь.

"При всей своей кажущейся дикости древний человек с не меньшей пытливостью, нежели мыслящий человек нашего времени, стоит перед лицом природы и божества, употребляя все усилия своего гения на уяснение вековечного смысла жизни" [137, 25]. Жизнь имеет внеземное происхождение. И у неё может быть только лишь один таинственный смысл. Смысл-происхождение, смысл-предназначение, смысл-существование, смысл-продолжение, смысл-бесконечность, смысл-механизм и устройство, действие, подпитка и поддержание.

"Жизнь не есть смена форм, а творческое вырастание одних из других, вот точно так же, как различные появляющиеся во времени творческие достижения человека создаются именно творящей душой, острым вниманием и напряжённым трудом человека" [137, 24]. "Его годы эти, как вообще и вся жизнь, – работа, работа, работа созидаящая, обновляющая, подымающая" [137, 26]. "Идёт работа, идёт преодоление силы земной тяжести, косности, идёт строительство, а оно, как и жизнь, как рост, – всегда тянется вверх" [137, 28-9]. "В фаустовском стремлении работать, приносить новое, усовершенствованное в жизни, идти по размеренным тропам настойчивого труда, с полной верой, что работа сразу же может дать пышные результаты, пошёл тогда Рерих к талашкинской артели" [137, 29].

"Рерих видит теперь в жизни уже не ту задачу, которую он видел, стремясь вливать в жизнь красоту, и тем украшать её, устроить порядок, космос в ней, что является фаустовским, западным принципом" [137, 31]. Жизнь запредельна и космична. "Мысль Рериха таким образом начинает обращаться от неверностей земной жизни – к незримой реальности" [137, 32].

"Воспитывать, образовывать надо юношество, прежде чем будет возможно говорить о преобразении жизни!" [137, 33]. Этика.

"Искусство этого мастера так высоко, что на его картинах отображена сама жизнь" [137, 35]. Вот ещё одна оппозиция: искусство и жизнь. Искусство ведь тоже знак, отражение. Ср.: имя и жизнь. Где же здесь первореальность? Материя или дух? "...искусство такого мастера перестаёт быть личным искусством живописца, выражением высокого умения. Имя становится жизнью. Имя становится обозначением целого мира: Рерих и его мир" [137, 35]. "Искусство есть сама жизнь как таковая; и Рерих, отдавшись искусству и его высочайшей форме, отдался самой Жизни, слился с ней. Искусство не ослабляет жизнь, давая её в повторениях, а наоборот – концентрирует её" [137, 36].

"...куда же направил Рерих свой путь, столь до того всегда связанный с "милой жизнью" через искусство" [137, 36]. Вот. Высокое и низкое. Небесное и земное. Всё это надо. Единение и единство. Чтобы было пространство взгляда, куда глядеть, с чем сравнивать. "Рерих, своим искусством способный постигать столь глубоко жизнь, слышать, как трава растёт, куда вода бежит, – знает, куда идти. Крепкий в бурях, спокойный и радостный в жизни, стоит он и зорко смотрит вокруг... Он слит душой с природой, а природа знает больше нас, природа и есть жизнь, жизнь есть путь..." [137, 36].

"Бывают моменты в жизни, когда человек, чтобы сделать верный ход, должен бросить поводья и отдаться во власть инстинкта, во власть интуитивного переживания, слушать таинственные, правдивые, зовущие голоса" [137, 36-7]. "А что же прочно в жизни? Что же наиболее устойчиво в ней при всяких обстоятельствах? "В этой жизни ценен лишь труд творчества", – отвечает художник" (Н.К.Рерих. Пламя) [137, 38].

"...к чему бы ни прикоснулась волшебная кисть художника Рериха, к природе ли, к истории ли, к религии ли, – всё начинает гореть, сиять напряжённым тончайшим блеском самой Жизни" [137, 40]. "И развёртываются перед нами и в философском мышлении, причём налицо несказанная смелость мыслителя, столь решительно поборовшего временные катаклизмы материальной жизни" [137, 40]. Ещё чуть и будет решительней: искусство даже важнее жизни, быта, обихода.

"И Рерих сказал городу, "одолевшему природу" (а природа, как мы помним, для Рериха есть Жизнь)..." [137, 47]. "Мы признаём искусство, – заявляет Рерих, – как всеобщее средство выражения существа самой Жизни" [137, 49]. "Вся жизнь человечества, и не только отдельных слоёв, отдельных людей, – должна быть освещена, проникнута культурой" [137, 51]. "В каждом явлении нашей жизни должны чувствоваться не себялюбие, не зубастое огрызание против ближнего, а истинное широкое творчество" [137, 51]. "К этому культурному устремлению украшения, улучшения жизни и должны быть направлены все действия и всякого человека, и всякого государства" [137, 52].

"Среди перемен нашей жизни Восток неизменяем" [137,]. "Азия непрерывно в течение многих тысячелетий живёт непрерывной, высоко государственной культурной жизнью, которая гораздо древнее и несомненно обладает известными навыками более сильными, нежели государственная жизнь западных современных народов" [137, 56]. Стиль жизни – очень сложное понятие. Наша жизнь, то есть Запад, не Восток (это пространственное измерение, не t , а S). $V=S/t$. В разных местах разная скорость жизни. Скорость жизни меняется. Зависит от местности, разные ветра там, разный рельеф, травы.

"Монастыри напоминают населению о праведной жизни, о том, что среди них живут святые подвижники" [137, 58]. Установки и способ (стиль) жизни. Форма и организация, взаимоотношение личности и мира, духа и плоти. Жизнь – поведение, осознанное поведение. "Там эти различия не затянута узором цивилизации, обширными массами выработанных понятий, обычаев и прочих усложнений жизни" [137, 60].

"Если в Европе существует некая вера в неистощимые силы Матери-Природы, законы которой познаются наукой и на основании которых, применяя их, создаются новые, культурные изобретения, усовершенствующие жизнь, в Азии существуют тоже убеждения, что такие великие силы есть, но что они доступны для познания не извне, от опыта, а изнутри, из конгениального соприкосновения с ними" [137, 61]. "Эти Махатмы управляют внутренними силами природы, направляющими нашу жизнь" [137, 61-2]. "Эта невидимая связь вещей и жизнь Азии проникает и в русскую жизнь, – утверждает Рерих" [137, 62].

"Его пришествие означает начатие новой эры в жизни людей" [137, 63]. "Настоящее же дело – это постижение жизни, а как это делается, показал вам и всему миру Рерих"[137, 65]. Постигание жизни – иллюзия, если иметь в виду результат, успешный конец, окончательность (СВ). Как стремление, цель, процесс, занятие (НСВ) – пожалуйста. Достойное занятие свободного человека, творческого работника, игра воображения. "Искусство учит нас интуитивно. Идёт эра искусства, эра нового, правильного, не механического постижения жизни" (Рерих) [137, 66].

"И Рерих означает своей деятельностью, в сущности, начало совершенно новой эпохи в жизни человечества" [137, 67]. "Деятельная жизнь Рериха, выросшая на русской земле, есть постоянное и полезное, настойчивое и доброжелательное строительство" [137, 71]. "Жизнь не только борьба всех против всех, но человеческое сотрудничество. А сотрудничество – это Культура" [137, 71]. "И в то время, как в эмиграции интеллигенция тратит время и жизнь на бессильные скорби, Рерих идёт в непрерывном темпе творчества выше и выше" [137, 72]. "Жизнь – это подвиг, и недаром в историческом русском народе самые жизненные, самые глубокие люди – подвижники, люди, отдавшие подвигу" [137, 72].

Сказание об Антонии Римлянине (сс.75-148): "О, новостей было много... Жизнь так и кипит, даря всё новые неожиданности, о которых забавно слушать" [137, 80]. Жизнь полна коллизий, происшествий, случаев, случайностей, событий. "... что главное в жизни – это спокойствие, что лучше довольствоваться малым, но иметь достаточно времени, чтобы спокойно и последовательно насладиться доступными красотами мира, познавая золотую середину полёта Дедала меж пламенем солнца и пучиной воды" [137, 80]. Есть и другие взгляды: жизнь – борьба, жизнь – игра, жизнь – конкуренция и карьера, жизнь – недоразумение, жизнь – случайность.

"Жизнь – самое прекрасное на свете, жизнь, каждый миг меняющая одежды и дарящая всё новые ощущения" [137, 81]. "В египетской пустыне я видел человека, который утверждал, будто жизнь – зло, а смерть – благо" [137, 82]. "Веришь ли ты в высшие силы, тяготеющие над нашей жизнью, Хариесса?" [137, 89]. "Вся жизнь сосредоточивалась теперь только в лихорадочно блестящих глазах девушки" [137, 90]. Живость. "Она христианка, рассказала она, но жизнь заставила её взяться за ремесло танцовщицы" [137, 131]. Трудности быта, существования.

Корнилов идёт на Петроград (Из "Воспоминаний"): "В городе всё спокойно, жизнь идёт обычным порядком" [137, 154]. Читинская операция (Из "Воспоминаний"): "В Харбине жизнь утрясалась, переходила на эмигрантское положение, семейные узы немедленно ослабевали и рвались, молодые дамы шли в официантки в рестораны, кабаре, как "Фантазия", "Казино", в разные подвалы, где жили и отлично работали грузины..." [137, 173-4]. "Значит, надо ехать обратно в Харбин, туда, где есть какая-то жизнь, иная, нежели неподвижный застойный воздух в вымороченном Агафу..." [137, 188]. Продвижение, изменение, прогресс. Движение, деятельность, активность.

"Китайцы – великие актёры. Китайская жизнь народна, превосходно налажена, потому что она безмерно дешева: платья, обувь, обиход, еда – всё продаётся и покупается на "тун-цзырры", на медяки, а потому всё доступно массам" [137, 189]. "И в Харбине, в Китае, люди тоже начинают устраиваться, кто как может, всерьёз и надолго, обживают, благо условия жизни в Китае исключительно благоприятные" [137, 199]. Жизнедеятельность, проживания, существования, роста. Точно и важно! Национальный стиль, культура. "Правда, прежде всего правда! Жизнь – это правда! Любовь – это тело и земля, всё" [137, 204].

"В 90-х годах на Дальнем Востоке было введено освобождение от взимаемых ввозных и вывозных таможенных пошлин, это делало жизнь дешёвой и удобной" [137, 206]. Материальная обеспеченность – критерий качества жизни, соотношение зарплаты и обеспечение первым необходимым: продуктами питания, товарами первой необходимости, ширпотребом. Жизнь как экономическая категория, проживание денежных средств:

сколько стоит жизнь? "Да и вы-то, молодой человек, вы-то много ли знаете о нашей деловой жизни: как лес рубить, рыбу ловить, хлеб пахать, стекло варить, машины делать" [137, 206].

"...престольные праздники, деревенские и монастырские, с ярмарками, торгами, балаганом, каруселями в разлёт, бабами да девицами, что твои маки да васильки в золотой ржи, деловая, немудрящая, да до сердца доходчивая, за душу берущая, пьяная жизнь..." [137, 210]. Пьянство. Гульба. Шальная жизнь. Но причём тут "жизнь"? Пока мы не можем понять определённо. Есть несколько разных способов раскрыть смысл слова. В данном случае ни один из них не работает. – Это вовсе не всегда и не обязательно так бывает. Толковые словари существуют специально для того, чтобы давать толкование значений.

"Жизнь течёт многослойно, разными путями и разными интересами" [137, 213]. Замысловато, но довольно расхоже. О чём идёт речь? Тоже трудно разобраться. Мы часто говорим фразами, путано и невнятно, неразборчиво. Невозможно растолковать, ибо бессмысленные слова, так говорят в большинстве случаев наши депутаты ВС, но не только они. Словами нельзя точно выразить чувство. Образованщина.

"Как ни трудно, как ни фантастично было положение во Владивостоке, жизнь упорная вещь: она требует жизни" [137, 233]. Путь часто нелёгкая, жёсткая и жестокая ситуация, в которую попадают люди, но не понять, что тут называется жизнью. Что это за упорная вещь? Ещё труднее разобраться в шараде: жизнь требует жизни. Люди гибнут, принося себя в жертву, чтобы другие могли жить. За то, чтобы жить, нужно платить чьими-то жизнями. Можно представить, когда может быть уместна такая фраза. Кесарево сечение.

"Нет радости жизни без сытной еды, и праздник есть праздник не только духа, но и тела" [137, 240]. Жизнь как удовлетворение физиологических потребностей. Голодная жизнь – не жизнь. Или тоже жизнь? Целая философия. И возможны самые разные, противоположные подходы. "Разлетелись кочковцы, как птицы из разорённых гнёзд. Или как угли и искры раскиданного ветром костра, унося с собой горечь, обиды, память, а главное – сохраняя страстную волю к жизни" (Сорочьи яйца) [137, 297].

"Лексикон извращённых понятий, считает Рерих, не безобидная дурная привычка, а реальная опасность, ибо дух его заразителен и тлетворен для окружающих. Ведь не простое сочетание букв человеческое слово, а концентрация духовной энергии" [299, 131].

"Книга остаётся как бы живым организмом. Её внешность скажет вам всю сущность редактора и прочих участников. Вот перед нами суровая книга неизменных заветов. Вот книга-неряха. Вот поверхностный резонёр. Вот щёголь, знающий только поверхность. Вот витиеватый пустослов. Вот углублённый познаватель. Зная эти тончайшие рефлексии книжного дела, как особенно чутко и внимательно мы должны отнестись ко всему окружающему

щему книгу – это зеркало души человеческой" (Н.К.Рерих. Любите книгу). И книга, отражая человеческую душу, тоже живёт по-своему.

// Врата в будущее: Сборник.

20

Агни Йога: Сердце

"Свобода драгоценна, как охранение личности, как индивидуализация привлечённых энергий. Но именно свобода является самым извращённым понятием. Вместо неё жизнь наполняется тиранией и рабством, именно свойствами, исключаящими сотрудничество и почитание личности; так некоторые умудряются составить существование своё исключительно из особого соединения тирании и рабства. Конечно, люди твердят о свободе, даже не зная особенных качеств её" (Агни Йога. Сердце) [7, 230].

"Таким образом, продолжительность жизней воплощенных ничто в сравнении с существованиями во всех прочих состояниях" [7, 229]. Миг нашей жизни. "Человечество не любит подумать, что больше трети жизни оно проводит в сне, подвергаясь особым и неизвестным воздействиям. Наука мало уделяет внимания значению сна, этому пребыванию в Тонком Мире. <...> Подумайте, почти половина жизни проходит вне земного существования!" [7, 233]. Сон и бодрствование. Отдых и работа. Стадии, или фазы.

"Припомним – кто-то отзывается на космические явления; кто-то слышал дальние голоса; кто-то участвовал в Тонком Мире, видя его; кто-то светился; кто-то поднимался на воздух; кто-то ходил по воде; кто-то ходил по огню; кто-то поглощал яды без вреда; кто-то не нуждался во сне; кто-то не нуждался в пище; кто-то мог видеть через твёрдые тела; кто-то писал двумя руками; кто-то мог привлекать животных; кто-то мог понимать язык без знания его; кто-то мог понимать мысли; кто-то мог читать с закрытыми глазами закрытую книгу; кто-то не чувствовал боль; кто-то среди снега развивал жар сердца; кто-то мог не чувствовать утомления; кто-то мог помогать лечением; кто-то мог явить знание будущего. Так можно перечислить все явленные феномены и множество поучительных примеров из жизни. <...> Значит, при определённом устремлении, можно сильно подвигнуть человечество к преобразению всей жизни, потому будем помнить о великом огне и о здании огненном – сердце. Ведь не сказка, но дом Духа" [7, 235]. Разные чудеса случаются, не всё, что происходит, имеет научно обоснованное объяснение.

"Корень представления – глубокая основа Бытия. Без представления не может быть устремления познания и творения. Как может дух творить, если он не убеждён представлением? Как может говорить о Высшем Начале, если в Бытии не будет заложено представление?" [7, 244]. Формы и способы мышления, представление, воображение, предвидение, идея, мысль, план –

и есть Слово, которое "было в начале", прежде всего, предшествуя действию, предваряя акт сотворения и свершения. Прежде чем заниматься делом, мы продумываем план и осмысливаем, проживаем в себе, проигрывая в воображении, предстоящие действия и поступки.

"Даже псы знают о Тонком Мире, но люди не желают обратить внимание на действительность. Тонкий Мир есть сублимация земной сферы" [7, 254]. Животные, кажется, могут чувствовать то, чего люди не чувствуют. Например, они каким-то образом заранее узнают о приближении природных бедствий – землетрясений, наводнений, извержения вулканов, засухи, пожаров, иных смертельных опасностей. Может быть, как-то предвидят смерть или благодаря интуиции спасаются от гибели. Что-то недоступное нашему разумению предупреждает их, физика или метафизика, нам остаётся только гадать.

"Бывает у людей такое одичание духа, что они могут существовать, лишь осуждая друг друга. Это не досмотр доспехов с целью помощи, наоборот, осуждение становится смыслом жизни. Если у такого осуждателя отнять язык, он пропадёт, засохнет, как растение без воды. Такое явление можно разобрать с врачебной точки зрения. Можно видеть в этом осуждении вид вампиризма одержания, когда требуется овладение жизненным флюидом, более активным, чтобы питать одержателя" [7, 256].

"Неразумно лишь накануне начать готовиться, если хочешь перейти в Тонкий Мир. Ужасно, когда всю жизнь человек отвращался от мысли о Тонком Мире и лишь накануне перехода, как нерадивый школьник начинает смутно твердить слова неосознанные. Явление неминуемого перехода возвещено всеми Учениями. Сказано: "Не умрём, но изменимся". Невозможно сказать короче. Нельзя сказать утвердительнее. Значит, нужно знать язык Тонкого Мира; значит, нужно приобрести право входа с полным сознанием, но накануне это невозможно достичь" [7, 257].

"Никто не хочет знать и сосчитать, какое множество слов на всех языках говорит о Тонком Мире совершенно определённо. Хотя бы возьмём излюбленное слово "вдохновение" [7, 263]. А ещё? Конечно, душа, дух, духовность, душевность, бог, ангел, святой, святость, истина, добро, зло, бес, сатана, любовь, вера, надежда, восхищение, воодушевление, идеал, идея, мысль и многие другие. Тонкий Мир – у нас аналогично, похоже, но иное, это высший, или духовный, мир. Мы говорим достаточно часто: культура, духовная сфера жизни. Для нас, однако, это как бы надстройка над сугубо материальным, грубо природным и вещественным.

"Конечно, каждый думать может о себе, но там, где шаг тысячелетий, там неуместно порхание бабочек. Нужно наконец научиться соизмеримости! Мысли о Высшем должны порождать высшее" [7, 268]. "Утверждаю самые ценные понятия, как ступени жизни" [7, 271]. Не только тот или иной

живой организм, сам по себе в отдельности, но и вся природа полностью, как совокупная система жизни, в одно и то же время материальна и духовна (вещественна и идеальна). Она многообразна, разнородна и ступенчата, постепенна и иерархична, так же сложно устроено и наше представление о жизни, и в целом замысловато сложена вся конструкция жизни.

"Спросите врача Л., не замечал ли он в глазах одержимых некоторые особенности? Ведь по глазам можно судить о двойственном существовании. Когда он ответит, скажу мои поправки. Но не имею в виду только поверхностное явление, вроде мутного или бегающего взгляда, нужно подметить и другие признаки. Можно отметить также признаки походки, голоса и даже изменение в весе. Не спрашивайте об этом психиатров, ибо они имеют закорюченные заключения, но врачи типа Л. могут подметить непреднамеренно" [7, 272].

"Относительность и несовершенство будут отличительными явлениями каждой жизни, но они именно открывают дверь в будущее" [7, 279]. "Постороннее не должно закрывать основное" [7, 284]. "Чудо есть проявление тончайших энергий, не учтённых в химических и физических школах. Чудо не только в левитации и в потере веса, чему вы были свидетелями, но те же тончайшие энергии применяются чаще, нежели думают в жизни, и эти, непонятные большинству, явления должны быть изучены" [7, 299].

"Учение, не знающее Тонкого Мира, не есть путеводное, ибо существование земное не будет даже сотою частью жизни в Мире Тонком. Значит, полезно знать условия более продолжительного существования" [7, 302]. Жизнь на Земле временна, ибо мы здесь кратковременны. Но жизнь (и мир) много сложнее, чем то, что мы наблюдаем и усвоили. За пределами очевидного возможен другой, более значимый и реальный, таинственный и продолжительный, Тонкий мир.

"Лишь для существования духа мы здесь. Так не будем пресекать живоносную энергию" [7, 322]. Проживаем земную жизнь не иначе, как в качестве материальных носителей духа. Участие в роли одухотворённых воплощений – главное наше предназначение тут. "Мало-помалу признаём, что около нас существует множество явлений, которые не укладываются в законы примитивной физики. Умножится опыт и составит целый свод ощущений Тонкого Мира" [7, 331].

"Новое есть самое старое, и потому не следует бояться чего-то невозможного. Всё вообразимо, ибо всё существует. Нельзя предположить бедность творения. Нужно удивляться насколько легко наука позволяет себе тупо ограничивать и отвечать о том, что не знает. Дети иногда говорят правильнее – "не знаю". Незнание откровенное признаётся как Врата Познания" [7, 326]. Вообразимое и сущее органично связаны между собой. Так же тесно, как и знание и незнание, понимание и непонимание, материя и дух – некое диалектическое единство.

"Исучающий не норовит усвоить Учение при одинаковом настроении, и, таким образом, рождается множество точек зрения. Поэтому мудро в каждой книге, хотя бы кратко, коснуться раннее изложенного, чтобы дать возможность воспринять при одинаковости настроения. Настроение есть рождение точек зрения" [7, 341]. "Множество тонких, но вполне реальных ощущений наполняют жизнь. Многие из них, в силу физической реальности, могут быть изучены даже сравнительно грубыми приборами. Ощущение невидимых паутин на лице, как знаете, бывает длительно и резко ощущается" [7, 344].

Контексты слова наслаиваются и осложняют значение. Часто нелегко найти полноценную замену, чтобы "перевести" или истолковать "жизнь", так как во фразе слово осложнено контекстными и тонкими приращениями смыслов. Другое окружение и сочетание слова оживляет и развивает семантику, как бы дыхание языковой единицы при её использовании в речи.

Каждый из нас, хотя и сообща, социально, проживает жизнь, отличающуюся тем или иным своеобразием и особенностями, живём и переживаем, планируем и оцениваем по-своему. В этом смысле личная жизнь индивида всегда отличалась самобытностью, но и всё ещё остаётся в чём-то сходной с другими. На основе житейского опыта складывается то или иное представление о своей и окружающей жизни. У современного человека свои взгляды, образ жизни, соответственно, и своя картина мира. Они проявляются в поведении и действиях, выражаются в мыслях, словах и речи.

Жизнь многогранна, и нельзя человеку охватить и объять всю её вселенную. Чтобы познать хоть что-то, надо прожить долгую жизнь, чтобы испытать себя в ней и пережить хотя бы что-то. Прямой и непосредственный опыт жизни одной личности ограничен, человек – временное на Земле существо. Кто-то испытал и пережил больше, кто-то меньше. Личный опыт, наблюдения, испытания и переживания следует дополнять опытом других, бывалых людей.

Альфред Хейдок. Радуга чудес.

21

Последователь

"Учение Агни-Йоги есть Учение Бессмертия – оно навсегда избавляет своих последователей от холодного ужаса, неизменного спутника страха смерти" [364, 265]. "Тонкое изучение материи и атома приведёт к заключению, что жизненная энергия есть не электричество, но Огонь" (*Мир огненный*) [364, 270]. "При такой работе над собою человек, весь жизненный интерес которого был сконцентрирован на одной точке Вселенной – на своём узеньком "я", начнёт включать в круг своих интересов и забот также и других людей" [364, 273-4]. Сравните: жизнь и бессмертие. "Только слепой не заметит, как наполняется жизнь новыми понятиями" [364, 274]. Жизнью

называется многое и самое разное. Слово "жизнь" многозначно, не только лишь то, что "от рождения до смерти"... Но и вплоть до мистического "общественное сознание, ноосфера".

"Но особенно ясно можно себе представить, как эти, лишённые жизненного основания, мысли могут засорять низшие слои Земли" [364, 278].

"Зачем Вы живёте? – спрашивает Агни-Йога и тут же отвечает: "Чтобы познавать и совершенствоваться" [364, 309]. Вот вполне осознанная цель жизни. Это личное дело. Далеко не все поймут смысл достойного ответа. Люди такие разные, сознательные и несознательные, и мироощущение не столько объединяет, сколько разъединяет нас. Не всегда можно дознаться, в чём именно смысл жизни и в чём, в частности, твоя цель. И какое это имеет значение?

"Жизнь – подвиг" [364, 310]. Эта фраза – распространённая ассоциация, тесная связь и сочетание слов, конечно, не определение и не сама суть предмета. В жизни, как выясняется, найдётся всё, в том числе и "есть место подвигам". Кстати, в ней есть и измены, и подлости, и другие низости. Ведь она бесконечно многообразна и противоречива. Конечно, нам хочется знать всё содержание и назначение жизни, разных её форм. Вот мы и гадаем, пробуем разные ответы.

"Весь мир Живой, значит, в каждом атоме есть жизнь, а где есть жизнь – там есть и сознание, а сознание есть энергия, сила, которая зависит от самой сознательности" [364, 314]. В данном случае совсем другое, особенное, понимание жизни. И в самом деле, у атомов, видимо, своя роль и своя жизнь. Какая-то непонятная сила управляет движением и функционированием материи на атомном уровне. Всё в мире живёт, выходит, и он сам весь тоже по-своему живой – в целом довольно понятный нам постулат, вполне доступный и детскому сознанию сказочный и научный миф.

"Но некоторые отдельные эпизоды живут – стоят как маяки на моём жизненном пути и бросают свет – освещают мой путь" [364, 327].

"Сотрудничество есть признак эпохи. Много о ней написано, но жизнь требует уточнения этого понятия" [364, 336]. Быть может, жизнь – некий мистический и всеобщий механизм, и в нём свой определённый стержень. Эпоха – существенная часть жизни. К примеру, сотрудничество может стать признаком исторического времени, а эпоха (века) – некий фрагмент и лик жизни. В жизни есть протяжённость и временная компонента. Не зря в русском языке о человеческой жизни говорят "век": на моём веку, на своём веку.

"Умирают люди, исчезают с лица Земли народы, растворяются планеты и погасают солнца, но та Сущность, которая творит и оживляет эти формы, продолжает своё течение в новых формах, в новых жизненных кругах" [364, 366]. "Нынешнее человечество вступает в последний акт своей жизненной драмы, и как растения перед увяданием сосредоточивают свои жизненные силы и достижения в семенах" [364, 367]. "Но жизненный опыт и практика

дают нам примеры, когда малосведущие и не отличающиеся нравственной чистотой люди начинают слышать какие-то голоса" [364, 379].

"Там, где жизнь, там и действие" [364, 393]. Предполагается движение и деятельность – жизнедеятельность, нечто динамичное, подвижное, не статичное. Жизнь – как бы такая сцена (огромная площадка), на ней идёт спектакль (игра), акты без антрактов. Сравнение вовсе не есть определение, но лишь намёк, косвенная подсказка и упрощение представления, картины. В жизни действует сила природного зова, инерции и сопротивления, особая форма содействия и противодействия. Она обещает, манит и дразнит, не даёт просто так.

"Жизнь подразумевает обмен" [364, 397]. И обман, ложь, приспособление. Можно сказать так. Подразумевают в каком-то смысле, предполагает, предусматривает, имеет в виду, наблюдается. И, действительно, в процессе жизнедеятельности имеет место, необходим и неизбежен обмен (чего? какой?). Наряду с тем, предполагается ещё общение, сотрудничество, торговля, обучение, не только обмен веществ, но и информацией, знаниями, иными ценностями. Кроме того, известно, нет жизни без конкуренции, соперничества, столкновения интересов. В обществе не обойтись без поддержки, помощи, содействия, покровительства. А ещё не обходится общественная жизнь без коварства, подсиживания, предательства, обмана, грабежа, войны и много чего другого, пошлого и порочного. В жизни человек продвигается по службе, делает карьеру – все средства хороши. Жизнь – борьба за существование (в природе). И равновесие, и напряжение, и гармония. Обмен в разном осмыслении: биологическом, химическом, социологическом и т.д.

"Седьмой принцип есть лишь вечная жизненная сила, разлитая во всём Космосе" [364, 402]. "Атман и Атма также часто упоминаются как синонимы, экзотерически являя седьмой принцип, который есть вечная жизненная сила, разлитая во всём Космосе" [364, 402]. "Где жизнь – там и чувство" [364, 403]. Чувствует – значит жив. Чувство есть форма проявления жизни, всё живое испытывает, воспринимает и чувствует что-то. И наоборот, если чувствует, то, выходит, живёт. Одно с другим тесно, внутренне, связано, имеет место взаимообусловленность. Потому их объединяют и обобщают: жизнь-чувство, живое чувство, чувство жизни.

"Дух или Жизнь неразделимы" [364, 404]. Или же и многое другое ещё также как-то связано. Идеалисты смотрят на жизнь и судят по-своему, материалисты иначе и по-иному рассматривают мир, улавливая в нём иные приоритеты, связи и зависимости. Для верующих жизнь одно, для атеистов вовсе другое. Разные поколения, разные культуры – и всё разные суждения о боге, мире и жизни. От человека зависит его взгляд, влияет мировоззрение и миропонимание. Как мысли и мнения о чём бы то ни было, наше соз-

вание в целом и устойчиво, и изменчиво в одно и то же время, колеблется от одного к другому уровню и знанию.

"Когда мы говорим о Духе и Материи, мы должны иметь в виду высшее значение Материи. Но, говоря об освобождении Духа, мы говорим о тех явлениях, которые могут быть названы материальными, жизненными проявлениями. Нужно знать, что, говоря об этих объединениях под разными формами, подразумевается падение духа. Ибо дух, проявляясь в материи, должен устремляться к высшим функциям вместе с материей. Материя устремляется к творчеству и даёт формы и жизнь. И дух должен особенно знать, как священно это пребывание в материи" (*Мир огненный*) [364, 406-7].

"Мы живём на Земле, чтобы совершенствоваться. Знания же приобретаются путём жизненного опыта" [364, 419]. "Каждая жизнь – один лишь урок к постижению тайн бытия" [364, 420]. В своей жизни мы кое-как, пожалуй, чаще всё же безуспешно, чем успешно, постигаем себя и вообще окружающую жизнь, довольно ограниченный круг, да и поверхностно. Мы, вы, они, ближайшее окружение и немного дальше, участники и среда, как-то включены в жизнь сообщества и в культуру. Для чего всё вокруг нас именно так создано, сложилось и существует – обеспокоены и задаёмся, если задаёмся, вечными и трудно разрешимыми вопросами, желая в чём-то разобраться и докопаться до причин и сути. Однако вопрос до конца не раскрывается, и не даётся нам просто так истина. Остаётся лишь гадать.

"Перед лицом Беспредельности каждый конец, каждое окончание какого-то жизненного круга, какого-то процесса горения означает начало нового круга, более совершенного, более Прекрасного. Поистине, это положение Учения навсегда разрушает ужас смерти, оставляя сожаление преждевременным обрывам жизненного круга" [364, 426].

"... он и жизнь на данной планете представляет как стадию прекрасных возможностей для своего усовершенствования" [364, 426]. До какого это уровня, скажите, и для чего же именно? Чтобы стать богом, сравняться или хотя бы сблизиться с творцом неба и земли. Не слишком ли претенциозно, дерзко и самоуверенно для твари, хотя и на словах только выдумки. Хотя это всего-то на всего как бы шанс, а может, кое у кого и есть, действительно, какие-то задатки и предпосылки для пробы и испытания. Но так ли уж, и в самом деле, замечательны и предусмотрены тут возможности роста?

"Жизнь порождает чувство; там, где жизнь, там и чувство" [364, 428]. Что же порождает что? Видно, не только лишь от жизни – жизнь; от чувства – чувство. Кроме того, у них, или между ними, сложные проходы и переходы, совмещения путей и переплетения: самые разные степени жизни и самые разные меры чувства завязаны в самые разные и сложные узлы.

"Следовало бы обратить больше внимания на действие наших мыслей и чувств на окружающее. Не ясно ли даже из такого примера, что причина

кроется во внутреннем духовном равновесии вновь пришедшего, то есть что человек, полный Радости Бытия, обладает огромной жизненной силой и энергией, которая сейчас же передаётся другим?" [364, 431].

"Уберите Матерь Мира, и всё исчезнет: исчезнет стремление к нескончаемому строительству, исчезнет необходимость совершенствования, а вместе с этим и прекратится жизнь" [364, 438]. Иначе говоря, вечная жизнь, или безостановочное движение, сопровождается постоянно работой, в результате перекройкой и перестройкой самой структуры жизни и её внутренних связей. В конце же концов всё это приводит собственно к самоусовершенствованию целого организма, к прогрессу, его росту, качественным изменениям, сменам и переменам.

Б.Пастернак. Доктор Живаго.

22

Жизнь прожить – не поле перейти

"А между тем "Доктор Живаго" даже не роман. Перед нами род автобиографии – автобиографии, в которой удивительным образом отсутствуют внешние факты, совпадающие с реальной жизнью автора" [245, 3]. "И тем не менее автор (Пастернак) пишет о самом себе, но пишет как о постороннем, он придумывает себе судьбу, в которой можно было бы наиболее полно раскрыть перед читателем свою внутреннюю жизнь" [245, 3]. "Реальная биография Бориса Леонидовича не давала ему возможности высказать до конца всю тяжесть своего положения между двумя лагерями в революции..." [245, 3].

"Руссо заслонился в своей "Исповеди" подлинными фактами, которые стали у него как бы выдуманскими, ибо так возросли в объёме, что нарушили соотношение между чем-то важным и тем пустым, мимолётным, чисто личным и поверхностным, которое Руссо в порыве отчаянной откровенности сделал самым значительным, полностью или наполовину закрыв свою настоящую душевную и духовную жизнь" [245, 4].

"Раз нет однозначных решений, значит, не может быть и однозначного взгляда на самого себя, невозможна откровенная автобиография, а должен быть подставной герой, в которого можно вложить всё, что необходимо, и в кого читатель поверит быстрее, чем в автора, особенно потому, что в нём нет никакого принуждения и есть не "заслон воли", а "открытость безволия" [245, 7]. "И он не нейтрален, поскольку создание образа эпохи уже есть вмешательство в жизнь" [245, 7].

"Итог этих блужданий и заблуждений (безвольных и невольных) – любовь к России, любовь к жизни, очистительное сознание неизбежности совершающегося" [245, 8]. В целом же Пастернак принимает жизнь и историю такими, какие они есть" [245, 8]. "Лара – это тоже Россия, сама жизнь" [245, 10]. "О книге лирики "Сестра моя жизнь" поэт писал: "Мне было совершенно

безразлично, как называется сила, давшая книгу, потому что она была безмерно больше меня и поэтических концепций, которые меня окружали". Эти же слова Пастернак мог бы отнести и к роману "Доктор Живаго" [245, 12]. "

"Истину ищут только одиночки и порывают со всеми, кто любит её недостаточно. Есть ли что-нибудь на свете, что заслуживало бы верности? Таких вещей очень мало. Я думаю, надо быть верным бессмертию, этому другому имени жизни, немного усиленному. Надо сохранять верность бессмертию, надо быть верным Христу!" [245, 19]. "Вы не понимаете, что можно быть атеистом, можно не знать, есть ли Бог и для чего он, и в то же время знать, что человек живёт не в природе, а в истории, и что в нынешнем понимании она основана Христом, что Евангелие есть её обоснование. А что такое история? Это установление вековых работ по последовательной разгадке смерти и её будущему преодолению. Для этого открывают математическую бесконечность и электромагнитные волны, для этого пишут симфонии. Двигаться вперёд в этом направлении нельзя без некоторого подъёма" [245, 19].

"Только после него (Христа. В.Л.) началась жизнь в потомстве, и человек умирает не на улице под забором, а у себя в истории, в разгар работ, посвящённых преодолению смерти, умирает, сам посвящённый этой теме" [245, I 20].

"Все движения на свете в отдельности были рассчитанно-трезвы, а в общей сложности безотчётно пьяны общим потоком жизни, который объединял их. Люди трудились и хлопотали, приводимые в движение механизмом собственных забот. Но механизмы не действовали бы, если бы главным их регулятором не было чувство высшей и краеугольной беззаботности. Эту беззаботность придавало ощущение связности человеческих существований, уверенность в их переходе одного в другое, чувство счастья по поводу того, что всё происходящее совершается не только на земле, в которую закапывают мёртвых, а ещё в чём-то другом, в том, что одни называют царством Божиим, а другие историей, а третьи ещё как-нибудь" [245, 22].

"Он ещё с гимназических лет мечтал о прозе, о книге жизнеописаний, куда бы он в виде скрытых взрывчатых гнёзд мог вставлять самое ошеломляющее из того, что он успел увидеть и передумать. Но для такой книги он был ещё слишком молод, и вот он отделялся вместо неё писанием стихов, как писал бы живописец всю жизнь этюды к большой задуманной картине" [245, 68]. Предложенные выше семь абзацев являются процитированными нами суждениями из "Размышлений над романом Б.Л.Пастернака "Доктор Живаго", принадлежащих перу академика Лихачёва, Дмитрия Сергеевича. Далее следуют цитаты уже из самого произведения.

"Собравшись с силами, Анна Ивановна заговорила: "Вот, исповедывать хотели... Смерть нависла... Может каждую минуту... Зуб идёшь рвать, боишься, больно, готовишься... А тут не зуб, всю, всю тебя, всю жизнь... хруп;

и вон, как щипцами... А что это такое?... Никто не знает... И мне тоскливо и страшно" [245, 68]. Серьёзное испытание веры и воли. Кто успокоит и объяснит загадочное превращение, что же именно происходит, где вдруг скроется жизнь и откуда-то появится смерть? Трудно представить себе, что творится где-то там, на "том свете"...

"Человек в других людях и есть душа человека. Вот что вы есть, вот чем дышало, питалось, упивалось всю жизнь ваше сознание. Вашей душою, вашим бессмертием, вашей жизнью в других. И что же? В других вы были, в других и останетесь. И какая вам разница, что потом это будет называться памятью. Это будете вы, вошедшая в состав будущего.

Наконец, последнее. Не о чем беспокоиться. Смерти нет. Смерть не по нашей части. А вот вы сказали талант, это другое дело, это наше, это открыто нам. А талант – в высшем широчайшем понятии есть дар жизни" [245, 69]. "Но всё время одна и та же необъятно тождественная жизнь наполняет вселенную и ежечасно обновляется в неисчислимых сочетаниях и превращениях. А вы опасаетесь, воскреснете ли вы, а вы уже воскресли, когда родились и этого не заметили" [245, 69].

"Лара шла вдоль полотна по тропинке, протоптанной странниками и богомольцами, и сворачивала на луговую стёжку, ведущую к лесу. Тут она останавливалась и, зажмурив глаза, втягивала в себя путано-пахучий воздух окрестной шири. Он был роднее отца и матери, лучше возлюбленного и умнее книги. На одно мгновение смысл существования опять открывался Ларе. Она тут, – постигала она, – для того, чтобы разобраться в сумасшедшей прелести земли и всё назвать по имени, а если это будет ей не по силам, то из любви к жизни родить себе преемников, которые это сделают вместо неё" [245, 75].

"Паша, Липа, Кологривовы, деньги – всё это завертелось в голове у ней. Жизнь опротивела Ларе. Она стала сходить с ума. Её тянуло бросить всё знакомое и испытанное и начать что-то новое. В этом настроении она на Рождестве девятьсот одиннадцатого года пришла к роковому решению. Она решила немедленно расстаться с Кологривовыми и построить свою жизнь как-нибудь одиноко и независимо, а деньги, нужные для этого, попросить у Комаровского" [245, 76].

"Тоня возвышалась посреди палаты, как высилась бы среди бухты только что причаленная и разгруженная барка, совершающая переходы через море смерти к материку жизни с новыми душами, переселяющимися сюда неведомо откуда. Она только что произвела высадку одной такой души и теперь лежала на якоре, отдыхая всей пустотой своих облегчённых боков. Вместе с ней отдыхали её надломленные и натруженные снасти и обшивки, и её забвение, ей угасшая память о том, где она недавно была, что переплыла и как причалила" [245, 100].

"Лариса Фёдоровна входила во все дела Павла Павловича. Она сама преподавала в женской гимназии. Лара работала не покладая рук и была счастлива. Это была именно та жизнь, о которой она мечтала" [245, 101]. "Он считал, что нужно вести себя сообразно положению, в которое ставит тебя жизнь, честно и естественно" [245, 110].

"Половину сделала война, остальное довершила революция. Война была искусственным перерывом жизни, точно существование можно на время отсрочить (какая бессмыслица!). Революция вырвалась против воли, как слишком долго задержанный вздох" [245, 133].

"Три года перемен, неизвестности, переходов, война, революция, потрясения, обстрелы, сцены гибели, сцены смерти, взорванные мосты, разрушения, пожары – всё это вдруг превратилось в огромное пустое место, лишённое содержания. Первым истинным событием после долгого перерыва было это головокружительное приближение в поезде к дому, который цел и есть ещё на свете, и где дорог каждый камушек. Вот что было жизнью, вот что было переживанием, вот за чем гонялись искатели приключений, вот что имело в виду искусство – приезд к родным, возвращение к себе, возобновление существования" [245, 148-9].

"Я хочу сказать, что в жизни состоятельных было, правда, что-то нездоровое. Бездна лишнего. Лишняя мебель и лишние комнаты в доме, лишние тонкости чувств, лишние выражения. Очень хорошо сделали, что потеснились. Но ещё мало. Надо больше" [245, 152-3]. "И вот оказалось, что только жизнь, похожая на жизнь окружающих и среди них бесследно тонущая, есть жизнь настоящая, что счастье обособленное не есть счастье..." [245, 157].

"Революция и есть это наводнение. В течение её вам будет казаться, как нам на войне, что жизнь прекратилась, всё личное кончилось, что ничего на свете больше не происходит, а только убивают и умирают, а если мы доживём до записок и мемуаров об этом времени, и прочтём эти воспоминания, мы убедимся, что за эти пять или десять лет пережили больше, чем иные за целое столетие" [245, 162]. "Кругом обманывались, разглагольствовали. Обыденщина ещё хромала, барахталась, колченого плелась куда-то по старой привычке. Но доктор видел жизнь неприкрашенной. От него не могла укрыться её приговорённость. Он считал себя и свою среду обречёнными. Предстояли испытания, может быть, даже гибель. Считанные дни, оставшиеся им, таяли на его глазах" [245, 164].

"Они были заперты и пустовали не только вследствие отсутствия товаров, но также оттого, что переустройство всех сторон жизни, охватившее и торговлю, совершалось ещё в самых общих чертах и этих заколоченных лавок, как мелких частных, ещё не коснулось" [245, 177].

"Конвойный был неумолим не по жестокости характера. Время было тревожное, порядки суровые. Конвойный жизнью отвечал за численность вверенных ему сопровождаемых, установленную переключкой" [245, 197].

"Но и эта трёхдневная жизнь на воздухе производила впечатление сытости. И не без причины. Вечерами работающих оделяли горячим сеяным хлебом свежей выпечки, который неведомо откуда привозили неизвестно по какому наряду" [245, 203].

"Водопаду не было кругом ничего равного, ничего под парю. Он был страшен в этой единственности, превращавшей его в нечто одарённое жизнью и сознанием, в сказочного дракона или змея-полоза этих мест, собиравшего с них дань и опустошавшего окрестность" [245, 211].

"Молодой лес под насыпью был почти ещё гол, как зимой. Только в почках, которыми он был сплошь закапан, как воском, завелось что-то лишнее, какой-то непорядок, вроде грязи или припухлости, и этим лишним, этим непорядком и грязью была жизнь, зелёным пламенем листвы охватившая первые распустившиеся в лесу деревья" [245, 212].

"Стрельников с малых лет стремился к самому высокому и светлому. Он считал жизнь огромным ристалищем, на котором, честно соблюдая правила, люди состязаются в достижении совершенства" [245, 222].

"Жизнь по-захолустному отставала тут от истории, запаздывала" [245, II 12].

"Давнишняя мысль моя, что искусство не название разряда или области, обнимающей необозримое множество понятий и разветвляющихся явлений, но наоборот, нечто узкое и сосредоточенное, обозначение начала, входящего в состав художественного произведения, название применённой в нём силы или разработанной истины. И мне искусство никогда не казалось предметом или стороною формы, но скорее таинственной и скрытой частью содержания. Мне это ясно, как день, я это чувствую всеми своими фибрами, но как выразить и сформулировать эту мысль?" [245, II 25].

"Искусство первобытное, египетское, греческое, наше, это, наверное, на протяжении многих тысячелетий одно и то же, в единственном числе остающееся искусство. Это какая-то мысль, какое-то утверждение о жизни, по всеохватывающей своей широте на отдельные слова не разложимые, и когда крупица этой силы входит в состав какой-нибудь более сложной смеси, примесь искусства превышает значение всего остального и оказывается сутью, душой и основой изображённого" [245, II 25].

"В стихотворение, точно через окно в комнату, врываются с улицы свет и воздух, шум жизни, вещи, сущности. Предметы внешнего мира, предметы обихода, имена существительные, теснясь и наседая, завладевали строчками, вытесняя вон менее определённые части речи. Предметы, предметы, предметы рифмованной колонною выстраивались по краям стихотворения.

Точно этот, знаменитый впоследствии, Пушкинский четырёхстопник явился какой-то измерительной единицей русской жизни, её линейной мерой, точно он был меркой, снятой со всего русского существования подобно тому, как обрисовывают форму ноги для сапожной выкройки, или называют номер перчатки для приискания её по руке, в пору" [245, II 27-8].

"Изю всего русского я теперь больше всего люблю русскую детскость Пушкина и Чехова, их застенчивую неозабоченность насчёт таких громких вещей, как конечные цели человечества и их собственное спасение. Во всём этом хорошо разбирались и они, но куда им было до таких нескромностей, – не до того и не по чину! Гоголь Толстой, Достоевский готовились к смерти, беспокоились, искали смысла, подводили итоги, а эти до конца были отвлечены текущими частностями артистического призвания, и за их чередованием незаметно прожили жизнь, как такую же личную, никого не касающуюся частность, и теперь эта частность оказывается общим делом и подобно снятым с дерева дозревающим яблокам сама доходит в преемственности, наливаясь всё большею сладостью и смыслом" [245, II 28-9].

"Вот уже второй раз вторгается он в мою жизнь добрым гением, избавителем, разрешающим все затруднения. Может быть, состав каждой биографии наряду со встречающимися в ней действующими лицами требует ещё и участия тайной неведомой силы, лица почти символического, являющегося на помощь без зова, и роль этой благодетельной и скрытой пружины играет в моей жизни мой брат Евграф" [245, II 31].

"Человек рождается жить, а не готовиться к жизни. И сама жизнь, явление жизни, дар жизни так захватывающе нешуточны! Так зачем подменять её ребяческой арлекинадой незрелых выдумок, этими побегам чеховских школьников в Америку?" [245, II 39]. "Это ведь только в плохих книжках живущие разделены на два лагеря и не соприкасаются. А в действительности всё так переплетается! Каким непоправимым ничтожеством надо быть, чтобы играть в жизни только одну роль, занимать одно лишь место в обществе, значить всего только одно и то же!" [245, II 40].

"Быть тут рядом и устоять против искушения повидать нас! Это в моём мозгу не укладывается, это выше моего разума. Это нечто мне недоступное, не жизнь, а какая-то римская гражданская доблесть, одна из нынешних премудростей" [245, II 41].

"Переделка жизни! Так могут рассуждать люди, хотя может быть и видавшие виды, но ни разу не узнавшие жизни, не почувствовавшие её духа, души её. Для них существование это комок грубого, не облагороженного их прикосновением материала, нуждающегося в их обработке. А материалом, веществом, жизнь никогда не бывает. Она сама, если хотите знать, непрерывно себя обновляющее, вечно себя перерабатывающее начало, она сама

вечно себя переделывает и претворяет, она сама куда выше наших с вами тупоумных теорий" [245, II 72].

"Вот весенний вечер на дворе. Воздух весь размечен звуками. Голоса играющих детей разбросаны в местах разной дальности, как бы в знак того, что пространство всё насквозь живое. И эта даль – Россия, его несравненная, за морями нашумевшая, знаменитая родительница, мученица, упрямец, сумасбродка, шалая, боготворимая, с вечно величественными и гибельными выходками, которых никогда нельзя предвидеть! О как сладко существовать! Как сладко жить на свете и любить жизнь! О как всегда тянет сказать спасибо самой жизни, самому существованию, сказать это им самим в лицо!" [245, II 116].

"Я не люблю сочинений, посвящённых целиком философии. По-моему, философия должна быть скупою приправой к искусству и жизни. Заниматься ею одною так же странно, как есть один хрен" [245, II 130].

"Можно пользоваться словами: культура, эпохи. Но их понимают так по-разному. Ввиду сбивчивости их смысла не будем прибегать к ним. Заменяем их другими выражениями. Я сказала бы, что человек состоит из двух частей. Из Бога и работы. Развитие человеческого духа распадается на огромной продолжительности отдельные работы. Они осуществлялись поколениями и следовали одна за другою. Такою работою был Египет, такою работою была Греция, такой работою было библейское богопознание пророков. Такая, последняя по времени, ничем другим пока не сменённая, всем современным вдохновением совершаемая работа – христианство" [245, II 133].

"Отдельная человеческая жизнь стала Божьей повестью, наполнила своим содержанием пространство вселенной" [245, II 134]. "Меня всегда занимало, отчего упоминание о Магдалине помещают в самый канун Пасхи, на пороге Христовой кончины и его воскресения. Я не знаю причины, но напоминание о том, что есть жизнь, так своевременно в миг прощания с нею и в преддверии её возвращения" [245, II 135].

"Я стараюсь найти смысл этого осуждения, истолковать его, оправдать, роюсь, копаюсь в себе, перебираю всю нашу жизнь и всё, что я о себе знаю, и не вижу начала и не могу вспомнить, что я сделала и чем навлекла на себя это несчастье" [245, II 138]. "Дай перекрещу тебя на всю нескончаемую разлуку, испытания, неизвестность, на весь твой долгий, долгий, тёмный путь. Ни в чём не виню, ни одного упрёка, сложи жизнь свою так, как тебе хочется, только бы тебе было хорошо" [245, II 138].

"Язык, родина и вместилище красоты и смысла, сам начинает думать и говорить за человека и весь становится музыкой, не в отношении внешне слухового звучания, но в отношении стремительности и могущества своего внутреннего течения. Тогда подобно катящейся громаде речного потока, самим движением своим обтачивающей камни дна и ворочающей колёса мель-

ниц, льющаяся речь сама, силой своих законов создаёт по пути, мимоходом, размер и рифму, и тысячи других форм и образований ещё более важных, но до сих пор не uznанных, неучтённых, неназванных" [245, II 155].

"Хотя был ещё день и совсем светло, у доктора было такое чувство, точно он поздним вечером стоит в тёмном дремучем лесу своей жизни. Такой мрак был у него на душе, так ему было печально" [245, II 162].

"Он снова думал, что историю, то, что называется ходом истории, он представляет себе совсем не так, как принято, и ему она рисуется наподобие жизни растительного царства. Зимой под снегом оголённые прутья лиственного леса тощи и жалки, как волоски на старческой бородавке. Весной в несколько дней лес преобразуется, подымается до облаков, в его покрытых листьями дебрях можно затеряться, спрятаться. Это превращение достигается движением, по стремительности превосходящим движения животных, потому что животное не растёт так быстро, как растение, и которого никогда нельзя подсмотреть. Лес не передвигается, мы не можем его накрыть, подстеречь за переменою места. Мы всегда застаём его в неподвижности. И в такой же неподвижности застаём мы вечно растущую, вечно меняющуюся, неуследимую в своих превращениях жизнь общества, историю" [245, II 170].

"За своим плачем по Ларе он оплакивал также то далёкое лето в Мелюзееве, когда революция была тогдашним с неба на землю сошедшим богом, богом того лета, и каждый сумасшествовал по-своему, и жизнь каждого существовала сама по себе, а не пояснительно-иллюстративно, в подтверждение правоты высшей политики" [245, II 170].

"Гордон и Дудоров принадлежали к хорошему профессорскому кругу. Они провели жизнь среди хороших книг, хороших мыслителей, хороших композиторов, хорошей, всегда, вчера и сегодня хорошей, и только хорошей музыки, и они не знали, что бедствие среднего вкуса хуже бедствия безвкусицы" [245, II 192].

"Мне невероятно, до страсти хочется жить, а жить ведь значит всегда порываться вперёд, к высшему, к совершенству и достигать его" [245, II 195].

"Постоянно, день и ночь шумящая за стеною улица так же тесно связана с современною душою, как начавшаяся увертюра с полным темноты и тайны, ещё спущенным, но уже заалевшимся огнями рампы театральным занавесом. Беспреданно и без умолку шевелящийся и рокочущий за дверьми и окнами город есть необозримо огромное вступление к жизни каждого из нас. Как раз в таких чертах хотел бы я написать о городе" [245, II 199]. "Он подумал о нескольких, развивающихся рядом существованиях, движущихся с разною скоростью одно возле другого, и о том, когда чья-нибудь судьба обгоняет в жизни судьбу другого, и кто кого переживает. Нечто вроде принципа относительности на житейском ристалище представилось ему, но, окончательно запутавшись, он бросил и эти сближения" [245, II 200].

"Царство растений так легко себе представить ближайшим соседом царства смерти. Здесь, в зелени земли, между деревьями кладбищ, среди вышедших из гряд цветочных всходов сосредоточены, может быть, тайны превращения и загадки, над которыми мы бьёмся" [245, II 202-3].

"О, как страшно, страшно! Какая страшная вещь жизнь, не правда ли?" [245, II 206].

"Не только перед лицом твоей каторжной доли, но по отношению ко всей предшествующей жизни тридцатых годов, даже на воле, даже в благополучии университетской деятельности, книг, денег, удобств, война явилась очистительной бурей, струёй свежего воздуха, веянием избавления. ... И когда возгорелась война, её реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки, и несли облегчение, потому что ограничивали колдовскую силу мёртвой буквы" [245, II 214-5].

"Жизнь ведь тоже только миг,

Только растворенье

Нас самих во всех других

Как бы им в даренье" [245, II 233].

Реальная жизнь автора и внешние факты отнюдь не так просто сплавляются, ведь не одно и то же, а разные составляющие. Оказывается, есть ещё, кроме того, существенной значимости внутренняя жизнь, душевная, духовная. И это уже другой, высший план биографии, в большей мере – психологический. Смыкаются понятия, образуя прочную связку из сочетания существительных: мир и жизнь, жизнь и судьба, эпоха и жизнь, личность и жизнь, история и жизнь. Воля к жизни, любовь к жизни, вмешательство в жизнь, блуждания и заблуждение. Жизнь и бессмертие, и творчество, и Бог, и смерть. Жизнь и бесконечность, вечность, движение, течение, поток. Жизнь и счастье, свет, душа, сознание, природа, работа, труд, питание. Жизнь и Вселенная, рождение, Воскресение, смысл, имя, книга, память.

Существительное – самая существенная часть речи и мысли. Заглавным среди всех них может быть "Жизнь", существование и существительное. Оно тянет и ведёт за собой самые значимые смыслы и имена, они связываются, срастаются и мощно подпирают друг друга. Жизнь и деньги, творчество, дом, среда, дни, мысль, зов, дар, роль, место. Стиль, слово, сословие. И война, и революция тоже. Один из самых важных и основополагающих камней в основании вселенной, мироздания и сознания: жизнь-путь, начало, голос. Пространство, любовь, познание, музыка, течение, мельница, поле, лес, дерево, царство, буря. Все имена – с жизнью и в жизни.

"... в Советском Союзе крадут самые совестливые люди, которые при своём тяжёлом труде не получают достаточных средств жизни" [97, 242]. Или же пропитания и вообще средств для поддержания существования.

"Заключённые строили планы, как они наладят свою жизнь на воле" [97, 299]. Жизнь – совокупность значений, и быт, и отношения, и связи, и общепитие, всех смысловых оттенков не перечислить. Незаменимое слово. "Иногда мать, давая жизнь своему дитяти, сама платит за это жизнью" [97, 300]. Жизнь – дар, рождение; и плата – жизнью, или смертью.

И.Германович. Китай. Сибирь. Москва.

23

Испытание мерзлостью

Отец Иосиф (Германович) – монах греко-католического ордена марианцев. О книге его воспоминаний уже пришлось писать в обозрении "Воскресение имени"⁹. Здесь речь об использовании и прочтении слова "жизнь" в литературном произведении духовного лица, в середине прошлого столетия, после войны, схваченного и репрессированного коммунистическим режимом. Миссионер был наставником и инспектором в харбинском Лицею Св. Николая, где некогда учился я. Мы были знакомы, потому зримо представляю позу, позицию, образ и голос его.

В книге воспоминаний о. Иосифа Германовича слово "жизнь" употребляется 119 раз. Человек пережил тяжёлую лагерную жизнь, нечеловеческий быт, невыносимый и унижительный. В конце концов, повезло, остался жив, вышел на свободу и написал книгу, рассказав миру об издевательствах и раздавленных судьбах, поведав об унижениях и переживаниях. Всю жизнь монах настойчиво борется с безбожием и проповедует Христа, "он чрезвычайно живо и образно описывает жизнь и условия АНГАРлага" [97, 333].

Из автобиографических сведений и свидетельств самого автора.

"Велел он [следователь] мне рассказать свою биографию. Жизнь моя была весьма запутанная. Я переменял за свои годы много мест и краёв; притом были войны, революции, большие странствия, разнообразная работа, болезни и прочее" [97, 58]. Жизнь человека не просто вспоминается и сказывается во всех частностях и подробностях. Не всё связано и логично, не всё удержишь в памяти и не всё в прошлом последовательно, всем интересно и ценно, тем более, сколько-нибудь значимо для других. Человеческая жизнь постепенна, изменчива, объёмна, многогранна и разнопланова. Сложный путь и многомерный процесс.

"Моё же происхождение было насквозь пролетарским: отец как эмигрант был рабочим экипажной мастерской в Петербурге, мать – из простой крестьянской семьи. Отец – выходец из безземельных крестьян и умер, когда мне было два года. Пока я рос, я несколько лет подряд был пастушком у своих дядей, а также у чужих людей. Польское фашистское правительство

⁹ См.: Левитский В.В. Воскресение имени. Харьков, 2002. С.136-185.

меня сильно преследовало: пять лет не давало мне паспорта; в 1938 году я находился в Вильне под надзором полиции и позднее меня оттуда выслали. Одним словом, таким блестящим пролетарским происхождением, пожалуй, не могли похвастаться и сами большевистские правители в Чите" [97, 58].

"Ты послал мне в жизни моей сиротство, бедность и болезни, врагов и обиды, пожары, суды, тюрьмы и лагерь на "25", а теперь ещё эту мошкарку, – чтобы я разделял чужое горе и сострадал беде близких" [97, 154-5]. "Я в своей жизни побывал во многих странах, и в Сибири меня перегоняли с одного места на другое, и поэтому у меня завелось немало знакомых, коллег и приятелей. И узнал я от них много полезного" [97, 265]. Жизнь – как бы арена переживаний и сопереживания, лиха, трудностей и испытания себя на выживание и крепость, также и арена познания мира, углубления знаний и самопроверки. И это далеко не всё – жизнь.

Об отношении к иноземству, интернационал и этнография.

"Китайцы имеют древнюю культуру, которая под влиянием буддизма и Конфуция выработала свой собственный обычный кодекс жизни – семейной, общественной и государственной" [97, 3]. Государственный и культурный народ, законопослушен, отличается мудростью, почитает старость и предков, в обиходе подробно расписаны правила общежития, предусмотрительно на все возможные случаи. Миссионер-проповедник изучил среду, вникает во все мелочи национального характера и законодательства. Уважительно относится к Востоку вообще, стране проживания и народу, практическому, смысловому и живому.

"И обряды и церемонии весьма хорошо подходят к китайскому укладу жизни, её стилю, только бы не имело места ни малейшее неуважение и ненужная торопливость" [97, 3-4]. Итак, в Китае и вообще на Востоке люди живут, говорят, думают, относятся друг к другу, обращаются к высокому Небу и к власти все по-своему. У них там несколько иной, отличный от нашего, образ мысли и жизни, свои традиции и в умах своеобразная картина мира. Не только быт, но и духи, другая система ценностей, другая культура и история. Мы отличаемся, как и наши жизни, формы существования, что очевидно и без всякого определения смысла понятия.

ГУЛАГ: лагерная и безбожная жизнь. Издевательства и испытание голодом и холодом.

"Тюрьма и лагерь являются для заключённых великой школой жизни" [97, 51]. "Я сам приобрёл в лагерях богатый опыт жизни, хотя могу признать, что эта советская бесплатная "школа" мне обошлась очень дорого" [97, 51-2]. Жизнь – в данном случае вполне привычное и в то же время своеобразное понятие: это и обстановка, и общежитие, и выживание, и сопротивление, и преодоление трудностей. Ещё много чего предполагает и подразумевает та жизнь: характер, волю, жёсткость, настойчивость, упорст-

во, знания и умение собраться, сплотиться, развивая способность к сопротивлению. В жизни учимся ей же. И эта борьба очень разная и безобразная.

"... несправедливо осуждённый на "25" человек бывает измучен своею жизнью" [97, 146]. "Пчёлы и шмели гудят от зари до зари; так и не удивительно, что пчела за несколько недель становится инвалидом, а под вечер уже не имеет сил подняться в воздух и заканчивает так свою горемычную жизнь в своём улье" [97, 152].

"Человек не жил, а только старался удержаться на грани жизни и смерти, мучился и изнемогал от своих страданий" [97, 215]. Здесь: жизнь – состояние живого организма. "Но чтобы нам не было уж чересчур хорошо – так природа и люди располагали множеством способов усложнять нам жизнь" [97, 235]. Здесь: жизнь – это быт и самочувствие человека. "Блатные – это продукт советских порядков и новой безбожной жизни" [97, 121]. Здесь: жизнь – это действительность, обстоятельства, среда существования. "В то время, как я был в лагерях, не случилось, чтобы блатные играли в карты на чужую жизнь" [97, 139]. Здесь: жизнь – это человек; чужая жизнь – кто-то из посторонних, случайное лицо.

Спасение приходит извне, "гуманитарная помощь".

"Так вся надежда возлагалась только на мою родину, которая сама в это время попала в свою горькую полосу жизни, в неволю" [97, 225]. Жизнь – развитие. "А посылки мне присылали мои приятельницы – по большей части посторонние мне старые женщины, и я не знал, могут ли они сами зарабатывать себе на жизнь" [97, 298]. Жизнь – пропитание и существование.

Господь Бог и жизнь вечная (религиозная мистика). Межконфессиональные отношения.

"Вот тут и хотел бы с ними поквитаться – хотя бы этим добрым словом: "Оплати, Господи, всем нашим доброжелателям, ради Имени Твоего, вечной жизнью! Аминь" [97, 298]. Рай мистический. "А всеблагий Господь сохранил мне жизнь, несмотря на людскую злобу и мои собственные заблуждения" [97, 51]. "Таким людям в самые тяжёлые минуты их жизни Бог отказывает в милости веры" [97, 76]. "Православное духовенство в целом к религиозной пропаганде не стремилось: они жили тихой, томительной частной жизнью и молились сами, не привлекая никого – ни своих, ни чужих, а я считал, что и в тюрьме я не перестаю быть священником миссионером и должен повсюду исполнять завет Христа: "Идите и учите все народы!" [97, 190-1].

Живая природа – творение Божие. Метафизика жизни. Что есть жизнь и что не есть жизнь?

"И жизнь – это сказка" [97, 201]. Человек восхищается природой и жизнью. "Деревья начинали свою осеннюю песню и плач по погибшим, ибо приближался ноябрь и печальное подавление жизни"[97, 255]. "Он по линиям рук говорил только о характере, о способностях, о благоприятных и не-

счастливых событиях в жизни своих клиентов" [97, 259]. "– У вас линии обрываются. И очень неясная линия жизни и судьбы... В общем говоря, рука для меня загадочная" [97, 260]. "Люди от него отходили не встревоженные, не обрадованные, но задумывавшиеся. Они начинали понимать, что жизнь – это не потеха, не случай какой, не нажива, и не наше высокое – "я!". Но жизнь должна быть делом весьма и весьма серьёзным – как перед людьми, так и перед собой и в глазах Божьих" [97, 260].

Атеизм (хула божественного духа) есть смертный грех.

"Не могу назвать его атеистом, а скорее – либералом, ибо в жизни своей он искал только выгоду, славу, блеск, а более всего – денег, которые приносили ему это – и выгоду и славу" [97, 271]. "Он был полным атеистом, но, как человек доброй воли, разобравшись поглубже в загадках жизни и смерти, Бога Живого и Всемогущего и природы – неживой и неразумной, – признал бессмысленность атеизма и необходимость существования Бога, дабы не впасть в абсурд и отчаяние" [97, 274]. "У ваших авторов я долго искал объяснение начала мира, возникновению жизни, порядка в природе и её законов" [97, 75]. "И ещё одно: природа сама не живая, а из неживого материала разбудила на земле такую буйную и разнообразную жизнь" [97, 76].

"Да и вообще, весьма удивительно, что атеисты и безбожники могут быть резвыми и весёлыми, когда они внушают себе, что стремятся во мрак и превратятся в ничто – в навоз, а душа развеется как болотный туман или как фабричный дым. И как может разумный человек до такой степени проникнуться неверием, чтобы публично бахвалиться, что он после смерти станет мусором, а его душа – абсолютным нулём? И они называют эти свои выдумки "наукой". Они говорят: "Природа обладает своей силой... Есть законы природы... Природа имеет свою цель. Природа дала и развивает жизнь".

"Но подумайте же вы, разумные люди! Природа сама неживая и неразумная – откуда у неё могут быть "силы", либо "законы", или "цель"? И как она могла сотворить жизнь, когда она вечно неживая? Наука имеет право рассуждать, исследовать явления и законы природы, но начало существования и цель жизни нужно отдать религии, чтобы не впасть в абсурд. Только религия может дать ответ на все тревожащие нас вопросы нашего бытия, ибо религия указывает нам "Творца неба и земли", который есть Разумный и Всемогущий" [97, 310].

"Знаете, я слушала его и всё думала: он как раз удивительно не приспособлен для такой бродячей жизни, – заключила Екатерина Ивановна, пересказав мне эту несложную и невесёлую биографию" [81, 92]. "Я думаю, что никакие человеческие отношения на свете не остаются неизменными – да-

же самые лучшие, проверенные и близкие. Они меняются, растут или убывают, становятся глубже, дороже или, напротив, вдруг застывают – и это плохо. Ведь в движении жизни движутся, меняются и люди, их чувства, привязанности. Порою едва приметно" [81, 225].

"В высокой траве шла какая-то своя, еле слышная жизнь: прополз зелёный жучок, сгибающая травинку, что-то – должно быть, ящерица – юркнуло в заросль погуще, и на этом месте в зелени словно маленькая волна плеснула. Большие голубые колокольчики поднимались нам до колен, один вдруг сильно качнулся и загудел неожиданным басовым звоном – из него, пятясь выбрался неуклюжий, как медведь, мохнатый шмелина и тяжело полетел восвояси, а колокольчик ещё долго раскачивался на высоком стебле" [81, 103-4].

"На капусту нашу ополчились все беды, какие только случаются в капустной жизни. Сперва налетела капустная муха – и мы без устали окучивали, насыпали возле стебля соломенную резку, сенную труху. Девочки вырезали воротники из бумаги, и мы на каждый стебель надели такой воротник, чтоб муха не пристроила своих яичек на грядке. Потом на капусту напали гусеница и бабочка-белянка. Это вредное существо выгрызает мякоть и оставляет от капустного листа одни жилки – получается этакое голубовато-зелёное кружево" [81, 238].

"Она говорит: "Он у меня один остался, в нём смысл моей жизни... Я перед памятью Лены за него в ответе" [81, 247]. "Он мог злиться, обижаться, иметь зуб против нас, но он знал: дом и дети – это и есть наша жизнь, главная наша забота" [81, 255]. "Этот красный командир был очень сочувственный, и он дал мне адрес одной гражданки. Она меня хорошо встретила, накормила и отвела в приёмник, а оттуда меня переслали сюда. Вот и вся моя кошмарная жизнь" [81, 323]. "Читая книгу, он понимает красоту бескорыстного подвига... А ведь в жизни он мечтает о тётки Машином благополучии: одежда, деньги" [81, 327]. Жизнь – тревоги, беспокойство, забота,

"Они умеют требовать соблюдения правил, они могут "проработать" до полусмерти Ольгу Алексеевну, могут лишиться души самое живое слово, лишиться жизни самое живое чувство, обесмыслить самую живую мысль" [81, 332]. "В нём копилась мысль, силы, чувства. Всё чаще я думал о том, что самое главное в детстве, в отрочестве – вот это накопление для встречи с жизнью. Захватит человек из детства и юности много душевных сил, душевного здоровья – легче ему будет" [81, 349]. "Он – участник гражданской войны и всегда вспоминал об этом как об одной из самых светлых страниц в своей жизни" [81, 352]. Жизнь и чувство, воспоминания.

"И наверно, я был неправ. Видно, в жизни часто проходишь мимо людей, не разглядев их по-настоящему" [81, 358]. "Эта любовь не оскудевала, а росла и росла с каждым новым человеком, которого он должен был выводить в жизнь" [81, 363]. "Я знал: со мной радуются сейчас сотни людей, ко-

торых он вернул к жизни, которым он жизнь подарил – вытащил их из грязи, из ямы, поднял и щедро поделился своим сердцем и разумом" [81, 363]. "И вот... Он выходит в жизнь – и с чем же мы его выпускаем?" [81, 370]. "Мы набиты здесь, как сельди в бочке, и, если бы не наша многолетняя жизнь бок о бок, трудно было бы нам" [81, 382]. Окружение жизни.

"Эти новые – такой народ, они не потерпят лишений, они привыкли брать жизнь за глотку" [81, 398]. "Ты, братишка, письмами не считайся, просто пиши всё, как есть, про свою жизнь и про то, как вы все помогаете Галине Константиновне" [81, 428]. "Ленинград... с ним так много связано в моей жизни" [81, 473]. "Он идёт рядом со мной, и в руках у него не мешочек даже, маленький пакетик с письмами. Наверно, они пожелтели от времени, стёрлись на сгибах – давние письма, свидетели былой радости, любви, горя – всего, чем полна человеческая жизнь" [81, 488].

"Серёже минуло девять лет, но ему нельзя было дать больше семи: тонконогий, тонкорукий, прозрачно-бледный и худой – жизнь в нём едва теплилась" [81, 489]. "Ира Феликсовна ухватила за эту мысль – в Ожгихе она начинала свою уральскую жизнь, её знали в этом селе" [81, 491]. "Знаете, – сказала она вскоре после смерти Серёжи, – говорят, у каждого человека есть невидимая свеча – это его жизнь. Догорит она – и человек умирает. Для меня такая свеча – Ирина" [81, 496-7]. "Помню, незадолго перед тем, как нам уехать из Ленинграда, он сказал: судьба уничтожила всё, что я любил, но уничтожила в жизни, а не во мне. Свет, горящий внутри, – свет неугасимый" [81, 498].

"Напиши, как вы там живёте и что одноглазый чёрт Велехов делает, очень ли Галине Константиновне жизнь портит?" [81, 561]. "На улице выпадал, таял и снова выпадал снег. Вставало и заходило солнце. Жизнь, простая жизнь, шла своим чередом" [81, 566]. "Петя Лепко – самый веснушчатый человек, какого я видел за всю свою жизнь". Детство для Вигдоровой – не приготовление к будущей жизни, а полноценная жизнь" [81, 601].

"Она была неистощима на выдумки, жизнь рядом с ней расцветала, становилась праздничной" [81, 604]. "По-прежнему живы и обаятельны её герои-дети, но яркие проблемы и конфликты "взрослой" жизни, нарисованные острым и метким пером" [81, 604]. "Во время служебных командировок она впитывала жизнь во всех её аспектах и отражала её не только в статьях, но и в художественной прозе" [81, 604]. "Писательница вышла здесь за рамки чисто воспитательной темы, написала "вообще о жизни", хотя педагогические раздумья пронизывают и это произведение" [81, 604]. "Фрида Вигдорова ушла из жизни прискорбно рано, едва достигнув пятидесяти лет, не дописав лучших своих вещей, не увидев их опубликованными" [81, 605]. "Но её произведения продолжают жить и учить нас самому важному в жизни и педагогике, – неустанному, доброму вниманию к человеку" [81, 605].

Смысл духа, сила мысли

Нас интересуют слова и мысли, как поддерживают друг друга и облекают волшебным, конечно, если человек столь даровит и особо требователен к себе, умудрённый. Надежда Перминова. Преломление света. Киров, 2000. Полагаю, об авторе надо и ещё будут, не на скорую руку, писать и печатать разборы и биографические очерки. Не знаю, вправе ли сейчас публиковать лист, оставленный и недавно обнаруженный мною в сборнике её стихов. Действительно, словам тесно, мыслям просторно – такая литература замечательна, и поэзия, и проза, и просто письма. Все выдержки подлинны и достойны, свидетельствуя о незаурядности и таланте.

1. Природа жива и одухотворённа, горит и поддерживает костёр.

"Гусиные стаи ночами летят над землёю. <...> Полёт вековечен. Летите крылатые стаи" [247, 2].

"Среди степного серебра нас оведал полынный ветер и мир был первозданно светел, и жизнь ко мне была добра" ("Степная сизая полынь") [247, 54]. "На то я, видно, человеку, что с жизнью жажду вечно встречи и чту живую красоту" ("Мёртвый снег") [247, 23]. "В буреломах и ельниках тихих, где лишь звёзды снега серебрят, росамахи, ежи и лосихи для меня свою жизнь сохраняют" ("Лес, засеянный солнцем осенним") [247, 23]. "В перелесках, чащобах, бурьянах копошится весёлая жизнь. Все жильцы здесь всегда без изъянов, никого здесь не гложет корысть" [247, 24]. "Весь рыжий, как солнце, привязанный к колу телок всё ходит по кругу. И путь его вечно далёк" ("На вятских увалах вольготно лежать тишине") [247, 3].

Жизнь, проще всего, если это лишь я, когда живу, или даже мы, пока живы, причастны к той стихии. Не только я один и мы вместе – вся жизнь. Всё живое сообща включено во что-то значительное, и в целом вся она неисчерпаема, будучи разнообразней и возвышенней. Есть природа вокруг, она тоже живёт своей жизнью, ритмами и кругами. Это чем-то заполняет и напоминает нашу частную жизнь, чувство рутины и бремени нам знакомо, каждый испытал однообразно разнообразную жизнь. Ежедневность слагается на небе, земное существование измеряется и исчисляется когда восходами, где заходами. Жизнь вовсе не заканчивается одной смертью.

2. Пределы нашей жизни: от зарождения и до гибели.

"Есть у осени право – на тихий смиренный уход вездесущих и жадных до жизни растений" ("Золотые шары") [247, 21]. "Черта между дат – словно прочерк меж двух изначальных времён. А что, если жизнь, между прочим, причудливый явленный сон?!" ("Хохлатая вечности птица") [247, 46]. "Жизнь много грустного таит – всем расставанье предстоит, когда, как поезд скорый,

примчится день тот скорбный. Сойдутся, словно на перрон, друзья, враги со всех сторон сказать сквозные речи, возжечь поминок свечи..." [247, 45].

Жизнь-смерть – не просто противопоставление. В них заложен главный смысл, сомнителен и неразрешим вопрос вечности, как ни мудри, ни гадай.

3. Испытания и переживания человеческие в жизни суровой, ненастной.

"Может, у них что-то в жизни не так?" ("Бродило счастье за синей горой") [247, 35]. "Жизнь – она бьёт, она гнёт, но продолжается... И надо её до конца досмотреть. И странно – душа, как вселенная, всё расширяется и вовсе не хочет стареть" [247, 46]. "Твой профиль – от скифа, твой шаг – росомахи, и ворот, чуть мятый, защитной рубахи, надёжные плечи и сдержанность речи, и жизнь моя только от встречи до встречи..." ("Да всё уже было") [247, 34].

"Я снова встречу у порога, открою дверь на два звонка: знать, что-нибудь не слава богу, знать, жизнь опять пошла горька. Вихры знакомые приглажу, и кофе на двоих сварю. И ты расскажешь, ты расскажешь в который раз мне жизнь свою: свои заботы и печали, свои семейные дела, что как будто не случайно сюда кривая привела" ("Гость") [247, 58]. "Среди расхожих строк, где жизни нашей вздор, волнующий намёк и нежный разговор о том, что знаем мы, сошедшие с ума, из полуночной тьмы летящего письма" ("Эпистолярный жанр") [247, 59].

Очевидно, жизнь для нас, чаще всего, – это то, что зримо, с нами сейчас, случающееся в настоящее время, происходящее в данный момент, включая и чары любви. Но, вместе с тем, вся та жизнь ещё и ещё что-то, она несоизмеримо больше, всё разливается и расширяется. За этими пределами сиюминутного, бытового и очевидного, то есть вне достижимого просто взгляду, кажется, есть ещё какая-то другая действительность, потусторонняя, с которой все духовно и неразрывно связаны как-то, и эту мистическую привязанность время от времени чувствуем, сами проявляем и обнаруживаем.

4. Искусство, прелести и красоты жизни.

Человеку свойственно переживать чувство высокого и прекрасного, испытывать притяжение небесной красоты волшебного мира. Высокое искусство, музыка, театр, живопись, словесность облагораживают жизнь духа, нас меняют, поднимают и возвышают.

"О беспредельном скрипка плачет, восторг по клавишам бежит – они мне жизнь переиначат, переиначат нашу жизнь ("Музыка") [247, 48]. "Нет сцены – измены. Есть жизнь, как блудница, где постные, чёрствые лица, но нету гримёра. <...> А дома – житейская драма и кофе ни грамма. Жизнь вне бутафора. Но ты был в ударе, и плакали в зале, смеялись, в себе сомневались... Актёрство – сладчайшая жизни афёра!" ("Посвящение актёру") [247, 49]. "А был он в жизни парень неудобный – и пел, и пил, и маялся собой: ведь живопись – она не пряник сдобный, что по рецепту выпечет любой" ("Выставка Артамощенко") [247, 50].

"Мазок к мазку и... больше ничего. Мазок к мазку и ... жизнь вокруг прекрасна" ("Так лета отзвеневшего нам жаль") [247, 51]. "Дитя я своё пеленала, деревья со школы сажаю, и книги уже написала, а что же мне надо – не знаю. Действительно, что же мне надо под небом отчаянно низким – увидеть твой труд, Дионисий, как высшую в жизни награду?" ("Хождение в Феррапонтово") [247, 20]. Автора, как и многих её читателей, тревожит вопрос: "Зачем мы тут, на Земле, в этой жизни?". Кое в чём она преуспела, и всё-таки понять до конца смысл жизни никому не под силу. Но пленяет высокое творчество, проявление непостижимого духа, жизнь-подвиг и самоотверженность.

5. И чуточку мистики в жизни.

"Так что мечтать о постоянстве, негодовать в себе самой, коль всё решается в пространстве – без нас – меж небом и землёй. Нам не дано другой орбиты, другой нам жизни не дано – мы так с земной природой слиты, так с этим миром заодно!" [247, 60]. "Всю-то жизнь мне бежать от Стрельца и погони не видно конца..." (Козерог) [247, 44]. "Была страшной жизнь и хорошей, скоро встретимся мы, Алёша" [247, 13]. Слова обращены к солдату, погибшему и похороненному в Польше, сказаны на могиле. Такая вот реальная мистика: в этой жизни случайно ли говорим с миром иным, выходит, общаемся с царством мёртвых, пусть пока только в воображении и по вере, уже немало.

В бесконечной суете мыслей кто-то ищет особенной и благородной "истины", а иной просто хотел бы отгадать свой мир, или найти себя в нём, беспредельном. И всё это, тем не менее, поиск и дерзание, отнюдь не робость. Это я о стихах и мыслях Надежды Перминовой, близких по духу. А теперь о моих языковедческих увлечениях и занятиях главным словом всего нашего языка, предназначенного для понимания и объяснения жизни. Понятно, что сами по себе книжные знания, без переживания и сопереживания, чаще всего многим непонятны и неинтересны, а потому как бы и бессмысленны, и бесполезны.

Прежде чем вести разговор, следует якобы первоначально договориться или условиться, чётко определив значение используемых слов. Легко сказать, но трудно выполнить. Очень давно кто-то пустил в книжный обиход этот более чем сомнительный тезис. Пожалуй, это белиберда, так как толкование-то уже само по себе – довольно сложное дело, ибо нет безупречных способов разъяснения ключевых понятий. На это требуется много времени, вероятно, займёт всю дискуссию. Разгорится спор, никто не хочет принять на веру чужое предложение. Частичное и простенькое определение мало что даёт и не устраивает других.

Чтобы как-то приблизиться к пониманию вопроса, что есть для нас жизнь, следует сперва уточнить, чья именно жизнь, о ком и о чём речь: то ли о людях, то ли о животных, птицах, рыбах, насекомых или микробах. У этих и других живых организмов судьба разная, по-разному жизнь сложена

и к разной цели настроена. Есть более простые и более сложные формы, уровни и системы. Даже жизнь человека неоднозначна, люди ведут очень разную жизнь. Это, в общем, понятно, хотя доподлинно пока не известно, что же здесь имеется в виду и понимается под жизнью. Ясно только, что в разных стихиях и средах она отличается по форме и проявлению.

Соловьиная ветка Надежды

1. Живая природа в нас, с нами, вокруг.

"Этот тополь плыл к солнцу столетия, а может быть, и намного дольше. <...> И шумело оно, долговременное, над быстротечным. В его обширных ветвях рождались и росли птицы, в основном звонкоголосые синички, то улетали, то вновь возвращались к нему. Возились под корой и на листьях жуки. На тёплой бархатистой и побелевшей от старости коре любили отдыхать бабочки. С самой вершины обозревали округу невозмутимо нахальные вороны. Здесь, в центре города, у него было всё, без чего не может быть полная жизнь дерева" (Дерево у забора) [248, 132].

"Как однажды вокзальная цыганка прочтала мне по ладони линию судьбы, так я сейчас читала жизнь дерева" (И настал такой день) [249, 207]. Оказывается вот, что жизнь записывается и прочитывается. Жизнь как книга, это не только лишь прекрасная метафора. Можно-таки увидеть и представить себе, вообразить, рассказать, записать и прочитать какую-то важную запись жизни. Прожитые годы, или возраст, оставляют после себя неизгладимый след. Автобиография каждого человека, таинственная запись, составляется кем-то почему-то и сохраняется для чего-то на ладони.

"И мне показалось, что если железная сила вырвет сейчас и их – эти его невидимые насосы жизни, то всё, что на них держится: и этот дом, и асфальт, и гаражи, и люди, и белый свет над ними – рухнет туда, в пустоту, в образовавшуюся бездну" (Дерево у забора) [248, 133]. Какое современное экологическое мышление! Мы, люди, не можем существовать в мире одни, в безжизненном пространстве. Жизнь планетарна – это сложная природная и экологическая система, окружена бесконечной космической бездной, её простреливают дерзко и с той, и с нашей стороны в поисках смысла Вселенной, жизни и братьев по разуму в Космосе.

"Поёт, заливаясь, трепещет в небе жаворонок, словно земля тянет его к себе, а он рвётся ввысь, да не хватает сил оторваться от притяжения, поёт, соединяя во мне землю и небо, радость и страх, живое и смерть" (Прощёное воскресенье) [249, 6].

"И струящаяся как-то особенно оживлённо вода в проруби натолкнула на простую мысль: под этой полутораметровой крышей льда реки всю лютую зиму жила своей обычной жизнью, бежала, торопилась, переливалась,

и где-то в её тайниках спали, а сейчас проснулись рыбы и тоже куда-то плывут, спешат по своим делам, а не по бессмысленному кругу" (Прощёное воскресенье) [249, 110]. Последнее признание о том, что рыбы преследуют свои цели, для нас особенно ценно: очевидно, вовсе не так уж и бессмысленно существование рыб в водоёмах и мировом океане.

"Ей захотелось, как мушке, сидящей перед ней в машине у лобового стекла, спокойно замереть, но жизнь, словно встречный поток воздуха, размазывает таких же маленьких и простодушных букашек, оказавшихся снаружи" (Соловьиная ветка) [248, 159]. Не так просто определить жизнь, ибо она очень разная. Вместо определения, часто используют аналогии и сравнения, которые проясняют лишь частность и некоторое, отдельное свойство интересующего нас предмета. Постоянно в потоке жизни гибнут люди и другие живые существа, в бессчётном количестве и неизбежно обречённые на исчезновение, фатально уносимые смертью.

"Воду прежде пальцем потрогай. Нельзя, чтобы жгло, а то цыплёнка ошпаришь внутри, и студёную нельзя, если он ещё не дозрел, застынет и не выведется. Опускаешь их в воду осторо-ожненько. Если какой на плаву остался, с жизнью, значит, с цыплёнком" (Ивана Купала) [248, 109]. Жизнь – живое существо, цыплёнок. "Девчонка (теперь он оставался на её попечении) поселила его [цыплёнка] в ту же дедову шапку, накрыв платком, по совету бабушки поставила на солнечный подоконник и сама села рядом, размышляя и удивляясь таким труднодоступным для неё понятиям, как жизнь и смерть" (Ивана Купала) [248, 112].

Вместе с девчонкой, конечно, переживает и рассуждает о жизни и смерти сам автор, для которого этот вопрос более чем существен. "А как же иначе: жизнь-то твоя была, а теперь вот ты уходишь, а она остаётся вам, молодым" (Прощёное воскресенье) [249, 105]. Было в тебе и оставляет тебя – что это? И ничего не остаётся или что-то всё же остаётся людям на этом свете?

"Распадётся, рассыплется, растеряется родная маньчжурская жизнь, но останется кровно и светло в сердце" (Прощёное воскресенье) [249, 156]. Оказывается, всё-таки что-то где-то остаётся. Или же только так говорится, так хочется и сказывается сказка. Кстати, книги (сказки) тоже по-своему живут (продолжают существовать и использоваться). Как книги состоят из глав и разделов, так и жизнь складывается из своих возрастных и других периодов, по местожительству и пребыванию в том или ином краю. Детские годы автора пришлось на проживание в Маньчжурии, где пришлось родиться.

"А почему навсегда умирают? – этот безнадежный вопрос с прошлого года мучает её. – Ну почему же, почему? – весь её маленький, жаждущий света, движения, жизни организм восстаёт против чудовищной несправедливости, и словно от обиды слёзы выступают на глазах" (Ивана Купала) [248, 111]. В основе религиозной философии лежит метафизическое поня-

тие смерти. Человек ставит вопросы, на них, строго говоря, нет определённого ответа. Мы не знаем, навсегда ли умрём, тем более почему. Разве то, что все неизбежно умирают, это несправедливость?

"Что-то возводим, что-то разрушаем, кто-то рождается, кто-то умирает, а жизнь идёт дальше" – эта простая истина прошла сквозь неё током и вдруг стало ясно: исчезни она – ничто не изменится в этом мире, так же будет падать с неба на землю в свой срок снег, выпекаться в старой колокольне хлеб, приезжать и уезжать больные, и кто-то пройдёт по этому мостику и встанет вот так у перил..." (Соловьиная ветка) [248, 163].

"В этом районе находился центр нашей жизни: Русское Общество, школа, церковь с куполом над просторной избой, где служил молодой, с ласковым тенором отец Владимир, который (откуда-то мы знали) любил дома петь романсы под гитару" (Прощёное воскресенье) [249, 18]. Здесь жизнь как бы социальная организация и предприятие. Сравните с другим смыслом, в иных связях и контекстах: жизнь – состояние, психологический настрой, чувство. Всякая случается как вокруг нас, так и происходит внутри нас, жизнь. Реальное существование, действительность, представление, вымысел, образный ряд, мистика.

"Мне нравились и звон, плывущий над городом, сзывающий горожан, и многоголосое пение хора, и мерцание оплывающих свечей, и иконы, полные таинственной и кроткой жизни святых людей, их глаза, говорящие мне о чём-то не до конца понятном, не необходимым..." (Прощёное воскресенье) [249, 118]. "А это – жизнь, реальность наша, сегодняшняя..." (Водораздел) [249, 165]. Вот это точка зрения, хотя в ней позиция, плоский и узкий материалистический взгляд, грубый, вульгарный, реализм и нигилизм, нет ни объяснения, ни определения, как не было, так и нет понятия.

"И в этот миг, как когда-то у одинокого стога над рекой, я вновь увидела далеко-далеко. Но не землю, а жизнь. Мамину. Даже то, чего я не могла знать. Её девочку, в крестьянском белом, туго повязанном платке. Её, девушку с косой-венчиком вокруг головы. Её, мою ровесницу – это время я хорошо помню – с первой электрической завивкой. ... Мама и жизнь – по кругу!" (И настал такой день) [249, 208]. Круговорот и круговерть как закономерность, программа жизни, которая реализуется, очевидно, где-то там записанная. Потомки связаны с предками, преемственность, не случайно же говорят о генетической памяти.

"Годы были голодные, но <...>. Потом жизнь пошла на поправку, дети в школу побежали, и решили они, пока молоды, новую хату рядом с развалюхой ставить" (Конспект чужой жизни) [248, 42]. Жизнь – положение в стране, как существо, создание, может болеть, и не странно, раз она может замереть и вовсе умереть, исчезнуть. Жизнь обрывается, как пульс, сердцебиение, дыхание и другие физиологические функции.

"Вот сейчас наше правительство с немцами целуется да милуется... А кто знает, как жизнь обернётся... она ведь человека то вознесёт, то уронит, и не хочешь, да попадешь в жернова..." (Конспект чужой жизни) [248, 46]. Жизнь – стихия непостижимая, мистическая. Развивается и меняется. "Но современная техника – теперь неотъемлемая часть моего существа – диктофон позволяет им, мыслям, не уходить бесследно. А это главное моей истинной жизни" (Путешествие из...) [248, 62]. Моего существа – существования – жизни. Смысл жизни для неё – мыслить. О чём мыслить? О себе, о своём существовании и назначении, о своём соответствии.

"Выпросил дополнительный отпуск и уехал в тайгу к знакомому егерю – рыбу ловить, о жизни думать" (Путешествие из...) [248, 73]. Не всякому человеку свойственна мудрость, или глубокое размышление над предназначением и смыслом собственного и всеобщего существования. "Жизнь этого большого города оцепенела после Беловежского раскола. Люди, обустроившие эту землю, положившие за её будущее свою жизнь, стали для местных властей чужаками. Не от большого ума свершается это" (Путешествие из...) [248, 75]. Принести в жертву свою жизнь. Для чего предназначена твоя жизнь? Для чего ты живёшь?

"Разве моя жизнь теперь представима без неё – вот этой ближней – московской и дальней – той" (Путешествие из...) [248, 83]. Моя жизнь – я, моё существо и существование. Формируется и складывается из переживаний. "И на всякий случай решила она Сашеньку окрестить. Никогда особо богомольной не была, молилась разве что, когда жизнь прижимала, а тут решилась, убедила себя, что будет к лучшему" (Сашка) [248, 103]. Следует знать трудности и испытания жизни, разбираться в лихолетье и войнах.

"– Охотиться не запрещено, но – соблюдая правила... – Я не против законности, да вот местные условия диктуют исключения, жизнь есть жизнь..." (Автоохота) [248, 117]. "Пусть жена принесёт акт. Порвём, и делу конец. Не пропадать же из-за бумажки, жизнь, она всегда свои поправки в правила вносит" (Автоохота) [248, 124]. Жизнь – местные условия и реальные отношения между людьми в обществе, скрещиваются и сталкиваются их интересы, вызывая соперничество и будоража чувства. Всё, что угодно, можно объяснить и оправдать. В языке накапливаются средства для того, чтобы найти оправдание себе и своей пассивности.

"Но Света не жаловалась, нет, скорее она пыталась объяснить мне свою жизнь, в чём-то меня разуверить, но я не мог понять – в чём" (Света) [248, 144]. Трудно понять и объяснить себе и другим жизнь, свою и чужую. Мы даже не знаем определённо, для чего именно, как и насколько же это целесообразно, важно и нужно. В такой же мере и описание, и разъяснение человеческой жизни-поведения всегда приближительны и условны. Одни бо-

лее последовательны и настойчивы, другие инертны, безразличны и не требовательны, склонны давать себе послабления, удовлетворяются малым.

"Он человек солидный, не забулдыга. Чего ждать, ведь жизнь одна... Да, жизнь одна" (Кровать у окна) [248, 149]. Человек, так или иначе, устраивает свою жизнь. В этой жизни далеко не всегда и не все находят свою пару. Семейные отношения, случается, желанны, бывают они обременительны, кроме того, естественно, имеют множество других и самых разных оттенков и значений. Человеку свойственно хотеть и ожидать для себя счастья, в том числе и супружеской идиллии и семейной гармонии. Часто оказывается, что это довольно-таки романтично, наивно и не вполне обоснованно, ибо противоречит человеческой природе и сущности.

"Ты вот зашёл, и мы с тобой сидим, у нас есть наше общее детство. Ты уйдёшь – останется этот вечер, и я буду вспоминать, каким ты стал, и думать о тебе. Всё это тоже очень важно в жизни, а не только учёба, работа, семья" (Света) [248, 143]. Действительно, всё, что случается в этой жизни, полагаю, оставляет какой-то след в памяти и, очевидно, в той или иной мере для чего-то значимо и нужно. Известно, что некоторые люди живут расторопно, рассудительно и запасливо, другие же нерасчётливо, рассеянно и расточительно, у людей разные, склонности, влечения и увлечения. Разные задатки и предрасположенности нас разделяют, и слава богу.

"А было непримечательное безотцовское детство, жизнь в пыльном районном городишке, стоны матери по ночам от радикулитных болей, хрюканье свиньи в сарае, мытьё стёршихся полов два раза в неделю, обноски то от сестры, то от брата, и счастливая, неумело обитая чёрным дерматином дверь в библиотеку" (Соловьинная ветка) [248, 154]. У каждого человека своя жизнь, особенное детство и юность, как кому повезёт, и приходит время для собственного осознания, воспоминания и оценок. Принято думать, что

"Эта встреча, это случайное знакомство чуть отвлекло, заставило переключиться с себя на жизнь, которая происходила рядом, присмотреться к соседкам по палате" (Соловьинная ветка) [248, 165].

Какая же она, жизнь, бывает? Можно сравнить: с одной стороны, себя самого, собственно внутреннюю, или духовную, жизнь свою, и в то же время, с другой стороны, то, что вокруг нас, обстоятельства, обстановку, условия, включая и окружение, людей, отношения между ними. И то, и другое, и третье является и называется жизнью.

"...и подумала я, что ничто не бывает случайным, что пришедшие тогда в мою жизнь вятские Васнецов и Шаляпин – эти символы, эти выразители русского духа – останутся со мной на всю жизнь и судьба приведёт меня на землю, породившую их, и высокий их Дар будет и меня, человека другой эпохи, поддерживать в трудные годы своей силой и незыблемостью так же, как он грел их современников..." (Старинный альбом) [248, 193-4]. Об-

щественная жизнь раздробленного человечества окультурена, символична и мифична, исторична и идеологична. Исключительно важную роль в жизни современных народов играют символы и мифология.

Вот живёт-растёт дерево (тополь), живут-летают в воздухе птицы (синички, вороны, жаворонки, цыплёнок), живут-порхают и ползают насекомые (жуки, бабочки), в воде живут, плавают рыбы, и все наши переживания слиты в одно общее великое ощущение природы, живого мира, то есть творческое чувство жизни и благоговение. Не только лишь одни люди, с ними дома, гаражи, дороги, вода в проруби, школа, церковь, иконы, книги (сказки) и даже Русское Общество. Все они ещё продолжают "быть" в поэтической памяти. Чудесно может жить, долго и полноценно, хотя каждый по-своему, вместе с нами город, страна, мир в воображении.

"Господи, как в жизни всё переплелось" (Тонкая рябина) [249, 219]. Жизнь – симфония.

Перед нами вовсе не научный трактат о жизни, где другая логика, более строгая, а тут жизнь "проходит мимо", проходная тема, какие-то случайные ассоциации разбросаны по тексту с иной направленностью. По выдержкам, если вчитаться, может быть, и сумеешь представить и воссоздать мировоззрение автора, взгляды на мир и жизнь, которые проскальзывают и невольно проговариваются, часто произвольно и неосмысленно, но как бы между делом и прочим. Мы отбираем то, что, с нашей точки зрения, имеет либо прямое, либо косвенное отношение к пониманию и характеристике того, что называется жизнью, в том или ином её смысле.

27

Из "Узника России"

"Всю жизнь французский был ему близок" [119, 19]. Постоянно, всегда, всё время. "В жизни русскую рубаху Пушкин и надевал-то разве что ради поэтики, в деревне, когда шёл на ярмарку" [119, 19]. Может быть, в жизни – это обычно, как правило. "Франция не только показала, но и внесла бы в жизнь более высокую культуру – бытовую, экономическую и духовную" [119, 22]. Жизнь – это прежде всего практика и опыт, она многослойна. "Батюшков говорил, что служба в Италии есть мечта всей его жизни, его сокровенное желание" [119, 33-4]. Подчёркивается некий объём и массивность, полный охват времени. Русский язык привык к усилению и украшению, избыточности.

"... воспитание, образование, принятие на службу – всё, как нам представляется, связалось воедино в жизни Пушкина" [119, 36]. Вот! Жизнь как всеединство – узел, сложнейшая связь, в ней множество слагаемых. В числе составных частей в организме жизни – детство, воспитание, школа, учёба, образование, ещё взросление, семья, работа, служба и др. Словом, в жизни-

объединении охвачено много чего частного и разнородного. Жизнь Пушкина – и есть сам Пушкин, а его жизнь – по сути это он сам.

"Если же путешествовать, то при его склонности к прожиганию жизни – оставаться там, пока будут средства к существованию" [119, 37]. Жизнь в излишестве и расточительстве. Ср.: жизнь в богатстве и роскоши, жизнь в бедности, разное качество в зависимости от степени обеспеченности ресурсами и средствами. "Стихи эти при жизни поэта не печатались" [119, 38]. При жизни <-> после смерти. Жизнь – продолжительность, или процесс, времени от рождения до смерти. Смерть – порог, граница между пространством жизни и небытием.

"Хорват Крижанич... сформулировал пять принципов власти в России, которыми регулировалась жизнь во всех её проявлениях" [119, 42]. Сколько же всех разных проявлений жизни? Попробуй разобраться в этом. Стихию жизни пытаются охватить и обуздать, в каких-то направлениях её укрощают, регулируют, направляют, регламентируют, более или менее успешно, вмешиваясь и в личную сферу жизни. "Пушкин жёг свечу своей жизни с обоих концов" [119, 48]. Жизнь – сгорание, принято проводить сравнение с огнём, с костром, с лучиной. Она также горит, быстро или медленно, излучая тепло и свет вокруг, в конце вся сгорает и исчезает.

"Высказывать публично мнение, официально не принятое, становилось снова опасно. Общественная жизнь ушла в подполье" [119, 55]. Общественная жизнь – политическая деятельность, идеологическая, или партийная, работа, гражданственное служение, не личная и частная жизнь. "Пустыня для Пушкина – не географическое понятие, а синоним провинции, азиатчины, отсутствия интеллигентного общества, информации, светской жизни" [119, 78]. Светская жизнь – внеслужебные отношения в обществе, дружеские взаимоотношения, занятия, досуг.

"Он перестал быть эгоистом и прожигателем жизни: высокая идея освобождения другого народа, угнетаемого не своими, но чужими оккупантами, вдохнула в него новые жизненные силы" [119, 88]. Жизнь – жизненные силы, энергия, потенциал, природные способности и задатки. "О человеке этом мы знаем мало, не знаем ни возраста, ни отчества, ни подробностей его жизни" [119, 96]. Жизнь, может, – общественное положение, занятия, как принято, биографические факты.

"Но цыгане, благодаря своему отказу от оседлой жизни, оказались жизнеспособнее и свободнее, чем коренное население" [119, 96]. Кочевой образ жизни (существования) цыган – и совершенно иная цивилизация. Жизнь в городах и сёлах – оседлость, отличается от древней жизни в постоянном передвижении с места на место, в кибитках и шатрах. "А в жизни он превращался из оптимиста в скептика" [119, 115]. В действительности, в реальности, в самоосуществлении и саморазвитии – или, проще всего, в своей

жизни – люди растут и меняются. "Байронизм – не этап, но вся жизнь Пушкина" [119, 116]. Вся жизнь – жизненный путь, время существования и присутствие на Земле.

"И может быть, главный итог кишинёвской жизни – приход Пушкина (как и Чаадаева) к осознанию порочности не отдельных проявлений власти или жизни в этой стране, но страны в целом" [119, 118]. "Кишинёвская жизнь", "проявление жизни в стране", "жизнь страны" – на первый взгляд, в этих случаях жизнь одно и то же. "Но обида и уныние остаются и после дуэлей, в которых он рискует жизнью" [119, 118]. То есть собой, собственной персоной. Рискуя жизнью и теряя жизнь, – чем же человек рискует, что он теряет? Можно потерять жизнь, ни в коем случае, кажется, нельзя найти её. Жизнь – единичное создание, неповторимое и единственное в мире существо-ценность.

"В Европе горит политический костёр, а здесь вялое тление жизни, и это удручает поэта" [119, 118]. Тихая, медленно текущая, провинциальная жизнь. Общественную жизнь можно сравнить то ли с огнём, пожаром и костром, то ли со свечой и лучиной, она вызывает разные образы-ассоциации. "Живописуя подробности жизни в "густой грязи", когда кареты вязнут, а пешеход лишь на ходулях рискует перейти улицу, Пушкин в главе "Путешествия Онегина" не жалел красок (V. 176-79) [119, 127]. Просто жизнь-обыденность, этакие зарисовки неблагоустроенного быта.

"Жадный пушкинский ум стал развиваться без ограничений, черпать темы, сюжеты, мысли, которые впоследствии поэт использовал всю жизнь" [119, 128]. Всю жизнь – всё время. Не само по себе время в чистом виде, но заполненное человеческой деятельностью. "... скучно, моя радость! Вот припев моей жизни", – тоскует он в письме Дельвигу (X, 58)" [119, 129]. Жизнь – здесь существование и ощущение, больше в эмоционально-психологическом плане. Всякий раз слово используется по-новому, растворяясь и так или иначе переосмысливаясь в контексте.

"Жизнь была беспаспортной" [119, 135]. Такова правовая система в юридическом понимании. Иначе говоря, жили же и обходились как-то люди без паспортов, без прописки. Жизнь – пребывание, обитание в нашей цивилизации, официальная регистрация и учёт граждан. Жуковский писал: "Глупо и низко не уважать жизнь" [119, 218]. Различны отношения к жизни – к себе и другим, здоровью и нездоровью, – отличаются у оптимистов, пессимистов, циников, людей сознательных, решительных, слабых и мнительных.

"Речь идёт о его жизни". "... болезнь эта, слишком запущенная в своей основе, стала угрозой для его жизни" [119, 220], то есть для него. Специальные аспекты понимания жизни существенно расходятся: в медицине одно, в философии другое, в экологии третье, у психологов свой предмет, задачи и интерес. Врачи сосредоточены на здоровье, болезни, дыхании, кровообращении, на физиологии и патологии. "... теперь Лев осложняет поэту

жизнь..." [119, 224]. Здесь положение (социальное), не медицинский план, а житейски-психологический. И неуловимы все смысловые вариации слова, не уточнить и не перечислить всего.

"Вяземский тем самым в письме доказывает, что в России Пушкину жизни нет, и не может быть" [119, 237]. "Покой нам только снится". Полная несовместимость, неприятие, неизбежен разрыв, невозможно примирение, критическое состояние духа. "Они заботятся о жизни моей; благодарю, – но чёрт ли в эдакой жизни?" [119, 238]. Жизнь – политический строй, порядок, режим, правила – связана со здоровьем и со свободой, вольностью.

"... тогда можно будет просить Царя, тогда можно от него ждать для тебя новой жизни" [119, 261]. Жизнь – определяется отношением власти и к власти. Живём в определённом "режиме", что-то предписано нормами словесными, или традициями. "Соболевский вспоминал об их бесшабашной жизни на Собачьей площадке возле Арбата" [119, 278]. Жизнь -> какая же? как? что? где? когда? Много вопросов и ситуаций, отсюда её разнообразие, не просто переживание и проживание лет и дней.

"... цивилизация в первый раз ощущалась нами как жизнь, а не как прихотливый прививок", по выражению Достоевского" [119, 289]. Цивилизация, как и жизнь, является, расцветает, дряхлеет, исчезает. "Больше в этой жизни они не увиделись" [119, 314]. Когда и где – непонятно, и трудно раскрыть смысл, может быть, здесь просто такое усиление и удвоение: сразу же когда и где, никогда и нигде.

"... охранение устоев русской государственной жизни" [119, 329]. Государство (строй) по-своему тоже живёт, действует и охраняет себя. "... глаза и улыбка его заблестали жизнью и удовольствием" [119, 334]. Взгляд светится счастьем, становится живым и выразительным, выдаёт чувства: воодушевление, интерес, подъём, радость. Жизнь – живость, пыл, внутренний задор, энергия. "Снова, как двадцать лет назад, поэт готов послать эту жизнь к чёрту, проститься со всем, что его окружает, и только женские прелести ещё способны скрасить мрак и вызвать чувство симпатии" [119, 354]. То, что окружает, скачивается на жизни, настроении. Окружение составляет часть жизни.

Всего 35 цитат со словом "жизнь" в различных контекстах. Не всегда удаётся просто истолковать его значение. Оттенков значения словоупотреблений много больше, чем самих значений в толковых словарях. Сравним: жизнь поэта, жизнь Пушкина; и уже другое дело, если общественная жизнь, светская жизнь, оседлая жизнь, кишинёвская жизнь, беспаспортная жизнь, новая жизнь, бесшабашная жизнь, русская жизнь, государственная жизнь. Не то же припев, тление, подробности, прожигатели жизни. Рисковать жизнью, заблестали жизнью, использовать жизнь, осложнять жизнь, послать жизнь (всё) к чёрту. Такие сдвиги и колебания смыслов.

От сатиры колючей крохи

"Ибо герой-рассказчик в произведениях Алешковского – всегда бывшая или потенциальная жертва уголовного кодекса, излагающая историю своей жизни именно языком зоны и кодекса, говоря точнее, "тискающая роман" (И.Бродский. Он вышел из тюремного ватника) [14, 9].

В Автобиографической справке Юз Алешковский пишет: "Если бы величайший из Учителей, Александр Сергеевич Пушкин, не научил меня эдак вот мужествовать при взгляде на жизнь прошедшую, то я ни в коем случае не отважился бы самолично знакомить Читателя с небюрократизированным вариантом своей автобиографии". "Откровенно говоря, жизнь свою я считаю, в общем-то, успешной. Но для начала вспомним, что успех – от глагола "успеть" [14, 14]. "Вообще многие наиважнейшие события моей жизни произошли за Уральским хребтом" [14, 15]. Автор не перечисляет их, мол, догадывайтесь сами, за ним право, но вряд ли он совсем уж прав. Трудно угадать и раскрыть образ и смысл чужой жизни. И там же находим довольно странное для успешного писателя неуклюжее заявление: "Честно говоря, если бы я имел в 1929-м какую-нибудь информацию об условиях жизни на Земле и если бы от меня лично зависело, быть или не быть, то ... не знаю, какое принял бы я решение". Принимает-то решение Случай.

"Я был весельчаком, бездельником, лентяем, картёжником, жуликом, хулиганом, негодяем, курильщиком, беспризорником, велосипедистом, футболистом, чревоугодником, хотя всегда помогал матери по дому, восторженно интересовался тайной деторождения и отношения полов, устройством Вселенной, происхождением видов растений и животных и природой социальных несправедливостей, а также успевал читать великие сочинения Пушкина, Дюма, Жюль Верна и Майн Рида. Может быть, именно поэтому я ни разу в жизни своей никого не продал и не предал" [14, 15]. Успел и испытал он, видать, немало, сколько пережито чувств и ролей.

"И тут началась основная моя жизнь" (Николай Николаевич) [14, 60]. По его мнению, у человека, выходит, есть разная жизнь, основная и не основная. Интересно, в каком же это смысле "основная"? Какие критерии, как отличить и определить, когда она насколько важна. По-моему, каждая фаза (этап, срез) жизни в чем-то по-своему значима. Конечно, продуктивность возраста может быть разная, ну и что из того следует? Мы так говорим, механически, но часто это ещё ничего не значит. И всё же вроде бы неравноценны дни (как и годы?) нашей жизни, по смыслу, наполнению и по содержательности. Иногда больше удачи и меньше горя. Ну и что из того? Нет у нас второстепенной жизни, следовательно, нет и основной. Одного без другого нет.

"... вот, бабка, есть у меня друг. Знаешь, чем на жизнь зарабатывает?" (Николай Николаевич) [14, 66]. Все мы работаем где-то, в разных местах,

на всяких должностях, чтобы как можно лучше обеспечить себя и семью средствами для существования. Хорошо, когда заработков и доходов хватает. Жизнь (расходы на питание, плата за квартиру и обслуживание, транспорт, связь) имеет обыкновение дорожать, нередко людям приходится, как говорится, сводить концы с концами или жить в долг. Как правило, в столицах и больших городах жизнь относительно благоустроенней, однако напряжённее и дороже, чем в провинции и сельской местности.

"А главное, все они стараются так прилгать, чтобы казалось нам самим и в ЦК: ох и приличная жизнь в Советской нашей стране" (Николай Николаевич) [14, 70]. Жизнь – благосостояние народа. Чтобы внушить своему населению мысль о том, что у нас всё хорошо, надо повторять и приводить примеры, насколько у других, соответственно, ужасно и плохо, почаще показывать и рассказывать о чужих безобразиях, недостатках и трудностях. Пропаганда, как и внушение, сказывается на восприятии света и своего состояния.

"А чего я, Коля, добился? Стала мне понятней тайна жизни? Нет, не стала. Наоборот! Я скажу тебе по секрету, Коля, – академик зашептал мне в ухо свой жуткий секрет. – Я считаю, что не зря жил и трудился в науке. Мне, слава богу, стала окончательно непонятна тайна жизни, и я уверен: никто её не поймёт" (Николай Николаевич) [14, 72]. Ключевая для нас фраза, хотя и сказана мимоходом, автор как бы проговорился, но это очень серьёзно, секретная информация: мир таинствен, окончательно и полностью не познаваем, навсегда оставаясь поводом для развития, поиска и умствования.

"Сучий мир! Во что превратили жизнь нормального человека!" (Кенгуру) [14, 84]. Мир и человечество, пока живы, растут, развиваются, преобразуются, всё становятся и обустройстваются. Можно по-разному относиться к внутренней перестройке нашего мира, воспринимая свою жизнь, собственно, себя в этой жизни, с восторгом и радостью или же с унынием и негодованием, это зависит от человека. Хотя нашу Землю заселяет буйство, многообразие и разноцвет.

"Вся моя жизнь была подготовкой к зверскому убийству невинного животного, убийству к тому же лагерному, потому что зоопарк – не что иное, как лагерь, он же закрытка, он же централ, он же БУР, он же ЗУР, он же пожизненный кандей бедных и милых птиц и зверей, сотворённых Богом для существования на вечной свободе" (Кенгуру) [14, 87]. В памяти читателей волей-неволей остаётся какой-то след – запись и внушение – от явленной мысли и утверждения: Бог сотворил мир, жизнь и свободу, грехи наши приводят к изоляции, тюрьме и смерти. Зло противостоит и борется с Добром, но у нас должен быть выбор и выход.

"И подход тот нищий от голода, холода и струпьев, потому что он не хотел и не умел зарабатывать себе на жизнь, а ждать милостыньку было ему лень" (Кенгуру) [14, 114]. Безусловно, известно всем, чтобы жить на нашем

свете, в современной цивилизации, человеку надо хотеть и уметь, т.е. научиться, зарабатывать себе на жизнь. Безработным и необеспеченным людям, особенно больным и инвалидам, в нашем обществе приходится особенно туго. Для поддержания жизни необходим определённый социальный минимум и, конечно, режим и навик.

"Пожил я немного своей жизнью" (Кенгуру) [14, 136]. Как же это? Выходит, что не всегда так случается. Вопреки своей воле, приходится жить, или вести себя в обществе, по чужой указке, всё не так, ребята, как тебе самому хотелось бы. Современный человек в гражданской среде и окружении находится в зависимости от установлений, правил поведения и социальных норм общежития. Подчиняясь строгим законам и императивам, не мешай жить другим, пусть это не всегда просто.

"Они с надеждой ждут того часа, когда и в их странах пролетариат, взявший власть в свои руки, заложит фундамент новой жизни. Жизни, в которой уже не будет места преступлениям, где восторжествует, товарищи, Наказание с большой буквы!" (Кенгуру) [14, 139]. Здесь жизнь – общественный строй, режим. Средневековое мышление и странное пожелание государственного террора. Жизнь, очевидно, ничему не учит таких социалистов, утопистов и идеалистов. Хотя поощрение невольно тянет за собой наказание, как прибыль и убыль, плюс и минус, да и нет, такое раздвоение мира понятий.

"... понял бы, что именно на моей совести кровь и загубленные жизни миллионов людей" (Кенгуру) [14, 176]. Очевидно, что жизнь человека (людей), как и многих других живых существ, есть наиважнейшая и высшая ценность в этом мире и потому как бы сама сердцевина человека, само существо. Современная гуманистическая культура испытывает подлинно религиозное благоговение перед мирозданием, природой и духовной жизнью. Вожди и власти привыкли распоряжаться и манипулировать чужими жизнями. За жизнью тенью следует смерть.

"Тут, Коля, вспомнил я, как пожалел клопа и посадил его к Зойке перед уходом на Лубянку. "Живи, – сказал я ещё тогда, – ведь жить тебе, клоп, положено пятьсот лет". Вот он и нашёл себе подружку, или она его нашла, расплодилось, допекли Зойку. Значит, продолжалась тут без меня жизнь" (Кенгуру) [14, 224-5]. В коммунальной квартире развелись насекомые, живут себе паразиты у хозяев-людей, последним, конечно, мало удовольствия. По-своему живут люди – их жизнь, и по-своему паразитируют клопы – и тоже жизнь, особенная и совместная. Жизнь-симбиоз имеет сложное обустройство и коллективную организацию.

"Но чтобы ты лучше разбирался в деталях нашенской жизни, я тебе сболтну пару военных тайн" (Маскировка) [14, 239-40]. Общественная жизнь сложно устроена и организована, не сразу заметишь и вникнешь во все несуразности, без опыта не разберёшься во всех её лабиринтах, частностях и под-

робностях. Жизнь складывается из социальных связей и отношений, событий и случайностей, а также принятых норм – надстройкой над ней.

"Как спутник американский пролетает над Старопороховом, так у наших гастрономов очереди выстраиваются, вроде бы мясо, масло и колбасу дают ..., грузины гвоздику продают, блюда куда-то бегут за дублёнками, в парках драки, в баньках парятся, театры, конечно, танцульки, – одним словом, видимость жизни заделывается, маскировка, братец, маскировка!" (Маскировка) [14, 240-1]. Очевидно, может быть действительная и полноценная жизнь, а бывает эрзац, подделка, вроде бы и как бы жизнь, внешняя форма, только фикция и одна видимость. Не так просто бывает разобраться в содержании и качестве жизни или же квази-жизни.

"Жизнь между тем, братец, в Старопорохове продолжается. Земляки по-прежнему маскируются" (Маскировка) [14, 252]. Люди борются за своё благополучие, против многочисленных врагов, играют разные роли, разыгрывают сценки, притворяются, лгут, изгаляются и изощряются, участники фестиваля и парада обряжаются, гримируются и маскируются, у каждого свой образ жизни и стиль, манера поведения. Представление и спектакль жизни всё развёртывается и продолжается. Ложь и сокрытие, или маскировка – необходимейший элемент борьбы и защиты, жизни и выживания.

"Но я не об этом сейчас, не о разоружении. О нём пускай Сахаров думает. Я с жизнью своей хочу разобраться" (Маскировка) [14, 252]. Иначе говоря, надо разобраться самому с собой, подумать и что-то понять, что там происходит в личной жизни и творится в собственной душе. Всё ради очищения совести, преодолевая душевные муки и внутреннюю борьбу. Жизнь человека разнопланова: есть среда, окружение, внешние связи и особый духовный мир, там прячется и терзается совесть, конечно, если она есть у человека, где-то таится душа, воля и дух жизни.

"Дар псов бездомных забит самой жизнью: поисками объедков, спасительной – в жарницу – тени, согревающего – в холодрыгу – прибежища" (Блошиное танго) [14, 287]. Пища и кров (тепло) составляют важнейшее условие выживания и существования на Земле всего животного царства, людей и младших братьев, домашних животных и диких зверей. "Собачья жизнь" по традиции всегда кажется суровой и неприглядной, нечего завидовать. В то же время лучший друг человека, оказывается, одарённое существо, одно из талантливых созданий природы и культуры. Мы живём сообща и солидарно, и каждый своей отдельной жизнью.

"... духовная жизнь огромной нации, точнее говоря, многих наций, составляющих, иногда не по своей воле, необозримую нашу Империю, далеко, знаете ли, не фабрика, не помещичья усадьба, не банковское учреждение и не свободный рынок – духовная жизнь нации продолжает трепыхаться" (Блошиное танго) [14, 300]. Как видим, не так просто объяснить, опре-

делить и раскрыть смысл духовной жизни. Вроде бы понятно, и в то же время недоступна суть. Типичная идеологическая ситуация отвлечённости: понимание есть непонимание, о чём бы ни шла речь, о жизни, смерти, материи, духе, народе и национальности. Поскольку идея по самой сути продолжительна – она бесконечна, небесспорна и неустойчива.

"Несколько дам – отвратительные хозяйки, о чём сами совсем ещё не подозревают, выпячивая на первый план романтику турпоходов, доставание билетов на всякие зарубежные кинофестивали и тягу к независимой половой жизни" (Блошиное танго) [14, 302]. Определение жизни – половая, брачная, сексуальная – здесь существенно сказывается на значении и толковании обоих данных слов в словосочетании. Жизнь – уже не совокупно жизнь, но акт, совокупление, сношение, отношение, такая вот односторонность и сужение значения, и резко меняется ракурс и план.

"... одним словом – уравновесите свою эмоционально-душевную жизнь в сторону некоторого равнодушия к неразрешимым, в сущности, нравственным проблемам и успокоения слишком уж дезориентированной своей совести". "Надо вам, Сергей, сбалансировать как-то эмоциональную жизнь с помощью новейших транквилизаторов. Я готов это устроить" (Блошиное танго) [14, 311]. Жизнь наша, так или иначе, связана со здоровьем, с состоянием организма, с теми или иными её системами. В наше время слишком велика нагрузка на эмоциональную сферу личности, и в результате широкое распространение наркомании и алкоголизма. Нервные и психические заболевания и расстройства, неврозы и психопатия, в значительной мере усложняют положение дел всей европейской цивилизации и снижают качество жизни в современном индустриальном обществе. Что такое духовная жизнь?

"До приезда её я возненавидел себя ещё пуще как жалкое, никчемное, туповатое создание природы, вызванное к жизни слепым постельным случаем" (Блошиное танго) [14, 332]. Тут невольно возникает вопрос о происхождении человеческой жизни и о том, насколько личная жизнь в природе случайна или же, напротив, она закономерна, обусловлена и оправдана. Жизнь человека таинственна и во многом даже чудесна, поэтому понимание истоков её недоступно. Дело ведь вовсе не в том, чтобы признать живое существо (жизнь) созданием природы или творением Бога, в общем два равноценных мнения и предположения.

"Всё равно нет жизни на Земле, а наличествует повсюду обворожительная и коварствующая фикция прогресса" (Блошиное танго) [14, 339]. Подчас мы по-разному представляем себе, что такое действительно жизнь и что такое действительная жизнь. То ощущают в ней радость, свободу и волю, действительность и реальность, то улавливают в первую очередь мираж, выдумку, ложь и социальные пути, так что нечем дышать человеку. Трудно бывает договориться, поняв друг друга, антиподам, оптимисту и

пессимисту, их разделяют разные ощущения и восприятия реальности, жизни, а не представления, не фикции.

"Сказал, что желаю пройтись пешёчком по знакомым мостовым и объять восторженной душою весь букет бытия" (Блошиное танго) [14, 363]. "Букет бытия", "объять восторженной душою" – высокий слог, не слишком ли красиво о впечатлении от городской прогулки, любопытстве и глубоком вдыхании чистого воздуха после камеры? Вожделенная свобода – вот почему хочется говорить манерно и возвышенно. Тем не менее, если уж вся жизнь в целом, такое вот многообразие, то пусть будет "букет", этого даже, пожалуй, маловато, как и целый цветник.

"Жизнь в этом смысле бесконечно милосердна... Всем находится в ней место – уродам, курьерам, стеклодувам, генералам, бактериологам, говночистам, Горбачёвым и так далее" (Блошиное танго) [14, 383]. Жизнь бесконечна, необозрима и неохватна, многопрофильна и разнообразна, и как средство, механизм, и по содержанию. Ещё как область и сфера, как вместилище, или пространство существования, природное, физическое, социальное, культурное и духовное.

"Жизнь прожита зря. Пора подводить итоги, маршал" (Синенький скромный платочек) [14, 408]. Рано или поздно, сколько бы ни длилась, жизнь человека, как и любого живого существа, она прекращается, заканчивается. У каждой твари свои природные пределы. Конечно, не все склонны философствовать и размышлять над смыслом своей и всеобщей жизни. Тем более далеко не все способны расщелкаться с миром.

"Но во мне-то тогда силёнок было, маршал, на две-три жизни" (Синенький скромный платочек) [14, 416]. Жизненные силы, заряд или энергия, отличают по физическим данным разных людей, составляя их врождённое, или родовое, свойство. Потенция задана, записана в генетическом коде и передаётся по наследству потомству. В одних семьях рождаются энергичные натуры, в других же появляются слабые типы, в третьих – вырождающиеся. Есть сильные люди, есть слабые и нежизнеспособные, очень разные задатки и предпосылки жизни, конечно, в решающей мере зависит от предков и родителей.

"... и пою, и внятно жаль мне Лёню, и небо чернеющее, и себя – калеку, и Нюшку, Настеньку, Анастасию – жену молодую, не пробованную как следует: двух дней не дал пожить Вступякин, военком проклятый, и гораздо больше, чем всех, жизнь мне вообще жаль, всю жизнь, что мы, людисволочи, делаем с нею, во что мы поле превратили, зачем хлеб несжатый с костями смешали мы, с кровью, с плотью, с землёй, зачем синенький скромный платочек, Господи, прости и помилуй, падал с опущенных плеч ... строчит пулемётчик за синий платочек ... идёт война народная священная война-а-а..." (Синенький скромный платочек) [14, 429].

"Поделись, говорю, Машка, жизнь и во мне надо срочно поддержать. Подносит в зубах" (Синенький скромный платочек) [14, 435]. Говорит это тяжело раненый и голодный солдат собаке. Преданный друг поможет выжить. Чтобы жить, организм должен получать поддержку и необходимое пропитание. Механизм жизни держится на энергетическом обмене веществ. Что-то способствует продолжению жизни и поддерживает её, что-то блокирует или останавливает, прекращает. Не всё нам известно о жизни, но кое-что мы всё же понимаем в ней.

"От рук врачихиных, как вода в горло, жизнь в меня тогда возвращалась" (Синенький скромный платочек) [14, 445]. По-разному чувствуем и понимаем жизнь. Очевидно, подчас она воспринимается нами как дух, некая энергия в себе, сила, способность. А ещё жизнь – это творческий дар, сообщение и достояние извне. Болезнь же – это временное состояние нарушения, ослабления каких-то внутренних и внешних связей и упадка жизни.

"... жалко смотреть на спивающийся народ, калечащий жизнь жён и детишек" (Синенький скромный платочек) [14, 483]. Важный и расхожий социальный взгляд на положение вещей.

"Всю, говоришь, отдал ты жизнь в борьбе за счастье советских людей, неуклонно проводя через них твёрдую линию марксизма-ленинизма, и за это самое побрякушки сам себе навешиваешь на выпяченную грудь". "Кажется, маршал, нет на земле человека, довольного своим местом в жизни" (Синенький скромный платочек) [14, 498]. Не слишком ли жёсткий принцип и оценка в рассуждении. Пожалуй, явное преувеличение, просто автору так показалось в какой-то миг отчаяния, почудилось. По-моему, жизнерадостных людей, удовлетворённых жизнью, вокруг нас сколько угодно, во всяком случае вполне достаточно в мире оптимизма, впрочем, и пессимизма. Всем бывает то хорошо, то плохо, настроение и мнение изменчивы, благо-расположение зависит от положения, от состояния и много чего другого.

"Господи ... жизнь ведь была у меня, несмотря на втупякинскую власть ... была, потому что сильнее она Втупякина, и будет жизнь – если не для меня, то для других женщин и мужчин, сколько бы ни отвлекал от неё Втупякин горловыми, натужными зазывами вперёд – в пропасть зловещую ... по краю пропасти дружной кучкой идут, крепко взявшись за руки, Ленин с дружками безумными" (Синенький скромный платочек) [14, 508]. На пути жизни твоей постоянно встречаются разные помехи, мелкие, повседневные и громадные, не изживаемые никак и неустранимые. Жизнь наперекор и вопреки препятствиям и трудностям, а государственная власть есть форма организации, связанная с насилием и угнетением.

"Если выпало нам счастье и радость унаследовать жизнь, то как же, унаследовав её, оставить себе в долю лишь сладкие милости, а накопленные

за долгие грешные века неприятности отделить от судьбы частной и общих судеб?" (Синенький скромный платочек) [14, 509].

"Первая мировая и Гражданская перемешали классы, народы и более мелкие социальные слои, прослойки и прослоечки (многие из которых в прежней жизни могли не иметь ни одного прямого контакта) до такой степени, что разделить их обратно не удалось бы и при самом благоприятном повороте истории" (А.Битов. Повторение пройденного) [14, 565]. "Радость жизни – основная моральная ценность, по Алешковскому. Извращается жизнь – извращается и ценность" (А.Битов. Повторение пройденного) [14, 569].

Мы разобрали связный текст на такие вот отдельные кирпичики. Разрушился сюжет, исчезли связи, и получилась в результате некая россыпь фраз и авторских мыслей вокруг занимающей нас темы слова, слога и жизни. Мы все рано или поздно задумываемся, когда сообщаем или в молчании и пусть по-своему, над животрепещущим и религиозным смыслом вечности и бытия, нашего присутствия на грешной земле и соучастия в брэнной жизни, в той или иной деятельности.

Взгляд на историю

"А кроме того, тут возникает ещё одна трудность, – трудность определения значимости событий. Какое мерило должны мы применить для этого? Разве не ясно, что многое будет зависеть от того, как мы посмотрим на вещи? С одной точки зрения то или иное событие может показаться важным, а подойдёшь к нему с другой, и оно теряет всякое значение и представляется банальным" [225, 63].

"А река Нил с начала писаной истории, то есть вот уже 7 или 8 тысяч лет, даёт Египту жизнь. Всё сельское хозяйство Египта и всё его существование зависят от ежегодных разливов Нила, приносящих в Египет с Абиссинского нагорья плодородный ил, который превратил пустыню в богатые и тучные земли. Лорд Милнер...: "Неприятно думать, что регулярное поступление воды великой реки, которое для Египта является вопросом не удобства и процветания, а самой жизни, всегда будет стоять под угрозой, пока верхнее течение реки не будет находиться под контролем Египта" [225, 138].

"В основном её населяли кочевые племена – их называли бедуинами, – которые передвигались по пескам пустыни на своих быстрых верблюдах – "кораблях пустыни" – и на спинах прекрасных арабских коней, известных всему миру. Они вели патриархальную жизнь, мало изменившуюся за тысячу лет. Но всё это изменила [первая] мировая война, принеся миру также множество других изменений" [225, 172].

"...и почти все организованные рабочие страны повсеместно прекратили работу. Жизнь страны почти замерла, железные дороги не работали, га-

зеты не печатались; большинство других видов деятельности было парализовано" [225, 214].

"Современный мир становится – и в значительной мере уже стал – единым целым; это значит, что жизнь людей, деятельность людей, производство, распределение, потребление и т.д. имеют тенденцию обрести международный характер и всемирный масштаб и данная тенденция проявляется всё сильнее. Торговля, промышленность, денежная система также в значительной мере приобрели международный характер. Между различными странами существует теснейшая связь и взаимозависимость, и событие, происшедшее в одной из них, сказывается в других" [225, 216].

"Есть много признаков, по которым человеческие существа могут быть разделены на группы, или классы. Применив один из возможных признаков, мы получаем два класса: класс "дрейфующих", то есть людей, почти не имеющих собственной воли и допускающих, чтобы их несло по течению, подобно соломинке на поверхности воды, и класс людей, которые стараются играть в жизни действительную роль и оказывать влияние на их окружение. Для людей этого класса знание и понимание имеют очень важное значение, ибо эффективная деятельность может базироваться только на них" [225, 220].

"В статье в "Итальянской энциклопедии" Муссолини утверждает: "Фашизм не верит в необходимость и полезность постоянного мира. Поэтому он отвергает пацифизм, скрывающий под личиной жертвенности отказ от борьбы и неодолимую трусость. Война, и только война, доводит человеческую энергию до максимального напряжения и накладывает отпечаток своего благородства на те народы, которые имеют мужество прибегать к ней. Все другие испытания суть суррогаты: они не ставят человека перед выбором между жизнью и смертью" [225, 246].

"Люди начали контролировать и эксплуатировать силы природы, не имея ясного представления о том, какова цель их жизни и какой она должна быть" [225, 301]. "Прежде чем мчаться вперёд в нашей мощной автомашине, мы должны знать, куда нам ехать. Нам нужно, иными словами, иметь известное представление о том, что должно являться целью и содержанием нашей жизни. Великое множество людей не имеют сегодня такого представления, и никто из них не беспокоится по этому поводу. Они живут в век науки, но идеи, владеющие ими, и их действия принадлежат давно минувшим векам" [225, 302].

"Ещё меньшими микрочастицами являются позитроны, нейтроны и дейтроны; средняя продолжительность жизни позитрона измеряется примерно миллиардной долей секунды! Вся эта система похожа на беспрерывно вращающиеся в пространстве планеты и звёзды, но воспроизведённые в бесконечно малом масштабе" [225, 303].

"Прогресс науки, – говорит Эддингтон, – следует измерять не числом вопросов, на которые мы способны ответить, а числом вопросов, которые мы способны задать". Может быть, это и так, но всё же наука даёт ответы на всё большее и большее число вопросов и помогает нам понять жизнь, а следовательно, предоставляет нам возможность – если только мы захотим ею воспользоваться – зажить лучшей жизнью, направленной на достойную цель. Наука освещает неясные стороны жизни и делает нас способными видеть реальность, а не смутную неразбериху, создаваемую фантазией и глупостью" [225, 307].

"За всем этим стояла исключительно философия насилия. Оно не только восхвалялось и поощрялось, но объявлялось долгом человека. Выразителем этой философии был знаменитый немецкий философ Освальд Шпенглер. Человек, говорит он, "хищный зверь, храбрый, хитрый и жестокий". "Идеалы – это трусость"... "Хищное животное есть высшая форма подвижной жизни". Он упоминает о "беззубом чувстве симпатии, стремлении к примирению и покою", а также о "ненависти, самом подлинном из всех чувств породистых хищников". Человек должен быть подобен льву, который никогда не потерпит равного себе в своём логове, а не смирной корове в стаде, которое гонят куда угодно" [225, 368].

"Он [Рузвельт] предпринимает смелую попытку продлить жизнь капитализму" [225, 391].

"Их социализм слишком увяз и запутался в капиталистической системе. Им доставалась небольшая доля плодов эксплуатации колониальных стран, чтобы обеспечить более высокий уровень жизни. Социализм превратился в далёкий идеал, в своего рода небеса, о которых мечтают, в грядущее, но не настоящее" [225, 394].

"Писание писем – нескончаемая вещь. Писать письма можно без конца, пока выдерживают перо, бумага и чернила. И писать о мировых событиях можно также бесконечно, ибо мир наш неуклонно движется дальше, а мужчины, женщины и дети в нём смеются и плачут, любят и ненавидят и сражаются друг с другом, не переставая. Это рассказ, который всё продолжается и продолжается и не имеет конца. А в то время, в которое мы живём, жизнь течёт, кажется, быстрее, чем когда-либо прежде, темп ускоряется и изменения быстро следуют одно за другим. Даже пока я пишу, она уже меняется, и то, что я пишу сегодня, возможно, уже устареет завтра и станет далёким и даже неуместным. Река жизни никогда не останавливается, она неуклонно течёт, а порой, как теперь, устремляется вперёд безжалостно, с демонической силой, игнорируя наши маленькие воли и желания, жестоко высмеивая наши маленькие "я" и кидая нас в разные стороны, подобно соломинке в бурных водах, – она течёт всё вперёд и вперёд, и никто не знает куда – к глубокой ли пропасти, куда она низвергнется, разбившись на тысячи кусочков, или к ог-

ромному и загадочному, спокойному и величавому, вечно меняющемуся и уже неизменному морю" (7 августа 1933 года) [225, 400].

"Мир превратился в одно неделимое целое, каждая часть которого влияет сама и испытывает влияние других. Теперь совершенно невозможно иметь историю какой-либо одной, отдельно взятой нации" [225, 416]. "Если ты хочешь узнать прошлое, ты должна смотреть на него с симпатией и пониманием. Чтобы понять окружающую его обстановку, условия, при которых он жил, идеи, занимавшие его" [225, 420].

"Наш ум полон бесчисленными картинами из галереи истории: Египет, Вавилон, Ниневия, древние индийские цивилизации, приход ариев в Индию и их распространение по Европе и Азии, чудесная летопись китайской культуры, Кносс и Греция, императорский Рим и Византия, победный марш арабов через два континента, возрождение индийской культуры и её упадок, цивилизация майя и ацтеков в Америке, о которых известно так мало, обширные завоевания монголов, средние века в Европе с их изумительными готическими соборами, приход ислама в Индию и Империя Моголов, Ренессанс науки и искусства в Западной Европе, открытие Америки и морских путей на –Восток, начало агрессии Запада на Восток, появление большой машины и развитие капитализма, распространение индустриализации, европейское господство и империализм и чудеса науки современного мира.

Расцвет и падение великих империй были забыты человеком на тысячелетия, пока их остатки не были найдены терпеливыми исследователями под покрывшими их песками. И всё же многие идеи, многие фантазии пережили эти империи и оказались более прочными и стойкими, чем империи" [225, 420-1]. "Ибо история учит... Что жизнь богата и разнообразна, и хотя в ней много болот, и топей, и грязных мест, но есть в ней и великое море, и горы, и снег, и ледники, и чудесные звёздные ночи (особенно в тюрьме!), и любовь семьи и друзей, и товарищество тех, кто трудится во имя общего дела, и музыка, и книги, и царство идей" [225, 423].

"Опасность на расстоянии кажется ужасной, но она не так страшна, если смотреть на неё вблизи. А часто она является приятной спутницей, усиливая остроту и радость жизни. Обычное течение жизни порой становится скучным, и слишком много явлений мы принимаем как нечто само собой разумеющееся и не находим в них радости. Но как мы начинаем ценить эти обычные явления жизни, когда проживём без них некоторое время! Многие люди взбираются на высокие горы, рискуя жизнью, ради самой радости восхождения и ради веселья и душевного подъёма, который наступает после преодоления трудностей и опасностей; а поскольку опасность витает над нами всё время, их чувства обостряются, радость жизни становится сильнее, когда жизнь висит на волоске" [225, 423].

Загадки истории

"Но всё это вовсе не означало, что фараон вёл почти небесную жизнь" [250, 8]. "При этом правитель вовсе не вёл жизнь расточительного деспота, какую можно было встретить при мамелюках в мусульманском Египте" [250, 8]. "Так владыка мог царствовать десятки лет, если, конечно, не случался заговор, после чего бразды правления брал в свои руки либо сам заговорщик, либо наместник, назначенный ещё при жизни фараона" [250, 8]. "Под "всеми необходимым" подразумевалось абсолютно всё, чем покойник пользовался при жизни – жилище, пища, средства передвижения, знаки царской власти и т.д." [250, 9]. "Как правило, место своего будущего захоронения царь выбирал при жизни сам" [250, 11]. "При нынешнем состоянии наших знаний мы можем с уверенностью сказать только одно: единственным примечательным событием его жизни было то, что он умер и был похоронен" [250, 15]. "В последнее мгновение жизни умирающий лорд сказал, обращаясь к жене: "Ну вот, всё наконец завершилось. Я услышал зов, он влечёт меня" [250, 20].

"С этого момента начинается совершенно иная жизнь загадочного полотно, которое вызывало огромный интерес не только у историков-религиоведов, но и у многих миллионов людей, верующих в Христа" [250, 37]. "Её таинственное свечение ставит вопросы о происхождении и жизни исторического лица – Иисуса из Назарета" [250, 50].

"...хочется знать ответ на сакраментальный вопрос чудаковатого лектора из комедийного фильма "Карнавальная ночь": "Есть ли жизнь на Марсе?" [250, 76]. "В 1698 году Гюйгенс высказывает предположение о возможности жизни на других планетах и определяет условия, необходимые для её возникновения. Это была одна из первых публикаций о внеземных формах существования живой материи" [250, 77]. "Единственным местом, где имеются запасы воды и откуда её можно получить, являются "полярные шапки"; отсюда весь уклад жизни марсиан подчинён одной цели – обеспечению планеты животворной влагой" [250, 81]. "На самом деле то, что мы видим с Земли, – это полоса орошённой и покрытой растительностью почвы; посредине её проходит узкий настоящий канал, поддерживающий жизнь на более или менее широком пространстве" [250, 83].

"Предполагалось также, что станция сделает снимки с помощью узкоугольного объектива с разрешающей способностью около полутора метров, что позволило бы без посадки на планету обнаружить следы любых форм жизни, если они когда-либо существовали" [250, 88]. "...если когда-то на Марсе и были вода, воздух, текли реки, о чём свидетельствуют высохшие русла, предположительно ключом была жизнь, то в настоящий момент никаких условий для жизни человека на Марсе, скорее всего, нет" [250, 91].

"Логично также предположить, что и в нашей Солнечной системе, возможно, и на других планетах, в частности на Марсе, были условия для возникновения жизни" [250, 91]. "Любопытно, что ещё за год до этого любая попытка обсуждать возможность биологической жизни в нынешних, крайне недружелюбных, условиях среды была бы сочтена крайне безответственной и даже еретической" [250, 92].

"Однако полученные свидетельства о наличии воды не только на холодных полюсах, но и на относительно тёплом экваторе, а также убедительные признаки метана в атмосфере превращают некогда одиозную тему о жизни на Марсе в предмет серьёзных научных дискуссий" [250, 92]. "Более того, если под поверхностью действительно есть жидкая вода, то там вполне может существовать и бактериальная жизнь, производящая метан и другие газы, которые проникают на поверхность планеты и в атмосферу Марса" [250, 93]. "Интересно отметить, что взгляды Формизано на проблему за год явно претерпели существенные изменения – от сдержанного скепсиса до убеждённости в обнаружении признаков биологической жизни на Марсе" [250, 93]. "Предполагается, что его наличие (формальдегида. В.Л.) можно объяснить лишь одним – присутствием на Марсе жизни" [250, 93].

"По ряду известных только НАСА причин ныне работающая на поверхности Марса экспедиция роботов-исследователей не оборудована приборами для поиска признаков жизни. Такого рода оборудование было на самых первых американских посадочных модулях "Викинг" в 1976 году, но результаты трёх разных экспериментов были сочтены неоднозначными, и с тех пор НАСА постоянно откладывает поиск жизни "на потом" [250, 93-4].

"И всё же вполне возможно, что уже к концу текущего десятилетия человечество всё-таки получит убедительный ответ на давно волнующий его вопрос о жизни на других планетах" [250, 94]. "А если это так, то проблема жизни на Марсе, уточнённая подтверждёнными данными, пока ещё остаётся вне зоны отчётливой видимости" [250, 94]. Скептики, "как и прежде, не питают особых надежд на то, что в скалах или высохших морях этой планеты найдётся какая-то жизнь или остаток жизнедеятельности организмов" [250, 101]. "Моряки и лётчики, связавшие свою жизнь с деятельностью в этом районе, не раз были свидетелями мощнейших магнитных бурь" [250, 124].

"Гидросооружения древних насканцев свидетельствуют о том, какое большое значение в их жизни имела вода" [250, 132]. "До этого Косок занимался изучением Месопотамии, в частности той роли, которую играла ирригация в жизни древних народов" [250, 134]. "Посвятив всю жизнь пустыне, она упорно боролась за то, чтобы сохранить эту жемчужину древности в первоизданном виде" [250, 138]. "Дом, где она провела лучшие годы своей жизни, ныне превращён в музей" [250, 139]. "В течение десяти по-

следних лет жизни Марии Райхе она (Виктория Никитцки. В.Л.) была её самой близкой подругой и единомышленницей" [250, 139].

"Вот что писал в своей знаменитой книге "Вселенная, жизнь, разум" классик науки о внеземных цивилизациях член-корреспондент АН СССР астрофизик Иосиф Шкловский..." [250, 201]. Генри Джеймс: "В Стоунхендже есть что-то величавое и успокаивающее, и если вы склонны думать, что жизнь неглубока, эти мрачные столпы напомнят вам о неизмеримой глубине Времени" [250, 202]. "Бог не может допустить несправедливости, а значит, жертва несправедливого заговора либо воскреснет, либо каким-то чудесным образом вернётся в мир, чтобы совершить возмездие и повести людей, подобно Моисею, к лучшей жизни" [250, 205-6].

"Романовский период в жизни будущего самозванца, однако, даром не прошёл" [250, 219]. "Позже он поведает полякам, что тайну рождения открыл ему "верный друг", которому он служил до пострижения и чья опала вынудила его "вести жизнь монашескую" [250, 220]. "Потерпев фиаско на службе у Романовых, Отрепьев поразительно быстро приспособился к новым условиям жизни" [250, 220]. "Но Григорий со слезами на глазах рассказал ему о трагических обстоятельствах жизни царевича, показал крест с дорогими камнями, якобы данный ему в знак благословения боярином Мстиславским, его крестным отцом" [250, 223].

"Дело, видимо, в самом менталитете нации, которая как четыреста лет назад, так и сейчас, всё ещё пребывает в поисках такой государственности, которая разрешила бы главную дилемму: личность и власть, сила жизни и сила державности. Но наступит ли когда-нибудь такая гармония?" [250, 232]. "Почему же Шекспир так знаменит? Что он дал роду людскому, постоянно мятущемуся в поисках смысла жизни и пребывающему между войнами, потрясениями, крушениями империй, неустроенностью, соблазнами и, конечно же, грустным осознанием временности своего пребывания на земле" [250, 233]. "Главный же тезис всего творчества заключён в его гуманистическом начале, и всё это в сочетании с противоречиями, которыми, как тогда, так и сейчас, пронизана вся жизнь человеческого сообщества" [250, 235].

"В начале пути отчётливо прослеживались несколько иные смысловые линии, Шекспир очень чётко чувствовал комические, фарсовые и драматические несообразности жизни" [250, 235]. "Зрелый же Шекспир тяготеет к героическому и комическому, явно оставаясь на стороне тех, кто, несмотря на суровую правду жизни, сохраняет романтические представления об отношениях между людьми" [250, 236]. "Всё дело в скудости биографических данных о жизни и творческой деятельности Великого Барда, которые по большому счёту укладываются всего в несколько строк, а потому-то их и биографией назвать трудно" [250, 237].

"Любопытно и другое: ни о стратфордской, ни о лондонской жизни драматурга сведений никаких не сохранилось, за исключением расписок его должников и завещания, которые до сих пор вызывают недоумение критиков" [250, 239]. "К сожалению, биографам ничего не известно о его реальной жизни в Лондоне" [250, 242]. "Что заставило его вернуться? <...> Философическое умонастроение на закате жизни и сознательное направление её в новое русло?" [250, 243]. "Так или иначе, доживать последние годы жизни Шекспир-Шекспер вернулся в Стратфорд, город, который даже не встрепенулся при появлении столичного драматурга" [250, 244].

"Поэтому особенной иронией судьбы было то, – справедливо замечает один из новейших биографов Шекспира Э. Кеннел, – что непроницаемая завеса скрыла столь многие стороны его жизни и труда и что там, где он ближе всего подходит к сознательному самовыражению, результат, которого он достигает, ныне кажется наиболее скрытым" [250, 249]. "Этим широко пользуются нестратфордианцы, постоянно превращая поэтические иносказания в намёки на обстоятельства жизни своего кандидата в Шекспиры" [250, 249]. "Жизнь Марло была связана с периодическими исчезновениями из поля зрения друзей, что объяснялось поездками на материк" [250, 253].

"Жизнь выдающегося человека, особенно если она уже стала достоянием истории, принадлежит не столько прошлому, сколько настоящему и будущему" [250, 258]. "Они избрали его императором, потому что, подвергая свою жизнь опасности на полях сражений, он доказал, что готов умереть за них" [250, 259]. "Мало кому удаётся при жизни создать новую империю и разрушить старую" [250, 259]. "Для них, по словам исследователя жизни Наполеона Е.Тарле, он был не только прославленным героем, величайшим полководцем и властелином, но оставался своим "братом-солдатом, маленьким капралом, помнившим их по именам, дёргавшим их за уши и усы в знак своего благоволения" [250, 262].

"Наполеону ничего не оставалось, как ещё раз отречься от престола, на этот раз окончательно. И не потому, что иссякла его исключительная энергия, а потому, что он, по-видимому, не только понял умом, но ощутил всем своим существом, что дело жизни сделано и роль его сыграна" [250, 263]. "За свою жизнь Наполеон множество раз стоял на краю могилы" [250, 267]. "Был в жизни императора и такой эпизод: во время боевых действий на позиции французских войск упала бомба с зажженным фитилём" [250, 267]. "Однако сама Государыня-матушка счастливой себя, наверное, не считала, поскольку всю жизнь прожила в страхе за будущее" [250, 269]. "С этого времени жизнь Летиции и Феша превращается в сущее наваждение: оба уверены, что Наполеон покинул Святую Елену, и пытаются убедить в этом своё окружение, заявляя, будто им это хорошо известно от одной австрийской ясновидящей" [250, 271].

"Жизнь проходит, – говорил Наполеон, – разве можете вы сомневаться, доктор, что наш смертный час предопределён?" [250, 272]. "А путешествие на Святую Елену сулило ему покой и отдохновение от суетной жизни, равно как и возможность что-то получить из императорского завещания, составлявшего ни больше ни меньше три миллиарда старых франков" [250, 276]. "Но допустить, чтобы император ушёл из жизни в течение короткого времени, означало вызвать народное волнение во Франции, что представляло опасность для короля" [250, 277]. "Это означает, что путём исследования коротких кусочков нельзя выяснить, в какой период жизни мышьяк поступал в организм" [250, 278].

"Александр внял совету влиятельного вельможи и принялся царствовать властно и достойно, хотя о той трагической ночи будет помнить всю жизнь" [250, 283]. "Современники говорили о нём разное: "сущий прельститель" (М.Сперанский); "властитель слабый и лукавый" (А.Пушкин); "сфинкс, неразгаданный до гроба" (П.Вяземский); "коронованный Гамлет, которого всю жизнь преследовала тень убитого отца" (А.Герцен) " [250, 288]. "Александр дал согласие при условии сохранения жизни отцу и даже заставил Палена в этом поклясться" [250, 291]. "Павел на коленях умолял заговорщиков сохранить ему жизнь, обещая выполнить все их требования" [250, 292]. "Судьбам Всевышнего угодно было прекратить жизнь любезнейшего родителя нашего Государя Императора Павла Петровича, скончавшегося скоростипожно апоплексическим ударом в ночь с 11-го на 12-е число сего месяца" [250, 292].

"В то же время приближённые отмечали, что в последние годы Александр всё чаще становился мрачным, предпочитая уединённый образ жизни" [250, 296]. "Русский духовный писатель Е.Поселянин (Погожев) записал рассказ, переданный ему интересовавшимся жизнью подвижников благочестия С.Гедеоновым" [250, 297]. "Трудно представить себе образ жизни более замкнутый и более нетрадиционный для императора, который наконец-то в какой-то мере осуществил свою мечту – покинул двор и жил, как простой смертный" [250, 300]. "Но самая главная тайна связана с "преображением" самого императора, который якобы не умер, а по каким-то неведомым причинам захотел остаться в миру совсем в другом обличье, полностью удалившись от суетной жизни, вероятно, так его тяготившей" [250, 302].

"С учётом этих данных, включая многочисленные предания о старце, можно сделать предварительное заключение: прямая осанка, манера держаться и говорить, доскональное знание военной жизни, образованность, осведомлённость в государственных делах и прочие приметы позволяют говорить о старце как о человеке, имевшем когда-то отношение к светской жизни и государеву двору" [250, 304]. "А в конце жизни попытается повторить подвиг старца, ограничив себя во всём, а затем и вовсе уйдя из дому"

[250, 307]. "Стал царём после убийства заговорщиками его отца Павла I и всю жизнь казнил себя за то, что дал на это согласие" [250, 308]. "Императорские обязанности его тяготили, праздная жизнь угнетала, да и супружеская не приносила радости..." [250, 308].

"Во-первых, филиппинцы считают себя детьми природы и, ведя соответствующий образ жизни, стремятся понять её великую силу" [250, 311]. "Приступая к целительству, хилер внушает себе убеждённость в божественной силе, успокаивается физически и морально, отбрасывая все волнения и заботы о материальной жизни" [250, 313]. "Ты, Великая Беспредельная Сила! Ты, Великое Пламя Жизни, которой я являюсь лишь искрой! Я предаюсь Твоей Целительной Силе, дабы она протекала через меня и подкрепила, восстановила и исцелила этого человека. Дай Твоей Силе проникнуть через меня, чтобы этот человек почувствовал Твою жизненную Энергию, Силу и Жизнь и смог бы проявить её в лице Здоровья, Силы и Энергии" [250, 319]. "Говорится о том, что сейчас человека исцеляют, он в безопасности и должен быть благодарен жизни за то, что она дала ему такой шанс выздороветь" [250, 322].

"Он так же мечтает о счастье и удаче во всех областях жизни и так же не всегда знает, как этого достичь" [250, 323]. "Ни один, даже самый талантливый, человек никогда не сможет прожить жизнь за другого человека" [250, 323]. "Причина, говорят хилеры, всегда в самом человеке, в его гармонии или дисгармонии с законами природы и жизни, законами эволюции, в отрицательных поступках, мыслях и эмоциях, неправильном восприятии и отношении к окружающему миру и жизни" [250, 323-4]. "Я верю в психическую энергию, в предчувствие, и эта вера подкрепляется всей моей жизнью" [250, 326]. "Следующей пациенткой была супруга доктора Фава – медика из фирмы по страхованию жизни" [250, 330].

"Жизнь в таких местечках, однообразную, скудную, наполненную постоянной борьбой за кусок хлеба, очень ярко описал Шолом-Алейхем" [250, 335]. "Тогда строптивый сын поступил так, как поступают молодые люди, разочаровавшиеся в жизни и вере" [250, 336]. "Была холодная жестокость озлоблённого жизнью отца, разъедающая душу зубрёжка в хедере, а впереди маячила трудная кочевая жизнь, полная взлётов и падений, огорчений и неудач" [250, 338]. "Это были самые голодные дни в его жизни, и всё бы, вероятно, закончилось трагедией, если бы не Его величество случай" [250, 338]. "Именно ему Вольф обязан не только жизнью, но и открытием своих способностей, их полным развитием" [250, 338].

"Абель довольно улыбался, и Вольфу казалось, что ему стало улыбаться сама жизнь" [250, 339]. "В четвёртом же павильоне три дня в неделю лежал на грани жизни и смерти "чудо-мальчик" Вольф Мессинг" [250, 340]. "Для Вольфа, привыкшего к полуголодной жизни, это казалось баснослов-

ной суммой" [250, 340]. "Мессинг понимал, что господин Цельмейстер сознательно отгораживал его от более насыщенной жизни, уделяя главное внимание стремлению к успеху и заработку" [250, 341]. "С цирком было покончено навсегда, впереди была новая жизнь, полная ожиданий и надежд" [250, 342]. "Обеих не устраивал тот скромный образ жизни, который они вынуждены были вести из-за скупости отца и мужа" [250, 348].

"В то время многие польские евреи в надежде на лучшую жизнь бежали в Советский Союз, и в том, что Мессинг выбрал в качестве новой родины именно эту страну, нет ничего особенного" [250, 350]. "При огромной охране он всегда боялся за свою жизнь и подозревал всех и вся" [250, 351]. "Между прочим, за всю жизнь в Советском Союзе Мессинг сделал всего лишь одно публичное политическое предсказание" [250, 354]. "После смерти Сталина жизнь Мессинга изменилась" [250, 356]. "В сущности, жизнь Вольфа Мессинга с середины 50-х до смерти в 1974 году событиями небогата" [250, 357]. "Не было в его смерти того величия и покоя, что отличает святых и философов, людей, которым при жизни дано откровение об ожидающем нас по ту сторону" [250, 360].

"Удивительно – этот человек, ставший легендой ещё при жизни, до сих пор продолжает водить за нос своих коллег, историков, поклонников, число которых постоянно возрастает даже после его смерти" [250, 362]. "Фокусами он увлекался с шести лет и о своих первых опытах вспоминал всю жизнь" [250, 362]. "Так началась самостоятельная жизнь будущего короля цепей, карточных фокусов и маэстро иллюзии" [250, 363]. "Брак оказался счастливым: Гарри и Бесс шли по жизни вместе, в горе и в радости она была его верной подругой и помощницей" [250, 364]. "Последний долгое время дурочил крупного учёного Крукса, которому показывал мнимую "материализацию духа" в виде полной жизни девушки по имени Кэти, сообщницы медиума" [250, 367].

"За первые двадцать пять лет прошлого века почти ежедневно в газетах появлялись статьи, благодаря которым жизнь этого удивительного фокусника обрастала невероятным числом сплетен, распространявшихся его завистливыми коллегами" [250, 375]. "Как вдруг почувствовал, что не в состоянии больше бороться за жизнь" [250, 375]. "Все знали, что при жизни Гудини был яростным разоблачителем спиритов, но перед смертью завещал супруге проверить, сможет ли он передать весть с того света" [250, 384]. "Да, он часто рисковал жизнью во имя циркового искусства, но ведь цирк и был его жизнью" [250, 384].

"У всех была свежа в памяти и авария экспериментальной летающей модели лунной кабины, когда только самообладание Армстронга спасло ему жизнь" [250, 388]. "Я думаю, что это событие равноценно по важности тому этапу эволюции жизни на Земле, когда жизнь из воды выплеснулась на сушу" [250, 388-9]. "Более 25 тысяч открытых новых продуктов, процессов, техно-

логий, материалов, приборов обрели впоследствии новую жизнь на Земле" [250, 394]. "Одна из гипотез гласит, что Луну некогда прибуксировали инопланетные цивилизации, чтобы удобно было наблюдать за процессами, происходящими на пригодной к жизни голубой планете" [250, 405].

В книге-компиляции Юрия Пернатъева "Великие загадки истории" (416 с.) две части: "Явления и феномены" и "Люди и события". В сборнике 16 популярных и увлекательных рассказов, как бы представляющих собой "фрагменты великой исторической мозаики", пусть уже известные. Собраны там таинственные факты и сведения о фараонах, о Туринской плащанице, Тунгуске, Красной планете, Бермудах, пустыне Наска, Янтарной комнате, Стоунхендже. Ещё мифы и тайны вокруг царевича Дмитрия, Шекспира, Наполеона, Александра I, также о Вольфе Мессинге, Гарри Гудини, о филиппинских хилерах и лунной эпопее американцев. Конечно, полно мистики, завораживает и притягивает.

"Истинный смысл дальнейших приготовлений по увековечению божественного правителя можно понять, исходя из религиозных воззрений египтян. Нет, не из их мифологии и не из жреческих догматов, а из того представления, которое лежало в основе религии: человек после смерти продолжает свой жизненный путь в царстве бессмертия" [250, 9]. И тут всё та же мистика.

"Неожиданно для заинтересованной общественности их представители (НАСА. В.Л.) заявили, что вопреки сложившейся практике "он-лайн" правительство решило запретить непосредственную передачу изображений с космической станции. <...> Наиболее яростные сторонники искусственного происхождения "марсианского сфинкса" тут же сделали свои выводы: мол, такая строгая засекреченность проекта лишь подтверждает инопланетное происхождение египетских пирамид" [250, 90].

Компьютер "выявил необычные архитектурные строения, расположенные вокруг "марсианского сфинкса" на полученной схеме вокруг "лица" было обнаружено около десятка пирамид, засыпанных песком. Явственно проступали дороги, вырисовывалась странная круглая площадь. Дороги проложены явно не случайно – две из них подходят к пирамидам, три сходятся к кругу в центре Сидонии. Размеры поражают воображение: самая большая центральная пирамида почти в десять раз превосходит знаменитую пирамиду Хеопса в Египте" [250, 90].

"В одном нет сомнений: город построен очень давно и, скорее всего, необитаем. Не так уж часто метеориты падают на поверхность планет, на снимках же города можно заметить несколько кратеров и, по меньшей мере, два прямых попадания – в левую большую пирамиду и в перекрёсток дорог. Разрушенное не восстановлено, – видимо, уже было некому" [250, 91]. "При таких характеристиках люди должны были здесь либо погибнуть,

либо уйти из своего мира, разумеется, как считают некоторые эзотерики, на Землю – ближе некуда. Такого же мнения придерживается и российский исследователь Е.Терещенко: "Галактика существует более десяти миллиардов лет. Земля – около пяти миллиардов, т.е. она в два раза моложе. Логично предположить возможность существования более развитых соседних цивилизаций, чьи посланцы посещают землян" [250, 91].

"Кто же оставил эту информацию? Как полагает исследователь (Хачанов. В.Л.), это сверхцивилизация из созвездия Льва. Подтверждение тому многие памятники культуры, изображающие этого могучего хищника в качестве особой знаковой системы. Уже позже "львиная тема" стала исключительно популярной в творчестве народов чуть ли не всех стран мира" [250, 148-9]. Тут не та логика.

"Есть очень большое подозрение, что Стоунхендж был для его строителей таким же мистическим сооружением, как и величайшая из египетских пирамид – пирамида Хеопса. Как и на берегах Нила, возведение этих каменных монстров требовало колоссальных физических и материальных затрат. Тем не менее некоторые археологи усиленно предлагают поверить в то, что древние люди с примитивным уровнем развития могли вдохновиться идеей выполнения грандиозной задачи, совершенно чуждой их повседневным нуждам. По их мнению, аборигены без особого труда тащили волоком огромные каменные блоки через реки, по лесам и болотам, пользуясь только салазками и катками из древесных стволов. А затем умудрялись выстраивать каменные блоки вкруговую, водружая на них не менее громоздкие камни. Причём всё это делалось настолько искусно, что всё сооружение, несмотря на прах тысячелетий, стоит совершенно незыблемо" [250, 185].

"Галактически универсальная система измерений необходима для общения с другими разумными существами Вселенной. Человечество относится к внеземным цивилизациям более чем серьёзно. На попытки установить с ними контакт ежегодно тратятся миллионы долларов. Американцы прослушивают космос с помощью гигантских радиотелескопов, за пределы Солнечной системы запущена станция с посланием, вырезанным на металлической пластинке, археологи ищут свидетельства посещения Земли в древности братьями по разуму" [250, 200].

"...мы, как материальные сущности, подвержены необратимому течению времени, а значит, естественному старению, которое, увы, сопровождается изменением, нарушением и отмиранием многих функций организма. Неудивительно, что способность врачующего хоть на год, месяц или даже день восстановить утраченное воспринимается как чудо. Особенно если оно совершается на грани понимания того, как это делается" [250, 310].

"В принципе хилерство, видимо, следует рассматривать в комплексе с принципами физического мира, природы Вселенной, допуская существова-

ние других уровней реальности, в пределах которых происходит лечение. Без этого невозможно ни объяснить этот феномен, ни поверить в него. Скорее всего, хилеры способны совершать свои уникальные манипуляции посредством интенсивной концентрации эфирной энергии около рук целителя. При этом пальцы принимают некое особое положение, при котором они способны проникнуть внутрь тела.

По всей видимости, это та самая энергия, которую йоги способны генерировать и формировать вокруг своего тела, что даёт им возможность идти через огонь и по раскалённым углям. Примерно такую же энергию используют каратисты, формируя её вокруг рук, что позволяет рубить цементные блоки и деревянные бруски без боли. При этом особенно важно состояние концентрации и сосредоточенности" [250, 332].

Нас интересует употребление и значение слова "жизнь" в данном тексте, чтобы заодно и потом сосредоточить внимание на обобщённом понимании (представлении) феномена земного существования человека на самом общем фоне. Следует всё же расщепить и развести такие разные установки: "Жизнь как она есть" и "Жизнь как представляется". Нам ближе и доступнее второе, т.е. жизнь как представление. При условии, что другие, самые дерзкие, продолжают искать ответ на вопрос, что есть жизнь как явление. Мы не видим перспектив и сомневаемся в том, правомерна ли постановка вопроса в столь широком и всеобщем ключе. Вся жизнь целостно, пожалуй, непостижима.

Всего в книге 124 раза встречается слово "жизнь" в разных падежных формах: им. – 23, род. – 48, дат. – 6, вин. – 22, тв. – 6, пр. – 19. Словоформы в определённом словесном окружении и грамматических связях, в тексте же всё осмысленно, спаяно и взаимообусловлено, сразу не обратишь внимания и просто не раскроешь всей глубины смысла словосочетаний. Хотя всё же в общем говорится как бы привычно и вроде бы ясно всем, у кого есть опыт общения на эту или подобную тему. И всё же иной раз даёт себя знать скованность и ограниченность познания предмета и владения языком, нет лёгкости, нет должной скорости и ясности в общении, передаче и восприятии сведений. Говорим и воспринимаем небесспорно. Кажется, всё схватываем и понимаем. Но понимание – непонимание.

Итак, какая же там встречается жизнь? Вся 8, своя 5, биологическая 2, военная, его 2, лучшая 2, новая 2, суетная 2, бактериальная, иная, их, какая-то, кочевая, лондонская, материальная, монашеская, моя, насыщенная, небесная, однообразная, полная, полуголодная, праздная, реальная, сама, самостоятельная, светская, скудная, трудная. До сих пор не дорос и не знаю, что такое "небесная жизнь", какая она там. О "бактериальной жизни", пожалуй, самое смутное представление, не назовёшь никак знанием. Не испытал "кочевой жизни". Об очень многом поверхностные и разноречивые познания.

Чья же та жизнь, кого или чего? Жизнь человека 2, барда, Гудини, де-вушки, драматурга, императора, кандидата, короля, Литеции, лица, Марии, Марло, марсиан, Мессинга, Наполеона, народов, подвижника, полотна, родителя, самозванца, сообщества, фараона, фокусника, царевича. Всё это самое разное, если содержательно, то известно и понятно лишь в самых общих чертах, о ком идёт речь. Оказывается, живёт едва ли не всё, хотя и по-своему, закрыто, скрыто от постороннего взгляда. У того, что мы называем "жизнью", такое огромное множество характеристик, уровней, форм, качеств, свойств и граней, поди разберись.

Что именно есть, какой план уточняется или выделяется у жизни? Образ жизни 4, годы 2, обстоятельства 2, возможность, возникновение, грань, дело, дни, закат, закон, знание, искра, исследователь, конец, лета, мгновения, несообразность, область, период, поиск, правда, признаки, присутствие, проблема, сила, смысл, события, сохранение, сторона, страхование, уклад, условия, форма, эволюция. Попробуйте-ка сами разобраться и разъясните другим, что же именно по самой сути обозначают все эти словосочетания. Язык всё накапливает опыт, в речи используется он всеми нами.

Что же делает (делала) сама жизнь? Жизнь была ключом, выплеснулась, изменилась, найдётся, проходит, угнетала. Легко принимается, но всё же трудно понять и объяснить, что же именно вокруг и вдруг "бьёт ключом", "выплёскивается", "изменяется", "проходит", "угнетает". Если взять больше книг и авторов, то список глаголов-сказуемых, естественно, увеличится, что прояснит в большей мере смысловое поле слова и нашего представления.

И ещё что можно делать с жизнью? Вести (вёл) жизнь, поддерживать, помнить, прекратить, прожить, сохранить, спасти. Всё-таки сложно вникнуть в самую суть того, что ведут, поддерживают, сохраняют, спасают. Просто-напросто жизнь, и всё-то.... Но как именно понимать её определённо? Она касается нас, мы с нею как бы сливаемся, пусть временно. Или вечно? Но она, загадочная и таинственная, включает в себя много чего другого, помимо нас. Жизнь значительно больше всего в нас и вокруг нас сущего. Притягательная, неохватная, нашим умом пока необъятная сила и энергия.

31

Арзунян Э. Бог был инопланетянином.

Кто в мире распоряжается?

Каково ваше мнение о роли палеовизитологии на современном этапе?

"В 2004 году в возрасте 77 лет скончался один из пионеров американской космонавтики Лерой Гордон Купер. По его мнению, гости с других планет регулярно навещают Землю. *"Нам стоит подумать, как лучше всего наладить с ними контакт, – утверждал астронавт. – Много лет я жил с тайной, но теперь готов сообщить, что в мою бытность космонавтом*

наш радар ежедневно фиксировал присутствие неизвестных объектов". Что это были за объекты – инопланетные космические аппараты или посылки из космоса?" [20, 22].

"В наши дни распространено мнение, что инопланетяне могут очень сильно отличаться внешне от нас – выглядеть чуть ли не как крокодилы, пауки и т.п. Всё может быть. Но я больше склоняюсь к тому, что они весьма похожи на нас, как Адам оказался похож на Бога. Вполне возможно, что разумные существа – это просто одно из состояний материи, наряду с такими, как жидкость, газ, плазма... А свойства материи в различных частях Вселенной одинаковы, – может, так же одинаковы и свойства разумных существ?" [20, 139].

"Только в наши дни палеовизитология начинает понемногу из паранауки превращаться в науку. Работы русского физика Константина Циолковского, швейцарского журналиста Эриха фон Дэникена, американского астронома Карла Сагана и других энтузиастов этого направления исследований привлекают всё большее внимание учёных разных специальностей" [20, 227]. *"Каждый, кто серьёзно занимается наукой, убеждается в том, что в законах природы присутствует некий дух, и этот дух выше человека. ... Я могу утверждать, что религиозное чувство, имеющее некий космический исток, в научных исследованиях переживается особенно остро"* (Эйнштейн А. Без формул. М., 2003, с.198) [20, 64].

"О методе же, который я применяю при написании данной книги, можно сказать опять-таки словами Циолковского: *"Последующее есть не чистое знание, а помесь точной науки с философскими рассуждениями. Они могут быть приняты и не приняты. Лучше это, чем блуждание в потёмках оккультизма и спиритизма"* (Причина космоса) [20, 26] [370, 93].

"Христиан Гюйгенс, нидерландский астроном (XVII в.): *"Человек, согласный с Коперником в том, что Земля наша есть планета, вращающаяся, как и все они, по окружности вокруг Солнца и освещаемая им, не может хотя бы иногда не вообразить, ... что и остальные планеты, подобно нашей Земле, тоже имеют своё убранство, и даже более того – своих обитателей. ... Но если Земля, как мы и предположили, одна из планет, равная остальным достоинствами и благородством, кто решится сказать, что нигде больше нельзя отыскать тех, кто наслаждается зрелищем спектакля Природы?"* (Новые предположения о планетах мира, их обитателях и производстве) [20, 20].

"Развёрнутую картину "небесного" происхождения шумерской цивилизации даёт современный американский исследователь Захария Ситчин: *"Именно там, как было установлено спустя столетие археологических открытий и научных исследований, почти шесть тысяч лет назад зародилась Цивилизация. Именно там внезапно и неожиданно, как будто бы из ниоткуда, появился первый письменный язык, а с ним и литература; цари и жрецы;*

школы и храмы; врачи и астрономы; высотные здания, каналы, доки и корабли. Интенсивно развивались сельское хозяйство и высокие металлургические технологии; текстильная промышленность, торговля и коммерция; законы и концепции правосудия и морали; космологические теории и, наконец, легенды и письменная наука об истории и преемственности человечества.

Во всех древних письменных источниках, будь то длинные эпические предания или короткое, в две строчки, пророчество на сакральном или светском языке, неизменно подтверждается непоколебимая уверенность шумеров и живших после них народов в том, что в далёкие времена на Землю с другой планеты спустились ДИН. ГИР – "справедливые из космических ракет", которых впоследствии греки стали называть "богами". Для поселения на Земле они выбрали южную Месопотамию. Они называли эту землю КИ. ЭН. ГИР – "Земля Повелителя Ракет" (аккадское же "Шумер" означало "Земля Стражей") – и основали там первое земное поселение" (Ситчин З. Войны богов и людей. М., 2000, с.77) [20, 48].

"Всё, что могут сделать современные шумерологи, – это анализировать и интерпретировать частичные, затушёванные, зыбкие данные и пытаться восстановить хотя бы несколько существенных политических событий и ход исторического развития по собственному разумению, пониманию, видению и представлению" [161, 52]. "То, что сегодня мы называем "мифами", "легендами" и "религиозными верованиями", в ту эпоху представляло собой науку – знания, которые, по утверждению шумеров, были подарены человечеству аннунаками (инопланетянами)" (Ситчин З. Назад в будущее. М., 2005, с.123) [20, 56].

"Высадившись на нашей планете 420 000 лет назад и колонизуя её, инопланетяне создали земного человека-труженика – гибрид инопланетянина и неандертальца. Но глобальные катастрофы – невообразимой мощи землетрясения, столкновения с громадными кометами и др. – периодически уничтожали почти всё человечество; а при гигантских потопах от внезапного таяния ледников оставались в живых лишь отдельные пастухи в горах. От достигнутого было уровня цивилизации у этих пастухов и тем более у их потомков оставались лишь смутные воспоминания в виде мифов (амнезия, по Великовскому); поэтому цивилизация богов-инопланетян и тружеников-землян каждый раз приходилось начинать всё снова, почти с нуля.

Очередное такое начало мира и произошло 5765 лет тому назад, когда под руководством инопланетянина Яхве был создан землянин Адам" [20, 53].

Циолковский К. Космическая философия. М., 2001.

"Трезвость" науки не допускала до сих пор межпланетных сношений. Теперь это мнение поколеблено даже учёными, но большинство их ещё не задето новыми идеями и относится к ним или равнодушно, или враждебно. Несколько ранее, кроме очевидных фантазёров, никто не допускал воз-

возможности небесных сношений, в особенности путешествий вне Земли. Поэтому установилось мнение, что они невозможны. А если так, то все факты, доказывающие эти сношения, если они были, беспощадно отрицались людьми науки. Так же ими отрицались и падение небесных камней на Землю (метеоритов), так же долго не видели они и солнечных пятен. Такова сила предубеждения.

Между тем отмечено в истории и литературе множество необъяснимых явлений. Большинство их, без сомнения, можно отнести к галлюцинациям и другого рода заблуждениям, но все ли? Теперь, ввиду доказанной возможности межпланетных сообщений, следует относиться к таким "непонятным" явлениям внимательнее". "Есть ещё ряд явлений, правда, в большинстве случаев столь же сомнительных, как и предыдущие. Они говорят нам о проникновении каких-то разумных сил в наш мозг и вмешательстве их в человеческие дела. Я сам два раза в жизни был свидетелем таких явлений и потому не могу их отрицать" (Воля вселенной). [370, 112-3].

"Воля человека и всяких других существ – высших и низших – есть только проявление воли вселенной. Голос человека, его мысли, открытия, понятия, истины и заблуждения – есть только голос вселенной. Всё от неё" (Неизвестные разумные силы) [370, 117]. "Если человек прожил 50 лет, то, значит, материя в нём возобновилась 100 раз (в смысле: много раз) в течение его жизни. Между тем как "Я", хотя и изменило свою форму, но оставалось в теле одно и то же. "Я" не материя, которая уходит, а нечто постоянное, которое всегда пребывает в теле. Это "Я" и есть душа. Тело разрушится, а душа останется: была и вечно будет" (Радость смерти) [370, 413].

"Как бы в подтверждение этих мыслей мы имеем множество фактов, собранных достойными доверия людьми. Факты эти указывают на присутствие каких-то сил, каких-то разумных существ, вмешивающихся в нашу человеческую жизнь.

Скажу откровенно, до последнего времени, поражённый ярким светом науки, я отрицал все таинственные явления и объяснял их то известными законами природы, то галлюцинациями, обманом, фокусничеством, забывчивостью, невежественностью, болезненностью и т.д. И теперь я думаю, что более 99% этих явлений именно таковы. Но не все. Какая-то очень малая часть их хоть и естественна, но не может быть объяснена без вмешательства разумных сил, исходящих от сознательных и неизвестных нам существ. Одни из этих существ подобны нам (мой монизм), только более совершенны, какими и мы будем (эволюция), другие составлены из более лёгких элементов, господствовавших дециллионы дециллионов лет тому назад. Какие из этих существ вмешиваются в нашу жизнь, решить трудно. Проще предположить участие подобных нам, развившихся из таких же несовершенных, как мы" (Неизвестные разумные силы). [370, 125-6].

"Надо создать научное определение бога, если мы не хотим расстаться с этим словом. Нет ли чего-нибудь такого, что нами распоряжается, от чего мы зависим, что нас создало, что дало нам разум и познание вселенной, что благосклонно относится к своему созданию, даёт ему вечность и счастье? Если мы это нечто условно назовём богом, то найдём и ответ на наш вопрос. Нами распоряжается вселенная; её разряженные газы образовали солнца, от солнц отделились планеты, на планетах началась жизнь, которая, развиваясь и совершенствуясь, создала человека и существа выше его (богов-инопланетян). Мы сами, наши мысли, наши дела есть творение вселенной. Также всё наше бесконечное прошедшее и такое же будущее образуется её волей. Наша же воля есть только проявление воли космоса" (Есть ли бог?) [370, 430].

32

Великая китайская стена

Каменная громада выстроена для защиты древнего Китая от нападений гуннов, монголов и других внешних врагов, вдоль всей северной границы страны. Её длина – свыше 4000 или 5000 километров, до сих пор спорят. По ней пройдёт строй из десяти пехотинцев в ряду, проедут пять всадников. С борта самолёта полностью не охватить взором, просматривается из космоса. "Божественная нить, соединившая лоскутки китайского государства", "стена слёз и страданий", "самое длинное кладбище мира". В ней захоронено не менее миллиона погибших на величайшей стройке времён императора Шихуанди, первого государя династии Цинь, в III веке до н. э.

И такая преграда не спасала от завоевателей. Закалённое в боях войско Чингисхана преодолело Стену, вторгнутся в Китай японцы в 1933 году, проведя успешно штурм Великой Стены. Традиционные версии о предназначении Китайской Стены оспариваются. Согласно новым догадкам, подлинными архитекторами грандиозного сооружения могли быть не китайцы, а люди неизвестной цивилизации. В древности на той земле, будто бы, происходили контакты с представителями внеземных цивилизаций. Свою гипотезу о назначении Великой Китайской Стены предложил В.И.Коробейников, электрофизик из Петербурга, проектировщик систем связи для космического корабля многоразового использования "Буран" [339, 2].

Технология строительства Стены, на первый взгляд, проста. На расстоянии семи метров друг от друга возводились кирпичные стены. Промежуток заполнялся землёй, она утрамбовывалась до твердости, не уступавшей камню. Однако выясняется, что в проекции Стены зашифрованы точнейшие расчеты. Само место постройки, длина и конструкция совпадают с результатами уравнений Максвелла, описывающих электромагнитные взаимодействия. Стена идет от Ляодунского пролива вглубь страны при-

мерно по 30-й географической параллели. Что особенного? Дело в том, что экватор делит Землю на две части не поровну. К северу площадь суши значительно больше. Проведи линию "мнимого" экватора, делящего планету пополам, пройдёт примерно по 30-й параллели, не так, как географической. Стена тянется зигзагообразно по "мнимому" экватору. Смотреть далее – пройдёт через пирамиды в Гизе.

Согласно версии, у планеты Земля своя электромагнитная волна в Галактике. Кто-то пропускал по Стене электрический сигнал, вызывая перераспределение электрического заряда Земли между северной и южной частями. Это мгновенно меняло структуру волны, излучаемой в Космос. Найден принцип трансцендентных систем мгновенной связи планеты. Откуда об этом знали до нашей эры, если теоретическая электродинамика только подошла к пониманию таких вещей? В "межгалактическом приемнике" египетские пирамиды играют роль антенн-резонаторов. Они принимают информацию из космоса, "работая" на разности длин волн Земли и галактических волн. Поэтому для пирамид подобраны точные технические параметры.

В пределах Солнечной системы наша "радиостанция", вероятно, не единственная. "Приёмником № 2" мог служить Марс. Американский спутник сделал снимки, на которых видны марсианские пирамиды и сфинкс, который "исчез" с последующих фото. Не исключено, что на Марсе найдётся сооружение, подобное Великой Китайской Стене. И вдруг марсианская "радиостанция" в исправном состоянии, в отличие от земной, и ею кто-то пользуется. Если официальная наука согласится с этим и будут приняты меры для восстановления земной межгалактической "радиостанции", мы узнаем, какая информация "ходит" по космическому эфиру [339, 2].

Древнекитайские хроники дают сведения о мудрых и гуманных "сынах неба", появлению которых предшествовали разные космические явления. Перед прибытием Хуанди "сияние великой молнии опоясало звезду Цзи в созвездии Ковша" (Большой Медведицы). Первый "сын неба" оказался родом из дальних мест – из созвездия Льва. Он правил Китаем сто лет, затем "вернулся на свою звезду". С Земли его унёс "дракон", взмывший в космос с огромной скоростью ("в один день покрывает мириады верст, а севший в него человек достигает возраста двух тысяч лет"). Смотришь, землянам ещё ответит "сын неба", обитающий где-то в созвездии Льва.

"Сын неба" владел немислимыми техническими устройствами, пользовался механическими и биологическими роботами. У него были четырёхметровые "чудесные треножки", наведенные на созвездие Льва, по команде они передвигались с места на место. Хуанди "выплавил двенадцать великих зеркал и использовал их, следя за Луной". Зеркала обладали удивительными свойствами. "Когда на зеркало попадали лучи Солнца, то все изображения и знаки его обратной стороны отчетливо проступали на тени,

отбрасываемой зеркалом". "Сын неба" будто бы имел информацию о прошлом и будущем, знал секреты гравитации [339, 2].

Инопланетяне нуждаются в сверхдальней межгалактической связи своей планеты с другими цивилизациями. Великая Китайская Стена и египетские пирамиды в Гизе служили частями межгалактической "радиостанции". С их помощью сигналы с Земли мгновенно достигали любой точки Вселенной.

Последний император Китая

Отношение древних китайцев к жизни необычайно и мудро. "Направляй всю свою волю на достижение Дао-Пути, будь добродетелен, опирайся на человеколюбие, упражняйся в искусствах" ("Лунь юй") [343, 64]. "Отстаивая философский тезис: "Изменение – это путь (Дао) Неба", Кан Ювэй в докладах императору Гуансюю рекомендовал повторить опыт "революции Мэйдзи" в Японии и реформ Петра I в России" [343, 9]. По стародавним поверьям, "человек, заканчивая свой жизненный путь, не исчезает бесследно, а лишь покидает этот мир. Чтобы продолжить существование в мире духов, расположенном под неким загадочным Нефритовым, или Жёлтым, источником" [343, 25].

"У многих мыслителей Китая прошлых веков можно найти парадоксальный на первый взгляд тезис о том, что "смерть есть путь (дао) жизни". Следуя своей логике, они совершенно непротиворечиво включали категорию смерти в понятие жизни, рассуждая о кончине как о естественном продолжении жизни, как о деле вполне земном, житейском, как об одной из мирских забот. Данный постулат, сообразуясь с представлением о человеке как о части космоса, гармонизировал бытие с небытием и способствовал примирению состояния души с объективной реальностью" [343, 25]. Ср.: жизнь, бытие, реальность, действительность. Синонимы ли эти отвлечённости?

"Однако, на наш взгляд, Марко Поло несколько идеализировал девушек и женщин Китая, хотя в его рассуждениях и есть доля правды. Воспитание таких девушек было целиком направлено на их подготовку к тому, что считалось главной целью их жизни, – замужеству и материнству" [343, 356]. Люди более осознанно или произвольно ставят и преследуют в молодом и зрелом возрасте определённые цели. Считается иной раз, у человеческой жизни-пребывании на Земле своё природное предназначение. Так, "при рождении девочки китайцы говорили: родилась служанка, указывая тем самым на её назначение жизни" [343, 353]. Ср.: жизнь, существование и существо.

"Такова 60-летняя жизнь и судьба последнего императора Китая, который после пяти лет советской тюрьмы и десяти лет тюрьмы и перевоспитания в Китайской Народной Республике превратился в простого гражданина. Насколько потрясения первых лет "культурной революции", активные дейст-

вия цзаофаней и хунвэйбинов ускорили смерть последнего китайского императора Пу И, можно только догадываться. Наверяд ли история ответит на этот вопрос" [343, 390]. Жизнь и судьба – эти слова не случайно часто сочетаются. Судьба издревле считалась предначертанием жизни, наш язык и мышление остаются по-прежнему мифологически и мистически окрашенными.

"Все знали, что император Пу И редко ночевал у императрицы. Иногда он приходил к ней, но через короткое время вновь уходил. У них не было обычной супружеской жизни. Это не было секретом в павильоне Чусюгун. Из праздного любопытства евнухи интересовались личной жизнью Вань Жун" [343, 86]. "В детские и отроческие годы, страдая от половых излишеств, Пу И стал искать возможности покончить с этим. Так он попал в развратную жизнь с евнухами" [343, 88]. "Хотя наличие во дворце 72 наложниц было на закате династии Цин просто формальностью, придворных дам и служанок вокруг императора было всё же много, и сексуальная жизнь тяготила его" [343, 89].

Как видим во фразах, приведённых выше, жизнь – в определённом смысле это связь и взаимоотношения между людьми в обществе, отношения сексуальные, половые, супружеские, семейные, личные, извращённые, развратные и пр. Жизнь современного человека связана и с его общественным положением. "Моя жизнь в самом дворце мало отличалась от жизни заключённого, и я постоянно ощущал, что мне недостаёт свободы. Я долго питал надежды на поездку за границу учиться, усердно изучал для этого английский язык, но на моём пути оказалось слишком много препятствий" [343, 131]. <> На моём пути, то есть в моей жизни.

Естественно, жизнь императора Маньчжурии была своеобразной. "Распорядок дня у Пу И был довольно прост. Он привык поздно ложиться спать и поздно вставать. Ложился спать он уже под утро, в 2-3 часа, и спал до 11-12 часов дня. Питался ежедневно два раза в день: обед примерно с часу до трёх, ужин – в 11 часов вечера, иногда в 12. Примерно с пяти часов до девяти вечера – дневной сон. В остальное время император ругался, гадал, молился, принимал лекарства, читал, писал дневники и т. п." [343, 184]. Твоя текущая жизнь во многом определяется именно твоим распорядком дня, режим характеризует и отличает образ жизни и его стиль.

Личная жизнь человека определяется в значительной мере влиянием на неё других лиц, на неё существенно сказываются внешние обстоятельства, окружающая среда и обстановка, в первую очередь семейное окружение. Это не только лишь отношения, состояние и положение, но и домашний быт и времяпрепровождение, режим и распорядок дня. Важную роль в быту (повседневной, бытовой и обиходной жизни) играют вещи первой необходимости и вещицы, различная утварь. "Почему он не разрешил нам взять с собой чашки для риса, чайные чашки и кухонные принадлежности, так необходимые в повседневной жизни?" [343, 131].

"... в ту минуту Пу И был близок к самоубийству. Не знаю, что помешало ему тогда, но он не мог не понимать, что это конец. Конец политический, духовный, физический" [343, 261]. Конец жизни, или смерть. Жизнь земная и природная изобилует всякими стихийными бедствиями, столкновениями, осложнениями и трудностями. Для неё характерна борьба за место под солнцем, за существование, за выживание. Человек цепляется за жизнь (за что же именно?), хотя она подчас страшнее смерти бывает. "Опасность для жизни, боязнь смерти не являются оправданием трусости или бегства с поля сражения: они также никоим образом не оправдывают измены" [343, 277].

Жизнь определяется отношением к тебе власти, благосклонности к тебе или суровости начальства. "Затем он спросил Пу И, как ему живётся. "Мне живётся здесь довольно хорошо! – последовал ответ. – Ежедневно определённый распорядок дня, до обеда политическая учёба, после обеда – развлекательная деятельность, один-два раза в неделю – кинофильмы, один раз в десять дней – баня, еда три раза в день: всегда есть рис, мучные изделия, обычно суп и ещё два блюда, где есть мясо. Каждую среду и субботу жизнь улучшается: за ужином даётся четыре блюда и суп, в воскресенье уже не едим пельмени, а едим пирожки" [343, 314].

Современная жизнь человека, действительно, зависит от его заработков и денег, обеспечивающих материальный достаток и благополучие семьи. "Изда отсутствия средств к существованию Ли Шусянь вышла замуж за одного франта. Вскоре после свадьбы её супруг проявил себя во всей неприглядности: рестораны, попойки, азартные игры, распутство, избиение жены. Жизнь стала невыносимой. Они расстались, каждый пошёл по жизни своим путём" [343, 345]. В первом случае жизнь – как бы семейные отношения, они не сложились и завязались в конфликтный узел. Во втором случае жизнь – как бы некое социальное пространство существования человека.

"Незванные гости, осмотревшись в доме, довольно нагло заявили хозяину: "Ты почему имеешь столько? Ешь белый рис, спишь на мягком диване, ведёшь такую жизнь?" [343, 377]. Здесь под жизнью имеется в виду, очевидно, главным образом внешняя сторона существования, устройство быта, оснащённость, материальный достаток. Каждый из нас должен быть в состоянии создать свой особенный мир, устроить и обставить свою жизнь (в частности, быт) по-своему, однако далеко не всегда и не всем это удаётся сделать удовлетворительно и одинаково успешно, и, надо сказать, по самым разным причинам. Ср.: жизнь и быт, жизнь и бытие (вечность).

Императрица Цыси часто поговаривала: "Кто мне хоть раз испортит настроение, тому я его испорчу на всю жизнь" [343, 41-2]. Настроение, относительно кратковременное психологическое состояние человека (его душевный настрой), характеризует нашу жизнь, которая в свою очередь также является каким-то сложным состоянием животного организма, физиологическим и

душевым. Хотя помимо этого, безусловно, и ещё чем-то. Оказывается, можно-таки исковеркать или изуродовать жизнь самому себе или кому другому, сделать её невыносимо горькой надолго или же навсегда, до самого конца. ◊ На всю жизнь – значит навсегда, до конца, до самой смерти.

Всего 18 фраз со словом "жизнь". Незаметно и заметно меняются его значения в зависимости от окружения и контекста. Слова-соседи естественно притираются (подгоняются) друг к другу. В результате определённо сращиваются семантически, по сверхзаданному замыслу и установке. В каждом словоупотреблении находится особенный оттенок мысли. Жизнь есть запутанный узел связей и отношений, по смыслу и содержанию бесчисленно много их у человека. В литературных текстах постоянно меняется положение и вес слова. Значимости переливаются и перебираются. Словно бы чётки перемещаются во время вековечного размышления.

Игнатович А.Н. Буддизм в Японии.

34

Острова благоденствия

"В Китае с давних времён было развито летописание, и неудивительно, что в глазах образованной аристократической элиты династийные хроники стали одним из атрибутов цивилизованности" [138, 16]. "Как правило, в "храмовые истории" помимо сведений о различных знаменательных событиях, случившихся в самих храмах, и биографий настоятелей включались "справки" по общей истории японского буддизма" [138, 21]. "Ценный материал по истории японского буддизма можно найти в разного рода житиях видных деятелей буддийской церкви и светских лиц, покровительствовавших буддизму" [138, 21].

"В 1702 году монах Сибан (1625-1710) из школы Риндзай завершил грандиозный труд "Хонтё косо дэн" ("Жизнеописания монахов высокого [ранга] нашей империи") в 75 свитках, в котором собрал биографии 16628 монахов всех японских школ. Сибану принадлежит также жизнеописание дзэнских монахов. Этот человек ещё в молодости поставил перед собой цель собрать воедино биографии всех выдающихся деятелей буддийской церкви в Японии и в течение 30 лет по монастырям и храмам собирал необходимый материал" [138, 23].

"Природа и её явления наделились анимистической по характеру жизненной силой, некоей творящей энергией. Деяния "ками", как показывает анализ содержания мифов, осуществляется при помощи этой силы, представление о которой выразилось в понятии "мусуби", имеющем маньчжурское происхождение" [138, 49].

"Таким образом, в нижнем мире совмещались смерть и рождение, начинался и завершался жизненный цикл. Однако в представлении о "эми-га ку-

ни" отсутствовала идея воздаяния: смерть не есть наказание за какие-либо грехи" [138, 53]. "Однако на позднейшем этапе становления японской мифологической космологии появляется четвёртый мир (идеальный) – "токоё-но куни" ("страна вечного мира" или "жизни"), страна бессмертных, обретших наряду с вечной жизнью сверхъестественные способности" [138, 53].

"Таким образом, Будда в глазах японских приверженцев буддизма выполнял функцию божества, регулирующего "должное бытие" человека на двух уровнях: внутреннем (состояние здоровья) и внешнем (экологические условия существования)" [138, 80].

"Буддизм – самая древняя из трёх мировых религий – возник в Индии в V-VI вв. до н.э. Её основателем считается принц Сиддхартха из рода Сакьев (Шакьев), достигший просветления (т.е. ставший Буддой – "просветлённым", отсюда и название религии) после упорных семилетних поисков путей освобождения человека от страданий, которые он переживает, находясь в реальном мире. Как и в других религиях, основной акцент в буддизме делается на решении вопроса об обретении человеком некоего блаженного состояния, противопоставляемого бытию недолжному. Обыденное существование отождествляется в буддизме со страданием (даже если человек этого и не осознаёт), в качестве альтернативы предлагается нирвана" [138, 127].

"Идея о человеческом существовании как о страдании не является оригинальной буддийской, но здесь она получила, может быть, крайнее своё выражение" [138, 127]. "Диапазон перерождений в зависимости от обуславливающих эти перерождения деяний был очень широк – "от бога" до "червя", если вспомнить Г.Р.Державина. В буддизме же подчёркивается, что *любой* вид существования человека суть страдание и освобождением от него является выход из круга перерождений" [138, 127].

"В хинаяне бытие представляется безначальным и нескончаемым потоком ежемгновенных проявлений неких элементов, "сущностей", называемых дхармами (о них речь пойдёт при анализе доктрин школы Куся). Каждая дхарма имеет присущее только ей и не подверженное изменениям свойство. Комбинация дхарм образует то, что буддисты называют иллюзорностью мира, человека, его ощущений и т.д., т.е. то, что представляется реальным с точки зрения обыденного сознания. На самом деле, согласно философским установкам хинаяны, это лишь кажущаяся, номинальная реальность. Действительно же реальны только конечные "сущности", дхармы. В свою очередь, проявления дхарм, образующие иллюзию реальности окружающего мира и самого человека, обусловлены и скоординированы комплексом причин. Философия хинаянистских школ основное внимание уделяла разработке строго систематизированной теории дхарм, подвергая доскональному анализу сущность этого понятия и выявляя функциональную

роль дхарм, а также теории причинности (которые называются "пратитья самутпада"), т.е. законов их проявления" [138, 194].

"Прежде всего была подчеркнута неразрывная, органическая связь между определением и определяемым: все "дела и вещи" обязательно как-то проявляются, имеют внешнее выражение, а любые определения всегда что-то характеризуют. Следовательно, нет сущности без атрибута и наоборот. Однако все "дела и вещи" могут быть названы, определены только лишь относительно друг друга. Поэтому, говорит Нагарджуна, "если не имеется "себя" (яп. "дзи", что можно трактовать как субъект или первый член биннома), то нет и "его" (яп. "та" – этот термин обычно понимается в смысле объекта, второго члена биннома), т.е. – и это принципиально важный момент – нечто выявляется при наличии некоей точки отсчёта, которая, в свою очередь, устанавливается также только относительно другой точки отсчёта, и так до бесконечности. Абсолютной точки отсчёта не существует. Далее, поскольку за любым атрибутом должна стоять некая неотделимая от него сущность, то последняя также относительна (как и атрибут), а не истинно реальна, и таковой, с точки зрения Нагарджуны, быть не может.

Следовательно, любое единичное (отдельное, ограниченное от другого) можно назвать существующим лишь относительно другого единичного. Собственно говоря, пафос всех рассуждений Нагарджуны был направлен на доказательства важнейшего для "мадхьямиков", а вслед за ними и для теоретиков других школ махаяны, положения о конечной нереальности единичного, т.е. дхарм" [138, 195].

"Нагарджуна тщательно проанализировал возможность безотносительно определения категорий движения, покоя, субстанции, качества, времени, изменения, причинности, "я", а также существования Будды в "превращённом теле" и показал, что невозможно назвать что-либо само по себе или, выражаясь словами С.Радхакришнана, ничто не является самостоятельно существующим, ибо всё основано на бесконечной серии причин и следствий" [138, 195-6].

"Нагарджуна говорит: "Так как эти вещи принадлежат массе внутренне присущих и внешних причин, [они] не имеют собственной природы (естества), а так как не имеют собственной природы, то пусты. Пустота также пуста. Только для того, чтобы "тянуть и вести" живые существа (т.е. направлять их к просветлению. – А.И.), проповедуют (называют) временные имена" [138, 197]. "Используя терминологию "негативной" диалектики "шуньявады", можно сказать, что бытие одновременно "непостоянно" и "непрерывно" [138, 198].

"Это цепочка из восьми "не" (яп. "фу") не что иное, как фраза из начальных строк трактата "Тюрон": "Я, склонив голову, поклоняюсь Будде, [который проповедует]: ничто *не* рождается и *не* исчезает, [всё] *не*

постоянно и *не-прерывно*, *не-едино* и *не-различно*, *не* приходит и *не* уходит (курсив наш. – А.И.) ("Тюрон", цит. по [117, с.228]) [138, 203-4].

"Нагарджуна сравнивается с И.Кантом, причём индийский мыслитель представлен более последовательным и логичным в доказательстве неспособности разума познать действительный механизм бытия, чем немецкий философ" [138, 277].

"Если следовать классификации А.П.Шептулина типов соотношений единичного и всеобщего в истории философии, то представления "мадхьямиков" напоминают представления платоновского типа: наличие статичного общего; единичное, которое может изменяться, – вторично по отношению к общему. Соотношение единичного и общего в философии хинаяны тяготеет к номиналистическому типу: теоретики данного направления отрицали объективное существование общего и полагали, что все феномены только единичны, а "общее – плод человеческой мыслительной деятельности и существуют лишь в умах людей" (Шептулин А.П. О сущности всеобщего. – Философские науки. 1984, № 1, с.29) [138, 277].

"Сфера обитания" (яп. "сэкэн") трактуется в буддийских текстах как среда обитания живых существ, окружающее человека пространство, а также всё наличествующее и имеющее место в этом пространстве (т.е. "дела и вещи"). "Сэкэн" – своеобразный социо-экологический комплекс, причём то и другое связано в нём неразрывно" [138, 277].

"Перевод этих терминов, предложенный О.О.Розенбергом, нельзя признать удачным. "Бытие" в данном случае следует понимать как бытие "дел и вещей", но ни в коем случае как бытие вообще, поскольку философия буддизма исключает понятие "небытия". Это закономерно вытекает из концепции о вечном и вездесущем Будде в "теле Закона". Возможно, имеет смысл попытаться найти какой-либо другой эквивалент "уихо" и "муихо" [138, 278].

"Приведём лишь один из примеров, оправдывающих, как нам кажется, такое исследование, – очень короткий отрывок из рассуждений об "абсолютном максимуме" Николая Кузанского, отождествлённом им с богом: "Максимумом я называю то, больше чего ничего не может быть. Но такое преизобилие свойственно единому. Поэтому максимальность совпадает с единством, которое есть и бытие. Если такое единство универсальным и абсолютным образом возвышается над всякой относительностью и конкретной ограниченностью, то ему ничего и не противоположно по его абсолютной максимальности. Абсолютный максимум есть то единое, которое есть всё, поскольку он максимум; а поскольку ему ничто не противоположно, с ним совпадает и минимум. Тем самым он пребывает во всём; в качест-

ве абсолюта он есть актуально всё возможное бытие и не определяется ничем вещественным, тогда как от него – всё"¹⁰ [138, 281].

Фромм Э. Душа человека.

35

Познать себя

"Глубоко разочарованный человек, который чувствует себя обманутым, может начать ненавидеть жизнь. Если ни на что и ни на кого нельзя положиться, если вера человека в добро и справедливость оказывается только глупой иллюзией, если правит дьявол, а не Бог, тогда жизнь действительно достойна ненависти, и боль последующих разочарований становится далее невыносимой. Именно в этом случае хочется доказать, что жизнь зла, люди злы и сам ты зол. Разочарование в вере и любви к жизни делают человека циником и разрушителем. Речь, таким образом, идёт о деструктивности отчаяния; разочарование в жизни ведёт к ненависти к жизни" [360, 40].

"В то время как жизнь характеризуется структурированным, функциональным ростом, некрофил любит всё, что не растёт, всё, что механично. Некрофил движим потребностью превращать органическое в неорганическое, он воспринимает жизнь механически, как будто все живые люди являются вещами. Все жизненные процессы, все чувства и мысли он превращает в вещи. Для него существенно только воспоминание, а не живое переживание, существенно обладание, а не бытие. Некрофил вступает в отношение с объектом, цветком или человеком только тогда, когда он им обладает; поэтому угроза его обладанию означает для него угрозу ему самому; если он теряет владение, то он теряет контакт с миром. Отсюда парадоксальная реакция, которая заключается в том, что он скорее потеряет жизнь, чем своё владение, хотя вместе с потерей жизни он перестаёт существовать как владелец... Его наполняет глубокий страх перед жизнью, поскольку жизнь неупорядоченна и неконтролируема соответственно своей сущности" [360, 51].

"Но жизнь никогда не бывает чем-то определённым, её никогда нельзя предсказать и поставить под контроль; чтобы сделать её контролируемой, её нужно превратить в мёртвое; смерть – единственное, что определённо в жизни" [360, 52]. "В противоположность теории Фрейда об «инстинкте смерти», я разделяю точку зрения многих биологов и философов, что имманентное свойство любой живой субстанции – жить и сохраняться в жизни" [360, 55].

"Эту тенденцию жить мы наблюдаем у любой живой субстанции вокруг нас: у травы, которая сквозь камни ищет свой путь к свету и жизни; у животного, которое борется до последнего, чтобы избежать смерти; у человека, который делает почти всё, чтобы сохранить себе жизнь.

¹⁰ Николай Кузанский. Сочинения. Т. 1-2. М., 1979, т. 1, с.51-2.

Тенденция к сохранению жизни и борьбе против смерти является элементарнейшей формой биофильного ориентирования и присуща любой живой материи. До тех пор, пока речь идёт о тенденции сохранить жизнь и *бороться* против смерти, она представляет собой лишь один аспект стремления к жизни. Другой аспект, более позитивный, состоит в том, что живая субстанция имеет тенденцию к интеграции и объединению; она обнаруживает тенденцию объединяться и расти соответственно структуре. Объединение и совместный рост характерны для всех процессов жизни, причём это имеет отношение не только к клеткам, но также и к мышлению, чувствам" [360, 56].

"Вероятно, именно поэтому природа оснастила человека самым интенсивным чувством наслаждения при соединении обоих полов. В результате этого соединения биологически обычно появляется новое существо. Соединение, рождение и рост составляют цикл жизни, так же как цикл смерти состоит из прекращения роста, из дезинтеграции и распада" [360, 56].

"*Биофильная этика* имеет собственный принцип добра и зла. Добро есть всё, что служит жизни; злым является всё, что служит смерти. Добро есть «глубокое уважение к жизни», всё, что служит жизни, росту, развитию. Злым является всё, что душист жизнь, стесняет её и расчленяет на куски. Радость – это добродетель, а печаль – грех" [360, 57-8]. "Если справедливо, – говорит Фрейд, – что в незапамятные времена и непредставимым образом из неживой материи однажды появилась жизнь, то, согласно нашему предположению, тогда же должен был возникнуть инстинкт, направленный на то, чтобы её уничтожить и снова восстановить неорганическое состояние" [360, 59].

"Жизнь является структурированным ростом и по своей сути не может быть строго контролируема и предопределяема. В жизненной сфере можно оказывать влияние на других только посредством присущих жизни сил, таких, как любовь, побуждение или пример. Жизнь может быть пережита только в её индивидуальных проявлениях – в одном-единственном человеке, или в одной птице или в одном цветке. Не существует жизни «масс», нет абстрактной жизни. Наша установка на жизнь становится всё более механической. Наша основная цель состоит в том, чтобы производить вещи, и в ходе этого поклонения вещам мы превращаем самих себя в предметы потребления. С людьми обращаются, как с номерами. Речь идёт не о том, хорошо ли обращаются с ними и хорошо ли кормят их (с вещами тоже можно обращаться хорошо), а о том, являются ли люди вещами или живыми существами. Люди находят больше удовольствия в механических аппаратах, чем в живых существах" [360, 68].

"Совершенно очевидно, что сегодня есть много мужчин, которых больше интересуют спортивные машины, теле- и радиоаппаратура, космические полёты и всевозможные технические игрушки, чем женщины, любовь, природа и хорошая еда. Занятость неорганическими, механическими вещами

стимулирует их больше, чем жизнь. ... Homo mechanicus всё ещё наслаждается сексом и выпивкой, но он ищет эти радости в рамках механического и неживого. Он думает, что где-то должна быть такая кнопка, которую нужно только нажать, чтобы получить счастье, любовь и удовольствие" [360, 69].

"Короче говоря: интеллектуализация, квантификация, абстрагирование, бюрократизация и овеществление – отличительные черты нынешнего индустриального общества – не есть принципы жизни; они являются механическими принципами, если их применяют к людям, вместо того, чтобы применять их к вещам. Люди, живущие в такой системе, становятся равнодушными к жизни и чувствуют влечение к мёртвому. Правда, сами они этого не замечают. Они принимают возбуждающие соблазны за радость жизни и пребывают в иллюзии, что ведут очень живую жизнь, если обладают и могут пользоваться множеством вещей" [360, 70].

"Что же отдаёт один человек другому? Он делится с ним самим собой, своей жизнью, самым дорогим, что у него есть. Это отнюдь не значит, что он обязательно должен жертвовать жизнью ради другого, – просто он делится тем, что есть в нём живого: своей радостью, своими интересами, своими мыслями, знаниями, настроением, своей печалью – всеми проявлениями своей жизни. Итак, делясь своей жизнью, человек обогащает другого, увеличивая его жизненную силу и тем самым также и свою" [360, 193].

"С этой точки зрения жизнь не имеет иного смысла, чем тот, который человек сам ей придаёт; человек бесконечно одинок, если только он не помогает другому" [360, 233].

"Говоря о любви к Богу, я хочу подчеркнуть, что я сам не придерживаюсь теистической концепции, что для меня понятие Бога представляет собой исторически обусловленное понятие, в котором человек в данный исторический период выразил переживание своих наивысших возможностей, своё страстное стремление к истине и к единению. Но вместе с тем я считаю, что следствия строгого монотеизма и не-теистическая наивысшая забота о духовной реальности хотя и различны, но не противоречат друг другу" [360, 233].

"Вне всяких сомнений, в первые годы своих психоаналитических изысканий Фрейд разделял традиционную рационалистическую убежденность в том, что знание интеллектуально и теоретично. ... Но вскоре Фрейду и другим психоаналитикам пришлось признать правоту положения Спинозы, согласно которому *интеллектуальное* знание благоприятствует изменениям лишь настолько, насколько оно *эмоционально*" [360, 529]. "И для Спинозы, и для Маркса цель жизни – освобождение от рабства, и путь осуществления этой цели – в преодолении иллюзий и в полном использовании наших деятельностных сил" [360, 538].

"Возьмём для примера христианское учение: учение Христа, идеалы смирения, братской любви, справедливости, милосердия и прочее были теми под-

линными идеалами, которые так воздействовали на сердца людей, что те были готовы пожертвовать жизнью ради этих идеалов. Однако на протяжении истории эти идеалы использовались и для того, чтобы служить рациональным прикрытием прямо противоположным целям. Истреблялись независимые и мятежные умы, крестьян эксплуатировали и угнетали, благословляли войны, поощряли ненависть к врагу – и всё это делалось во имя тех же самых идеалов. В данном случае идеология не отличалась от рационализации. Но история свидетельствует, что у идеологии есть и своя жизнь" [360, 352-3].

"И задача человека – раздвинуть границы свободы, усилить обстоятельства, благоприятствующие жизни и противостоящие тем, что способствуют смерти. Жизнь и смерть, как они обсуждаются здесь, – это не биологические состояния, а состояния бытия, отношения к миру. Жизнь означает постоянное изменение, постоянное возрождение. Смерть означает прекращение роста, окостенение, повторение" [360, 578]. "Я верю, что ни жизнь, ни история не обладают таким высшим смыслом, который бы, в свою очередь, придавал жизни индивида смысл или оправдывал его страдания" [360, 578].

"Жизнь человека начинается в утробе матери. Даже после рождения он остаётся частью матери, подобно тому как первобытный человек был частью природы. Всё больше осознаёт он свою обособленность от других людей, сохраняя тем не менее глубокую привязанность к надёжному и безопасному прошлому. Он боится полностью порвать с прошлым и стать самостоятельным индивидом. Мать, племя, семья – все они так "привычны". Чужак, не связанный с нами ни узами крови, ни обычаями, ни пищей, ни языком, вызывает подозрение: не опасен ли он?" [360,].

"Маркс якобы считал главным мотивом человеческой деятельности стремление к материальной (финансовой) выгоде, к удобствам, к максимальной прибыли в своей жизни и жизни своего рода" [360, 588]. "Маркс чётко формулирует свою позицию в отношении истории общества: "Этот способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В ещё большей степени это – определённый способ деятельности данных индивидов, определённый вид их жизнедеятельности, их определённый образ жизни. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами" [360, 593]. "В противоположность Гегелю, Маркс исследует человека и историю; и при этом он исходит не из идей, а из действительного (реального) человека и экономических и социальных условий его жизни" [360, 594].

Цитируется Маркс: "Сами они (люди. В.Л.) начинают отличать себя от животных, как только начинают *производить* необходимые им средства к жизни... свою материальную жизнь" [369, 597]. Маркс в "Капитале": "Условие их существования – низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками мате-

риального процесса производства жизни, а значит, ограниченность всех их отношений друг к другу и к природе. Эта действительная ограниченность отражается идеально в древних религиях, обожествляющих природу, и народных верованиях. Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой..." [360, 597].

"Труд есть выражение человеческой жизни, и труд изменяет отношение человека к природе, а отсюда и человек изменяется в труде, посредством труда" [360, 598]. "В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил" [360, 598]. "Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще" [360, 598].

"Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание". Более полное изложение проблемы сознания Маркс даёт в "Немецкой идеологии" [360, 600]. "Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни" [360, 601]. "Маркс видел, что никакая политическая сила не может вызвать к жизни ничего принципиально нового, если оно не подготовлено в недрах общественного и политического развития (того или иного общества)" [360, 604].

"Ни деньги, ни власть, ни чувственные наслаждения не могут дать человеку понимание смысла жизни; в отрыве от целого мира он останется несчастным. Только творчество наполняет жизнь человека особым смыслом и позволяет ему радоваться жизни, не цепляясь за её ценности. Человек становится способен распрощаться с *жаждой иметь* и в полной мере ощутить наполненность своего *бытия*: он наполнен жизнью, хотя его карман пуст, он много значит сам (он есть), хотя он мало что имеет" [360, 607].

"Маркс приходит к новому пониманию богатства и бедности, которое отличается от понятий политэкономов. Маркс пишет: "... на место экономического *богатства* и экономической *нищеты* становятся *богатый человек* и *богатая человеческая* потребность. *Богатый человек* – это в то же время человек, *нуждающийся* во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как *нужда*" [360, 610]. "Жизнь человека, по Марксу, не должна стать *средством* даже его индивидуального бытия; ну а если человека рассматривать как средство обеспечения бытия класса, нации или *средство* государства?" [360, 624].

"Маркс ожидает, что человек не будет чувствовать себя зависимым в таком неотчуждённом, свободном обществе, что он будет твёрдо стоять на собственных ногах и не будет испытывать на себе уродливые отчуждённые формы труда, производства и потребления; что человек и впрямь станет творцом своей жизни и, таким образом, сможет начать жить, сделать своим главным занятием *жизнь*, а не производство *средств* жизни. Социализм, как таковой, никогда не означал, по Марксу, исполнения желаний жизни, а скорее был *условием* такого исполнения" [360, 630-1].

Всякое суждение идеологической и политической направленности, относительно той или иной социальной и жизненной ценности, обычно в большинстве случаев по своему смыслу неоднозначно и спорно, многомерно и диалогично. Такого рода "оценочные" высказывания сами по себе тенденциозны и относительны, потому в общем определённо дискуссионны. Как правило, подобным мнениям противостоят другие партийные оценки и взгляды. "Когда люди говорят друг с другом, они не слушают друг друга, если не считать поверхностного и вежливого "слышания" того, что говорит другой" [360, 556].

Мамардашвили М. Лекции о Прусте
36

Необходимость себя

"Здесь фигурирует тема, которую я всё время, как подводный ныряльщик, огибал и затрагивал, а именно тема искусства, как чего-то более реального, чем та жизнь, которую мы отделяем от искусства, рассматривая его в качестве добавления к жизни" [199, 160]. "И эта жизнь есть искусство" [199, 161]. "В этом смысле жизнь наша, как реальная жизнь, есть только нами самими осуществляемый перевод того, что в нас запечатлено" [199, 161].

"... в действительности наша духовная жизнь – метафизика, литература, искусство, право, мораль – имеет в своей основе излишество, динамическую избыточность, которой нельзя придать смысл и которая не разрешима ни в каких терминах пользы, ни в каких терминах конкретной ситуации" [199, 266]. "... жизнь или живое не укладываются и не содержатся в наблюдаемых измерениях" [199, 308-9]. "И обычно считаем, что жизнь – это одно, а искусство – что-то, существующее помимо жизни, рядом с ней, над ней" [199, 312].

"... когда мы говорим, казалось бы, о вещах умозрительных, относящихся к пониманию, к познанию мира и так далее, – в действительности речь идёт не о познании в обычном смысле слова, но об умозрении, а именно о той нашей сознательной жизни, которую можно называть даже не сознанием, но сознательным бытием, и которая есть наша судьба, реальная жизнь, никоим образом не отделяемая ни от каких актов познания" [199, 327]. "... потому что сознательная жизнь есть то, вопрос о начале чего не имеет смысла" [199, 358]. "Но так и должно быть, ведь наша жизнь едина и неделима" [199, 424].

"Повторяю, мысль случайна так же, как случайна жизнь, и она решается в каком-то котле непрерывного воссоздания и воспроизводства, где всегда есть дополнительный элемент по отношению к содержанию воссоздаваемого или воспроизводимого" [199, 510]. "Тем самым я убедился в ложности искусства, претендующего на реализм, и которое, конечно, не было бы столь вводящим нас в заблуждение, если сама наша жизнь не выработала бы привычку давать тому, что мы чувствуем, выражение, расходящееся с тем, что почувствовали, и которое мы по ходу времени, постепенно, принимаем за саму реальность" [199, 545].

"В философии говорят о "вечных проблемах" в смысле деятельности, полноты бытия, созидания, то есть о жизни через какие-то произведения, о попытке жить иным способом" [200, 50]. "Но это не значит, что бытие – неразрешимая проблема. Неразрешимая проблема в том смысле, что вообще – не проблема. Как и жизнь в целом, какие-то её аспекты – да, но жизнь не может быть проблемой" [200, 51]. "До предела доводится то, что уже есть. А что есть? – Попытка, борясь с потоком времени в нашей жизни, воспроизводить в этом потоке какие-то состояния, человеческие связи" [200, 60].

"Что жизнь человеческая без дома, то есть без какого-то пространства, вокруг которого могут возводиться круглые стены, квадратные и т.д., – практически невысказано" [200, 66]. "Поэтому нам нужно удерживать в голове не только мировоззренческую объективную сторону дела, где философия выступает как аппарат понятий, представлений и действий, но одновременно и способ личностного бытия, эксперимента с собственной жизнью, когда совпадает со способом жизни, который практикуется человеком" [200, 71].

"... в виде периодического мигания звезды. И мы могли бы предположить, что это мигание есть сознательное сообщение нам каких-то знаний, сведений, т.е. проявление некой сознательной жизни" [200, 76]. "Кое-что меняется в нашей нравственной жизни, если мы считаемся с бессмертием нашей души" [200, 107]. "Философская метафизика (причём, не обязательно выполняемая в специальных философских понятиях, а используемая нами в повседневной жизни в зависимости от нашей жизнерадостности) имеет вообще прямое отношение к человеческому достоинству и к личности человека" [200, 112].

"Подчёркиваю, очень существенное место в жизни культуры занимают такие мыслительные духовные конструкции, содержание и задача которых состоит не в том, чтобы описывать, каков мир" [200, 136]. Руссо. "Он считал, что сформировавшиеся существа, называемые людьми, оказавшись вместе, вступают в договорные социальные отношения для того, чтобы возникла возможность совместной жизни, чтобы в их жизни реализовался некоторый минимум цивилизации, порядка. Минимум справедливости и т.д." [200, 141].

"Наоборот, совокупность земных интересов лежит как раз на психологическом уровне в том смысле, что это всегда сознательные интересы, в том

числе и корыстные, классовые. Они есть в жизни, в обществе, в истории, но они не требуют теории" [200, 149]. Небесспорное утверждение. "... Мудрость Маркса есть мудрость Платона, и наоборот, тут никакого прогресса не совершилось. Но это не упрёк: в нашей жизни, как я уже отмечал, дай нам Бог понимать и думать то, что думали всегда" [200, 150]. Можно согласиться с таким взглядом, можно не соглашаться в чём-то.

"Власть ради власти, сама себя обслуживающая и воспроизводящая, а не *civil servise*. Это антижизнь" [200, 164]. Понятна позиция и точка зрения, но кто его знает, как судить. "Не случайно у такого философа, как Кант, чаще всего принцип жизни отождествлялся с некоторым духовным принципом: принцип живого есть нечто одушевляющее, который дальше никак подробно не определялся (у грамотных философов, конечно, – они где-то разумно останавливались всегда на пороге определения и определения не давали)" [200, 215]. На сказанное стоит обратить внимание.

"... люди, пытающиеся в рамках биологического цикла наук определить, что такое жизнь, редко могли уйти от интуитивной связи проблем жизни с проблемой духа, одушевлённости" [200, 215].

"Значит, феномен сознания похож на феномен жизни хотя бы своей неопределимостью. То есть он доступен нам в интуиции и недоступен на уровне экспликации нашей интуиции" [200, 215]. "... когда мы вырываем феномен жизни из области интуиции и пытаемся как-то его эксплицировать, выразить более ясно, то говорим о нём нечто такое, что близко к тому, когда говорим о духе, о духовном принципе" [200, 215].

"Ведь когда мы говорим о жизни и о том неуловимом, что является жизнью, то имеем, несомненно, в виду, что всё живое отличается тем, что воспроизводит себя в качестве живого: всё живое не хочет умирать" [200, 215]. "Разумеется, я не говорю, что это научное определение жизни. Я говорю, что сама действительность есть принцип жизни. Континуальность есть принцип жизни" [200, 297]. "В самой жизни никакие смыслы не завершаются" [200, 298]. "Смысл, повторяю, не выполняется в жизни, но есть пространство и время смысла, который сначала описывается в чистых терминах (в терминах онтологических), и он же может быть рассмотрен как орган жизни" [200, 299].

"Позади меня, позади каких-то актов, выполняемых в некотором топосе, в котором действуют ограничения, связности, налагаемые на саму возможность жизни; оттуда, как бы сзади, мир раздувается, вырастает в тот громадный мир, который набит предметами, звёздами, людьми и т.д." [200, 302]. "Грубо говоря, идея состоит в том, чтобы выявить в реальном социально-историческом бытии, в нашей жизни и в нашем сознании то место, которое занимает в них некоторый эмпирически невидимый элемент, не поддающийся наглядному изображению и описанию и тем не менее иг-

рающий некую таинственную, но существенную роль в том, как складываются и наши жизни, и наши исторические судьбы" [200, 317].

"Наша жизнь в обществе и истории всегда связана с желанием и попыткой выскочить из того, что не наше, собрать себя (а собрать себя можно только в каком-то пространстве, в каком-то топосе), когда приходится прорываться через пелену слов, обретая себя в своём сознании, потому что часто это не наше, а то сознание, а которое мы попали благодаря случайному акту рождения" [200, 318]. "Итак, мы различаем, с одной стороны, такие сложные формы социальной жизни, которые являются продуктами цивилизации и изобретения, а с другой стороны – элементарные формы общественной жизни" [200, 321].

"В истории европейской культуры, как известно, было предсказание поворота, за которым произойдёт редукция сложных или искусственных форм социальной жизни и разовьются, выплеснутся элементарные формы, порождающие свой антропологический материал, – тип человека, который я называю "элементалом", или "зомби" [200, 323]. "А мы начинаем понимать, как действительно работают "мускулатура", "органы воспроизводства" нашей жизни, технология общественной жизни, и тогда иначе увидим место науки, искусства, правопорядка и т.д." [200, 325]. "Я думаю, что другая жизнь, другое небо, другой мир – находятся в этом мире" [200, 368].

"... общество, которое не может рационально организовать свои собственные отношения, выделяет рациональную критику и понимание самого себя ("совесть") в особую функцию, передаёт их особому, отделённому от непосредственного процесса жизни слою людей – интеллигенции, которой суждено разрываться между противоположными и взаимообуславливающими друг друга полюсами: между чувством привилегии, высокомерия разума и комплексом бессилия и неполноценности перед жизнью, массовым практически-историческим бытием" [200, 401].

"Поэтому у Маркса проблема "интеллигенции ставится с самого начала как *часть* проблемы общества и массового практически-исторического процесса жизни, а не сводится к перипетиям и преобразованиям в витающем над обществом универсальном и "чистом" сознании, какими бы оно не становилось от этого благонамеренно "социалистическим", "подлинно человеческим", "пролетарским" и т.п." [200, 401]. "Отсутствие правильной риторики есть отсутствие питательной среды мысли и наоборот отсутствие мысли разрушает речевую почву самой жизни" [200, 422].

Артур Шопенгауэр (1786-1861)

Из вступительной статьи: "Социальная жизнь проникнута скудоумием и пошлостью, завистью и лицемерием. Забота о ближних и борьба за счастье угнетённых то и дело оказываются на поверку искательством собственной выгоды, патриотические призывы – маской своекорыстного национализма, парламентская болтовня – прикрытием самого беззастенчивого группового и личного эгоизма, выпренная демонстрация религиозных чувств – маскировкой ханжеской бессовестности. Большинство философов стремятся не к тому, чтобы обнаружить истину, но лишь к тому, чтобы утвердить своё материальное благополучие... Жизнь людей в обществе полна нужды, страха, горя и страданий. Тревоги чередуются с разочарованиями, а отделяющие их друг от друга моменты удовлетворения своих желаний мимолётны и приносят затем скуку и новые страдания. Люди портят друг другу жизнь..." [384, 19-20]. Всё то правда, началось ещё в прошлые времена.

"Поток событий во времени – это пёстрая смена одних случайных происшествий другими, подобная вереницам кучевых облаков на небе в ветреную погоду (Ницше потом сравнил ход исторических событий с мелкой зыбью на поверхности моря)" [384, 21]. "Таким образом складывается некоторое подобие схемы, возникшей у датского философа Серена Кьеркегора, согласно которой в жизни ищущего истину человека последовательно сменяются эстетический, этический и религиозный стили жизни" [384, 25]. Итак, есть разные подходы и стили жизни.

"Оставя в стороне всё химическое различие материи или вернувшись по цепи причин и действий так далеко назад, что химическое различие ещё не существует, мы найдём простую материю, мир, скомканный в шар, коего жизнь, т.е. объективация воли, состоит только из этой борьбы притягательной силы с отталкивающей" [384, 58]. Жизнь как объективация воли. "И оттого наша жизнь прежде всего подобна платежу, который весь подсчитан из медных копеек и который надо всё-таки погасить: эти копейки – дни, это погашение – смерть" [384, 64]. Проще?

"Прежде чем так уверенно говорить, что жизнь – благо, достойное желаний и нашей признательности, сравните-ка беспристрастно сумму всех мыслимых радостей, какие только человек может испытать в своей жизни, с суммой всех мыслимых страданий, какие он в своей жизни может встретить" [384, 66-7]. "Истина же в том, что и смерть, и жизнь с её страданиями представляют одно неразрывное целое – один лабиринт заблуждений, выйти из которого так же трудно, как и желательно" [384, 70]. Жизнь как лабиринт заблуждений. И что же ещё?

"Зрячая воля, напротив, скоро высчитала бы, что предприятие не покрывает своих издержек, ибо жизнь, исполненная необузданных порываний и борьбы, требующая напряжения всех сил, обременённая вечной заботой, страхом и нуждой, неминуемо влекущая к разрушению индивидуального бытия, такая жизнь не искупается самым существованием человека, которое завоёвано столь трудной ценою, эфемерно и под нашими руками расплывается в ничто" [384, 70]. "Одно изречение Гераклита гласило так: "Жизнь только по имени жизнь, на деле же – смерть" ("Большая этимология слова "жизнь"; также Эвстет об "Илиаде")" [384, 78]. Противоположное?.

"Существует одно настоящее, и оно существует постоянно, ибо оно представляет собою единственную форму действительного бытия. Надо проникнуться тем убеждением, что *прошедшее* не само по себе отлично от настоящего, а только в нашем восприятии, которое имеет своей формой время, – и лишь в силу его настоящее кажется отличным от прошлого" [384, 100]. "Другими словами: эта проблема трансцендентна. В этом смысле смерть остаётся тайной" [384, 115].

И жизнь тоже, признаемся, для нас такая же тайна.

"С этой точки зрения, для меня представляется не случайностью, что вечность одновременно означает и отдельный человеческий век, и бесконечное время: уже отсюда можно видеть, хоть и неясно, что, сами по себе и в своём конечном основании, и то, и другое составляют одно и что поэтому, собственно говоря, безразлично, существую ли я только в течение отмеренного мне века или же в бесконечности времён" [384, 124-5]. "... так как они прямо почерпнуты из основных воззрений церкви на жизнь и её смысл" [384, 167].

"Ибо на каждом шагу, как в великом, так и в малом, всё учит нас, что мир и жизнь совсем не приспособлены к тому, чтобы дарить нам счастливое существование" [384, 182]. "В этом смысле правильнее было бы видеть цель жизни в нашем страдании, а не в нашем счастье. В самом деле: соображения, которые я предложил в конце предыдущей главы, показали, что чем больше человек страдает, тем скорее достигает он истинной цели жизни, и чем счастливее он живёт, тем дальше от него эта цель" [384, 183]. "... жизнь коротка, ненадёжна, пуста и завершается горестной смертью" [384, 187]. Мрачный взгляд, пессимизм.

"Человек, одарённый таким преимуществом, благодаря этому, наряду со своей личной жизнью, имеет ещё и другую, именно – интеллектуальную, которая постепенно становится для него подлинной целью, так что по отношению к ней, первая жизнь является в его глазах лишь средством, – тогда как для остальных должно иметь значение цели само это плоское, пустое и скорбное существование" [384, 213].

Две жизни – два пути: ползком существование и полёт.

"Сократ хвалил досуг превыше обладания девой" [384, 216]. [Человек без духовных потребностей] "Поэтому вершина его бытия заключается в устрицах и шампанском, а цель его жизни – добывать себе то, что способствует телесному благополучию" [384, 218]. "Вследствие этого для нашего счастья важно заранее прийти к той простой мысли, что каждый прежде всего и на деле живёт в своей собственной коже, а не во мнении других, и что поэтому наше реальное и личное состояние, как оно определяется здоровьем, характером, способностями, доходами, женою, детьми, друзьями, жилищем и т.д., стократ важнее того, что угодно делать из нас другим" [384, 228]. Жизнь – самодостаточность или в глазах света.

"С другой стороны, самый дешёвый вид гордости – гордость национальная. Ибо кто ею одержим, обнаруживает этим отсутствие в себе каких-либо индивидуальных качеств, которыми он мог бы гордиться, так как иначе ему незачем было бы хвататься за то, что у него общего с миллионами. У кого есть выдающиеся личные достоинства, тот, напротив, всего яснее видит недостатки своей собственной нации, так как они постоянно у него на глазах. А всякий жалкий бедняга, у которого нет за душой ничего, чем он мог бы гордиться, хватается за последнее средство – гордится той нацией, к какой именно он принадлежит..." [384, 233].

"Кто же усвоил учение моей философии и потому знает, что всё наше бытие нечто такое, чего лучше бы совсем не было, и что величайшая мудрость заключается в самоотрицании и самоотказе, тот не соединит больших надежд ни с какой вещью и ни с каким состоянием, ничего на свете не будет страстно добиваться и не станет много жаловаться на свои неудачи в чём бы то ни было" [384, 281]. Есть такое отношение к жизни и такое мнение, называется пессимизм.

"Зачем томишь вечными замыслами слишком слабую душу?" Поводом к этому частому промаху служит неизбежный оптический обман духовного взора, обман, благодаря которому жизнь, при вступлении в неё, кажется бесконечной, а обзриваемая с конца пути – очень короткой" [384, 284]. "Ибо отдалённость, уменьшая предметы для глаза, увеличивает их для мысли. Только настоящее истинно и действительно, оно – реально заполненное время, и в нём исключительно лежит наше бытие" [384, 287]. Может быть, жизнь всё же больше только лишь настоящего времени. Жизнь в широком понимании и жизнь в узком смысле – есть разные.

"Для той же самой цели мы должны всегда помнить, что сегодняшний день приходит лишь однажды и никогда не возвращается. Мы же мним, будто он повторится завтра: однако завтра – уже другой день, тоже бывающий лишь однажды. Мы забываем, что всякий день – нераздельная, а потому и незаменимая часть жизни: мы полагаем, напротив, что отношение его к последней таково же, как отношение отдельных индивидуумов к охватыва-

вающему их общему понятию" [384, 288]. Конкретное, частное и общее понятие жизни – различать надо, без них никак не обойдёмся.

"Вечер, напротив, это старость дня: вечером мы утомлены, болтливы и легкомысленны. Всякий день есть маленькая жизнь; всякое пробуждение и вставание – маленькое рождение; всякое свежее утро – маленькая юность; всякое приготовление ко сну и засыпание – маленькая смерть" [384, 307]. "Жизнь состоит в движении", – с несомненным правом замечает Аристотель: и как, сообразно с этим, наша физическая жизнь заключается лишь в непрестанном движении и им обусловлена, точно так же и для нашей внутренней, духовной жизни требуется постоянная работа, какое-нибудь занятие, в виде действий или мыслей" [384, 310-1]. День и жизнь.

"Жизнь – это как бы шахматная игра: мы составляем себе план; однако исполнение его остаётся в зависимости от того, что заблагорассудится сделать в шахматной игре противнику, в жизни же – судьбе" [384, 342]. "В течение всей нашей жизни в распоряжении нашем всегда бывает лишь одно *настоящее*, и никогда не располагаем мы чем-то большим" [384, 349].

"Хотя и кажется, будто в сценах нашего детства мы всякий раз занимаемся лишь данным, индивидуальным предметом либо происшествием, и притом лишь поскольку они связаны с направлением нашей воли в это мгновенье, – однако в сущности дело обстоит иначе. Именно, жизнь, во всей своей значительности, стоит перед нами ещё столь новая, свежая, впечатления её ещё не успели притупиться от повторения, и мы, среди своих детских интересов, в тиши и без ясного умысла, всё время заняты тем, что в отдельных сценах и происшествиях улавливаем сущность самой жизни, основные типы её форм и обнаружений" [384, 350].

"Юноша ожидает, что его жизнь потечёт в виде интересного романа" [384, 335]. "С разбираемой здесь точки зрения, жизнь можно, далее, сравнить с вышиванием, в котором каждому в течение первой половины своего века приходится видеть лицевую сторону, а в течение второй – изнанку: последняя не столь красива, зато поучительнее, так как позволяет видеть связь нитей" [384, 355]. С чем только не сравнивалась жизнь, почему бы и зачем это? Что и с чем мы обычно сопоставляем, отчего бы и к чему такая наглядность? Вместо чего "художественный" приём?

"Пока мы молоды, что бы нам ни говорили, мы считаем жизнь бесконечной и потому не дорожим временем. Чем старше мы становимся, тем более экономим мы своё время". "С точки зрения молодости, жизнь – бесконечно долгое будущее; с точки зрения старости, это – очень краткое прошлое: так что вначале она представляется нам подобно вещам, если их рассматривать в бинокль, обращённый к глазам объективами, под конец же – подобно вещам в бинокль, который повернут к глазам окулярами. Надо

достигнуть старости, т.е. долго пожить, прежде чем станет понятно, насколько жизнь коротка" [384, 356].

"Только тот, кто достиг старости, получает полное и правильное представление о жизни, так как она лежит перед ним во всей своей целостности и своём естественном течении, главное же он может видеть её не только, как прочее, со стороны входа, но и со стороны выхода, так как тогда ему особенно ясно становится её ничтожество, – между тем как прочие всё время продолжают быть во власти заблуждения, будто самое главное ещё впереди" [384, 362]. Жизненные силы и энергия в молодости, опыт приходит в пору зрелости и мудрость к закату.

"В более широком смысле можно сказать и так: первые сорок лет нашей жизни дают текст, последующие тридцать – комментарии к нему, с помощью которого мы только и можем надлежащим образом понять истинный смысл и связь текста, вместе с его моралью и всеми тонкостями" [384, 363]. "Бедность в старости – большое несчастье. Если она предотвращена и сохранилось здоровье, то старость может быть очень сносной частью жизни. Спокойствие и обеспеченность – вот главные её потребности: поэтому в старости, ещё более прежнего, любят деньги, которые заменяют собою недостающие силы" [384, 367].

"Только род имеет бесконечную жизнь, и поэтому только он способен к бесконечным желаниям, к бесконечному удовлетворению и к бесконечным скорбям" [384, 395]. "А как ответ Шопенгауэру пусть прозвучат слова А.М.Горького: "Неправда, что жизнь мрачна, неправда, что в ней только язвы, да стоны, горе и слёзы! В ней не только пошлое, но и героическое, не только грязное, но и светлое, чарующее, красивое. В ней есть всё, что захочет найти человек, а в нём – есть сила создать то, чего нет в ней!" [384, 40] (повторяет Нарский). Пионерский салют!

Всё цитирую, потому что не умею именно так сказать сам, повторяю других авторов, если важно показать то, что уже придумано ранее, обращённое ко всем нам. Жизнь как борьба, как сопротивление, как бегство, как добро и зло... Всё односторонне и поверхностно, далеко не окончательное решение вопроса жизни. Нет же, она и сложнее, и глубже.

... "этой", "той" или "моей" смерти не существует, поскольку в самом устройстве мира нет места для смерти, ибо никто не рождается и никто не умирает, и сама жизнь как идеальный мыслительный образ в своих бесконечно малых и неуничтожимых единицах даётся через предустановленную гармонию" [262, 97]. "Только лабиринт даёт действительное представление о хаосе, который несёт о себе человек, о том, что такое жизнь" [262, 148].

"Мировая жизнь состоит в непрестанном созидании новых видов, новых пород" [294, 151]. "За исключением кратких, насыщенных лиризмом мгновений, жизнь и творчество никогда не бывают синхронны. В этом есть

и своя прелесть, и свои преимущества, и свои неудобства" [244, 240]. "Маркс один из первых сказал, – писал Анненков (а он, Анненков, одним из первых расслышал!), – что государственные формы, а также вся общественная жизнь народов с их моралью, философией, искусством и наукой суть только прямые результаты экономических отношений между людьми" [294, 497]. И пусть всё это спорно, зато сколько глубины и смысла!

Определяя, различаем: что есть жизнь и что есть в жизни, содержание, формы и части. Жизнь – кого и где, в чём? Добавим ещё к её характеристикам: срок, сплетение судеб, условия бытия, любовь, радость. Жизнь: события, поступки, случаи, работа, речь, мысли, чувства, книги. Страсти, страдание, переживания... Не назвать и не исчерпать всех деталей, уточнений и ассоциаций. Жизнь и мир, природа, социальный фон, картина, окружение, люди, служение, искание, знание. Чего только ещё не содержит, не несёт, не таит и не сдерживает жизнь: в ней и счастье, и слава, и семья, и дружба, и встречи, и труд. Тысячи и миллионы мелочей, и нужна перепись, перечисление всего подряд или хоть выборочно.

"Может быть, книгу следует строить как "собор"? – и тогда автор двоятся под бременем призваний: то каменщик, жизнь которого уже завещана камню, жизнь ничтожно малая по сравнению со временем собора, то архитектор, отыскивающий в вознесённых линиях будущих готических шпилей образцы экстатического разрешения тем суетного и вечного" [262, 358].

Есть суета сует и есть божественная вечность. Есть – существует, живёт, дышит. Сознание и язык различают далёкое и близкое, Землю и Небо (Космос), где высокое бытие-жизнь и где просто обыденность и быт.

На пути к психоанализу

"Вавилоняне верили, что звёзды божественны и обладают планом и разумом. Менструальный цикл, а также обострения ремиссии определённых заболеваний находились в тесной внутренней связи с активностью небесных тел" [10, 34]. "Спиритический мир вавилонян был населён множеством демонов, которые вступали в борьбу с не менее многочисленными добрыми духами и богами" [10, 35].

"Гераклит Эфесский (536 – 470 до н.э.), также занимавшийся поиском материального источника жизни, создал фундаментальную концепцию, основанную на феномене ритмичности. Жизнь и смерть, здоровье и болезнь, сон и бодрствование – ритмы, характерные для всех живых организмов" [10, 49].

"Идеи абсолютны, неизменны и совершенны. Мир, который мы ощущаем, изменчив, несовершенен и весьма приблизительно сопоставим с реальным, истинным, содержащимся в мире идей. Платон привнёс в развитие человеческой мысли новое качество действительности – психологическую

действительность" [10, 59]. "Он понял, что жизнь является динамическим равновесием. Тело постоянно созидает новые вещества и освобождается от отходов; жизнь являет собой процесс непрерывного ритма угасания и регенерации наподобие дыхательного ритма" [10, 60].

"Психология достигла пика своего развития, когда исследователь мог сказать, что глубины души есть продолжение самосознания, а мысль есть только жизнь, отражающаяся в нём" [10, 85]. "Перефразируя этот тезис, можно сказать: "мысль есть просто жизнь, отражённая и воспринятая живым организмом". Святой Августин, таким образом, был провозвестником не только феноменологии Гуссерля и экзистенциализма, но также и предшественником психоанализа" [10, 85]. "Подобно Кьеркегору, жившему несколькими веками позже, он [Святой Августин] использовал автобиографическую исповедь в качестве основы для психологического познания. Это был пример психоанализа без психоаналитика, выслушивающего и интерпретирующего признания больного" [10, 85]. "Августин решил, что этот сон выражал желание его матери, чтобы её сын разделил с ней её жизненный путь и таким образом получил прощение" [10, 86].

"Научная деятельность периода Ренессанса не могла развернуться в полной мере до тех пор, пока человек не стал доверять своему собственному опыту больше, чем тому, что он читал в древних текстах" [10, 111]. "Жизнь Кардано – это череда успехов и тяжёлых неудач, в которой счастье сменялось абсолютным унынием" [10, 128].

Джорж Беркли (1685 – 1753) и Дэвид Хьюм (1711 – 1776) ... "пришли к выводу о том, что абсолютное значение об окружающем мире невозможно, так как все получаемые человеком знания основаны на субъективном опыте через чувственное восприятие и не отражают объективной картины окружающего мира" [10, 143].

"Георг Эрнст Сталь (1660-1734) жил в Германии". "Сталь считал, что наиболее характерные черты всех живых организмов, как человеческих, так и человекоподобных, при возбуждении их какой-либо специальной силой наиболее отчётливо заметны в психологических проявлениях. Он называл эту жизненную силу "душой", которая неотделима от организма и не является чем-то внешним, что должно придаваться телу, чтобы сделать его живым" [10, 147].

[Спиноза. Этика] "Фундаментальный принцип есть стремление организма сохранить своё существование" [10, 150]. [Моро] "Представляется, таким образом, что человеку даны две модели существования, два типа жизни. Первое – это наше взаимодействие с внешним миром. Второй есть лишь отражение своей внутренней сущности, и питается он из собственных глубинных источников. Сновидение – нечто похожее на ничейную землю, где кончается внешний мир и начинается внутренний" [10, 209].

"Чаще всего голос совести невелик, совесть остаётся неким посторонним телом внутри себя, и жизнь есть постоянная борьба между изначально присущим человеку эгоизмом и его разумом" [10, 212]. "Так, учёные того периода возродили виталистскую философию древних, которые смотрели на жизнь как на осуществление божественного замысла, а жизненные процессы считали проявлением мистической целенаправленной силы" [10, 217].

Густав Теодор Фехнер (1801 – 1887). "Для него Вселенная есть космическое единство, а разделение на органическое и неорганическое весьма условно. Гармония есть сущность жизни; и гармония пронизывает всю Вселенную, организованную по единым законам" [10, 246]. "Психологические процессы характеризуют высшую форму организации материи. Выделяя принцип организации как основное свойство жизни, он тем самым предвосхитил принцип гомеостаза, выраженный Клодом Бернаром" [10, 247].

"Осознание того, что секс является неотъемлемой частью повседневного существования человека, мощной мотивационной силой, существенной частью его стремлений и действий, было ещё делом будущего" [10, 257]. П.И.Мёбиус (1853 – 1907) из Лейпцига. "Его больше интересовал феномен творчества и художественного таланта; он выдвинул концепцию выдающегося дегенерата, считая и себя таковым; кроме того, он написал несколько патобиографий великих людей" [10, 257-8].

З.Фрейд. "Его выводы и принципы вызвали к жизни первую всеобъемлющую теорию личности, основанную на наблюдении, а не на умозрительных предположениях" [10, 264]. "Он создал науку психобиографию, реконструируя не только историю симптомов болезни пациента, но и историю жизни пациента, а это помогало пролить свет на происхождение – психических симптомов" [10, 268]. "Он практически применил то, что другие – Пинель, среди прочих, более чем за сто лет до него – сформулировали в нечётких общих положениях, а именно: что психическое заболевание есть результат жизненного опыта индивида" [10, 268].

"Все эти материалы, а также 2300 семейных и 1500 писем, адресованных его будущей жене, использовал при написании биографии Фрейда его основной последователь Эрнст Джонс" [10, 270]. "Джонс умер от сердечно-го заболевания в 1958 году, вскоре после завершения монументальной трёхтомной биографии Фрейда" [10, 321].

"Биологическая жизнь есть постоянное взаимодействие этих двух сил: всеобщий процесс метаболизма, например, состоящий из конструктивной фазы – анаболизма, и редуکتивной – катаболизма. Духовная жизнь тоже включает в себя постоянную взаимосвязь эротических и разрушительных сил, которые проявляются в сознании в различных сочетаниях" [10, 291-2].

"Абрахам написал один из первых психобиографических очерков, основанных на применении психоанализа " [10, 318]. "Биографии великих

людей свидетельствуют, что им удавалось преодолевать природные недостатки волевым усилием" [10, 328-9]. В автобиографии Фрейд сам упоминает многих учёных мужей, внесших вклад в развитие психоанализа и работавших с ним "почти пятнадцать лет в тесном сотрудничестве и по большей части в тесной дружбе" [10, 334]. Юнг: "... в сущности, наша жизненная участь идентична судьбе нашей сексуальности" [10, 346].

"В биографии Ранка, написанный ею [Джесси Тафт], использован его юношеский дневник" [10, 359]. Отто Ранк (1884 – 1939). "Я постоянно нахожусь в состоянии полудрёмы, а реальность, в которой мне приходится жить, причиняет мне страдания... Сегодня я купил оружие, чтобы покончить с собой. А потом меня обуряла жажда жизни и огромный протест против смерти" [10, 359]. "Он, как и Адлер, свёл всю психологию к упрощённой монолитной системе; в то же время некоторые из его положений оказались чрезвычайно полезными для психиатрии, в особенности положение о том, что ребёнок должен осознать своё собственное существование как нечто отдельное от матери" [10, 364].

Швейцария. "Либеральные тенденции этой маленькой республики оказались весьма плодотворной почвой для изучения основных проблем человеческого существования" [10, 366]. "Пиаже принял за основу главную догадку Клапареда, что мысль появляется тогда, когда встречается новая ситуация, с которой нельзя справиться при помощи рефлексов и автоматических действий, усвоенных в прошлом" [10, 369].

Мейер. "Он также заинтересовался мыслью Томаса Хаксли о том, что наука есть систематизированный здравый смысл; позднее он подчеркивал, что здравый смысл должен играть главную роль в подходе психиатра-клинициста" [10, 380]. "Придёт день, когда мы поймём, что такое разум; каким образом беспокойные мысли, чувства, ощущения, одним словом, тот психологический феномен, который мы называем разумом, передаётся, откладывается в памяти и влияет на нас" [10, 413].

"Примерно такие рассуждения побудили Френча и Александера рассматривать жизненный процесс как комбинацию созидательных и разрушительных сил, а не как борьбу двух инстинктов [10, 453]. "... алкоголь, несомненно, поощряет вездесущее регрессивное стремление уклониться от трудностей, неизбежно сопутствующих задаче приспособления, присущих столь серьёзному делу, каким является жизнь" [10, 487]. "... даже на современном уровне развития психиатрии в законодательстве не существует адекватного определения психического заболевания" [10, 496]. "Многие люди ведут себя так, как будто сексуальное удовлетворение является главной целью их жизни" [10, 508]. "Плохие законы не исправляют общества" [10, 511].

"Экзистенциализм – сугубо европейское послевоенное явление – это выражение общей ориентации на проблемы собственного существования в

мире. Это направление диаметрально противоположно бихевиористскому. Экзистенциализм возвеличивает самосознание – осознание собственного существования – как основной человеческий опыт. Почему же это философское направление, провозглашённое в прошлом веке Сереном Кьеркегором (1813 – 1855) и Фридрихом Ницше (1844 – 1900), вновь возродилось в последние несколько десятилетий?" [10, 524].

"Дзэн – это китайская версия индийского буддизма, возможно получившая распространение благодаря деятельности проповедника Бодхидхармы, жившего в VI в. н.э. и применившего учение Гаутамы Будды к китайской культурной традиции" [10, 527]. "Этот бессмысленный диалог – нечто вроде промывания мозгов с целью воспрепятствовать логическому рациональному мышлению, которое мешает непосредственному интуитивному восприятию своей внутренней сущности. Разум и логика могут быть полезны для понимания окружающего мира, но они мешают осознать своё бытие" [10, 529].

"Сначала в философии и литературе, затем в социальных науках и, наконец, в психологии нового вида западный человек обратился к познанию своей собственной личности, к извечному вопросу о предназначении и смысле своей собственной жизни" [10, 16]. "Теория Дарвина представляет жизнь как инстинкт самосохранения, в котором борьба за существование является неосознанной. Благодаря концепции борьбы за выживание в биологической науке вновь возникает высшая идея" [10, 25].

"Чарлз Дарвин издал описательный трактат "Биографический набросок младенца" (1876), – который дал импульс целой серии работ других авторов" [10, 533]. "Гезелл и его сотрудники в Йельском университете подчёркивали, что каждый последующий период развития произрастает из предыдущего; они также сделали попытку показать на уровне поведения, как происходит процесс развития" [10, 533].

Ганс Дриеш (1867 – 1941) ..."приписывал направляющую силу, "витальную энергию", всем живым организмам. Он утверждал, что живой организм не может быть полностью понят с точки зрения механистической теории, и предполагал наличие формообразующей и направляющей силы как первоначального и независимого источника развития природы. Эта жизненная сила представляла собой субстанцию духовную, сверхъестественную. Действовала эта сила целенаправленно, а целью её являлось существование жизни" [10, 25].

"В раннем средневековье человек снова оказывается неотъемлемой частью общины. Вся его жизнь, от рождения до смерти, регламентирована. Он почти никогда не покидает места своего рождения. Его жизненный мир ограничен рамками сословной принадлежности. Как бы ни складывались обстоя-

тельства, дворянин всегда остаётся дворянином, а ремесленник – ремесленником. Его социальная роль для него так же органична и естественна, как собственное тело. Каждому сословию присуща своя собственная система добродетелей, и каждый индивид должен знать своё место" [157, 54].

"В жизнеописаниях и автобиографиях эпохи Возрождения друзья занимают всё более заметное место, а отношения с ними предстают значительно более многообразными, чем в средневековых хрониках" [157, 64]. Меняется жизнь, содержание и наполнение, образ жизни, её качество.

"Как писал, анализируя творческий метод Ф.М.Достоевского, М.М.Бахтин, "человек никогда не совпадает с самим собой. К нему нельзя применить формулу тождества: А есть А. По художественной мысли Достоевского, подлинная жизнь личности совершается как бы в точке этого несовпадения человека с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие, которое можно подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли, "заочно". Подлинная жизнь личности доступна только *диалогическому* проникновению в неё, которому она *сама* ответно и свободно раскрывает себя"¹¹ [157, 141].

"Кроме чисто методологических трудностей (насколько вообще надёжна психологическая реконструкция целостной личности по фактам её биографии и интимным документам) жанр психологической биографии нередко вызывает сомнения морального порядка: допустимо ли вообще разбирать личную жизнь великого человека, читать и обсуждать его интимные дневники, переписку и т.д., отнюдь не предназначенные для опубликования?" [157, 241-2].

"Психологическая биография, как и экспериментальная психология, учит прежде всего терпимости, пониманию того, что люди разные, их нельзя ни подравнять под одну гребёнку, ни исчерпать их индивидуальность с помощью нескольких "научных" ярлыков" [157, 247].

Мировая духовная культура. Христианство. Церковь.

40

Из бесед А.Меня.

"Почва – это жизнь, земное бытие; живительная влага – это дух, который её питает" [208, 21]. "И если человек несёт в себе злое начало, то, умирая, он вовсе не возвращается обратно в лоно Брахмана, а снова воплощается на земле. И эта жизнь продолжается без конца, и всё это вращается, подчиняясь железному закону кармы. Это называется сансара, или перевоплощение" [208, 66]. "Эта жизнь есть только поверхность бытия, а в глубине её клокочет то сокровенное, что является его высшей основой" [208, 103]. У буддистов свой взгляд на мир: эта жизнь для них – перевоплощение.

¹¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963, с.79.

"... вот благородная истина: рождение – страдание, старость – страдание, болезнь – страдание, смерть – страдание, то есть вся жизнь есть страдание. Вот вторая истина о страдании: оно происходит от жажды жизни. Тришна, жажда жизни, тащит человека через все перевоплощения именно потому, что в человеке не погасла жажда жизни; он, умирая, возвращается вновь. Отсюда дальнейший вывод. Вот, о монахи, благородная истина об уничтожении страдания: полное освобождение от этой тришны, конечная победа над страстями, изгнание, отвержение и оставление их" [208, 73].

"Вся человеческая жизнь является развитием духовных свойств" [208, 142]. "А поскольку люди всегда чувствовали, что они потому лишь и братья, что у них есть Отец, потому и жизнь их имеет смысл, что она к какому-то небесному смыслу привязана..." [208, 169]. "А дыхание – это есть жизнь" [208, 193]. "И хотя жизнь наша эфемерна, хотя она коротка и часто бывает ничтожна, причастность к Вечности, прикосновенность к ней делает её полной непреходящего содержания" [208, 205]. "Вечной остаётся жизнь, погибают отдельные организмы" [208, 226].

"Что же мы находим в этой книге важное для литературы и истории? Прежде всего особый, духовный, мистический историзм – восприятие жизни человечества как некоей драмы, цельной драмы, драмы, которая имеет завязку и направление" [208, 245]. "Жизнь показала, что и цивилизованный дикарь и нецивилизованный – равны друг другу: человек всегда есть человек" [208, 312]. "... для художника и поэта творчество есть его жизнь, а жизнь судится только перед лицом вечности. Если вечности нет, то мы как саранча, которая проносится и исчезает в воздухе, не оставив после себя ничего, кроме голой земли" [208, 348]. "Земля и жизнь на ней – не просто случайное скопление атомов и молекул, а это есть организм" [208, 433].

"И Толстой делает первый важнейший вывод: вера есть жизнь, без веры человек не живёт" [208, 453]. "Так, вера – это жизнь, – совершенно правильная аксиома" [208, 453]. "Потому что мы, люди, – духовные существа, и у нас особая жизнь" [208, 459]. "Где органическая жизнь приобретает социальный характер, она насквозь тоталитарна: у пчёл есть коммунизм, у муравьёв есть рабство, в звериной стае есть абсолютная власть вожака" (Г.П.Федотов) [208, 573].

Кто такой Иисус Христос?

Цитаты

"Влияет ли он как-либо на вашу жизнь?". "Загляните в Библию, и вы увидите, какой Иисус на самом деле и как он может изменить вашу жизнь".

"О ранних годах его жизни почти ничего не известно (Матфея, гл. 1-2; Луки, гл. 1-2)". "Именно этому служению – последним трём с половиной годам пребывания Иисуса на земле – посвящены четыре исторических сообще-

ния о его жизни". "Совершая своё служение, Иисус показал ученикам основной принцип, помогающий преодолевать различные жизненные трудности".

"Лишь только слегка затронув жизнь и учение Иисуса, мы проникаемся к нему любовью и хотим проявлять любовь к другим, как это делал он. Однако его влияние на нашу жизнь этим не ограничивается". "Он сказал: "Жизнь вечная в том, чтобы знали Тебя, единого истинного Бога, и Кого Ты послал: Иисуса Христа" (Иоанна 17:3)".

Жизнь для нас всё, самое решительное слово и всеобъемлющее понятие. Мы тоже жизнь, из этой области. Солнечные дни и распутица, очарование, обещание и разочарование. В ней, жизни, – все трудности и радости мира, мелочи и разности, беды, соблазны, испытание и преодоление, сопротивление и твоё свидетельство, наши грехи и блага. Всякие, неисчислимо какие, чувства, связи и отношения, люди вокруг, таланты и бездари. Жизнь – как бы Путь, прохождение, подъёмы, перепады и притом ещё твой рост, изменение, в конце концов, падение в бездну, исчезновение. Словом, такая вот живая махина, вечная механика, мешанина всего на свете, т.е. сволочь.

Бхагавад-Гита как она есть

41

Ветхий Завет кришнаитов

"Бхагавад-гита" – это книга, предназначенная для обусловленных душ, занятых в материальном мире установлением господства над природой, и не имеющих понятия об истинной, духовной жизни. "Бхагавад-гита" призвана показать, каким образом человек может постичь своё духовное существование и свои вечные взаимоотношения с Высшей духовной личностью, и научить человека, как он может вернуться домой, назад к Господу" [390, 574].

"В начале "Бхагавад-гиты" говорится – *дехино 'имин* – живое существо пребывает в теле, и это тело меняется от детства к отрочеству, от отрочества к юности и от юности к старости, и человек знает, что тело, которым он обладает, меняется... Всё это – телесные обозначения знающего, но он отличен от тела. Хотя мы используем многие внешние атрибуты, например, одежду и т.п., нам известно, что мы отличны от них. Точно также, немного поразмыслив, мы приходим к заключению, что мы отличны от тела" [390, 602].

"Существуют различные живые существа, движущиеся и неподвижные. Птицы, звери, люди и множество других живых существ относятся к движущимся; деревья и растения – к инертным, так как они не могут двигаться, лишь стоят на одном месте. Каждое живое существо принадлежит к одному из 8.400.000 видов жизни, некоторые из них – движущиеся, а некоторые – неподвижные. Однако во всех случаях семя их жизни есть Кришна" [390, 363]. "Деревья – тоже живые существа, поставленные в такие жизненные условия вследствие проявления вожеления, настолько сильного, что они поч-

ти лишились всякого сознания" [390, 204]. "Звёзды можно сравнить с живыми существами, и солнце и луну – со Всевышним Господом" [390, 101].

"Бхагавад-гита" – это не простая книга, написанная поэтом или писателем; она была поведена Верховной божественной личностью. Любой человек, которому повезёт услышать это учение от Кришны или же от Его истинного духовного представителя, непременно получит освобождение и выйдет из темноты невежества"[390, 805]. "Каждый, кем бы он ни являлся, имеет ту или иную веру. Но его вера относится к гуне добродетели, страсти или невежества, в зависимости от его природы. Таким образом, сообразно своей вере, он общается с определёнными людьми" [390, 729]. "Никто не может действительно достичь знания без помощи соответствующего человека, уже обладающего им" [390, 79].

"Живое существо не обладает отдельным и независимым бытием. Оно есть пограничная энергия Всевышнего. Когда живое существо попадает в ловушку материальной энергии, оно обуславливается, но когда оно обладает сознанием Кришны, т.е. знает о духовной энергии, оно пребывает в своём истинном и естественном положении" [390, 299]. "Во второй главе Господь объяснил, что живое существо – не материальное тело, а духовная искра, частичка Абсолютной истины. В седьмой главе Он говорит о живом существе как о неотъемлемой частичке высшего целого и советует полностью перенести своё внимание на целое. В восьмой главе утверждается, что тот, кто в момент смерти думает о Кришне, тут же переносится в духовный мир, в его обитель" [390, 580].

"Ведическая мудрость, сообщённая Арджуне, обращена также и ко всем тем, кто считает себя очень сведущими, и кто, по существу, обладают лишь скудным запасом знаний" [390, 98]. "Верховная божественная личность сказал: "... Никогда не было так, чтобы не существовал Я, или ты, или все эти цари; и никогда не будет так, чтобы кто-то из нас прекратил своё существование" [390, 97]. "... и все цари, собравшиеся там, являются вечными индивидуальными личностями. Они существовали как индивидуумы в прошлом, и также будут существовать и в будущем. Их индивидуальное существование никогда не прерывается" [390, 98].

"Бога нельзя постичь с помощью обширных научных познаний или же с помощью мыслительных спекуляций. Только по-настоящему обладающий сознанием Кришны и занятый преданным служением Ему может понять, кто есть Кришна. Научные степени здесь не помогут" [390, 789]. "Бхагавад-гита" есть учение о сознании Кришны. Никто не может обрести такое сознание, просто будучи сведущим в мирской науке. Это удаётся только тем счастливым людям, которые могут общаться с личностью, пребывающей в чистом сознании. ... Благодаря этому знанию, человек достигает совершенства, он твёрд в своих воззрениях, тогда как имеющий обычные академические знания легко

сбивается с толку и обманывается кажущимися противоречиями" [390, 305]. "Книжное знание без постижения Высшей истины – бесполезно" [390, 305].

"Таким образом, вера – это самый важный фактор прогресса в сознании Кришны. В "Читанья-Чаритамрите" говорится, что вера есть полная убежденность в том, что, просто служа Всевышнему Господу, Шри Кришне, человек сможет достичь совершенства. Это называется истинной верой" [390, 437].

"Душа неразрушима, неизмерима и вечна, лишь тело, в котором она воплощается, подвержено гибели" [390, 107]. "Для души не существует ни рождения, ни смерти. Она никогда не возникала, не возникает и не возникнет. Она – нерожденная, вечная, всегда существующая, изначальная. Она не уничтожается, когда погибает тело" [390, 109]. "Душа невидима, непостижима и неизменна. Зная это, не следует скорбеть о теле" [390, 115]. "Душа есть сознание, и душа обладает сознанием – это также утверждение "Вед", и мы должны его принять" [390, 116]. "Многочисленное повторение какой-либо мысли необходимо для ясного её понимания" [390, 116].

"Тело подвергается изменениям шести видов. Оно рождается из чрева матери, некоторое время существует, растёт, производит определённые действия, постепенно истощается и, наконец, уходит в небытие. Душа, однако, не претерпевает подобных изменений. Поскольку она принимает материальное тело, это тело получает рождение, душа же не рождается и не умирает. Умирает всё, что рождается. А так как душа не рождается, у неё нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Она вечная, всегда существующая и изначальная, т.е. в истории нет следа её возникновения, хотя мы и пытаемся их найти, руководствуясь телесной концепцией бытия" [390, 109].

"Всё, что мы находим в этом материальном мире, временно. Оно приходит в этот мир, остаётся в нём некоторое время, производит побочные продукты, истощается и затем исчезает. Таков закон материального мира, возьмём ли мы в качестве примера это тело, или какой-либо плод, или что-либо ещё. Но мы знаем, что за пределами этого временного мира существует ещё и другой мир. Природа этого мира иная – санатана, вечная" [390, 31]. "Эта жизнь является подготовкой к следующей жизни" [390, 39]. "Тело рождается и рано или поздно погибает, поэтому оно менее ценно, нежели душа" [390, 97].

"Каждое живое существо есть индивидуальная душа, постоянно меняющая своё тело, проявляясь то в ребёнке, то в юноше, то в старике. При этом духовная сущность всегда одна и та же и не претерпевает изменений. Индивидуальная душа в конце концов покидает тело в момент смерти и переселяется в другое тело. Так как в последующем рождении душа обязательно получает тело, либо материальное, либо духовное, у Арджуны не было причин предаваться скорби, думая о смерти Бхишмы и Дроны, за которых он так переживал" [390, 100]. "Тот, кто родился, обязательно умрёт, и

после смерти обязательно вновь родится. Поэтому не следует предаваться скорби, исполняя свой долг" [390, 118].

"Самой важной особенностью человека, пребывающего в сознании Кришны, является его умение говорить, ибо речь есть самое важное человеческое качество" [390, 147]. "Поэтому человек должен следовать по стопам авторитетов прошлого, принадлежащих к цепи ученической преемственности" [390, 237]. "Человек живёт напрасно, если он не пытается выяснить свою истинную сущность" [390, 267]. "Что бы ни делал великий человек, обыкновенные люди идут за ним. И какие бы нормы он ни устанавливал на примере своих действий, весь мир следует им" [390, 186].

"Правильное понимание своего истинного положения по отношению к Кришне настолько прекрасно, что оно может сразу же избавить человека от борьбы за существование, которая происходит в океане невежества" [390, 258]. "В этом мире нет ничего более возвышенного и чистого, чем трансцендентальное знание. Это знание – зрелый плод всего мистицизма. И тот, кто достигнет совершенства в преданном служении, насладится этим знанием в своё время. ... Другими словами, это знание и умиротворение достигают высшей точки в сознании Кришны. Таково последнее слово "Бхагавад-гиты" [390, 260].

"Путь самореализации, или мистицизма, описан в "Бхагавад-гите". Основа самореализации – знание о том, что живое существо не есть его материальное тело, и что его счастье заключено в вечной жизни, блаженстве и знании" [390, 334]. "Уровни развития людей различны, и из многих тысяч может быть лишь один обладает достаточным интересом к постижению трансцендентального, дабы попытаться понять, что есть его сущность, что есть тело и что – Абсолютная истина. Основная масса людей занята лишь удовлетворением своих животных наклонностей, а именно едой, сном, защитой и совокуплением, и почти никто не проявляет интереса к трансцендентальному знанию" [390, 352-3].

"В материальном мире живое существо претерпевает изменения шести видов, а именно: рождение, рост, существование во взрослом состоянии, размножение, увядание и, наконец, исчезновение. Таковы изменения материального тела. Однако в духовном мире тело не меняется, там нет старости, рождения и смерти. Там всё существует в единстве" [390, 692]. "Проблемы материального существования – рождение, старость, болезни и смерть – не могут быть разрешены посредством накопления и экономического развития. Во многих частях света есть государства, в которых условия существования очень благоприятны, высок уровень жизни и экономического развития. Тем не менее, там по-прежнему существуют проблемы, связанные с материальным существованием" [390, 94].

Мирская личность обладает четырьмя дефектами. "Мирской человек 1) обязательно совершает ошибки, 2) неизменно находится под влиянием ил-

люзии, 3) имеет склонность обманывать других и 4) ограничен несовершенными чувствами" [390, 29]. "В материальном мире, даже если мы достигнем высшей планеты (Брахмалоки), не говоря уже о Луне, мы найдём те же самые условия жизни, а именно: рождение, смерть, болезнь и старость. Ни одна планета материальной вселенной не свободна от этих четырёх принципов материального существования" [390, 36].

"В этом материальном мире, для того, чтобы поддерживать тело, каждый должен работать. Человеческое общество разделено в соответствии с выполняемой деятельностью на четыре социальных класса: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Класс брахманов, или класс интеллигенции, выполняет один вид деятельности, кшатрии, или административный класс – другой, класс торговцев и класс рабочих имеют свои определённые обязанности. В человеческом обществе можно быть рабочим, торговцем, администратором, фермером, или даже литератором, учёным или богословом, то есть принадлежать к самому высокому классу, и всё равно нужно трудиться для поддержания своего существования" [390, 41-2].

"Наивысшее наслаждение, с точки зрения материального мира, это наслаждение половое. Весь мир вращается вокруг этого, и материалист не может действовать, не имея в подсознании подобной мысли. Однако человек, занятый в сознании Кришны, может работать с большей энергией, обходясь без сексуальных удовольствий, которых он избегает. ... Духовная реализация и сексуальные наслаждения плохо сочетаются друг с другом" [390, 287]. "Обычно те, кто не постигли науку о Боге (Кришне), полагают, что материальный мир предназначен для наслаждения живых существ, и что живые существа являются причинами (пурушами), управляющими и наслаждающимися материальной энергией. Согласно "Бхагавад-гите" это атеистическое заключение ложно" [390, 355].

"Здесь ясно сказано, что живые существа относятся к высшей природе (или энергии) Всевышнего. Низшая энергия представляет собой материю, проявляющуюся в различных элементах: в земле, в воде, огне, воздухе, эфире, уме, интеллекте и ложном эго. Обе формы материальной природы, т.е. грубая форма (земля и т.п.) и тонкая форма (ум и т.п.), порождены низшей энергией. Живые существа, использующие эти низшие энергии для различных целей, представляют собой высшую энергию Всевышнего Господа, и именно благодаря этой энергии осуществляется деятельность всего материального мира" [390, 356-7].

"Физическая природа постоянно меняется. Материальные тела обычно проходят шесть этапов развития: они рождаются, растут, существуют в течение какого-то времени, производят побочные продукты, истощаются и затем исчезают" [390, 402].

"Энергия Господа лежит за пределами нашего понимания, наших мыслительных способностей, и потому называется непостижимой (*ачинтья*)" [390, 407]. "Итак, обе эти системы йоги (буддхи-йога, санкхья-йога. В.Л.) находятся во взаимной зависимости, как религия и философия. Религия без философии – просто сентиментальность, а нередко и фанатизм, в то время как философия без религии есть не что иное, как мыслительные спекуляции. Конечной целью является Кришна, поскольку философы, искренне ведущие поиски Абсолютной истины, в конце концов тоже приходят к осознанию Кришны" [390, 168].

"По всему миру имеется большое число научных учреждений, существует множество солидных университетов, но, к сожалению, нет ни одного университета или учебного заведения, где преподавалась бы наука о душе. Тем не менее, душа – самая важная часть тела, и если бы не было души, то тело потеряло бы свою ценность. Всё же люди придают большое значение потребностям тела, не заботясь о душе, дающей этому телу жизнь" (432). "Душа всегда активна. Если она вечна, то она и вечно активна, а её деятельность в духовном царстве – это самая сокровенная часть духовного знания" [390, 432].

"Разум заключается в способности правильно судить о вещах, а знание – в понимании того, что есть дух и что есть материя. Обыкновенное знание, получаемое в университетах, относится только к материи, и оно не принимается здесь за истинное. Знание заключается в понимании различия между духом и материей. Современное образование не даёт знания о духе; предметом изучения являются материальные элементы и потребности тела. Поэтому академическое знание неполно" [390, 487].

"Материальная деятельность, предлагаемая многими политиками, социологами, филантропами и т.д., не даёт положительных результатов, поскольку у политиков и филантропов отсутствует трансцендентальное видение, и они не знают, что на самом деле является благом для человеческого общества" [390, 488]. "Быть слишком привязанным или слишком отчуждённым – не самое лучшее. Этот материальный мир следует принимать без привязанности или отвращения. Следует принимать то, что благоприятствует развитию сознания Кришны, и отвергать мешающее этому. Такова *самата*, уравновешенность" [390, 489].

"Как только человек рождается, он сразу же начинает умирать. Смерть всегда, в каждую секунду, пожирает всякое живое существо, но последний удар называется смертью в собственном смысле этого слова. Эта смерть есть Кришна. Все виды жизни подвержены шести основным изменениям. Живые существа рождаются, растут, живут некоторое время, производят потомство, стареют и, в конечном счёте, умирают. Первое из изменений – освобождение из чрева матери, и это есть Кришна. Появление на свет представляет собой начало всей будущей деятельности" [390, 518]. "Из всех раз-

рушителей время – главное, поскольку оно разрушает всё. Время – представитель Кришны, потому что в надлежащий момент возникнет великий пожар, и всё будет уничтожено" [390, 517].

"Верховная божественная личность, Кришна, является наивысшим авторитетом в объяснении этого знания. Но сведущие учёные и признанные авторитеты всегда ссылаются на предшествующие им авторитеты... Мы – ты, я и разные другие живые существа – трансцендентальны, хотя и пребываем в материальных телах. Теперь мы пали и оказались подвластны воздействию трёх гун материальной природы в соответствии с нашей различной кармой. Поэтому некоторые находятся на более высоких уровнях, а некоторые – в низшей природе. Высшая и низшая природы существуют вследствие невежества и проявляются в бесчисленном множестве живых существ" [390, 607].

"Ложное эго означает – отождествление себя со своим телом. Когда человек понимает, что он не есть это тело, что он – душа, это – его истинное эго. Эго есть всегда, и от ложного эго следует избавиться, но не от истинного" [390, 615]. "Нужно попытаться понять, что рождение, смерть, старость и болезни несут нам страдания. В различных ведических источниках имеются описания рождения. В "Шримад-Бхагаватам" очень ярко описан мир нерождённого младенца, его пребывание во чреве матери, его мучения и т.п. Нужно ясно отдавать себе отчёт в том, что рождение связано со страданием" [390, 615].

"Всякое творение есть лишь соединение живого существа и материальной природы. Существует множество неподвижных проявлений, таких, как деревья, горы и холмы, а также множество движущихся существ, но все они есть ничто иное, как сочетание материальной природы и природы высшей, живого существа. Без соприкосновения с высшей природой, то есть с живым существом, ничто не может развиваться. Поэтому существуют вечные взаимоотношения между материей и природой, и соединение это исходит от Всевышнего Господа. Таким образом, Он – Властелин как высшей, так и низшей природы. Материальная природа создана Господом, а высшая природа помещена в материальную, и таким образом осуществляется всякая деятельность, и происходят все проявления" [390, 636].

"Материальная природа состоит из трёх гун: добродетели, страсти и невежества. Когда вечное живое существо приходит в соприкосновение с природой, о сильнорукий Арджуна, оно обуславливается этими гунами" [390, 647]. "Речь идёт о различных видах влияния, которое осуществляет иллюзорная материальная энергия на живые существа; они кроме всего прочего определяют образ жизни, мышления и деятельности души, которую они обуславливают. Благодаря их взаимодействию происходит творение, поддержание и уничтожение вселенной" [390, 822].

"Имеются разнообразные типы живых существ, обусловленных материальной природой. Одни счастливы, другие очень активны, третьи беспо-

мощны. Все эти виды психологических проявлений являются причинами обусловленного положения существ в природе. Каким образом они различно обусловлены, объясняется в этой части "Бхагавад-гиты" [390, 648].

"Гуна страсти характеризуется взаимным влечением между мужчиной и женщиной. Женщину влечёт к мужчине, мужчину тянет к женщине. Это называется гуной страсти. И когда гуна страсти возрастает, у человека развивается жажда материальных наслаждений. Он хочет наслаждаться удовлетворением чувств. Для удовлетворения чувств находящийся под влиянием гуны страсти стремится к почёту в обществе и в стране, хочет иметь счастливую семью, хороших детей, жену и дом. Всё это – продукты гуны страсти. И пока человек стремится к этому, он вынужден тяжело трудиться. Итак, здесь ясно указывается, что он привязывается к плодам своей деятельности и так сковывается ей. Чтобы доставлять удовольствие жене, детям, обществу и поддерживать свой престиж, человек должен трудиться. Таким образом, весь материальный мир в той или иной степени находится в гуне страсти. По меркам гуны страсти современная цивилизация считается передовой. А прежде развитой считалась цивилизация, находящаяся в гуне добродетели" [390, 649].

"Гуна невежества совершенно противоположна гуне добродетели. Находясь в гуне добродетели и развивая знание, человек может понять, что есть что, но в гуне невежества всё совсем наоборот. Находящиеся под влиянием гуны невежества становятся безумными, а безумец не способен понять что есть что. Вместо того чтобы прогрессировать, человек деградирует" [390, 650]. "Человек в гуне добродетели находит удовлетворение в своей работе или интеллектуальных занятиях, как философ, исследователь или учитель могут быть заняты в определённой области знания и находить в этом удовлетворение. Человек в гунах страсти и добродетели может заниматься кармической деятельностью" [390, 651].

"Иногда гуна добродетели преобладает, побеждая гуны страсти и невежества, о сын Бхараты. Иногда гуна страсти побеждает добродетель и невежество. А иногда невежество побеждает добродетель и страсть. Так и идёт эта постоянная борьба за превосходство" [390, 652]. "По определённым действиям человека становится понятно, в какой гуне природы он находится" [390, 652]. "В материальном мире много скверны, но гуна добродетели есть самая чистая форма существования в нём. Существуют различные типы планет для различных видов живых существ. Умершие в гуне добродетели восходят на планеты, где живут великие мудрецы и великие бхакты" [390, 655].

"В современном человеческом обществе духовное знание игнорируется, и поощряется убийство коров. Отсюда можно понять, что человеческое общество движется в неверном направлении, тем самым подписывая свой будущий приговор. Цивилизация, ведущая своих граждан к тому, чтобы они стали животными в следующих жизнях, несомненно, не есть челове-

ская цивилизация. Гуны страсти и невежества ведут современную цивилизацию по неверной дороге" [390, 657]. "Самая низшая гуна, гуна невежества, названа здесь отвратительной. Последствия развития невежества очень и очень опасны. Невежество – низшее качество материальной природы. Ниже человеческого уровня существует восемь миллионов видов жизни: птицы, звери, пресмыкающиеся, деревья и т.п.; и в соответствии со степенью своего невежества люди опускаются до этих ужасных условий" [390, 660].

"Тому, кто всегда ожидает почестей в этом материальном мире, невозможно предаться Высшей личности. Гордость – следствие заблуждения, ибо, хотя человек приходит сюда, пребывает недолгое время и затем уходит, он имеет глупость считать себя господином мира. Поэтому он всё усложняет и постоянно находится в трудном положении. Весь мир движется благодаря этому чувству господства. Люди считают, что земля и планета в целом принадлежат человеческому обществу, и они поделили её, находясь под ложным впечатлением, что являются её хозяевами. Необходимо избавиться от заблуждения, что этот мир принадлежит человеческому обществу" [390, 677].

"В "Бхагавад-гите" рассматривались пять основных тем: Верховная божественная личность, материальная природа, живые существа, вечное время и различные виды деятельности. Всё это подчинено Верховной божественной личности, Кришне. Все концепции Абсолютной истины, а именно: имперсональный Брахман, локализованная Параматма и какие-либо иные трансцендентальные концепции, существуют в категории постижения Верховной божественной личности. Хотя на первый взгляд может показаться, что Верховная божественная личность, живые существа, материальная природа и время отличны друг от друга, на самом деле ничто не отличается от Всевышнего Господа. С другой стороны, Он Сам отличен от всего. Суть философии Господа Чайтаньи в "непостижимом единстве и в то же время отличии" [390, 812-13].

"Некоторые философы, в особенности майаведи, утверждают, что этот мир – ложный. Но из "Бхагавад-гиты" можно понять, что он не ложен, а преходящ. Этот мир – временный, но есть другой мир – вечный. Этот мир – обитель страданий, тот мир – бесконечен и полон блаженства" [390, 477]. "На первый взгляд, живое существо появляется на свет с рождением его материального тела, но в действительности живое существо вечно, никогда не рождается и, несмотря на своё пребывание в материальном теле, трансцендентально и преходяще. Поэтому его нельзя уничтожить" [390, 640].

"Рождение, смерть, старость и болезни поражают материальное тело, но они не затрагивают тела духовного. Последнее не подвержено рождению, смерти, старости и болезням, и потому тот, кто обретает духовное тело, становится одним из приближённых Верховной божественной личности и отдаёт себя вечному преданному служению, воистину является освобождённым. *Ахам брахмасми*: Я есть душа" [390, 392-3].

К.М.Карягин. Сакиа-муни (**Будда**): его жизнь и философская деятельность

"В подавляющем числе фактов жизнь человечества представляет печальную и грустную картину, конечно, если рассматривать её таковой, какова она в действительности, не предаваясь обманчивым иллюзиям" [63, 6]. Односторонний взгляд на жизнь – такой пессимизм, оглядываясь назад, на прошлое, уже нет перспективы. Пусть не все с ним согласятся и примирятся.

"Верование в переселение душ принадлежит почти всем древним религиям. Человеку трудно было примириться с мыслью, что жизнь его есть нечто временное, проявляющееся в вечности лишь на мгновение и затем исчезающее навсегда, и он создал это верование. Он верил, что жизнь, этот величайший дар природы, вечна, что она, исчезнув со смертью человека, переходит в тела других одушевлённых существ и после целого ряда переселений опять воплощается в человеческом существе. Он думал, что страдания и горести настоящей жизни есть следствие несовершенства жизни предыдущей, и что благодаря заслугам он может возродиться для более счастливой жизни" [63, 14-5].

"Отсутствие постоянства в мировой и земной жизни составляет одну из максим учения Сакиа-муни и, по его мнению, есть величайшее из всех зол – это "огонь, пожирающий весь мир". Слова его, когда он касался этой максимы, поражают своей безнадежностью и горьким, печальным тоном. Он говорил: "сложное должно рано или поздно распасться, родившееся – умереть". Явления исчезают одно за другим, прошедшее, настоящее и будущее уничтожаются, всё преходяще, над всем – закон разрушения. Быстрая река течёт и не возвращается, солнце безостановочно совершает свой путь, человек переходит из предшествовавшей жизни в настоящую, и никакие силы не в состоянии возвратить его в прошедшую жизнь. Утром мы видим какой-нибудь предмет, к вечеру его уже не находим. Зачем гнаться за призрачным счастьем? Иной стремится изо всех сил достигнуть его в настоящей жизни, но тщетны его усилия, он бьёт палкой по воде, думая, что, наступившись, вода останется в таком положении навсегда. Смерть властвует над всем миром, и ничто, ни воздух, ни моря, ни пещеры, ни какое место во вселенной, не скроет нас – ни богатство, ни почести не защитят нас от неё; всё земное должно рассеяться, исчезнуть" [63, 37].

"Жизнь – то же, что созревший плод, готовый упасть при первом порыве ветра; каждое мгновение мы должны опасаться, что течение её прекратится, подобно тому, как прекращаются гармонические звуки арфы, когда струны её лопаются под рукою музыканта" [63, 38].

"К Нирване должен стремиться всякий, кто хочет освободиться от мира страданий; к ней должны быть направлены все помыслы человека – она во-

жделенная цель для всех людей. "Нирвана – это вода жизни, утоляющая жажду пожеланий, это лечебница, врачующая от всякого рода страданий".

"После беспрестанного круговорота в бесчисленных формах существования, после бесчисленных перемен состояний, после всех трудов, беспокойств, волнений, страданий, неразлучных с переселением души, мы наконец свергаем с себя узы страстей, освобождаемся от всякой формы существования, времени и пространства и погружаемся в покой и безмолвие, в убежище от всех печалей и страданий, в ничем не нарушаемое благополучие – Нирвану" [63, 38].

"... он положительно отказывался решать некоторые метафизические вопросы, например, откуда произошёл мир и жизнь существа, есть ли начало мира или нет и т.д. На подобные вопросы он отвечал, что они не имеют отношения к нравственным обязанностям человека, что драгоценным и скоротечным временем надо дорожить и не следует тратить его на подобные рассуждения, а необходимо готовиться к достойной встрече смерти. "Представьте себе человека, – говорил он, – раненного стрелой в грудь. Спасение его зависит от искусства врача, который легко может вынуть смертельное оружие. Неужели раненый станет спрашивать, из какого дерева сделана стрела, какой цвет и какой краской она окрашена, и какой птицы перья к ней прикреплены?.. Неужели он станет заниматься подобными вопросами, зная, что время проходит и ему грозит неперемнная смерть" [63, 45].

"Вопросы эти бесплодны, потому что неразрешимы". И в подтверждение своих слов рассказал следующую древнюю историю о слепцах: "Один царь приказал собрать к себе во дворец слепых от рождения и спросить их, каков вид слона. Слепцы отвечали, что они слепы и потому ничего не могут сказать ему. Царь приказал вывести слона и подвести к нему слепцов. Каждый из слепцов – ощупал ту часть слона, к которой прикасалась его рука. Затем царь опять их подозвал и спросил, узнали ли они теперь, какой вид имеет слон. "Узнали, – отвечал один, ощупавший туловище слона, – он похож на ведро! – "Нет, – прервал его другой, ощупавший ногу, – он похож на столб!" Третий, ощупавший хобот, утверждал, что слон похож на канат. Между слепцами возник бесконечный спор. Тогда царь сказал: "Толпа людей, лишённых зрения! К чему безумно спорить о форме слона, когда вы сами не знаете, кого осязали!" [63, 45-6].

К.М.Карягин. **Конфуций**: его жизнь и философская деятельность.

"Сведения о жизни большинства великих людей древних времён обыкновенно мало достоверны. Действительность и истина в них так тесно сплетаются с легендой и фантазией, что потребны долгие научные изыскания, чтобы отделить достоверные факты от вымысла" [63, 73].

"Небо они считали повелителем и владыкой мира, землю – повелительницей; таким образом, небо у них считалось мужским началом, Ян, активным и совершенным движителем бытия и жизни, земля же – женским, Инь, началом мёртвым, бездеятельным и неподвижным. Все совершенные явления китайцы принимали за Ян, а несовершенные за Инь; но тем не менее Ян в их представлении постоянно соединяется с Инь, как отец и мать в представлении о рождении" [63, 75].

"Добрая же нравственность народа, по их мнению, зависела не от законов, а от примера, какой им давала высшая власть, т.е. государь и его чиновники. Они думали, что народ более склонен следовать тому, что высшие любят, а не тому, что они предписывают" [63, 79].

"... в Китае в ту эпоху должны были, наконец, появиться преобразователь нравов, здравый голос которых указывал бы народу и правителям путь к истине, призвал бы их к повиновению законам. И действительно, в это время стали появляться люди, стремившиеся тем или иным путём внести покой и мир в государство, – люди, сознававшие всю необходимость его объединения. Среди них были и полководцы, мечтавшие достигнуть заветной цели силою оружия, и политики, старавшиеся путём дипломатических уловок и переговоров достичь того же (дипломатия и в то время имела большое значение, как это видно из существовавшего тогда выражения: "Трёхдюймовый язык стоит стотысячной армии"), и, наконец, философы. Последние видели спасение страны в установлении и улучшении нравственного и религиозного быта народа, в введении строгого порядка, основанного на правильных гражданских и уголовных законах, и в предложении целого ряда мер к поднятию материального благосостояния народа, улучшения его сельского хозяйства и промышленности. Из этих философов наиболее известны Лао-Цзы, Конфуций и Менций, ученик Конфуция" [63, 82].

"Посещение княжеств Иен и Кин убедили Конфуция в пользе и необходимости путешествий. Он увидел, что только этим путём можно приобрести здоровое понятие и верные суждения о народном духе и что неблагоприятно полагаться на отзывы других, большею частью ложные и предвзятые" [63, 95].

"Вот эта истина, постарайтесь навсегда запечатлеть её в вашей памяти: покуда человек жив, он не должен ни в чём отчаиваться. От величайшего горя он может перейти к величайшей радости, от ужаснейшего бедствия к полнейшему блаженству" [63, 97]. "Принцип, изложенный Конфуцием в его беседе с самоубийцей, есть основное правило философии Конфуция. На этом принципе зиждется вся общественная, политическая и семейная жизнь Китая – с идеей сыновней почтительности тесно связано учение о почтении к старшим, на чём и основан весь строй общественной жизни китайцев" [63, 97].

"Простые люди и простейшие из людей никогда не начинают и не предпринимают ничего нового: они только подражают и следуют тому, что делают

другие; им необходимы примеры и образцы. Видя людей осторожных, почтительных, добродетельных, образованных, и они сделаются такими же, и сами в свою очередь будут образцами для последующих поколений" [63, 101].

"Увидев охотников, один из учеников Конфуция спросил: "Достоин ли внимания мудреца такое занятие, как охота?" "Всё достойно внимания мудреца, и нет ничего, чем бы мудрый не мог или не должен заниматься! Охота есть одно из первых занятий человека, благодаря охоте человеку удалось завладеть той почвой, которую он теперь обрабатывает и которая была заселена всякого рода зверями. Охотой развлекались знаменитые государи древности от тяжких трудов правления..." [63, 111].

"Брак есть первая обязанность человека и его естественное призвание и назначение. Обязанности супругов делятся на общие и частные. Муж – голова; он повелевает, жена повинуется. Он – небо, она – земля" [63, 120]. "Будьте всегда прилежны в делах и внимательны, старайтесь отличать ложь от правды и истину от вероятия. Будьте справедливы, бескорыстны, верны самому себе. Правосудие не ведает лицепрятия. Бескорыстие – путь к справедливости: корыстолюбец не может быть справедливым; всякое приношение и всякий дар от низших, под каким бы предлогом они ни были сделаны, есть гнусная кража" [63, 121-2].

Человек отличается от прочих существ разумом, дарованным ему от неба. Частицы отца и матери, соединяясь в предназначенном для того органе, суть причины нашего бытия, ибо соединение двух начал – источник всего сущего. Новорожденный не есть человек в настоящем смысле этого слова, он делается человеком тогда, когда небо одарит его разумом и способностью мыслить. Пока это разумное существо пользуется своими телесными и умственными способностями, оно живёт, но как только оба начала (духовное и телесное) разъединяются – оно умирает. Постепенно развивается человек, также постепенно и разрушается. Но это разрушение не конечно, оно есть только разложение тела на составные части, из которых каждое возвращается к своему началу..." [63, 122].

"Людей Конфуций делил на пять разрядов, смотря по их нравственным и умственным качествам. К первому, низшему, разряду он причислял всего чаще встречающихся людей, не отличающихся никакими особыми качествами, – людей, которые говорят только для того, чтобы говорить, не думая о том, говорят ли они дело или пустяки, – людей привычки, живущих жизнью чисто животной изо дня в день, не умеющих ничего сделать без указания. Понятие этого разряда людей, по мнению Конфуция, далее глаз, ушей и рта не простираются. Ко второму разряду они причисляет грамотных, образованных людей, настолько развитых, что они способны иметь понятия о вещах, недоступных понятиям простого народа. Эти люди живут сознательной жизнью, соображаясь с законами и обычаями. К третьему разряду принадлежат люди здравого

смысла, которые ни в чём не отступают от него. Они одинаковы в горе и в радости, невозмутимы, добродетельны, умеют говорить и молчать. Эгих людей Конфуций называет философами. Четвёртый разряд составляют люди прямодушные и истинно добродетельные, и, наконец, самый малочисленный, пятый, разряд – люди совершенные во всех отношениях. Только такие люди и могут стоять во главе государства, говорит Конфуций" [63, 122-3].

"Всеу своё время, – сказал философ ученикам, – всё на свете изменяется и исчезает, чтобы появиться в новом виде, но и за обновлением следует обветшание, разрушение, а там опять обновление и так до бесконечности" [63, 126]. "Как бы ни был умён и образован человек, он не может быть гением всеобъемлющим. У каждого человека между остальными способностями непременно есть одна, применяя которую к делу, он может быть истинно полезен на поприще, избранном согласно этой способности. Увлечение одной способностью в ущерб другой, более развитой, выбор должности, не подходящей к характеру, являются источником многих зол и ошибок" [63, 126-7].

"Китаец по своим воззрениям прежде всего был и есть реалист. Он и мыслью, и чувствами всецело привязан к непосредственному, видимому и осязаемому. Всё идеальное, всё, что выходит за пределы действительности, ему, по-видимому, совершенно чуждо. Китаец в своей жизни руководится исключительно одним сухим расчётом, он до крайности сух и безыдеен. Само воображение у китайцев развито гораздо менее, чем у других народов. Такой же сухой, рационалистический характер без малейшего следа идеализма видим мы и в учении Конфуция, и в самом Конфуции" [63, 132].

"Также смотрят на своего "святейшего, мудрейшего и добродетельнейшего учителя" и все китайцы. Он дорог им, потому что был прежде всего практик. Как мы видели, он не любил рассуждать о том, что выше действительности и осязаемости" [63, 133].

"Если кто обидит мудреца словом или делом, он не выказывает ни гнева, ни раздражения. В каком бы состоянии ни был мудрец, он всячески старается быть полезным отечеству или согражданам; оказав услугу, он ею не хвалится, но скромно и терпеливо ждёт воздаяния за неё" [63, 134].

"... он сказал: "небо – всемирное начало и животворный источник бытия. Предки же наши – источник нашего бытия и последующих поколений. Благодарить небо – первый долг человека, второй долг его быть признательным к своим праотцам. Поклоняясь небу, мы поклоняемся предкам!" В вопросах о бессмертии Конфуций прямо уже умалчивает. Раз один из учеников сказал: "Учитель, я хотел бы спросить о смерти и о состоянии после смерти?" Конфуций ему ответил: "Если вы не знаете жизни, то как можете знать о смерти? Даже перед смертью он грустит только о бренности и непрочности человеческой славы, о скоротечности жизни, но не высказал ни одного слова опасения или смущения ввиду неизвестности будущего или о

том, куда он идёт. Здесь высказался в Конфуции чистокровный китаец – выдающаяся черта характера этого народа есть его поразительное равнодушие к жизни" [63, 137-8].

"Тот же чисто житейский расчёт и практический смысл характеризует ответ, данный Конфуцием на вопрос, знают ли предки о том, что делают их потомки, видят ли они их, слышат ли? – "Трудно сказать на это что-либо определённое, – отвечал Конфуций. – Если я скажу, что предки чувствуют почтение, оказываемое им их потомками, что они знают, что делается на земле, то исполненные детской любви сердца живых отдадутся исключительно служению усопшим и будут невнимательны к своей собственной жизни; наоборот, если я скажу, что предки не знают о жизни своих потомков, то ослабеет усердие к почтению их памяти, и священный союз живых с усопшими потеряет цену. Продолжайте, не рассуждая, почитать память предков и представлять их свидетелями наших поступков. Это самое лучшее" [63, 138].

44

А.К.Шеллер. **Савонарола**: его жизнь и общественная деятельность.

"В XV веке Италия представляла собой картину полнейшего внутреннего разлада. Весь полуостров распался на отдельные государства, и все они смотрели друг на друга не как составные, случайно распавшиеся части одного целого, а как на врагов" [63, 143].

"При помощи тех же меценатов возникли и расширились итальянские университеты, давшие немалое число учёных, бывшие рассадниками деятелей возрождения, наук, гуманизма. Но, с другой стороны, это же обстоятельство заставляло образованную часть общества ещё глубже задуматься над окружающей жизнью, её проявлениями и причинами" [63, 144].

"Родиной Савонаролы была Феррара, не нынешняя Феррара, запущенная и пустынная, с поросшими травой улицами, но Феррара XV века, которая жила бьющей ключом жизнью, имея до ста тысяч жителей. <...> Цветущее состояние города, богатство и широкая жизнь правителей – всё это прославило Феррару в такой степени, что из Индии посылались в неё богатые дары, так как правителя Феррары считали там королём всей Италии. Пирры здесь следовали за пирами. Особенно шумно отпраздновали в Ферраре проезд папы Пия II, задумавшего устроить новый крестовый поход против турок" [63, 155].

"Что меня побудило вступить в монастырь – это страшное ничтожество света и испорченность людей: разврат, нарушения святости брака, обман, высокомерие, нечестие, проклятия и кощунства всех родов дошли в свете уже до того, что не находишь в нём более честных людей. Как часто вследствие этого я в слезах повторял: "Увы, избегай жестоких стран, избегай берега скупых!" Я не мог выносить злобу ослеплённых народов Италии, где угасли все добродетели и торжествует порок <...>. Ответьте же мне: разве

не хорошо и не справедливо, когда человек бежит от низости и испорченности ничтожного света, чтобы жить как разумному существу, а не как животному среди свиней?" [63, 155].

"Савонарола проповедовал: "Я вижу прелатов, не заботящихся о своей духовной пастве, но развращающих её своими дурными примерами. Священники разбрасывают достояние церкви; проповедники проповедуют пустое тщеславие; служители религии отдаются всяким излишествами; верные не повинуются более прелатам; отцы и матери дурно воспитывают детей; князья давят народы, разжигая страсти; граждане и купцы думают только о наживе, женщины – о пустяках, крестьяне – о краже, солдаты – о богохульствах и всяких преступлениях. Я хотел бы молчать, но я не могу; слово Божие в моём сердце горит неугасимым огнём; если я не уступлю ему, оно сожжёт мозг костей моих. Князья Италии посланы ей в наказание. Их дворцы – убежище диких зверей и земных чудовищ, т.е. негодяев и развратников, потакающих их развращённым желанием и их дурным страстям. Там злые советники, изобретающие без конца новые налоги, высасывая кровь из бедных; придворные философы и поэты, рассказывающие тысячи сказок, чтобы довести до богов генеалогию своих владык; там, что ещё хуже, духовные лица следуют тем же заблуждениям..." [63, 168].

"Свою личную роль он видел именно в положении народного советника, что подтверждается и его проповедями. "У евреев были пророки, которых они называли судьями и к которым они обращались в важных случаях. Эти лица после молитвы к Богу высказывали своё мнение, и если народ иудейский следовал ему, то преуспевал, в противном случае – страдал". Собственно монархическая, единоличная форма правления вполне бы удовлетворяла Савонаролу, под условием предоставления власти лучшему из граждан; за неосуществимость такого идеала Савонарола считал необходимым призвать к заведованию государственными делами всех граждан..." [63, 183]. "Стараясь ещё более поднять дух народа, Савонарола учил теперь людей не дорожить жизнью. "Мы живём, братья, – говорил он, – чтобы научиться умению хорошо умирать". Он сам ежеминутно ожидал смерти, так как его подстерегали враги, но тем не менее он не складывал оружия" [63, 193-4].

"Что-то роковое было всегда в судьбе Савонаролы, как это ясно видно из всего рассказа о его жизни: не сам он выдвинулся в свет из монастырской кельи, где искал успокоения, где хотел быть чернорабочим; не сам он вмешался в политическую деятельность, превратившись из простого проповедника в человека, предписывающего законы; не сам он стремился продолжать свою проповедь в тяжёлые минуты, когда его требовал на кафедру народ, а встревоженная смутой сеньория заставляла проповедовать для усмирения толпы. Это нечто роковое случилось и теперь: Людовик Сфорца, разбойничавший на больших дорогах, ограбил курьера, везшего среди дру-

гих писем и письмо Савонаролы во Францию. Этот документ, свидетельствовавший о желании Савонаролы низвергнуть папу, был тотчас же доставлен Александру Борджиа. Судьба Савонаролы была решена разом, так как шадить его уже было невозможно" [63, 205].

Из жизни замечательных идей

45

Е.Н.Орлов. Сократ: его жизнь и философская деятельность

Великие философские идеи, как и их авторы, живут в истории, непросто и постоянно оказывают влияние на жизнь потомков, представляя собой высокий ум и достижение культуры. Они, очевидно, определяют уровень и задают сознательно тон также и нашей духовности, тем самым, формируют человеческую среду и составляют прочно наше окружение. "Книги, говорили древние, имеют свою судьбу: нередко, по-видимому, имеют её и имена" [306, 66]. Всегда останутся, с нами и после нас, Сократ, Платон, Аристотель, Сенека, Бруно и др. Мудрецов жизни читаем, почитаем, изучаем, цитируем, вникаем и объясняем, насколько способны и можем.

"На площадях, рынках и улицах, под величественными портиками или под открытым небом, сверкающим южной синевой, собирались группы горожан и раздавались оживлённые и меткие разговоры о величайших проблемах жизни и искусства. Всё кипело избытком сил, интеллектуальных и физических, идеи сталкивались и скрещивались, мнения сходились и шлифовались, вся духовная жизнь билась ускоренным и горячим пульсом" [306, 9]. Общаясь, люди постоянно делятся друг с другом своими мнениями, впечатлениями и мыслями. Так устроена наша духовная жизнь, и постепенно человеческое общество развивается.

"Он <Сократ> был сын своего времени, для которого земная жизнь не была ни испытанием, ни юдолью, а прекрасной вещью, которою следует пользоваться со всей радостью и безмятежностью ребёнка. И вино, и женщины, и песни имели для него ... реальное значение, и если он всё-таки настаивал на необходимости для всякого умерять свои желания и ограничивать свои нужды, то не из видов умерщвления плоти как седалища греха, а потому, что считал внутренний мир человека важнее физического и внешнего" [306, 17]. Из сказанного следует, есть жизнь не только земная, но и иная, причём мир человека, оказывается, бывает внутренний и внешний, духовный и физический.

"Он начал сравнивать себя с другими людьми: он отправился к одному из выдающихся общественных деятелей, почитаемого всеми за чрезвычайно умного и знающего, и вступил с ним в разговор. Увы! Он скоро должен был признать, что тот, в сущности, ничего не знает, как и он сам, и что только другие почему-то почитают его за мудреца. "Тогда я оставил его и подумал: хотя я и

не верю, чтобы кто-нибудь из нас обоих действительно знал, что такое истина, добро и красота, но за мною всё-таки то преимущество, что, в то время как он ничего не знает, но думает, что знает, я точно так же ничего не знаю, но вместе с тем сознаю, что я ничего не знаю" [306, 24]. А как мы сами?

"Другими словами, уже одно то, что он, единственный из всех людей, сознавал ценность этического знания, даёт ему право считать себя мудрейшим на земле, несмотря на то, что этих знаний у него, как и у тех, ещё нет: он богаче других тем, что знает, чего ему недостаёт; они – бедны, как жалкие рабы, тем, что не сознают даже того, чего у них нет, и в то время как он знает, к чему следует стремиться как к истинной цели жизни, всё прочее человечество как бы осуждено на вечное прозябание в беспросветном мраке" [306, 26]. Выходит, что духовный мир непознаваем. Понимание есть непонимание, не всякий склонен и способен открыть для себя это противоречие (диалектику).

"Истинная и реальная наука – та, которая занимается вопросами животрепещущего, земного, человеческого интереса, как, например, вопросами о том, что есть благочестие и нечестивость, что – справедливость и что несправедливость, что храбрость и что трусость, что есть государство и что государственный человек, и т.д., и т.д." [306, 27]. Как узнать и разобрать всё то, из чего складывается и из чего состоит земное, и не только, существование? Проблемы и их названия можно продолжать до бесконечности. Философия испокон веков ставила и по-своему решала, постепенно и как умела, вовсе не очевидные вопросы устройства, состава и глубины нашего бытия, отношений.

"Человек есть мера всех вещей", – гордо провозгласил Протагор, наиболее блестящий вождь софистов: не только свойства, но и само существование вещи зависит от суждения разумной личности. В этом мире всё относительно, и вещи имеют значение лишь постольку, поскольку они признаются за таковые мыслящим субъектом. Объективная истина, таким образом, исчезает, и на её место становится субъективное наше мнение о ней" [306, 29-30]. Разум, мысли и мнения по-своему отражают, называют и выражают мир, какой есть, многообразный, он материальный и идеальный, объективный и субъективный, внешний и внутренний. И ещё какой?

"Собственно говоря, ни один мыслитель до Сократа не задавал себе вопроса о том, что такое знание и при каких условиях оно возможно. Обосновывая свои общественно-политические отношения на застывших традициях, получая свои этические понятия и идеи готовыми из уст оракулов и поэтов и занимаясь произвольными умозрениями в той области космофизических наук, которые настоятельно требовали наблюдения и опыта, эти мыслители никогда не занимались анализом своих взглядов и теорий и не подозревали даже, что то, что они считают знанием, может оказаться предрассудком, призраком, мнением. ... Мир и жизнь не были для них тайною, которая для своего разрешения требует тяжёлой работы мысли; в своей ду-

шевной простоте они даже не знали, что тайна существует, и с наивностью дитяти и самоуверенностью невежды они принимали за золото знания то, что было лишь блёстками воображения и мишурою преданий.

Сократ был первый, кто понял, что знание есть нечто большее, чем простое мнение" [306, 42].

"Эти истины подобны младенцам, скрытым в чреве матери, и роль философа в том и состоит, чтобы помочь родильнице-разуму в её родах. Оттого Сократ любил себя сравнивать с акушером, который сам не рождает, но помогает рожать другим, и диалектический метод и был тем инструментом, при помощи которого он извлекал истины из умов своих собеседников. Ясно поэтому, что он не мог выдвигать вперёд своего собственного мнения: собеседник его должен был сам дойти до него, уподобляясь роженице. Оттого исходной точкою Сократа всегда почти служило общепринятое мнение по данному вопросу, которое затем, целым рядом проверок и поправок, постепенно изменялось так, чтобы охватить те или другие факты и, наконец, получить то содержание и ту форму, которые желал Сократ" [306, 43].

"... диалектический метод произвёл целую революцию в приёмах греческого мышления: истина перестала приниматься на веру, в силу ли окружающего её авторитета или "горячего слова убеждения": она стала объектом разумного понимания, требующим сознательной работы мысли, и покоилась на критически выработанных устоях. С другой же стороны, стал возможен и догматизм: отрицательный процесс сократовского метода (эленх), подобно тем химическим реагентам, против которых могут устоять одни лишь благородные металлы, безжалостно разрушал всё, что покоилось на глиняных ногах: мнения, не имевшие за собою ничего, кроме популярности или привычки, падали и разбивались, как истуканы, сброшенные неверующей рукою, и только те из них имели шансы уцелеть, которые могли указать на происхождение более высокое, нежели предрассудок" [306, 45].

"Боги античной Греции с их желаниями, страстями, потребностями и слабостями были те же люди, что и греки сами, и только своим бессмертием и некоторыми телесными преимуществами отличались они от обыкновенных человеческих существ. Но как раз это Сократ отрицал, – правда, не столько открыто сформулированными мнениями, сколько общим духом своего учения; но люди были достаточно проникательны, чтобы понять такие вещи и без слов, и достаточно близоруки, чтобы, поняв, осудить их как ересь" [306, 53]. Этот мир – и в древности, и сейчас – наполнен разными духами, мифами, ересями, суждениями, мнениями. Живут вокруг нас, в нас, с нами.

Е. Н. Орлов. Платон: его жизнь и философская деятельность

"Сама душа есть живая гармония, приводящая в движение тело – её темницу. Она бессмертна и за время своего земного существования проходит

через ряд тел – то высшее, то низшее, то благородное, то презренное – смотря по тому, насколько она добродетельна. Отсюда – необходимость безупречной жизни. Человек, в сущности, есть душа: тело лишь оболочка, которую следует подчинить интересам её обитательницы; отсюда значение аскетизма как средства сохранить душу в надлежащем состоянии" [306, 74]. Вовсе не очевидно, потому неоспорно, это построение, мысль о душе и теле, о двойственности исчисления человека. Кто ты, человеке, на самом-то деле?

"Учение пифагорейцев о числах должно было если не прямо натолкнуть, то, во всяком случае, косвенно содействовать развитию учения Платона об идеях как о реальных сущностях видимых и невидимых предметов познания: и те, и другие, т.е. и числа, и идеи, были абсолютными первообразами вещей с той лишь разницей, что количественный характер первых был значительно уже качественной природы вторых" [306, 74]. Идеализм Платона глубок и очевиден. Важно было противопоставить видимое и невидимое в окружающем мире. И бездонна, т.е. бесконечна, суть идей, или первообразов, как и их вещественных и материальных воплощений.

"Быть может, Платон слишком широко смотрел на вещи, слишком часто становился – мысленно, главным образом – в положение противника, чтобы верить в исключительную правоту своей точки зрения и абсолютную безошибочность своих мнений. Как бы то ни было, факт остаётся неизменным: мы не встречаем у него такой стройной и тщательно координированной системы, какую мы привыкли видеть у других философов, например, Спинозы или Гегеля; у него даже, как уже давно было замечено, системы, в строгом смысле этого слова, совсем нет, а имеются лишь различные мнения – правда, связанные между собой общностью тенденций, – выражающие отдельные моменты в процессе развития платоновской мысли" [306, 89-90].

"Что, в самом деле, представляет из себя эта вся совокупность явлений, которую мы называем пышным именем "мир"? Беспредельное движение, непрерывная смена разрозненных, ничем не связанных вещей, где нет ни постоянного, ни вечного, про что мы могли бы сказать, что это *то*, а не *другое*. Всё, как Гераклит говорил, находится в состоянии неостанавливающегося течения, в котором нет ничего определённого, в котором не за что ухватиться, где всё ускользает из рук, где всё меняется, переходит одно в другое, где, словом, нет *бытия*, а есть *становление*" [306, 93]. Жизнь и мир всегда в динамике, в процессе постоянного изменения и развития. Истина это?

"Но реальность должна где-нибудь существовать, и принимать всё исключительно за иллюзию, за совершенный обман наших чувств невозможно. Даже бред больного предполагает существование мозга – тем более этот мир, со своим бесконечным рядом явлений, поминутно взывающих к нашим элементарным органам чувств. Мы можем уподобить все воспринимаемые нами вещи волнам быстро текущей реки и, как таковые, признать

их преходящими и недействительными; но кто может усомниться в существовании некоторой реальности, вызывающей эти волны и являющейся неизменным их субстратом, т.е. воды? Даже больше, взяв весь мир как одно целое и признав, что в нём всё – одно лишь становление, т.е. переход одного состояния в другое, разве этим самым мы не предполагаем существования нечто такого, которое лежит в основе такого становления? Ведь для того, чтобы явление было переходом из одного состояния в другое, необходимо допустить существование *чего-нибудь*, которое бы этот переход совершало, т.е. бытия, которое бы становилось, подобно тому, как, признавая данное явление за движение, мы этим самым допускаем существование того, что движется" [306, 93-4].

"И он говорил, что знание материального мира состоит исключительно из чувственных восприятий, и так как одна и та же вещь может восприниматься различно различными субъектами в различное время, то такое знание не в состоянии установить прочных фактов и исчерпать истинную природу вещей. Оно, словом, не объективно-истинное, а только мнение – нечто среднее между совершенным знанием и полным незнанием – соответственно с тем, как предмет этого мнения представляет лишь промежуточную стадию между бытием и небытием, т.е. становление, феномен. Объективно-истинное знание должно быть выше мнения и иметь дело с предметами более высокими, нежели те, которыми занимается последнее, т.е. предметами, представляющими реальное и неизменное бытие" [306, 98-9].

"Древняя Греция, колыбель нашей цивилизации, жила жизнью здорового организма, не занимающегося ни разъедающим самоанализом, ни какими бы то ни было патологическими вопросами своего существования. Она не была мнительна и брала действительность, как она есть, находя для себя наслаждение в самом упражнении своих способностей и отправлении своих функций. Жизненный путь для неё не был ни миссией, ни испытанием, ниспосланным свыше; она его проходила, мало заботясь о том, куда он ведёт; она безмятежно и светло глядела на всё окружающее, инстинктивно лишь поворачиваясь к тёплым лучам солнца, подобно египетскому цветку. Учение Платона было первою нотою скорби, пронесшейся в радостной доколе атмосфере. Это был вздох, впервые вырвавшийся из человеческой груди, которая внезапно почувствовала тягость земной жизни" [306, 103].

"Нездоровые условия общественной жизни лежат в основе платоновского стремления к идеалам и презрения к реальной жизни. История сама выдвинула основные мотивы такой философии, и они царствуют и поныне. Исчезнуть ли они когда-нибудь, мы не берёмся сказать, но спустя двадцать с лишним веков они остались такими же свежими, какими впервые вышли из уст великого мыслителя" [306, 103].

Действительно, всё опять повторится сначала. Снова и снова человечество повторяет уроки прошлого. И до сего дня мы переживаем едва ли не те же религиозные страсти и неисчерпаемый интерес к таинственной и вечно закрытой для нас сущности жизни и души мира.

"И как мировое тело неизмеримо больше нашего человеческого тела, так и мировая душа должна быть несравненно выше и совершеннее нашей человеческой души. Космос поэтому есть живой организм, где всё приводится в движение, всё направляется к цели и всё оживляется силой и деятельностью души: он – живое существо, столь же сознательное и сознающее, как человек или зверь" [306, 106].

Вселенная живёт, одушевлённое всё сущее, существо. "Мир", "душа", "бытие", "жизнь", "сознание", "деятельность", "познание", "понимание", "общение", как и другие весомые и ёмкие слова-понятия, – в качестве конструктивных элементов вечной мысли и средств мудрости, обеспечивают на протяжении всей человеческой истории развитие, существование и некоторое продвижение вперёд. Безусловно, речь кратка, – бездонна суть...

Е.Ф.Литвинова. Аристотель: жизнь, научная и философская деятельность

"Аристотель прожил честно, свободно и просто на земле шестьдесят три года. В этой жизни нет никаких нравственных подвигов, никаких особенных событий, на которых мог бы остановиться всякий простой смертный, широко открыв глаза. Но мы берём на себя смелость сказать, что такую должна быть жизнь человека, умственная деятельность которого предназначена служить потомству и отдалённым векам. Такая жизнь должна быть достойна своей великой участи, но нравственные подвиги, которыми человечество восторгается, не обязательны для истинного учёного, они требуют большой затраты сил и времени. Мы будем говорить об этом подробнее, разбирая этику Аристотеля. Теперь же ограничимся замечанием, что жизнь Аристотеля служит живым выражением нравственного идеала, заключающегося в его этике. Аристотель жил среди людей настолько, что мог прекрасно их знать и понимать, но он не вмешивался в толпу, не заражался мелкими интересами дня, а стоял в стороне, почему и мог спокойно заниматься умственным трудом, который всегда зреет в тиши" [306, 144-5].

"Мудрость требует спокойного размышления, на площадях же всегда шум и суматоха. Аристотель проникнут презрением к толпе, а толпа, в свою очередь, питает инстинктивное презрение к Аристотелю. Крайние мнения, выраженные резким языком, имеют в толпе наибольшую популярность" [306, 144]. "Аристотель старался решить несколько великих вопросов о вселенной, раскрывая *смысл слов* и выражений, обозначающих самые общие понятия о вещах и их соотношениях" [306, 165].

Он был гениален и делал то, что другие, его соотечественники, не хотели, ибо не умели и не могли, сделать.

"Аристотель признаёт и ясно высказывает, что человек по природе существо общественное, что общественные инстинкты, создающие семьи, товарищества, классы и национальности, составляя одну из наиболее выдающихся особенностей сложной человеческой природы, постоянно обладают достаточной и более чем достаточной силою; они бьют ключом, подобно горным потокам, из которых при умении всегда можно извлечь пользу" [306, 173]. Именно так называемой общественной пользой, или ценностью, измеряется порой смысл человеческой жизни в сообществе.

"Но что же составляет исключительную особенность человека? Конечно, разум, поэтому в деятельности разума он может найти истинное блаженство. Итак, свободная успешная умственная деятельность, к которой человек предназначен самою природой, есть высшее благо; она сопровождается ощущением блаженства. Желания и деятельность связаны естественными неразрывными узами, и если этот законный союз осуществляется в жизни, то в результате получается полнейшее счастье. Наряду с этим главным источником блаженства Аристотель признаёт другие, второстепенные, но также играющие видную роль в человеческой жизни: богатство, друзья, дети, благородное происхождение, красота лица и тела" [306, 176-7]. По мнению Аристотеля, на первом месте стоит разум.

"Итак, в своей "Политике" Аристотель говорит решительно обо всём, что имеет важность для человеческой жизни: о власти и рабстве, о воспитании детей, о здоровье, о долголетьи, о праве, о браке. Он заботится о человеке ещё до его появления на свет, высказывает свои мнения о гигиене беременности, предписывая женщине в это время больше двигаться, он считает вредными для неё умственные занятия. Во всём этом проглядывает любовь Аристотеля ко всему живому, конкретному. Он завещал человеку любить самого себя и не отказывать себе ни в чём, что служит к усовершенствованию души и тела" [306, 180].

"Мы привели различные мнения современных философов о значении Аристотеля, но всё различие между ними только в том, что, по словам одних, Аристотель всегда исходит от частного к общему, тогда как другие, наоборот, упрекают его в формализме. Мы же, со своей стороны, заметим ещё раз, что в теории Аристотель всегда оставался индуктивным философом, а на практике очень часто, изменяя своему догмату, приближался к Платону" [306, 188]. "Аристотель никогда не выражал своих мыслей в виде непреложных догматов, особенно когда дело касалось обобщений, выведенных из фактов; все они высказаны в виде предположений" [306, 189].

Пл.Краснов. Анней Сенека: его жизнь и философская деятельность
(Биографический очерк). СПб., 1895.

"Добродетель, мудрость и справедливость, – говорили тогдашние представители высших классов, – только пустой звук. Всё человеческое счастье заключается в хорошей жизни: есть, пить, расточать полученное наследство – вот это жизнь, вот это значит помнить, что мы смертны. Проходят дни, и минует быстротечная жизнь. Чего же думать? Что за радость быть мудрецом в нашей жизни, в которой не всегда будут доступны наслаждения, даже в то время, когда можно им предаваться, когда сама природа требует; предписывать себе умеренность – предвосхищать смерть и отказывать заранее себе в том, что она отнимет у нас. Нет у тебя любовницы, ежедневно ты проводишь время трезвым, обедаешь так, как будто тебе придётся показывать свою расходную книжку строгому отцу. Это не называется жить, но только смотреть, как живут другие. Не безумно ли копить имущество для своего наследника и отказывать себе во всём, когда большое наследство только обращает друзей во врагов. Ибо чем больше останется после тебя, тем более будет радоваться твоей смерти наследник. Не ставь ни в грош этих мрачных и подозрительных цензоров чужой жизни, врагов самим себе, публичных наставников, и не сомневайся, что весёлая жизнь предпочтительнее их хорошего мнения" (Письмо Сенеки). Таково было настроение римского общества при первых императорах. Неудивительно поэтому, что философы-стоики казались ненавистными за то, что их пример был живым укором обществу" [306, 207].

"В другом своём послании, к Павлину, озаглавленном "О краткости жизни" и написанном в первый же год по возвращении из ссылки, философ называет жизнью только то время, которое люди посвящают занятиям философией и самосовершенствованию. Все же административные, общественные и иные обязанности он считает бесплодной тратой времени. Жизнь наша не коротка сама по себе, но мы тратим её по-пустому – вот общая мысль трактата Сенеки. Все часы, проведённые на пирах, в домашних дрязгах, в ссорах, на службе, теряются; напротив, кто занимается мудростью, тот не только не теряет настоящего, но приобретает в своё распоряжение и прошедшее, к своим годам он прибавляет целые столетия" [306, 221].

"Что касается до содержания писем к Луцилию, то это целый курс нравственной философии. Особенно подробно разработаны те её вопросы, которые считаются наиболее важными у стоиков. Так, в письмах много говорится о бедности, о свободе воли, о борьбе в превратностях судьбы, о бессмертии души, о дружбе, но всего подробнее и всего больше говорится о смерти, о том, как следует встречать собственную смерть и как относиться к смерти близких людей" [306, 145-6].

В письмах друзьям пишут о том, что задевает в жизни и чем беспокоены. Всегда ли из них можно сложить курс нравственной философии? В наше время редко рассуждают о больших смыслах бытия.

"Скажу так: не нелепо ли думать, что светильнику хуже после того, как его погасят, чем до того, как его зажгут. Мы тоже зажигаемся и гаснем. В этот промежуток времени мы испытываем некоторое страдание. Вне его по обе стороны должен быть полный покой. Вся ошибка в том, что мы думаем, будто смерть только последует за жизнью, тогда как она и предшествовала ей" (Письмо 54)" [306, 246].

Когда-то нас не было здесь, когда-то не будет, то и другое ведь непознаваемая и таинственная вечность, и не столь уж важно, как её представлять и называть. В нашем языке "небытие" и "смерть" как-то всё же различаются: первое более отвлечённо, второе несколько конкретнее. Конечно, можно иметь и высказать какое-то своё собственное мнение о жизни, вечной или временной. Мало что известно о смерти, кроме того, что неизбежно приходит, поверхностные сведения, неглубокое знание по существу.

Ю.М.Антоновский. Джордано Бруно: жизнь и философская деятельность (Биографический очерк). СПб.

"В своём сочинении "Изгнание торжествующего животного" Бруно вложил в уста Момуса, бога иронии и насмешки, следующее мнение о кальвинистах: "Да искоренит герой будущего эту глупую секту педантов, которые, не творя никаких добрых дел, предписываемых божественным законом и природою, мнят себя избранниками Бога только потому, что утверждают, будто спасение зависит не от добрых или злых дел, а лишь от веры в букву их катехизиса" [306, 273]. Что есть для нас Бог, закон, вера и спасение? И что же такое мнение, какую роль играет в общении? Читая серьёзные и умные книги, невольно задаёшься сложными вопросами бытия и жизни.

"Бруно, взирая на свой богатый жизненный опыт, мог сказать, что "истина и справедливость покинули мир с тех пор, как мнения сект и школ сделались средством к существованию", и далее – что "самые жалкие из людей – это те, кто из-за куска хлеба занимаются философией" [306, 274]. Первоочередной смысл жизни в самой борьбе за существование, в начале за кусок хлеба. Люди ищут место под солнцем и подвизаются к сытному месту, естественно, всеми способами приспособляясь к хозяйству, власти и обстоятельствам, находят для себя хоть какой выход из обременительных и затруднительных положений.

"В беседе за обедом принимали участие также другие выдающиеся учёные и вообще лучшие представители английского общества. Бруно начал с восторженной похвалы Копернику, который подобно второму Колумбу обратил в факт неопределённые предчувствия ещё древних греков и не

побоялся однажды постигнутую им истину возвестить миру, вопреки мнению массы и господствовавшему течению общественной мысли" [306, 281]. Исследователям-новаторам и первооткрывателям в мировой науке почти всегда, борясь с рутинной, приходится плыть против течения, и в неравной борьбе они нередко расплачиваются своими жизнями.

"Из безграничности пространства и бесконечности творческой силы природы Бруно делает вывод о бесконечности всего мира, так как бесконечной причине должно, по его мнению, соответствовать и бесконечное следствие. Всюду во вселенной он видит одну и ту же жизнь, отличную только по своим бесконечно различным формам и ступеням развития; везде он предполагает единую, изнутри себя творящую природу. ... Каждое небесное тело, взятое в целом, есть живое существо; так же и вселенная представляет живой организм. Созерцание этой наполненной жизнью вселенной ободряет Бруно и делает его счастливым; в ней находит он примирение со злом и несовершенством нашего существования" [306, 284].

"Настоящая внутренняя сущность вещей, учит Бруно, есть духовная сила, хотя и родственная той, которую мы называем разумом, но высшая в сравнении с нею. Бруно обозначает её также определением Платона: душа мира" [306, 284]. "Во всём Бруно находит следы божественной силы. "И как бы ни было велико число индивидов и вещей, всё-таки в результате они образуют единство, и познание этого единства составляет цель и границы всей философии и всего естествознания. Величайшее добро, величайшая цель желаний, наибольшее совершенство и счастье заключаются в единстве, которое всё в себе обнимает" [306, 285].

"Как организм, говорит автор манифеста, может привыкнуть к действию яда, так и человеческая мысль привыкает к устарелым заблуждениям. Недостойно мыслить заодно с большинством только потому, что оно – большинство. Автор предпочитает славу в глазах богов бесславному господству во мнении толпы. Аристотель был выдающийся ум, но несправедливо считать авторитет его непогрешимым. Единственным авторитетом должен быть разум и под его руководством производимое исследование" [306, 292]. В подлинной науке и в нравственности, в поиске истины, как видно, меньшинство вовсе не обязано подчиняться большинству.

"Такова религия, которую я исповедую, – говорит Бруно, – она не нуждается в доказательствах и стоит выше спора о мнениях: я следую ей столько же по внутренней потребности духа, сколько и по традициям моей родины". Далее Бруно делает особое ударение на том, что в вопросах философии он своим принципом поставил сомнение во всём, даже в вещах, которые считаются обыкновенно самыми достоверными. Следовать в своих убеждениях мнению толпы – значит действовать в ущерб достоинству человеческой свободы" [306, 296].

"Собственно, жизнь человека на земле есть не что иное, как состояние войны! Он должен поражать низость бездельников, обуздывать наглость и предупреждать удары". Глубоко проникнутый сознанием своего назначения, Бруно при всех своих неудачах всегда находил утешение и опору в своём настроении, подымавшим его высоко над злом и несовершенством существования" [306, 304]. Вечная борьба, движение и сопротивление, – таково состояние и устройство человеческой жизни.

"Я учу бесконечности вселенной, как результату действия бесконечной божественной силы, ибо было бы недостойно Божества ограничиться созданием конечного мира, в то время как оно обладает возможностью творить всё новые и новые бесчисленные миры. Я утверждаю, что существует бесконечное множество миров, подобных нашей Земле, которую я представляю себе, как и Пифагор, в виде небесного тела, похожего на Луну, планеты и другие звёзды. Все они населены, бесконечное их множество в безграничном пространстве образует Вселенную. В последней существует всеобщее Провидение, благодаря которому всё живое растёт, движется и преуспевает в своём совершенствовании. Это провидение или сознание я понимаю в двояком смысле: во-первых, наподобие того, как проявляется душа в теле, то есть одновременно в целом и в каждой отдельной части; такую форму я называю природой, тенью или отражением Божества; затем сознанию присуща ещё другая форма проявления во вселенной и над вселенной, именно не как часть, не как душа, а иным, непостижимым для нас образом". Из этих последних слов Бруно можно сделать заключение, что он не есть пантеист в тесном смысле, так как хоть, с одной стороны, он и отождествлял вселенную и Божество, зато с другой – приписывал Божеству личное сознание, которое ставит его выше вселенной" [306, 310].

"Под Духом Святым, объяснил Бруно на допросе, я вместе с Соломоном понимаю душу вселенной. От Святого Духа снисходит на всё живое – жизнь и душа. Она также бессмертна, как неуничтожима плоть. Жизнь есть расширение, смерть – сжатие живого существа. В этом смысле надо понимать слова Экклезиаста, что "нет ничего нового под солнцем" [306, 310]. Дж. Бруно закончил жизнь на костре. "То, что теперь представляется нам как героическая смерть, в глазах современников была позорной казнью" [306, 319]. Оценки и мнения относительно в изменчивом мире.

Из произведений Фридриха Ницше извлечены наиболее броские, на наш взгляд, положения и суждения, касающиеся в первую очередь общей, философской, характеристики мира, относительно тех или иных проявлений жизни, общения, языка, слова, книги, искусства, разума и мудрости че-

ловека, процесса и средств познания, как и некоторых других понятий и предметов мысли. Цитаты, – извлечения, или выписки из текстов, фразы, краткие выдержки, выкладки и своеобразные мнения, наблюдения и рассуждения о самом главном одного из наиболее оригинальных, скандальных и резких философов современности.

Ф.Ницше. По ту сторону добра и зла.

"Тут нужно основательно вдуматься в самую суть дела и воздержаться от всякой сентиментальной слабости: сама жизнь *по существу* своему есть присваивание, нанесение вреда, преодоление чуждого и более слабого, угнетение, суровость, насильственное навязывание собственных форм, аннексия и по меньшей мере, по мягкой мере, эксплуатация, – но зачем же постоянно употреблять именно такие слова, на которые клевета наложила издревле свою печать" [229, 183]. Эксплуатация и насилие – проявление и залог жизни, если не сама её сердцевина и сущность. Согласны ли вы с таким положением, и в какой мере поддерживаете мнение Ницше?

"Эксплуатация" не является принадлежностью испорченного или несовершенного и примитивного общества: она находится в связи с *сущностью* всего живого, как основная органическая функция, она есть следствие действительной воли к власти, которая именно и есть воля жизни. Положим, что как теория это новость, – как реальность это *изначальный факт* всяческой истории; будем же настолько честны по отношению к себе! " [229, 184]. Насколько верно это, и кто же, в конце концов, прав: он или его многочисленные оппоненты и антагонисты?

"Жить – разве это не значит как раз желать быть чем-то другим, нежели природа? Разве жизнь не состоит в желании оценивать, предпочитать, быть несправедливым, быть ограниченным, быть отличным от прочего? Если же предположить, что ваш императив "жить согласно с природой" означает, в сущности, то же самое, что "жить согласно с жизнью", то каким же образом вы *не* могли бы этого сделать?" [229, 13].

Русло жизни направляет и ведёт нас в даль, за далью даль. Мы испытываем себя и закаливаем в бедствиях и в борьбе. Хотим и учимся быть всё более изощрёнными, самостоятельными и самодостаточными.

"Возражение, глупая выходка, весёлое недоверие, насмешливость суть признаки здоровья; всё безусловное принадлежит к области патологии" [229, 83]. Наш автор, как всегда, незауряден и весьма последователен в своих разительных суждениях и высказываниях. Но насколько он прав? Конечно, здоровье есть признак и проявление жизни, движения, в то же время болезнь – как бы обращение организма в сторону неподвижности и остановки, уже разворот к смерти. Таково мнение философа. .

"Как бы ни было, когда бы ни было, где бы ни было, – всякое общение "опошляет" [229, 206]. Тут наш автор или не совсем прав, или же совсем не

прав. "Что означает для нас в настоящее время слово "знатный"? Чем выдаёт себя знатный человек, по каким признакам можно узнать его под этим тёмным, зловещим небом начинающегося господства чёрта, небом, которое делает всё непроницаемым для взора и свинцовым? Этими признаками не могут быть поступки: поступки допускают всегда много толкований, они всегда непостижимы; ими не могут быть также "творения" [229, 207]. Необъятен смысл и значение жизни, слов и дел. Видимо, именно так полагал Ницше.

"Что же такое, в конце концов, общность? Слова суть звуковые знаки для понятий; понятия же – это более или менее определённые образные знаки для часто повторяющихся и одновременно проявляющихся ощущений, целых групп ощущений. Чтобы понимать друг друга недостаточно ещё употреблять одинаковые слова, – нужно также употреблять одинаковые слова для однородных внутренних переживаний; нужно, в конце концов, иметь *общий* опыт с другими людьми. Оттого-то люди, принадлежащие к *одному* народу, понимают друг друга лучше, чем представители разных народов, даже когда они говорят на одном языке; или, наоборот, если люди долго жили вместе при сходных условиях (климата, почвы, опасности, потребностей, работы), то из этого *возникает* нечто "понимающее само себя" – народ" [229, 196].

"Это прекрасные, блестящие, трескучие, праздничные слова: "честность", "любовь к истине", "любовь к мудрости", "жертва ради познания", "героизм человека правдивого", – в них есть нечто раздувающее человеческую гордость" [229, 147]. "Люди свободно лгут ртом, но рожа, которую они при этом корчат, всё-таки говорит правду" [229, 85]. "В конце концов, мы любим наше собственное вожделение, а не предмет его" [229, 86]. "Насчёт того, что такое "достоверность", может быть, ещё никто не удостоверился в достаточной степени" [229, 86]. Надо бы и нам разобраться в сказанном, почему это именно так и не иначе.

"Мне кажется, что хотение есть прежде всего нечто *сложное*, нечто имеющее единство только в качестве слова – и как раз в выражении его *одним* словом сказывается народный предрассудок, господствующий над всегда лишь незначительной осмотрительностью философов" [229, 23]. Слова и язык символов, как инструмент сознания, сопровождают и ведут нас по жизни, одновременно как ориентируют, так и дезориентируют в духовном общении, связывают и разъединяют людей. Добро находится в нерасторжимом единстве со злом, истина в действительности пропитана и смешана с ложью.

"Речь кратка, бездонна суть – для ослицы скользкий путь!" [229, 151]. В афоризмах не всегда и не так легко, бывает, осмыслить основной залог и линию мысли.

"В "сущности вещей" (An-sich) нет никакой "причинной связи", "необходимости", "психологической несвободы": там "действие" *не* следует "за причиной", там не царит никакой "закон". Это *мы*, только мы выдумали причины,

последовательность, взаимную связь, относительность, принуждение, число, закон, свободу, основание, цель; и если мы примысливаем, примешиваем к вещам этот мир знаков как нечто "само по себе", то мы поступаем снова так, как поступали всегда, именно *мифологически*" [229, 27]. Научные мифы и наши придумки – благовестники и соблазны, пособники в деятельности.

"На какую бы философскую точку зрения ни становились мы нынче, со всех сторон *обманчивость* мира, в котором, как нам кажется, мы живём, является самым верным из всего, что ещё может уловить наш взор, – мы находим тому доводы за доводами, которые, пожалуй, могут соблазнить нас на предположение, что принцип обмана лежит в "сущности вещей" [229, 41]. Восприятие и представление мира, воображение и образы, субъективны и потому часто обманчивы. Очевидно, какую-то существенную роль в нашей жизни играет ложь, наряду с истиной или более того. Чтобы разобраться, важно признать факт "конкуренции" в природе и в обществе.

"... философ-то, собственно говоря, и имеет право на "дурной характер", как существо, постоянно подвергавшееся до сих пор на земле жесточайшим одурачениям, – он нынче *обязан* быть недоверчивым, бросать злобные косые взгляды из каждой пропасти подозрения. ... Что истина ценнее иллюзии, – это не более как моральный предрассудок; это даже хуже всего доказанное предположение из всех, какие только существуют. Нужно же сознаться себе в том, что не существовало бы никакой жизни, если бы фундаментом ей не служили перспективные оценки и мнимости... Да, что побуждает нас вообще к предположению, что есть существенная противоположность между "истинным" и "ложным"? Разве не достаточно предположить, что существуют степени мнимости, как бы более светлые и более тёмные тени и тона иллюзии – различные *valeurs*, говоря языком живописцев" [229, 42-3]. Какое множество оттенков восприятия в отражениях жизни.

"Научиться понимать, что такое философ, трудно оттого, что этому нельзя выучить: это нужно "знать" из опыта – или нужно иметь гордость *не* знать этого. Однако в наши дни все говорят о вещах, относительно которых *не могут* иметь никакого опыта, а это главным образом и хуже всего отзывается на философах и состояниях философии: очень немногие знают их, имеют право их знать, все же популярные мнения о них ложны" [229, 128]. В чём-то Ницше бывает прозорлив, а в чём-то он, должно быть, не совсем прав.

"...как это некогда сделали греки, эти лучшие наследники и ученики Азии, которые, как известно, от Гомера до Перикла, вместе с *возрастающей* культурой и расширением власти, короче, делались более восточными. Насколько это было необходимо, *насколько* логично, *насколько* даже по-человечески желательно – пусть каждый рассудит об этом про себя!" [229, 152]. Хороший совет даёт автор, приглашает читателей подумать самим, продолжить и уточнить, расширить и углубить обозначенную мысль всегда важно.

"Я имею в виду таких людей, как Наполеон, Гёте, Бетховен, Стендаль, Генрих Гейне, Шопенгауэр: да не зачтётся мне в упрёк, если я причислю к ним также и Рихарда Вагнера, насчёт которого нас не должно вводить в заблуждение его собственное самонепонимание, – гениям этого рода редко бывает дано понимать самих себя. ... Но кто в состоянии точно высказать то, чего не могли высказать ясно все эти мастера новых средств выражения? Достоверно лишь то, что их мучили одни и те же бури и натиски, что они шли в своих *исканиях* одними и теми же путями, эти последние великие искатели!" [229, 178].

"И сам немец не *есть*, он *становится*, он "развивается". Поэтому "развитие" является истинно немецкой находкой и вкладом в огромное царство философских формул: оно представляет собою то доминирующее понятие, которое в союзе с немецким пивом и немецкой музыкой стремится онемечить всю Европу" [229, 162]. Тут немецкий философ, очевидно, в чём-то не очень и далёк от истины. Хотя у немцев изобретательный ум, мы согласны, – "всё течёт, всё меняется" было сказано задолго до Гегеля, и ещё в античности зародилась диалектика.

"... немцы являются по натуре более непостижимыми, более широкими, более противоречивыми, менее известными, труднее поддающимися оценке, более поражающими, даже более ужасными, нежели другие народы в своих собственных глазах, – они ускользают от *определения* и уже одним этим приводят в отчаяние французов" [229, 161]. Тоже загадочная душа? Насколько справедливо это высказывание, мнение, в этом вопросе он, кажется, субъективен, не совсем и не во всём совершенно так уже и прав.

"Тщеславный человек радуется *каждому* хорошему мнению, которое он слышит о себе (совершенно независимо от его полезности, а также не обращая внимания на его истинность или ложность), точно так же, как от всякого дурного мнения он страдает: ибо он подчиняется обоим, он *чувствует себя* подвластным им в силу того древнейшего инстинкта подчинения, который проявляется в нём. Это "раб" сказывается в крови тщеславца, это остаток лукавства раба – а сколько "рабского" осталось, например, ещё до сих пор в женщине! – силится *соблазнить* на хорошее мнение о себе, и тот же раб падает тотчас же ниц перед этими мнениями, как будто не сам он вызвал их" [229, 189].

"Я по многим причинам могу радоваться хорошему о себе мнению других людей, быть может, потому, что я уважаю и люблю их и радуюсь каждой радости их, быть может, также потому, что их хорошее мнение санкционирует и укрепляет во мне веру в моё собственное хорошее мнение, быть может, потому, что хорошее мнение других, даже в случаях, когда я не разделяю его, всё-таки приносит мне пользу или обещает её в будущем, – но всё это не тщеславие" [229, 188]. В чём-то он, безусловно, прав. Мнение, как и тщеславие, играет важную роль в социальной жизни, духовном общении и, в конечном счёте, в развитии цивилизации и культуры.

"Почти всё, что мы называем "высшей культурой", покоится на одухотворении и углублении *жестокости* – таково моё положение" [229, 144]. "Порою мы находим известные решения проблем, которые именно *нам* внушают сильную веру; может быть, с этих пор мы начинаем называть их своими "убеждениями" [229, 148]. "Ввиду той изрядной учтивости, которую я только что проявил по отношению к самому себе, мне, может быть, скорее будет дозволено высказать некоторые истины о "женщине самой по себе": допустив, что теперь уже наперёд известно, насколько это именно только – *мои* истины" [229, 148]. Полностью ли вы согласны со всем здесь сказанным?

"Моё суждение есть *моё* суждение: далеко не всякий имеет на него право", – скажет, может быть, такой философ будущего. Нужно отстать от дурного вкуса – желать единомыслия со многими. "Благо" не есть уже благо, если о нём толкует сосед! А как могло бы существовать ещё и "общее благо"! Слова противоречат сами себе: что может быть общим, то всегда имеет мало ценности" [229, 49]. Такова позиция, таково мнение, таков взгляд, такова философия, не всех устраивает автор. "Нет вовсе моральных феноменов, есть только моральное истолкование феноменов" [229, 76].

"Общепринятые книги – всегда зловонные книги: запах маленьких людей пристаёт к ним. Там, где толпа ест и пьёт, даже где она поклоняется, – там обыкновенно воняет. Не нужно ходить в церкви, если хочешь дышать чистым воздухом". "Всё устроено так, что самый худший из вкусов, вкус к безусловному, подвергается жестокому одурачиванию и злоупотреблению, пока человек не научится вкладывать в свои чувства некоторую толику искусства, а ещё лучше, пока он не рискнёт произвести опыт с искусственным, как и делают настоящие артисты жизни" [229, 38].

Прав ли наш автор, так ли это и в какой мере?

Ф.Ницше. Казус Вагнер: проблемы музыканта.

"Вагнер защищает этим христианское понятие "ты должен и обязан *верить*". Знание есть преступление против высшего, против священнейшего... " [229, 224]. Вера – не знание, они и рядом, и наперекор, в чём противоречат друг другу, а в чём содействуют и восполняют, наполняют культуру и жизнь.

"Во многих случаях женской любви, и, быть может, как раз в самых выдающихся, любовь есть лишь более тонкий *паразитизм*, внедрение себя в чужую душу, порою даже чужую плоть – ах! всегда с такими большими расходами для "хозяина!" [229, 225].

Вы согласны с этим снижением?

Ф.Ницше. Человеческое, слишком человеческое.

"*Заблуждение о жизни необходимо для жизни*. Всякая вера в ценность и достоинство жизни основана на нечистом мышлении; она возможна только потому, что сочувствие к общей жизни и страданиям человечества весьма слабо развито в личности. Даже те редкие люди, мысль которых во-

обще выходит за пределы их собственной личности, усматривают не эту всеобщую жизнь, а только ограниченные части последней. Если уметь обращать взор преимущественно на исключения – я хочу сказать, на высокие дарования и богатые души, – если их возникновение считать целью мирового развития и наслаждаться их деятельностью, то можно верить в ценность жизни именно потому, что при этом *упускаешь из виду* других людей, т.е. мыслишь не чисто. И точно так же, пусть даже сосредоточиваясь на всех людях, но признавая в них действие только *одного* рода мотивов – менее эгоистических – и прощая им другие влечения, можно опять-таки надеяться на что-либо от всего человечества, и постольку верить в ценность жизни, следовательно, и в этом случае благодаря нечистоте мышления. Будешь ли поступать так или иначе, при таком отношении к жизни являешься *исключением* среди людей. Но ведь огромное большинство людей как раз выносит жизнь без особого ропота и, следовательно, *верит* в ценность жизни – и притом именно потому, что каждый ищет и утверждает только себя самого и не выходит за пределы себя, как упомянутые исключения: всё внеличное для них совсем незаметно или, в крайнем случае, заметно лишь как бледная тень. Следовательно, ценность жизни для обыкновенного, повседневно человека основана исключительно на том, что он придаёт себе большее значение, чем всему миру. Большой недостаток фантазии, которым он страдает, обуславливает то, что он не может вчувствоваться в другие существа и потому принимает в их судьбе и страданиях лишь минимальное участие. *Тот* же, кто действительно способен на участие, должен был бы отчаяться в ценности жизни; если бы ему удалось охватить и ощутить совокупное сознание человечества, он разразился бы проклятием в адрес существования, – ибо человечество в целом не имеет *никаких* целей, следовательно, человек, созерцая жизненный путь, мог бы найти в нём не утешение и поддержку себе, а только отчаяние. Если при всём, что он делает, он видит конечную бесцельность человека, то и его собственная деятельность приобретает в его глазах характер бесплодной траты сил. Сознать же себя в качестве части человечества (а не только в качестве индивида) *расточаемым*, подобно тому как природа на наших глазах расточает отдельные цветки, есть чувство, превышающее все другие. – Но кто способен на него? Конечно, только поэт; поэты же всегда умеют утешиться" [229, 467-8].

Сразу и просто не понять всего сказанного.

"Поэты как облегчители жизни. Поэты – поскольку и они хотят облегчить жизнь людей – либо отвращают свой взор от тягостного настоящего, либо помогают настоящему приобрести новые краски посредством света, которым они заставляют излучаться прошедшее. Чтобы иметь возможность делать это, они должны сами быть в известных отношениях существами, обращёнными назад; так что ими можно пользоваться как мостами к

отдалённейшим временам и представлениям, к отмирающим или уже отмершим религиям и культурам. Они, собственно, всегда и неизбежно суть *эпигоны*. Впрочем, об их средствах облегчения жизни можно сказать кое-что неблагоприятное: они успокаивают и исцеляют только временно, только на мгновение; они даже задерживают людей в работе над действительным улучшением условий жизни, устраняя или паллиативно облегчая страсти неудовлетворённого, влекущего к действию" [229, 548-9]. Важно настроиться на понимание.

"К чему стремимся мы, созерцая красоту? К тому, чтобы быть прекрасными; нам мнится, с этим должно быть связано много счастья. Но это есть заблуждение" [229, 549]. Мало ли, что в этой жизни мнится. Всё только мнится, и многое, едва ли не всё, у нас здесь искажено в свете представления, воображения и заблуждения.

"Играть жизнью. Лёгкость и ветреность гомеровской фантазии была нужна, чтобы ослабить и на время уничтожить чрезмерно страстный дух и слишком острый рассудок греков. Когда у них говорит рассудок – сколь грубой и жестокой является тогда жизнь! Они не обманываются, но они сознательно украшают жизнь ложью. Симонид советовал своим соотечественникам принимать жизнь как игру; скорбь серьёзности была им слишком хорошо известна (людское горе есть ведь тема песен, которым так охотно внемлют боги), и они знали, что одно только искусство может даже горе превращать в наслаждение. Но в наказание за это убеждение ими настолько овладела страсть к выдумкам, что и в повседневной жизни им было трудно освободиться от лжи и обмана; ведь вся порода поэтов чувствует склонность ко лжи и, вдобавок, ещё ощущает её невинность. Эта черта, вероятно, приводила иногда в отчаяние соседние грекам народы" [229, 551].

"Об облегчении жизни. Главным средством для облегчения жизни является идеализация всех её событий; но нужно, на примере живописи, отчётливо уяснить себе, что значит идеализировать. Художник требует, чтобы зритель не смотрел слишком точно, слишком строго, он принуждает его отойти на известное расстояние, чтобы наблюдать оттуда; он вынужден предполагать совершенно определённое отдаление наблюдателя картины; более того, он должен даже предполагать столь же определённую меру остроты зрения у своего наблюдателя; в таких вопросах он отнюдь не должен колебаться. Итак, каждый, кто хочет идеализировать свою жизнь, должен не смотреть на неё слишком пристально и отгонять свой взор на известное отдаление. Этот приём хорошо понимал, например, Гёте" [229, 628].

"Возмущающее в индивидуальном образе жизни. Все крайне индивидуальные мероприятия жизни возбуждают людей против того, кто к ним прибегает; они чувствуют, что необычный образ жизни, которым пользуется для своего блага такой человек, унижает их, как обыденных существ"

[708]. "**Жизнь как жизненная выручка.** Человек может как угодно далеко расширять своё познание, может казаться себе сколь угодно объективным; но единственная его выручка из всего этого есть только его биография" [229, 711]. "**Жизнь врага.** Кто живёт борьбой с врагом, тот заинтересован в том, чтобы враг сохранил жизнь" [229, 714].

"**О часовой стрелке жизни.** Жизнь состоит из редких единичных мгновений высочайшего значения и из бесчисленно многих интервалов, в которых в лучшем случае нас окружают лишь бледные тени этих мгновений. Любовь, весна, каждая прекрасная мелодия, горы, луна, море – всё это лишь однажды внятно говорит сердцу, – если вообще когда-либо внятно говорит. Ибо многие люди совсем не имеют этих мгновений и суть сами интервалы и паузы в симфонии подлинной жизни" [229, 723-4].

На наш взгляд, хорошая фраза, прекрасная мысль – о содержании и разном наполнении нашей жизни, впрочем мы не касаемся здесь вопроса определения, что же такое подлинная жизнь.

"**Первая мысль дня.** Лучшее средство хорошо начать день состоит в том, чтобы, проснувшись, подумать, нельзя ли хоть *одному* человеку доставить сегодня радость. Если бы это могло быть признанно возмещением религиозной привычки к молитве, то наши ближние имели бы выгоду от этой перемены" [229, 725].

Довольно редкий для Ницше случай морализирования. Утренняя молитва то же самовнушение, та же установка и настрой психики на благородство, благоразумие, активность и продуктивность каждого дня твоей быстротекущей жизни. Есть люди верующие, есть атеисты, – и пусть все они по-своему как-то относятся к Богу и к институту церкви, учреждению.

"**Возраст самомнения.** Между 26-м и 30-м годом даровитые люди переживают настоящий период самомнения; эта пора первой зрелости, с сильным остатком кислоты. Человек, на основании того, что он чувствует в себе, требует от людей, которые ещё ничего не видят или мало видят в нём, чести и покорности, и так как последние вначале заставляют себя ждать, то он мстит тем взором, тем жестом самомнения, тем тоном голоса, которые тонкое ухо и зрение опознают во всех произведениях этого возраста, будь то стихи, философия или картины и музыка. Более пожилые и опытные люди улыбаются здесь и с умилением думают об этой прекрасной поре жизни, когда человек зол на судьбу за то, что он *есть* столь многое и *кажется* столь малым. Позднее человек действительно *кажется* большим, – но он, быть может, потерял добрую веру в то, что он *есть* многое, – разве только если он на всю жизнь остаётся неисправимым глупцом, покорным тщеславию" [229, 728].

"**Возраст жизни и истина.** Молодые люди любят всё интересное и необычайное, всё равно, истинно ли оно или ложно. Более зрелые умы лю-

бят в истине то, что в ней есть интересного и необычайного. Наконец, вполне созревшие головы любят истину даже там, где она является простой и наивной и внушает скуку обыкновенному человеку; ибо они заметили, что высшую свою мудрость истина обыкновенно высказывает с наивной миной" [229, 731]. Что же такое истина, какая, где она скрывается и обнаруживается? Чем она отличается ото лжи, в жизни и в теории? Разные сущности или одна? Человек психологически проходит несколько стадий в отношении понимания их.

"Звук голоса в различных возрастах жизни. Тон, которым юноши говорят, одобряют, порицают, сочиняют, не нравится более зрелым людям, потому что он слишком громок и вместе с тем глух и неотчётлив, подобно звуку в сводах, который приобретает силу лишь благодаря пустоте; ибо большая часть того, что мыслят юноши, не проистекает из полноты их собственной природы, а лишь созвучно тому или есть отзвук того, что мыслилось, говорилось, одобрялось, порицалось в их близости. Но так как чувства (симпатии и антипатии) дают в них гораздо более сильный отзвук, чем аргументы, то, когда они снова выражают эти чувства, возникает тот глухой протяжный звук, который свидетельствует об отсутствии или скудности оснований. Тон более зрелого возраста, прерывист, умеренно громок, но, подобно всему отчётливо артикулированному, разносится довольно далеко. Наконец, старость вносит в звук некоторую кротость и снисходительность и как бы засахаривает его; в иных случаях она, впрочем, и окисляет его" [229, 733].

"Сотворённые люди. ... В действительности мы очень мало понимаем подлинного живого человека и обобщаем весьма поверхностно, приписывая ему тот или иной характер; это наше *весьма несовершенно* отношение к человеку удовлетворяет поэта, который превращает в людей (и в этом смысле "творит") столь же *поверхностные* наброски, сколь поверхностно наше знание людей" [229, 554]. "... не следует быть слишком уверенным в своём хорошем мнении о каком-нибудь художнике; такое мнение означает ведь не только веру в правдивость нашего ощущения, но и веру в непогрешимость нашего суждения, тогда как суждение или ощущение – или то и другое – может быть слишком грубым и слишком тонким, слишком изысканным и слишком первобытным" [229, 556].

"Культ гения из тицеславия. Так как мы высокого мнения о самих себе, но отнюдь не ожидаем от себя, что мы могли бы написать картину Рафаэля или сцену из драмы Шекспира, то мы убеждаем себя, что способность к этому есть нечто необычайное и чудесное, совершенно исключительный случай, или, если мы к тому же ощущаем религиозно, – благодать свыше" [229, 556]. "Далее: всему готовому, совершенному поклоняются, всё становящееся недооценивается. ... Поэтому мастера изобразительного искусства преимущественно счи-

таются гениальными, а не люди науки. На самом деле и первая оценка, и последняя недооценка суть лишь ребячество разума" [229, 557].

"Артистическое воспитание публики. Если один и тот же мотив не разрабатывается на сотни ладов различными мастерами, публика не научается интересоваться чем-либо, кроме самой темы; но под конец она сама воспримет и эстетически прочувствует оттенки, тонкие, новые приёмы в обработке этого мотива, именно когда она давно уже знает мотив из многочисленных разработок и при этом уже не ощущает прелести новизны и любопытства" [229, 561].

Так же, как и к музыке, к литературе, к чтению книг, надо приучать ту часть публики, у которой имеются природные задатки к чтению. Это тоже из разряда не ремесла, но сложного и трудоёмкого словесного искусства.

"Происхождение комического. Если сообразить, что человек в течение многих тысячелетий был животным, в высшей степени доступный страху, что всё внезапное, неожиданное заставляло его быть готовым к борьбе, быть может, даже готовым к смерти и что даже позднее, в социальных условиях жизни, вся обеспеченность покоилась на ожидаемом, на привычном в мнении и деятельности, то нельзя удивляться, что при всём внезапном, неожиданном в слове и действии, если оно врывается без опасности и вреда, человек становится весёлым, переходит в состояние, противоположное страху: съжившееся, трепещущее от страха существо расправляется, широко раздвигается – человек смеётся. Этот переход от мгновенного страха к краткому веселью зовётся *комическим*" [229, 562].

"Честолюбие художника. Греческие художники, например трагики, творили для того, чтобы побеждать; всё их искусство немислимо без соперничества: Гесиодова добрая "эрис", честолюбие, окрыляло их гений. Но это честолюбие требовало прежде всего, чтобы их произведение получило высшее признание *в их собственных глазах*, т.е. отвечало бы тому, что они считают превосходным, без внимания к господствующему вкусу и к общему мнению о достоинствах художественного произведения; и потому Эсхил и Еврипид долгое время не имели успеха, пока наконец они не *воспитали* для себя художественных судей, оценивавших их произведения по меркам, которые они сами к ним прилагали. Таким образом, они стремятся победить соперников в своей собственной оценке, перед своим собственным судилищем, они хотят действительно *быть* лучше их; затем они требуют извне одобрения этой своей собственной оценки, подтверждения своего суждения. Добиваться чести значит здесь "достигнуть действительного превосходства и желать, чтобы оно было и публично признано". Если отсутствует первое и человек всё-таки жаждет последнего, то говорят о *тщеславии*. Если отсутствует последнее и не ощущается потребность в нём, то говорят о гордости" [229, 563].

"Умаление. ... Но гораздо реже случается, чтобы что-либо мелкое выносило увеличение; поэтому биографам всё же скорее будет удаваться изобразить великого человека малым, чем малого – великим" [229, 565]. От чего же зависит, если это, действительно, так? Если судить по нашей истории, то в ней, пожалуй, возвеличивания (культы) личности примерно столько же, сколько развенчания и шельмования "врагов народа". Бывает повсякому в жизни, отсюда и разные мнения и умозаключения. Правда, вообще-то сочинить великую биографию, безусловно, сложнее, чем описать бегло и шаблонно простую и заурядную жизнь.

"Двойное непонимание. Несчастье проницательных и ясных писателей состоит в том, что их считают плоскими и не изучают усердно; и счастье неясных писателей – в том, что читатель трудится над ними и относит на их счёт радость, которую ему доставляет его собственное усердие" [229, 566-7]. Согласны ли вы с таким утверждением или же у вас другое мнение на этот счёт. Смотря кто так считает и проявляет усердие, если, действительно, считает и проявляет. Чтобы читатель "трудился", он должен был вначале научиться читать "неясных писателей", кстати сказать, именно таких, как сам Ницше. Хотя все оценки субъективны и относительны.

"Свободный ум есть относительное понятие. Свободным умом называют *того*, кто мыслит иначе, чем от него ждут на основании его происхождения, среды, его сословия и должности или на основании господствующих мнений эпохи. Он есть исключение, связанные умы суть правило; последние упрекают его в том, что его свободные принципы либо возникли из желания выделяться, либо же заставляют в нём предполагать свободные поступки, т.е. поступки, несовместимые со связанной моралью" [229, 592]. "Впрочем, к существу свободного ума не принадлежит то, что он имеет более верные мнения, а лишь то, что он освободился от всякой традиции, всё равно, успешно или неудачно. Но обыкновенно он всё же будет иметь на своей стороне истину или по крайней мере дух искания истины: он требует оснований, другие же – только веры" [229, 592-3].

"Esprit fort. По сравнению с тем, кто имеет на своей стороне традицию и не нуждается в обосновании своего поведения, свободный ум всегда слаб, особенно в действовании: ибо он знает слишком много мотивов и точек зрения и потому имеет неуверенную, неопытную руку" [229, 595-6].

У верующих догматиков более крепко связанное сознание, нежели у развращённых художников. Зато у неверующих более богатый набор грехов и огрех, своя изобразительная и образная система, представления, собственная символика и мистификация.

"Возрастающая серьёзность мира. Чем выше оказывается культура человека, тем больше областей становятся недоступными шутке, насмешке. ... Чем основательнее человек понимает жизнь, тем менее он будет насме-

хаться – разве только под конец он начинает насмехаться над этой "основательностью своего понимания" [229, 602-3].

Взрослея и старея, мир становится строже, серьезней и вряд ли добродушней. Наша цивилизация, может быть, всё ожесточается. Это только предположение, пока нет критериев и оснований. Тут что-то не то, очевидно, что-то не так сказано или понято.

"В огне презрения. Делаешь новый шаг к развитию своей самостоятельности, когда осмеливаешься высказывать взгляды, которые считаются позорными для того, кто их придерживается; тогда даже друзья и знакомые обыкновенно становятся боязливыми. И через этот огонь должна пройти одарённая натура; после этого она гораздо более принадлежит сама себе" [229, 735]. Та или иная степень самостоятельности проявляется в свободе высказываний и решительности поступков, несомненно, что вольность поведения может больно задеть других, и не только в твоём окружении. Не каждый готов испытать на себе презрение со стороны окружающих.

"Слишком хорошо и слишком плохо думать о мире. Думаешь ли о вещах слишком хорошо или слишком плохо, всегда имеешь при этом ту выгоду, что пожинаешь большее удовольствие: ибо при слишком хорошем предвзятом мнении мы обыкновенно вкладываем больше сладости в вещи (или переживания), чем в них собственно содержится. Предвзятое же слишком плохое мнение вызывает приятное разочарование: приятность, сама по себе лежавшая в вещах, усугубляется приятностью неожиданности. Впрочем, мрачный темперамент в обоих случаях испытывает обратное" [229, 736]. Так ли всё это? Может быть, и так, и не так. Значит, может существовать как мнение, вариант.

"Об убеждении и справедливости. ... Скорее мы должны спросить себя, *необходимы ли* эти страдания при перемене убеждений и не зависят ли они от *ошибочной* оценки, от ошибочного мнения. Почему восторгаются тем, кто остаётся верен своему убеждению, и презирают того, кто его меняет? Боюсь, что на это надо ответить: потому что каждый предполагает, что лишь мотивы низменной выгоды или личного страха определяют подобную перемену. Это значит: люди, в сущности, полагают, что никто не изменяет своих мнений, пока они ему выгодны, или, по крайней мере пока они не наносят ему вреда" [229, 740].

"Убеждение есть вера, что в известном пункте познания обладаешь безусловной истиной. Эта вера, следовательно, предполагает, что существуют безусловные истины; а также что найдены совершенные методы для их достижения; и, наконец, что всякий, кто имеет убеждения пользуется этими совершенными методами. Все три утверждения тотчас же доказывают, что человек убеждения не есть человек научного мышления; он стоит перед нами в возрасте теоретической невинности и есть ребёнок, сколь бы

взрослым он ни был" [229, 741]. Убеждение и убежденность часто проистекают из чувства зазнайства, переоценки себя и высокомерия.

"Кто не прошёл через различные убеждения, а застрял в вере, в сеть которой он с самого начала попался, есть при всяких условиях, именно в силу этой неизменчивости, представитель *отсталых* культур; благодаря этой недостаточности культур (которая всегда предполагает способность культивироваться) он жесток, непонятлив, недоступен поучению, лишён кротости, вечно подозрителен, безрассуден и хватается за все средства, чтобы настоять на своём мнении, потому что он совсем не может понять, что должны существовать и другие мнения; в этом отношении он, быть может, есть источник силы и даже целебен для слишком свободных и вялых культур, но всё же лишь потому, что он даёт сильное побуждение восстать против него; ибо при этом более нежный продукт новой культуры, который вынужден бороться с ним, сам становится сильнее" [229, 743].

"В существенном мы ещё тождественны людям эпохи Реформации; и разве могло бы это быть иначе? Но что мы уже не позволяем себе некоторых средств, чтобы доставить победу нашему мнению, – это отделяет нас от той эпохи и доказывает, что мы принадлежим к высшей культуре. Кто теперь ещё, на манер людей эпохи Реформации, восстает против мнений и ниспровергает их путём подозрений, в припадках ярости, тот ясно выдаёт, что он сжёг бы своих противников, если бы он жил в ту эпоху, и что он нашёл бы спасение во всех средствах инквизиции, если бы действовал как противник Реформации. ... Теперь, однако, уже никто не может так легко убедить нас, что он обладает истиной: строгие методы исследования распространили достаточно недоверия и осторожности, так что всякий, кто защищает своё мнение деспотично словами и делами, воспринимается как враг нашей современной культуры и, по меньшей мере, как отсталый человек. И действительно: пафос *обладания* истиной имеет теперь весьма малую цену по сравнению с пафосом, правда, более мягким и менее звучным, искания истины, который умеет неутомимо перечисляться и заново исследовать" [229, 743-4].

"Впрочем, методическое искание истины есть само результат тех эпох, когда сражались между собой убеждения. Если бы отдельный человек не был заинтересован в *своей* "истине", т.е. в том, чтобы остаться правым, то вообще не существовало бы метода исследования; теперь же, при вечной борьбе притязаний различных лиц на безусловную истину, люди шаг за шагом шли вперёд, чтобы найти неопровержимые принципы, на основании которых можно было бы проверять правомерность притязаний и полагать конец спору. Сперва решали на основании авторитетов, позднее стали взаимно критиковать пути и средства, которыми была найдена мнимая истина; в промежутке существовал период, когда делали выводы из утверждения противника и, быть может, доказывали, что они вредны и приносят несча-

стве, – из чего каждый должен был заключить, что убеждение противника содержит заблуждение" [229, 744].

"Одарённые люди могут *узнать* сколько угодно результатов науки: по их разговору и особенно по принимаемым в нём гипотезам тотчас же замечаешь, что им недостаёт научного духа; у них нет того инстинктивного недоверия к ложным путям мышления, которое в силу долгого упражнения пустило корни в душе каждого научного человека. Им достаточно найти вообще какую-нибудь гипотезу по данному вопросу, и тогда они пламенно защищают её и полагают, что этим сделано всё. Иметь мнение – значит у них уже фактически исповедовать его и впредь приютить в своём сердце в качестве убеждения. ... Более того: присматриваясь внимательнее, замечаешь, что огромное большинство всех образованных людей ещё теперь требует от мыслителей убеждений, и одних только убеждений, и что лишь ничтожное меньшинство ищет *достоверности*" [229, 745].

"Из *страстей* вырастают мнения; *косность духа* превращает последнее в застывшие *убеждения*. Но кто ощущает в себе *свободный*, неутомимо жизненный дух, тот может через постоянные перемены предупреждать это застывание; и если он всецело есть мыслящая лавина, то в голове его не окажется никаких мнений, а только достоверности и точно измеренные вероятности" [229, 746]. "Спасённые от огня, мы идём тогда, гонимые духом, от мнения к мнению, через перемену партий, как благородные *изменники* всего, чему только можно изменить, – и всё же без чувства вины" [229, 747]. Убеждение стоит на незыблемой почве достоверности, мнение связано с сомнением, наука же вырастает из предположений, мнений и гипотез.

Злая мудрость. Афоризмы и изречения.

"В пылу борьбы можно пожертвовать жизнью: но побеждающий снедаем искусом *отшвырнуть от себя* свою жизнь. Каждой победе присуще презрение к жизни" [229, 758]. "Жизнь ради познания есть, пожалуй, нечто безумное; и всё же она есть признак весёлого настроения. Человек, одержимый этой волей, выглядит столь же потешным образом, как слон, силящийся *стоять* на голове" [229, 761]. "Любовь к жизни – это почти противоположность любви к долгожительству. Всякая любовь думает о мгновении и вечности, но *никогда* о "продолжительности" [229, 787]. Насколько же убедителен, по вашему, такой необычный ход мысли в рассуждении.

"*К учению о стиле*. Первое, что необходимо здесь, есть *жизнь*: стиль должен *жить*" [229, 784]. "Богатство жизни выдаёт себя через *богатство жестов*. *Нужно учиться* ощущать всё – длину и краткость предложения, пунктуацию, выбор слов, паузы, последовательность аргументов – как жесты" [229, 785]. Жизнь и стиль универсальны, касаясь разных проявлений жизни.

Серьёзные труды, в их числе книги Фридриха Ницше, как видим, не даются читателю легко и так же просто, как иные бестселлеры. Чтобы по-

нимать научный текст, следует, в конце концов, научиться непростому искусству медленного чтения, проявляя при этом со своей стороны филологическую прилежность, выдержку, настойчивость, вдумчивость, внимательность, чтобы наконец-то пробраться сквозь дебри, осмыслить и домыслить содержание, усвоив незаурядный и трудный слог философического письма и развёрнутого рассуждения о мире.

Не сразу человек осознаёт и почувствует сложность и тягости земного существования, не вдруг постигает смысл всего и своего бытия. Мы все по-разному относимся к себе, к другим, к обществу, к различным проявлениям жизни. Познание жестокого и злого мира не так просто, как думается. Истина коварна, порой притягивает – и всегда недоступна.

Альберт Швейцер. Благоговение перед жизнью.

47

Из моей жизни и мыслей

"Два переживания омрачают мою жизнь. Первое состоит в понимании того, что мир предстаёт необъяснимо таинственным и полным страдания; второе – в том, что я родился в период духовного упадка человечества. С обоими помогла мне справиться мысль, приведшая меня посредством этического миро- и жизнеутверждения к благоговению перед жизнью. В нём нашла моя жизнь точку опоры и направление. На том я стою, и так я действую в мире, руководствуясь стремлением сделать человечество посредством мысли духовнее и лучше.

С духом времени я нахожусь в полном разладе, ибо он полон презрения к мысли. Эта его настроенность в известной мере понятна из того, что мышление до сих пор не достигло поставленной цели. Часто оно было почти уверено, что сумело убедительно обосновать гносеологически и этически удовлетворительное мировоззрение. Впоследствии, однако, всегда оказывалось, что это ему не удалось.

Таким образом, могло возникнуть сомнение, будет ли мышление когда-нибудь в состоянии ответить на вопросы, касающиеся мира и нашего отношения к нему, так, чтобы мы были способны придать нашей жизни смысл и содержание" [381, 23]. "Итак, современный человек всю жизнь испытывает воздействие сил, стремящихся огнать у него доверие к собственному мышлению. Сковывающая его духовная несамостоятельность царит во всём, что он слышит и читает; она – в людях, которые его окружают, она – в партиях и союзах, к которым он принадлежит, она – в тех отношениях, в рамках которых протекает его жизнь. Со всех сторон и разнообразнейшими способами его побуждают брать истины и убеждения, необходимые для жизни у организаций, которые предъявляют на него права. Дух времени не разрешает ему прийти к себе самому" [381, 24].

"Но и заимствование авторитарной истины с фиксированным духовным и этическим содержанием не уничтожит, а только прикроет скептицизм. Противоестественное состояние, когда человек не верит им самим познанной истине, будет сохраняться и оказывать воздействие. Знание истины не может быть сооружено на зыбкой почве скепсиса. Всё больше и больше проникаясь скептицизмом, наша духовная жизнь прогнивает. Поэтому мы и живём в мире, который полон лжи. Нас губит стремление организовать и истину" [381, 25].

"Мышление по самой своей природе особым образом побуждает благоговение перед жизнью вступить в бой со скептицизмом. Оно элементарно. Элементарно мышление, исходящее из фундаментальных вопросов отношения человека к миру, смысла жизни и сущности добра. Она непосредственным образом связано с движением мысли каждого человека. Оно восходит к ней, расширяет и углубляет её" [381, 25].

"Сделать людей снова мыслящими – значит вновь разрешить им поиски своего собственного мышления, чтобы таким путём они попытались добыть необходимое им для жизни знание. Идея благоговения перед жизнью ведёт к обновлению элементарного мышления. Поток, так долго прокладывавший себе путь в подпочвенных глубинах, вновь вышел на поверхность" [381, 27].

"Мир – это не одна лишь сумма событий, но и жизнь. К жизни мира, в той мере, в какой она вторгается в моё жизненное пространство, я отношусь не только страдательно, но и деятельно. Становясь на путь служения живому, я прорываюсь к осмысленному, направленному на мир действию". "Идея благоговения перед жизнью предстаёт как предметное решение предметно поставленного вопроса, поскольку человек и мир принадлежат друг другу. О мире человек знает только то, что всё существующее, как и он сам, есть проявление воли к жизни. К этому миру он стоит в отношении как пассивности, так и активности. С одной стороны, он подчинён происходящему, которое дано ему в этой тотальности жизни, с другой стороны, он способен воздействовать на вторгающуюся в его область жизнь сдерживающим или побуждающим, уничтожающим или сохраняющим образом" [381, 28].

"Стоит человеку задуматься над загадочностью своей жизни и над теми отношениями, которые существуют между ним и другими заполняющими мир жизнями, и он почувствует благоговение перед своей собственной жизнью и перед любой другой жизнью, которая с ней соприкасается. И это благоговение перед жизнью он воплотит в этическом миро- и жизнеутверждении. Его бытие станет тогда во всех отношениях труднее, чем если бы он жил только для себя, но вместе с тем и богаче, полнее и счастливее. Вместо жизни, влекомой общим течением, он теперь углубляется в действительное проживание жизни" [381, 29].

"Если же ставший мыслящим человек попытается остаться влекомым общим течением жизни, то это удастся лишь при том условии, что он отка-

жется мыслить и вновь погрузится в пучины безмыслия. Но, продолжая оставаться мыслящим, он не сможет не прийти к благоговению перед жизнью. Любое мышление, ведущее человека к скептицизму или к жизни без этического идеала, – это не мышление, а лишь принимающая вид мышления бессмыслица, которая обнаруживает себя отсутствием интереса к таинствам жизни и мира" [381, 29].

"Для истинно нравственного человека всякая жизнь священна, даже та, которая с нашей человеческой точки зрения кажется нижестоящей. Различие он проводит только от случая к случаю и в силу необходимости, когда жизнь ставит его в ситуацию выбора, какую жизнь он должен сохранить, а какой – пожертвовать. При этом он должен сознавать, что решение его субъективно и произвольно, и это обязывает его нести ответственность за пожертвованную жизнь" [381, 30].

"Находясь вместе со всеми живыми существами под действием закона самораздвоения воли к жизни, человек всё чаще оказывается в положении, когда он может сохранить свою жизнь, как и жизнь вообще, только за счёт другой жизни. Если он руководствуется этикой благоговения перед жизнью, то он наносит вред жизни и уничтожает её лишь под давлением необходимости и никогда не делает этого бездумно. Но там, где он свободен выбирать, человек ищет положение, в котором он мог бы помочь жизни и отвести от неё угрозу страдания и уничтожения" [381, 30].

"Итак, мировоззрение благоговения перед жизнью имеет религиозный характер. Человек, исповедующий и практикующий его, является элементарно верующим. Эта религиозно ориентированная деятельная этика любви и духовная самоуглублённость делают мировоззрение благоговения перед жизнью сущностно родственным христианскому мировоззрению. Тем самым создаётся возможность для христианства и рационального мышления вступить друг с другом в более продуктивные для духовной жизни отношения, чем это было до сих пор". "Мировоззрение благоговения перед жизнью вновь ставит перед христианством вопрос, хочет ли оно идти дальше вместе с мышлением, имеющим этический и религиозный характер" [381, 31].

"Я питаю надежду на то, что становление такого элементарного мышления, исходящего из этико-религиозной идеи благоговения перед жизнью, будет способствовать сближению христианства и мысли". "На вопрос о том, пессимист я или оптимист, я отвечаю, что моё познание пессимистично, а мои воля и надежда оптимистичны. Я пессимистичен, глубоко переживая бессмысленность – по нашим понятиям – всего происходящего в мире. Лишь в редчайшие мгновения я поистине радуюсь своему бытию. Я не могу не сопереживать всему тому страданию, которое вижу вокруг себя, бедствиям не только людей, но и всех вообще живых созданий. Я никогда не пытался избежать этого со-

страдания. Мне всегда казалось само собой разумеющимся, что мы все вместе должны нести груз испытаний, предназначенных миру" [381, 33].

"И я считаю также подарком судьбы, что мне дано осознать всё то счастье, что выпало на мою долю, и не сетовать на жизнь за те жертвы, что я вынужден приносить во имя его" [381, 34].

Упадок и возрождение культуры (Философия культуры)

"Современный же человек ограничен как в своей свободе, так и в способности мыслить". "Утверждение о том, что с потерей собственного участка земли и собственного жилища у человека начинается противоестественная жизнь, оказывается на поверку слишком правильным, чтобы считаться парадоксальным" [381, 49].

"Что такое культура? Этот вопрос должен бы давно волновать человечество, считающее себя культурным человечеством. Но, как ни странно, в мировой литературе никто до сих пор, собственно, не ставил такого вопроса и тем более не пытался ответить на него. Считалось, что незачем определять существо культуры, поскольку она сама налицо. Когда же этот вопрос всё-таки затрагивался, его со ссылкой на историю и современность объявляли уже давно решённым. Однако сегодня, когда сами события с неумолимостью ведут нас к осознанию того, что мы живём в условиях опасного смешения элементов культуры и бескультурья, нам надлежит – хотим мы того или нет – попытаться определить сущность подлинной культуры" [381, 55].

"Есть мысли, которые мы сами никогда непосредственно не вынашиваем, так как находим их в истории уже сформулированными. Идеи, которые мы наследуем, бессильны возродить содержащиеся в них истины, поскольку олицетворяют собой истины уже умершие. То, что из декадентствующего старого мира переходит в новую эпоху, часто похоже на остаточные продукты обмена веществ, действующие, как яды" [381, 67]. "Великая задача духа – создание мировоззрения" [381, 71].

"Потребность выдвигать вопросы о сущности мира и жизни и давать на них ответы заглохла в нас. Постигшее нас бездумье привело к тому, что мы приняли для своей собственной жизни и жизни общества случайные идеи, подсказанные нашим чувством реальности. На протяжении жизни более чем полутора поколений мы достаточно хорошо узнали, что мировоззрение, заключающееся в отсутствии всякого мировоззрения, наихудшее из возможных и что такое мировоззрение подрывает не только духовную жизнь, но и устои жизни человеческого общества вообще" [381, 72-3]. "Для общества, как и для индивида, жизнь без мировоззрения представляет собой патологическое нарушение высшего чувства ориентирования" [381, 73].

"В разуме потребность познания и воля, таинственным образом переплетённые в нас, пытаются прийти к взаимному постижению. Последнее знание, к которому мы стремимся, – это знание жизни. Наше познание рас-

смачивает жизнь снаружи, воля – изнутри. Так как жизнь является последним предметом знания, последнее знание с необходимостью становится осмысленным переживанием жизни. Такое переживание, однако, являет собой процесс, не оторванный и изолированный от разума, а происходящий в недрах его". "Призвание каждого человеческого существа состоит в том, чтобы, выработав собственное мыслящее мировоззрение, стать подлинной личностью" [381, 75].

"Оптимистично то мировоззрение, которое бытие ставит выше небытия и тем самым утверждает мир и жизнь как нечто ценное само по себе. Такое отношение к миру и жизни порождает стремление относиться к бытию с максимальной бережностью, на какую мы только способны. Упомянутое стремление в свою очередь стимулирует деятельность, направленную на улучшение условий жизни индивида, общества, народов и человечества, – такую деятельность, результатом которой являются внешние достижения культуры, господство духа над силами природы и более высокая социальная организация общества" [381, 76].

"Раввины древних времён учили, что Царство Божье наступит, если только весь Израиль начнёт по-настоящему соблюдать субботу. Насколько вернее было бы сказать, что море несправедливости, насилия и лжи, захлестнувшее ныне всё человечество, лишится своей разрушительной силы, если только нам удастся противопоставить ему хоть какое-то подобие раздумий о смысле мира и жизни! Но не опасно ли побуждать людей к раздумьям о смысле жизни и требовать, чтобы наша жажда действий оправдывалась и облагораживалась такими размышлениями? Не утратим ли мы в результате этого нечто невосполнимое – жизненную активность, порождаемую непосредственностью действий?" [381, 79].

"Мы переживаем миро- и жизнеутверждение как нечто в самом себе необходимое и ценное. Следовательно, допустимо предполагать, что его как-то можно обосновать в мышлении. Данное в нашей воле к жизни, оно должно постигаться в смысле жизни. Не исключено, что фундамент мировоззрения, выражающего миро- и жизнеутверждение, следует заложить не так, как это пытались делать до сих пор. Прежнее мышление намеревалось вывести смысл жизни из смысла мира. Вполне возможно, что нам придётся, оставив вопрос о смысле мира нерешённым, вывести смысл нашей жизни из заложенной в нас воли к жизни" [381, 79].

Культура и этика (Философия культуры)

"Благоговение перед жизнью внушает мне основной принцип нравственного, заключающийся в том, что добро состоит в сохранении жизни, её стимулировании и усилении, а зло – в уничтожении жизни, нанесении ей ущерба и создании препятствий на её пути. Утверждение мира, то есть утверждение воли к жизни, проявляющейся вокруг меня, возможно только

благодаря тому, что я самого себя посвящаю другой жизни. По внутреннему побуждению, не понимая смысла мироздания, я действую в мире и воздействую на него, создавая ценности и исповедуя нормы этики. Ибо в миро- и жизнеутверждении и в этике я исполняю волю универсальной воли к жизни, проявляющейся во мне" [381, 88].

"Каждый в состоянии сообщить другим лишь то, что найдёт в себе самом способного затронуть и взволновать всех людей, возможно продуманнее, сильнее и яснее, так, чтобы невнятный шепот превратился в полнозвучный голос. Имеет ли, однако, смысл пахать, уже вспаханную тысячу и один раз, подвергать обработке в тысячу второй? Разве всё, что можно сказать об этике, уже не сказано Лао-цзы, Конфуцием, Буддой, Заратустрой, Амосом, Исаией, Сократом, Платоном, Аристотелем, Эпикуром, стоиками, Иисусом, апостолом Павлом, мыслителями Ренессанса, Просвещения и рационализма, Локком, Шефтсбери, Юмом, Спинозой, Кантом, Фихте, Гегелем, Шопенгауэром, Ницше и другими? Разве существует возможность перешагнуть через эти относящиеся к прошлому и противоречащие одно другому убеждения и прийти к новым, которые будут обладать большей и не столь преходящей силой? Возможно ли всё, что есть у этих мыслителей этического, соединить в единую идею нравственного, которая аккумулировала бы энергию всех этических учений прошлого? Мы должны надеяться на это, если не хотим отчаяться в судьбах человечества" [381, 102].

"Внести нечто весомое и прочное в решение проблем политической и экономической жизни мы сможем лишь в том случае, если возьмёмся за них как люди, стремящиеся прийти к этическому мышлению" [381, 103]. Как жаль, что подавляющая часть наших депутатов не прочла А.Швейцера.

"Как частица вечно действующего духа человек возвышается над миром и сам по себе тоже вечен. <...> Смерти он тоже не боится: ведь он умирает не для себя, а лишь для тех, кто продолжает жить после него. "Любая смерть в природе – это рождение... Природа – сплошная жизнь. Не смерть убивает, а новая живая жизнь, начинающаяся и развивающаяся за спиной старой. Смерть и рождение – лишь борьба жизни с самой собою ради того, чтобы представляться всё более просветлённой и всё более похожей на самое себя". В подобных же выражениях китайский монист Чжуан-цзы провозглашает, что жизнь сама по себе вечна и смерть индивидов означает лишь, что одно существование переливается в другое" [381, 160].

"Бесперспективность попытки вывести смысл жизни из смысла бытия определяется прежде всего тем, что в мировом процессе не обнаруживается той целесообразности, которая могла бы подчинить себе деятельность человека и человечества. На одной из самых маленьких планет одного из миллионов созвездий на протяжении короткого отрезка времени живут человеческие существа. Сколько ещё они будут жить? То или иное повыше-

ние или понижение температуры Земли, колебание оси созвездия, поднятие уровня моря или изменение состава атмосферы могут послужить причиной гибели человечества. Может случиться, что и сама Земля, подобно целым космическим мирам, погибнет в результате какой-либо катастрофы во Вселенной. Мы не знаем, что человек означает для Земли. Насколько же тщетными перед лицом универсума оказываются наши попытки придать смысл бесконечному миру, – смысл, исходящий от человека и направленный только на объяснение его жизни! Дело не только в этой колоссальной диспропорции масштабов универсума и человека" [381, 198].

"Мы должны решиться предоставить жизневоззрению и воззрению на мир свободу и затем начать откровенную полемику между ними. Мы должны признать, что с жизневоззрением, состоящим из убеждений, рождённых нашей волей к жизни, но не подтверждённых данными познания мира, мы выходим за границы того, что образует наше мировоззрение" [381, 200].

"Мы начинаем свой жизненный путь преисполненный непосредственного миро- и жизнеутверждения. Воля к жизни, заложенная в нас, даёт это нам как нечто само собой разумеющееся. Но когда пробуждается сознание, то всплывают вопросы, превращающие всё, ранее бывшее само собой разумеющимся, в проблемы. В чём смысл твоей жизни? Что тебе надо в мире? Возникающая при этом полемика между познанием и волей к жизни обрушивает на человека множество противоречивых фактов. Факты говорят о том, что жизнь манит нас тысячью ожиданий, из которых почти ни одно не исполняется. А исполненное желание чаще всего приносит разочарование" [381, 201].

"Прогресс науки состоит только в том, что она всё точнее описывает явления, в которых обнаруживается многообразная жизнь, открывает нам жизнь там, где мы её раньше не подозревали, и даёт в руки средство, с помощью которого мы можем так или иначе использовать познанный процесс развития воли к жизни. Но ни одна наука не в состоянии сказать, что такое жизнь" [381, 217]. "Истинная философия должна исходить из самого непосредственного и всеобъемлющего факта сознания. Этот факт гласит: "Я – жизнь, которая хочет жить, я – жизнь среди жизни, которая хочет жить" [381, 217].

Нет общего понятия бытия, есть бесконечное бытие в проявлениях.

"Для меня навсегда останется загадкой моя жизнь с чувством благоговения перед жизнью в этом мире, в котором созидательная воля одновременно действует как разрушающая воля, а разрушающая – как созидательная" [381, 219]. "Тысячью способов может выполнить человек своё предназначение, творя добро. Жертвы, которые он приносит, должны оставаться его тайной. Но все вместе мы должны знать, что наша жизнь приобретает ценность лишь тогда, когда мы ощутим истинность следующих слов: "кто теряет свою жизнь, тот её находит" [381, 226]. "Гибель культуры происходит вследствие того, что создание этики перепоручается государству" [381, 229].

Проблема этики в ходе развития человеческой мысли

"Элементарный, постоянно присутствующий в сознании факт нашего бытия можно выразить так: я – жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая также хочет жить. Непостижимым в моей воле к жизни является то, что я чувствую себя вынужденным участливо относиться ко всякой воле к жизни, которая присутствует в бытии рядом с моей. Сущность добра – сохранение жизни, содействие жизни, её становлению как высшей ценности. Сущность зла – уничтожение жизни, нанесение ей ущерба, торможение жизни в её развитии" [381, 506].

А.А.Гусейнов. Благоговение перед жизнью: Евангелие от Швейцера.

Он понимал мышление как руководство к жизни и был убеждён, что человеческая жизнь может быть осмысленной, разумно устроенной. Философское исследование и жизненный поиск, мыслитель и человек слились в его личности воедино. Он воспринимал мысль в её вещественной наполненности и нравственно обязующей силе. Слово было для него делом, а дело – словом.

48

Джеральд Даррелл. **Перегруженный ковчег.**

"Жизнь пернатых, как и вчера, казалась нам наиболее интересной: жёлтоголовые птицы-носороги с криками металась между вершинами деревьев, зимородки блестели на поваленных стволах, красивая ярко-коричневая и жёлтая кукушка с длинным клювом рассматривали нас во время нашего завтрака. Изящная кроваво-красная стрекоза пролетела над дорогой, колыхнулась в сторону и села на край моего стакана с пивом. Шесть больших муравьёв медленно и методично ползли вверх по моей ноге, неожиданно к их компании по еле видимой ниточке сверху присоединилась маленькая зелёная гусеница" [111, 13]. Насколько необычен – богаче живыми красками и потаёнными страстями – мир, или картина жизни, в обзоре естествоиспытателя, зверолова и зоолога.

"Я восторгался детёнышами и, наблюдая за ними, решил, что достану маленького гвенона, даже если мне придётся затратить на это остаток моей жизни" [111, 21]. Под "жизнью" здесь имеется в виду не только и не просто протяжённость существования. Во временном отрезке оседает и значитя частично субъект, то есть ты сам и другие, твои дни, годы, интересы, силы, занятия, среда, твоё окружение. Многое чудно примешивается, соединяется и включается в одну целостную конструкцию названия-понятия, образуя сочленение и сочетание оттенков всевозможных смыслов, или своего рода сложный сплав и напластование из всевозможных разъяснений жизни.

"Жизнь казалась мне чудесной" [111, 24]. Когда мы оцениваем свою жизнь (что же именно?), то это всегда только нам так кажется, чудится и представляется, чудо представления по традиции, по самочувствию и само-

ощущению. Человек испытывает подъём духа и радость бытия, благоденствие, счастье, полное благополучие: и жизнь хороша, и жить хорошо! Может быть, это только слова и самовнушение.

"Мы прилегли на тёплую траву и закурили, купаясь в ласковых солнечных лучах. Постепенно до нас стали доходить признаки жизни обитателей поляны: звонкое стрекотание больших ярккрылых кузнечиков; пронзительные призывы древесных лягушек с берегов ручейка, извивающегося в траве; то мягкое, то сиплое воркование маленького голубя, сидевшего над нами в кустах. С дальнего конца поляны донеслись, и эхо отразило, чьи-то громкие и беспечные крики: "Карроу ... карроуо-у ...кооу-у..." [111, 29]. Природа заполнена разными существами, формами, движениями, красками, звуками, всевозможными знаками, признаками жизни и призраками.

"Вероятно, за столетия жизни колонии летучих мышей в этой пещере впервые им пришлось испытать такие неприятности, как сегодня. Вероятно также, что пройдёт ещё много времени, прежде чем такая неприятность снова повторится. Учитывая это, можно считать, что летучие мыши –ведут на редкость счастливую жизнь" [111, 43]. Конечно, это по человеческим меркам, по нашему разумению, согласно нашим мифам и предрассудкам.

В сообществе летучих мышей свои радости и свои трудности, горести, однако они живут в тепле, кажется нам, хорошо защищены и оснащены, но в общем странные существа, чуждые нам, не вызывают симпатии.

"Есть и такие редкие звери, о которых знают лишь по двум-трём шкуркам в различных музеях мира; об образе жизни и привычках этих зверей совершенно ничего не известно". "Представление об образе жизни и привычках зверей можно получить двумя способами: либо наблюдая за ними на воле, либо изучая их жизнь в заточении" [111, 59].

Охотники-звероловы, как и работники зоопарков, должны знать повадки зверей, и изучают их на воле и в несвободе, удовлетворяя своё естественное любопытство. Велик и прекрасен мир животных и растений на Земле, исследуемый в природоведении, зоологии и ботанике. У каждого существа своя жизнь, все мы живём по-своему.

"Было известно, что ангвантибо ведёт ночной образ жизни, поэтому при каждом ночном выходе я просил Элиаса и Андраю показывать мне участки леса, особенно густо заросшие лианами и другими вьющимися растениями, надеясь случайно обнаружить нужную мне обезьяну" [111, 60]. "В жизни, к сожалению, очень редко встречаются минуты полного, совершенного счастья. Именно такие редкие минуты я пережил при виде пойманного ангвантибо" [111, 107]. "Натуралисты сходятся во мнении, что ангвантибо встречаются чрезвычайно редко и поймать их очень трудно" [111, 109]. "В случае успеха нашего эксперимента зоологи и анатомы впервые получили бы возможность изучать привычки и образ жизни ангвантибо" [111, 110].

"Жизнь и смерть Чолмондели" [111, 132]. Речь идёт о шимпанзе. "Это была зрелая, сильная и, судя по выражению лица, много повидавшая в жизни обезьяна" [111, 133]. "Я всё же настаивал на этих прогулках, считая, что при всех условиях необходимо поддерживать в Чемли хоть какой интерес к жизни, в противном случае он будет обречён" [111, 137].

"Этим я обеспечил самке с малюткой спокойную и лёгкую жизнь" [111, 143]. Понятно, что жизнь животного может быть и беспокойной, и опасной, и трудной, ибо это всегда соперничество и борьба за выживание и существование. "Но вот и последняя клетка установлена в машине, грузовики трогаются в путь, увозя животных навстречу новому этапу в их жизни" [111, 158]. Животные покидают Африку, свою родину, и отправляются океаном на Британские острова, там иной климат, изменится природная среда обитания, и уже совершенно другие условия жизни – и новые трудности – ждут переселенцев в цивилизованной Англии.

Джеральд Даррелл. Моя семья и другие звери.

Новые места жительства, как и вся островная природа греческого Средиземноморья, впечатляет мальчика-подростка, только что приехавшего из Альбиона. "Сначала я просто ошалел от этого буйства жизни прямо у нашего порога и мог только бродить в изумлении по саду, наблюдать то за одним, то за другим насекомым, каждую минуту провожая взглядом яркую бабочку, перелетавшую через изгородь" [111, 448]. Другой и такой неожиданный мир на острове Корфу открылся перед взором любопытного мальчика.

"Это были карты, живущие своей жизнью, их можно было изучать, обдумывать, кое-что добавлять к ним" [111, 466]. Не только географические карты и книги, но и другие вещи вокруг нас, как оказывается, подчас тоже "живут своей жизнью". "Не скажешь, что голотурии ведут такую уж интересную жизнь" [111, 468]. "... принялся исследовать бугорок. Крохотный зелёный кузнечик с длинной, меланхолической мордочкой беспокойно перебирал своими задними ножками; хрупкая улитка задумчиво сидела на веточке мха, мечтая о вечерней росе; пухлый алый клещ величиной со спичечную головку пробирался, будто охотник, через моховую чашу. Это был микроскопический мир со своей пленительной жизнью" [111, 475].

Любознательному Джери тут дадут домашнее образование. И вот его учитель на уроке рассуждает как бы про себя: "... но, с другой стороны, нельзя утверждать, что на Марсе не может быть жизни. Мне кажется, какие-то формы жизни там будут найдены ... э ... открыты, если нам удастся когда-нибудь туда попасть. Только не надо думать, что любая форма жизни, найденная там, будет сходна ... " [111, 482].

До сих пор мы ещё не знаем, есть ли какая органическая жизнь на Марсе, хотя бы самая необычная и примитивная.

"Козы разбрелись среди олив и громким меканьем окликали друг друга, впереди ритмично позвякивал колокольчик жожака. Звонко заливались зяблики, а в миртах, выставив свою грудь, словно мандарин, выводила тонкую трель малиновка. Пропитанный росой остров искрился в лучах утреннего солнца, всюду кипела жизнь. Будь счастлив. Что же, кроме счастья, можно было испытывать в такое время года?" [111, 489]. Джери ведёт свои наблюдения за происходящим, он уже юный натуралист и естествоиспытатель.

"Ласточек моё присутствие, по-видимому, нисколько не беспокоило, они продолжали упорно трудиться... Я уже вполне освоился с жизнью той или другой четы и с большим интересом следил за их повседневной работой" [111, 500]. Очевидно, что жизнь животного – это постоянно движение и непрерывный труд, ради продолжения рода.

"Существует несколько видов жестокрылых, по той или иной причине утративших способность летать. Очень любопытная биография у этого жука. Это, конечно, самка. Самец гораздо меньше, я бы сказал, раза в два меньше" [111, 502]. Естествоиспытатели ведут наблюдения за развитием жизни животного и растительного мира, описывая его и постепенно накапливая опыт и знания. "Я с таким вниманием и интересом следил за повседневной жизнью черепах, что уже многих из них мог различать по виду" [111, 506]. И в животном мире выделяются сильные личности, жожаки, они могли бы иметь своего рода свою собственную биографию и получать личные имена, совсем как люди.

"Мир на стене. Обитатели стены были очень разнообразны, вели дневной или ночной образ жизни и делились на охотников и дичь. По ночам на охоту выходили жабы, жившие среди зарослей ежевики, и гекконы бледные, почти прозрачные создания с выпуклыми глазами, обитавшие в трещинах в верхней части стены" [111, 514]. Всё это надо увидеть, уловить и заметить, не так просто различать разнообразные создания, чтобы понять таинственное их существование у нас под носом.

"На серебристых песчаных прогалинах гроздьями торчали приоткрытые раковины моллюсков-разинек. Иногда между их жёсткими краями виднелся крохотный бледно-кремовый краб-горошинка, хилое, дегенеративное создание с мягкой скорлупой, живущее паразитической жизнью под защитой волнистых створок крупных раковин" [111, 544]. Попробуй описать своими словами всё, что творится около нас в природе. Движения, запахи, звуки, краски, внешние формы и линии в природе бесконечно разнообразны и достоверно вряд ли передаваемы только лишь языковыми средствами.

"Говорят, – начала она, – говорят, что, когда человек становится старым, как я, в его теле всё замедляется. Нет, я этому не верю. Это не так. У меня есть своя теория. Не в человеке всё замедляется, а жизнь для него замедляется. Ты меня понимаешь? Всё становится как бы затянутым, а когда всё дви-

жется медленнее, заметить можно гораздо больше. Вам всё видно! Всё необыкновенное, что происходит вокруг вас, о чём вы даже и не подозревали прежде. Какое чудесное переживание, просто чудесное" [111, 583]. Оказывается, в сложном устройстве нашей жизни как бы переключаются разные скорости. Оригинально сказано, такое вот рассуждение бывалого человека.

"Теперь я знал, что в жизни Кралевски, кроме любви к матери и птицам, было ещё одно большое увлечение, целиком вымышленный мир, где всегда происходили удивительные и забавные события, в которых принимали участие только два главных действующих лица: он сам (герой) и какая-нибудь представительница прекрасного пола, называемая обобщённым именем Леди" [111, 592].

Реальный и виртуальный мир смещаются по отношению друг к другу и нередко смешиваются, составляя и образуя нашу действительность, мнимую и подлинную, субъективную и объективную. Жизнь вовне и внутри нас в одно и то же время, так что не различить порой. Увлечение, мечта, страсть, жизнь, стиль, идеал, образ, слово и многое другое – вокруг нас, видимо, всё вымысел и одновременно не только вымысел, такая вот невероятная помесь реальностей и фантастика.

Джеральд Даррелл. Три билета до Эдвенчер.

"И во всём этом океане травы ни малейшего признака жизни; двигались только мы и наши тени" [111, 219]. Как видим, в данном контексте признаком жизни является в первую очередь движение. Правда, перемещаются в природе не одни лишь живые существа, хотя свидетельствует о жизни именно движение, и не только физическое, но прежде всего оно, самочинное и самостоятельное. "Обливаясь потом, Фрэнсис доблестно шагал всё вперёд и вперёд, а его ноша отчаянно елозила в мешке и всячески портила ему жизнь" [111, 224].

Доставляла ему дополнительные трудности, осложняла продвижение, выбивая из равновесия. Жизнь – самочувствие, ощущение и настроение.

"Принято считать, что лягушка везде лягушка и что лягушка в Южной Америке ничем не отличается от своих европейских собратьев. Но это далеко не так. Лягушки, как и другие животные, неодинаковы в разных странах, являя величайшее разнообразие форм, размеров, расцветок и повадок. В Азии, например, водятся так называемые летающие лягушки. Это большие, живущие на деревьях животные с удлинёнными пальцами, соединёнными широкой перепонкой, Полагают, что, когда лягушка перескакивает с дерева на дерево, она широко растопыривает пальцы, так что перепонки натягиваются и, словно крылья, позволяют ей планировать. В Западной Африке водятся гигантские лягушки-голиафы, они достигают двух футов в

длину и могут съесть крысу, а в Южной Америке есть лягушки-лилипуты, свободно уместающиеся на ногте мизинца.

Бока и лапы самца волосатой лягушки, которая родом тоже из Западной Африки, покрыты как бы толстым слоем волос, во всяком случае, так кажется с первого взгляда, на самом же деле это не волосы, а тончайшие, словно нити, выросты кожи. Есть у них и втягивающиеся, как у кота, когти. Что же касается расцветки, то лягушки, пожалуй, единственные животные, которые могут серьёзно соперничать в этом отношении с птицами: лягушки бывают красные, зелёные, золотистые, синие, жёлтые и чёрные, а их узоры могли бы сделать состояние любому художнику-декоратору. Но поистине замечательные достижения лягушки показывают в пестовании своего потомства" [111, 258-9].

"... вокруг сидели самые типичные матросы, ведущие не лишённую суровостей жизнь, – как можно предполагать, люди отнюдь не сентиментального склада, предварявшие каждую свою фразу неудобопечатаемым присловьем и чьи интересы в жизни (судя по их разговором) ограничивались исключительно выпивкой, азартными играми и женщинами. И тем не менее эти огрубелые, отнюдь не нежные представители рода человеческого сидели вокруг банки из-под керосина в два часа ночи в холодном неприятном трюме и с недоверчивым удивлением свидетельствовали начало жизни маленьких жабят, время от времени обмениваясь замечаниями приглушённым шепотом, как будто всё происходило в церкви" [111, 265].

"Поиска невероятно уродливой жабы – из таких простых радостей состоит жизнь зверолова" [111, 267]. Жизнь наша складывается и состоит из достижений, радостей, неудач и печалей. "Большинство первобытных племён ведут шаткое, суровое существование в джунглях или саванне, и, как правило, их интерес к животным диктуется чисто кулинарными соображениями. Их нельзя за это винить, поскольку жизнь для них – постоянная суровая борьба за существование" [111, 268]. "... вокруг вообще не наблюдалось никаких следов человеческого обитания. Зато животных было великое множество" [111, 269]. Как видим, есть жизнь и жизнь, самая разная и разнообразная жизнь.

Джеральд Даррелл. Гончие Бафута.

"В устье долины мы остановились отдохнуть и покурить, и я оглядел в бинокль скалы впереди – нет ли там признаков жизни? Но долина казалась мёртвой, пустынной; никаких звуков, только самодовольное, потешное журчание крохотного ручейка да ветер вкрадчиво посвистывает и перешёптывается с травой" [111, 317]. Природа в целом живёт, растёт и преобразуется, но в ней разные системы жизни и жизненности, бесконечно разнообразные формы, уровни и степени, от существ и организмов самых простых и примитивных до сложнейших, духовных и разумных.

Даже мир лягушек в целом загадочен и необычаен, невообразимо чудесен и красочен. "... оказывается, самцы проводят всю свою жизнь в воде, тогда как самки большую часть года проводят на суше и спускаются в воду только в брачную пору" [111, 341].

Жизнь пресмыкающихся заметно отличается от жизни как рыб, так и птиц или млекопитающих. У каждого вида животных свой способ существования. Все приспособились к жизни в той или иной природной среде.

"Кроме того, я наблюдал жизнь в Бафуте. Веранда, где я хлопотал, поднималась высоко над дорогой, и отсюда отлично видна была сама дорога, двор Фона и окружающие дома" [111, 367]. Человеческая жизнь, наблюдаемая со стороны, – это, прежде всего, своеобразие нравов, поведения и взаимоотношений людей в том или ином этническом сообществе. "Советник подоткнул свои одежды и мужественно сражался с заводной ручкой, но пробудить мотор к жизни ему не удалось" [111, 373]. "Жизнь" автомобильного двигателя – связывается с его действием, работой.

"Можно было подумать, что любимое развлечение в жизни этой зверюшки – удирать, увлекая за собой вслед толпу преследователей" [111, 389]. Речь шла о черноухой белке, у неё свой характер, нрав и норы, а следовательно, и жизнь, то есть поведение, тоже. Каждый зверь живёт, то есть субъект жизни существует, как заведено, по-своему. Жизнь (каким образом) есть способ и стиль существования. "Это развлечение, конечно, было приятным разнообразием в их невесёлой жизни, и они толпились возле клеток с обезьянами и до слёз хохотали над их шалостями или заглядывали в ящик со змеями и содрогались от сладкого ужаса" [111, 390].

Чем-то приходится развлекаться в жизни.

"У них была в жизни одна-единственная забота – поиски пищи, и они кусали всё, что встречалось на пути: вдруг попадётся что-нибудь вкусненькое!" [111, 393]. Чем-то животное должно быть обеспокоено и озабочено в своей жизни, не одни развлечения и приключения ведь или же какие другие мелочи жизни. "Вот из таких мелочей и состояла жизнь в главном лагере, но нас эти мелочи бесконечно занимали, и дни были так наполнены, так красочны и богаты всевозможными происшествиями, что пролетали незаметно" [111, 397].

"Их собралось у нас сорок штук, а жизнь под одной крышей с четырьмя десятками обезьян никак не назовёшь спокойной" [111, 414].

Жизнь – место обитания, пребывания, жительства.

Джеральд Даррелл. Под пологом пьяного леса.

"Упоённый этим пышным зрелищем птичьей жизни, охваченный своего рода орнитологическим экстазом, я, не отрываясь, глядел в окно, не замечая ничего, кроме лоснящихся тел пернатых, плеска и колыхания воды и

хлопанья крыльев" [111, 646]. "Эта птица благодарила меня за то, что я спас ей жизнь" [111, 649].

Волосатые броненосцы. "Единственными радостями в жизни для них было еда и сон, и она никак не могли насладиться ими в полной мере" [111, 662]. "Броненосцы стали несчастьем нашей жизни, нас то и дело осеяли всё новые идеи, и мы мчались к клетке с очередным приношением для того только, чтобы в который раз увидеть, как зверьки с отвращением отворачиваются от принесённой пищи" [111, 691].

"... я очень интересовался именно друкули, так как это единственный род обезьян, ведущий ночной образ жизни" [111, 696]. "Сентиментальные люди могут сказать, что Пу так упорно стремился вырваться из своей деревянной тюрьмы потому, что его манила свободная, привольная жизнь в лесу" [111, 700]. "Вскоре после того как он появился в лагере, мы обнаружили, что в жизни Фоксы были две страсти – цыплята и сигаретные окурки" [111, 702].

"Большинство животных очень покладисты и, втянувшись в ритм жизни лагеря, не причиняют особенных хлопот, но иногда попадались и такие, с которыми приходилось повозиться" [111, 718-9]. "Итак, Сара Хагерзан вошла в нашу жизнь. Она оказалась на редкость очаровательным, милым существом" [111, 745]. "Наблюдая её, я узнал много нового об образе жизни муравьедов" [111, 746].

"До отъезда нам предстояло выполнить ещё одну серьёзную работу – отснять кинофильм о жизни нашего зверинца" [111, 749]. "... я выразил надежду, что бои скоро закончатся, жизнь войдёт в нормальную колею и мы доберёмся на пароходе до Буэнос-Айреса" [111, 751].

49

Мнение и цитата, заодно другие слова

Наши дела, мысли, слова (язык и речь) процессуальны, творясь, протекая, растекаясь и растворяясь постоянно в некотором пространстве, в определённом времени. Идут, вершатся, становятся, складываются одно вслед за другим, постепенно и последовательно. В результате получается, что всех этих дел, мыслей, слов – необъятное множество вокруг и в целом мире. В совокупности они образуют своеобразный универсум, представляя особую систему деятельности и длительности. Дела, мысли, слова существуют, живут (жизнь!), каждое во всей неповторимости своей биографии и истории, среды и времени.

А время-обстоятельство жизни идёт, течёт, расширяясь и складываясь для удобства охвата и восприятия из частей и частных, этапов, вех и каких-то моментов. Эти его предельные отрезки, или как-то обозначенные фрагменты необозримого и непрерывного потока действительности, неизменно надвигаются на нас, продвигаются, сменяя друг друга, наслаиваются.

Как и время, и дела тоже "проходят", накапливаясь в культуре, скрываясь в памяти, и мысли также складываются, слова складываются, сосуществуя во всё более усложнённом наборе, чередуясь в обновляющемся сборе. Дело, мысль, слово – по сути не столь уж просто это. Сложность не только лишь в продолжительности процесса, во множестве, фрагментируемом, разбиваемом на разные отрезки, стадии и периоды.

Не менее существенно, что названный предмет (дела, мысли и слова) – не сами по себе явлены, отдельным хозяйством, но существеннейшая грань и слагаемое жизни, будучи при этом важнейшим средством существования и нашего выживания. Ибо с их помощью сознательно построена и продолжает строиться человеческая судьба, роль и цивилизация. Выходит, в их своеобразии, назначении и использовании есть выбор (свобода) и, как следствие, стиль, способ отбора и сочетания избранных единиц ради совершенствования среды и их же массива. Всё сказанное выше о соотношении части и целого в словаре (перечне и собрании слов) в какой-то мере общеизвестно.

Окружающий мир, жизнь, культура и мы, люди, набиты разными мнениями и цитатами, будучи заполнены разговорами, спорами, оценками, суждениями; также книгами и другой печатной продукцией. Чужие мнения, слова и мысли, как и образцовые цитаты, нужны и важны как стимул для развития и роста, особенно в детстве (в ученическую пору), когда жизнь впереди. В зрелом возрасте цитаты и мнения тоже по-своему значимы, играя другую социальную роль, имея иной смысл и назначение. И уже в новом качестве, как приспособление, опора и подпорка, чтобы продержаться, в старости, когда жизнь замирает, костенеет мозг, появляются проблемы с памятью.

Следует признаться, однако, что всё ещё не для всех окружающих, лиц творящих, мыслящих, говорящих и молчащих, в достаточной мере понятно и, главное, принципиально важно знать или узнать достоверно полный смысл и собственно устройство рассматриваемого механизма (понятия), пусть даже относительно. Таково наше то ли убеждение, то ли мнение. Потребуется позднее уточнить взгляд, может быть, что-то отбросив и отвергнув в нём. Версию вообще-то можно высказать, можно уточнить, углубить, расширить, обосновать, можно сравнить, можно изменить. Точка зрения (то же мнение) живёт в нас, при нас, у нас, держится между нами и во вне, отдельно и помимо нас, витает в воздухе.

Сопоставляя или противопоставляя по смыслу слова-понятия, обнаружим в них некоторое сходство, как и определённые, расхождения и различия. Сравним по значению слова в словосочетаниях, в которых равнозначность и одновременно неравенство, т.е. "то же, что и" и в то же время "не то же, что и", а разное, иное.

Цитируем "Евангелие от Иоанна": "В начале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог. Оно было в начале у Бога" (Иоанна 1: 1, 2).

Помним и уважаем неслучайный и важный евангельский стих, однако вряд ли вполне принимая миф, основательно, осмысливая фразу до конца, как хотелось бы. В Законе Божьем и в "благой вести", как и в позднем богословии, недоступная уразумению, рациональному восприятию, мистическая сущность Истины пронизывает веру, такова её природа и свойства. Истинное Слово божественно по происхождению и таинственным истокам, не поддаваясь простому и окончательному разъяснению. Евангельское (религиозное) предписание фактически утверждает, не обсуждает, не оспаривает, и принимается на веру или не принимается.

Выше вытекает первоначальный довод, существенный и важный для нас. Указание, утверждение и предначертание по сути категоричны, решительно отличаясь от колеблющегося мнения. Ср.: "дело было так" и "по моему мнению", "как мне кажется", утверждение и предположение, характерные для рассуждений и речи, безапелляционность или условность и относительность в суждении, такая разная модальность высказывания. Существенно различие отношение говорящего к своему сообщению, в случае констатации факта и при неуверенности и сомнении в достоверности сказанного.

Ср.: *мнение и точка зрения, взгляд, представление, ощущение (чувство), мнение и предубеждение, мнение и убеждение, мнение и суждение, мнение и утверждение, мнение и сомнение, мнение и пристрастие, мнение и мысль, мнение и гипотеза, мнение и теория, мнение и высказывание, открытие, откровение, оценка, осознание, мнение и спор, согласие, мнение и заблуждение, истина, ложь, мнение и наблюдение, мнение, единомыслие и инакомыслие.*

Можно услышать, что всякая единица языка представляет *какой-то* интерес, причём многие слова имеют *особый* смысл и привлекательность. ("Какой-то" – "тот или иной, больший или меньший"; "особый" – "отдельный и своеобразный", но в этом каверза и интрига). Мы помним, что слов в языке много, и не охватить всех полным вниманием. Тем не менее, следует (и будем) постепенно сообщать как-то осваивать массив, универсум. Достойный труд, работы на всех хватит. Так ли это на самом деле? В каждом утверждении заключено, по сути, множество вопросов. Сказанное часто сомнительно, высказываются по большей части мнения. И тогда можно отрицать, и нужно спорить.

Цитаты значимы, чужие высказывания работают по-своему, используя как опоры и аргументы: "Вся история нового общества совершается в области мнения. Следовательно, здесь настоящее воспитание. Новое общество, основанное на этом начале, двигалось вперёд только мыслию. Выгоды всегда следовали за идеями, но никогда им не предшествовали. Мнения рождали выгоды, но выгоды никогда не рождали мнений. Все успехи Запада в сущности были успехи нравственные. Искали истину и нашли благосостоя-

ние. Вот как объясняется явление нового общества и его образование; иначе оно совершенно непонятно" (П.Я.Чаадаев. Статьи и письма. М., 1989, с.485). Значит, в первую очередь нравственность, мысль, мнение, следом за идеями материальные достижения и успехи.

Каждый философ и учёный тоже, так или иначе, как-то разрабатывает, или строит умозрительно, свою систему восприятия мира. Ему так кажется, он так считает, с его точки зрения, должно быть так, всё более или менее убедительно, относительно, может быть так, или же как-то иначе. Всякий частный взгляд, высказывание, сомнение, представляет исторический интерес, если принадлежат авторитету. Если хотите, умозрение связано с чувством, базируется на ощущении. Или же наоборот, совсем иначе, не так ли.

Что первично, что вторично: яйцо или курица? Безусловно, схоластика. Хотя в спаренности и двойственности явлений психологически задана внутренняя связь, зависимость и некая последовательность. Вот ещё то, что в данном случае особенно интересует нас: мнения и реальность, образ, кажделение и действительность. Что сначала, в основе, как бы первоисточник и первопричина, а что потом надстройкой, как бы следствие или последствие? Нет одного ответа, одного понимания и представления мироустройства, отсюда разные суждения и взгляды о жизни.

Н.А.Бердяев писал: "Ошибочно думать, что сомнение носит интеллектуальный характер. Человек обманывает себя, думая, что его сомнение и возражение против веры интеллектуально-познавательны. В действительности сомнение имеет эмоциональный и волевой характер. ... Я не столько сомневался, сколько негодовал" (Самопознание. М., 1991, с.72-3). Видимо, то же самое можно было бы сказать и о мнении, так как сомнение органично связано с мнением: одно проистекает из другого, пожалуй, будучи одной и той же природы, рационально-иррациональной, смешанной.

"В своих истоках философское познание Спинозы так же интуитивно, как и философское познание всякого подлинного философа. Дискурсивное развитие мысли существует не для самого познающего, оно существует для других. Таким образом надеются приобщить других к своему познанию, убедить их.

... Афоризм есть микрокосм, он отражает макрокосм, в нём всё.

... Большим недостатком моим как писателя было то, что, будучи писателем афористическим по своему складу, я не выдерживал последовательно этого стиля и смешивал со стилем не афористическим" (Самопознание. М., 1991, с.86-7).

Воспроизводим М.О.Гершензона, Творческое самопознание: "В не постижимой сложности человеческого духа нет ничего отдельного, нет никаких механических переходов от низших движений к высшим, от ощущения к желанию, от чувственного восприятия к отвлечённой мысли, – но всё в

нём слитно и цельно. И всё-таки непосредственным внутренним опытом мы констатируем в себе различные сферы духа и постигаем их особенности. Это касается прежде всего природы нашего логического сознания" (Вехи. М., 1991, с.87).

Мудрость А.Ф.Лосева: "Конечно, реальная психическая жизнь повседневного субъекта не содержит в себе ни чистого ощущения, ни чистого мышления. Реальная психическая жизнь разыгрывается в промежутке между тем и другим, обыкновенно не касаясь этих крайних пределов. Если бы мы дошли до состояния чистого ощущения, мы не могли бы ровно ничего различить и противопоставить. Если бы мы дошли до состояния чистой мысли, то для нас не было бы внешнего мира. Обыкновенно же мы лишь отчасти ощущаем и лишь отчасти мыслим. В мутном потоке наших ощущений блещут раздельно-оформленные крупинки мысли; и в нашей мысли зияют чёрные провалы мутных ощущений, пересекающих и убивающих мысль" (Философия имени. МГУ, 1990, с.84-5).

Л.С.Франк считал, что "В частности, нравственное мировоззрение так тесно вплетено в целостный душевный облик, так неразрывно связано, с одной стороны, с религиозно-философскими верованиями и оценками, и с другой стороны – с непосредственными психическими импульсами, с общим мироощущением и жизнечувствием, что самостоятельное теоретическое его изображение неизбежно должно оставаться схематичным, быть не художественным портретом, а лишь пояснительным чертежом; и чистый, изолированный анализ его, сознательно и до конца игнорирующий его жизненную связь с другими, частью обосновывающими его, частью из него вытекающими духовными мотивами, здесь вообще и невозможен, и нежелателен" (Этика нигилизма // Вехи. М., 1991, с.155).

Слова и мысль М.Волошина: "Пророчества почти всегда бессознательны. Очень редко они бывают пророчествами знания, немного чаще встречаются пророчества глаза – видения, и на каждом шагу мы имеем дело с пророчествами чувства – так называемыми предчувствиями". "У человека есть две возможности бессознательного предчувствия: страх и желание" (Лики творчества. М., 1989, с.192).

В.Соловьёв об импрессионизме мысли (ощущение-рассуждение): "Всякое даже самое ничтожное впечатление сейчас же переходит у него в размышление, даёт своё отвлеченное умственное отражение и в нём как бы растворяется. Это свойство, несомненно господствующее в поэзии К.К.Случевского, хотя, конечно, не исчерпывающее её всецело, я назвал бы импрессионизмом мысли" (Импрессионизм мысли//В.Соловьёв. Стихотворения. М., 1990, с.366). "В экзистенциональной плоскости вера и разум образуют единство. ... Примером философии, свершаемой в единстве веры и

разума, Ясперс считает августизм" (РЖ. Сер. 3, 1991, № 5, с.110). Мнение – тоже некий органичный сплав предчувствия, веры и интеллекта.

Л.Н.Гумилёв цитируемый: "Итак, пассионарность – это способность и стремление к изменению окружения, или, переводя на язык физики, – к нарушению инерции агрегатного состояния среды. Импульс пассионарности бывает столь силён, что носители этого признака – пассионарии не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков. Это очень важное обстоятельство, указывающее, что пассионарность – атрибут не сознания, а подсознания, важный признак, выражающийся в специфике конституции нервной деятельности. Степени пассионарности различны, но для того чтобы она имела видимые и фиксируемые историей проявления, необходимо, чтобы пассионариев было много, т.е. это признак не только индивидуальный, но и популяционный" (Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990, с.266).

С одной стороны и с другой стороны... "Сердцем я за самодержавие, – признавался он своему биографу журналисту-историку Б.Глинскому, – умом за конституцию. Самодержавию я всем обязан и люблю его, а умом понимаю, что нам нужна конституция" (Россия на рубеже веков: Исторические портреты. М., 1991, с.45). Витте исходил из раздвоенности сердца и ума, т.е. из самобытности чувственного и рационального сознаний. Иногда в душе клоочет страсть (эмоции), иногда заявляет разум, чаще всё-таки разум. Что возьмёт верх, если начала противоположны? Перетянет более мощная сила. Хорошо, когда они поддерживают и усиливают друг друга. Бывает и так, зависит от объекта, субъекта и обстоятельств.

Мнение С.Н.Булгакова о чувстве и понятии греха у русской интеллигенции: "И прежде всего отсутствует понятие греха и чувство греха, настолько, что слово *грех* звучит для интеллигентского уха так же почти дико и чуждо, как и смирение" (Героизм и подвижничество//Вехи. М., 1991, с.67). Следовательно, есть понятие, знание, есть чувство, ощущение, есть вера, есть совесть, а ещё есть обычай и традиция, всё различается, по отдельности. Видимо, есть также и всё это вместе (синтез, единство) – и именно на пересечении их как будто бы рождается мнение. Твёрдо, определённо не знаю, но всё-таки кажется, так мне представляется.

"Предрассудок – мнение, предшествующее рассудку, усвоенное некритически, без размышления; иррациональные компоненты общественного и индивидуального сознания – суеверия, связанные с религией, предубеждения; неблагоприятная социальная установка к какому-либо явлению; не основанные на критически проверенном опыте, стереотипные и эмоционально окрашенные, они весьма устойчивы. Особенно живучи национальные и расовые предубеждения. Предрассудок – социально-психологическое явление; их преодоление достигается в результате уничтожения эксплуатации, воспитательной работы в условиях социализма".

И.Шифаревич: "Метод Фрейда, в особенности при обосновании его общих концепций, – очень далёк от научного. Это некоторые чрезвычайно расплывчатые суждения, не опирающиеся на какие-либо конкретные факты, которые невозможно проверить, а можно только внутренним чувством принять как убедительное – или отвергнуть" (Социализм как явление мировой истории. М., 1991, с.366).

Ф.Ницше. Человеческое, слишком человеческое//
По ту сторону добра и зла. Минск, 2005.

Утверждения и мнения Фр.Ницше о том, какими ему представляются интересующие нас: *мнение и разговор, наука и книга, чтение и слово, наш и иной мир, человек и свобода*. В каждом изречении, или цитате, из "Человеческое, слишком человеческое" (1878) заключено спорное суждение, т.е. мнение, о чём-то довольно важном для всех нас в жизни.

1

Человек и наша жизнь – всегда ведущая тема. "Все люди ещё теперь, как и во все времена, распадаются на рабов и свободных; ибо кто не имеет двух третей своего дня для себя, тот – раб, будь он в остальном кем угодно: государственным деятелем, купцом, чиновником, учёным" [229, 630]. Согласимся, философски и нравственно справедливая мысль, в общем, прогрессивный взгляд на острые социально-экономические отношения. Есть, однако, над чем подумать дальше и основательней. Насколько, в какой мере, вышесказанное справедливо, всеохватно и заявлено ли строго и точно?

Из сферы семейных дел. "**Брак как долгий разговор**. При вступлении в брак нужно ставить себе вопрос: полагаешь ли ты, что ты до старости сможешь хорошо беседовать с этой женщиной? Всё остальное в браке преходяще, но большая часть общения принадлежит разговору" [229, 664]. Можно поспорить, что преходяще, что нет, но что-то ведь есть и в этом наблюдении и утверждении, определённая позиция и, очевидно, чей-то горький опыт.

"В светских беседах три четверти всех вопросов и ответов направлены на то, чтобы причинить собеседнику маленькую боль; поэтому так много людей жаждут общества: оно даёт им сознание их силы" [229, 483]. "Знайте, что нет ничего более обычного, чем делать зло из удовольствия делать его (Мериме П.)" [229, 857]. Может быть так и не так, совсем не обязательно, чтобы только так, а не иначе, именно потому не закон и не истина, а мнение, напоминание-заповедь. Как раз мы-то этого и не знали. Спорное положение, такое настроение. Понять, не принять, можно ведь, тем не менее.

"Но порядок ценности благ непостоянен и неодинаков во все времена; если кто-либо предпочитает месть справедливости, то по мерилу прежней культуры это нравственно, по мерилу нынешней – безнравственно" [229, 478]. Сколько на нашей Земле людей и племён, было и есть, считавших и считаю-

щих мечь достоинством и добродетелью, и нет в нём греха, как проповедует христианское Евагелие. Разные подходы, разные оценки, ценности, разные верования и мнения. "... вся эта область нравственных представлений находится в постоянном колебании и ... существуют более высокие и более глубокие понятия о добре и зле, о нравственном и безнравственном" [229, 487].

2

"Собственные мнения. Первое мнение, которое приходит нам в голову, когда нам внезапно предложат вопрос о чём-либо, есть обыкновенно не наше собственное мнение, а лишь ходячее мнение, принадлежащее нашей касте, положению, происхождению; собственные мнения редко плавают на поверхности" [229, 721].

"Не борьба мнений придавала истории столь насильственный характер, а лишь борьба веры в мнения, т.е. убеждений" [229, 741-2]. Мнения, как и люди, которых они представляют, самые разные, всевозможных тональностей и верований, и всё же обычно во мнении, сравнительно с убеждением – больше колебания и согласия, нежели несгибаемости, безусловности и самоуверенности.

"Повседневное мерило. Редко ошибёшься, если исключительные поступки будешь объяснять тщеславием, посредственные – привычкой и мелкие – страхом" [229, 494]. Возможно это, но и только. Мало ли чем можно объяснять действия, много разных мотивировок может быть, кроме названных побуждений и чувств. Пожалуй, сказано слишком общо и потому поверхностно. Но важно было заметить и начать, теперь продолжайте, спорьте и развивайте дальше мысль.

"Незаконченные мысли. ... незаконченные мысли имеют свою ценность. Поэтому не следует мучить поэта утончённым истолкованием, а нужно просто довольствоваться неясностью его горизонта: здесь как бы ещё открыт путь к различным мыслям. ... Поэт отчасти предвосхищает радость мыслителя при открытии основной мысли и внушает нам её желание, так что мы начинаем гнаться за ней; но она, играя, порхает мимо нас, показывает прекраснейшие крылья бабочки – и всё-таки ускользает от нас" [229, 574]. Незавершённая мысль открывает простор деятельности, предполагая дальнейший поиск, представляет собой полноценную жизнь сознания. Оконченная же, без продления и продолжения, заперта дверь и стоп, никакого движения. Затвердить – остановить в развитии.

"Тщеславие. Нам важно хорошее мнение людей, во-первых, потому, что оно нам полезно, и, во-вторых, потому, что мы хотим доставить им радость (дети – родителям, ученики – учителям и благожелательные люди – вообще всем остальным людям). Лишь там, где кому-либо важно хорошее мнение людей независимо от пользы или от его желания доставить радость, мы говорим о тщеславии. В этом случае человек хочет доставить радость

самому себе, но за счёт других людей, либо склоняя последних к ложному мнению о себе, либо даже рассчитывая на такую степень "хорошего мнения", при которой оно должно стать в тягость всем остальным (посредством возбуждения зависти). Отдельный человек обыкновенно хочет подтвердить мнением других мнение, которое он имеет о себе, и укрепить его в своих собственных глазах; но могущественная привычка к авторитету – привычка, которая так же стара, как человек, – заставляет многих основывать собственную веру в себя на авторитете, т.е. получать её лишь из чужих рук: они доверяют суждению других больше, чем собственному суждению" [229, 498-9]. Мнение – это оценка и самооценка личности.

"... представлять страдание – не то же самое, что испытывать его" [229, 497]. А это уже, пожалуй, более справедливо. И мы так считаем. Хотя это уже и филология, играем словами.

"И всё же это страдание от естественного совершенно не основано на самой природе вещей: оно есть лишь следствие *мнений* о вещах. Легко понять, как люди портятся благодаря тому, что они называют дурным неизбежно естественное и позднее ощущают его таковым" [229, 542]. Речь шла о плотских влечениях и природе страстей.

"**Доказательство от удовольствия.** Приятное мнение признаётся истинным, это есть доказательство от удовольствия (или, как говорит церковь, доказательство от силы), которым так гордятся все религии, хотя они должны были бы стыдиться его. Если бы вера не делала блаженным, в неё не верили бы – чего же она стоит после этого!" [229, 527-8].

"... иной мыслитель высказывает мнения, которые явно не могут содействовать увеличению или улучшению его репутации; иной прямо накаркивает на себя неуважение других людей, хотя, соблюдай он молчание, ему было бы легко остаться уважаемым человеком; иные отрекаются от своих прежних мнений и не боятся, что впредь их будут считать непоследовательными; напротив, они сами тщатся об этом и ведут себя как дерзкие наездники, которым больше всего нравится, когда их конь становится диким, покрывается пеною и перестаёт им повиноваться" [229, 537].

3

"**Будущность науки.** Наука даёт тому, кто трудится и ищет в ней, много удовольствия, тому же, кто *узнаёт* её выводы, – очень мало. Но так как постепенно все важнейшие истины должны стать обыденными и общеупотребительными, то прекращается и это малое удовольствие; так, при изучении столь изумительной таблицы умножения мы уже давно перестали радоваться" [229, 609].

"... иллюзия, заблуждение, фантастика шаг за шагом завоюют свою прежнюю почву, ибо они связаны с удовольствием; ближайшим последствием этого явится крушение наук, обратное погружение в варварство; опять

человечество должно будет сызнова начать ткать свою ткань, после того как оно, подобно Пенелопе, ночью распустит её" [229, 610]. В общем, кажется, трагична перспектива нашей цивилизации, словно Атлантида, преврётся и скроется под водами мирового океана.

"Наука совершенствует умение, а не знание. Ценность того, что человек некоторое время строго изучает какую-либо *строгую науку*, покоится отнюдь не на результатах этого изучения: ибо последние по сравнению с океаном явлений, заслуживающих изучения, составляют бесконечно малую каплю. Но это даёт прирост энергии, способности к умозаключениям, силы выдержки; человек научается *целесообразно* достигать *цели*. В этом смысле для всяких позднейших занятий весьма ценно быть некоторое время человеком науки" [229, 612].

"Юношеская прелесть науки. Искание истины имеет теперь ещё ту прелесть, что оно достаточно резко отличается от заблуждения, ставшего серым и скучным; но эта прелесть всё более улетучивается" [229, 612].

"Обетование науки. Современная наука имеет своей целью минимум страдания и максимум продолжительности жизни – т.е. своего рода вечное блаженство, правда, весьма скромное по сравнению с обетованиями религий" [229, 530].

4

"Книга, ставшая почти человеком. Каждого писателя постоянно вновь изумляет, как его книга, раз отрешившись от него, начинает жить самостоятельной жизнью; он чувствует себя так, как если бы на его глазах часть насекомого оторвалась от целого и пошла своим путём. Быть может, он её почти совсем забыл, быть может, он возвысился над изложенными в ней мнениями, быть может, он даже не понимает её более и потерял те крылья, на которых он летал, когда обдумывал эту книгу; тогда как она ищет себе читателей, зажигает жизнь, приносит счастье, устрашает, создаёт новые произведения, становится душой замыслов и поступков – словом, она живёт, как существо, озарённое разумом и душой, и всё же не есть человек. – Счастливейшая доля выпадает автору, который в старости может сказать, что все бывшие у него творческие, укрепляющие, возвышающие и просвещающие мысли и чувства продолжают ещё жить в его произведениях и что он сам есть лишь серый пепел, тогда как пламя укрылось во все стороны и сохраняется по-прежнему. – Если принять ещё во внимание, что не только книга, но и каждое действие человека каким-то образом становится поводом к другим действиям, решениям, мыслям, что всё совершающееся неразрывно сплетается с тем, что должно совершиться, то можно познать подлинное, реально существующее *бессмертие* – бессмертие движения: что некогда приводило в движение, то включено и увековечено в общем союзе всего сущего, как насекомое в янтаре" [229, 574-5].

"Чтение классиков – в этом согласны все образованные люди – в том виде, как оно всюду ведётся, есть чудовищная процедура, осуществляемая перед молодыми людьми, которые ни в каком отношении не созрели для этого, учителями, которые каждым своим словом, часто самим своим видом покрывают плесенью хорошего автора" [229, 620].

Сердитое суждение, хотя справедливое.

"... всё Средневековье было глубоко не способно к строго филологическому объяснению, т.е. к простому желанию понимать то, что говорит автор; найти эти методы было настоящим делом, которое не следует оценивать слишком низко! Вся наука приобрела непрерывность и устойчивость лишь благодаря тому, что достигло совершенства искусство правильно читать, т.е. филология" [229, 622]. До сих пор люди не научились, и не умеют, и не всегда могут уразуметь мысль и текст, также трудно бывает понять себя, как и других. Сложное это искусство – правильное чтение.

"Здесь, как во многих других случаях, единство слова ничуть не удостоверяет единства предмета" [229, 451]. Вот именно!

"Круговорот человечества. Быть может, всё человечество есть лишь одна ограниченная во времени фаза в развитии определённого животного вида – так что человек возник из обезьяны и снова станет обезьяной, причём нет никого, кто бы был заинтересован в странном исходе этой комедии" [229, 606]. Человеку так кажется, он пессимист, и вовсе не обязательно с этим соглашаться, нечего принимать на веру, хотя какой-то резон, очевидно, в таком угрюмом взгляде и воззрении может быть, человек имеет право иметь своё мнение и о развитии человечества, усматривая и предсказывая, очевидно, даже не самый печальный финал человеческого рода.

"... то, что мы теперь зовём миром, есть результат множества заблуждений и фантазий, которые постепенно возникли в общем развитии органических существ, срослись между собой и теперь наследуются нами, как скопленное сокровище всего прошлого – как сокровище, – ибо на нём покоится ценность нашей человечности" [229, 453].

"Ибо о метафизическом мире нельзя было бы высказать ничего, кроме того, что он – иной мир, что это есть недоступное, непостижимое иное бытие; это была бы вещь с отрицательными качествами. Если бы существование такого мира было доказано совершенно точно, то всё же было бы несомненно, что самое безразличное из всех познаний есть именно это познание; ещё более безразличное, чем моряку среди опасностей бури – познание химического анализа воды" [229, 447].

Эта мысль тоже всего на всего только мнение, как всегда в той или иной мере оспариваемое. Скучно и слишком покойно, должно быть, в однозначном, несомненном и безусловном мире, бесспорном.

"... природа = мир как представление, т.е. как заблуждение" [229, 457].
Разве это не так?

50

Фрагменты из курсовой работы студентки второго курса филфака
Мильги К.И. (1992 г.)
на тему "Лексико-семантическая группа слов со значением 'жизнь' в
русском языке"

1. Введение.

Мной начато введение. И вот – беру я ручку, отдыхая взором. Что на листах меня в моей работе ждёт? – Возможно, я узнаю это скоро... Желания исчезнут в пелене излишних чувств капризного тумана. Судьбу описывать дано Судьбою мне, – чтоб фальши не было и мелкого обмана. В мои уста Судьба вложила крик – о ценности земной всего живого. Поэтому мой дремлющий язык петь жизни песни начинает снова. Где смысл великий бездны голубой, играющей на солнце облаками? Я этот мир накрыть хочу собой – и удержать уставшими руками. Пусть краткий миг земного бытия запечатлит дерзаний слова ценность. Работа мысли – это жизнь моя. Рука опишет человека брэнность. И смысл иной он также обретёт, попав в графу *полезности живого*. Всех дум моих и размышлений плод, пусть ярче солнца блещут мысли слова. Отчёт цивилизации земной дарил умы талантливые миру. И потому работы сей одной не хватит, чтоб воспеть столетий лиру. Но рассужденья признанных людей о смысле жизни – словно луч сквозь тучи. Хитросплетенье брошенных страстей и мысли бег, как водопад, кипучей. Моей работы цель – осмыслить бытиё, определить объём и ёмкость слова. Имеет "жизнь" значение своё, которое, увы, для нас не ново...

Вот так я хотела начать работу, и – начала, потому что сам автор волен выбирать направление своей мысли, облакаемой в оболочку слов.

Что есть **жизнь**? Бытиё духа или символ вечности; ощущение необозримых пространств, продолжающихся без начала и конца, или тесный мирок земного обывателя, каждое утро просыпающегося с мыслью: пройдёт ещё один день моей *жизни*... Она соткана из множества дней и лет. Но что подразумевается под днём? Условное деление бытия на отрезки, в начале которых восходит Солнце, а в конце – наступает ночь. Земля вращается, свет следует за тьмой, сознание за отключением.

Всё вокруг меня – это жизнь. Потому что я всё это вижу, и в моём сознании оно воспринимается непосредственно, как дыхание или созерцание. Я также являюсь одной из составных частей необозримого жизненного ме-

ханизма и поэтому должна следовать определённым правилам, выполнять принятые решения, преодолевать внезапные препятствия.

"Что день грядущий мне готовит? Его мой взор напрасно ловит...", – вот Пушкинская характеристика вечного вопроса, вложенная в уста Ленского.

Жизнь бесконечна для огромных физических величин и мгновенна для нас с вами, читатель, но в то же время именно в человеке она обретает бессмертие, символизируя продолжением рода торжество разума и победу цивилизации. Весь окружающий мир, теряющийся в глубинах вечности, является жизнью, потому что осмысление его в мозге человеческого имеет тот стержень разума, который концентрирует на себе все действия, поступки и их производные, связанные с человеком. Жизнь многогранна.

Рассмотрение лексических единиц начинается с исследования значения. Семантика, пожалуй, одна из главных категорий языкознания, необходимая предпосылка его развития. В каждое слово, произносимое нами, вкладываем определённый смысл, охватывающий то или иное явление. Слова без смысла лишены коммуникативной функции, не несут знаний и достижений, не сообщают побуждения к действию или же вывода из происшедшего. Для иллюстрации этого на память мне приходит заумь Хлебникова из "Поэтического словаря" А.Квятковского (1961):

Лельга, оньга, эхамчи!

Ричи чичи чичичи!

Лени нули эли али!

Бочикако никакo.

Никакоко кукаке...

Могла бы по памяти цитировать и дальше, ибо и запомнились они, скорее всего, из-за своей необычной формы и бессмыслицы. Необходимо ли это? Ведь общеизвестно, что именно смысл и значение являются главным стержнем в речи людской, тем необходимым и достаточным условием, без которого общение и развитие земной цивилизации оказались бы просто невозможными. Но значение слова тоже зависит от некоторых условий, оно "определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова; оно зависит от свойств той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово, от общественно-осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей его с другими словами" (В.В.Виноградов).

Слово "Жизнь", проблемное в нашей работе, по своему смыслу безгранично и всеобъемлюще, основа ВСЕГО заключена в этом понятии. И потому следующий раздел содержит анализ некоторых событий и явлений, внутренне связанных с ним.

II. Почему я выбрала слово "жизнь"

ЖИЗНЬ – ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАЗУМА ИЛИ ЯВЛЕНИЕ РОКА?

"И то, и другое", – скажет читатель. "Отчасти вы правы", – отвечу я. Однако при более детальном рассмотрении мятущийся ум делает вывод: вся жизнь – явление рока, она есть среднее звено в механизме космических метаморфоз и действий.

Смешно звучит, не правда ли? До этого момента человек был обладателем собственной жизни – и вдруг ни она ему, ни он ей больше не принадлежат. Мы зависим от гигантских законов таинственного космоса. Ведь все гороскопы основаны именно на этой подчинённости земного бытия сверхжизни, направляющей развитие по избранному руслу. Тогда почему миллионы случайностей, вдруг возникающих на пути жизни в общем ходе, дают новое осмысление действий человека? Ответ прост и ясен: фатальность, рок судьбы.

Это наиболее простое объяснение ошибок и просчётов, допущенных в жизни. Тогда не следует предпринимать каких-либо шагов и решений – для чего? – ведь всё уже заранее рассчитано. Мы просто куклы – участники в жизненном спектакле. А если этого не хочу? И чувство противоречия начинает диктовать решение – поступать не как необходимо, а свободно, и продолжать свой путь по одной из тропинок, выбранной умом, но не чувством.

Так что же, все действия человека – это рок, фатум? И как бы ты ни хотел поступить, объяснение будет лишь одно: так должно быть. А случайности, нелепые поступки? Автокатастрофа – это рок. Болезнь, ссора, страх, спасение... – всё это тоже рок, основа возникновения *Всего?*

Так вот почему сейчас живём именно мы, те, кто избежал случайностей и непредвиденных обрывов на дороге жизни. Мы являемся просто отражением уже созданных трасс, расчерченных в космосе. Вся жизнь на Земле – здание, поражающее прямизной и безупречной планировкой, размеренностью линий – поступков, действий и их результатов. Но я не хочу быть частью этой машины предрешённости. И тогда второй вариант: всё развитие на Земле происходит стихийно, результаты наших с вами поступков непредсказуемы, они зависят от самого человека.

Человек волен выбрать – этот поступок необходим, но его можно заменить другим, более приемлемым. Я – собственник своей жизни, её строитель и потребитель. А жизнь моя возникла случайно... И вновь пером ведёт закономерность. Случайность возникновения жизни диктует заключение в первом смысле, и снова в основе всего РОК. И то, что я сейчас пишу, тоже... Нет! Жизнь свободна и неожиданна в проявлениях, не раз и навсегда заведённый механизм.

Клетка – основа жизни на Земле, и она не имеет разума. Но собранные в движущиеся организмы, клетки решают дальнейший ход развития жизненной силы. Мы с вами есть промежуточное звено на этапе развития планеты,

которая, в свою очередь, тоже является частью в цепи космических преобразований. Вывод возникает легко: всю жизнь руководит высший Разум.

О ТВОРЕНИЯХ ГЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Что подразумевается под гениальностью? Всё накопленное человечеством и возникшее вдруг в одном, чувствительнее всех воспринимающем происходящее? Или это просто слепой выбор жизни? Закон существования материи прекращает со временем бытие всех, но избранные остаются. Их клетки, бывшие когда-то живым соединением, рассыпаются в пустоту, в окружающий мир; чтобы затем, через миллионы тысячелетий случайно соединиться вновь, хотя уже в несколько иной композиции. Возможно, новое создание гением не станет, хотя мерцающим этапам прошедшего отзываться в его делах, взглядах и рассуждениях. Является ли творение гения его второй жизнью? – Да, – скажете вы, подразумевая не забвение имени жившего, а передачу памяти о нём потомкам. – Нет, – возможен иной ответ, который тоже может быть верным, ибо произведения человека не есть он сам. Мы можем раскрыть книгу стихов Пушкина, и, читая, словно общаться с самим поэтом. Но вместе с тем далеко не все могут воспринимать созданное. Тогда, выходит, вторая жизнь гения возможна лишь в существах себе подобных? – Да, ибо композитор лишь пользуется изобретениями Рентгена, а физик во время отдыха только слушает приятную музыку. Это тоже является связью представителей последующих поколений с предыдущими.

Жизнь человека проходит в связи с предыдущим разумом, хотя одной из движущих сил и является непредсказуемость. Второе бытие определяется Ступенью общественного развития, на этапе которого жил и творил гений. Выходит, многие достижения мысли человеческой переживают века, ибо ценность, полезность их непреложна (например, книгопечатание). Но при этом имя основателя не всегда помнится, так как основным здесь является *полезность*, а не *наслаждение*; и функционирует вопреки чувствам разум. И всё же именно последствия жизни гения поражают своей значимостью, либо в моральной, либо в материальной областях. Кого же всё-таки следует считать гением – создателя определённого вида науки и искусства, или же его продолжателя? Пожалуй, обоих, допуская, что второй является первым, только уже с некоторыми изменениями. Наука совершенствуется, и развитых более остальных собратьев количество увеличивается. И тогда происходит обратный процесс: море гениев становится обыденной посредственностью. И сверхгиганты, выделяющиеся из этой среды, носят отпечаток новой, более развитой эпохи. Почему же произведения древности имеют для нас непреложную значимость? Да потому, что истина, изваянная в них, не сокрыта наслоениями последующих веков. Далее происходит лишь её повторение, как и повторение человеческой жизни. Возникнув один раз из углеводорода, а ранее – из газопылевого облака, жизнь стала продол-

жаться и воспроизводиться, вскоре разделившись на собственно жизнь и её продукт – разумную деятельность человека.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЖИЗНЬЮ ПРОДУКТ ПИТАНИЯ?

Отчего же "нет"? – Конечно.

Но тогда, словно мрачная грозная туча, возникает вопрос: логично ли поглощение разумной жизнью другой, неосознанной? Растение занимает тысячную долю на бесконечной жизненной линии, но оно чувствует свет, тепло, влагу... Количество клеток его увеличивается, происходит процесс обмена выработанной энергии с окружающей сферой. Но человек его воспринимает лишь с точки зрения насыщения своего организма, выработки новых сил, продления бытия. Не потому ли столь часто ведущим является утверждение о первейшем значении человека как завершающего этапа всего эволюционного развития? Да ведь, впрочем, и человек, подобно растению, возникает стихийно, но с лёгкой примесью сладкой долгожданности. Но вернёмся к нашему выражению: "Жизнь поглощается жизнью". Насколько это справедливо? Ведь жизнь неосознанная является тоже необходимым звеном в бесконечной линии бытийного повествования. Или же это просто отростки на –стволе чувственного древа? Читатель мой, Вы можете мне возразить: ибо разум является первейшим условием продления жизненного процесса. Разум – вот ядро многоликих миров, теряющихся в вечности. Разум – мрачная сила, подчиняющая себе находящиеся вблизи сознания реальные понятия. Следовательно, та, первейшая жизнь уже в своём возникновении имеет заложенные в ней правила: первое – пользы, второе – заполнения одной из ячеек бытия. Возникшая стихийно, она просто переходит из одного состояния в другое, качественно-новое по своему отношению к окружающему миру. Человек является носителем не только своей огромной жизни, полученной в момент рождения, но и тысяч других, вошедших в него с употреблением живой пищи. Эти жизни, концентрируясь, вновь уходят в окружающую среду, но уже в виде тепловой, биоритмической энергии и её производных: поступков, мышления, образа действия, общения с себе подобными. Жизнеобмен вечен. Ибо даже через огромный временной промежуток, когда звезда Солнце прекратит излучать тепловую энергию, и её спутник – планета Земля – станет необитаемым и пустым, жизнь, переходя из одной формы в другую, рассыплется на миллиарды физических пылинок – остатков былой цивилизации; чтобы затем, рассредоточась в пространствах Вселенной, быть подхваченной другими вновь создающимися физическими телами и приобрести там начала совершенно иной жизненной композиции. Бытиём руководит закономерность? – Пожалуй, ибо повлиять на звёзды-планеты не в силах никто, лишь только законы существования. Космическое тело, неживое, но оно существует, и это реальность, с которой невозможно не согласиться.

Я ЕСТЬ ВСЁ. И я есть капля в море осязаний. Дорога познаний, открытий бесконечна. Новые лабиринты загадок проглатывают её, чтобы затем, в тупике бесконечного туннеля, вдохнуть трепетное мерцание света в проём нового, сияющего, мира: своей ясностью понятий, стройностью мысли, доказательствами истины. Мир вечен. И предположение, что он образовался из другого состояния миллиарды необозримых времён назад, лишь подтверждает это.

ОГОНЬ – ВСЕПОГЛАЩАЮЩАЯ СИЛА

Пожалуй, никому не следует напоминать, что от огня гибнет всё живое. И если вода лишь убивает жизнь, то огонь уничтожает и её оболочку. После пламени – пустота... А есть ли оно вообще, как таковое? Или же это просто игра воображения, создающая переливающие замки и сверкающие дворцы, безумные пляски и порывистые вздохи? Огонь есть, но это лишь процесс во времени. Это не субъект, это то, что происходит с телом; и затем – его исчезновение... Огонь – это временная не живая жизнь. Без чувств, разума, поступков он есть, и ярчайшим доказательством этого является прекращение существования того, что было ранее. Остаются лишь следы: безжизненные, обуглившиеся, – немое свидетельство когда-то обитавшей там жизни. Но это жизнь в узком понятии. Это жизни отдельных индивидуумов, объединённых одним понятием – явственность была до огня. И в тоже время сам огонь, сам процесс сожжения тоже является частью бытия, ибо действие, совершаемое им, меняет внешний облик частиц огромного мира. Огонь есть жизнь, ибо он существует, а где ничего нет – там вечная ночь и холодный мрак.

ДОБРО И ЗЛО В ИХ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ

Вопрос, имеющий две совершенно противоположные грани. День и ночь, холод и тепло, жизнь и смерть – вот понятия, к которым относится наше рассуждение. Мрак и свет идут друг за другом в бесконечной круговерти жизненного хоровода. Мрак не вечен, ибо даже в космосе сияние звёзд далёких разливают чернила бесконечности в бездонную гладь с трепетно мерцающими островами. Именно свет, как объективное понятие, даёт нам представление о мраке. Вот почему в противопоставлении злу добро приобретает смысл жизни и творения чего-либо. Эта связь почти не прослеживается, но она существует <...>.

На линии зла добро – промежуточное звено. Положительные нити переплетаются с отрицательными, новую смысловую окраску приобретает мир логически завершённых вещей. Жизненная канва не может ложиться в одном направлении: слабость незакреплённых нитей повлечёт за собой разрушение созданной ткани. И потому, завершая рассуждение, мы произносим: "Мир вечен". И двумя его бессрочными гранями, символизирующими движение и развитие, являются добро и зло, противоречие и согласие – необходимые условия непрерывности процесса бытия.

РАСХОЖДЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СЛОВА

Условные рамки общепринятых законов дают направления нашим частно-жизненным ощущениям. Каждый живой субъект является отдельной личностью, но уже со своим самовыражением, мировосприятием. Собранные вместе, они представляют собой сообщество, владеющее одинаковым развитием, условными рефлексами, отношением к окружающему. Но всё это лишь кратчайшее предисловие к основной теме. Что нас интересует? <...>.

Общая форма, оболочка слова помогает близко к действительности выражать свои мысли, но никогда не обозначает именно те действия, для описания которых индивидуум воспользовался словесным названием. Мир разделён на множество деталей, имеющих отличающийся вид и различную практическую полезность. Эти детали, собранные воедино, представляют сложный механизм бытия личностей, в свете понимания которых каждая часть звучит в разных тональностях: в зависимости от условий использования.

Для каждого действия и явления нет, не может быть отдельных слов, содержащих каждый раз новый оттенок смысла. Рамки правил, в которые поставлена жизнь, полностью предоставляют возможность обходиться без излишней словесной вычурности и нагромождённости. Лишь воображение каждого представляет жизнь и процессы в ней сообразно своему пониманию окружающего мира.

СВЕТ БЛИЗКИЙ И ДАЛЁКИЙ

Сквозь густой и вязкий мрак растекшейся ночи едва заметно мерцают в бездонной дали расплывающиеся контуры одинокого пламени жизни. Его почти не видно отсюда, с расстояния многих лет, соединённых в одну сплошную нить воспоминаний. Он сияет, этот огонь, то вспыхивая и разбрасывая вскоре гаснущие искры, то сжимаясь на мгновение, чтобы потом с новой силой подняться над мраком в безумном порыве огненного полёта. Но он далеко, сверкающий горячий шар, и поэтому лишь созерцание может дать представление о движении процесса отдачи тепла в мир. И вот совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, возникает ещё один – такой же, живой, горящий, превращающий холод вокруг себя в солнечное тепло майского дня, так же излучающий жизненную песнь – о доброте, о любви, о вечности. Это свет жизни, ибо только от этого, ближнего, тело чувствует внезапно радостное ощущение умиротворённости; мысль о спокойствии и бесстрашии не покидает его, а чувство благодарности и всепрощения охватывает постепенно все клетки организма.

Два огня – это две жизни, почти во всём похожие друг на друга. Но разница лишь в одном: дальняя светит для себя, а ближняя – для всех. Удовлетворение только своих желаний и чувств является эгоизмом. И корни этого пагубного понятия, пущенные глубоко произрастут вскоре в человеке пышным букетом черствости, глухости, безжалостности, жизнь для себя... словно та звезда, сияющая на расстоянии, даёт лишь представление

о своём существовании. Она будет гореть вечно или же, постепенно остывая, растает в сгустившемся мраке – никто не вспомнит о ней и не почувствует того биения жизни, которое было в ней на протяжении всего долгого бытийного процесса. Звезда, словно далёкий маяк, будет контурами своими напоминать о продолжении существования. А та, ближайшая, даже если мгновенно рассыплется во мраке, посеет в души согретых ею счастливое чувство веры в дивную красоту людской души, не сдавленной тисками злобы и наивности. Жизни людские, словно звёзды, возникают сверкающими точками на небосклоне судьбы, и вновь исчезают, унося с собой не посланные лучи и не отданное тепло тем, кому необходимо. Ещё какое-то время, пока продолжат сиять сквозь толщу Вселенной не согревшие никого линии света, мрак не прекратит подсказывать: это линии судьбы, сверкнувшей однажды и растаявшей в вечности. Но тепло другой, возникшей рядом, даже после её исчезновения будет долго согревать души получивших частицы этой великой энергии.

Жить для других – вот скрытый смысл нашего бытия. Поэтому детям мы отдаём тепло и ласку, заботу и защиту, часть собственных мыслей и радость созерцания времени. Жить для себя – печальный удел не замеченных никем и растворившихся в пропасти забвения бесследно.

Жизнь есть процесс, бесконечный как Время. Но именно Время является весами Фемиды, показывающими ценность жизни человеческой. И поэтому от каждого из нас зависит вес поступков и суждений, действий, конечных результатов всего сделанного в промежутке жизненного отрезка, положенного в конце пути на весы непреклонной Фемиды.

ВРЕМЯ

Время вечно. Оно стирает жизнь и возрождает её снова. Но именно жизнь является хранителем времени. Я хочу *ego* увидеть. А в памяти, представлении лишь проплывает информация, накопленная человечеством: разрушенные дворцы тысячелетней давности, забытые гробницы – свидетельства былой цивилизации; смещение далёких звёзд в системе законов-созвездий; исчезновение одних материков на планете Земля и возникновение других... Что значит моя жизнь – дыхание на бесконечной, непрерывной прямой, выходящей из бездонных пропастей и теряющейся во мраке Вечности?

И лишь только эхо прошедшего, попадая на преграды памяти и снова отскакивая от них, отрывисто, спеша и захлёбываясь, повторяет: "Время! Время? Время...". Это понятие, как и жизнь, ощущали все. Последние минуты перед дуэлью Пушкина, постановка и непринятие парижской публикой первой оперы Безе, гибель декабристов в Сибири, обвал шахты в Кузбассе и зажатые в каменных тисках угледобытчики... Лишь в такие минуты человек, поставленный перед неизбежностью грядущего, всем существом своим ощущает неумолимую, безразличную поступь времени.

Я хочу его увидеть. А глаза между тем упираются в тикающий будильник, где две стрелки друг за дружкой бессменно вращаются по кругу. Есть ли в глубине космоса, среди миллиардов звёзд и планет, другой отсчёт времени? Возможно. Но мы воспринимаем Вселенную на расстоянии, видимом с Земли, только в такой системе измерения. Я слышу Время, потому что я живу, но я не вижу его, потому что жизнь моя является продуктом Времени, его созданной производной величиной, долженствующей нести в себе бытие.

Всё существующее образовалось во времени. Есть ли начало созиданию и измерению? Кто дал жизнь этому отчёту бесконечных этапов развития Вселенных, галактик, звёздных скоплений и чёрных дыр? Как возникла планета Земля и жизнь на ней? Из газопылевого облака, – вероятен ответ, но... это всё тоже есть Время, в течение которого происходили изменения и преобразования. Значит, той мерой длины посредством которой происходит деление бесконечности на миры и вселенные, является только Время, облечённое в мантию невидимости и существующее во всём: от микроскопического атома до безграничного космоса.

ПОСТУПОК – ЖИЗНЬ ИЛИ АБСТРАКТНОСТЬ?

Поступь, ступать – такие слова возникают в голове при объяснении этого понятия. Оно обозначает: действие совершено. Всякое ли действие поступок? Жизнь человеческая соткана из бесчисленного множества действий. Взятая обобщённо, на завершающем этапе разумного осмысления мира человеком, она представляет собой поступок, растянутый во времени. Поступок соткан из действий, иначе не были бы замечены производные жизни – овеществлённый труд, записанная мысль, постоянное изменение окружающего мира. Поступок является жизнью, так как взятый отдельно, он будет представлять абсурд: отвлечённое действие не может происходить само по себе. (Процессы во Вселенной – это не действия, а явственность). Но мне возразят: это часть жизни, её моральная область, которая способна концентрировать на себе внимание живых субъектов. Всё правильно, и именно поэтому она облекается в понятие "поступок". Поступок может быть абстрактным только в умах и памяти, в процессе логического осмысления прошедшего. Сам по себе, как связующее звено в цепи жизненной воспринимаемости, он является частью бытия, одной из множества необходимых и важных деталей, созидających собою возникающее и рассыпающееся через какое-то время здание жизни.

В ЧЁМ СМЫСЛ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ?

Дикий крик разбудил её ночью. <...>

Что бы это могло быть? – вопрос, возникший в подсознании, уже полностью охватил окончательно проснувшийся ум. Отодвинув штору, она увидела тёмные глазницы окон спящих домов-многоэтажек, одиноко спешащую машину в центр города по освещённой дороге. Волна воспомина-

ний сверху накрыла вновь бодрствующую голову, и перед глазами возник знойный летний день, детская площадка с играющими на ней малышами, и пьяный мужчина, выскочивший из подъезда соседнего дома с бессмысленными обрывками разбегающихся фраз. Пожалуй, эта ночь была повторением прошедшего времени. Да, прошло ещё полгода жизни, но для каждого разной. Одни добились успехов на избранной стезе к желаемому, другие – смогли удержаться на достигнутой величине, а третьи... всего лишь потратили этот отрезок недолгой явственности, получив взамен слабый ответ жалкого существования.

Каждый человек живёт в доме, именуемом *жизнью*, у всех есть великая способность – обладать дыханием; но так ли уж правильно мы используем дар бытия? Ведь многим он служит всего лишь поводом для продления мира осзания, не превращаясь со временем в поступки, их результаты, положительные действия в среде себе подобных; продолжая нести лишь функцию, заложенную с рождения. И тогда дар жизни становится существованием, обыденным своей повседневностью и грустным из-за своего пустого окончания. Также точно лопается мыльный пузырь, посланный шаловливыми детскими губами навстречу светлым краскам грядущего дня.

Ночь прошла, стёрлись и забылись в подсознании те безумные и полные отчаяния человеческие звуки, но вопрос, возникший в бездонной глубине бодрствовавшего мозга, остался. И потому при виде необдуманных поступков, жестоких действий, глупой траты частей окружающего мира просто так – сердце тоскливо сжимается, а ум, терзаясь собственным бессилием всё также пытается найти ответ на вечный вопрос: "Наша жизнь – разумное бытие или же просто необходимое существование, явившееся одной из производных космических законов?"

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО.

И вновь начиналась зима. Тоскливо выл ветер над крышами домов, пушистыми хлопьями падал сверкающий в лучах холодного солнца снег, торжественно стояли деревья, застывшие в спящем молчании. Городские птицы переселились поближе к домам – к людям. И надежда их не обманула – появлялись кормушки, просто остатки пищи клались на лавках, перилах балконов, на толстые ветви деревьев в парке. Стайка синичек, переговариваясь, на одном из балконов обнаружила раскачивающийся зелёный мяч с дыркой-входом. А внутри! Зимняя столовая, вы успели догадаться, раскачивалась в короткие зимние дни и долгие вьюжные ночи, давая пищу и тепло доверчивым пичужкам. Самая проворная, растопырив крылышки и открывая клюв, успевшая первой, словно говорила опоздавшей подруге: "Сначала я! Тут занято!". На что вторая, с безразличным видом и пища себе под клюв незатейливо, как бы в ответ: "А я так, мимоходом... Дай, думаю, загляну". Услышав писк новой пары, с протяжным жалобным свистом, бы-

стро нырнула к цели, и, добыв огромную крошку, испуганно высовывала головку с клювом.

А время шло. Солнце начало дольше оставаться на небосводе, тучи превратились в туман и растаяли, и ярко-голубая синь бездонного небесного купола, распластав над землёю свои бесконечные крылья, посылая вниз первые вести наступающего тепла, свободы и жизни. Снежный покров растаял, превратившись в журчащие говорливые ручьи, и озорная зелень первой травки уже спешила ввысь – к солнцу, к свету. Нежные и клейкие листики, словно украшения, появились на оживших ветках; хмельной расшавившийся ветер, как непоседливый мальчишка, задирался ко всем: волочил по дороге пыль, поднимал прошлогодние сухие листья, ерошил волосы спешащим прохожим и взлетал вверх, догоняя на лету опьяневшего от тепла и света воробья. И, словно соло, отдельная партия среди всеобщего хора звуков радости и эмоций, звучала нехитрая синичья песенка, песенка о том, что больше не повторятся зимние ночи, колючая позёмка и холодные бесконечные белоснежные ковры, ещё недавно укрывавшие спавшую земную поверхность. Да здравствует свет, тепло, радость, свобода, бесконечность и наслаждение, падения и взлёты, поражения и победы, – всё то, что можно выразить всего лишь одним словом: ЖИЗНЬ!

Резюме:

Выше затронуты, к сожалению, не все аспекты темы, которых хотелось бы коснуться. Не сказано ничего, в частности, о мысли человеческой, об изменении содержания человека при сопоставлении разных временных срезов и др. Но вот главное в этом разделе, что утверждается прямо и удерживается в подтексте:

- 1). Жизнь многогранна и безгранична.
- 2). Смысл нашей жизни – и в добрых делах, и в наших детях.
- 3). Само это слово и понятие преломляются и расходятся во всех сферах бытия (общения).
- 4). Человек разумный является соучастником, защитником, продолжателем и исследователем процесса жизни как явления природы, как понятия и как единицы системы языка. <...>.

Послесловие.

Пишу заключительные предложения, а в голове уже возникли слова: "Кончаю... Страшно перечесть... Стыдом и страхом замираю". Но я не Татьяна Ларина, а моя работа – не письмо, полное надежд и желаний. Это – трезвая оценка, вернее, попытка сделать такую оценку в пределах моих возможностей о сочетаемости, смысле, значениях, функциях слова "жизнь", которую Вы смогли увидеть, прочтя весь труд, предваряющий эти строки.

Спешу. Рука как конь усталый "плетётся рысью как-нибудь". Написано здесь мной немало. Окончен размышлений путь. Но мысль – основа миро-

зданья – ещё толкает сердца ход. Как долго жить сему созданию? Судьба его какая ждёт? Свеча трепещет, оплывая. Перо подводит букв черту. И тень от ручки, как живая, мысль ставит в буквы на лету. Пусть тривиальное растает, а Цель предстанет бытиём. В воображении моём смысл взлёт фантазий обуздает. Я знаю: Вечности преграды рассыпят этот лист во мгле. Но будет частью мне награды, что он родился на Земле. Что я – продукт эпох свершенья, веков безликих разрушенья и созидания итог; что труд разновеликий смог вместить хоть часть всех дум о мире. Не раз я обращалась к Лире. Она мне словом помогла. Огонь познания зажгла, чтоб расступилась ночи мгла. Но... это только курсовая... А, впрочем, тема как живая, пусть спросит Вечности предел:

Жизнь – слабых волею удел
Иль злом не сломленных награда?

* * *

... ношть акы тать на землю съходит... –
Я так начать сей стих хотела.
Но, долг отдав последней моде,
продолжу русским слогом смело.
Писать ли строки? Право слово –
О ЧЁМ? – О прошлом ли забвеньи,
иль о всезначашем терпеньи,
что для души моей не ново.
О смысле жизни в свете мира,
когда застенчивая лира
откроет путь к души истокам,
чтоб их отдать вот этим строкам.
О том, что... в бездне память вечна,
хоть жизнь, как лето, скоротечна;
что все мы – дети звёзд и неба,
живём в лучах прозрачных Феба...
Нет! Об ином сей стих расскажет:
добро – вот смысл всего живого,
когда в чувств лживых чёрной саже
мир истину откроет снова.
Когда Земля преобразится.
сверкая холодом столетий,
верша в тумане перипетий
то, что уже не повторится...
Вновь сердце вздрогнет – свеч горенье;
развеет правда сумрак были,
душ остановится старенье,

возникнет всё, что мы забыли...
Возникнет первый шаг, и лепет
ещё не лгавших уст открытых,
и сердца робкий странный трепет,
и маски безразличных сытых...
Пусть всё растает тем туманом,
что утром на лугах бывает.
Жизнь не представится обманом,
и – чувство страха улетает...
И небеса наполнят смыслом
путь странника к родному дому.
Как будто вновь, с рожденья, чистым
он нас ведёт уже к другому...
Как будто не было крушений
безумных мыслей в пляске злобы,
неверно принятых решений –
отмщенья нерв насытить чтобы...
В огне души снега растают,
уйдёт неверие в победу.
Так будет. Равнодушья недуг
с собой возьмёт сомнений стаю...
Так будет. Если в спешке жизни
не потеряем ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ...

51

Религиозное мировоззрение: моральный объём

1

Человека не оставляет интерес к вопросу запредельных связей личного существования. На этом в значительной мере держится развитие философской мысли и религиозных учений. Сама действительность служит образцом "невероятного очевидного". Каждый по-своему подбирается к цели, и суждения в одних случаях более чёткие и строгие, в других – sacramентальные и внушительные. Сколько ни дерзай, тем не менее изначальная и вечная одушевлённость мира останется для человеческого ума тайной за семью печатями. Едва ли кто-то из нас в силах дознаться и докопаться до первоисточков, ибо непостижима "вещь в себе". Что там за тьмой, бездонной и безмолвной? Не даётся внятный ответ. Голос молчит, держит паузу ...

На протяжении многовековой истории человечество стремится постичь таинственный смысл космической, земной, видовой, родовой и персональной жизни, уяснить происхождение и предназначение. До сих пор большая часть научных гипотез основывается на том, что только на нашей планете

благоприятны условия для возникновения органической жизни. В то же время культура – исключение на фоне природной субстанции. Человек, с духовной основой, составляет странное исключение среди живых существ, а "жизнь, как органическое явление, – тоже исключение в материальном мире" [208, 574]. Феномен человеческой, гениальной и божественной личности, таким образом, исключение в высшей степени.

Ещё древнегреческие философы различали жизнь теоретическую и практическую – *bios theoretikos* и *bios praktikos*. Для римских моралистов те же две области человеческой жизнедеятельности – *vita contemplativa* и *vita activa*, жизнь созерцательная и жизнь активная. Символом созерцательной жизни станет башня из слоновой кости, оплот мистификации. Деловых людей, практического склада, возмущает поведение богемы, которая служит идеалам, отстаивая чистоту искусства, изящество и изобретательность творчества. История нашей цивилизации подтверждает, что "для того, чтобы мы могли пользоваться жизнью в полном смысле слова, определённая группа людей должна пребывать за пределами активной жизни, в мире мечтаний и абстракций, ибо для полноты жизни в широком понимании нужны мечтатели и мыслители"(Л.Хвистек).

За примерами далеко не ходить, обратимся к литературным источникам. "Наша жизнь, говорил Пифагор, напоминает собой большое и многолюдное сборище на олимпийских играх. Одни упражняют своё тело, чтобы завоевать себе славу на состязаниях, другие тащат туда для продажи товары, чтобы извлечь из этого прибыль. Но есть и такие – и они не из худших, – которые не ищут здесь никакой выгоды: они хотят лишь посмотреть, каким образом и зачем делается то-то и то-то, они хотят быть попросту зрителями, наблюдающими жизнь других, чтобы вернее судить о ней и соответствующим образом устроить свою" [215, 131].

"Жизнь – замкнутая отовсюду комната. Тут мы с рождения до смерти заключены, как в темнице. Перед нами только стены, и никто, наверное, не скажет, что находится за ними. Мы все в одном положении. Видим одно. Знаем одно. Но разнообразно отношение к этому, единому для всех, содержанию жизни. Мы можем говорить, хотя и заключены в тюрьму, из которой только смерть – выход, что стены темницы стеклянные. И развёрнутое перед нами содержание жизни – то райские, то адские картины великого Мастера – находится по ту сторону прозрачных стен" [31, 371-2].

Л.Н.Толстой часто ссылаясь на высказывания других мыслителей: "Представьте себе толпу людей в цепях. Все они приговорены к смерти, и каждый день одни из них умерщвляются на глазах у других. Остающиеся, видя этих умирающих и ожидающих своей очереди, видят свою собственную участь. Такова человеческая жизнь"; "Разумный человек знает, что есть высшее бесконечное существо, от которого он зависит. Разумный человек

знает, что страдание не свойственно ему" (Паскаль); "Страдание – то и есть жизнь. Без страдания какое было бы в ней удовольствие?!" (Достоевский).

Аналогия и сравнение, безусловно, помогают представить взгляды авторов, однако поэтические и стилистические фигуры наглядности и выразительности сами по себе ещё не определяют сути предмета и эти приёмы не для научного осмысления сложных понятий. Чтобы разобраться в путанице загадочной конструкции символа, приходится учитывать наличие условных граней и внутренних перегородок понятий, переливов сознания и лабиринтов многоликой темы жизни.

Животные просто живут, радуясь жизни и отвечая различным её природным проявлениям. До поры до времени и человек мог бы продержаться также без глубокого осмысления сути, без философствования о назначении бытия, без изощрённых раздумий о происхождении Вселенной и роли запоедной словесности в истории. Но у некоторых людей непомерны запросы и склонность касаться сверхобщих вопросов метафизики и богословия, хотя многие чаще ограничивают интерес потребительскими запросами, практически будучи скромно озабочены: как тут сейчас провести время, что приобрести, куда направиться, с кем встретиться, где укрыться, чем бы пожить и ещё отличиться? Живому всегда свойственно тянуться к лучшим условиям питания и существования.

Люди верят, что действительно есть жизнь, не просто одна и сама по себе, но в то же время и загадочно многообразная. Наряду с этим имеет место также мнение, или осмысление того, что видят и называют жизнью, чья-то подсказка или осознанное представление реальности. Таково грубое допущение, хотя то, о чём рассуждаем тут, на деле плотно связано и более едино, чем раздельно. Кроме того, ещё в языке существует слово "жизнь", собирающее всюду значения и значимости, бесспорно встречаем в чужих высказываниях, часто употребляем в речи. Таким образом, сама жизнь, восприятие и взгляды, словесное выражение и языковые знаки, используемые в общении и сообщении, – то всё разные грани в разгадываемой конструкции смысла, просто смыкаются и нерасторжимо спутаны в сознании.

Что такое жизнь? И тот же вопрос подробнее: *как* понять, *как* познать, *как* характеризовать, *как* определить жизнь? На сей счёт множество мнений, и нет окончательного ответа. Сосуществуют версии, относительно правдоподобные, более или менее убедительные, как правило, частные и односторонние, часто кособокие, случается, намеренно дерзкие, изощрённые, от признания ограниченности возможностей и недостижимости тайны предмета, и важные, запутанные, недоступные. Просто не скажешь, что есть жизнь, и всё равно искать ответ приходится. Жизнь – жизненные силы, не только. Жизнь – существование, экзистенция, бытие и быт. Жизнь это очень много чего, ед-

ва ли не всё, так или иначе широкий охват: реальность, действительность, определённый способ существования. И то, от чего зависит она.

У всех нас взгляды на жизнь расходятся, разное ощущение и представление. Тем не менее, для большинства всё же самое важное – жизнь, как бы всеобщая ценность. Она дана Богом, божеский дар, достояние самое дорогое, и в определённом смысле жизнь – понятие религиозное. Речь идёт о происхождении мира, и тут же встанет вопрос о смысле жизни. Вечная жизнь, запредельная, и каждодневная жизнь, переживание и осознание жизни, наконец философия. Чья жизнь, какая она? Качества и модусы жизни, проявления и частности. С чем сравнить, и что не есть жизнь? Жизнь больше, чем счастье, чем любовь, но и то и другое, и многое ещё в жизни, при жизни, даже если иной раз, кажется, что над жизнью или же вне жизни – и всё равно есть связь, и неразрывны отношения.

Живое существо – человек, в частности, – стремится жить, хочет существовать. Определила и предписала природа, заложила в него ген жизни. Остальное – как, с кем, где, зачем и другие вопросы, уточнения и частности – имеет множество вариаций и предпочтений, нередко совпадает и сходится в деталях или по сути. Человек, существуя самостоятельно, индивидуален, живёт, чувствует и мыслит особенно, и поэтому все мы, на Земле нас много, по-своему и всякий раз по-разному воспринимаем, ощущаем и объясняем то, к чему причастны и приобщены, что в нас и вокруг, так или иначе соотносится с нами, и всё это называется жизнью.

У каждого человека свой удел. И люди разные: легкомысленные, эгоисты, расчётливые, бережливые, опасливые, дерзкие, альтруисты, хамы, умные, добрые, заботливые и беззаботные, общительные, замкнутые, сдержанные, проходимцы, авантюристы, порядочные, серьёзные, прожигатели, маньяки, злодеи, преуспевающие, счастливицы, изгои, бомжи, принцы и нищие, оптимисты, пессимисты, сплетники, умники, верующие, атеисты, образованные, неучи. И нет конца этой разноликости. Мало ли что людей волнует и беспокоит, чем живут, о чём думают или нет, говорят или молчат, про себя переживают или не чувствуют и не сочувствуют.

В действительности имеет место бесконечное многообразие высказываний, неуправляемый поток сомнительных утверждений и суждений, и всё о "жизни". Судим и рассуждаем, никак не понять, сумасшедшее разномыслие. Каждый о своём, не слышим соседа. В результате выходит, сложно учесть и согласовать тот беспредел своеобразных мнений, оттенков и сдвигов. Выясняется, что жизнь наша всюду, около и в тебе, в целом бесконечна, неисчерпаема, необъятна. Притяжение к тайне мироздания, вместе с тем, стойко и неодолимо. Жизнь – всё, что есть, почти всё. Пытаемся угадать как-то, играем, опасные игры с неведомой силой.

Если устроить "конференцию" из авторских высказываний на тему жизни, может сложиться свод, как бы живая композиция, из сталкивающихся и соперничающих друг с другом необщих мыслей. Что делать, небесспорный, но вовсе не безнадёжный, путь хоть какого движения и продолжения, понятно, что не полной истины, куда там. Начнёт Л.Толстой, нравственные проповеди которого "О жизни" (I), "О смысле жизни"(II) и "Путь жизни"(III) опубликованы в начале XX века [325; 327]. Ниже из цитат (NB! без кавычек) сложен текст. После каждой из них в скобках названы номера источников, арабская цифра указывает страницу.

Ключевое слово Жизнь и словосочетания: жизнь животного, личности, людей, народов, обществ, умерших людей, человека, человечества; вечная жизнь, видимая, внутренняя, вся, добрая, другая, дурная, духовная, загробная, истинная, наблюдаемая, наружная, настоящая, наша, нравственная, органическая, общественная, осязаемая, плохая, разумная, таинственная, телесная, хорошая, человеческая, эта; вопрос жизни, движение, дело, конец, закон, значение, изучение, начало, определение, основа, перемена, переходы, поддержание, признак, размножение, смысл, срок, строй, устройство, цель. Наша задача – уразуметь заглавное понятие данного ряда.

Итак, Лев Николаевич Толстой первым, рассуждает доступно, несуетно, говоря так вот: "Жизнь наша дурная. Отчего? Оттого, что люди дурно живут. А дурно живут люди оттого, что сами люди плохи. Стало быть, для того, чтобы жизнь перестала быть дурною, надо переделать людей из плохих в хороших. ... Стало быть, от нас и дурная жизнь, от нас и то, чтобы она стала хорошей (III.327). Жизнь людей бывает хорошая или плохая только оттого, как они понимают истинный закон жизни. Чем яснее понимают люди истинный закон жизни, тем лучше их жизнь, и чем запутаннее понимают они этот закон, тем жизнь их хуже (III.22). Для улучшения жизни общественной есть только одно средство – усилия отдельных людей к достижению доброй, нравственной жизни (III.326).

Основа жизни человека есть живущий в нём дух божий (III.187). Жизнь человека без веры – жизнь животного (III.23). Истинная жизнь человеческая не есть то, что происходит в пространстве и времени (I.52). Жизнь человека истинная, – та, из которой он составляет себе понятие о всякой другой жизни, – есть стремление к благу, достигаемому подчинением своей личности закону разума (I.55). Мне представляется так: закон жизни органической есть борьба; закон жизни разумной, сознательной есть единение, любовь. На жизни органической, жизни борьбы, рождается жизнь разумная и связана с ней (II.5).

Жизнь истинная – жизнь духовная (III.484). ...кроме жизни телесной, которая была и будет, мы знаем в себе ещё другую жизнь: жизнь духовную.

А духовная жизнь не была, не будет, а сейчас есть. Эта-та жизнь и есть настоящая (III.37). Начало жизни не в теле, а в душе (III.37). Жизнь человека не в теле, а в душе, и не в теле и душе, а только в душе (III.43). Все живые существа телами своими отделены друг от друга, но то, что даёт им жизнь – одно и то же во всех (III.47). Все люди равны для человека, живущего духовной жизнью (III.200).

Жизнь в настоящем. Людям кажется, что жизнь их проходит во времени – в прошедшем и будущем. Но это только кажется: истинная жизнь человеческая не проходит во времени, а всегда *есть* в той безвременной точке, в которой прошедшее сходится с будущим и которую мы неправильно называем настоящим временем. В этой безвременной точке настоящего, и только в этой точке, человек свободен, и потому в настоящем, и только в настоящем, истинная жизнь человека (III.330). Истинная жизнь не во времени. Прошлого уже нет, будущее ещё не пришло. Что же есть? Только та точка, где сходятся будущее с прошедшим. Казалось бы, точка – это ничто, а между тем только в этой точке вся наша жизнь (III.330). Времени нет, есть только мгновение. А в нём-то, этом мгновении, вся наша жизнь. И потому в одно это мгновение надо полагать все свои силы (III.331).

Если бы не было пространства и времени, не было бы движения, не было бы жизни (III.331). Духовная жизнь человека вне времени и пространства. Время только для телесной жизни. Духовное же существо всегда вне времени (III.331). Хорошо почаще вспоминать о том, что наша истинная жизнь не одна наружная, телесная, какую мы проживаем здесь, на земле, на наших глазах, но что с этой жизнью есть в нас и другая внутренняя жизнь, духовная, которой не было начала и нет конца (III.332). Истинная жизнь только в настоящем (III.332). Нам кажется, что она была и будет, – а жизнь только есть (III.342).

Человек, полагающий все свои силы на удовлетворение одних животных потребностей, губит свою истинную жизнь (III.392). Настоящая человеческая жизнь начинается только тогда, когда начинается отречение человека от животности (III.393). Жизнь человека не прекращается со смертью его тела (III.447). Спрашивают: "Что будет после смерти?". На этот вопрос ответ только один: тело сгниёт и станет землёю, это мы верно знаем. О том же, что будет с тем, что мы называем душою, мы ничего не можем сказать, потому что вопрос: "что будет?" относится ко времени. Душа же вне времени. Душа не была и не будет. Она одна есть. Не будь её, ничего бы не было (III.465).

Смысл человеческой жизни, понятный человеку, состоит в том, чтобы устанавливать Царство Божие на земле, т.е. содействовать замене себялюбивого, ненавистнического, насильнического, неразумного устройства жизни, устройством жизни любовным, братским, свободным и разумным (II.5). Я живу затем, чтобы исполнить волю пославшего меня в жизнь. Воля же

Его в том, чтобы я довел свою душу до высшей степени совершенства в любви, и этим самым содействовал установлению единения между людьми и всеми существами в мире (II.16). Жизнь в исполнении воли Бога (II.19). Жить надо для того, чтобы исполнять волю Того, кто нас послал в жизнь (II.21). Воля эта требует от нас два дела: постоянное совершенствование себя и постоянное же содействие установлению Царства Божьего на земле, т.е. такого строя жизни, при которой все люди сознавали бы себя равными братьями и любили бы друг друга (II.21).

Коротко выраженный смысл жизни тот, что всякий живой человек есть орудие Божье, – орудие, через которое высшая сила делает своё дело (II.22). Для людей, понимающих значение жизни в настоящем, не может быть вопроса о загробной жизни (III.342). Если вера учит тому, что надо отказаться от этой жизни для жизни вечной, то это ложная вера. Нельзя отказаться от этой жизни для жизни вечной, потому нельзя, что вечная жизнь уже есть в этой жизни (III.23). Жизнь – благо. Истинное благо в настоящей, а не "загробной" жизни (с.481). Главный вопрос жизни нашей только в том, то ли мы делаем в этот короткий, данный нам срок жизни, чего хочет от нас тот, кто послал нас в жизнь. То ли мы делаем? (III.343). Для доброй жизни нужнее всего воздержание (III.344).

Поддержание и размножение жизни не может быть целью жизни – это несомненно (II.7) ... жизнь его не есть жизнь личности, начавшаяся рождением и кончающаяся смертью (I.119). Жизнь умерших людей не прекращается в этом мире (I.107). Плотская смерть не конец жизни, а только перемена (III.465). Я недавно стал это чувствовать – то, что, когда я умру, то я несколько не умру, но буду жив во всём другом (II.45). Жизнь видимая есть часть бесконечного движения жизни (II.115). Жизнь человека есть стремление к благу; к чему он стремится, то и дано ему: жизнь, не могущая быть смертью, и благо, не могущее быть злом (I.132). ...вся земная жизнь есть ряд страданий, далеко не выкупаемых наслаждениями (I.121).

Жизнь не может иметь другой цели, как благо, как радость. Только эта цель – радость – вполне достойна жизни (II.29). Жизнь чувствует человек только в себе, в своей личности, и потому сначала человеку представляется, что благо, которое он желает, есть благо только его личности (I.15). Жизнь моя – не моя – не может иметь целью моё благо, а – Того, кто послал меня; и цель её – исполнение Его дела. И только через исполнение Его дела я могу получить благо (II.29). Цель жизни – благо. Благо – только в служении Богу. Служение Богу – в увеличении любви в мире (II.29). Цель жизни есть так же мало воспроизведение себе подобных, продолжение рода, как и служение людям, – так же мало и служение Богу (II.29).

Жизнь человеческую мы не можем понимать иначе, как подчинение животной личности закону разума (II.4). Жизнь человеческая начинается

только с проявления разумного сознания, – того самого, которое открывает человеку одновременно и свою жизнь, в настоящем и в прошедшем, и жизнь других личностей, и всё неизбежно вытекающее из отношений этих личностей, страдания и смерть, – то самое, что происходит в нём отрицание блага жизни личной и противоречие, которое, ему кажется, останавливает его жизнь (II.4). Жизнь на то только дана тебе с твоим разумом, чтобы внести этот разум в мир, и потому вся жизнь есть не что иное, как эта разумная деятельность, проявляющаяся во вне (II.27).

Жизнь человека определяется его мыслями (III.369). Все великие перемены в жизни одного человека, а также и всего человечества, начинаются и совершаются в мысли. Для того, чтобы могла произойти перемена чувств и поступков, должна произойти прежде всего перемена мысли (III.369). Для того, чтобы научиться жить доброй жизнью, надо прежде всего приучить себя мыслить доброе (III.369). Так что для того, чтобы жизнь стала лучше, надо прежде думать, а потом уже делать (III.369). Как жизнь и судьба отдельного человека определяется тем, на что мы менее обращаем внимания, чем на поступки, – его мыслями, так и жизнь обществ, людей и народов определяется не событиями, свершающимися среди этих обществ и народов, а теми мыслями, которые соединяют большинство людей этих обществ и народов (III.371).

Будьте внимательны к своим мыслям, – они начало поступков. Лао-Тсе (III.371). Главная причина бедствий людей не в делах, а в мыслях их (III.372). Наша жизнь бывает хороша или дурна от того, каковы наши мысли (III.373). Если у тебя не будет дурных мыслей, не будет и дурных дел. Конфуций (III.373). Жизнь наша бывает лучше или хуже только оттого, что мы сознаём себя или телесным, или духовным существом... Перенесение же сознания из телесного существа в духовное совершается усилием мысли (III.375). Без усилия мысли невозможна добрая жизнь. Дорожи добрыми мыслями своими и чужими, когда узнаёшь их. Ничто не поможет тебе столько, сколько помогут добрые мысли для исполнения истинного дела твоей жизни (III.377).

Мельница нужна для того, чтобы она хорошо молола, жизнь нужна для того только затем, чтобы она была хорошая (I.5). Исследует человек жизнь только для того, чтобы она была лучше (I.5). Астрономия, механика, физика, химия и все другие науки вместе, и каждая порознь, разрабатывают каждая подлежащую ей сторону жизни, не приходя ни к каким результатам о жизни вообще (I.11). Без признания того, что стремление к благу, которое чувствует в себе человек, есть жизнь и признак всякой жизни, невозможно никакое изучение жизни, невозможно никакое наблюдение над жизнью. И потому наблюдение начинается тогда, когда уже известна жизнь, и никакое наблюдение над проявлениями жизни не может (как это предполагает ложная наука) определить самую жизнь (I.436).

Сколько бы ни изучал человек жизнь видимую, осязаемую, наблюдаемую им в себе и других – жизнь, совершающуюся без его усилий, – жизнь эта всегда останется для него тайной; он никогда из этих наблюдений не поймёт эту несознаваемую им жизнь и наблюдениями над этой таинственной, всегда скрывающейся от него в бесконечность пространства и времени, жизнью – никак не осветить свою истинную жизнь, открытую ему в его сознании, состоящую в подчинении его совершенно особенной от всех и самой известной ему животной личности совершенно особенному и самому известному ему закону разума, для достижения своего совершенно особенного и самого известного ему блага (I.52). Все учения религиозные суть ни что иное, как определения жизни, как стремления к действительному, необманному благу, доступному человеку (II.136)".

3

Оппонирует Н.А.Бердяев, исходя из иных идеологических посылок, откровенно другой взгляд: "Очень характерно, что Л.Толстой и тогда, когда писал "Войну и мир", и тогда, когда писал свои нравственно-религиозные трактаты, был безнадежно замкнут в кругу частной точки зрения на жизнь, не желающей знать ничего кроме индивидуальной жизни, её радостей и горестей, её совершенств или несовершенств. Частная точка зрения на жизнь, имеющая в виду исключительно благо или несчастья людей, Петров и Иванов, не есть непременно обывательская, безыдейная точка зрения, – она может быть и идейной, принципиальной. Для идейного сознания счастье или страдания Петра и Ивана представляется счастьем или страданием народа.

Для толстовского чувства жизни реальна и существенна лишь частная жизнь Ивана и Петра, жизнь семейная и нравственная, их нравственные сомнения и их искания нравственного совершенствования. Очень показательное отношение Левина к русско-турецкой войне и к славянскому вопросу. Жизнь историческая, национальная, задачи истории, борьба народов и царств, великие исторические люди – всё это казалось Л.Толстому не существенным, не реальным, обманчивой и внешней оболочкой жизни. В "Войне и мире" не только "мир" побеждает "войну", но и вообще реальность "частной" жизни побеждает призрачность жизни "исторической", детская пелёнка, запачканная в зелёное и жёлтое, оказывается существеннее, глубже всех Наполеонов и всех столкновений Запада и Востока. Для Толстого частная, растительно органическая жизнь всегда реальнее и существеннее, чем жизнь духовная, чем презируемое им культурное творчество, чем "науки и искусства" [34, 203-4].

"Но это слабость и уость человеческого сознания, это выброшенность человека на поверхность не может быть опровержением той великой истины, что каждый человек – всемирный по своей природе и что в нём и для него совершается вся история" [34, 207]. "Очень характерно, что углублённый, религиозный взгляд на жизнь допускает жертвы и страдания, во мно-

гом слишком трудно видеть искупление и путь к высшей жизни. Более же поверхностный, "частный" взгляд на жизнь боится жертв и страданий и всякую слезу считает бессмысленной. Тот взгляд на жизнь, который я называю историческим лишь в противоположность частному и который, в сущности, религиозный, – ценности ставит выше блага, он принимает жертвы и страдания во имя высшей жизни, во имя мировых целей, во имя человеческого восхождения" [34, 208]. "Буржуазент" и частно- семейственный взгляд на жизнь, эта слишком большая и порабощающая любовь к уюту частной жизни. Такая "буржуазность" есть в обывательском царстве, ныне переживающем жестокою драму" [34, 210].

Л.Н.Толстой убеждён, что: "патриотизм есть в наше время чувство неестественное, неразумное, вредное, причиняющее большую долю тех бедствий, от которых страдает человечество, и что поэтому чувство это не должно быть воспитываемо, как это делается теперь, – а напротив, подавляемо и уничтожаемо всеми зависящими от разумных людей средствами" [326, 3].

"Так что не воображаемый, а действительный патриотизм, тот который мы все знаем, под влиянием которого находится большинство людей нашего времени и от которого так жестоко страдает человечество, – не есть желание духовных благ своему народу (желать духовных благ нельзя одному своему народу), ни особенности народных индивидуальностей (это есть свойство, а никак не чувство), – а есть очень определённое чувство предпочтения своего народа или государства всем другим народам или государствам, и потому есть желание этому народу или государству наибольшего благосостояния и могущества, которые могут быть приобретены и всегда приобретаются только в ущерб благосостоянию и могуществу других народов или государств. Казалось бы, очевидно, что патриотизм, как чувство, есть чувство дурное и вредное; как учение же, есть учение глупое, так как ясно, что если каждый народ и государство будут считать себя наилучшими из народов и государств, то все они будут находиться в грубом и вредном заблуждении" [326, 5].

Ф.Ницше тут же: "Все оценки созданы людьми и каждая из них погибает, но акт оценки не может погибнуть: жить – значит делать оценки!" [229, 137]. "Понятие "бог" выдуманно, как противоположность понятию жизни. Понятие "по ту сторону", "истинный мир" выдуманы, чтобы обесценить *единственный* мир, который существует, чтобы не оставить никакой цели, никакого разума, никакой задачи для нашей земной реальности! Понятие "душа", "дух", в конце концов даже "бессмертная душа" выдуманы, чтобы презирать тело, чтобы сделать его больным "святым", чтобы всему, что в жизни заслуживает серьёзного отношения, вопросам питания, жилища, духовной диеты, ухода за больными, чистоплотности, климату, противопоставить ужасное легкомыслие!" [228, 463-4].

Ницше считал, что в его Сверхчеловеке – пафос, энергия, настроение, гипербола и ещё жажда хаоса, который способен породить нечто новое, не нивелированное догматами общепринятого, "это протест против уничтожения всего редкого и дикорастущего, способного мечтать о "танцующей звезде" ["Философские науки", 2004, № 5, с.45].

Г.А.Попов: "Сам Толстой смотрел на возможность постижения проблемы жизни и смерти, как на высшую форму "вечной философии". Невозможно глубоко понять духовную проповедь Толстого, пытаясь избежать соприкосновения с его взглядами на важнейший аспект философской проблемы: человеческой жизни и смерти. Вечная мудрость Толстого и состоит в том, <...> что, только принимая во внимание важнейшие для человека соотношения жизни и смерти, как величайшего акта природы, мы можем искать смысл человеческого существования. В этом великий итог учения Толстого" [266, 62].

А.Л.Валевский: "Когда Л.Толстой спрашивает: "В чём смысл жизни?" – и приходит к выводу, что ответ находится в состоянии поиска этого смысла, то здесь отчётливо обозначается суть индивидуального – стремление выйти за пределы открывающихся вопрошающей личности пространственно-временных и ценностно-смысловых очертаний своего бытия" [73, 23].

М.Мамардашвили: "Жизнь есть нечто такое, что всегда только настоящее" [199, 204]. "...ведь мы пытаемся совершить невероятный акт, просто живя. Какой акт? Акт человеческой жизни. Он фактически немислим и невозможен. Ведь жизнью называется нечто исполняющееся в своей полноте, ощущение живого – в полноте" [200, 306].

Мишель Фуко: "Все живые существа являются лишь преходящими обликами жизни, а бытие, которое они сохраняют в течение краткого периода их существования, есть лишь их притязание, их желание жить" [362, 303].

С.Керкегор: "Жизнь есть повторение" [150, 9].

Г.Гачев: "Так что же: жизнь, значит, по назначению своему есть возврат вспять – регресс от животного к растению? Интересно – новый ракурс даёт нам бытие человека. Конечно, в ходе жизни животность в нём уменьшается, растительность прибывает. Недаром к старости на растительную, вегетарианскую пищу переходят и всё больше просто пьют воду, сидят да на солнышке греются. Но тем самым уменьшается и чувствительность и раздражимость: человек уже полудерево по своим тканям – и легче, безболезненнее умирать; словно жизнь естественно убирает, приготавливает человека к этому акту: его мясо наркозирует, дабы бесчувственнее был; словом, состав и пропорцию стихий в нём меняет" [96, 213].

П.Сорокин: "... исторический процесс есть в то же время и непрерывный экономический, интеллектуальный, моральный и политический прогресс, выражающийся в совершенствовании средств, способов и орудий производства, в непрерывном росте знаний, в растущем альтруизме и в рас-

тушей солидарности человечества, и, несмотря на всё это, этим решением ещё несколько не предreshался бы вопрос об увеличении счастья, благоденствия и т.д. ...пусть понимание и переживание счастья относительно, субъективно и изменчиво, но одно несомненно: если жизнь есть счастье и благоденствие или кажется таковой, то тогда она принимается и от неё не отказываются. Счастливая жизнь предпочитается смерти. Обращаясь к цифровым данным, мы видим, что число самоубийств увеличивается с ростом цивилизации" [315, 508].

"Категория самоубийств, вследствие так называемого "разочарования в жизни", насколько позволяет судить собранный этнографический материал, не была известна в древности или была, во всяком случае, явлением чрезвычайно редким. Следовательно, если действительно явление "приятя или отказа от жизни" может служить более или менее объективным критерием для решения вопроса увеличения или уменьшения счастья, то можно признать прогресс всех сторон социальной жизни и, тем не менее, отрицать, что этот прогресс есть в то же время и увеличение счастья" [315, 509].

"Однако он [Милль] говорит как раз обратное: "мало найдётся таких людей, которые ради полной чаши животных наслаждений согласились бы променять свою человеческую жизнь на жизнь какого-нибудь животного. <...> лучше быть недовольным человеком, чем довольной свиньёй; недовольным Сократом, чем довольным дураком". Если к этому прибавить ещё то, что страдание с биологической точки зрения почти всегда является показателем разрушения организма или биологического разрушения, то социальный прогресс, при таком положении дела, становится совершенно невозможным, ибо основным условием его является прежде всего наличность биологически здоровых организмов [315, 512].

Мишель Фуко: "Теперь уже для определения жизни недостаточно более или менее чёткого отличия её от механизма; жизнь есть то, в чём обосновываются всевозможные разграничения между живыми существами. Именно этот переход от таксономического понятия жизни к синтетическому отмечен в истории идей и наук возрождением виталистских тем в начале XIX века" [362, 294]. "Жизнь лежит в основе всякого существования, а неживое, инертная природа является лишь её мёртвым осадком; просто-напросто бытие – это небытие жизни. Ибо жизнь – и именно поэтому она представляется мышлению XIX века основной ценностью – является одновременно основой и бытия, и небытия. Бытие существует лишь потому, что существует жизнь, и в её основоположном движении, обрекающем их на смерть, рассеянные и лишь на мгновение устойчивые живые существа возникают, устанавливаются, удерживают жизнь – в каком-то смысле её убивают, – но в свою очередь уничтожаются её неисчерпаемой силой. Таким образом, именно опыт жизни выступает как самый общий закон живых су-

ществ, выявляющий ту первоначальную силу, благодаря которой они существуют; этот опыт жизни функционирует как некая первозданная онтология, которая, по-видимому, старается выявить бытие и небытие всех существ в их нераздельности" [362, 303].

Н.Н.Трубников: "А что есть бытие? Что есть это? И то? Что есть жизнь? Каков её смысл? И имеет ли она этот смысл? Обладает ли, и если обладает, то каким именно? Что оно есть? На эти вопросы ответа не было. Было отсутствие ответов: тьма и пустота, небытие мысли в её бытии, противоречие" [333, 431]. "Жизнь не раскрыла его, не принесла удовлетворения. Не ответила на запросы и вопросы. И я знаю сейчас – это-то я знаю хорошо, – что жизнь сама по себе, какова бы она ни была, мудрая или неудавшаяся, достойная подражания или дурная, сама по себе не может раскрыть и ответить. Она сама не от мира сего" [333, 429].

"Если отвлечься от всякого рода наивных или хитрых, наивно-бесхитростных или наивно-хитрых, в равной мере неубедительных формул человеческой жизни, то единственный более или менее правдивый ответ мог бы заключаться лишь в том, что человеческая жизнь, если она не есть бессмыслица и абсурд, если она и обладает каким-то смыслом – а это предположение тоже очень нуждается в обосновании, – то это, скорее всего очень печальный, в сущности, трагический смысл, ибо человек в муках рождается, в слезах вырастает, в страхе проводит свои дни, в поте лица трудится, в грязи заканчивает жизнь, испытав очень мало коротких радостей и очень много, никак не меньше, чем в меру своих надежд, а часто и много больше этой меры, разочарований и горя, чтобы в конце концов предстать перед лицом неминуемой и неумолимой смерти, на которую был обречён с самой первой минуты своего бытия. "Из грязи произошёл и в грязь возвратишься" – такова формула древнейшей из человеческих истин" [333, 435].

"Надо спросить: жизнь не имеет смысла, потому что вообще и в принципе есть нечто бессмысленное, или не имеет, потому что ещё не обрела его, хотя и могла бы его иметь, если бы сумела приобрести этот смысл, или, что, пожалуй, ещё больше соответствует истине, она уже имеет смысл и приобрела его, просто это – не совсем тот смысл, какой мы хотели бы найти в ней, хотя в принципе, если бы не этот приобретённый ею смысл, ничто не противоречило бы тому, чтобы она могла приобрести тот, какой можно было бы счесть достойным и разумным.

В том-то как раз и заключается корень вопроса, что в жизни самой по себе вообще нет никакого раз и навсегда заданного, однажды определённого смысла. <...> В том-то как раз и заключается дело, что жизнь – прежде всего человеческая жизнь – не обладает никаким смыслом, помимо того, какой мы сами сознательно или стихийно, намеренно или невольно самими способами нашего бытия придаём ей. В одном случае глубокого и ёмкого, как жизнь

Сократа, но к очень многому и нелёгкому обязывающего; в другом – поверхностного и мелкого, позволяющего легко скользить по ней, без страха погрузиться в неё слишком уж глубоко, но и легко ускользающего и хрупкого.

Жизнь не имеет никакого, ни мудрого, ни глупого, ни абсурдного, ни трагического, ни какого другого заранее заданного смысла. Этот ответ представляется более удовлетворительным. Не только более честным, но и более обнадеживающим, чем какой бы то ни было другой. И этот ответ не только не нуждается в громоздких обоснованиях, что является видимым его преимуществом, но и обладает тем неявным, однако чрезвычайно важным для нас, что предполагает возможность не столько находить смысл, сколько искать его, не столько открывать его, как нечто уже существующее, но ещё не найденное, сколько созидать, творить и сообщать жизни.

Этот ответ смещает центр тяжести с вопроса об *изначальном смысле*, бесплодность которого очевидна, на вопрос об *окончательном смысле*, позволяя судить и о том *срединном* и *промежуточном*, где находимся сегодня мы и где этот вопрос имеет неотвлечённый смысл, где он, собственно, и приобретает всю полноту своего назначения, где он насущнее, чем какой-нибудь другой, *изначальный* или *конечный*, взятый сам по себе. Смысл человеческой жизни можно искать поэтому не в происхождении человека, не в ретроспекции – в конце концов, не так уж и важно, откуда, от какого "Адама" мы идём, – но в перспекции, которая дала бы нам представление о том, куда, к кому и к чему мы идём, а значит, в самом этом движении, в становлении, в человеческом осуществлении и в человеческом осмыслении жизни" [333, 438].

Г.А.Попов: "Все понимают, что физиологические процессы в организме когда-то угаснут и мёртвое тело неизбежно распадётся на простейшие элементы. Живая материя превратится в косную, постепенно рассеется и растворится в природе. Трудно смириться с необходимостью полного исчезновения человека. Вера в бессмертие души помогает вообразить небесную форму жизни после земной и тленной. Верующему сознанию представляется, что смерть в результате отказа жизнеобеспечивающих систем не влечёт за собой абсолютного небытия. В иной реальности продолжается субъект, мистическая связь с которым и ощущение мира не прекращаются. <Концепция В.Франкла>... поиск смысла является важнейшей задачей, но каждый человек может и должен найти смысл собственной жизни. ...каждому человеку присущ свой смысл жизни... Смысл жизни обладает своей динамикой; он не какой-то раз сформировавшийся и навсегда застывший монолит. В.Франкл пишет, что жизнь каждый день, каждый час ставит перед нами вопрос о смысле. Каждая ситуация содержит в себе свой смысл, и задача человека его отыскать. Каждое переживание, каждое явление жизни человека взаимодействует с жизненным смыслом, опытом человека" [266, 54].

"Человек не может осуществлять чей-то чужой смысл так же, как и не может жить чьей-то чужой жизнью. Смысл должен быть найден вовне; в поисках своего смысла человек одинок, но осуществление смысла связывает с человечеством, человек трансцендирует себя, размыкается на общество. В. Франкл также вводит ещё один термин – сверхсмысл, как смысл бытия, существования всего человечества, Вселенной. Сверхсмысл всегда трансцендентен существованию отдельного человека; на вопрос о сверхсмысле невозможно дать ответ. <...> он реализуется во всей человеческой истории. Ответом на вопрос о сверхсмысле во многом являются религии, философские и эсхатологические учения" [266, 55]. "На вопрос: "Для чего я живу?" – человек должен ответить сам, и, хотя его жизни в силу специфики человеческой природы уже присущ определённый смысл (будь то осознанный или нет), для ответа на эту проблему необходимо привлечь ресурсы сознания, религиозности, мистицизм" [266, 56].

"Трагична безвременная оборванная вечная жизнь, но искра жизни во тьме небытия, остров жизни в океане небытия – это радость и счастье озарения и возвышения" [313, 6]. "В океане небытия жизнь, данная человеку, чудесна – и как чудо случая, и как чудо выхода в осознающее и осознаваемое бытие. Эта жизнь, этот цвет неповторимы. И те мгновения бытия – чрезвычайно краткие в небытийной вечности – величайшая удача, от которой никак нельзя отказываться, хотя бы для того, чтобы осознать и ощутить всё это – сей странный мир и прелесть жизненного существования" [313, 76].

52

В ладонях святой догмы

У каждой особы есть начало и конец. Придётся признать, в тех пределах личной жизни, от зарождения до смерти, находится много чего ещё, и замечательного, и неприметного. Тайнственная жизнь – сколько ни длится, с разными подъёмами и спадами, – непременно заканчивается и обрывается смертью. Финальная грань жизни обязательна, как и предсмертная фаза процесса умирания. "И то, как человек умирает, определяется не возвышенностью дела, которое он защищает, а тем, насколько полно, от всего сердца он предан этому делу и готов отдать за него жизнь" [19, 115]. Приведённые слова взяты из статьи А.Б.Блума.

Свести счёты с жизнью – то же, что и покончить с собой. Как ни странно, жизнь и местоимение, получается, как бы эквиваленты. Сравним: "жертвовать своей жизнью" и "жертвовать собой". В определённом смысле бытие сливается с существом, самим субъектом жизни. Так что на деле деятельность и личность нераздельны, едва ли уже различимы в нашем сознании. "Он обнаружил, что жизнь зависит не только от тела, что он – не только тело, хотя тело – это он, обнаружил в себе нечто реальное, чего не могла

уничтожить его смерть" [19, 113]. "Истина страдания говорит, что жизнь есть страдание" [238, 141]. "При этом жизнь здесь, на земле, рассматривается как подготовка к загробной жизни" [238, 179].

Наряду с тем под "жизнью" нередко подразумевается поведение человека, благовидные или неблагоприятные поступки, его отношение к миру и обращение с иными. Говоря, что "всякий, кто живёт, оставляет пример того, как следует жить, или пример недостойной жизни" [19, 117], моралисты подчёркивают в первую очередь именно нравственные аспекты социального существования человека в обществе. И ещё слова из той же проповеди: "какую печать тот наложил своей жизнью на его собственную жизнь, какое семя было посеяно, и должен принести плод" – предлагается воспроизвести всё то, "что достойно подражанию в жизни этого человека".

Как и понятия жизни, добра, любви, справедливости и других, так и наше представление о Всевышнем, очень узко, ограничено и небесспорно. При определении необъятной духовной ценности, тем паче Творца неба и земли, на самом деле допускается столько же вариаций истолкования и оценок начала начал, сколько людей – вкусов и ощущений, интересов и способностей, наконец, мистического опыта и подготовки. Мнения и взгляды о физической и нравственной красоте неисчислимы, у неё столько форм, сколько у людей настроений, а каждое чувство предназначено для восприятия неисчерпаемого мира вещей и идей.

В. Дильтей, философ, писал: "под жизнью стоит понимать индивидуальные переживания людей, где важнейшее место отводится религии, главным признаком которой является общение с "невидимым". "Где бы мы ни встречали названия религии, её признаком всегда будет общение с невидимым, ибо оно встречается, как в её примитивных стадиях, так и в тех последних разветвлениях её развития, где это общение состоит только во внутреннем отношении действий к идеалу, выходящему за пределы эмпирического и делающему возможным религиозное отношение, или же в отношении души к родственному ей божественному порядку вещей" [116, 39].

1

"Воскресение мертвых всеобщее, будущее воскресение имеет быть при конце видимого сего мира, который преобразится посредством огня. Оно будет состоять в том, что души умерших опять соединятся с прежними телами и будут духовны и бессмертны. До всеобщего воскресения души праведных находятся в покое и предначатии вечного блаженства, а души грешников в предначатии вечного мучения" [40, 137]. Далеко не все уверовали в это. "Верующим смерть не страшна. Страшна смерть тем, кто не верит в загробную жизнь, кто не верит в Бога" [86, 37]. Невольно прислушаешься, вникая в смысл, к евангельским словам о жизни вечной.

"Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный"; "И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную" (Мф. XVIII, 8, 9). "И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестёр, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную" (Мф. XIX, 29). "И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное" (Откр. XX, 15). "Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную" (Иоан. III:16).

В конце XIX столетия одержимый аскет Н.Ф.Фёдоров писал: "Я не позволяю себе сомневаться в возможности воскрешения, т.е. не то что не позволяю, а решительно не могу в этом усомниться, потому что это значило бы признать, что жизнь наша есть дар не только случайный и напрасный, но совершенно бессмысленный (впрочем, случайный, напрасный, бессмысленный в сущности тождество), – в чём же, если не в воскрешении, может заключаться цель и смысл существования рода человеческого" [349, 644]. Однако мало кто из современников понял и принял странную философию общего дела, отвергая также и его "безумный проект" жизни.

Святейший Патриарх Тихон тщетно пытается образумить гонителей православия, заклиная их опомниться и прекратить безумство кровавых расправ: "Ведь то, что вы творите, не только жестокое дело: это поистине сатанинское дело, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной" ["Картины прошлого", № 6, с. 41]. "И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную" (Мф. 25:46). Учтём многозначность слова "настоящий": текущий момент, то есть не прошлое и не будущее, а теперь (время), и, во-вторых, – подлинный, истинный (качество и ценность).

"Настоящая жизнь в мире есть путь, ведущий человека в другой – вечный, за гробом, блаженный для праведников и противоположный для осуждённых грешников. Истинное отечество наше – на небе; чтобы достигнуть его, Бог даёт жизнь человеку в этом мире для испытания сердца в совершении добродетели" ["Православный собеседник". Казань, 1886, III, 434]. Вечная жизнь, жизнь будущего века – "жизнь, которая будет после воскресения мёртвых и всеобщего суда Божия. Для верующих, любящих Бога и делающих добро, она будет столь блаженна, что теперь мы сего блаженства и вообразить не можем, а неверующие и незаконные будут преданы вечной смерти или, иначе сказать, вечному огню, вечному мучению вместе с диаволом" [40, 143].

Человек изначально был создан для жизни вечной. Дабы вновь стать причастником Божественной природы, причастившись к Его сущности,

евангелист отказался принять смерть как последнее слово, как последнее событие жизни. Сказал апостол Павел: "Жизнь для меня – Христос, и смерть – приобретение" (Флп 1:21) [19, 106]. Если Творца нет, то и не существует вечной жизни, Вселенная бессмысленно проста и пуста. Тогда случайная жизнь на нашей планете и случившийся тут грех уже не имеют никакого значения. Но столкновение со смертью потрясает и вызывает религиозный ужас, ибо в ней таится сила и тот рок достигает всякого.

В жизни по большей части встречаются с чужой маской смерти, случается на похоронах знакомых и родственников. Прощание с ними вызывает боль и страдание на фоне воспоминаний, печаль будит мысль об отношении к смерти и о жёсткости отлучения человека от мира. Косвенный "опыт смерти", повод для метафизического размышления, служит намёком на некий беспредел, и ничто другое с такой остротой не ставит нас перед лицом вечности. Приобщение к смерти придаёт жизни смысл, так что "мы не имеем права, из-за того, что сами глубоко ранены потерей и осиротели по-земному, не заметить рождения усопшего в вечную жизнь" [19, 107].

А.Б.Блум, тоскуя по покойной матери, вспоминал, как та глубоко любила жизнь и "за несколько дней до смерти она сказала, что готова была бы страдать ещё пятьдесят лет, лишь бы жить" [19, 103]. Далее с той же печалью иерарх продолжал: "Одна из трагедий жизни, которая приносит большие душевные страдания и муки, – видеть, как любимый человек стареет, теряет физические и умственные способности, теряет как будто то, что было самое ценное: ясный ум, живую реакцию, отзывчивость на жизнь" [19, 110-1]. Уверенный в вечной жизни, он утверждал, что "смерть вовсе не следует скрывать, она проста, она – часть жизни" [19, 114].

Трудно разобраться в существе разъединения жизни и смерти, как ни смотри на это, хоть конкретно, хоть отвлечённо и отрешённо. В разумении духовных наставников, жизнь человеческая рассматривается как путь к вечности, войти в которую можно лишь "открывшимися вратами смерти". Она как бы "дверь, открывающаяся в вечную жизнь" [19, 111]. Высший смысл земного существования каждого из нас, по замыслу Творца, связан с рождением и становлением подлинной личности, по возможности совершенной, дабы отражать образ Божий, в меру сил приближаясь к тому, что ап. Павел назвал полнотой роста Христа (Еф 4:13) [19, 100].

2

"Понять истинный смысл евангельского учения можно только почувствовав жизнь Иисуса как свою собственную, и тем самым постигнув, как возможно соединение божественной и земной сторон жизни. Другими словами, личность Христа открывает тайну жизни по абсолютным нравственным требованиям в условиях переходящего земного существования" [257, 116]. Жизнь создаётся любовью: "во-первых, любовью к духовным благам,

к небесной чистоте и вечной духовной божественной жизни и, во-вторых, любовью к земной жизни, начиная с соответствующей жажды жизни, кончая любовью ко всем её проявлениям, всем носителям" [318, 22].

Предназначение жизни должно определяться только исходя из абсолютных и достижимых ценностей, поскольку они составляют фундамент любой сознательной деятельности независимо от её конкретных целей. Таковы религиозные ценности, имеющие не эмпирическое, а трансцендентное происхождение [257, 120]. В сферу практического разума входят отношения между людьми в обществе, в гражданской жизни, религиозной верой охватываются отношения человека к универсуму, к конечной причине всего сущего [257, 121]. Ценности земной жизни объявляются преходящими и ничтожными [257, 122]. (Толстой как раз протестовал против этого).

3

По Библии, от поколения к поколению смертных и греховных людей укорачивалась человеческая жизнь [19, 106]. "Жизни сопутствует тепло – смерть холодна" [19, 114]. "Смерть слишком велика рядом с тем, что должно бы быть ничтожно даже в масштабе временной жизни" [19, 102]. "К сожалению, ни слёз из глаз, ни забот из сердца Петрарка отогнать не может. Смерть... "Слово "смерть", – прерывает его Августин, – не должно быть просто звуком для ушей и мимолётных мыслей, ты должен вникнуть в него и представить себе, что сам умираешь. Только тогда мысль о смерти имеет какое-то значение, когда человек сумеет пережить её так, словно действительно сам её познал" [244, 364].

Проповедники полагают, что "очень важно рассматривать всю нашу жизнь как восхождение – восхождение к вечности, не как смертное увядание, а как восхождение к моменту, когда мы пройдём тесными вратами смерти в вечность, – не совлекшись временной жизни, но, по слову апостола Павла, облекшись в вечность (2 Кор. 5:4)" [19, 119]. И они решительно настаивают, что "одно Божие слово может перевернуть жизнь человека" [19, 122]. Как понимать эту фразу, что значит "перевернуть жизнь", словно бы страницу книги, и что имеется в виду под "жизнью", которую, как оказывается, можно существенно изменить верой и волей?

Очевидно, именно "жизнь" как некий остов, внутренний строй, стержень личности связывается с самой сердцевиной и духовной сущностью мира. Под влиянием вероучений и внушений человек становится другим, ведёт себя по-новому с окружающими. В результате принимает и исповедует уже совсем иные нравственные нормы, ценности и идеалы, что благотворно сказывается на его поведении. Иначе говоря, религия (в данном случае речь о слове Божиим) меняет существенно характер и, собственно, стиль взаимоотношений людей в действительности. Хочется, чтобы так было, на самом деле нравственность прививается и культивируется.

Строгая нравственная оценка собственной жизни, предполагает скрупулёзный расчёт и поэтапное распределение всех поступков и действий с учётом своих возможностей, включая особенности природных данных и способностей. Давно следовало осознать и усвоить максимум: "Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня". Общечеловеческая мудрость – вовсе не пустые слова. Ведь действительно, "на каждом этапе жизни мы становимся не способными к тому, что могли сделать прежде" [19, 100], и потому "каждый миг нашей жизни должен быть совершенным, должен быть не спадом, а вершиной волны, не поражением, а победой" [19, 101].

Разумный и религиозный человек хочет понять, что такое жизнь. И вообще, и человеческая, личная и общественная, её тайный смысл, назначение, происхождение, развитие, совершенствование. Некая вещь или процесс, то ли только причастность к чему-то. Определённо не знаем, если даже что-то чувствуем, вполне не охватываем ни своим опытом, ни каким низшим чувством, ни разумом, нет сил и способностей. Божий дар больше человеческих возможностей, и мы не можем, никто из нас не способен уразуметь, сформулировать, обозначить, определить сразу всё. Есть, существует, происходит, длится, развивается, что-то случается в ней или с ней...

Вне сознания нет такого предмета, ибо жизнь в первую очередь как бы энергия и воля. Свойство живого в чистом виде не выделить, трудно отдельно уловить, связать и определить. То дух, абстракция, условность ума и отвлечённый символ, обозначает запредельное. Жизнь имеет некий смысл, непостижимую ценность и высшее предназначение. Хотя у каждого живого существа своё право, способности и возможности ощущать себя по-своему, место и роль в мире, и представлять других вокруг. Пусть вся жизнь во Вселенной необъятна, для нас она ещё какая-то и чья-то, может быть, и "как", "зачем", "для чего".

Сколько ни гадай, вряд ли когда-нибудь повезёт и познаешь до конца всё существенное о том, что же есть жизнь (или смерть). Всевышний также непознаваем. Никто из нас пока не в состоянии владеть теми знаниями, принципиально недоступными смертным, чтобы рассказать глубоко и доходчиво о происхождении жизни на Земле и о том, что происходит здесь и везде, сейчас и всегда. В вопросе непознаваемости мира испытываем порой сочувствие к агностикам и агностицизму. Пусть мудрецы в разной связи всё пытаются разгадать и раскрыть тайный смысл мироздания, предлагая свои версии случившейся великой трагедии, как и рецепты спасения.

Безусловно, что языковая способность человека, как божественный дар, от рождения, и тоже тайна бытия. Не объяснить жизнь творчеством, как одну загадку другой тайной. Следует заметить, что сказанное о творческом вымысле будет иметь такое же отношение и к характеристике и восприятию первой реальности. Как нельзя понять действие механизма творческой фан-

тазии, разъяв целое на детали и описывая их по отдельности, так же и тут. "Все религии считали способность речи во всём потенциальном богатстве звуков, форм, правил даром божьим, получаемым человеком вместе с жизнью" [244, 131].

53

Тема жизни в "Загадочном Китае"

Чтение умной книги призывает, приглашает и подталкивает к раздумьям, размышлению и в результате к тому или иному уразумению предмета, как и общение с философом и знатоком, более опытным, учёным, искусным и разумным собеседником. Мысль человеческая порождает мысль и продолжается, при этом все они, так или иначе, отличаются весомостью и глубиной, значимостью и значительностью... Каков мир, каковы мы в нём и наш образ жизни, представления, идеалы и способ реализации себя? Каковы также и другие народы, населяющие Землю и живущие вокруг нас? Пожалуй, всякое утверждение о мире и жизни человечества в какой-то мере сомнительно, небесспорно и может быть всякий раз оспорено и опровергнуто. Прочитаем и выделим важные для нас фрагменты текста, спорные и нет:

"Горы ведь тоже живут по-своему, и в них покоится и прячется своя жизнь. <...> "Это восхитительное нагорье, где за внешней неподвижностью скрывается жизнь, поистине достойная восхищения. Такие горы вызывают благоговейный трепет" [391, 18]. "Таримская впадина – величайший в мире бессточный бассейн. В центре её находится Такла-Макан, самая большая пустыня Китая. Её называют "местом, где жизнь запрещена", а находящийся в её пределах Лобнор известен как Мёртвое озеро. Здесь компанию солнцу и луне составляют лишь песок да ветер" [391, 21]. "Разнообразные климатические условия обеспечивают необыкновенное богатство животных и растительных форм жизни" [391, 35].

"Ранее считали, что давидия обёрточная, прекрасное декоративное дерево, давно вымерло. Однако в уникальной природной среде Китая оно возродилось к жизни и произрастает в провинциях Гуйчжоу, Хубэй и Сычуань" [391, 40]. "Задолго до появления человека на нашей планете уже была пышная растительность, и у неё есть право на жизнь. Цветы, травы и деревья, их красота и свежесть должны, как и встарь, радовать нас" [391, 42]. "Жизни не хватит, чтобы посетить каждый уголок этой страны, а описать словами её просторы и красоту просто невозможно!" [391, 43]. "Общественная жизнь "пекинского человека" представляет, по-видимому, самую раннюю стадию развития человеческого общества" [391, 52].

"Эти труды заняли у Юя тринадцать лет, и он трижды проходил мимо родного дома, не заходя в него. В конце концов усилия дали свои плоды. Наводнения стали затихать, и в долины вернулась жизнь" [391, 66]. "В эти времена сливались и делились философские и религиозные школы. Они

сравнивали между собой идеи и мысли, обсуждали их, реорганизовывали и суммировали, пока наконец система взглядов не стала принимать чёткие формы" [391, 87]. "Чжу Юаньчжан, основатель династии Мин, проводил политику, направленную на увеличение производства и на возвращение народа к нормальной жизни" [391, 91-2]. Что же есть "нормальная жизнь"?

"Жители юго-восточного Китая с давних пор считались культурными и цивилизованными в стране, однако когда дело дошло до борьбы за сохранение собственного образа жизни, они проявили себя более негибкими и настойчивыми, чем их северные сограждане, обычно считавшиеся самыми твёрдыми и храбрыми" [391, 95]. "12 мая 1925 года в возрасте шестидесяти лет великий революционер, всю жизнь борющийся за демократию, независимость и свободу своей страны, скончался" [391, 103].

"До сих пор остаётся загадкой, когда именно люди начали пользоваться языком. Язык – это то, что отличает человека от животного. Появление письменности стало большим шагом вперёд – она позволила человеку называть и объяснять различные вещи, запечатлевать чувства и мысли. История национальной письменности – неотъемлемая часть культурного наследия народа" [391, 111]. "Ведь из всех древних письменных языков лишь китайские иероглифы активно используются в современной жизни" [391, 116]. "Красота китайской каллиграфии обусловлена также личностью художника, его образованностью и отношением к жизни" [391, 123].

"Несомненно, у китайской каллиграфии есть много общего с китайской философией и этикой – любовь к природе, простота, сила. Она отражает их внутреннюю жизнь и духовные поиски" [391, 124]. "Что есть окружающий мир? Каковы отношения между ним и человеком? Вот основные вопросы китайской философии. Практически все великие мыслители Китая <...> считали самым главным ответ на вопрос об отношении между "тьань", или небом, и человеком" [391, 131]. "Таким образом, пока мудрец, то есть идеальный правитель, следует Пути, его подданные будут совершенствоваться, вести правильную жизнь и знать своё место в мире. Это не что иное, как применение принципа Лао-цзы "Путь следует Природе" к повседневной жизни и политике" [391, 134].

"Лао-цзы описывает свою утопию следующим образом: "Пусть ваше сообщество будет невелико и в нём будет немного людей; орудия пусть будут во множестве, но не следует зависеть от них; радуйтесь своей жизни и довольствуйтесь своим домом. Плавайте на лодках и ездите верхом, но не слишком отдаляйтесь; пусть у вас будет оружие, но не используйте его для нападений. Пусть каждый умеет читать и писать, сытно ест и делает красивые вещи. Пребывайте в своём сообществе в мире и довольстве; селитесь неподалеку друг от друга, но не зависьте от соседей" [391, 137]. Хорошие советы нам даёт философ.

"В молодости Конфуций вёл жалкую жизнь" [391, 138-9]. Жизнь у каждого своя, и она очень разная, достойная, трудная и удовлетворительная. Неудовлетворённость жизнью связана с неудовлетворённостью собой, пессимизмом. "По Мэн-цзы, следование принципу справедливости есть высшая форма доблести и морали. Чтобы не нарушить этот принцип, можно даже пожертвовать жизнью. Таким образом, пожертвовать жизнью во имя справедливости – самый мужественный поступок, который может свершить индивидуум". "Принцип "пожертвовать жизнью во имя справедливости" предполагает, что принцип важнее жизни" [391, 143]. "Глава шестая. Традиционный и уникальный образ жизни" [391, 145].

"В 1920 году английский философ Бертран Рассел посетил Китай. Характерные черты китайского образа жизни – миролюбие, постоянное совершенствование, прилежание, бережливость – послужили для него антитезой образа жизни Запада. Его наблюдения ограничивались лишь отдельными сторонами образа жизни китайцев, которые, однако, вполне соответствовали историческим традициям". "Семья – ключевое понятие китайского образа жизни китайцев, которые, однако, вполне соответствовали историческим традициям" [391, 147]. "Теоретически китайский образ жизни поддерживает гармонию и порядок между индивидуумом, семьёй и обществом" [391, 148].

Образ жизни – нравы и поведение, действия и деятельность, способ реализации себя, самовыражения, достижения своих планов, тут же ещё представление, мысли и идеалы. Повседневная наша жизнь, или обыденность, – и есть образ жизни. Китайский образ жизни – это целая философия и культура. Китаец – на то он и китаец, чтобы жить осмысленно, разумно, в его жизни всё продумано, рассчитано и оптимально. У них в цене достоинство, честность, почтение и уважение к предкам, родителям и старшим. В целом китайцы активны и амбициозны, расчётливы и экономны, всегда были изобретательны в промышленности и виртуозны в ремесле, азартны в игре, миролюбивы, рассудочны, но и злопамятны, холодны и жестоки, многие из них чванливы, исключительные гурманы.

"Другой существенной частью китайского образа жизни является забота о здоровье". "Многие китайцы практикуют гимнастику тай-чи, которая является одной из важных составляющих их повседневной жизни" [391, 154]. "Суть китайского образа жизни. Образ жизни, характерный для того или иного народа или региона, можно отнести к одной из двух общих категорий. <...> для одной категории характерны "конфликты, поиски, непрерывные революции, недовольства и разрушительность". Другая категория следует природе, отличается гибкостью и легко приспосабливается к изменениям, склонна к постепенному прогрессу, к миру и гармонии" [391, 155]. Китайцы столь разные, их очень много.

"Даосизм призывает к простоте. Изысканность видится как жизнь вдали от суеты, проводимая в общении с природой, в чтении, в игре в шахматы, рыбалке, прогулках по горам и берегам рек". "В соответствии со сменой времён года и погоды следует организовывать свою повседневную жизнь так, чтобы пребывать в гармонии с миром" [391, 156].

"Эти праздники – размеренный пульс китайской жизни". "Проявление национальной культуры можно видеть не только на праздниках или при других особых событиях, но и в повседневной жизни китайцев. В игре на лютне, в шахматы или при занятиях живописью важна не техника, а умонастроение". "Образ жизни китайского народа за простотой скрывает красочность, за хладнокровием – живость. Такой стиль жизни стремится к гармонии с природой и с другими, к простоте и сердечности, к чувству единения со всем сущим" [391, 161]. Конечно, когда и насколько в принципе всё это возможно.

"На китайскую историю исключительное воздействие оказал дзен-буддизм, повлиявший на каждодневные привычки очень многих людей. Высказывать то, что высказать невозможно, понимать слова, которые не были произнесены, вызывать тончайшие чувства и состояния души – это и есть дзен-буддизм. Вероятно, дзен-буддизм – лучший способ проиллюстрировать мистические стороны восточной культуры. Духовная сущность дзен-буддизма состоит в слиянии с природой и в достижении безмятежности и просветления" [391, 161].

"Это означает, что уже 7 или 8 тысяч лет назад люди выражали свои чувства танцами, и танцы эти были частью общественной жизни" [391, 167]. "Цзин Кэ, известный своим покушением на жизнь императора Цинь, был близко дружен с Гао Цзянли из царства Янь, выдающимся мастером игры на лютне чжу (род лютни, похожей на гунжэн, но на ней играют с помощью небольшого деревянного плектра)" [391, 171]. "Древнекитайская скульптура включает в себя, помимо изваяний, призванных сопровождать умерших императоров в загробной жизни, и изображения повседневного быта" [391, 181].

"Картины "Цян Ли Цян Шань Ту" ("Обширные земли") и "Цин Мин Шан Хэ Ту" ("На реке в день поминовения усопших") времён династий Тан и Сун изображают величественную красоту Китая и оживлённую городскую жизнь". "Сегодня многие западные художники работают в таком же стиле: они пишут картину, добавляют на полотно клеймо и используют буквы иностранного алфавита, изображённые в китайском духе. Это характерно для современной жизни и очень напоминает "западную пищу, поедаемую на китайский манер" [391, 176].

"Жизнь и смерть – важнейшие философские вопросы, и первым человеком в истории литературы, который их затронул, был Цюй Юань. Он сделал это раньше, чем Данте в "Божественной комедии", и гораздо раньше, чем Шекспир в "Гамлете" [391, 183]. К сожалению, многие из нас, европей-

цев, об этом даже не догадываются до сих пор. Люди Запада очень даже по-своему загадочные тоже, как и страна Китай. Или же мы необразованны и примитивны, как варвары? Конечно, несколько задавлены и запутаны, вопрос только: в чём, насколько и когда? Так сложно сравнивать культуры и спорно оценивать личности, ибо знания и ум относительны. Кто кого лучше знает и понимает? Судить придётся по результату, для этого иметь возможность самому выразить себя и, может, покорить мир.

"В "Песне Чи Лэ" народности сяньбэй говорится о жизни кочевого народа, и эта песня отличается силой, простотой и ясностью" [391, 185]. "После образования Китайской Народной Республики были найдены и опубликованы три великие эпические поэмы этой страны. В одной из них, тибетском эпосе "Жизнь царя Гэсара", миллион сто тысяч строк. Это самая длинная поэма в мире" [391, 187]. Саму жизнь, кажется, не объять и не исчерпать никакими словами и строчками, хотя эпос и поэма что-то да выражают и отражают всё же. "Конечно, есть работы, изображающие многолюдные сцены городской жизни, однако ни одна из них по своим художественным достоинствам не может сравниться с утончённой красотой этих шедевров" [391, 192].

"Так называемые "поучения и наставления" определяют отношение автора к персонажам и событиям с точки зрения морали, и эти критерии позволяют судить, кто из персонажей "плохой", а кто "хороший". Иногда такой подход приводит к упрощённому изображению персонажей. Однако традиция, согласно которой произведения искусства должны исправлять нравы и "вмешиваться в реальную жизнь", вполне понятна". "Хотя почти все произведения искусства, дошедшие до нас из глубин веков, реалистически отражают жизнь тех времён, и для выражений идеалов и чаяний в них используется свободный полёт фантазии" [391, 195].

"В-пятых, китайское искусство предпочитает выразительность, тогда как западное больше внимания уделяет копированию. То есть китайское искусство делает акцент на ощущениях художника, на его личном понимании и восприятии жизни, на выражении своих идей посредством собственных способов. Поэтому использование символизма и абстрактного экспрессионизма является совершенно естественным" [391, 196]. Искусство – выражать себя, свои чувства, а не следовать образцам, повторяя других. Конечно, это серьёзный творческий труд, намного сложнее подражания и имитации.

"Хорошая жизнь – это спокойная жизнь без войн или столкновений" [391, 205]. Это касается не только международной и общественной жизни, то же самое относится и к производству, и к нашему быту. Почему люди живут плохо? Потому что недобрые, злонамеренные и завистливые. Отношение зависит от личности, от человеческой природы и культуры, его сущности. "Мудрые советники должны помочь императору и его народу вместе

решить, стоит ли воевать, научить не бояться предстоящих трудностей и защищать достигнутое согласие не на жизнь, а на смерть" [391, 206].

"Трактат Сунь Цзы "Искусство войны" начинается со слов: "Война – это великое дело государства, основа жизни и смерти, путь к выживанию или гибели. Это нужно тщательно взвесить и обдумать" [391, 208]. "Независимо от остроты политического конфликта, перед тем как прибегнуть к оружию, следует тщательно взвесить всё: жизнь, будущее, само существование государства" [391, 209].

"Восторгаться чаем, смаковать чай и обсуждать его достоинства – всё это воплощает в себе уникальную философию китайской повседневной жизни" [391, 224]. "Цзу Чунчжи всю жизнь провёл при дворе Южной династии и достиг в науках многого" [391, 228].

"Некоторые из этих вещей доставляли ни с чем не сравнимое удовольствие, другие были практичны и обладали художественными достоинствами, а третьи полностью изменили образ жизни и легли в основу современной цивилизации" [391, 230]. Компас, порох, китайский фарфор, шёлк, чай, бумага и пр. "Китайская медицина в состоянии обеспечить вечную жизнь и процветание китайского народа" [391, 234]. "Символ инь и ян он [Нильс Бор – В.Л.] сделал своей семейной эмблемой и всю жизнь не устал восхищаться китайской культурой" [391, 235]. Конечно, трудно бывает порой отличить со стороны, где китайское высокомерие и чванство, а где там национализм и законная гордость своей историей.

"Ли Чжи (1527-1602). Он защищал эгалитаризм в обществе, утверждая, что "любой человек – прирождённый мудрец" и что "мудрые мысли присущи любому человеку" [391, 241]. Интересная мысль! Так ли это на самом деле? Во всяком случае, такое рассуждение может быть продуктивным: и пусть каждый в своё время сможет что-либо открыть хотя бы для самого себя. "Ли был арестован и позднее умер в тюрьме. Он был проницательным мыслителем, однако, подобно другим китайским философам, погряз в повторах и критических нападках на мысли и писания других, не имея при этом собственных оригинальных идей" [391, 241]. Конечно, все люди, и мудрецы в том числе, неоднозначны, они такие разные.

"Китайская цивилизация – это цивилизация, которая всегда учится у других" [391, 243]. Ой! хотелось бы. Но с этим утверждением можно было бы поспорить: далеко ведь не всегда так. А "политика закрытых дверей"? Тут же, чуть выше, читаем: "Культурный спад усиливался проводимой властями "политикой закрытых дверей", затруднявшей общение с зарубежными культурами" [391, 243]. "Так называемая традиция – это не застывшее прошлое, а динамическое развитие, продолжающееся бытие, процесс, который объединяет прошлое, настоящее и будущее" [391, 247]. И жизнь в целом – то же развитие.

Современный китайский автор по-своему видит и объясняет мир, который складывается из его таинственного прошлого (истории), противоречивого и спорного настоящего (текущей жизни) и всегда сомнительных планов на будущее. Из таких безупречных и относительных суждений, взглядов и проекций обычно формируется мифология, философия и то или иное мировоззрение, которые в свою очередь влияют и сказываются затем на всех нас. Твоя жизнь и взгляды обеспечиваются всем обустройством мира. Все научные сведения и знания о нашей жизни в совокупности улавливают и устанавливают движение и развитие, поток, многообразие и разнообразие отражений разных миров, их срезов, скоплений и сколков.

Китайцы и в самом деле – энергетически, пожалуй, самая мощная нация в мире (дело даже не в численности населения), жизнелюбивая, долговечная и жизнестойкая, к тому же, действительно, историческая, культурная и древняя. На протяжении многих веков и тысячелетий народ этот во всех отношениях трезвый и трудолюбивый, терпеливый, деловой и практичный, предприимчивый и настойчивый, любознательный и прилежный, торговый и бережливый, не в последнюю очередь организуемый и организованный, рассудительный и разумный. Там уважают традиции, гордятся своими историческими достижениями, хранят в памяти прошлое. Для них всегда есть что-то важнее тебя самого – и это принципы.

История Китая – это в первую очередь международные связи страны чудес, в которой есть Великая китайская стена и подземные пирамиды.

И всё равно мы не знаем и, по сути, не понимаем, что такое жизнь, всё путаемся в её определениях и самых разных о ней суждениях, коих бесконечно много было уже высказано в разное время и разными лицами. Безусловно, жизнь вообще значительно величественнее и больше моего ума и сильнее возможности и способности человеческого сознания (понимания), и именно оттого или поэтому она не раскрывается и не осознаётся никем полностью, во всех её таинственных связях. Как "форма существования белковых тел", таится она в том или ином существе и заключается в том или ином существовании – иными словами это нечто, т.е. жизнь, безусловно, как бы существует, есть, имеет место и находится где-то, значит и развивается в какой-то зоне и звене мироздания.

Точно, определённо и однозначно мы не постигаем всей её, жизни, сущности и смысла, хотя иной раз, может, покажется кому, что всё же кое-что, хотя и, пожалуй, не самое важное, в ней нами раскрыто и нам уже как-то знакомо, как бы даже доступно кое в чём. Конкретная жизнь, к примеру, относительно протяжённа и длительна, но, конечно, не вечна и бесконечна: во мне и в тебе, с нами, она длится определённо-неопределённое время, а потом куда-то исчезает, как бы растворяясь во Вселенной. Продолжительность, или длительность, жизни у всех нас, очевидно, разная, как и время, наша очердность

в поколениях. Земная жизнь человека, в действительности, изменчива, противоречива, суетна и хрупка. И мы причастны к ней временно, более или менее, т.е. относительно, кратковременно или долговременно.

Может быть, во-первых, жизнь – это дух, бог, высшее начало мира и какая-то мистическая связь с ним, назовём Всевышним. Кажется, во-вторых, жизнь – это также соединение и определённое состояние и стадия мироздания. В-третьих, жизнь – это, возможно или вероятно, всё или почти всё, что в нас и вокруг нас. И тело, и сознание, и связи – часть жизни. Понятие жизни включает бесконечность, вечность, высшее развитие и движение, в ней противоречия и разнообразие мира. Хотя, очевидно, в-четвёртых, есть что-то ещё дальше и глубже собственно идеи жизни – процесс, ход, путь, причина и следствие. Зададимся вопросами: 1) Что в жизни наблюдается и встречается нам? 2) Без чего люди и другие не обходятся в жизни, что предпочитают? 3) Без чего не обходится и чем поддерживается наша и вся жизнь? 4) Как именно жизнь проявляется и с чем она связана? Попробуйте-ка перечислить в целом, назвав всё, что окружает и касается нас в этой жизни.

Что может означать фраза: "Жизнь даётся человеку один раз". Метафизический смысл: кем даётся и как это? Жизнь – насколько и в какой мере случайность, фатальность, закономерность? Значит, она и отнимается: мы лишаемся жизни (попытайтесь раскрыть, чего именно?). Говорят, что жизнь не состоялась, не удалась, не вышло по-нашему, не так всё это однозначно и просто. Жизнь неслучайно ассоциируется с насилием и угнетением, завоеваниями и убийствами, борьбой и противоборством, соперничеством и сотрудничеством, деньгами и финансами, экономикой, промышленностью и сельским хозяйством, образованием и медициной, живописью и музыкой, искусством и спортом, не перечислить всех форм и сфер культуры и деятельности.

Можно предполагать, гадать и иногда, может быть, догадываться, выдвигая разные версии (предположения) в своих рассуждениях о жизни, но никак не связать и не согласовать их между собой, и не объять необъятного. О ней можно говорить бесконечно много, долго и по-всякому, получится самое разное повествование, противоположное и противоречивое по смыслу. Но любая частность есть случайность, и потому она выборочна и неокончательна. И как нельзя снять один единственный кинофильм о целой жизни, так и не исчерпать, тем более, определения всей жизни одним законченным сюжетом и иллюстрацией. Наши суждения о жизни часто путаны и связаны с пустословием, болтовнёй и бессмыслицей.

До сих пор, сколько уже прожил, наблюдаю и думаю, я не знаю вполне, досконально и определённо, что такое жизнь (какая-то энергетическая субстанция, в чём именно?), но раз уж она как бы есть в чём-то, то, выходит, на чём-то жизнь всё же держится как-то, так или иначе. – Может быть, сперва и сразу нужно разобраться и понять или договориться, в каком это смысле

"держится", если держится? – Строится, стоит и содержится, находится и поддерживается, крепится и подпитывается, удерживается и всё продолжается, развивается, одним словом, происходит где-то или играет какую-то роль в чём-то. – А не может ли быть, что она всего лишь некая относительность и условность? – То есть, иначе говоря, чистая словесность, умственность и отвлечённость, как бы мудрствование или хитрая договорённость, просто-напросто уловка? – Во всяком случае, жизнь в чём-то кроется, умело и изощрённо скрывается, разумно прячется и воплощается. Тем не менее, пока никто, кажется, не знает, есть ли самостоятельно и отдельно то, что называют "жизнью". Или сложней – чьей-то "жизнью", допустим, нашей собственной. Понятия, мысли и смыслы, обычно связываются, сочетаются и противопоставляются, а также разбиваются и раскладываются на составные части, целостность и совокупность детализируется и разлагается. Как и сами мы, образ жизни бесконечно всё же многолик и расплывчат. – Но в этом утверждении, по сути, ещё нет ответа на вопрос: есть ли всё-таки где-то жизнь и, особенно, что же есть сама жизнь?

Планета Земля и жизнь: наше местопребывание и обиталище, раз уж мы есть, то вот где-то здесь. Конечно, жизнь занимает некое пространство, называют его жизненным. Кажется, улавливается самая непосредственная (бесспорная?) связь между этой планетой и нашим существованием, это естественно и само собой разумеется, ведь все мы земляне, не марсиане. Выходит, что жизнь в первую очередь – это земное наше бытие, или существование. Согласно установившимся представлениям, жизнь определённо имеет только лишь одну прописку, пока инопланетяне под сомнением. А где-то, в ином измерении, запредельном, скрывается мистический рай и ад. Вся же жизнь, земная и загробная, а теперь ещё и инопланетная, пожалуй, остаётся важнейшим предметом и заводом религиозной и философской мысли.

Человек – существо конечное и ограниченное, так что вряд ли мы в силах объять внутренним взором, своим разумом-разумением, весь мир (не тонкий окружающий нас слой), дабы дать исчерпывающую характеристику безграничной Вселенной, как и сложного физического и социального устройства жизни, ибо в целом и в общем она, жизнь, видимо, являясь какой-то важнейшей частью таинственного процесса вечности, тем самым также божественна, как и продолжающийся пространственный мир, и потому жизнь до конца не постижима ни по происхождению, ни по самой сути и назначению. Все мы в совокупности, единстве и целостности – человечество – представляем какой-то важный фрагмент и срез (может, фракцию?) жизни, являя собой животный, очень даже греховный и несовершенный вид.

И вокруг всех нас тоже живая действительность, живое окружение и жизненная среда, или пространство жизни. Малая часть сущего, таким образом, включается во всё больший круг и находится в огромном простран-

стве существования, безмерной и безграничной целостности и подвижности мира. Представляя собой создание и семью, малый диапазон общения и объединения, все мы вписаны в больший объём жизни (общественную группу и сословие), и круг всё расширяется, впрочем, как и сужается. Жизнь распределяется и распространяется по миру последовательно и волнами. Жизнь, естественно, рождается, происходя из живой клетки, и различается своими видами, формами, объёмами, организацией и значительностью. Мощный слой жизни имеет полевую структуру и не укладывается целиком и полностью в одном моём сознании.

Всё это связано с тем, что жизнь одна и разнообразна, бесконечно разнообразна и неисчерпаема, как мир божий, – не только лишь одна Земля, хлеб и тепло, но все её запасы, ресурсы, отложения, наслоения, отношения, деятельность, намерения и перспективы тоже. Легко убедиться в правоте сказанного, если попытаться хотя бы исчислить и перебрать все важные слова и мысли, касающиеся бытия и быта, нашего предмета и темы. Придётся убедиться в том, что всё содержание нашего словаря, имена и названия, чуть ли не полностью, так или иначе, исчерпываются в понимании и раскрытии понятия, в описании и характеристике нашего существования и осознании всей жизни. И каждый из нас в своё время может прийти к открытию, обнаружив ту или иную новость, найдя определённо что-то значимое в данный момент для себя и, в общем-то, временное, всё-таки какую-то жизненную случайность и частность.

IV. Непостижимость жизни

Из чего проросли мысли

Столь тесно связаны слова и смыслы в контексте, что не всегда отличишь их семантически. В осадке имеется масса размытых и скрытых значений, из лексикографии исключённых. При составлении словарных статей трудные случаи употребления отсеиваются и отбрасываются. На практике "неясные" смыслы слов, недостаточно чётко раскрываемые значения, существуют стихийно в некоем зазоре фразеологии, вне упорядоченного пояснения в словаре. Важно тот живой материал собрать отдельно и как-то истолковать, помня Потебню, который отдавал предпочтение такому живому словоупотреблению в свободной речи.

При посредстве языка-речи развиваемся в общении. Без передачи опыта и трансляции знаний не то мышление. Почти всё осознаём, многое накапливая в памяти, – так духовно обогащаемся. С пояснениями легче вникать в отвлечённости, понимать вероятное и принимать на веру странности. Язык необходим для углублённого познания сущности и сложных проявле-

ний психики. Без голосов мир глух, тогда в нём нет споров. Окружение и среда, насыщенные трудом, учат способам выживания, подсказывают мудрости. Сама жизнь – как бы великая книга, страницы её, придёт время, преобразуются в историческую летопись и жизнеописание.

В итоге можно заключить, что "жизнь" – одно из самых значимых и широко используемых русских слов. Во множестве контекстов всё больше накапливаются его смыслы, усложняя семантическую структуру и нагружая память языка. Соответственно, усложняется описание и статья в словаре. Из всего сказанного следует, что непросто разобраться в системе значений и значимостей этого слова, чтобы дать ответ, что же оно означает в целом и в частности, как лучше изъяснять и понимать предмет. В четырёхтомном Словаре языка Пушкина [303] предлагаются следующие толкования значений, или лексико-семантических вариантов, слова.

ЖИЗНЬ. 1. Физиологическое существование человека. // Существование человека за время от его рождения и до смерти. /вся жизнь. //Жизнь вечная (о существовании за гробом, после смерти). //Совокупность всего пережитого, переживаемого или сделанного человеком. // Жизнеописание, биография. /то же, в составе названий жизнеописаний некоторых исторических лиц, писателей и т.п. 2. Развитие чего-н.; деятельность во всей совокупности её проявлений (общества, государства). 3. Жизненный уклад, способ, образ существования, времяпрепровождения. 4. Окружающий мир, реальная действительность во всей совокупности её проявлений. //Жизнь поднебесная (окружающий реальный мир). //Жизнь неземная (мир, существующий в воображении, нереальный). 5. Жизненная сила, энергия, внутреннее воодушевление. //Оживление, свойственное природе. //О жизненности, действительности литературного произведения, о его выразительности, живости. 6. Самое дорогое, ценное для кого-н. <в знач. сказ.>. //то же, в обращении.

Хотя сложно, следует разобраться в семантике ключевого слова, многозначного, семантически ёмкого. Надо как-то умудриться найти способ разъять связи и смысловые спайки, разграничить и разъединить лексико-семантические варианты и вариации в объёмном соединении реальных толкований, как и всевозможных сплетений нюансов – осмыслений – слова. Несмотря на кажущуюся очевидность и ясность проблемы, на вроде бы доступную всем простоту задания, на деле же вовсе не так просто разобраться и определиться во всех тонкостях значения слова, в значимостях и смыслах многозначной единицы языка, широко употребляемой в речи.

Как-то студенты-иностранцы спросили, что такое настроение. Настроение – временное состояние и свойство психики живого существа (человека). Объяснить непросто. Нет опыта и контакта, нет и понимания. Настроение – от борений духа или души. Но и это надо пояснить, чтобы поняли. Пока же дополнительно ещё одно неизвестное. Студенты "догадались" и

обрадовались после того, как я привёл примеры, сыграв, "изобразил", что это такое. Толкование никак не помогало. Пришлось показывать, что это. И таких слов, неизъяснимых словами, немало. Надо учиться и привыкнуть, чтобы умудриться доносить их до сознания. Жизнь – такое же слово. Дело не только в том (вовсе не в том), что оно многозначно. Едва ли не каждое второе словоупотребление – связанное значение, обусловлено контекстом. Вот и приходится заниматься сценками да картинками. Это слово – иероглиф, связка представлений.

Перебираю карточки, вчитываясь в контексты. Разные формы и смыслы. Вот пространственно-временное значение предложного падежа (где и когда?), **в жизни** что угодно происходит, случается, творится, находится и имеется. В творительном падеже обнаружился мистический смысл. Осмысление действительности в свойстве и способности существования многих представлений. В ряде случаев значение слова "жизнь" нельзя раскрыть чётко, хотя легко произносят фразу, и не возникает проблем. <> Жить полной жизнью. Качество жизни. В мире живёт разный дух, не только в нас. Живой и таинственный, проявляется во всём, таков религиозный и магический подтекст, подкладка слова.

Далее многое подскажут словоупотребления в цитатах из Яна Парандовского. См. его замечательную книгу "Король жизни", об Оскаре Уальде:

"Но он и не собирался тратить жизнь на накопление вещей или их символов. Жить – значит заниматься самым редкостным делом в мире, где большинство только существует. Жизнь представлялась особым искусством, требующим собственной формы и стиля. Он хотел быть чем-то исключительным и будоражащим, хотел совершать дела, неожиданные для умов, погрязших в логике будничного бытия" [244, 466].

Вот ещё контекст и пример словоупотребления: "Он упивался обществом увешанных орденами политиков, министров, лордов, герцогинь. Зорким взглядом человека из другой среды он подмечал смехотворность, пустоту, глупость этих людей, собирал коллекцию редких экземпляров, которых потом вывел в комедиях, однако таял от их лестных для него рукопожатий, разделял все их предрассудки, не представлял себе жизни вне их круга" [244, 487]. В данном выше фрагменте перечислены должности и звания лиц высшего сословия. Вместе с тем рассуждение оценивает характер общественных связей и отношений зависимости, в лестях и предрассудках.

"Перенестись в вымышленную жизнь, преобразить своё собственное жалкое тело и невесёлые семейные отношения в свежую красоту, в существование приятное и яркое, свои положительные качества довести до степени идеала, а собственными недостатками наделить персонажей, обречённых на неуспех, или, наоборот, недостаткам придать блеск добродетели" [244, 40]. "И не стоит насмехаться над наивностью иных читателей, заклиная-

щих в своих письмах авторов сохранить жизнь героям в тех случаях, когда в очередном отрывке печатающегося в газете или журнале романа появляются намёки на то, что этим персонажам угрожает гибель" [244, 41].

"В этом отношении писатели оказываются неизменными коллегами философов, учёных, художников, изобретателей – людей, одержимых какой-нибудь идеей и способных ради неё пожертвовать всеми другими соблазнами жизни" [244, 64]. Разве не интересно было бы узнать, какие ещё есть соблазны в жизни, и что это за прелести такие?

"И кто скажет, будто Диккенс, Гамсун, Реймонт, Конрад, Горький, прошедшие сквозь столь разнообразные жизненные испытания, не нашли в них и ценнейшего материала для своего творчества?" [244, 74]. "Единственное, в чём мы можем удостовериться, наблюдая отдельные случаи, а все они чрезвычайно отличаются один от другого, – это в способности писателя претворять в новое и неожиданное целое бесчисленные фрагменты действительности, как внешней, почерпнутой из окружающей среды, так и внутренней, идущей от собственной психики. Последние гораздо важнее" [244, 75]. Вероятно, есть основания считать и говорить именно так.

"Кем бы он ни был, каковы бы ни были его жизнь и мировоззрение, но в минуту, когда он это писал, он и в самом деле был монахом, братом тех, чей образ проник в его душу, пробудив в ней тоску по сосредоточенной внутренней жизни, которую так трудно себе добыть в повседневной суете" [244, 103].

"Жизнь чувств описывалась в терминах мистической философии" [244, 480]. "Там всё было без перемен. Он мог слышать, как ровно и спокойно дышат в своих комнатах дети и жена. Опять перед ним будничная повседневная жизнь, которую надо продолжать с того места, на котором он её несколько часов назад оставил, жизнь, где царят необходимость и обыденность" [244, 488]. "Оскар познакомился с ним через месяц после окончания своей повести и счёл этот необычный случай лучшим доказательством своей теории о том, что жизнь подражает искусству" [244, 496]. "Стоит создать прекрасное произведение искусства, чтобы жизнь тотчас его скопировала" [244, 496]. "...то, что могло бы показаться пустяком и обычно таковым является в жизни писателя – светские связи, одежда, наслаждение роскошью, – имело у него такое же значение, как подлинное творчество, а порой даже большее" [244, 509]. "Искусство я рассматривал как высшую действительность, а жизнь – как один из видов вымысла [244, 513]. "То был великолепно развитый эпикуреизм молодого Мария из романа Уолтера Патера, утончённая алхимия, добывающая из будничной жизни столько поэзии и изящества, что их хватает прикрыть всё остальное, жалкие лохмотья дней наших, которые за этим ореолом исчезают, просто перестают существовать" [244, 513]. "Жизнь должна стать самым опытом, а не плодом опыта – неважно, сладким или горьким" [244, 518]). "Если бы хоть один человек прожил свою

жизнь со всей полнотой, если бы он нашёл форму для каждого чувства, выразил каждую мысль, осуществил каждую мечту, мир охватил бы такой свежий порыв радости, что люди забыли бы о всех недугах средневековья и вернулись бы к эллинскому идеалу, а быть может, и к чему-то более тонкому и богатому, нежели эллинский идеал" [244, 518]. "Жизнь с Дугласом была бесплодным мотовством. В тюрьме Оскар нашёл время подсчитать потраченные им крупные суммы" [244,] (С.526). "Флобер, Стивенсон, Бодлер, Метерлинк, Дюма, Ките, Марлоу, Чаттертон, Кольридж, Анатолий Франс, Готье, Данте, Гёте. Он взглядом перебирал эти имена, будто струны. От них исходили звуки его любимых ритмов, изливались образы творческих грёз, которым довольно шелеста переворачиваемых страниц, чтобы в них кипела неустанная жизнь" [244, 602]. "Жизнь делала грозное напоминание – будущее, возможно, уже не пойдёт дальше дворов, лестниц и прихожих" [244, 611]. "Я глубоко убеждён, – писал он Россу, – что всякое сожаление о прошлом бессмысленно. Ничто не могло сложиться по-иному, жизнь – ужасная штука" [244, 620]. "Как-то он стал рассказывать сон, в котором он видел себя среди умерших, ел и пил в их кругу. – Уверен, – сказал Тернер, – что ты был жизнью и душой этого пира" [244, 624-5].

Экология планетарной жизни

1

Совсем иное и особенное значение у жизни в природоведении. Это сложная форма энергии: "Ничтожнейшей частице вселенной, атому мироздания, – планете Земле присуще великое явление – жизнь. Она разлита могучим потоком всюду по её лицу. Носители этой сложной формы энергии, организмы, наполняют как поверхность суши и неглубокие её горизонты, так и воды и прилежащие слои атмосферы. Менее интенсивно проявляющие жизнь, неподвижные растительные организмы одевают сушу почти сплошным покровом лесов, кустарных и травянистых зарослей бесконечно разнообразных по комбинациям входящих в них видов растений, покровом то более, то менее пышных в зависимости от тех климатических и прочих условий, которые свойственны различным пунктам земной поверхности. Эти леса и заросли служат в свою очередь приютом бесчисленному количеству энергичнее живущих представителей животного царства – зверей, птиц, насекомых и проч. Некоторые из них не ограничиваются этим убежищем и проникают в воздушную среду и кишат там мириадами.

Не менее могуче жизнь развита и в водной среде, особенно в тропических морях, где также есть свои леса и заросли, образованные как растениями, так и некоторыми неподвижными, подобно им, животными. И трудно сказать, чтобы жизнь здесь, по разнообразию форм организмов или, по край-

ней мере, по количеству индивидов, была менее обильной, чем на суше. Но ведь существует ещё целый мир растительных и животных организмов, которые, благодаря их микроскопически малой величине, не принимают участия в картине тех ландшафтов, создаваемых комбинациями растений и животных, которые наблюдаются невооружённым глазом" [166, 1-2].

Действительно, "такая сложная форма энергии, каковой является жизнь, может быть функцией лишь тоже очень сложной формы материи" [166, 5]. И в то же время общеизвестно, "какая огромная разница в проявлении жизни у бактерии и высшего представителя органической жизни" [166, 7].

2

В поисках достоверных источников и контекстов толкования жизни обратимся к биологии. В ней утверждается, что "жизнь проявляет себя через живые организмы – сложнейшие биологические системы, нацеленные на самовоспроизводство и выживание" [102, 36]. Биологи изучают и описывают конкретные формы органической жизни, растительной и животной. При этом широко используется основополагающее научное понятие онтогенеза, толкуемого как "индивидуальное развитие особи, вся совокупность её преобразований от зарождения до конца жизни" [162, 11] (Ср.: филогенез). Конец и прекращение жизни – смерть, загадочна и непонятна, мистика.

"Настоящие хозяева Земли – бактерии, а не люди!", – с этим убеждением авторитетного учёного Жан-Клода Пешере сегодня согласятся многие микробиологи и медики. <...> Им всё нипочём: комфортно живут и безумно быстро размножаются практически в любых условиях, даже тех, которые совершенно не ассоциируются с понятием "жизнь" [324, 70]. Спросим себя, какие же условия связываются в нашем представлении с понятием "жизнь", какие нет. Уже школьнику известно, что, к примеру, вода поддерживает жизнь, также кислород воздуха, пища, тепло. Напротив, высокая радиация приводит к заболеванию, а то и к смертельному исходу.

В свободной жизни у всех живых организмов от одноклеточных бактерий (наверное, и доклеточных организмов вроде вирусов, фагов) до сложных многоклеточных высших организмов всегда существуют "волны жизни". Они могут быть "различны по своей природе, прежде всего по распределению своему во времени". "Life waves" – эти слова "жизнь" и "волны" – как-то в английском языке никогда не встречаются вместе, неподходящие друг другу слова. А популяционные волны на всех конгрессных языках звучат одинаково непорочно. А суть дела та же" [322, 39]. Речь о популяциях, природной форме единения и совместного развития организмов.

"Несмотря на множество научных определений и формулировок разного рода мы не знаем до сих пор, что такое жизнь в сущностном плане. Как и не знаем, где, когда и при каких обстоятельствах (на Земле или вне её) она впервые возникла" [167, 10]. А то, что есть, – только лишь проекты. "Ибо

что бы там ни говорили, а жизнь (если иметь в виду её единственное, достоверно известное нам состояние) – это природная кибернетическая система, в основу которой положена линейная строка генетического текста, или, попросту говоря, генетическая нить". Жизнь на молекулярном уровне, по словам А.В.Кулика, любит "строевую дисциплину" [167, 13].

Космическая гипотеза происхождения жизни, небесная загадка, связана с тем, что, как считают специалисты, "ответы на эти вопросы позволят приблизиться к разгадке одной из величайших тайн природы – понять, где и как зародилась жизнь". "Так, в определённом классе метеоритов – углистых хондритах – обнаружено, по крайней мере, восемь видов аминокислот, идентичных тем, что присутствуют во всех проявлениях жизни на Земле". "Лишь в последнее время идея о том, что "космические" аминокислоты могут быть причастны к происхождению земной жизни, стала восприниматься как научная гипотеза, имеющая право на жизнь" [125, 63].

Человечество вынуждено осознать неустойчивость и шаткость своего существования. Предпринимаются робкие и явно недостаточные шаги, чтобы избежать кризиса на пути предотвращения техногенных катастроф и смертоносного заряда из-за использования грязных технологий жизнеобеспечения населения Земли. "Обособление геоэкологии в отдельную дисциплину вызвано глобальной угрозой разрушения биосферы – земной оболочки, где существует Жизнь – этот удивительный феномен Вселенной, обладающий огромной созидающей силой и вполне заслуживающий почтительного обращения и написания с большой буквы" [102, 36]. Этого явно мало.

"С тех пор как человечество осознало парадоксальный, но непреложный факт своего существования во Вселенной, не утихают споры – уникальны ли жизнь и разум или повторяются где-нибудь среди миллиардов галактик? <...> Удивительно быстро скепсис в вопросе о возможности существования внеземной жизни сменился эйфорией. Посыпались утверждения: во Вселенной десятки миллиардов планет, на которых существует жизнь". "Жизнь от простейших бактерий до разума есть результат использования природой возможности роста подобного "упорядоченного" беспорядка за счёт иерархии структур" [363, 18].

3

Физическая модель органической жизни – отнюдь не самая доступная для нашего понимания. Однако приходится и в ней хоть как-то разбираться. Деятельность субъектов живого мира рассматривается как проявление общих закономерностей природы. Всё известное о структуре живой материи подтверждает, что жизнь подчиняется законам физики. Основоположником учения об энергетизме считается В.Оствальд, швед и физико-химик. Концепция сводится к признанию живой материи самосохраняющимся и самоснабжающимся очагом постоянных и установившихся превращений энергии.

Л.Больцман, австрийский физик, в конце XIX века рассматривал жизнь в рамках законов термодинамики. Он понял, что существование жизни базируется не на борьбе за вещество, коль скоро химические элементы органического вещества в избытке в воздухе, воде и земле, или же за энергию, в форме теплоты щедро рассеянную в телах. Она сводится к всеобщей "борьбе за энтропию, становящейся доступной при переходе энергии от пылающего солнца к холодной зиме" [341, 76-7].

Этот взгляд поддержан такими учёными, как Тимирязев, Ферсман, Вернадский, Опарин, Умов, Пригожин, Шредингер и др. Как образно выразится Н.А.Умов, "живую материю можно уподобить горячей лампе, которая сама добывает сжигаемое масло" [342, 350]. Ни самосохранение, ни сопротивление не представляют достаточных и необходимых признаков жизни. Отвергая витализм и вульгарный механицизм, он предложил рассматривать жизнь как особую систему, "которая производит работу по удержанию и развитию антиэнтропийных состояний за счёт увеличения энтропии вещества природы" [341, 80].

Согласно выведенной им формулы, стройность есть характерный признак живой материи. Необходимыми условиями для существования живой материи являются энтропия (беспорядок) и стройность. Благодаря полярности противоположных начал возможна жизнь. "Эволюция живой материи в общих чертах увеличивает количество и повышает качество стройностей" [341, 81], или степени целенаправленности, организованности, упорядоченности. Значение энтропии в проявлении различных степеней свободы, приводящих к реальному многообразию природы, вследствие чего в конечном счёте стало возможным столь маловероятное событие, как жизнь [341, 82].

Вселенная Умова – это океан пустоты и капля материи. "Участие случая, а не сознательного творческого акта в происхождении жизни, подтверждается как чрезвычайным, не оправдываемым никакой целью, разнообразием форм живого, так и количественным преобладанием форм элементарных сравнительно с более сложными" [342, 337]. "Если материя есть маловероятное событие во Вселенной, то какую же ничтожно малую вероятность представляет собой осуществление жизни!". И как резюме: "Жизнь есть пасынок Вселенной" [341, 84-5].

"Вся история Вселенной от момента сингулярности до возникновения человека – предстаёт как единый процесс материальной эволюции, самоорганизации, саморазвития материи" [220, 428]. "Без роста энтропии мы имели бы миры от века живые или от века мёртвые" [342, 353]. Отрицательная энтропия (негэнтропия, или эктропия, приспособление отбора) – суть пища. "У высших животных мы достаточно хорошо знаем тот вид упорядоченности, которыми они питаются, а именно: крайне хорошо упорядоченное со-

стояние материи в более или менее сложных органических соединениях служит им пищей" [385, 76].

По Шредингеру, "жизнь – это упорядоченное и закономерное поведение материи, основанное не только на тенденции переходить от упорядоченности к неупорядоченности, но и частично на существовании упорядоченности, которая поддерживается всё время". При этом живая материя избегает перехода к равновесию, а живой организм представляется ему "макроскопической системой, частично приближающейся в своих проявлениях к чисто механическому (по контрасту с термодинамическим) поведению, к которому стремятся все системы, когда температура приближается к абсолютному нулю и молекулярная неупорядоченность снимается" [385, 71].

Материя считается живой, когда тело, участвуя в обмене веществ с окружающей средой, продолжает двигаться и "делает что-либо" в течение более длительного времени, нежели неодушевлённая материя в сходных условиях. В неживой системе, изолированной в однородных условиях, достигается состояние, при котором не происходит заметных событий, движение прекращается в результате различного рода сопротивления среды и трения. На языке физики такое состояние называется "термодинамическим равновесием, или состоянием максимальной энтропии" [385, 72].

Питание "отрицательной энтропией" является характерной особенностью жизни. Живая материя противится механическому переходу живых тел в инертное состояние "равновесия", потому жизнь с древнейших времён кажется загадочной. Философская мысль допускала участие в жизни сверхъестественной силы (энтелехия). Живой организм избегает перехода к равновесию благодаря тому, что он питается, дышит и (у растений) ассимилирует. Для этого есть специальный термин – метаболизм (*греч.* обмен). Имеется в виду обмен веществ, что представляется нелепостью. Любой атом азота, кислорода, серы и т.п. одинаково хорош, как любой другой атом того же элемента, ничего не достигается их перестановкой. Каждая калория имеет одну ценность с любой другой, и непонятно, чему может помочь просто обмен калорий.

Что же составляет то драгоценное нечто в пище, что предохраняет от смерти? Каждый процесс, явление, событие и всё, что происходит в природе, означает увеличение энтропии в той части Вселенной, где это имеет место. Живой организм непрерывно увеличивает энтропию и, производя энтропию, приближается к состоянию максимальной энтропии, или смерти. Можно избежать опасности и остаться живым, извлекая из окружающей среды отрицательную энтропию – нечто весьма положительное, чем организм питается. Выражаясь менее парадоксально, в метаболизме существенно то, что организму удаётся освободиться от всей той энтропии, которую он производит, пока живёт.

Что такое энтропия? Вовсе не туманное представление или идея, но измеримая физическая величина, такая же, как длина стержня, температура тела, скрытая теплота плавления кристалла или удельная теплоёмкость вещества. При температуре абсолютного нуля энтропия любого вещества равна нулю [385, 73-4]. Важнее для нас связь энтропии со статистической концепцией упорядоченности и неупорядоченности – связь, открытая Больцманом и Гиббсом на основе данных статистической физики [385, 74]. "Он питается отрицательной энтропией", как бы привлекая на себя её поток, чтобы уравновесить тем самым увеличение энтропии, происходящее в процессе жизни. И таким образом поддерживать себя на постоянном и достаточно низком уровне энтропии [385, 75].

Средство, при помощи которого организм поддерживает себя постоянно на достаточно высоком уровне упорядоченности (на достаточно низком уровне энтропии), в действительности состоит в непрерывном извлечении упорядоченности из окружающей среды. У высших животных достаточно высок тот вид упорядоченности, который в их питании. То есть крайне хорошо упорядоченное состояние материи в более или менее сложных органических соединениях служит им пищей. После использования животные возвращают эти вещества в очень, но не вполне, деградированной форме, их ещё могут употреблять растения. (Для них ещё источник "отрицательной энтропии" – солнечный свет) [385, 76].

Развёртывание событий в жизненном цикле обнаруживает удивительную регулярность и упорядоченность, "не имеющих себе равных среди всего, с чем мы встречаемся в неодушевлённых предметах" [385, 77]. Имея сложный механический завод, жизнь "основана на принципе "часового механизма" в том смысле, который придаёт этому выражению Планк" [385, 82], и в этом лежит ключ к объяснению физиологии и жизнеспособности организма.

4

С идеей маловероятности и случайности жизни связаны тревоги учёных о сохранности жизни в космосе, поскольку всякому маловероятному событию грозят чрезвычайные опасности. Но как заметила С.Г.Семёнова: "Такая онтологическая посылка единственности жизни и сознания на Земле должны не приводить человечество в отчаяние, а напротив, усиливать его нравственную ответственность перед чудом жизни, перед всей эволюцией, всей Вселенной" [289, 86].

Основополагающим принципом и важнейшим звеном в разработке экологической теории остаётся системный подход. Его установка – рассмотрение в единстве и целостности всех сфер и связей жизни на планетарном уровне, с учётом значения, роли и места "в вещественном и энергетическом поле космического пространства" [58, 3]. Ведущий пассаж исследования биосферы направлен на раскрытие и расшифровку механизмов аккумуля-

ции, трансформации и перераспределения космической энергии в массе живого вещества, в процессе жизнедеятельности и развития глобальной системы живых организмов на Земле.

В учёном мире признали существенность обособления биосферы в ряду земных оболочек, в которых исключительную роль играют живые организмы, установили своеобразие путей и способов её образования. "Если Зюсс понимал под биосферой область, пронизанную жизнью, то уже Н.М. Сибирцев, почти за четверть века до основных работ В.И.Вернадского, определил биосферу как особую оболочку" [58, 3]. С.Н.Кравков отмечает, что "в ходе геологического времени наблюдается, по-видимому, процесс непрерывного расширения границ биосферы: заселение её живым веществом" [161, 15].

Притом "процессы превращения той или иной горной породы в почву подразумевают неременное участие в этой работе элементов биосферы" [161, 17]. К последним относятся не только живые организмы, но и продукты их разложения и минерализации. В.А.Ковда под биосферой понимал "многокомпонентную систему живого вещества и неживой материи, характеризующуюся: а) термодинамической открытостью и саморегулируемостью, б) накоплением и перераспределением энергии" [58, 3-4. См.: 153, 19-45]. Биосфера Земли определяет, таким образом, строение планеты, сказываясь на геологических изменениях состава земной коры, атмосферы и гидросферы.

Биосфера, в которой наблюдается относительно высокая плотность и наивысшая активность живых организмов, получила название витасферы (термин А.Н.Тюрюканова), за рубежом называется также парабиосферой. В структуре жизненного пространства имеются три компонента, входящие в состав биосферы: живые организмы и продукты их жизнедеятельности (биогенное вещество), а также биокосное вещество – сложный продукт взаимодействия живого вещества, биогенного и косного, и в результате "формируются системы, обладающие совершенно новыми эмерджентными свойствами" [58, 4], как, например, почвы.

В.И.Вернадский отметил, что в природе между "безжизненной частью и живыми организмами идёт непрерывный ток атомов, который пронизывает всю биосферу и определяет условия её существования". Для биосферы, в отличие от других оболочек, наряду с биогенным током, характерен пластичный эволюционный процесс, в большей степени свойственный живому веществу. В результате "формируется ряд биокосных и биогенных тел сферы: почвы, наземные и подземные воды, угли, битумы, известняки, органические породы" [58, 4]. Учёный геохимик утверждал, что "давление жизни сказывается в расширении границ поля жизни в поле биосферы" [80, 297] и "мы можем рассматривать и саму биосферу, как биокосное тело" [].

Дж.Д.Берналу принадлежат слова: "Биохимия говорит о единстве жизни" []. Не поражает универсализм современных учёных космистов, созна-

ние готово к восприятию древних представлений об одушевлённости окружающей природы. И постепенно всё больше привыкаем к идее всеобщности и единства мира. Уже и лексикографам пора учесть семантические изменения, произошедшие в общественном представлении и отразившиеся на языковой картине мира. Надо быть готовым к тому, чтоб понять живое вещество, когда говорят о массе и плотности жизни на планете.

В.И.Вернадский настаивал на геологической природе ноосферы, и пусть разработанная им концепция отдаёт мистикой природы в духе Н.Фёдорова. Он отмечал темпы демографического роста, заметив, что "площадь, доступная заселению организмами, ограничена, откуда следует существование предельного количества (массы жизни) живого вещества, могущего существовать на планете" [344, 11]. Рассчитан коэффициент плотности жизни, исходя из признания, что "живое вещество является регулятором действенной энергии биосферы" [344, 12].

Человечество становится впервые геологической силой. Перед нами открываются всё более творческие горизонты.

"В процессе жизни на человека воздействует множество биологических и небιологических факторов, связанных с падением жизнеспособности, – наследственные болезни, вредные привычки, бытовые стрессы и др. До настоящего времени методов прямой оценки жизнеспособности нет, и косвенно её определяют по величине биологического возраста. Известен способ прогнозирования предстоящей продолжительности жизни по функциональному резерву оставшейся жизнеспособности" [256, 133]. "Результаты исследования свидетельствуют о том, что темп старения людей может "программироваться" в раннем онтогенезе, причём от условий развития зависят не особенности процесса старения (в частности, склонность к определённым возрастным заболеваниям), а потенциал долгожительства как таковой" [72, 204].

Определение жизни как "совокупности функций, сопротивляющихся смерти", так и то, что "жизнь разделяется на два основных вида: жизнь органическую и жизнь животную" [107, 86], представляют собой доступное разъяснение феномена жизни – одно из множества распространённых в биологии, подобных было и остаётся немало. Жизнь – человеческая и животная – состояние жизнедеятельности организма и способность существования. Они связаны с обменом веществ, с кровообращением и дыханием, хотя не только. Примеры подтверждают сказанное: "Донорская кровь необходима, часто это единственное средство спасения жизни"; "Противошоковый костюм спасает жизни". Однако такое, по Биша, "физиологическое" осмысление понятия – не единственное при определении значения слова.

Медики непременно посоветуют всем вести физически более активную жизнь. Речь об образе жизни и стиле поведения, подвижности индивидуума, активности и тела, и духа. Пусть вопрос о сущности жизни и её проис-

хождении далёк от разрешения [341, 86], вместе с тем культура быта может быть радикально изменена в своём качестве только с помощью наук о жизни. "Науки же о материи, употреблённые определённым образом, способны уничтожить жизнь либо сделать её донельзя сложной и тягостной; но только лишь как инструменты в руках биологов и психологов могут они видоизменить естественные формы и проявления жизни" [147, 300].

Постепенно берёт верх природоохранное мировоззрение, вызванное беспокойством за будущее планетарных форм жизни. Входя в третье тысячелетие, человечество ощущает сложные экологические проблемы, от решения их зависит уже существование земной цивилизации. В этот период "переустройства человеческой жизни на планете", вследствие экологического бума, у нас в культуре заметно повышение роли нетрадиционных и более глубоких представлений о всеобъемлющей силе системы. Жизнь в расширенных пределах есть физическое выживание всего сущего на Земле сообщества одновременно. Не случайно "формирование нравственного императива как совокупности моральных основ жизни планетарного общества XXI века постепенно вырастает в основную проблему современности" [213, 10].

В XIX в. аристотелевская энтелехия связывалась с целесообразно действующей жизненной силой, ключевым понятием виталистической биологии [118]. Французский физиолог Биша толковал жизнь как единство функций сопротивления смерти со стороны живой материи, "системы, стремящейся к самосохранению". По поводу этого Клод Бернар скажет: "Из жизни и смерти он сделал в некотором роде два существа, два принципа, постоянно присутствующие и борющиеся в организме. Сколько бы он ни отвергал жизненного принципа, как единственного принципа, не признаваемые им жизненные свойства были то же самое, что этот принцип. Эти второстепенные жизненные принципы, эти жизненные свойства суть агенты жизни" [341, 78].

Вопрос о сущности жизни замкнулся на борьбе приверженцев витализма и механицизма [341, 76]. Согласно Г.Спенсеру, характерной чертой жизни является "непрерывное приравнивание внутренних отношений к внешним" [341, 78-9]. Сторонники теории механицизма рассматривали возникновение жизни на Земле "счастливой случайностью". Это событие, как не доступное научному анализу, относилось к области религиозного сознания, но не познания [37, 6].

Обращение к мировоззренческим понятиям, таким как борьба, вера, переживания, свобода, индивидуальность, тотальность, смерть, в своё время будет способствовать развитию философии жизни и личности.

Кроме физиологии, есть ещё и философия жизни, и социология, и археология, и этнография, и историография, и экология, целый ряд других естественных и гуманитарных наук, специальностей и специализаций, так или иначе причастных к нашему предмету, разноликой жизни. С жизнью

нередко связывают способ и стиль поведения человека в быту, это уже не совсем область естествознания и физиологии, а иное. Хотя именно труд Биша некогда наваял Пушкину мысль, что "долго сохраняющаяся живость деятельности и внимательности "по физиологическим примечаниям" является "порукой в долголетии и здравии" (XV,12) [107, 86].

Суть и пафос жизни кроется "в чём-то таком, что в определённом смысле запредельно ей" [202, 362]. Поэтому "пытающиеся в рамках биологического цикла наук определить, что такое жизнь, редко могли уйти от интуитивной связки проблем жизни с проблемой духа, одушевлённости" [200, 215]. Уловив символический намёк земного существования на потаённую значимость жизни, Г.Земмель в 1922 году заметил: "Как на физиологическом уровне жизнь есть постоянное воспроизведение, и потому жить значит в то же время и больше, чем жить, так и на духовном уровне она порождает нечто большее, чем жизнь: цель, в себе несущую ценность и смысл. Это свойство жизни подниматься к чему-то большему, чем она сама, не есть в ней нечто привходящее, это – её подлинное существо, взятое в своей непосредственности" [202, 361].

Харрисон Дж. и др. Биология человека. М., 1979.

"В природе нет абсолютно одинаковых индивидуумов, и в пределах каждой популяции существует значительная изменчивость. <...> Хотя такие изменения в каждом последующем поколении относительно невелики, тем не менее эволюцию всего живого можно объяснить именно действием естественного отбора в условиях постоянно возникающих изменений, особенно если учесть длительность этого процесса. Современная наука считает, что жизнь зародилась по меньшей мере около 1000 миллионов лет назад. <...> Природа наследственной изменчивости, общая для всех популяций, в настоящее время в достаточной степени выяснена. Гораздо менее понятен механизм возникновения изменчивости. Как будет видно из дальнейшего, возникновение изменчивости частично можно объяснить рекомбинацией наследственных факторов, уже существующих в данной популяции. Однако главной причиной появления всех новых изменений в организмах, безусловно, являются генные и хромосомные мутации"[365, 13-4].

"Как мы увидим далее, начало эволюции человеческого мозга связано с некоторой специальной адаптацией – приспособлением к древесному образу жизни. Однако именно эта адаптация открыла в дальнейшем много различных эволюционных возможностей и в значительной мере обусловила замечательную способность человека изменять и подчинять себе окружающую природу"[365, 15].

"Человек, анатомически сходный с современным, появился к концу этой (плейстоценовой) геологической эпохи. Период времени, в течение

которого происходила эволюция человека, охватывает примерно два-три миллиона лет. За это сравнительно короткое время на Земле произошли существенные изменения климата, почвы, флоры и фауны, оказавшие заметное влияние на популяции гоминид и их образ жизни"[365, 71].

"Происхождение человеческого общества. При обсуждении проблемы происхождения человеческого общества мы вынуждены в значительной степени опираться на умозрительные гипотезы и предположения. Эти гипотезы, однако, отнюдь не всегда беспочвенны, порой они основаны на вполне реальных данных. Возникает вопрос: какого рода информация наиболее важна для понимания существа проблемы? По-видимому, наибольшую ценность представляют фактические данные, касающиеся поведения приматов (отличных от человека) в сообществе, а также австралопитеков и древнейших людей (полученные главным образом при изучении ископаемых остатков). Первая группа данных позволяет более чётко представить характер организации сообщества у приматов; вторая даёт нам возможность сказать нечто разумное об экологических и физических условиях, в которых существовали наши гоминидные предки. Изучая поведение различных видов приматов, мы получаем представление о различных формах организации сообщества и можем сопоставить их, с учётом особенностей самих приматов и экологических условий, в которых они существуют, с тем, что известно об условиях жизни наших далёких предков. В этом состоит преимущество изучения приматов по сравнению с изучением организации современного человеческого общества. Развивая эту мысль, можно сказать, что анализ структуры сообществ приматов, вероятно, имеет большую ценность для создания моделей организации сообществ догоминидных форм приматов, нежели изучение ныне живущих примитивных сообществ охотников или собирателей. Действительно, организация сообществ претерпела коренные изменения в ходе эволюции, в основном в результате усложнения структуры мозга и совершенствования речевых навыков. В то же время на примере приматов мы видим внутригрупповые отношения, основанные на системе сигналов и процессах обучения, не связанных с использованием речи. Что касается сведений об ископаемых остатках предковых форм и экологических условий, в которых они существовали, то эти сведения слишком скудны, чтобы можно было на их основе создать картину общественного уклада догоминидных форм или ранних гоминид. Немногочисленные твёрдо установленные факты представляют с этой точки зрения особую ценность"[365, 107].

Дж. Уайнер. Экология человека.

"Целостность, постоянство и, если оно происходит, расселение человеческих групп основаны на непрерывном взаимодействии с окружающей средой – непрерывном обмене веществами и энергией; благодаря этому об-

мену группа получает необходимые вещества и создаёт условия для своего существования. Экология в широком смысле означает динамическую взаимосвязь сообщества со средой, в которой оно находится. Приспособления, необходимые для успешного существования в определённых условиях, называются "адаптациями". Приспособляемость – свойство не только каждого из индивидуумов, образующих группу, но и всей группы в целом. Экологическое взаимодействие складывается а) из биологических процессов, влияющих на жизнедеятельность, рост и формирование членов группы, и б) из небиологических процессов, которые принимают форму культурных, технических и общественных реакций со стороны группы. Адаптация – двусторонний процесс: с одной стороны, она включает изменение физиологических и социальных функций, необходимых для того, чтобы удовлетворить требованиям окружающей среды; с другой стороны, сама среда, её абиотические и биотические компоненты, изменяется, чтобы удовлетворить требованиям организма. *Среда* – это комплекс окружающих условий, в которых находится сообщество. К ней относятся абиотические и биотические компоненты, в том числе особенности рельефа, климат, средства сообщения, растительный и животный мир. Даже в самых примитивных человеческих сообществах обмен продуктами и передвижение групп приводят к столь значительному расширению контактов с другими группами и природой в целом, что понятие *среда* не приходится ограничивать узкими рамками их непосредственной среды обитания. Естественная среда может быть частично заменена одомашненным, искусственно созданным окружением, состоящим из жилищ, садов, сельскохозяйственных угодий, или, наконец, полностью заменена городскими условиями существования.

Человеческие популяции сильно различаются как по численности, так и по характеру организации. Мы встречаем самые разнообразные сообщества – от простейшей, сравнительно изолированной самообеспечивающейся группы, которая соответствует в животном мире *дему*, или естественной популяции, до более крупных комплексов *демов*, организованных в трибы и ассоциации триб, и на высшем уровне донациональных и национальных организаций.

Комплекс, состоящий из определённой группы живых существ и среды, в которой эта группа существует, часто называют *экосистемой*. Экосистема – одно из основных биологических понятий, применяемое для характеристики реально существующего сообщества, которое удовлетворяет свои нужды в динамической взаимосвязи со средой. Экосистема – арена "борьбы за существование", в которой успех зависит от эффективности адаптаций и в которой постоянно действует так называемый "естественный отбор". Под "экологией" человека мы понимаем экологию всей экосистемы в целом, рассматриваемой с точки зрения роли, которую играет в ней "человеческая компонента". Вид *Homo sapiens* представляет собой обширную сеть попу-

ляций, существующих в самых разнообразных условиях обитания. Человеческие популяции политичны как по своим характерным признакам, так и в отношении экологической взаимосвязи популяций. Функциональную человеческую группу в определённой экосистеме можно рассматривать как зоологический дем. В экологическом смысле *раса* – более или менее искусственное понятие, основанное для многих популяций на выделении их из различных экосистем и объединении на основе общности или частоты появления некоторого числа физиологических признаков. С другой стороны, одну и ту же экосистему, например в пустынных областях, могут использовать в своих целях группы или демы, обладающие заметными генетическими различиями. Различия человеческих групп в действительности обусловлены различиями в их общих экологических взаимоотношениях, а последние лишь частично можно считать генетическими"[365, 472-3].

"Помимо биологических процессов поддержанию гомеостаза способствуют различные виды общественной и технической деятельности: они дают группе возможность приспособиться к окружающей среде и подчинить её своим потребностям. Необходимо помнить, что небиологические факторы – организация, разделения труда, нравы и обычаи общества – также служат биологическим целям. Многие общественные институты, не имеющие непосредственного отношения к удовлетворению биологических нужд членов общества, на самом деле служат биологическим целям. В этом можно убедиться, изучая производство и распределение предметов питания, размещение рабочей силы, мероприятия по созданию жилищ, заботу общества о подрастающем поколении..."[365, 475].

"Мы далеки, конечно, от мысли пытаться установить простое соответствие между формами общественных институтов и биологическими потребностями общества: подобный "биологизм" ни в коей мере не может служить основой для социального анализа. Общественная организация имеет свои цели и особенности; последние нельзя сводить к чисто биологическим признакам. Для характеристики различных аспектов общественной деятельности мы должны пользоваться такими понятиями, как общественное положение, обязанности, родственные отношения, т.е. терминами, определяющими социальную структуру группы. Тем не менее среда налагает явно выраженные ограничения на материальную культуру, биологическую структуру и функции и даже на социальную организацию общества" [365, 476].

"Результатом внедрения человеческих сообществ в природные экосистемы может явиться состояние устойчивого или, наоборот, динамического равновесия. В первом случае основные биологические признаки человеческой группы остаются более или менее неизменными в течение длительного времени: сохраняются размер популяции, плотность и состав, энергетический и пищевой баланс, общий уровень жизни. Этот консерватизм отра-

жается и на уровне общественной организации и способе производства. Та или иная близость к экологическому равновесию достигается в различных условиях среды, при различных формах хозяйственного уклада и в популяциях разной плотности. В случае динамического равновесия, характерного для большинства хозяйственного расселяющихся и быстро развивающихся сообществ, возрастающие потребности в продуктах питания, водных ресурсах, сырье, размещении отходов удовлетворяются за счёт увеличения полезной деятельности сообщества, затраты энергии и более интенсивного использования биотических и абиотических компонентов среды. Этот тип равновесия (или та или иная степень близости к нему) особенно показателен для человеческих сообществ в эпоху индустриализации. В истории сообществ бывали, конечно, периоды, когда экологический баланс нарушался, что влекло за собой весьма серьёзные социальные и биологические последствия. Цель экологического анализа состоит в том, чтобы понять биологические свойства сообщества и входящих в него семейств и индивидуумов, изучив характер процессов, поддерживающих равновесие в системе, а также процессов обмена. К таким процессам относятся передача энергии, транспортировка пищи и воды, распространение заболеваний в экосистеме.

Говоря об экологическом "успехе" того или иного сообщества, нередко используют термин "уровень жизни" (жизненный стандарт). Это понятие включает в себя совокупность биологических, медицинских или демографических факторов. Весьма общими показателями "уровня жизни", характеризующими "приспособленность" сообщества к условиям среды, могут служить величина популяции и её стабильность, смертность, средняя продолжительность жизни индивидуума, состояние питания. Пожалуй, наиболее убедительным доказательством "неприспособленности" может служить уменьшение численности популяции (депопуляция). Для примера укажем на безуспешность попыток различных иммигрантских групп утвердиться на новых территориях в качестве самостоятельных и обособленных.

Для анализа "эффективности" или "ёмкости" экосистемы необходимо детально рассмотреть условия жизни общества, его структуру. В любом аспекте взаимоотношений между организмом и средой можно обнаружить определённые ограничения: климатические в прямом или косвенном смысле (связанные, например, с недостатком строительных материалов для постройки жилищ), ограничения, связанные с нехваткой пищевых ресурсов, со спецификой распространения болезней и т.п. Эти ограничения могут быть также следствием несовершенства социальной организации, например неправильной организации трудовой деятельности в течение годового цикла, плохого хранения продуктов питания и т.д. Несомненно, одни экологические условия значительно менее благоприятны для человека, чем другие. Так, проживание в тропической Африке всегда представляло целый комплекс существенных

трудностей, связанных с климатом, питанием, болезнями. Возникновению древнейших цивилизаций на Ближнем Востоке способствовал комплекс благоприятных условий, сложившийся в речных долинах Египта и Месопотамии, – обилие воды, плодородие почвы, благоприятный климат, возможность использования рек как средств сообщения, защита от нападения извне, которую обеспечивали окружающие пустыни" [365, 486-7].

"Оценка иных видов деятельности, кроме тех, которые непосредственно связаны с добыванием пищи, с энергетической стороны весьма затруднительны. В простых сельскохозяйственных сообществах значительное время занимает домашняя работа, собирание топлива, приготовление пищи, ремонт и изготовление одежды и инвентаря, постройка жилищ, изготовление мебели и т.п. В этих видах деятельности человек затрачивает, по видимому, примерно в 1,5 раза больше энергии, чем необходимо для поддержания обмена в состоянии покоя, т.е. 460-500 кДж" [365, 489].

"Баланс энергии. Группа, численность которой на данной территории остаётся постоянной в течение длительного времени, скажем в течение жизни нескольких поколений, очевидно, способна сохранить баланс расходуемой и потребляемой энергии. Однако поддержание такого баланса – отнюдь не простое дело, причём достигнутое в определённых условиях равновесие может оказаться весьма непрочным. Например, собиратели и примитивные земледельцы <...> испытывают острую нехватку воды и продуктов питания.

Эффективность использования источников энергии и способность популяции сохранять энергетический баланс в системе определяются такими величинами, как производительная доля расходуемой энергии и поток энергии в сообществе. Эффективным следует считать сообщество с низкой производительной долей затрат энергии и высоким энергетическим выходом, в особенности если оно способно получать излишки энергии сверх необходимого минимума для создания запасов или торговли" [365, 493].

"Стабильность популяций. Как мы видели, каждое сообщество вынуждено приспосабливаться к различным видам стресса, создаваемого самыми разнообразными факторами внешней среды. Именно экологическое взаимодействие среды и сообщества определяют численность популяции. Эта величина служит показателем того, насколько успешно сообщество подчиняет себе среду (в результате сознательной деятельности или каким-либо иным путём).

Плотность населения и его численность. Большое разнообразие экосистем человека находит отражение в не меньшем разнообразии численности его различных популяций. <...> Каждая экономическая группа испытывает на себе действие многих различных факторов. Плотность популяции в данных условиях среды зависит от ряда причин: 1) от характера климата, почвы и рельефа; 2) от флоры и фауны; 3) от культурного уровня, способности использовать природные ресурсы (производительность хозяйства).

В простых сообществах с относительно однородным культурным уровнем на данной территории можно установить прямую связь плотности популяции с некоторой величиной, характеризующей воздействие среды. <...>

Отсюда, однако, не следует, что плотность популяции должна быть обязательно одинакова в областях с одинаковыми условиями среды и формой хозяйства. Плотность изменяется также в зависимости от различий в биосфере и источниках пищи. <...> Материальная культура простых сообществ – собирателей и охотников – очень бедна; в более развитых обществах возникает зависимость плотности населения от некоторых переменных, характеризующих социальную структуру популяции и технику производства, так как высокоорганизованные сообщества способны более эффективно использовать природные ресурсы и преодолевать налагаемые средой ограничения.

На протяжении большей части истории человечества техника производства оставалась на крайне низком уровне: основными способами добывания средств к существованию были собирательство и охота, потребительское садоводство и огородничество. Вследствие этого численность населения долгое время оставалась очень низкой, а рост её происходил медленно. Человек стал осваивать более холодные области только в конце плейстоцена, а Австралия и Америка были заселены лишь 12.000 – 15.000 лет назад. Ускоренный рост численности населения начался примерно 8000 лет назад с развитием земледелия, благодаря которому стала возможна жизнь в городах. В нынешнюю фазу, характеризующуюся колоссальным ростом численности населения и освоением всё новых районов, человечество вступило лишь в последнее время, с развитием индустриализации. Можно думать, что в ту эпоху, когда человек жил охотой и собирательством (что соответствует культуре палеолита или мезолита), плотность населения была менее 1 человека на 3 кв. км. В эпоху неолита, когда человек стал обрабатывать землю, плотность возросла примерно в 10 раз; в бронзовом и железном веках – ещё в 10 раз. Общее число людей в эпоху неолита определяют примерно в 5 млн., а в период появления первых крупных городов – 20-40 млн.

Современному виду *Homo sapiens* потребовалось около 20.000 лет, чтобы достичь численности 200 млн. (во время Римской империи). В последующие 1500 лет (к 1600 г.) население земного шара возросло до 500 млн., спустя ещё 200 лет – более чем удвоилось (около 1 млрд. в 1800 г.). В наши дни [70-е гг. XX в.] на земле проживает около 3 млрд. человек" [365, 580-2].

"Так, при увеличении плотности популяции усиливается борьба за основные источники пищи, воды, топлива и сырья, за освоение территории и мест, пригодных для жилья. Увеличение плотности популяции может сопровождаться загрязнением окружающей среды или каким-либо иным ухудшением условий существования, что ведёт к более частым вспышкам эпидемий и к более быстрому распространению заболеваний как путём

прямых контактов между людьми, так и вследствие загрязнения воздуха, пищи, воды, домашней утвари. Ограничивающее действие этих процессов ослабевает с уменьшением численности популяции" [365, 583].

"По мере увеличения численности популяция становится способной более эффективно использовать природные ресурсы, более успешно добывать себе средства к существованию, в особенности пищу. Появляются лучшие возможности для совместной охоты и рыболовства, совместной расчистки земель и проведения оросительных работ, строительства жилищ и т.д. Более многочисленное сообщество может лучше организовать взаимную защиту своих членов или обеспечить наступательные действия против других групп и животных. Следует учитывать также, что с увеличением численности популяции возрастает фонд генетической изменчивости" [365, 584].

"Уровень жизни того или иного человеческого сообщества зависит от способа, с помощью которого данное сообщество достигает равновесия в определённых экологических условиях. Это равновесие может быть достигнуто за счёт более высокой общей смертности или более высокой заболеваемости, а также за счёт более напряжённой работы, ухудшения здоровья или недостатка материальных благ" [365, 592].

"Экология сегодняшнего дня – это всемирная экология. Интенсивные взаимосвязи в мире поставили перед человечеством такие проблемы, которые невозможно решить в узких территориальных рамках" [365, 594].

Сокращённый список речений, минимализация выборки

I. В пределах империи русского слова.

"Ты понял жизни цель, счастливый человек, для жизни ты живёшь" (*Пушкин А.*). "Когда бы мог весь свет узнать, что жизнь с надеждами, мечтами не что иное – как тетрадь с давно известными стихами" (*Лермонтов М.*). "Не то, что мните вы, природа: не слепок, не бездушный лик, – в ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык" (*Тютчев Ф.*). "Человек может жить двояко: истинной (внутренней) жизнью или жизнью ложной, призрачной (внешней). Под внутренней жизнью я понимаю ту жизнь, когда человек уже не живёт одними впечатлениями, но когда сквозь всё видит одну пристань и берег – Бога, и во имя Его стремится употребить в дело данный ему талант, а не зарыть его в землю, – зная, что не для своих удовольствий дана ему жизнь" (*Гоголь Н.*).

"Без цели нет деятельности, без интересов нет цели, а без деятельности нет жизни". "Борьба есть условие жизни: жизнь умирает, когда оканчивается борьба" (*Белинский В.*). "Достоинство жизни человеческой – в борьбе". "Жизнь даром не проходит для людей, у которых пробудилась хоть какая-нибудь сильная мысль" (*Герцен А.*). "Жизнь "для себя и про себя" – не жизнь, а пассивное состояние, нужно слово и дело, борьба" (*Гончаров И.*).

"Жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслаждение, жизнь тяжёлый труд" (*Тургенев И.*). "Что же милее всего для человека? Жизнь: потому что с нею только связаны все наши радости, всё наше счастье, все наши надежды". "Всякий истинно образованный человек чувствует, что истинная жизнь – жизнь ума и сердца". (*Чернышевский Н.*)

"... и вся-то цель на земле, к которой человек стремится, только и заключается в одной этой непрерывности процесса достижения, иначе сказать – "в самой жизни, а не собственно в цели". "А высшая идея на земле лишь одна, и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные *высшие* идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из неё одной вытекают" (*Достоевский Ф.*). "Всесторонняя жизнь – только общественная" (*Шелгунов Н.*). "Ибо только то, в чём может выразиться высшая степень любви и уважения, даёт и смысл, и цель жизни" (*Фёдоров Н.*).

"Вся жизнь есть только стремление и постепенное приближение к совершенству, которое недостижимо, потому что оно совершенство". "Я уверен, что смысл жизни для каждого из нас – просто расти в любви". "Истинная цель жизни в том, чтобы узнать жизнь бесконечную". "Цель жизни всякого отдельного человека одна: совершенствование в добре". "Просвещённый тот, кто знает смысл своей жизни". "Разум открывает человеку смысл и значение жизни" (*Толстой Л.*). "Жизнь – не что иное, как движение, переход из формы в форму, постоянное, неугомонное превращение, разрушение и созидание, следующие друг за другом и вытекающие друг из друга". "Жизнь – дело в высшей степени прогрессивное, и главные двигательные пружины её прогресса сосредоточиваются в мыслях и стремлениях лучших, то есть самых здоровых и нормально организованных представителей нашей породы" (*Писарев Д.*).

"Вся суть жизни в делах" (*Менделеев Д.*). "Жизнь ставит цели науке; наука освещает путь жизни" (*Михайловский Н.*). "Жизнь только для того красна, кто стремится к постоянно достигаемой, но никогда не достижимой цели" (*Павлов И.*). "Жизнь есть тяжёлый долг и подвиг, а не наслаждение и путь к личному счастью". "Если цель жизни всё-таки личное счастье, то ради этой цели сильному всё позволено, а слабых можно заставить послужить себе" (*Грот Н.*). "Жизнь без разумной цели была бы жизнью бессмысленной". "Жить, разумеется, не стоило бы, если бы у жизни не было цели". "Она, цель эта, таким образом, наполняет жизнь разумным содержанием с самого того момента, как воля поставила себе эту цель и начала сообразно с нею действовать" (*Кареев Н.*).

"Если каждое поколение существует только для того, чтобы погибнуть с появлением нового, которому в свою очередь предстоит такая же гибель, и если род живёт только в таких непрерывно гибнущих поколениях, то жизнь рода есть постоянная смерть, и путь природы есть явный обман".

"Для большинства человечества жизнь есть только смена тяжёлого механического труда и грубочувственных, оглушающих сознание удовольствий". "Когда на вопрос: для чего мы живём, какая цель нашей жизни? – отвечают, что жизнь имеет цель сама в себе, что мы живём для самой жизни, то и эти слова не имеют смысла, ибо именно самой-то жизни мы и не находим нигде, а везде только порыв и переход к чему-то другому, и только в одной смерти постоянство и неизменность". "Жизнь есть бессмысленная тоска, от которой чужая нам Европа находит развлечение в ненужном шуме так называемых вопросов, а более близкая Азия – в гашише; в самой России царит ничем неодолимая, лишь мгновенно прерываемая ужасами войны скука – скука сытая в столичном обществе, скука голодная – у деревенского люда; такова современность...". "Но если поэтическая истина есть только создание мечты, то вся жизнь есть лишь "пустая и глупая шутка", с которой всего лучше покончить в самом начале" (*Соловьёв В.*).

"Двоякого рода может быть жизнь человека: *бессознательная и сознательная*. Под первую я разумею жизнь, которая управляется причинами; под вторую – жизнь, которая управляется *целью*". "Жизнь, управляемую целью, справедливо назвать сознательной, потому что сознание является здесь началом господствующим, определяющим. Ему принадлежит выбор, к чему должна направиться сложная цель человеческих поступков". "Из самого понятия о сознательной жизни прямо вытекает, что вопрос о цели человеческого существования есть первый, разрешение которого необходимо для сознательности этого существования". "... человеческое существование не включает в себе какого-либо иного смысла, кроме как устройство его собственных судеб на земле". "... ни одна форма бытия по ту сторону жизни, которую рисуют нам представители той или другой религии, не может считаться истинною. Уже одно то, что конфуцианство, буддизм, еврейство, христианство, магометанство – рисуют разные формы загробной жизни, доказывает, что ни одна из них не истинна, ибо Истина может быть только одна". "Только оканчивая жизнь, видишь, что вся твоя жизнь была поучением, в котором ты был невнимательным учеником". "Цели, принудительно наложенные на человека (например, религиозным учением), потому не придают жизни сознательности, что не было участия сознания в их выборе: они были *данное*, открывшееся человеку, чему он должен покорно следовать. Но он никогда не имел возможности заглянуть по ту сторону их, откуда они давались: к нему всегда обращена была только одна их сторона, человеческая, но скрыта была сторона божественная. Там эти цели были, без сомнения, свободно избраны и, следовательно, сознательны. Но для человеческой природы они и принудительны, и темны" (*Розанов В.*).

"Смешно было бы думать, что смысл жизни одних лиц состоит в том, чтобы служить средством для жизни других". "Ведь нет никакой причины,

которая могла бы придать столь сильную разницу людям, чтобы жизнь одного из них обращалась в абсолютно ценную цель, а жизнь других – лишь средство для достижения этой цели". "Вопрос о смысле жизни совпадает с вопросом о цели жизни" (*Введенский А.*).

"Призвание всякого человека в духовной деятельности – в постоянном поиске правды и смысла жизни". "Смысл жизни только в одном – в борьбе". "Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги". "Если хочешь стать оптимистом и понять жизнь, то перестань верить тому, что говорят и пишут, а наблюдай сам и вникай". "Наука – самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека" (*Чехов А.*).

"В совершенствовании человека – смысл жизни". "Смысл жизни интеллигента – непрерывное накопление научного багажа в целях бескорыстного распределения его в толщах народной массы". "Ты – слишком много философствуешь, – поучала она меня. – Жизнь, в сущности, проста и груба; не нужно усложнять её поисками какого-то особенного смысла в ней, нужно только научиться смягчать её грубость. Больше этого – не достигнешь ничего". "Вот тоже вопрос: жизнь дана во власть человеку или человек дан жизни на съедение? И чья это затея – жизнь? В сущности: дурацкая затея". "Другой формы не могут иметь ни жизнь, ни мысль. Мысль тоже строится пирамидой: основание – огромное количество фактов беспощадной борьбы, а вершина – ничтожный, острый вывод" (*М.Горький*).

"Будет всё по-прежнему, будет садиться солнце, будут мужики с перевернутыми сохами ехать с поля... будут зори в рабочую пору, а я ничего этого не увижу, да не только не увижу – меня совсем не будет! И хоть тысяча лет пройдёт – я никогда не появлюсь на свете, никогда не приду и не сяду на этом бугре! Где же я буду?". "... что за странная и страшная вещь наше существование – каждую секунду висит на волоске! Вот я жив, здоров, а кто знает, что будет через секунду с моим сердцем, которое, как и всякое человеческое сердце, есть нечто такое, чему нет равного во всём творении по таинственности и тонкости? И на каком же волоске висит и моё счастье, спокойствие, то есть жизнь, здоровье всех тех, кого я люблю, кем я дорожу даже гораздо больше, чем самим собою.. За что и зачем всё это?" (*Бунин И.*).

"Взрослые не понимают природы. Они не знают весны, лета, осеннего очарования. Всё это для них было, и жизнь их охвачена равнодушием". "Константин Андреевич отбросил Федю, смерть, тоску – только слушал, вздыхал эту жизнь вокруг – такую благозвучную, цветущую жизнь. "Может быть, ничего и нет, – лишь это луговое сено, липы, луна... Может, это самая большая правда" (*Зайцев Б.*).

"Люди мне отвратительны, вся жизнь – ужасна. Европейская жизнь так же мерзка, как и русская, вообще – вся жизнь людей во всём мире есть, по-

моему, какая-то чудовищно грязная лужа". "Безумно люблю жизнь, с каждым днём больше, всё житейское, простое и сложное, и бескрылое и цыганское" (*Блок А.*). "Жизнь – не праздник, не цепь наслаждений, а работа, в которой таится подчас много скорби и много сомнений" (*Надсон С.*).

"Кто хочет выжить, тот должен за неё цепляться, за жизнь, карабкаться, других с подножки сшибать, – как в трамвае". "И давно поняла Наташа, что смерть – одно из явлений жизни, что смерти, собственно, и нет, а есть простое превращение Мушки – в травку, бывшего – в настоящее, настоящего в будущее". "... накат неожиданного, показавшегося великим открытием: цель жизни есть сама жизнь! Это могло явиться в долгом ходе скрытых и путаных размышлений, но не могло свалиться с ветки липы случайным подарком". "Чему учить других, когда жизнь учит лучше всякого философа". "Младенчество, ребячество, детство, отрочество, юность, молодость, возмужалость, взрослость, зрелость, возраст средний, почтенный, преклонный, старость, дряхлость – что ещё?" (*Осоргин М.*).

"Каждому хорошо известно, что человек поживёт и умрёт, и если при этом допускается, что смерть есть полное уничтожение бытия человека, то ясное дело, что никакого вопроса о смысле жизни тут нет и быть не может. При таких условиях вопрос может ставиться не о смысле жизни, а только о целях человеческой деятельности в пределах жизни; потому что смысл жизни человек может только отыскивать, а цели своей деятельности он сам может создавать и сам же оправдывать. Он может создавать и действительно создаёт себе всевозможные цели жизни, и каждую цель он может оправдывать и действительно оправдывает для себя всевозможными представлениями блага жизни. Но так как право создания и оправдания для себя известных целей жизни в одинаковой мере принадлежит каждому отдельному человеку, то очевидно – целей человеческой жизни может существовать и фактически действительно существует ровно столько, сколько существует на свете людей". "Целью жизни должно быть не достижение счастья, а достижение совершенства, и потому принципом деятельности должно служить не какое-нибудь замаскированное своекорыстие, а только неуклонное исполнение нравственного долга. В таком преобразовании натуралистической системы морали в идеалистическую идеал совершенства человеческой жизни заменяется идеалом совершенства человеческой личности, а вместе с этой заменой и принцип блага жизни, очевидно, уступает своё место принципу смысла жизни" (*Несмелов В.*).

"... смысл жизни есть необходимое предположение нашего сознания, без коего – самая мысль не может быть логичной. Вопрос, следовательно, не в том, есть ли в существующем смысл или нет, а в чём он заключается, каково его содержание". "Если человек есть только временное, проходящее сочетание атомов материи, то проповедь уважения к человеческой личности, к её

достоинству и свободе есть чистейшая бессмыслица: об уважении к человеку можно говорить только в том предположении, что человек есть сосуд безусловного, носитель вечного, непреходящего смысла жизни". "Идёт вековечный спор двух противоположных жизнепониманий – жизнепонимания *натуралистического*, которое ищет подлинной жизни и её смысла в плоскости здешнего, и жизнепонимания *супранатуралистического*, которое утверждает, что истинная жизнь и её смысл сосредоточивается в ином, верхнем, потустороннем плане бытия". "Заслуживает ли название жизни это бессмысленное чередование рождений и смертей, это однообразная смена умирающих поколений?". "Биологический круг, биологический закон траты и обновления, – вот что приводит в движение весь механизм человеческой жизни, вот ради чего вращаются эти бесчисленные колёса, а в них – сам развенчанный Царь-человек со своими помыслами, желаниями, надеждами". "Недостаточно *знать*, в чём заключается смысл жизни: нужно прежде всего *осуществлять* его на деле". "В чём же заключается эта цель, ради которой стоит жить, и эта объективная правда жизни, которая должна в ней осуществляться? – В чём заключается искомое нами *содержание* в смысле жизни? В этом вопросе выражается основной мотив религиозного искания всех веков. – Различные религиозные и философские учения дают на него различные ответы; но есть и общее, что сближает между собой искателей правды всех веков. Это – самый *предмет их искания*" (*Грубецкой Е.*).

"Так очерченная сфера действия внушения охватывает всю жизнь: наша жизнь есть длинная вереница внушений". "Но если бы существовали только плевелы дурного внушения, жизнь заглохла бы и угасла бы. Если бы сеял только "враг" – мы бы давно погибли. То, что существует жизнь и нарастание жизни, то есть творчество, – доказывает, что существует ценное внушение, ценные семена, бросаемые в подсознание". "Социальная и политическая жизнь широко и в значительной степени сознательно применяет внушение". "Жизнь, культура, история, развитие индивидуальности – получают совершенно иное направление под влиянием этих внушений". "Жизнь начинается там, где начинается оценка: стремление к чему-либо или отталкивание от чего-либо". "Наука есть объективная ценность, социальная организация есть объективная ценность, хозяйство и техника есть объективные ценности, личность есть объективная ценность, наконец, жизнь есть объективная ценность (и притом сама жизнь есть сплошная – сознательная или бессознательная – оценка)". "Жизнь человека на земле требует бесконечно сложной суммы условий в космическом смысле: особой температуры солнца, особой конструкции земли, наличности воды и воздуха, иначе говоря – сложнейшей суммы условий, представляющих, как думают некоторые астрономы, редчайшее, а может быть, и единственное исключение во вселенной". "Позитивная наука, построенная на законе причинности, "каузальная", совершенно не может за-

ниматься проблемой конечных целей и дать людям ответ на вопрос о последнем смысле жизни" "В мифологии, в мистике, в философии и, наконец, в поэзии всех народов слышим мы постоянно этот вечный вопрос: откуда мы пришли и куда мы идём? <...>"Где я? Кто меня во всё это заманил и здесь бросил? Кто я? Как попал я в мир? Почему меня сначала не спросили, не посветили в нравы и обычаи жизни?" (*Вышеславцев Б.*)

"Жизнь каждого из нас представляет непрерывный процесс психического взаимодействия между нами и другими людьми" (*Сорокин П.*). "Но что такое жизнь? И мертва ли та материя, которая находится в вечном непрерывном законном движении, где происходит бесконечное разрушение и созидание, где нет покоя?" (*Вернадский В.*). "Только посредственные люди твёрдо знают, что такое жизнь, что такое смерть" (*Шестов Л.*).

"Есть только жизнь, и всё, что существует, существует лишь в свете жизни". "Человек хочет проникнуть за пределы ему непосредственно данного, приподнять "кору естества"; с первобытным удивлением он повторяет слышащиеся у него в груди вопросы, вопросы о *смысле* всего существующего, о смысле его собственной жизни, жизни всего мира, или мирового процесса, жизни его братьев, или человечества. Непосредственно он знает лишь одно, что он есть *факт* внешнего мира, такой же факт, как это дерево, этот камень, это насекомое. Но он не мирится с этой голой фактичностью своего существования, а хочет видеть в нём смысл, идею, цель" (*Булгаков С.*).

"Я понимал жизнь не как воспитание, а как борьбу за свободу". "Но половая любовь и борьба за преобладание и могущество наполняют то, что называют "жизнью". "Однажды на пороге отрочества и юности я был потрясён мыслью: *пусть я не знаю смысла жизни, но искание смысла уже даёт смысл жизни, и я посвящу свою жизнь этому исканию смысла*". "В юности есть надежды на то, что жизнь будет интересной, замечательной, богатой необыкновенными встречами и событиями. И есть всегда несоответствие между этой надеждой и настоящим, полным разочарований, страданий и печалей, настоящим, в котором жизнь ущербна". "Слишком большое знание жизни и людей печально. Многое хотелось бы не видеть так ясно и так близко. Но это есть крушение ложных иллюзий, которыми полна наша жизнь. Это может расчистить нам путь к подлинной Тайне". "Познание жизни, самое глубокое и самое истинное познание, имеет невыразимо эмоциональную природу. Лишь глубоко эмоциональная мысль познаёт тайну жизни". "Подлинная жизнь есть творчество, и это единственная жизнь, которую я люблю. Я не могу пассивно воспринимать красоту, в творческом восприятии, в воспоминании, в воображении я её творю" (*Бердяев Н.*).

"Жизнь не имеет никакого объективного, внутреннего смысла; единственное благо в ней есть материальная обеспеченность, удовлетворение субъективных потребностей; поэтому человек обязан посвятить все свои

силы улучшению участи большинства и всё, что отвлекает его от этого, есть зло и должно быть беспощадно истреблено – такова странная, логически плохо обоснованная, но психологически крепко спаянная цепь суждений, руководящая всем поведением и всеми оценками русского интеллигента". "Искание смысла жизни есть всегда борьба за смысл против бессмыслицы, и не в праздном размышлении, а лишь в подвиге борьбы против тьмы бессмыслия мы можем добраться до смысла, утвердить его в себе, сделать его смыслом своей жизни и тем подлинно усмотреть его или уверовать в него. "Искание смысла жизни есть, таким образом, собственно "осмысление" жизни, раскрытие и внесение в неё смысла, который вне нашей духовной действительности не только не мог бы быть найден, но в эмпирической жизни и не существовал бы". "Она [личная жизнь. – В.Л.] есть, с одной стороны, набор бессмысленных случайностей, длинная вереница коллективных, всенародных и международных событий, которые не вытекают разумно одно из другого, не ведут ни к какой цели, а случаются как итог стихийного столкновения и скрещения коллективных человеческих страстей; и, с другой стороны, поскольку история есть всё же последовательное осуществление человеческих идеалов, она есть вместе с тем история их крушений, неуклонное разоблачение их иллюзорности и несостоятельности, бесконечно длинный и мучительный предметный урок, в котором человечество обучается усматривать тщету своих надежд на разумное и благое устройство своей коллективной жизни". "Смысл жизни" нельзя, так сказать, найти в готовом виде, раз навсегда данным, уже утверждённым в бытии, а можно только добиваться его осуществления... смысл жизни должен ведь быть смыслом самой нашей жизни, он должен быть в ней, принадлежать к ней, он сам должен быть живым". (Франк С.).

"... вещи меняются, движутся, поворачиваются к зрителю разными сторонами, растут и уменьшаются, мир есть жизнь, а не оледенелая неподвижность". "Художник изображает не вещь, а жизнь вещи по своему впечатлению от неё". "Жизнь бесконечно полнее рассудочных определений, и потому ни одна формула не может вместить всей полноты жизни. Ни одна формула, значит, не может заменить самой жизни в её творческом, в её ежесекундном и повседневном созидании нового" (Флоренский П.).

"Иными словами: жизнь в её настоящем, углублённом значении есть вынашивание и осуществление духовного, метафизического опыта, т.е. опыта, посвящённого божественному". "Жизнь человека есть *жизнь*, а не быт, не прозябание и не пресмыкание... есть не игра естественных сил и не беспринципная борьба за существование, но *творческий процесс*, протекающий *пред лицом Божиим* и при участии божественных сил, живущих в человеке". "За пределами повседневного быта, его мнимых благ и двусмысленных принципов современный человек не видит ни *смысла жизни*, ни

цели жизни; и не ищет их; и не думает о них". "Несчастье современного человека велико: ему не хватает главного – смысла жизни". "Слепо и неумно прилепляться к чисто земным обстоятельствам, т.е. к чувственно-единичным вещам как таковым, превращать их в настоящий центр своей жизни, принимать их как своё любимое и главное, поклоняться им как высшей ценности, видеть в них высшую цель жизни, служить им и жертвовать ради них всем остальным" (Ильин И.).

"... вся мировая и человеческая жизнь, со всеми её мелочами и подробностями, есть сплошное чудо". "Жизнь же символична по самой природе своей, ибо то, как мы живём, и есть мы сами". "... и нет ни одной вещи, которую мы воспринимали бы только как голое и отвлечённое понятие. Живая вещь, вот эта бумага, эти карандаши и перья, эта комната – всегда воспринимаются как вещи, наделённые тем или другим личным, социальным или иным глубинно-выразительным содержанием и все в той или другой мере причастны бытию мифическому". "Возьмите вашу комнату, в которой вы постоянно работаете. Только в очень абстрактном мышлении её можно представлять себе как нечто нейтральное к вашему настроению и вашему самочувствию. Она то кажется милой, весёлой, радушной, то мрачной, скучной и покинутой. Она есть живая вещь не физического, но *социального и исторического бытия*" (Лосев А.).

"Положена человеку жизнь с природой, с весной и осенью, с небом и солнцем, с ветрами и дождями, надо жить, чтобы в полночь слышать пение петуха, а на рассвете мык коровушки, чтобы у ворот лаял пёс, чтобы слышать, как осенью барабанит в крышу дождь и шумит ветер в трубе, а по весне поют птицы" (Шергин Б.).

II. За пределами российской империи языка.

"Жизнью мы называем всякое питание, рост и упадок тела, имеющие основания в нём самом". "В чём смысл жизни? Служить другим и делать добро" (Аристотель). "Жизнь – то, что мы называем природой" (Гао-цзы).

"Ни одно изобретение не далось человеку так легко, как изобретение небесной жизни". "Хотячее выражение, что жизнь учёного заключается в его произведениях, следует сильно ограничить" (Лихтенберг Г.К.). "Разгадать смысл жизни способен лишь художник" (Новалис).

"Всё, чем пользуется человек для внешней жизни, дом, двор, шатёр, кресло, кровать, меч и копьё, корабль, на котором он пересекает моря, повозки, на которых он едет сражаться, то, что он себе варит и жарит, бойни, еда и питьё – всё это не должно быть для человека мёртвым средством, но он всем своим помышлением и существом должен во всём этом чувствовать себя живым..." (Гегель Г.В.). "Жизнь – очень сомнительная вещь, и я решил посвятить свою жизнь размышлениям о ней" (Шопенгауэр А.).

"Весь смысл человеческой жизни состоит в том, чтобы развивать своё "я", делать то, к чему человек чувствует себя пригодным". "Труд есть жизнь". "Блажен тот, кто нашёл своё дело; пусть он не ищет другого блаженства. У него есть дело и цель жизни". "Ни один человек не живёт, никого не задевая и никем не задетый; он должен обязательно проложить себе путь, толкаясь локтями. Жизнь его – борьба" (*Карлейль Т.*).

"Наша жизнь – путешествие, идея – путеводитель. Нет путеводителя, и всё остановилось. Цель утрачена, и сил как не бывало" (*Гюго В.*). "Жизнь – или скука, или забота; для людей знатных и богатых она – скука и тягостное бремя, а для людей, которые сами проложили себе дорогу, жизнь – вечная забота о том, чтобы не потерять завоёванного положения" (*Дизраэли Б.*).

"Жизнь – не страдание и не наслаждение, а дело, которое мы обязаны делать и честно довести его до конца" (*Токвиль А.*). "... но бесспорно то, что в нас есть жизнь, не созданная нами, а дарованная нам, и источник её называйте Богом или как хотите" (*Мадзини Дж.*). "Жизнь – это материя, в которой мы запутаемся, если будем рассуждать о ней слишком много или слишком мало" (*Батлер С.*).

"В чём вообще смысл жизни? Людей ведь, собственно говоря, можно подразделить на два класса: один должен работать, чтобы поддерживать жизнь, другой не нуждается в такой работе. Но не в работе же людей первого класса смысл жизни! Если допустить это, выйдет колоссальное противоречие: постоянное добывание условий станет ответом на вопрос о значении того, что этим обуславливается! Жизнь другого класса тоже не имеет никакого смысла, кроме уничтожения (проедания) готовых условий. Сказать, что смысл жизни в смерти – опять как будто противоречие". "Наша жизнь всегда представляет собой результат преобладающих в нас мыслей" (*Кьеркегор С.*).

"Гении обладают одной привилегией – для них жизнь никогда не становится будничной, какой она бывает для всех нас" (*Лоуэлл Д.Р.*). "... чудесный дар. В ней нет ничего незначительного" (*Найтингейл Ф.*).

"Жизнь должна быть рождением души, выделением высшего вида реальностей. Животное должно быть очеловечено, плоть должна быть претворена в дух; физиологическая деятельность должна быть превращена в мысль, в сознание, в разум, справедливость, великодушие, как свеча в свет и теплоту. Эта высшая алхимия оправдывает наше присутствие на земле; в этом наша миссия и наше достоинство" (*Амиель А.Ф.*).

"Жизнь – это борьба против разрушающих начал" (*Ренан Э.*). "Весь смысл жизни заключается в бесконечном завоевании неизвестного, вечном усилии познать больше" (*Золя Э.*). "Сверхчеловек" – как это показывает само имя его – есть существо высшее, чем человек. Моральная цель человеческой жизни заключается в том, чтобы содействовать появлению на земле

этого высшего существа" (*Ницше Ф.*). Жизнь – "поле битвы, ведь даже самые дружеские отношения – это всегда борьба" (*Стивенсон Р.Л.*).

"Жизнь – слишком серьёзная штука, чтобы говорить о ней всерьёз". "Цель жизни – самовыражение. Проявить во всей полноте свою сущность – вот для чего мы живём" (*Уайльд О.*). "Делать деньги, накапливать материальную власть – это ещё не всё. Жизнь – это нечто большее, и человек, не замечающий этой истины, лишается величайшей радости и удовольствия, доступных человеку в этой жизни, – служение другим людям" (*Бок Э.У.*).

"Жизнь на десять процентов состоит из того, что вы в ней делаете, а на девяносто – из того, как вы её понимаете" (*Моэм У.С.*). "Цель человеческой жизни – служение, проявление сострадания и готовность помочь людям" (*Швейцер А.*). "Вот почему в прожитой жизни идут в счёт лишь напряжённые, волнующие мгновения, вот почему единственно в них и через них поддается она верному описанию" (*Цвейг С.*).

"Жизнь в неведении – не жизнь. Кто живёт в неведении, тот только дышит. Познание и жизнь неотделимы" (*Фейхтвангер Л.*). "Всмотритесь – подлинная жизнь рядом с вами. Она в цветах на лужайке; в ящерице, которая греется на солнышке у вас на балконе; в детях, которые с нежностью смотрят на мать; в целующихся влюблённых; во всех этих домишках, где люди пытаются работать, любить, веселиться" (*Моруа А.*).

"Ты должен понять жизнь в целом, а не отдельные маленькие части её. Вот почему надо читать книги, надо смотреть на небо, вот почему надо петь, танцевать и писать стихи, страдать и достигать понимания, ибо всё это – жизнь" (*Кришнамурти Дж.*).

"Жизнь – это постоянный процесс возрождения. Трагедия жизни большинства из нас заключена в том, что мы умрём, так и не успев полностью родиться". "Человек не может существовать как простой "предмет", как игральная кость, выскакивающая из стакана; он сильно страдает, если его низводят до уровня автоматического устройства, способного лишь к приёму пищи и размножению, даже если при этом ему гарантируется высшая степень безопасности. Человек нуждается в драматизме жизни и переживаниях; и если на высшем уровне своих достижений он не находит удовлетворения, то сам создаёт себе драму разрушения". "Человеческие страсти превращают человека из маленького, незаметного существа в героя, в существо, которое вопреки всем преградам пытается придать смысл собственной жизни. Он хочет быть творцом самого себя, хочет превратить своё неполноценное бытие в полноценное, осмысленное и целеустремлённое, позволяющее ему в максимальной мере достигнуть целостности своей личности" (*Фромм Э.*).

"Неповторимость и своеобразие являются основными составляющими смысла человеческой жизни". "Спрашивать о смысле жизни вообще – ложная постановка вопроса, поскольку она туманно апеллирует к общим представ-

лениям о жизни, а не к собственному, конкретному, индивидуальному существованию каждого". "Целью нашей жизни должно быть не наслаждение, не погоня за удовольствиями и богатством, не удовлетворение своих желаний и потребностей. Напротив <...> оправдание существования должно заключаться в сохранении и возвышении человеческого достоинства". (Франкл В.Э.).

Знаем ли мы, что есть жизнь и смерть? То ли жизнь, что нам кажется? Кто с чем сравнивает жизнь? Что же есть жизнь, для чего она? Кто послал меня в жизнь и зачем? Так ли веду себя в жизни, то ли делаю? Кем определяются цели и назначение жизни? И, вообще, имеет ли жизнь цель и предназначение, какими они бывают или могут быть? Как и что с чем связано в жизни? Что происходит в жизни, и что происходит с жизнью? Какая же она, насколько исключительна, независима и самопроизвольна?

Таинственной силой приливов и отливов мысли прибьёт волной, в конце концов останутся людям в заливе самопознания, морские дары мировых промыслов и мудрых смыслов. Напитавшись десятками тысяч речений из литературных источников, дополним их собственными раздумьями о суровой природе окружающей жизни, конечно, не избежав вечных подземных толчков и колебаний, неутешительных выводов и безрадостных замечаний.

В какой-то мере уже ничьи, коллективные мысли, осевшие в нас, всё сокрушаясь и соперничая, лягут в основание и твоего личного сознания, и благодаря именно этому укреплению и единению пространств каждый из нас продолжит себя в общем мире идей. Без этого общения и сообщения вообще нет и быть не может сознательной и полноценной жизни человека.

Вернее всего, что вся наша жизнь – из области тайны и неразрешимости вопросов, которые всё время продолжают, сколько бы частных ответов и предположений ни находили, и не предполагалось при решении всеобщего вопроса, отвечая на него, мало ли что кому сейчас и здесь покажется... И всё же самоуверенность в таком глобальном деле, космических масштабов, как бытие, – вовсе не признак совершенства ума, но, пожалуй, напротив, ограниченность, детскость и незрелость его.

Один может по-своему частично решить что-то, как-то осознав и сформулировав лишь свою собственную печаль и проблему. На поверку окажется, что не окончательное решение, но только частность и случайность. В мире нет едиனுшия, не может быть, ибо его нет в природе. Пусть каждый отвечает только за себя, и никому не дано ответить сразу за всех, говоря о жизни. У каждого существа своя линия жизни и своё разумение смысла. В жизни у каждого своя точка опоры и, выходит, своя точка зрения. И ни у кого нет права навязывать другим свой взгляд на жизнь, ибо у каждого из нас своё положение и понимание окружающей жизни, ощущение, версии и оценки. Всё остальное невоспитанность, эгоцентризм и спекуляции.

Пожалуй, невозможно кому бы то ни было из нас охватить все грани и назвать всё сразу, что скопилось в окружающем мире. Человеком правит, в конце концов, ограниченность и постепенность, именно потому нельзя перечислить всю нашу жизнь, во всех её проявлениях, но только лишь исключительно и выборочно, а то и вовсе случайный взгляд. Она слишком для нас огромна и накопительна, неразрывное переплетение и сплетение большого массива сложнейших систем и организаций, всё в постоянном движении и столкновении. У жизни есть свой пульс и ритм, они управляются и меняются, своя скорость и напряжённость, напор, сила и энергия. У неё, кроме того, ещё своя зона, территория, своё население и свои субъекты.

Даже простому и неискущённому человеку, самому рядовому и обычному, не то что наблюдательному и серьёзному исследователю, должно быть понятно, что вся жизнь и человеческая цивилизация, в частности, как некий макрокосм и подвижный глобализм, – чрезмерно сложное и перспективное устройство существования и развития мира. Пределы нашего понимания жизни в вечном колебании, сомнении и поиске, и по природе своей каждый из нас сам по себе, так или иначе, конечен и существенно ограничен, также и моё общее представление жизни. Хотя все мы вместе, в целом род человеческий, хочется думать, всё же относительно как бы и беспредельны, и всеильны в каком-то определённом смысле.

Народ – это не только мы, но и наши деды-прадеды, наши внуки-правнуки. Также и жизнь не одномерна, но, как и род, продолжительна, последовательна и преемственна. Человечество и цивилизация – в чём-то особенная организация мира и жизни. Хотя для нас личная жизнь – некая таинственная единственность и как будто абсолютно ничем не обусловленная заданность. И у жизни-существования, кажется, всё-таки нет равноценной альтернативы, достойной выбора. Отказ и отрицание не есть выход из положения. Если, действительно, выбирать, то уже, может быть, только лишь разновидность, стиль, образ и качество жизни, и никак не больше того.

Для одних из нас жизнь, кажется, – сплошь одно страдание и горе, для других, напротив, – восхищение и радость, для кого – жертва и подвиг, для кого – игра и авантюра, жизнь – лёгкое существование и трудный поиск, может вызывать в людях разные чувства, ощущения и отношения, отсюда суждения и всевозможные оценки, характеристики. У каждого человека (и у каждого народа) своя жизнь и, следовательно, своё представление о ней, ценность её связана и зависит от многого: породы, судьбы, наследственности, организованности и культуры. Безусловно, в каких-то пределах вольному воля, выбирай путь, что предпочитаешь, что нравится. Жизнь – то ли лень, то ли старание, или расхлябанность и разгильдяйство, или упорство.

Наша жизнь тесно связана с осмыслением, с сознанием и пониманием, и всё же никак не исчерпывается только лишь одним этим планом разумно-

сти и свойством менталитета, будучи, несомненно, сама по себе больше и объёмней всех этих свойств личности в отдельности и вместе взятых. Мышление вполне обоснованно связывается с общением и диалогом культур, столкновением, развитием и поддержкой различных разумений, положений и взглядов на мир, или действительность. В стихии жизни, кроме того, всегда весьма значителен вес и важна роль интуиции, иррациональной деятельности и разного рода неосознанной чувственности.

Жизнь в тебе и в природе, вокруг нас, чрезвычайно многообразна и разнолика. Для нас, однако, прежде всего, но вовсе не исключительно, почему-то особенно важна жизнедеятельность именно человеческого общества. Конечно, на самом первом месте здесь, явственно выделяясь, всё же субъективность, своя личность и собственная персона. Значимость и своеобразие всякого человека, в конечном счёте, как и постепенно формирующийся образ и внутренний облик его, связаны с поведением, потребностями, интересами, общественным положением, отношениями, столкновениями, соперничеством, борьбой, с выживанием и завоеванием места себе под солнцем.

Вместе с тем личность, или "Я", всё же глубже всего этого, включая в себя также и сознание, культуру, личный характер, привычки, образование, связи, знакомства и всенепременно язык как средство символизации, общения, выражения мыслей и накопления смыслов и развития опыта.

На вопрос: "Что такое жизнь?" – пытались ответить философы и мудрецы. Долгая история вопроса жизни только с какой-то одной стороны, и все грани определений жизни никак не складываются в законченную фигуру, расползаются, рассыпаются в нашем сознании. Многообразие – много образов и представлений жизни. Раз существуют и употребляются слова, то приходится их смыслы очерчивать как-то. С одной стороны, стремимся к унификации. И в то же время всё больше углубляемся, расширяемся, расходимся во взглядах и понимании. Все мы – каждый сам по себе, что-то имеем в виду.

Однако наука не дала ни одного законченного определения жизни, т.к. бесконечному потоку мироздания и созидания невозможно в принципе установить пределы и ограничить (то есть определить) его.

Статистическое приложение

Сочетаемость "жизни", или контексты слова, по моделям:

- S-P. Сказуемое: существительные, прилагательные, глаголы, причастия.
- aN. Определения к слову "жизнь" (прилагательные, местоимения).
- Nn2. Жизнь кого, чего, чья? (жизнь человека, жизнь города).
- nN2. Существительные, управляющие род. пад. (кто-что → жизни).
- vN4. Глаголы, управляющие вин. пад. (что делать → жизнь).

Объём выборки – всего текстовых источников – 105 книг и произведений, их №№ перечисляются в конце данного Приложения. Далее после слов *г* – ранг, или число источников (первая цифра после слова), *f* – частота употребления (вторая цифра после слова). КСП (комплексный статистический показатель) – произведение $г \times f$. Отсутствие цифр после слова означает $г1 f1$. *F* – суммарная частота слов группы. *f* – средняя частота. Алфавитный список был скопирован, переформатирован и представлен здесь в рангово-частотном порядке, или варианте.

S-P. 4 разных части речи в роли сказуемых: жизнь – это что? какова? что делает?

Существительные в роли сказуемых при подлежащем "жизнь"

(Рангово-частотный список. 246 слов из 105 текстов)

1. Группа употребительных существительных в роли сказуемых. 20 слов. КСП 132 – 12.

Борьба 11 12, жизнь 11 12, благо 6 7, штука (безжалостная, простая, злая, хитрая, ужасная, скверная, эка) 6 7, смерть 6 6, сон 6 6, вещь (грустная, страшная) 5 5, игра (шахматная) 5 5, любовь 5 5, зло 4, дело (сумасшедшего зверя, не их дело, иное) 4 4, искусство 4 4, каторга 4 4, нечто (безумное, беспримерное, иное) 4 4, подвиг 4 4, работа (суровая) 4 4, роман 4 4, страдание 4 4, цепь (неприятностей, ошибок) 4 4, ряд (отношений, крушений, наград, утрат) 3 4.

2. Группа малоупотребительных существительных в роли сказуемых. 55 слов. КСП 9 – 2.

Грех (против духа святого) 3 3, драма 3 3, миг (только) 3 3, радость 3 3, сознание 3 3, состояние (войны, жизни) 3 3, средство (существования) 3 3, счастье 3 3, тайна 3 3, чудо 3 3, диалектика 2 4, ад 2 3, болезнь 2 3, вздор 2 3, воля (к власти, к мощи) 2 3, день 2 3, подготовка (к следующей) 2 3, противоречие 2 3, творчество 2 3, возможность (одна из) 2 2, война 2 2, вопрос (философский) 2 2, голгофа 2 2, дар 2 2, доказательство (для этих положений) 2 2, жажда (власти) 2 2, зрелище 2 2, имя 2 2, истина 2 2, копейка 2 2,

материал (не) 2 2, мир 2 2, навязывание (форм) 2 2, нанесение (вреда) 2 2, несчастье 2 2, опера 2 2, опыт 2 2, поэзия 2 2, предмет (книги, поэзии) 2 2, прекрасное 2 2, приключение 2 2, природа 2 2, причина (продолжения) 2 2, процесс (очищения) 2 2, пустыки 2 2, результат 2 2, смена (форм) 2 2, сновидение 2 2, сокровище (мира) 2 2, торжество 2 2, угнетение 2 2, удел 2 2, эксплуатация 2 2, явление 2 2, гроза 1 2.

3. Группа существительных в роли сказуемых, встретившихся один раз. 171 слово.

Автономия, амнистия, аннексия, бессилие (души), бессмертие, бессмыслица, биение, биография, благоденствие, блаженство, блуд, бред, будущее, бытие, вата, вереница (внушений), вещество (не), взаимодействие, вид (*ягьи*, жертвоприношения), внешность, воображение, воплощение, воспитательница, выживание, вымысел, вырастание, выручка (жизненная), гармония, движение, действие, деятельность, добродетель, доброта, дом (сумасшедший), драка, дух, женщина, жестокость, забава, забота, загадка, задача, залог, затея, идеал (поэта), изобретение (человеческое), инструмент (познания), исключение, испытание, история, источник (поэзии), кампания, карандаш, картина, кощунство, лужа, машина, медление, мера (охранительная), мотовство, мучение, МХАТ, мысль, награда, нажива, наклонность, насилие, наслаждение, несуразица, ничто, нищета, обман, обмен, образование, обращение, обыденность, окружающие (люди), олицетворение (воли), основа, осуществление (инобытийное), отсутствие (мнения), панорама, период, песнь, печальная сторона, пир, плод, повторение, подавление, подарок (богов), поле (битвы), полемика (воли), порыв, потеха, поход, правда, практика, превращение, предназначение, предприятие, преодоление, привычка (дурная), приготовление, признак (весёлого настроения), призыв (к отпору), пример (использования), принятие (пищи), присваивание, присвоение, причастие, произведение, производство, протест, прошедшее, прыжок, пустота, пытка, расставание, растворенье, расширение (живого существа), решение (проблем), ритм, Русь, самообман, самоотвержение, самопожертвование, самосохранение, свет, свеча (невидимая), сволочь (*Горький*), священное (ничто), сила, система, сказка, случай, смирение, сплетни, спокойствие, справедливость, срок, становление, стихи, строительство, суэта сует, суровость, существование, танец (чёртов), театр, текучесть (сплошная), томление, тоска, трагедия, трепет, труд, угасание, удовольствие, урок, фантазмагория, феномен, цель, ценность, центр, частность, череда (успехов и неудач), *читти-шакти* (или трансцендентальное наслаждение), шутка, эксперимент, эпизод, эпос, юдоль, "я".

Прилагательные в роли сказуемых при подлежащем "жизнь". 215 слов из 105 текстов.

1. Группа употребительных прилагательных – 24 слова. КСП 374 – 12.

Коротка-короче 17 22, полна-полнее (беспокойства, интересов, огорчений, страдания, смыслом, тревог) 14 23, прекрасна 10 18, должна (вестись, быть устроена, разыгаться, эволюционировать, быть такою, быть пассивной) 10 15, богата-богаче 6 13, хороша 6 12, дорога 5 9, невозможна 6 7, легка 5 6, такова 5 6, возможна 5 5, немыслима 4 6, проста-проще 4 6, страшна-страшнее 4 6, известна 4 5, подобна (жизни) 4 5, трудна 4 5, приятна 4 4, тяжела 4 4, сложна-сложнее 3 5, бедна (событиями) 3 4, временна 3 4, нужна 3 4, похожа 3 4.

2. *Группа средне- и малоупотребительных прилагательных-сказуемых.*
46 слов. КСП 9 – 2.

достойна (участи) 3 3, кончена 3 3, многообразна 3 3, несправедлива 3 3, печальна 3 3, пуста 3 3, скучна 3 3, ужасна 3 3, бесконечна 2 3, бессмысленна 2 3, индивидуальна 2 3, нелегка 2 3, плоха-хуже 2 3, священна 2 3, совершенна 2 3, беспредельна 2 2, близка 2 2, великолепно 2 2, вечна 2 2 глупа 2 2, дешева-дешевле 2 2, долга 2 2, доступна 2 2, драматична-драматичнее 2 2, едина 2 2, зла-злее 2 2, какова 2 2, красна 2 2, личностна 2 2, многолика 2 2, мучительна 2 2, огромна 2 2, одинока 2 2, противоречива 2 2, свободна 2 2 символична 2 2, скоротечна 2 2, случайна 2 2, спокойна 2 2, удивительна 2 2, удобна-удобнее 2 2, холодна 2 2, ценна 2 2, чиста-чище 2 2, интермитентна 1 2, лучше 1 2.

3. *Группа прилагательных-сказуемых, встретившихся один раз.* 144 слов.

Автономна, антинародна, бедственна, безлика, безмерна, безрадостна, безразлична, безумна, безупречна, безутешней, безынтересна, бесплодна, беспорядочна, беспутна, бесталанна, бестолкова, бесхитростна, благолепна, благополучна, блестяща, блистательна, брэнна, бурна, быстротечна, велика, веселее, впечатлительна, вторична, годна (на что больше), горше, готова, греховна, груба, далека, длинна, духовна, единственна, желательна, жестка, жутка, загадочна, закономерна, заманчива, замечательна, знакома, значительна, иллюзорна, имманентна, интересна, конкретна, кратковременна, крепка, лжива, мерзка, мертва, метаномична, милосердна, милостива, мимолётна, монотонна, мрачна, мудра, мутна, народна, невыносима, неделима, недостойна, недоступна, незавидна, незаметна, неинтересна, неисчерпаема, неконтролируема, нелепа, необходима, необыкновенна, непроверяема, неподвластна, неподлинна, неполна, непонятна, неприятна, непрочна, неразумна, несовершенно, нестерпима, неудачлива, неудачна, неупорядоченна, неустроенна, ничтожна, одинакова, однообразна, однородна, окращена, опасна, отвратительна, отчётлива, пассивна, плодотворна, подспудна, позорна, понятна, поучительна, пошла, предпочтительнее, прозрачна, притягательна, продолжительна, противоестественна, протяжённа, радостна, разнообразна, реальна, светла, свойственна, сердечна, синхронна,

скудна, сладка, согласна, строга, стройна, талантлива, темна, тесна, тиха, томительна, трагична, трагична, тупа, убийственна, увлекательна, уместна, унижительна, уныла, уродлива, цельна, чужда, щедра, эгоистична, экспансивна, эфемерна, ясна.

Рангово-частотный список глаголов в роли сказуемых при слове "жизнь"

(в 105 текстах всего 246 глаголов-сказуемых)

1. Группа глаголов-сказуемых высокой употребительности. 43 слова.

КСП 3000 – 54.

Есть (доказательство, жизнь, нечто, полемика, принятие, страдание, расширение, решение, сон, состояние, центр, фаза осуществления) 40 75, бывает-была-будет (благополучной, принципом, вот это, полегче, другой, иной, испытанием, тайною, копеечкой, причиной, тяжкой, в безопасности, в нём, впереди, далеко) 41 70, проходила-проходит-прошла (на рынке, в мастерской, в двойственности, сквозь трансформацию) 37 48, идёт-шла (скромно) 29 52, началась-начинается-начиналась-начнётся 27 49, могла-может (быть, развить, удовлетворить, стоять, существовать, улучшаться) 31 41, становилась-становится (богатой, гордой, лёгкой, невыносимой, мрачнее, боязливей, суровее, сложной, возможной, дезорганизованной, счастливой, празднеством) 25 41, явилась-является (порождением страха, грубой, жестокой, главным, голгофой, пыткой, трудом, нищетой, пиром, подготовкой, предметом, смирением, фактором) 20 37, началась 23 32, продолжается-продолжалась 21 27, представила-представляет-представляла представит (собой загадку, зрелище, картину, нарушение, пляску, процесс, случай, столько стимулов, целое) 20 28, стала (веселей, сокращаться, убавляться, тяжёлая) 20 26, кипела 14 21, зависит 16 24, кончается-кончилась-кончится 19 19, протекает-протекала-протекла (в стороне) 14 25, кажется-казалась (долгой, беспредельной, пустой, монотонной, соплёй, интересной, чудесной, пёстрой) 14 26, оставляется-остаётся-останется 15 20, имеет 14 20, давала-даёт-дала (право) 15 17, существует 12 16, сложилась-сложится 12 15, оказалась-оказывается (во власти, возможной, жизнью) 12 14, пошла (на пользу) 12 13, протекает 9 17, требует 11 13, течёт 10 14, состоит-состояла (в желании, из мелочей, из радости) 10 13, представляется-представлялась (образцовой) 8 13, складывается 10 10, возникает-возникла (из процесса) 9 11, начала-начинает 9 10, стоит-стояла (на месте) 8 11, наполнится-наполняется 9 9, напоминает-напомнила 9 9, определилась-определяется 8 10, получает-получила (пользу, прелесть) 8 10, строилась (на идее) 7 10, замерла-замирает 8 8, обманет-обманывает 8 8, будет (духовной, спешной, успешной, идти в направлении) 6 10, ставила-ставит (задачи, в повестку дня, в ситуацию) 7 8, даётся 6 9.

2. *Группа глаголов-сказуемых средней употребительности. 71 слово. КСП 49-12.*

Несёт-носила-носит (смысл, характер) 7 7, отличается 7 7, показалась 7 7, потеряет-потеряла (смысл) 7 7, происходит (в результате) 7 7, служила-служит (выражением, примером) 7 7, уходит-ушла 7 7, научила 5 8, держалась-держится (справедливостью) 6 6, ждала-ждёт (слава) 6 6, останавливается-остановилась 6 6, откроется-открывается-открылась 6 6, превратилась-превращается (в существование) 6 6, предстала-предстоит (в свете) 6 6, развернулась-развёртывается 6 6, сливается-слилась 6 6, играет 6 6, находится-находятся (в опасности, во власти, под властью, на небесах) 6 6, бьёт 5 6, ведёт (к формам) 5 5, вставала-встала 5 5, делается 5 5, зародилась-зарождается 5 5, изменилась-изменяется 5 5, интересуется 5 5, обернётся 5 5, обретает (смысл) 5 5, окончится 5 5, погибнет 5 5, угасает-угаснет 5 5, удаётся-удалась 5 5, вернётся-вернулась 4 5, пройдёт 4 5, висела-висит (на волоске) 4 4, выглядела 4 4, движется 4 4, заняла 4 4, заставила-заставляет (делать) 4 4, изменится-изменяется 4 4, меняется 4 4, нравилась 4 4, нуждается 4 4, обошлась-обходилась-обходится (жестоко) 4 4, обратится-обращается 4 4, отражается-отражалась-отразилась 4 4, переходит 4 4, подвергается 4 4, подтвердила-подтверждает-подтверждала (представление) 4 4, показала-показывает 4 4, помогает-помогала-помогла 4 4, порождает 4 4, прекратится-прекращается 4 4, принесла-приносит 4 4, принимает-приняла (течение) 4 4, приобрела-приобретает (ценность) 4 4, проявилась-проявляется 4 4, разрушает-разрушила (иллюзию) 4 4, слагается 4 4, сопровождается 4 4, теплится 4 4, указывается 4 4, характеризуется 4 4, исходит 3 5, приносится (в жертву) 3 5, берёт-брала (своё) 3 4, пропадёт-пропала 3 4, распадается-распадётся 3 4, рисуется 3 4, содержится 3 4, соответствует 3 4, способствовала-способствует (выработке) 3 4.

3. *Группа малоупотребительных глаголов-сказуемых. 166 слов. КСП 9 – 2.*

Баловала 3 3, вызывает 3 3, гаснет 3 3, дарит 3 3, делает 3 3, доказала-доказывает 3 3, заслуживает (усилий) 3 3, исчезает-исчезла 3 3, катится 3 3, любит 3 3, манила-манит 3 3, надоела 3 3, обладает 3 3, оборвётся 3 3, опротивела 3 3, повторится-повторяется 3 3, подавляет 3 3, подражает 3 3, предполагает (соблюдение) 3 3, представилась 3 3, принадлежит (прошлому) 3 3, пробудилась-пробуждалась-пробудится 3 3, продолжает-продолжала (трепыхаться) 3 3, радовала-радует 3 3, разделяется-разделялась (на части) 3 3, рассматривается 3 3, родится-рождается 3 3, свела-сводила 3 3, сделает 3 3, совершается-совершилась (бесконфликтно, гармонично) 3 3, текла 3 3, теряет 3 3, тяготит 3 3, убивает 3 3, улыбается-улыбнулась 3 3, умерла-умирает 3 3, устраивается-устроилась 3 3, совпадает-совпала 3 3, покоилась-покоится 2 4, перестала 2 3, сведётся-свелась 2 3, уйдёт 2 3, была (клю-

чом) 2 2, билась (пульсом) 2 2, включает 2 2, вливается-вливалась 2 2, вносит 2 2, возбудила-возбуждает (вопрос) 2 2, возвращалась 2 2, воспитала 2 2, воспринимает-восприняла 2 2, воспринималась 2 2, вступает-вступила (в конфликт) 2 2, входила-входит (в колею) 2 2, выбрасывает 2 2, выработала 2 2, выражается-выражалась (в создании) 2 2, вырастает 2 2, выступает 2 2, выходила 2 2, вышла 2 2, выявила-выявляет 2 2, готовит 2 2, даровала-дарует 2 2, двинула 2 2, действует (на благо) 2 2, длится 2 2, доставляет 2 2, заканчивается 2 2, заключается 2 2, закончилась 2 2, затягивала-затянула 2 2, затянулась 2 2, захватила-захватывала 2 2, жидется (на принципе) 2 2, знает 2 2, значит 2 2, зовёт 2 2, исчерпывается 2 2, лишается (многогранности) 2 2, миновала-минует 2 2, мотивируется 2 2, мчится 2 2, наладится 2 2, наполнила-наполняет 2 2, направилась-направляется 2 2, несётся 2 2, обещала 2 2, объяснит 2 2, озарилась-озаряется (светом) 2 2, означает 2 2, организуется 2 2, освящается 2 2, оставила-оставляла (позади, тело) 2 2, открывает-открыла 2 2, отнимает-отняла (блага) 2 2, относится 2 2, переливается 2 2, переменялась 2 2, переплетается 2 2, поворачивает 2 2, поглотит 2 2, поднимает-поднялась 2 2, пойдёт 2 2, покоряется 2 2, поняла 2 2, попадается 2 2, послужила (пьедесталом, школой) 2 2, постигается 2 2, потекла 2 2, преломилась-преломляется 2 2, пресечётся 2 2, привела-приводит 2 2, приедается 2 2, присутствует 2 2, притягивает 2 2, приучила 2 2, приходит 2 2, пробегает 2 2, пронеслась 2 2, проснулась-просypалась 2 2, простирается 2 2, проявляет 2 2, разбивается-разбилась 2 2, развела 2 2, разрушается-разрушилась 2 2, разыгрывается 2 2, раскрывается-раскрылась 2 2, расцвела-расцветала 2 2, рождает 2 2, свидетельствует 2 2, складывает 2 2, склонилась-склоняется (к концу) 2 2, скрестила-скрещивала 2 2, скрывается 2 2, содержит 2 2, создаёт-создаст (этику) 2 2, создаётся 2 2, соприкасается 2 2, сосредоточивалась-сосредоточилась 2 2, сохранила (характер) 2 2, спасёт-спасла 2 2, стоила-стоит (страданий) 2 2, столкнула 2 2, таит 2 2, творилась-творится 2 2, творит (поэтов) 2 2, торжествует 2 2, тянется 2 2, угнетала 2 2, удержалась-удерживается 2 2, успокаивается-успокоилась 2 2, утверждает-ся 2 2, учит 2 2, формирует 2 2, хочет 2 2, чувствуется 2 2, бурлит 1 3, знаменует 1 3, образумила 1 2, преуспевает-преуспевала 1 2, утверждает (себя) 1 2, эволюционировала-эволюционирует 1 2.

4. Группа глаголов-сказуемых, встретившихся 1 раз. 381 слово.

Ассоциируется, базируется, беднеет, бежит, близилась (к концу), бушует, бьётся, вдохновляла, ведётся, верит, вертела, вживается, взглянула, виделась, влечёт, влечётся, вместила, вовлекает, возвещает, возвышала, вознесёт, возобновляет, возразила, возьмёт, войдёт (в колею), волнует, воплощает, вошла, впитывала, вразумила, вращается, врезалась (в память), врывается, всплывает, вторгнется, вывихнула, выдвигает, вылечит, выпрямляет, вырвала, вырисовывается, выступит, выталкивает, вычеркнула, гибнет,

гнёт, годится, горит, грезится, губит, давила, двоится, дегенерировала, делится, диктовала, долетала, допустит, жаждет, жертвуется, животворит, забила, завелась, завершается, заглохла, загорается, задаёт, задаётся, заела, зажгла, зажурчала, заиграет, заинтересовала, займёт, закалила, закипала, заключает (целесообразность), закрутила, закрывается, закрыла, заладилась, замедляется, замыкается, занялась, запихнула, запрещается, затискала, затихала, зачалась зашумела, зеленеет, игнорируется, избирает, извращается, издевается, излагается, излечивает, изменит, изображалась, иллюстрируется, имеется, исключает, исключается, искручивает (нас), искупается, исполнилась, испытала, исследуется, исцеляет, исчислялась, касается, кишит, клонилась, ковала, командует, коснулась, кружилась, ладилась, лишает (человека), ломала, меняет, мерцает, мешала (занятиям), мотала, мыслится, надвигалась, называет, найдётся, наказывает, намечалась, наносила (удары), напутает, народилась, нарушалась, насилует, наскучила, настраивается, наступила, находит, низвергла, обделила, обещалась, облегчает, обнаруживается, обновлялась, обойдётся, обособилась, обостряется, образовала, обростала (сплетнями), обрывается, обступает, обуславливается, обходит, объединяет (людей), объясняется, обяывает, овладела, ограждает, одевалась, оживилась, ожидает, озолотилась, оказывала, оканчивала, окупает, омрачалась, опережает, описывалась, оправдывается, определяет, опровергала (гипотезу), опрокидывает, опрокидывается, опустошается, основывается, остывает, отвечает, отвлекла, отдаёт, отдаётся, отказывалась, откалывает, откидывала, откладывалась, отошла, отравила, отражала, отрывается, отставала, отучает, охватила, оценивает, оцепенела, очистится, перевернула, переделала, переживает (мораль), перепутывается, пересеклась, перетасовала, переучивает, питалась, побеждает, побуждала, повернёт, повернулась, повисла (на волоске), повторила, подавляется, подводит, поддаётся, подлежит, подмяла, подразделяется, подразумевает, подсказывала, подсунет, подходила, подчинялась, позаботилась, позволяется, позволяла, покачнулась, полегчает, поменялась, помешала, помнила, понимается, понравилась, попала, последовала, поспешает, поступает, потечёт, потребовалась, появляется, предлагается, предлагала, предоставила, предписывается, предпочитается (смерти), предьявляла, прерывала, претерпевает (изменение), приближалась, привлекала, придавала, придавит, придушит, прижимала, применяет, примет, приостановилась, проверяется, проглянет, прогневает, продавила, продвигается, проживается, пролетела, промелькнула, проникает, проникает, просвечивала, просилась, прославила, противоречила, противостоит, протягивает, процветала, прячется, работает, разбросала, разбудила, развивается, разгоралась, размазывает, разыгрывает, раскладывает, раскрыла, распахнула, располагает, располагала (к этому), распорядилась, распльётся, расстраивает, рассчитывалась, рассыплется, растеряется, расширится,

реализовалась, регулировалась, регулирует, решается, решила, рисует (красками), росла, руководилась, рухнула, рычит, свежела, свёртывалась, свила, сводится, сгорела, сдаётся, сдвинется, сделается, скопировала, скрывает, сложит, сломалась, сломила, смеялась, смягчила (княгиню), снабжала, снесёт, собрала, согревала, созерцается, сознаёт, сокращается, сообщила, соотносится, сопровождает (служение), сопротивлялась, сорит, составляла, состоялась, сохраняется, сошла, спешит, срабатывает, старалась, страдает, судится, сулила, суть, сформировалась, сформировали, считалась, таилась, тащится, толкнула, травила, тратилась, тревожила, убавляется, убеждает, увеличивает, увеличивается, увлекла, увязывалась, ударит, указывает, уклоняется, украсила, украшается, укрепит, улучшается, умудрила, уносит, упадёт, уплыла, упоминается, упорядочивается, управляет (всем живущим), уронит, ускользнула, установилась, утверждала, утоптала, утратила, утрясалась, фигурирует, формируется, царствует, цветёт, ценится, чередуется, швырнёт.

Краткие страдательные причастия в роли сказуемых. 114 слов из 105 текстов.

1. *Группа из 36 употребительных слов, $f=20-2$.*

Устроена 14 20, дана 11 12, подчинена (закону) 8 10, связана 8 8, дарована 5 5, наполнена 5 5, разбита 5 5, лишена (знания, целей) 4 5, сосредоточена 4 5, затемнена 4 4, направлена 4 4, основана 4 4, отражена 4 4, прожита 4 4, кончена 3 3, освещена 3 3, отдана 3 3, отравлена 3 3, соткана 3 3, предназначена 2 4, запутана 2 3, загублена 2 2, заполнена 2 2, изображена 2 2, испорчена 2 2, обеспечена 2 2, окутана 2 2, определена 2 2, отмечена 2 2, потеряна 2 2, проникнута 2 2, пропитана 2 2, расписана 2 2, сломана 2 2, посвящена (служению) 1 2, принесена 1 2.

2. *Группа из 78 малоупотребительных слов, $f=1$.*

Вверена, взбаламучена, взволнована, взята, возвращена, возмущена, воплощена, выдумана, дезорганизована, дифференцирована, дожита, завещана, зажата, закончена, закрыта, заложена, запечатлена, записана, запрещена, запятнана (ложью), искажена, искалечена, исполнена, написана, насыщена, начата, неделима, неотделима, обещана, обусловлена (традицией), объята, овеяна, ограничена, окончена, описана, оправдана, организована, осмыслена, отгорожена, отказана, отпущена, отрезана, охвачена, переплетена, перестроена, погружена (в неправду), погублена, подвержена, подорвана, подтахована, поражена, поставлена (на карту), построена, предоставлена, предписана, приведена, приспособлена, приурочена, пронизана, пропущена, раздвинута, различима, разрушена, раскрыта, распределена, регламентирована, сделана, собрана, создана, сопряжена, составлена, спасена, спаяна, суждена, схвачена, усложнена, устремлена, ущерблена.

аН. Определения жизни (прилагательные, причастия, местоимения) – 1254 слова.

Рангово-частотный список определений слова "жизнь" (5 групп).

1. Группа самых употребительных определений. 114 слов. КСП 126452 – 132. F=10368, f=78,5.

Своя 101 1252, вся 100 1235, его 93 735, моя 81 608, наша 68 694, человеческая 62 295, эта 67 242, новая 65 206, духовная 51 261, сама 63 204, общественная 57 190, их 58 158, её 53 162, собственная 55 127, русская 43 150, личная 53 112, внутренняя 43 132, повседневная 43 125, семейная 43 119, вечная 37 102, такая 41 87, реальная 33 97, земная 33 82, сознательная 17 152, другая 32 79, политическая 33 68, обыденная 31 68, социальная 19 98, прошлая 24 78, та 30 60, современная 29 57, долгая 33 50, частная 29 54, народная 28 54, твоя 29 52, светская 28 52, живая 18 75, душевная 19 64, обычная 29 41, целая 23 48, действительная 25 44, настоящая 26 40, счастливая 23 44, иная 25 39, психическая 14 65, ваша 24 37, будущая 24 36, деревенская 20 41, прежняя 20 40, совместная 24 33, самостоятельная 23 30, простая 20 34, религиозная 16 42, органическая 15 44, мирная 21 28, государственная 19 28, городская 19 26, чужая 19 26, половая 14 35, праздничная 16 30, нормальная 17 28, бурная 16 28, культурная 18 24, одна 14 30, внешняя 16 26, свободная 18 23, лучшая 17 24, творческая 17 24, какая–то 16 25, мировая 13 30, экономическая 16 24, петербургская 14 27, загробная 17 22, литературная 13 28, материальная 12 30, окружающая 14 25, умственная 15 23, общая 17 20, спокойная 14 24, животная 12 27, дальнейшая 16 20, домашняя 16 19, всякая 15 20, молодая 15 20, напряжённая 17 17, тихая 16 18, истинная 13 22, уединённая 15 19, придворная 14 20, историческая 10 27, трудовая 15 18, тяжёлая 14 19, короткая 14 18, богатая 13 19, одинокая 13 19, трудная 13 18, нравственная 11 21, какая 12 19, последующая 14 16, хорошая 12 16, московская 10 19, бедная 13 14, вольная 12 15, подлинная 12 15, холостая 9 20, чистая 12 15, прекрасная 11 16, полная 11 14, предыдущая 10 15, столичная 10 15, гражданская 11 13, сложная 10 14, интеллектуальная 8 17, деятельная 11 12.

2. Группа определений средней употребительности. 118 слов. КСП 130 – 30. F=1059, f=8,9.

Европейская 10 13, психологическая 5 26, праведная 9 14, физическая 7 17, активная 10 12, будничная 8 15, весёлая 10 12, интимная 9 13, лёгкая 9 13, божественная 8 14, чья 10 11, бесконечная 8 13, лицейская 8 13, праздная 8 13, студенческая 8 12, церковная 6 16, эмоциональная 6 16, теперешняя 9 10, скучная 8 11, тогдашняя 8 11, серая 7 12, особая 9 9, прожитая 9 9, шумная 9 9, ночная 8 10, суетная 8 10, индивидуальная 7 11, достойная 8 9, лагерная 8 9, природная 6 12, благополучная 7 10, провинциальная 7 10, кочевая 8 8, маленькая 8 8, сельская 8 8, телесная 8 8, временная 7 9, любая 7 9,

обыкновенная 7 9, предшествующая 7 9, святая 7 9, странная 7 9, текущая 7 9, честная 7 9, разумная 5 12, взрослая 6 10, детская 7 8, замкнутая 7 8, недолгая 7 8, однообразная 7 8, советская 5 11, следующая 2 25, военная 7 7, несчастная 7 7, отдельная 7 7, правильная 7 7, размеренная 7 7, разнообразная 7 7, самая 7 7, такова 7 7, художественная 7 7, бессмысленная 6 8, вторая 6 8, общественно-политическая 4 12, летняя 5 9, разгульная 5 9, семейственная 5 9, беспечная 6 7, всеобщая 6 7, национальная 6 7, остальная 6 7, прошедшая 6 7, распутная 6 7, чудесная 6 7, широкая 6 7, деловая 5 8, мёртвая 4 10, отшельническая 4 10, парижская 5 8, родная 5 8, беспокойная 6 6, блестящая 6 6, великая 6 6, естественная 4 9, загубленная 6 6, злая 3 12, космическая 4 9, крестьянская 6 6, мучительная 6 6, растительная 6 6, светлая 6 6, сексуальная 6 6, сладкая 6 6, созерцательная 6 6, старая 6 6, супружеская 6 6, тайная 6 6, христианская 4 9, аскетическая 5 7, высшая 5 7, единая 5 7, ежедневная 5 7, здоровая 5 7, кишинёвская 5 7, оставшаяся 5 7, большая 4 8, высокая 5 6, дешёвая 5 6, длинная 5 6, добродетельная 5 6, жалкая 5 6, каждая 5 6, краткая 5 6, нелёгкая 5 6, осмысленная 5 6, полноценная 5 6, скитальческая 5 6, таинственная 5 6.

3. *Группа определений ниже средней частотности – 141 слово. КСП 28–10, F=583, f=4,1.*

Бытовая 4 7, греческая 4 7, бессмертная 5 5, буржуазная 5 5, драгоценная 5 5, женская 5 5, каждодневная 3 8, нынешняя 5 5, подвижная 5 5, предшествовавшая 5 5, пустая 5 5, славная 5 5, страдальческая 5 5, страшная 5 5, тёмная 5 5, биологическая 4 6, единственная 4 6, какова 4 6, китайская 4 6, подвижническая 4 6, походная 4 6, хозяйственная 4 6, двойная 4 5, здешняя 4 5, нищенская 4 5, полуголодная 4 5, радостная 4 5, римская 4 5, трезвая 4 5, дневная 3 6, инстинктивная 3 6, ментальная 3 6, обусловленная 1 18, практическая 3 6, роскошная 3 6, безобразная 4 4, благочестивая 4 4, блаженная 4 4, блистательная 4 4, боевая 4 4, бывшая 4 4, воображаемая 4 4, глухая 4 4, горькая 4 4, дикая 4 4, жестокая 4 4, заграничная 4 4, милая 4 4, многообразная 4 4, мудрая 4 4, небесная 4 4, независимая 4 4, никакая 4 4, объективная 4 4, патриархальная 4 4, пёстрая 4 4, привычная 4 4, пушкинская 4 4, райская 4 4, сокровенная 4 4, степенная 4 4, ясная 4 4, групповая 3 5, дворянская 3 5, непосредственная 3 5, плотская 3 5, совершенная 3 5, солдатская 3 5, театральная 3 5, безупречная 3 4, беспутная 3 4, бесцветная 3 4, бродячая 3 4, буйная 3 4, греховная 3 4, неизвестная 3 4, отчуждённая 3 4, писательская 3 4, помещицья 3 4, пустынная 3 4, случайная 3 4, стихийная 3 4, трагическая 3 4, цельная 3 4, родовая 2 5, безнравственная 3 3, безрадостная 3 3, бессознательная 3 3, бесшабашная 3 3, близкая 3 3, братская 3 3, быстротечная 3 3, враждебная 3 3, глубокая 3 3, грубая 3 3, знакомая 3

3, интенсивная 3 3, испанская 3 3, кавказская 3 3, кипучая 3 3, кипящая 3 3, конкретная 3 3, красивая 3 3, лесная 3 3, любовная 3 3, монастырская 3 3, налаженная 3 3, невесёлая 3 3, невидимая 3 3, неизменная 3 3, немецкая 3 3, ненужная 3 3, ничтожная 3 3, одесская 3 3, оседлая 3 3, особенная 3 3, подлая 3 3, порочная 3 3, привольная 3 3, приличная 3 3, путаная 3 3, разбитая 3 3, рассеянная 3 3, своеобразная 3 3, сегодняшняя 3 3, сидячая 3 3, сия 3 3, скромная 3 3, сосредоточенная 3 3, справедливая 3 3, старинная 3 3, странническая 3 3, сытая 3 3, тамошняя 3 3, тяжкая 3 3, фантастическая 3 3, цыганская 3 3, чувственная 3 3, эгоистическая 3 3, эдакая 3 3, эмигрантская 3 3.

4. *Группа определений малой употребительности – 215 слов. КСП 8 – 2. F=489, f=2,27.*

брачная 2 4, многие 2 4, обывательская 2 4, поэтическая 2 4, строгая 2 4, суровая 2 4, чья-то 2 4, брeнная 2 3, всемирная 2 3, героическая 2 3, идейная 2 3, идилическая 2 3, искусственная 2 3, ложная 2 3, мистическая 2 3, монашеская 2 3, невоздержанная 2 3, невыносимая 2 3, некая 2 3, нелепая 2 3, необыкновенная 2 3, осенняя 2 3, посмертная 2 3, преображённая 2 3, призрачная 2 3, приятная 2 3, производственная 2 3, публичная 2 3, сносная 2 3, социально-экономическая 2 3, социокультурная 1 6, тридцатилетняя 2 3, фальшивая 2 3, эфемерная 2 3, социально-культурная 1 5, американская 2 2, английская 2 2, армейская 2 2, артистическая 2 2, барская 2 2, безалаберная 2 2, беззаботная 2 2, беспорядочная 2 2, бесвязная 2 2, бесславная 2 2, бестолковая 2 2, бесцельная 2 2, богопротивная 2 2, бодрая 2 2, величавая 2 2, видимая 2 2, возможная 2 2, возрождающаяся 2 2, волнующая 2 2, восьмидесятилетняя 2 2, всedневная 2 2, вялая 2 2, гармоничная 2 2, глубинная 2 2, горемычная 2 2, горестная 2 2, грешная 2 2, далёкая 2 2, дворцовая 2 2, двухлетняя 2 2, девичья 2 2, длительная 2 2, длянщаяся 2 2, добрая 2 2, забытая 2 2, задушевная 2 2, закулисная 2 2, западная 2 2, запутанная 2 2, зимняя 2 2, идеальная 2 2, изменяющаяся 2 2, израильская 1 4, изящная 2 2, интересная 2 2, кабинетная 2 2, коллективная 2 2, красочная 2 2, лживая 2 2, малая 2 2, международная 2 2, мирская 1 4, младая 2 2, мнимая 2 2, многолетняя 2 2, многоликая 2 2, многотрудная 2 2, монотонная 2 2, моральная 2 2, морская 2 2, мошенническая 1 4, мрачная 2 2, мятежная 2 2, надёжная 2 2, неведомая 2 2, невозможная 2 2, неделимая 2 2, незаметная 2 2, незнакомая 2 2, неистребимая 2 2, необычная 2 2, непривычная 2 2, беспокойная 2 2, неустроенная 2 2, ничья 2 2, обеспеченная 2 2, общечеловеческая 2 2, общинная 2 2, одушевлённая 2 2, оживлённая 2 2, определённая 2 2, печальная 2 2, плодотворная 2 2, плоская 2 2, победоносная 2 2, погибшая 2 2, подавленная 2 2, пореформенная 2 2, пошлая 2 2, пресная 2 2, продолжительная 2 2, прозаическая 2 2, проклятая 2 2, пропавшая 2 2, пьяная 2 2, развратная 2 2, разная 2 2, ровная 2 2, романическая 2 2, российская 2 2, самобытная 2 2,

сверхприродная 2 2, сказочная 2 2, скудная 2 2, сложившаяся 2 2, соколовская 2 2, сорокалетняя 2 2, стареющая 2 2, суматошная 2 2, тленная 2 2, тоскливая 2 2, тюремная 2 2, убогая 2 2, удачная 2 2, удивительная 2 2, узкая 2 2, умеренная 2 2, устойчивая 2 2, утренняя 2 2, ученическая 2 2, физиологическая 2 2, философская 2 2, французская 2 2, фронтовая 2 2, холодная 2 2, целомудренная 2 2, цивилизованная 2 2, человечья 2 2, чёрная 2 2, чья-нибудь 2 2, школьная 2 2, эмпирическая 2 2, эстетическая 2 2, юная 2 2, яркая 2 2, внутригрупповая 1 3, мифическая 1 3, молдавская 1 3, мыслительная 1 3, афинская 1 2, бескрылая 1 2, владимирская 1 2, голубая 1 2, давняя 1 2, деваханическая 1 2, демоническая 1 2, долговечная 1 2, застойная 1 2, заходящая 1 2, каторжная 1 2, косная 1 2, куца 1 2, лужинская 1 2, мелкопоместная 1 2, монашья 1 2, надорганическая 1 2, неинтересная 1 2, неподвижная 1 2, непростая 1 2, Ньюшкина 1 2, потусторонняя 1 2, прелестная 1 2, проведённая 1 2, продолжающаяся 1 2, пройденная 1 2, противоестественная 1 2, прустовская 1 2, разнузданная 1 2, роевая 1 2, спартанская 1 2, тактильная 1 2, трансцендентальная 1 2, тягостная 1 2, удобная 1 2, успешная 1 2, целостная 1 2, чёрно-белая 1 2, четвёртая 1 2, шахматная 1 2, эротическая 1 2.

5. *Определения, встретившиеся один раз, – 666 слов. $r=1, f=1$.*

Абсолютная, абстрактная, административная, адова, актёрская, Алина, аморфная, ангельская, античная, арестантская, африканская, бактериальная, бегущая, безбедная, безбожная, безбрежная, безвестная, безвыходная, бездейственная, бездеятельная, бездомная, бездумная, бездумно-тихая, безжалостная, безликая, безмятежная, безнадежная, безошибочная, безумная, безысходно-мрачная, берлинская, берущая за душу, бескорыстная, беспаспортная, беспечальная, беспримерная, беспросветная, бессарабская, бессарабско-одесская, бессемейная, бесстрашная, бесценная, бесчувственная, бивачная, бивуачная, благодатная, благоденственная, благодушная, благородная, благороднейшая, благословенная, благоустроенная, бледная, ближайшая, богемная, болдинская, больная, больничная, бредовая, буйно-золотая, буколическая, бурсацкая, бывалая, бывшая, великолепная, великосветская, Верина, весенняя, ветреная, ветхозаветная, взволнованная, влажная, властная, внетеатральная, внутривосточная, военно-походная, воздержанная, возобновимая, воинская, воинственная, волевая, волшебная, восемнадцатилетняя, воскресающая, воскресная, воспринимаемая, восстанавливаемая, восстановившаяся, восточная, восхитительная, восходящая, всебытийственная, всенародная, всечеловеческая, всяческая, вымышленная, выпестованная, вятская, галилейская, гениализованная, гениальная, геттингенская, гимназическая, главная, гладкая, глупая, гнилая, городовая, готовая, грозная, грустная, грядущая, грязная, гуманная, густая, давящая, дантовская, дарованная, дачная, дающая, движущаяся, девчоночья, дезоргани-

зованная, демократическая, дёрганная, диалектическая, добропорядочная, довоенная, дольшая, до-мирная, дорогая, доступная, доходчивая, дошкольная, древняя, дружная, дурная, еврейская, еле слышная, епархиальная, желанная, женатая, животно-растительная, животрепещущая, заведённая, заводская, загаданная, загородная, задорная, заклиненная, законная, заманчивая, замечательная, замотанная, замужня, занимательная, запретная, зарождающаяся, зарубежная, затасканная, затворническая, затрапезная, затхлая, захлёбывающаяся, звериная, звучащая, здравая, земледельческая, знаменитая, значительная, зрелая, идейно-эмоциональная, избалованная, избяная, известная, издаваемая, изменчивая, изображаемая, иллюзорная, инертная, иностранная, иноческая, институтская, интеллигентская, интермитентная, искажённая, искалеченная, исключительная, искренняя, исполненная, испорченная, испытанная, истинно-духовная, исходящая, исчезнувшая, итальянская, кажущаяся, казематная, какая-либо, капустная, Катенькина, келейная, колониетская, колхозная, коммерческая, комнатная, компанийская, комфортная, конечная, конченная, корабельная, косая, косолапая, кочующая, кошмарная, кратковременная, крепкая, крепостная, крикливая, криминальная, кристаллическая, кровавая, кроткая, крохотная, крупная, крученая, крымская, кубинская, культурно-политическая, лабораторная, лаврская, ласковая, легкомысленная, ленивая, Ленина, летаргическая, ликующая, литургическая, лихорадочная, лондонская, людская, лягушачья, малиновая, малорадостная, малоуютная, мальчишеская, маньчжурская, марфинская, материалистическая, медленная, мелкая, меняющаяся, местная, мечтательная, мещанская, министерская, мишурная, многогранная, могучая, молчаливая, мощная, мужицкая, муравьиная, мученическая, мыслящая, наблюдаемая, надлежащая, наилучшая, наилучшая, накопленная, наполненная, напрасная, напряжённая, нарядная, насекомая, насильственная, Настина, настороженная, насыщенная, научная, начавшаяся, начинающаяся, нашенская, неблагородная, недвижущаяся, недоверчивая, недолжная, недостойная, недоступная, незапятнанная, незримая, неискренняя, неистовая, некорыстная, некоторая, неладная, немудрящая, ненормальная, необеспеченная, необычайная, неопределённая, неотвязчивая, неотступная, неплохая, непобедимая, неповинная, неподконтрольная, непознанная, непонятная, непорочная, непорядочная, непостижимая, неправая, неправдоподобная, несправедливая, неправильная, непреднамеренная, непрерывная, непрестанная, неприглядная, непризнанная, неприкаянная, непристающая, непродолжительная, непрожитая, непрочная, непрошенная, непутёвая, неразделённая, нераздельная, неразлучная, нервная, нереализованная, нескладная, несметная, несостоявшаяся, несправедливая, нестерпимая, нетрезвая, неугасаемая, неудавшаяся, неудачная, неумирающая, неупорядоченная, неустанная, нечеловеческая, нечестивая, неясная, низкая, николаев-

ская, никчёмная, нищая, новгородская, нужная, обещающая, обиженная, обновлённая, обогащённая, обособленная, обрётённая, общегосударственная, общеевропейская, общекосмическая, общекультурная, общенародная, общественно-будничная, общественно-историческая, общественно-литературная, общественно-экономическая, общинно-родовая, огромная, огрызливая, одна-единственная, однодневная, однозвучно-шумная, ожесточённая, окололитературная, окопная, окрылённая, оная, онтологическая, описуемая, опостылевшая, оправданная, опрятная, ординарная, оригинально-уродливая, оскудевшая, ослабевшая, основная, осознанная, оставленная, осторожная, островная, остылая, ответственная, отвлечённая, отдалённая, отзвучавшая, открытая, отошедшая, отрадная, отражённая, отрешённая, отходящая, отшумевшая, официальная, пансионная, паразитическая, параллельная, партизанская, пассивная, пастушеская, певучая, первая, первобытная, перевозданная, переделкинская, перемежающаяся, персональная, планетарная, планетная, пленительная, плодоносящая, плохонькая, поганая, погубленная, подземная, подневольная, подобная, пожертвованная, позапрошлая, позорная, показная, покалеченная, покойная, полезная, полнокровная, полувольная, полудуховная, полуживотная, полукочевая, полумилая, полупридворная, полупризрачная, полусонная, понимающая, портовая, порядочная, поселенческая, последняя, послесысловая, посредственная, постигаемая, постоянная, постылая, посюсторонняя, пребеспутная, предвечерняя, прерванная, пресекающаяся, преступная, преуспевающая, преходящая, приватная, признанная, примерная, примитивная, приподнятая, природно-человеческая, приходящая, прогрессирующая, продлённая, продуктивная, прожигаемая, промелькнувшая, просветлённая, простонародная, пространственная, противоречивая, профессиональная, проходящая, прочая, прочная, психосоциальная, птичья, пустяковая, пышная, пятидесятилетняя, пятилетняя, пятнадцатилетняя, рабочая, рабская, разбуженная, развалистая, развивающаяся, разгромленная, раздельная, разленивающая, различная, разнообразнейшая, разносторонняя, разрушенная, разумно-живая, раскованная, рассказанная, растительно-благополучная, растроченная, расчётливая, расшатанная, ратная, реально-практическая, ребячья, революционная, репетиционная, ресторанная, рефлексивная, решённая, рисуемая (им), робкая, родственная, рыбачья, рядовая, салонная, самодовлеющая, самоотверженная, самостийная, самоуглублённая, сбивчивая, сверкающая, сверхчувственная, святочная, священная, сердечная, серьёзная, сибирская, скверная, складная, скованная, скорбная, скорометчивая, скоротечная, скрытная, скучноватая, слабеющая, сладостная, слаженная, смешная, смиренная, смысловая, собакаина, собачья, совершеннейшая, совокупная, содержательная, сократовская, соматическая, Сонечкина, сонная, сохранившаяся, социализированная, социально-историческая, социально-политическая, сплошная,

спутанная, средневековая, средняя, ссылочная, ссыльная, стариковская, столетняя, странствующая, субъективная, суетливая, схоластическая, сытная, так называемая, тенистая, теоретическая, тёплая, теплящаяся, терпимая, типовая, тождественная, томительная, торговая, торопливая, трагикомическая, трагичная, тревожная, трёпаная, трепетная, третья, трёхдневная, тридцатичетырёхлетняя, трудническая, труженическая, тутошняя, тысячетлетняя, тяготящаяся, убедительная, угасавшая, угасающая, угнетённая, уготованная (ему), угрюмая, угрюмо-прочная, уездная, ужасная, узаконенная, умершая, умирающая, умная, универсальная, университетская, унижительная, унылая, упоительная, упорядоченная, уравновешенная, уральская, усиленная, ускользящая, условная, успешливая, устроенная, утробная, учебная, ущербная, фабричная, фактическая, финансово-хозяйственная, харбинская, хлопочущая, хмурая, холостяцкая, хоровая, хорошенькая, художническая, хуторская, царская, царскосельская, ценная, церковно-православная, цивилизационная, четырёхлетняя, чинная, чистоplotная, чувственно-практическая, чудная, чуждая, чья-либо, шестидесятилетняя, школьническая, Шурикова, эксцентричная, эмотивная, эмоционально-бессознательная, эмоционально-душевная, пическая, этическая, юношеская, Юрина, явная, ялтинская, ясская.

№2. Чья жизнь (кого-чего?) – генетивы (жизнь человека, жизнь города). Всего 843 слова.

I. Рангово-частотный список собственных имён. 314 слов-генетивов – 3 группы.

1. Группа высоко употребительных генетивов – 23 слова. КСП 4704 – 10. F=346, f=15,04.

Пушкина 28 168, Петра (I, Алексеевича, Великого) 14 17, России 14 16, Христа 6 19, Иисуса 10 10, Толстого 5 7, Китая 5 6, Герцена 3 8, Блока А. 2 11, Сократа 2 10, Петербурга 4 5, Франции 4 5, Вольтера 4 4, Запада 4 4, Гоголя 2 7, Аристотеля 1 12, Будды 3 4, Гёте 3 4, Наполеона 3 4, Онегина 3 4, Сенеки 1 11, Петрарки 2 5, Соловьёва Вл. 2 5.

2. Группа средне употребительных генетивов – 64 слова. КСП 9 – 2. F = 168, f=2,62.

Аннибала 3 3, Грибоедова 3 3, Ленина 3 3, Москвы 3 3, Павла I 3 3, Ганнибала 2 4, Преподобного Сергия 1 8, Абрама Ганнибала 2 3, Аграфены 2 3, Лосева А.Ф. 2 3, Рериха 2 3, Спасителя 2 3, Фрейда 2 3, Арсеньева 1 5, Бунина 1 5, Полежаева 1 5, Андрея Болотова 1 4, Анны Ахматовой 1 4, Александра 2, 2. Вагнера 2 2, Греции 2 2, Европы 2 2, Жуковского 2 2, Ивана Ильича 2 2, Карла (Великого) 2 2, Кишинёва 2 2, Николая Павловича 2 2, Ницше 2 2, Платона 2 2, Пьера (Безухова) 2 2, Сперанского 1 4, Сталина 2 2, Цезаря 2 2, Шопенгауэра 2 2, Антония 1 3, Арапа 1 3, Дашковых 1 3 Одетт 1

3, СССР 1 3, Тургенева 1 3, Анны Евдокимовны 1 2, Белинского 1 2, Блоков 1 2, Брахмы 1 2, Бруно 1 2, Войницкого 1 2, Дельвига 1 2, Екатерины 1 2, Зосимы 1 2, Карамышева А.М. 1 2, Конфуция 1 2, Кралевски 1 2, Меншикова 1 2, Мессинга 1 2, Оленьки 1 2, Ростовой Н. 1 2, Сорокина 1 2, Спиридона 1 2, Фисуна 1 2, Цзяньчжэня 1 2, Чехова 1 2, Шакьямуни 1 2, Швейцера 1 2, Юры 1 2.

3. Группа генетивов, встретившихся нам один раз, – 227 слов.

Авраама, Азии, Алдана, Александра Ивановича, Александра Македонского, Александра Пушкина, Александра Тургенева, Александры Николаевны, Алексея Алексеевича, Алексея Григорьевича, Альбертины, Аль-Маари, Альфонса Ван-Вордена, Англии, Андрея Цикото, Андрея, Анненкова П.В., Анны, Анри Пуанкаре, Антипова, Антона Павловича Чехова, Арарата, Астрова, Багровых, Байрона, Бальзака, Бартона, Безухова, Бельгии, Бенкендорфа, Бергсона А., Бессарабии, Бибикова, Богоматери, Болконского, Боста Вондела, Брахмачари, Валерии, Вань Жун, Вафли, Великого Барда, Вентейля, Веры, Вивекананды, Виручжаки, Владимира, Воронцова, Востока, Ганнибала А.П., Гегеля, Гёки, Гнедича, Головина, Григория Синаита, Гуансюя, Гумилёвых, Гюго, Данзаса, Дантесов, "Демона", Демосфена, Джона, Дмитрия Павловича, Добролюбова, Докё, Долгорукой Н.Б., Достоевского, Египта, Егорши, Елизаветы, Есаулова А.П., Жанны д'Арк, Жданова, Жида, Жозефа Делорма, Жоржа Дантеса, Зазеркалья, Зинаиды Григорьевны, Зубчинского Н.А., Иакинфа, Ибрагима, Иванова, Иллариона, Индии, Иннокентия, Иоаннова, Иова, Иосифа, Ипполита, Ирана, Испании, Иудеи, Кавказа, Кайсарова, Канта, Кардано, Карлейля, Катерины, Кати, Кипренского, Киркегора, Кити, Козньшева, Кореи, Короля, Кришны-Васудевы, Куролесовых, Лавры, Ланжерона, Лариных, Ларисы Фёдоровны, Латинского квартала, Лауры, Левина, леди Уиндермир, Лемешева, Леночки, Леонардо, Леопольда Сулержицкого, Лермонтова, Летиции, Ли Бо, лирика Кольцова, Лойолы, Луи-Филиппа, Лукулла, Люсьена Сореля, Магдалины, Магомета, Макара, Ману, Марии, Маркса, Марло, Марселя, Марьи Васильевны, МГУ, Меня А., Михаила Михайловича, Михайловского, Мицкевича, Монтеня, Моти, Мусоргского, Натальи Николаевны. Неплюева И.И., Нерона, Нестора, Нехлюдова, Нижнего Новгорода, Никитина, Николая I, Николая Тургенева, Нины Михайловны, Нового Крыма, Обрубка, Огурчика, Ольги Ивановны, Орлова, Оскара, Османов, Павла Александровича, Павла Миллера, Паскаля, Перовой, Петровского, Писемского, Позднышева, Потапова, Протасова, Пруста, Пугачёва, Пустоваловых, Пушкиной Н.Н., Пушкиных, Раевского, Раковского, Реформадского А.А., Рима, Робинзона Крузо, Ростовых, Рубинштейна, Руси (старой), Рябовского, Савонаролы, Сакиа-муни, Самсона, Сары, Свана, Свиньи, Семёнова Г.М., Сенатора, Сиддартхи, Симочки, "Современника", Солженицына, Соловьёва Вс., Сони, Сосновской, Софии Андреевны, Софокла, Спи-

нозы, Стовбы, Суворова, Суворовых, Тагора, Тараса, Тибинга, Тихона Ильича, Торквемады, Тригорского, Тростана и Изольды, Турции, Урсула, Феша, Фиоратоса, Фокси, Франциска, Чолмондели, Шатобриана, Шекспира, Шуйского, Эдипа, Эллады, Эн-но, Юлиана, Юсупова.

II. Рангово-частотный список нарицательных имён. 529 генетивов.
 $F=1933, f=3,65$.

1. *Группа высокоупотребительных генетивов – 20 слов. КСП 17544 – 117. $F=899, f=44,95$.*

Человека (взрослого, первобытного, среднего) 68 258, людей (замечательных, незамечательных) 50 112, народа (Индии) 42 66, поэта 24 108, общества (гражданского) 27 47, человечества 22 28, страны 21 28, героя (романа) 18 27, души 19 21, личности 13 27, автора 17 20, поколения 14 23, природы 11 26, существа 10 18, семьи (дворянской, Ростовых, Пушкина) 13 13, животных 12 14, писателя 7 23, отца (Кира, Фёдора) 11 13, духа 10 14, мира (античного) 9 13.

2. *Группа из частотных генетивов – 63 слова. КСП 90 – 10. $F=402, f=6,38$.*

Города 9 10, организма (человеческого) 9 10, века (прошлого, будущего, XVIII, XIX) 7 11, ребёнка 6 12, времени (настоящего, петровского) 8 9, государства 8 9, каждого (из нас) 8 9, пациента 5 14, других 8 8, женщины 8 8, эпохи 6 10, брата 7 8, отшельника 7 8, императора 6 9, художника 5 10, индивида 4 12, индивидуума 4 9, лица (частного) 4 9, деревни 6 6, жены (Соловьёва) 6 6, сына 6 6, тела 6 6, царя 6 6, нации 5 7, рода (человеческого) 4 8, сознания 3 10, двора (императорского) 5 6, сердца (неба и земли, сознания) 4 7, годов (80-90-х, 20-х, 40-х) 5 5, крестьянина 5 5, миллионов (людей) 5 5, мужа 5 5, племени (первобытного) 5 5, подвижника (христианского) 5 5, растения 5 5, субъекта (познания) 5 5, ученика 5 5, члена (общества, общины, семьи) 5 5, дня (каждого) 4 6, китайца 4 5, философа 4 5, космоса 3 6, близких 4 4, большинства (людей) 4 4, девушки 4 4, зверя (дикого) 4 4, культуры 4 4, любви 4 4, мамы 4 4, мужика 4 4, мужчины 4 4, прадеда 4 4, слова 4 4, целого 4 4, графа 3 5, населения 3 5, больного 3 4, игрока 3 4, лица (Царскосельского) 3 4, одного (из) 3 4, офицера 3 4, столицы 3 4, монахов 2 5.

3. *Группа средне употребительных генетивов – 45 слов. КСП 9 – 6. $F=146, f=3,24$.*

Вещи 3 3, вселенной 3 3, всех 3 3, героини 3 3, господина (Шиллинга) 3 3, граждан 3 3, деда 3 3, доктора 3 3, друга 3 3, заключённого 3 3, земли 3 3, идеи (высшего порядка) 3 3, крестьянства 3 3, матери (Божьей) 3 3, мудреца 3 3, окружающих 3 3, персонажа 3 3, революционера 3 3, роли 3 3, рыцаря 3 3, супруга (супруги, супругов) 3 3, учёного 3 3, чиновника 3 3, евреев 2 4,

классов (высших) 2 4, формы 2 4, церкви 2 4, японцев 2 4, пола 1 6, театра 1 6, армии 2 3, вождя 2 3, дворянина 2 3, дворянства (русского) 2 3, дерева 2 3, дочери 2 3, интеллигенции 2 3, князя (Андрея) 2 3, многих 2 3, мысли 2 3, мыслителя 2 3, носителя (признаков, ценностей) 2 3, рабочих 2 3, сословия (дворянского) 2 3, холостяка 2 3.

4. *Группа генетивов ниже средней употребительности – 83 слова. КСП 4-2. F=168, f=2,02.*

Арийцев 1 4, бедняков 2 2, будущего 2 2, воспоминаний 2 2, гения 2 2, городка 2 2, дворянки (русской) 2 2, девочки 2 2, детей 2 2, дома 2 2, дяди (Вани) 2 2, жениха 2 2, звуков 2 2, земляков 2 2, имени 2 2, интеллигента 2 2, искусства 2 2, кенгуру 2 2, колонии 2 2, короля (французского) 2 2, лет (последних, тех) 2 2, литературы 2 2, мальчика 2 2, мышления 2 2, новорожденного 2 2, обитателей 2 2, обоих (Сципионов) 2 2, охотника 2 2, периода (того) 2 2, пернатых 2 2, планеты 2 2, предков 2 2, представителя 2 2, преобразователя 2 2, принца 2 2, произведения (литературного) 2 2, родины 2 2, родителей 2 2, русских 2 2, света 2 2, святого 2 2, сестры 2 2, смертного 2 2, современников 2 2, стихии (народной) 2 2, страдальца 2 2 студента 2 2, толпы 2 2, труженика 2 2, умершего 2 2, учителя 2 2, фараона 2 2, хозяина 2 2, христианина 2 2, шефа 2 2, элемента 2 2, эмиграции 2 2, языка 2 2, актёра 1 2, бхакты 1 2, воображения 1 2, группы 1 2, капитализма 1 2, клетки 1 2, композитора 1 2, материи 1 2, молодожёнов 1 2, обезьяны 1 2, основателя 1 2, патриархов 1 2, позитрона 1 2, праведников 1 2, превращаемых 1 2, продукта 1 2, пчелы 1 2, работников 1 2, санньяси 1 2, слоёв (угнетённых, материи) 1 2, смысла 1 2, сущности 1 2, философии 1 2, франта 1 2, цыган 1 2.

5. *Группа генетивов, встретившихся один раз, – 318 слов. КСП 1. F=318, f=1.*

Актов, актрисы, американцев, арестанта, артиста, архат, архиереев, архимандрита, аспиранток, аудитории, афинянина, бабушки (умершей), банкира, барина (русского), барства, безмолвия, безумия, бекасов, бесконечного, беспризорника, благословения, блатных, бога, богатых, богача, божеств, борца, бояр, браманов, братии, британца, бродяг, будущего века, бюргера, вельмож, верующих, власти, вогулов, возлюбленной, воина, войн, воплощённых, воспитанницы, врагов, врачей, вспоминающего, вуза, вшей (травяных), высшего, генерала, гиганта, гимназистов, глупого, глупца, гнезда (дворянского), горожанина, государя, греков, гувернантки, дамы, девы (старой), декабризма, державы, деспота, детишек, деяний, деятелей, долга, "домности", дошкольника, драматурга, друг друга, друзей, духовенства, дуэньи, европейца, едока, епископа, желудка, жеребят, живых, жрецов, журналиста, жучков, заботы, зверинца, зверолова, зверюшки, землевладельцев, зла, "зомби", зёков (шарашечных), изгнанника, издательства, изречений (благоразумных), имитаций, императрицы, империи, инвалида, ин-

дейцев, индусов, инстинктов, институток, испытуемого, источника (философии), ИТЛ, ищущих (смысла), камеры, кандидата, канцелярии, каприйцев, карты, катаров, книги, княгини, кого-нибудь, коллектива, комедии, комнаты, комфортности, конца века, корней, кочевников, красавца, красоты, крепостных, кругов, куколок, куличков, кутилы, кшатриев, лагеря, лампы, лебеда, лентяя, леса, лжемудреца, лидеров, лугов, любимца, любителя, любовника, людоедов, марсиан, мастера, материала, мелодии, мерина, метафизика, мещанина, минералов, митрополита, младенца, многострадальца, множества (людей), мозга, молебщика, молодёжи, момента, монады, монастыря (Соловецкого), мотылька, муравьёв, наставника, настоятелей, начала века, нашего "я", небес, невинности, норм, обвиняемых, обиженного, обители, обманщиков, обречённых, общины, объектов, обывателя, обычаев (народных), ордена, основоположников, основы, оставшихся, отпрысков, пажа, парижанина, партии, пастухов, перевоплощений, песчинки, подонков, подчинённых, поезда, полдня, полиса, полковника, полурёбёнка, пороха, поры, посвящённых, потомков, потребностей (человеческих), поэзии, поэмы, правителей, предмета, предприятия, представления, предшественника, приговорённых, провинции, прозы, пролетария, промышленников, профессора, прошедшего, птиц, птички (божьей), пьесы, работы, разжалованных, раскаявшегося, ребе, ремесленника, реформатора, реформы, романа, руководителей, руссов, рыб, рыбаков, самозванца, самоопределения, самоформления, сановников, сверстников, священника, священнослужителей, себе подобных, села, семейства, силача, славян, слепого, служащего, смотрящего, совершенных, созерцателей, соседа, спутников, средневековья, среды, ссыльных, станицы, стариков, старца, стихотворца, столетия, сущего, сюнну, таборов, тайны, твари, текста, телёнка, тени, теоретика, тирана, титана-мира, товарищей, Тонкого Мира, трав, трубадура, трудолюбивого, турок, удачливых, удзибито, ума, усилий, установлений, фаворита, фигур (геометрических), фокусника, француженки, характера, химика, химфака, хищников, холмов, царицы, царства (растительного), цветов, цезарей, ценностей, цивилизации, цифр, частей, чахоточного, чего-то большего, черепах, черкесов, черногорцев, черты, четверти (века), четы, чирков, чистоты, чувств, шарашки, швейцарцев, эгоиста, эйдоса, эмигранта, зона (грядущего), этимона, юноши, явлений, ядра.

nN2. Что (границы, устройство, свойства и признаки) жизни. Всего – 1528 слов. $f=5,38$.

Рангово-частотный список существительных, управляющих формой "жизни".

1. Высокочастотные существительные – 120 слов. КСП 28704 – 100. $F=4866, f=40,5$.

Образ 78 368, год 68 214, конец 60 143, смысл 46 181, условие 43 143, сторона 49 115, период 50 111, форма 41 128, течение 41 109, цель 37 120, лета 45 89, явление 41 84, часть 38 87, событие 41 67, день 39 67, радость 36 62, момент 27 63, строй 51 32, начало 30 54, время 32 50, картина 33 47, закон 24 60, обстоятельство 31 46, минута 29 48, история 28 49, основа 30 45, проза 11 114, область 27 46, опыт 27 45, вопрос 27 43, факт 27 43, полнота 22 44, сила 26 37, проявление 25 38, поток 19 46, процесс 17 48, случай 25 32, сфера 21 38, жажда 19 41, ценность 21 35, проблема 21 34, понимание 21 32, тайна 20 33, уклад 18 34, описание 19 32, путь 21 28, половина 18 32, протяжение 18 32, дело 21 27, развитие 16 35, месяц 19 28, мгновение 18 27, цена 16 30, продолжение 19 24, ритм 18 25, стиль 16 28, правда 17 26, эпоха 17 25, мелочь 18 22, центр 18 22, красота 16 23, пора 16 23, продолжительность 13 27, изображение 15 23, остаток 17 20, сохранение 12 28, впечатление 14 23, подробность 16 20, сущность 15 21, признак 12 25, ход 13 23, уровень 11 27, источник 12 24, час 16 18, восприятие 15 19, содержание 15 19, устройство 14 20, задача 14 19, порядок 14 19, чувство 12 22, ощущение 13 18, трагедия 14 16, принцип 11 20, учитель 11 20, инстинкт 7 31, состояние 13 16, эпизод 13 16, тип 12 16, предел 10 19, движение 11 16, тема 9 19, элемент 9 19, срок 10 17, счастье 10 17, характер 11 15, наслаждение 12 13, утверждение 7 21, суэта 12 12, десятилетие 11 13, основание 9 15, сцена 9 15, черта 9 15, энциклопедия 10 13, символ 8 15, благо 10 12, страница 10 12, чаша 8 15, способ 7 17, правило 9 13, противоречие 9 13, возможность 7 16, идеал 9 12, изучение 9 12, скука 9 12, этап 9 12, выражение 8 13, род 8 13, стихия 8 13, философия 8 13, измерение 10 10.

2. *Группа частотных существительных – 121 слово. КСП 99 – 30. F=1031, f=8,5.*

Круг 9 11, пустота 9 11, интерес 8 12, преобразование 8 12, вид 6 15, ступени 6 15, знание 9 10, итог 9 10, полоса 9 10, понятие 9 10, загадка 8 11, мир 8 11, требование 8 11, тяготы 8 11, склад 9 9, фактор 8 10, драма 8 9, случайность 8 9, созерцание 8 9, труд 8 9, зло 7 10, план 7 10, поэзия 7 10, суть 7 10, идея 6 11, дыхание 8 8, след 8 8, ужас 8 8, заря 7 9, огонь 7 9, отражение 7 9, поддержание 7 9, прелесть 7 9, прожигатель 7 9, режим 4 15, средоточие 7 9, улучшение 7 9, глубина 6 10, облегчение 6 10, отношение 6 10, отрицание 6 10, дар 7 8, древо 7 8, организация 5 11, переживание 7 8, порог 7 8, тысяча 7 8, феномен 5 11, школа 7 8, результат 6 9, сон 6 9, страдание 6 9, цвет 6 9, цикл 6 9, категория 4 13, познание 5 10, исследование 7 7, место 7 7, мечта 7 7, нить 7 7, образец 7 7, оценка 7 7, функция 7 7, хроника 7 7, дух 6 8, искусство 6 8, мудрость 6 8, норма 6 8, дерево 3 15, рамки 5 9, концепция 4 11, рост 3 14, неделя 6 7, потребность 6 7, праздник 6 7, продление 6 7, разнообразие 6 7, торжество 6 7, удовольствие 6 7, дорога 5 8, подруга 5 8, река 5 8, творчество 5 8, фигура 5 8, длительность 4 9, материал 4 9, ста-

дия 4 9, точка 4 9, видение 6 6, горсть 6 6, дно 6 6, перелом 6 6, поворот 6 6, приключение 6 6, распорядок 6 6, середина 6 6, спасение 6 6, творец 6 6, тревога 6 6, шаг 6 6, весна 5 7, перемены 5 7, разрушение 5 7, существование 5 7, устои 5 7, орган 3 11, подъём 4 8, синтез 4 8, трагизм 4 8, анализ 5 6, гуша 5 6, единство 5 6, исследователь 5 6, несчастье 5 6, обновление 5 6, особенность 5 6, перипетии 5 6, пласт 5 6, поэт 5 6, реальность 5 6, средство 5 6.

3. *Группа средние частотных существительных – 255 слов. КСП 28 – 6. F=1048, f=4,10.*

Диалектика 4 7, лицо 4 7, ничтожество 4 7, свойство 4 7, акт 3 9, целое 3 9, атмосфера 5 5, возникновение 5 5, жестокость 5 5, зависимость 5 5, закат 5 5, значение 5 5, интенсивность 5 5, книга 5 5, миг 5 5, обстановка 5 5, подвиг 5 5, подобие 5 5, поиск 5 5, практика 5 5, пример 5 5, приятность 5 5, пустыня 5 5, строительство 5 5, тело 5 5, удобства 5 5, украшение 5 5, усложнение 5 5, ядро 5 5, аспект 4 6, деталь 4 6, защита 4 6, игра 4 6, летопись 4 6, причина 4 6, путаница 4 6, ситуация 4 6, тоска 3 8, пространство 2 11, зов 3 7, кусок 3 7, протяженность 3 7, структура 3 7, узел 3 7, эволюция 3 7, волнение 4 5, горе 4 5, испытание 4 5, нерв 4 5, оправдание 4 5, поверхность 4 5, устройство 4 5, участник 4 5, совершенство 1 20, механизм 3 6, судьба 3 6, безопасность 4 4, бессмысленность 4 4, воздух 4 4, голос 4 4, друг 4 4, жертва 4 4, знак 4 4, имя 4 4, искра 4 4, истина 4 4, истоки 4 4, контекст 4 4, кусочек 4 4, линия 4 4, миллион 4 4, множество 4 4, направление 4 4, невзгоды 4 4, необходимость 4 4, опасность 4 4, ошибка 4 4, переустройство 4 4, построение 4 4, привычка 4 4, пункт 4 4, равновесие 4 4, семя 4 4, система 4 4, сладость 4 4, сложность 4 4, сотня 4 4, спутник 4 4, стезя 4 4, строитель 4 4, существо 4 4, трудность 4 4, фон 4 4, фундамент 4 4, шум 4 4, избыток 3 5, исход 3 5, однообразие 3 5, отрезок 3 5, польза 3 5, слой 3 5, четверть 3 5, король 2 6, бедность 3 4, буря 3 4, величие 3 4, герой 3 4, курс 3 4, лишение 3 4, модель 3 4, море 3 4, нелепость 3 4, окончание 3 4, осмысление 3 4, плоть 3 4, полдень 3 4, постижение 3 4, потеря 3 4, программа 3 4, проклятие 3 4, протекание 3 4, роман 3 4, слово 3 4, становление 3 4, сутолока 3 4, ткань 3 4, возвышение 2 5, возраст 2 5, вред 2 5, коммуникация 2 5, объём 2 5, скелет 2 5, уничтожение 1 10, арена 3 3, атрибут 3 3, бегодня 3 3, безобразие 3 3, бесцельность 3 3, блеск 3 3, богатство 3 3, вершина 3 3, вещь 3 3, вода 3 3, волна 3 3, воспроизведение 3 3, гимн 3 3, горизонт 3 3, грань 3 3, грех 3 3, грубость 3 3, дата 3 3, динамика 3 3, драматизм 3 3, единица 3 3, забота 3 3, завершение 3 3, запись 3 3, запрос 3 3, запутанность 3 3, искание 3 3, картинка 3 3, качество 3 3, колесо 3 3, конфликт 3 3, логика 3 3, ломка 3 3, любитель 3 3, люди 3 3, масштаб 3 3, мрак 3 3, напряжённость 3 3, неприкосновенность 3 3, неудобство 3 3, носитель 3 3, обеспечение 3 3, объяснение 3 3, океан 3 3, опора 3 3, определение 3 3, орудие 3 3, ослабление 3 3,

осуществление 3 3, парадокс 3 3, пафос 3 3, перестройка 3 3, пир 3 3, плод 3 3, повод 3 3, податель 3 3, покой 3 3, поле 3 3, превратность 3 3, превращение 3 3, припев 3 3, природа 3 3, продукт 3 3, производство 3 3, противоположность 3 3, пульс 3 3, реалья 3 3, сведение 3 3, свет 3 3, свидетель 3 3, секунда 3 3, склон 3 3, смена 3 3, соблазн 3 3, стержень 3 3, страна 3 3, телега 3 3, темп 3 3, трепет 3 3, укрепление 3 3, усилие 3 3, успех 3 3, фаза 3 3, хаос 3 3, хлеб 3 3, цепь 3 3, чудо 3 3, язык 3 3, наука 2 4, последовательность 2 4, прекращение 2 4, прожигание 2 4, разделение 2 4, совершенствование 2 4, сознания 2 4, теория 2 4, обзор 1 6, упрощение 1 6, беспорядок 2 3, благодетель 2 3, боль 2 3, будни 2 3, вихрь 2 3, действительность 2 3, иллюзия 2 3, назначение 2 3, неправда 2 3, неудача 2 3, обиход 2 3, объект 2 3, осуждение 2 3, предназначение 2 3, приманка 2 3, прогресс 2 3, противоречивость 2 3, роскошь 2 3, свидетельство 2 3, слияние 2 3, строгость 2 3, строение 2 3, уродство 2 3, этика 2 3.

4. *Группа ниже средней употребительности – 225 слов. КСП 5 – 2. F=465, f=2,06.*

Сопряжение 1 5, ученик 1 5, ангел 2 2, берег 2 2, бесконечность 2 2, бесполезность 2 2, беспросветность 2 2, биение 2 2, благословение 2 2, благоустройство 2 2, бог 2 2, борьба 2 2, боязнь 2 2, бремя 2 2, брэнность 2 2, быстротечность 2 2, верность 2 2, веселье 2 2, вечер 2 2, вечность 2 2, вкус 2 2, владыка 2 2, водоворот 2 2, возрождение 2 2, воин 2 2, воля 2 2, воспоминание 2 2, враг 2 2, выбор 2 2, высота 2 2, гармония 2 2, гибель 2 2, глупость 2 2, граница 2 2, гроб 2 2, девиз 2 2, действие 2 2, декорация 2 2, деление 2 2, документ 2 2, доля 2 2, достижение 2 2, единственность 2 2, замена 2 2, замирание 2 2, занятие 2 2, запах 2 2, заповедь 2 2, зеркало 2 2, знаток 2 2, зрелище 2 2, изживание 2 2, изнанка 2 2, импульс 2 2, интуиция 2 2, искушение 2 2, истолкование 2 2, канун 2 2, катаклизмы 2 2, катастрофа 2 2, квинтэссенция 2 2, клочок 2 2, ключ 2 2, колея 2 2, компонент 2 2, корень 2 2, краткость 2 2, крепость 2 2, критерий 2 2, круговорот 2 2, кульминация 2 2, лёгкость 2 2, лестница 2 2, лик 2 2, лозунг 2 2, мера 2 2, мерзость 2 2, метафора 2 2, многообразие 2 2, молодость 2 2, мощь 2 2, музыка 2 2, мученик 2 2, мучитель 2 2, мысль 2 2, наблюдение 2 2, надежда 2 2, наличие 2 2, наполнение 2 2, наставник 2 2, насыщенность 2 2, недостаток 2 2, недра 2 2, ненужность 2 2, неповторимость 2 2, непрерывность 2 2, неприятность 2 2, неразумность 2 2, несовершенство 2 2, неустройство 2 2, ночь 2 2, обилие 2 2, облик 2 2, обломок 2 2, обман 2 2, обогащение 2 2, обрывок 2 2, общение 2 2, объективация 2 2, обычай 2 2, одиночество 2 2, оптика 2 2, осмысливание 2 2, осознание 2 2, остановка 2 2, отрада 2 2, оформление 2 2, очарование 2 2, очерк 2 2, очищение 2 2, переделывание 2 2, переизбыток 2 2, перспектива 2 2, печаль 2 2, повторение 2 2, поддержка 2 2, подлинность 2 2, подмостки 2 2, подтверждение 2 2, полнозвучие 2 2, последствие 2 2, по-

шлость 2 2, правдивость 2 2, предмет 2 2, представитель 2 2, представление 2 2, предчувствие 2 2, преобразование 2 2, приобретение 2 2, происхождение 2 2, прославление 2 2, простор 2 2, прошлое 2 2, пружина 2 2, пьеса 2 2, работа 2 2, равенство 2 2, раздвоение 2 2, размах 2 2, размер 2 2, разновидность 2 2, рана 2 2, рассвет 2 2, реализация 2 2, регламентация 2 2, религия 2 2, родник 2 2, рождение 2 2, свобода 2 2, связь 2 2, сердце 2 2, симптом 2 2, симфония 2 2, скоротечность 2 2, следствие 2 2, смерть 2 2, создание 2 2, солнце 2 2, сопротивление 2 2, сотворение 2 2, сочетание 2 2, спектакль 2 2, сравнение 2 2, срез 2 2, ставка 2 2, стена 2 2, стоимость 2 2, столетие 2 2, сюжет 2 2, таинство 2 2, теснота 2 2, товарищ 2 2, толкование 2 2, тревожение 2 2, тщета 2 2, тьма 2 2, убожество 2 2, угол 2 2, уголок 2 2, улыбка 2 2, унижение 2 2, урок 2 2, условность 2 2, уют 2 2, фазис 2 2, факел 2 2, философ 2 2, хозяин 2 2, хронология 2 2, художник 2 2, царь 2 2, энергия 2 2, ясность 2 2. инерция 1 4, конечность 1 3, постулат 1 3, учение 1 3, фильм 1 3, закономерности 1 3, воплощение 1 2, дарительница 1 2, дверь 1 2, изложение 1 2, искатель 1 2, конспект 1 2, материя 1 2, неистовство 1 2, обрыв 1 2, предвосхищение 1 2, принижение 1 2, проживание 1 2, распространение 1 2, святость 1 2, хребет 1 2, частичка 1 2.

5. *Группа существительных, встретившихся один раз, – 804 слова.*
КСП 1. $F=804$, $f=1$.

Абсурдность, агент, адрес, аксиома, аллегория, алтарь, альтернатива, аморальность, анекдот, антиномия, антипод, антураж, арена, артикуляция, артисты, архетип, ассоциация, атом, атрибутика, базар, балаган, баловень, барометр, бег, беглец, беда, бедствие, бездна, беззаботность, безотрадное, безрадостность, безумие, безумство, безысходность, бесконфликтность, бесплодность, беспорядочность, бессмыслие, бессмыслица, бессодержательность, бестолковость, билет, битва, благополучие, благоустройство, благоухание, блокада, бодрость, борение, борт, бред, буйство, букет, буран, быть, бюрократизация, важность, вдохновение, ведение, вектор, вероятность, вес, весёлость, вестник, ветер, ветка, вежа, веяние, взаимоотношение, вздох, взор, видимость, вино, виновник, включение, владычица, власть, влияние, вмешательство, внешность, внимание, внушение, водитель, возведение, возвешение, возврат, возмездие, возмутитель, вознаграждение, возрастание, война, вонь, воскресение, восприимчивость, воспроизводство, воссоздание, восстановление, восхваление, восхищение, всеединство, вспышка, вызов, выигрыш, выразительность, высвобождение, выходка, выхолощенность, гармонизатор, гений, героизм, гигиена, глубь, година, "мёртвая голова", годовщина, голод, гордость, горечь, горнило, город, грёзы, гримаса, грундтон, гул, дагерротип, даль, данность, данные, движитель, двойник, дебри, дева, дезинфекция, дезорганизация, демонстрация, дёрн, десяток, детство, деформация, деяние, деятель, деятельность, дикость, дис-

гармоничность, диссонанс, дистанция, дисциплина, дление, дневник, доктрина, долговечность, долина, дороговизна, достоинство, досуг, дочулковывание, европеизация, единение, естество, желание, жемчужина, живописание, жила, забвение, завершённая, завоевание, загадочность, закабалённость, закоулок, зал, залежи, залив, залог, заложник, зарождение, заряд, засорение, затмение, затруднение, зачатки, звезда, звено, зенит, зерно, зима, злоба, значимость, зной, зритель, зыбкость, игрушка, идеализм, идиотизм, избыточность, изваянность, извилина, изгиб, излияние, изучатель, имитация, индивидуальность, институт, интеллигенция, интенсификация, интересность, интрига, исповедь, исполнение, использование, испытатель, исчерпанность, калейдоскоп, календарь, канва, кандалы, картинность, карьера, касание, кенгуру, киноплёнка, кипение, клад, клеветник, климат, клубок, кодекс, козни, колорит, комплекс, конвергенция, конструкция, континуум, контракт, контрапункт, конфликтность, концепт, кончина, копия, косность, край, краса, кредо, круговращение, крутель, крушение, культ, культура, курьёз, легенда, лейтмотив, лень, лес, лето, летописец, лживость, лидер, лихорадка, лоно, луч, май, максима, малоценность, маска, материк, мгла, мерило, мечь, метафоричность, милитаризация, миллиард, мириады, мистерия, мистицизм, мифология, многосложность, многотонность, множественность, модус, монстр, мораль, моральность, мореплаватель, мороз, морщина, мотив, мужчина, мука, муть, мщение, наблюдатель, наваждение, награда, налаживание, нанесение, напев, напиток, напластование, нарастание, наружность, наследник, наслоение, насмешка, насос, небеса, небо, небосклон, неведение, неверность, невроз, невыносимость, негэнтропия, неделимость, неизбежность, неизменность, неинвентарность, неискренность, неискущённость, нектар, немота, ненормальность, неосторожность, неотвратимость, неподвижность, неполнота, непосредственность, непостоянство, неправильность, непрерывание, непритязательность, неравенство, неразвитость, неразрешимость, неразрывность, нескладница, нескладность, несовместимость, несомненность, несообразность, несправедливость, несуществование, неурядица, неустрашимость, неустроенность, нецельность, никчемность, ничтожность, нищета, новизна, новость, носительница, ноты, нравы, нужда, обесценивание, обещание, обида, облегчитель, облезлость, обмирщение, обнаружение, обоснование, обращение, обусловленность, обустройство, общество, общность, обыденщина, одёргивание, одичание, однородность, оживление, ожидание, оздоровление, оковы, окружение, омертвление, омут, онтология, определённость, опредмечивание, опустошённая, орбита, организм, ореол, оставление, острота, остроумие, осуществлённость, ось, отголосок, отзвук, откровение, открытие, отличие, отмель, отображение, отпечаток, отправление, отречение, отсеки, отсутствие, отшельник, охрана, памятник, память, панорама, парад, паралич, партия, па-

сын, певец, пейзаж, первопричина, первофеномен, перевал, поворот, переделка, переключивание, перенесение, перепутье, перерождение, перерыв, перестроение, переулоч, песня, пестрота, печать, пещера, пламя, планета, плен, плюс, повелительница, повторяемость, подавление, подательница, подвижность, подземелье, подкладка, подноготность, подпочва, подразумеваемое, подслушивание, поединок, показатель, поклонник, покров, покрыв, пол, полагание, полгода, полноценность, полотно, полюс, полярность, пользование, понижение, поправка, попутчица, порицание, порыв, поступок, потворство, потенциал, потенцирование, почва, поэма, поэтичность, появление, право, правопорядок, прах, преддверие, предписание, предпосылка, предсказание, представительница, предыстория, премудрость, преобразование, преподнесение, препятствие, прерыв, преступление, претворение, преходящность, приближение, прибыль, привилегированность, призвание, призма, признание, призрак, призрачность, прикосновение, прилавок, прилив, prima ateria, примат, приметы, принадлежность, принятие, приспособление, присутствие, притча, притягательность, приукрашивание, приятие, проба, проблематика, провал, продвижение, продуктивность, производство, происшествие, промежуток, проповедь, прорыв, простота, протест, противопоставление, проформа, процессуальность, пряность, психопатология, пути, раб, раба, работник, равнодушие, разбор, развал, развязка, разгар, разграфление, раздвоенность, раздробление, различие, разложение, разница, разность, разнужданность, разоблачение, разрушительница, разрыв, разумение, расклад, раскрытие, распад, распадение, расписание, расположение, распространённость, распутство, рассказчик, расстройство, растрата, расцвет, рационализм, реализм, регистр, регламентирование, регламентированность, регулирование, регулятор, резюме, реорганизация, решение, рисунок, роль, романтика, рубеж, руководитель, рынок, ряд, сад, самодвижение, самозащита, самоотречение, самосознание, самосохранение, самоуверенность, самоутверждение, самоъявленность, сближение, сверхзадача, сверхорганизация, светильник, светоч, сволочность, связанность, сезон, секрет, сектор, секундошка, семилетие, серость, сеть, сечение, сжигание, символизм, скальпель, склонность, скобка, скорбь, скорость, скудость, слабое, слепок, слитность, служба, смута, смятение, снабжение, собранность, содействие, соединение, сожитель, создатель, созревание, сок, соковыщница, солнцеворот, сопоставление, сор, сосредоточенность, соучастник, соучастница, сохранность, сочувствие, спираль, спокой, спонтанность, спор, справедливость, спутница, стандарт, старик, старость, статус, степень, стеснённость, стимул, страничка, страсть, стратег, страхование, структурация, субстанция, субъект, суматоха, сумерки, сумятица, суровость, сутки, сфинкс, схема, сценарий, сценка, сцепление, счёт, сын, сырость, таинственность, тайник, твёрдость, творение, театр, театрализация,

театрализованность, театральность, текст, текучесть, темнота, тенденция, тень, тепло, техника, тишина, тишь, тление, товарищество, ток, толкотня, тон, тонус, торможение, тотальность, точность, трагическое, трагичность, традиция, траектория, трансцендирование, триумф, тропинка, тупость, тюрьма, тягомотина, тягость, тяжесть, убеждение, убийство, убийца, увенчание, увеселение, увечье, угасание, углубление, удар, удел, удлинение, узость, узы, уменьшение, упование, уподобление, упорядочение, упорядоченность, ураган, уразумение, урегулированность, успение, успокоение, устав, утехи, утро, ухудшение, участок, учебник, учёт, учительница, уявление, фальшь, фетиш, фетишизм, фигурация, физика, физичность, фикция, фонд, формализация, формула, формулировка, форум, фотография, фрагмент, хамство, характеристика, хитросплетение, хлопоты, хмель, холм, холод, холостяк, храм, храмина, хранитель, цветение, цельность, цензор, цепочка, чад, часовая стрелка, часы, человек, чернота, чёрточка, честность, число, чистота, член, чудовищность, чума, шаблон, шорох, штрих, шутка, щедрость, щекотка, щупальце, эйдос, экзальтация, экземпляр, экономия, экран, экстаз, эликсир, элита, эманация, эмоция, эпилог, эрос, эссенция, эстетика, этаж, эталон, эфир, эффект, эхо, юдоль, яд, яма, а ргіогі.

vN4. Переходные глаголы в словосочетаниях с дополнением "жизнь" – 486 слов. F=2157.

Рангово-частотный список глаголов, управляющих формой "жизнь" (4 группы).

1. Группа переходных глаголов высокой употребительности – 46 слов. F=1078, f=23,4.

Вести 115, проживать/прожить 94, начинать/начать 56, спасать/спасти 50, посвящать/посвятить 47, любить/полюбить 40, давать/дать 39, сохранять/сохранить 38, проводить/провести 32, видеть/увидеть 31, делать/сделать 31, представлять/представить 28, изображать/изобразить 27, устраивать/устроить 26, знать 25, кончать/кончить 25, отдавать/отдать 23, понимать/понять 23, рассматривать/рассмотреть 21, изменять/изменить 20, отравлять/отравить 20, продолжать 20, поддерживать 19, строить/построить 19, вспоминать/вспомнить 18, обретать/обрести 18, рассказывать/рассказать 16, описывать/описать 15, определять 14, создавать/создать 14, облегчать/облегчить 13, покончить 13, продлевать/продлить 13, обеспечивать/обеспечить 12, положить 12, превращать/превратить 12, иметь 11, помнить 11, портить/испортить 11, рисовать 11, утверждать/утвердить 11, чувствовать/почувствовать 11, изучать 10, переживать/пережить 10, получать/получить 10, принимать/принять 10.

2. Группа переходных глаголов средней употребительности – 59 слов. F=461, f=7,8.

Брать/взять 9, наблюдать 9, направлять/направить 9, оканчивать/окончить 9, приносить/принести 9, творить/сотворить 9, украшать/украсить 9, уничтожать/уничтожить 9, ценить 9, губить/погубить 8, даровать 8, налаживать/наладить 8, ненавидеть 8, оборвать 8, организовать 8, отнимать/отнять 8, отражать/отразить 8, перевернуть 8, подчинять/подчинить 8, преобразовать/преобразить 8, терять/потерять 8, читать 8, наполнять/наполнить 7, носить/нести 7, охватывать/охватить 7, переменять/переменить 7, сделать 7, соединить 7, считать 7, воспринимать 6, делить/разделить 6, жить 6, заполнять/заполнить 6, освящать/освятить 6, осложнять 6, показывать/показать 6, поставить 6, ставить 6, убивать/убить 6, уважать 6, вдохнуть 5, вернуть/возвращать 5, влачить 5, воспроизводить 5, воссоздавать/воссоздать 5, дать 5, заканчивать/закончить 5, запечатлеть 5, защищать/защитить 5, калечить/искалечить 5, нарушать/ нарушить 5, обращать/обратить 5, объяснять/объяснить 5, отстаивать/отстоять 5, пересматривать/пересмотреть 5, прекратить 5, регулировать 5, связывать/связать 5, собирать/собрать 5.

3. Группа переходных глаголов ниже средней употребительности – 136 слов. F=373, f=2,7.

Анализировать 4, восстановить 4, выносить/вынести 4, доживать/дожить 4, забывать/забыть 4, загубить 4, заменить 4, искать/найти 4, ломать/сломать 4, менять 4, называть/назвать 4, находить 4, обещать 4, обнимать/объять 4, омрачать/омрачить 4, оставлять/оставить 4, отвергать/ отвергнуть 4, отрицать 4, ощущать 4, переделывать/переделать 4, перестроить 4, питать 4, признавать/признать 4, пройти 4, прославлять/прославить 4, разрушать/разрушить 4, сообщать/ сообщить 4, составлять 4, тянуть 4, улучшать/улучшить 4, упрощать/упростить 4 ввести 3, выбрать 3, вызвать/вызывать 3, выражать 3, высасывать/высосать 3, закрывать/закрывать 3, идеализировать 3, избрать 3, изведать 3, исследовать 3, обогащать/обогащать 3, обосновать/ обосновывать 3, озарять/озарить 3, открыть 3, охранять 3, оценивать 3, передавать/передать 3, поворотить 3, подарить 3, подвергать 3, постигать/постигнуть 3, пощадить 3, преобразовывать 3, преодолевать/ преодолеть 3, приводить/привести 3, проглядеть 3, прожигать 3, пронизывать 3, проследивать/ проследить 3, разбить 3, растратить 3, сводить/свести 3, сокращать/сократить 3, сопровождать 3, трансцендировать 3, узнавать/узнать 3, уносить/унести 3, усложнять/усложнить 3, хранить 3, вверить/вверить 2, включать 2, возвращать 2 возвысить 2, впитывать 2, вручать 2, выдумывать 2, выхвалять 2, двигать 2, доверять 2, закладывать/закласть 2, запутывать 2, захватывать/захватить 2, изобрести 2, исключить 2, испортить 2, исправить 2, копировать 2, лишать/лишить 2, мерить 2, обдумывать 2, оберегать 2, обнаружить 2, обременять/обременить 2, обусловливать 2, объединить 2, означать 2, освобождать/освободить 2, основывать 2, отличать 2, отменять/отменить 2, отягощать 2, очищать/очистить 2,

парализовать 2, повести 2, повторять 2, подвергать 2, подрывать/подорвать 2, поживать 2, познать 2, покалечить 2, порождать/породить 2, послать 2, построить 2, потерять 2, предлагать/предложить 2, предпочитать 2, прези- рать 2, прервать 2, претворить 2, проворонить 2, проклинать 2, променять 2, развивать 2, расписывать/расписать 2, реконструировать 2, символизиро- вать 2, синтезировать 2, сковать 2, скрасить 2, сравнивать 2, толковать 2, тратить 2, увеличить 2, усовершенствовать 2, черпать/исчерпать 2.

4. Группа переходных глаголов, встретившихся один раз, – 245 слов.

Акцентировать, аллегоризировать, безобразить, беречь, бичевать, благо- словлять, венчать, вернуть, вертеть, вершить, взвесить, взорвать, видеть, ви- доизменять, влагать, вливать, вложить, вместить, внести, возбудить, воз- ненавидеть, возобновить, волочить, воображать, воскресить, воспевать, вскидывать, выбивать, выдохнуть, выиграть, выкупить, вынашивать, вы- свободить, выставлять, вытерпеть, вычеркнуть, гарантировать, готовить, давить, дарить, дезорганизовать, держать, дополнять, дорожить, досматри- вать, жаждасть, желать, забросить, заедать, зажигать, заключать, залить, за- местить, запретить, запрограммировать, запружать, заслонить, заслуживать, застраховать, затаскать, затрагивать, затащить, звать, идентифицировать, извращать, изживать, изложить, изломать, интенсифицировать, интересо- вать, исковеркать, искупить, использовать, испохабить, испробовать, истре- бить, контролировать, концентрировать, косить, мучить, набрасывать, на- значить, напомнить, населить, обвинять, обеднять, обесмысливать, обла- городить, обновлять, обозначать, объявлять, ограничить, оживить, ожидать, озирать, окинуть, оклеветать, окрашивать, окуковывать, окутать, опере- жать, оправдать, опровергнуть, опутывать, осветить, останавливать, осуще- ствлять, отмечать, отшвырнуть, охолостить, перебаламутить, перебирать, передумывать, переломить, переносить, переоценивать, переработать, пере- резать, пересоздать, перетирать, поведать, повернуть, погасить, погубить, подавлять, подкапывать, подменить, поднять, подтачивать, пожалеть, по- жертвовать, позволить, покинуть, покоить, полагать, понюхать, потрясти, почитать, поэтизировать, превозносить, предварять, предрешить, предска- зать, презреть, препровождать, преследовать, пресуществить, привязывать, пригнетать, прикончить, принять, приобретать, припечатывать, приписы- вать, припомнить, притягивать, приять, пробежать, пробивать, пробуждать, проверить, продать, продумать, проецировать, производить, проповедовать, пропускать, прорывать, прослужить, просматривать, проспять, протекать, противопоставить, проходить, прочесть, прочувствовать, проявлять, путать, разбирать, разбрасывать, разбудить, разгораживать, раздавить, разделять, различать, разминывать, размозжить, разнообразить, разыгрывать, разыски- вать, расковыривать, раскрыть, растерзать, расчислить, расширять, расщеп- лять, рождасть, ругать, сбалансировать, сверить, сгубить, скомпоновать,

скрыть, сличать, сложить, служить, слушать, сменить, смягчать, совмещать, содержать, созерцать, созидать, соотносить, спрятать, стимулировать, страдать, стяжать, сужать, суживать, сулить, схватывать, съедать, терзать, терпеть, топить, трактовать, уберечь, ублагоустроить, увековечить, удвоить, удлинять, укорачивать, укреплять, унаследовать, упорядочить, уравнивать, утешать, утратить, ухлопать, характеризовать, хватать, щадить, экзальтировать, экспонировать.

К спискам именных и глагольных словосочетаний попробуем дать краткое пояснение.

Использование приведённых списков слов – существительных, прилагательных и глаголов – с подсчётами употребительности (частот и ранга) для характеристики "жизни" и конкретизации значений и смыслов слова потребуют дополнительно определённых толкований. Отметим здесь самое основное, без детализации. С чем только не соотносится, не сравнивается и не связывается, как бы определяясь, жизнь. В массиве текстов (105 источников) слово "жизнь" встречается в словосочетаниях: типа nN2 (образ жизни и др.) – 1528 двухсловных единиц, aN (новая жизнь и др.) – 1254, Nn2 (жизнь человека и др.) – 843, vN4 (вести жизнь и др.) – 486 разных словосочетаний. В предложениях, в роли сказуемых: 246 существительных (жизнь – борьба), 215 прилагательных (жизнь коротка), 246 глаголов (жизнь идёт), 114 причастий (жизнь устроена).

Если посмотреть, какой бывает и может быть жизнь вокруг, разное положение вещей и состояние дел в очевидных и неочевидных связях и взаимоотношениях, то, ясное дело, всего сразу в окружающем мире нехватишь, ибо не удержать внутренним взором. Никак не заметишь, не поймёшь и не объяснишь всё то, как бы заданное и вечное, происходящее и, так или иначе, непосредственно обусловленное или связанное с существованием. Невозможно охватить умом и чувством всё на свете, не охарактеризовать и не определить всю жизнь в разнообразных проявлениях. Жизнь скрывается в самых разных существах и уголках, очень даже своеобразная.

Мы не можем упомянуть и задержать в памяти всё, что имеет то или иное отношение к нашей и не нашей жизни, таинственной, разноплановой и всеохватной. Язык (речь) пытается уловить, обозначить и затвердить, тем самым как-то накапливая и сохраняя опыт, следы и смыслы всесторонности и всеохватности, или универсума, жизни, все помыслы и связи существования, человеческого познания и поведения, быта и бытия. Без частотного словаря сочетаемости, специального исследования и подсчётов, на наш взгляд, было бы нелегко сколько-нибудь определённо представить себе всё реальное многообразие разновидностей жизни, форм и видов, жизненных и житейских.

Мы прочли целенаправленно более ста пяти специально отобранных книг многих авторов, в результате обнаружили в текстах и затем собрали упорядоченным списком 1254 разных определения к слову "жизнь", своего рода характеристик, оценок и уточнений предмета и явления. Это вполне достаточный перечень тех или иных оценок и конкретизации значения и смыслов слова, хотя и далеко не полный набор всех возможных определений, но с таким списком можно работать далее, осмысливать, чтобы попытаться сделать какие-то содержательные выводы относительно самого предмета исследования – понятия и слова "жизнь". Теперь знаем определённой, какой бывает и представляется жизнь.

Прибавим к списку определителей, атрибутов, ещё 843 слова в форме зависимого родительного падежа (генетива), указывающего на носителя, которому приписывается свойство жизни как некая принадлежность. Важно наметить целостную систему субъектов жизни (кто живёт?), которым присущи и сродни свойство и способность именно жить, как некий первостатейный природный дар, а не просто быть в мире. И это, прежде всего, одушевлённые существительные, среди них выделяются собственные имена. Итак, какая жизнь и кому она присуща – два органично связанных семантических плана слова, как бы его валентности, своего рода регуляторы лексической сочетаемости.

Ещё 1528 существительных в генетивной конструкции nN2 решительно различают и уточняют смысл слова "жизнь". Оказывается, что жизнь как слово и понятие обладает целым рядом присущих ей осмыслений – качеств, признаков, свойств и т.п., и то или иное содержание слова "жизнь" не может не сказаться и не проявиться на его лексической сочетаемости и контексте. Разбирая семантически данную группу именных словосочетаний, заметим, насколько же "жизнь" в нашем языке – слово сложное и ёмкое, значительное, замечательное и многозначное, что, можно утверждать, едва ли не одно и то же.

Текстовые источники для вышеприведённого статистического перечня уточнителей "жизни", словесного окружения и контекстов, даны в Библиографии под соответствующими номерами: 1. 2. 9. 10. 14. 15. 16. 20. 35. 55. 63. 65. 66. 67. 68. 81. 83. 90. 97. 98. 99. 104. 105. 106. 107. 108. 111. 119. 131. 132. 135. 136. 137. 138. 145. 148. 149. 154. 157. 159. 160. 164. 170. 172. 174. 175. 179. 180. 181. 184. 188. 195. 197. 199. 200. 205. 208. 215. 216. 219. 221. 225. 227. 228. 229. 234. 235. 238. 239. 244. 245. 249. 250. 251. 260. 262. 272. 275. 292. 294. 299. 306. 307. 309. 310. 312. 315. 316. 329. 330. 331. 332. 337. 340. 343. 350. 351. 355. 360. 364. 381. 384. 388. 390. 391.

У каждого из нас своя судьба, родословная, развитие, свой путь и своеобразное продвижение по жизни, более или менее удовлетворительное, продуктивное и успешное. И каждый по-своему владеет ресурсами общих

знаний и языком, иначе говоря, у каждого зрелого человека свой идиолект, или индивидуальный язык. Если язык – это и в самом деле не только и не столько просто слова, которыми пользуемся, но смыслы и связи слов, словоупотребление и словосочетания, то относительно полный перечень последних позволит нам более или менее определённо и всё же достаточно чётко представить себе пределы твоих собственных владений. Речь идёт об индивидуальном языке личности – идиолекте.

Равняясь на других авторов, воспринимаем и воспроизводим чужой языковой (речевой) код и опыт. Из того или иного количества и содержания знакомых нам единиц языка, словоупотреблений и словосочетаний, постепенно складывается то или иное качество, или сплав, идиолекта и вместе с тем индивидуальное мастерство высказывания (идиостиль). Для характеристики богатства-бедности идиолекта важно знать не столько, каким количеством слов мы владеем, но и обнаружить их неслучайные связи и сочетаемость с некоторой массой других слов. Так, "жизнь" в нашем случае насчитывает до пяти тысяч сочетающихся слов, уточняющих её смысл.

- **"Жизнь"** в текстах разных авторов (подсчёт падежных форм).

В первой графе таблицы приводятся номера текстовых источников по Библиографии: см. в ней фамилию автора, название произведения и выходные данные. В следующих шести колонках таблицы даётся статистика, или результаты подсчётов употребительности падежных форм слова "жизнь" в 105 указанных текстах и в сумме, в абсолютных числовых выражениях и в процентах.

Как увидим в следующей ниже таблице, разные грамматические формы слова "жизнь" заметно отличаются своим удельным весом по употребительности. 40 процентов всех падежных словоформ "жизни" составляют формы родительного падежа, они прочно на первом месте. За ними следуют формы именительного падежа (19%), на третьем месте по употребительности – формы винительного (17,5%). Затем формы предложного (13%), предпоследнюю позицию занимают формы творительного (больше 5%), замыкают ряд формы дательного падежа (меньше пяти процентов). Такое распределение по численности словоформ, должно быть, отнюдь не случайно, но закономерно и чем-то, так или иначе, обусловлено. Именно так обустроен, настроен и целенаправлен сам наш язык в речи, или использовании.

Ср.: Это жизнь. Сила жизни. Воля к жизни. Дать жизнь. Рисковать жизнью. В жизни.

Табл. Разные падежные формы слова "жизнь" в массиве текстов по произведениям.

№ №	Им.	Род.	Дат.	Вин.	Тв.	Пр.	Сумма
1	5	30	4	10	4	7	60
2	8	47	1	17	7	15	95
9	15	35	1	19	5	10	85
10	27	138/3	17	39	7	34/1	262/4
14	43/1	128/6	12	71/1	17	45	316/8
15	14	80	3	11	6	28	142
16	19	130	9	36	8	34	236
20	18/1	67/1	8	16	7	8	124/2
35	62	294	19	114	25	119	633
55	23/1	74/8	11	16/1	7	21	152/10
63	27	139	11	55	13	45	290
65	88	109/2	9	105/2	36/1	68	415/5
68	62	177	10	68	26	43	386
90	56	112	3	31	4	32	238
81	38	29/2	10	63	11	61	212/2
83	25	29	3	20	6	20	103
97	23	39	2	25	6/1	23	118/1
98	59	96	6	89	17	25	292
99	14	60	2	19	8	19	122
104	73	134	12	91	16	51	377
105	87	135	8	94	16	34	374
106	30	67	9	39	9	19	173
107	14	43/2	3	17	1	9	87/2
108	17	46/1	7	13	4	19	106/1
111	20	43	10	33	11	29	146
119	23	74	7	40	9/1	30	183/1
131	86	67	5	49	12	38	257
132	15	8	1/1	12	1	13	50/1
135	9	27/1	1	20	4	14	75/1
136	34	43	6	30	6	16	135
137	40	71	7	44	11/1	27	200/1
138	5	24/7	2	14/2	7	24/1	76/10
145	53	179/2	9	103	22	44	410/2
154	35	59	8	43	5	57	207

148	36	64	2	24	12	17	155
149	33	64	6	44	3	32	182
157	14	42	2	14	6	9	87
159	22	12	1	7	3	7	52
160	6	13	1	8	3	5	36
164	44	26	3	31	11	18	133
170	3	15	1	1	1	1	22
172	18	43/4	11/2	28	13	49/14	162/20
174	36	89	10	54	20	20	229
175	175	550/2	42	178/1	56	100	1101/3
179	33	42	4	3	3	11	96
180	97	240	21	64/1	24	51	497/1
181	31	31	2	16	6	27	113
184	64	162	14	91	17	61	409
188	25	35	7	12	4	9	92
195	22	80	13	16	9	36	176
197	4	32	2	9	0	7	54
199	132	466/2	16	83/2	34	74	805/4
200	73/1	229	9	39	31	42	423/1
205	24	95/2	7	15/1	3	11	155/3
208	104	228	11	93	17	66	519
215	29	86	19	61	12	28	235
216	951	875	68	367	116	245	2622
219	26	44	1	27	9	17	124
221	25	71/1	4	13	5	12	130/1
225	23	66	4	35	8	7	143
227	6	23	0	9	0	7	45
228	39	148/1	26	53	12	36	315
229	52	162	24	62	15	22	337
234	1	14	1	3	1	0	20
235	10	67	3	12	3	7	102
238	55	117	11	57	10	40	290
239	110/4	100/3	9	63/2	18/2	46	346/11
244	54	227	22	103	31	104	541
245	44	62	13	74	16	47	256
249	58	38	0	48	9	18	171
250	14	43	6	24	4	12	103
251	29	78	12	36	4	30	189

260	18	36	4	12	11	21	102
262	29	94	11	26	7	6	173
272	6	30	0	4	2	6	48
275	5	14	1	6	1	4	31
316	17	62	2	18	5	10	114
292	8	18/2	2	10/4	2	1	41/6
67	11	7/1	4	7/1	4	4	37/2
294	34	101	8	57	22/1	44	266/1
299	24	118	8	28	5	28	211
306	58	154	18	65	18	57	370
307	70/1	100/1	12	79/2	17	75	353/4
309	26	45	7	16	5	8	107
310	60	183	13	48	15	36	355
312	9	17	1	6	2	3	38
315	50	161/1	9	46	17	48	332
329	14	16	4	2	6	12	54
330	34	51	3	25	9	36	158
331	4	51	5	21	9	20	110
332	2	11	4	1	3	8	29
337	30	17	2	25	5	3	82
340	20	31	2	19/1	3	27	102/1
343	13	29	0	16	7	12	77
350	9	15	1	8	2	6	41
351	6	53	1	15	1	26	102
355	22	85	4	32	8	14	165
360	69	249/1	75	115	38	85	631/1
364	70/1	169/9	17	77/1	10/1	55/4	398/16
381	72	268/5	268/1	101	164	38	911/6
384	136	225	89	100	27	67	644
388	90/1	141	16	57/1	18	65	387/2
390	63	292/9	11	89/1	24	124/3	603/13
391	9	25	5	15	3	4	61
Др.	98	166/3	17	106/1	17	65	469/4
Все	4787/1 1	10186/8 2	1233/5	4463/2 4	1353/8	3302/2 3	25326/1 53
%	18,83	40,30	4,85	17,61	5,34	13,05	99,98
%							

Список использованной литературы

1. Абрам Терц. Прогулки с Пушкиным. СПб., 1993.
2. Абрамович С. Предыстория последней дуэли Пушкина (январь 1836 – январь 1837). СПб., 1994.
3. Августин. Исповедь. М., 1991.
4. Августин. Против академиков. М., 1999.
5. Августин. Творения. Ч.П. К., 1905.
6. Аврелий Марк. Размышления. Л., 1985.
7. Агни-Йога: Сердце // Врата в будущее: Сборник. М., 1990.
8. Адоратский Н. Отец Иакинф Бичурин // "Православный собеседник", 1886, № 2, 3, 5, 6.
9. Айхенвальд Ю. Борис Зайцев // Б.Зайцев. Осенний свет. М., 1990.
- 10.Александр Ф., Селесник Ш. Человек и его душа. М., 1995.
- 11.Алексеев В.И. Невидимая Россия. Нью-Йорк, 1952.
- 12.Алексеев М.П. Пушкин и Китай // А.С.Пушкин и Сибирь. Иркутск, 1937.
- 13.Алексеев М.П. Пушкин. Л., 1972.
- 14.Алешковский Юз. Антология Сатиры и Юмора России XX в. Т. 8. М., 2000.
- 15.Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989.
- 16.Анненков П.В. Материалы для биографии А.С.Пушкина. М., 1999.
- 17.Античная басня. М., 1991.
- 18.Античные риторика. М., 1978.
- 19.Антоний Сурожский. Смерть // "Психология зрелости и старения", 2004, №3 (27).
- 20.Арзунян Э. Бог был инопланетянином. Ростов-на-Дону, 2007.
- 21.Аристотель. О душе // Аристотель. Соч. Т.1. М., 1975.
- 22.Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем Академиею. Ч. I. К., 1856.
- 23.Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем Академиею. Ч. II. К., 1856.
- 24.Афоризмы старого Китая/Сост., пер., вступ. ст. и ком. В.В.Малявина. М., 2003.
- 25.Ахматова А. Пушкин и Невское взморье // Прометей. Т. 10. М., 1974.
- 26.Багирян Р. Основоположник // "Экология и жизнь", 2003, № 5.
- 27.Белинский В.Г. Полное собрание сочинений (в 13 тт.). М., 1953-1959.
- 28.Белкин Д.И. Китаевед Н.Я.Бичурин и русские писатели конца 20-х - начала 40-х годов // Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. Ч.1. М., 1977.
- 29.Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989.
- 30.Белый А. Ф.Сологуб // А.Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994.
- 31.Белый А. Чехов // А.Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994.

32. Бердичевский Ю.И. Предки и потомки А.С. Пушкина (960 – 1999). Харьков, 1999.
33. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
34. Бердяев Н. О частном и историческом взгляде на жизнь // Судьба России. М., 1918.
35. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991.
36. Берлин И. Стремление к идеалу // "Вопросы философии", 2000, № 5.
37. Бернал Д. Возникновение жизни. М., 1964.
38. Бернар К. Жизненные явления, общие животным и растениям. СПб., 1878.
39. Бернштам А.Н. Н.Я. Бичурин (Иакинф) и его труд "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена" // Н.Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л., 1950.
40. Библиейская энциклопедия. Труд и издание Арх. Никифора. М., 1891.
41. Білецький О.І. Зібрання праць. Т. 3. К., 1966.
42. Биографический очерк // "Китайский благовестник", 1912, вып 4.
43. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета (1804 – 1904). Ч. 1. Казань, 1904.
44. Бичурин Н.Я. Взгляд на просвещение в Китае. Сочинение о. Иакинфа Бичурина. СПб., 1838.
45. Бичурин Н.Я. Записки о Монголии, сочинённые монахом Иакинфом. Т.1. СПб., 1828.
46. Бичурин Н.Я. Земледелие в Китае. СПб., 1844.
47. Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение. Ч.1-2. М., 1977.
48. Бичурин Н.Я. История Тибета и Хухунора, с 2282 года до Р.Х. до 1227 года по Р.Х. СПб., 1833.
49. Бичурин Н.Я. Китай, его жители, права, обычаи, просвещение". СПб., 1840.
50. Бичурин Н.Я. Китайская грамматика. Хань-вынь-ци-мын. Ч.1-2. СПб., 1838.
51. Бичурин Н.Я. Ответы на вопросы, которые г. Вирст предложил г. Крузенштерну относительно Китая. СПб., 1827.
52. Бичурин Н.Я. Собр. соч. М.-Л., 1950.
53. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л., 1950.
54. Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. Ч.1-2. СПб, 1842.
55. Блаватская Е.П. Избранные статьи. М., 1994.
56. Блаватская Е.П. Тайная Доктрина. ТОК, 1993.
57. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина. М., 1950.
58. Богатырёв Л.Г. и др. О некоторых тенденциях в изучении биосферы // "Экология", 2004, №1.
59. Бонди С. Черновики Пушкина. М., 1971.

60. Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М., 1974.
61. Бозций. Утешение философией и другие трактаты. М., 1996.
62. Брасов О. В биографию Харбина-Сердцеграда вписан // "На сопках Маньчжурии", 1996, № 35.
63. Будда. Конфуций. Савонарола. Торквемада. Лойола. Биографические очерки. СПб., 1993.
64. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.
65. Бунин И.А. Поэзия и проза. М., 1986.
66. Бунин И.А. Рассказы. М., 1983.
67. Бунин И.А. Стихотворения. Рассказы. М., 1986.
68. Бурсов Б. Судьба Пушкина: Роман-исследование. Л., 1985.
69. Бычков В.В. Философия искусства П.Флоренского // П.Флоренский. Избранные труды по искусству. М., 1996.
70. Бэлза С. Алхимик слова // Ян Парандовский. Алхимия слова. М., 1990.
71. В память о князе В.Ф.Одоевском. М., 1869.
72. Вайсерман А.М. Влияние месяца рождения на структуру смертности жителей Киева (1990 – 2000) // "Проблемы старения и долголетия", 2002, №2.
73. Валевский А.Л. Основание биографики. Киев, 1993.
74. Вацуро В.Э. "Северные цветы". История альманаха. М., 1978.
75. Вегнер М. Предки Пушкина. М., 1937.
76. Вельтман А.Ф. Воспоминания о Бессарабии // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т 1. М., 1985.
77. Вельтман А.Ф. Из воспоминаний // Жизнь Пушкина. В 2 тт. Т. 1. М., 1988.
78. Вельтман А.Ф. Избранное. М., 1989.
79. Вересаев В.В. Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. М., 1984.
80. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и её окружения. М., 1987.
81. Вигдорова Ф. Дорога в жизнь. К., 1983.
82. Вигель Ф.Ф. Из "Записок" // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т 1. М., 1985.
83. Виноградов А. Повесть о братьях Тургеневых. М., 1983.
84. Винокур Г.О. Биография и культура. М., 1993.
85. Водневский Н. Биографическая повесть // "Картины прошлого". Сидней, 1969, № 6,7.
86. Водневский Н. Ответ советским безбожникам // "Картины прошлого". Сидней, 1969, №5.
87. Волконская М.Н. Из "Записок" // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1985.
88. Воскресенский А.Д. Китайские хроники о пребывании И.Ф.Крузенштерна и Ю.Ф.Лисянского в Гуанчжоу // И не распалась связь времён... М., 1993.

89. Вульф А.Н. Рассказы о Пушкине, записанные М.И.Семевским // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1985.
90. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. М., 1994.
91. Вяземский П.А. Из "Записных книжек (1831)" // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1985.
92. Вяземский П.А. Из "Старой записной книжки" // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1985.
93. Вяземский П.А. Приписка к статье "Цыганы. Поэма Пушкина" // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1985.
94. Гайдарова Н. (Из автобиографии) // "Австралиада", 1998, № 18.
95. Гайденок П.П. Время и вечность: парадоксы континуума // "Вопросы философии", 2000, № 6.
96. Гачев Г. Русский эрос. М., 1994.
97. Германович И. Китай. Сибирь. Москва. Мельбурн, 1997.
98. Герцен А.И. Былое и думы. Минск, 1971.
99. Гессен А. Всё волновало нежный ум... М., 1965.
100. Глебова И. Автобиография художницы // "Австралиада", 2002, № 32.
101. Глинка Ф.Н. Письмо к П.И.Бартеневу с воспоминаниями о высылке А.С.Пушкина из Петербурга в 1820 году // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1985.
102. Горбунова И.А., Черняго Л.С. Геоэкология и Жизнь // "Экология и жизнь", 2004, №5 (40).
103. Горький М. Мужик // М.Горький. ПСС в 25 тт., т.5. М., 1970.
104. Горький М. ПСС в 25-ти томах; т. 16. М., 1973.
105. Горький М. ПСС в 25-ти томах; т. 17. М., 1973.
106. Горький М. ПСС в 25-ти томах; т. 20. М., 1974.
107. Громбах С.М. Пушкин и медицина его времени. М., 1989.
108. Гроссман Л. Александр Сергеевич Пушкин. Биография. М., 2003.
109. Гроссман Л. Этюды о Пушкине. М., 1923.
110. Губер П.К. Донжуанский список А.С.Пушкина. Пг., 1923.
111. Джеральд Даррелл. Моя семья и другие звери. М., 2005.
112. Двойченко-Маркова Е.М. Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979.
113. Денисов П.В. Никита Яковлевич Бичурин. Очерк жизни и творческой деятельности учёного-востоковеда. Чебоксары, 1977.
114. Дземешкевич Л. Харбинские были. Омск, 1999.
115. Диесперов А. Блаженный Иероним и его век. М., 2002.
116. Дильтей В. Сущность философии. СПб., 1909.
117. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
118. Дриш Г. Витализм, его история и система. СПб., 1903.
119. Дружников Ю. Узник России. М., 1997.

120. Друзья Пушкина. Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х т. М., 1986.
121. Дубровская Д. Ворота в империю Цин. Российская православная миссия/"Родина", 2004, №10.
122. Думан Л.И. О труде Н.Я.Бичурина "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена" // Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. Ч 2, М., 1977.
123. В.А.Дьяков. Биографистика в истории славяноведения: современное состояние и перспективы развития // Биография исследователя как жанр славистики. Тверь, 1991.
124. Еврейские афоризмы. М., 1991.
125. Елдышев Ю.Н. Небесная загадка происхождения жизни/"Экология и жизнь", 2004, №1 (36).
126. Железнов М.И. Брюллов в гостях у Пушкина летом 1836 года // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1985.
127. Жиганов В.Д. Моя биография // "Картины прошлого", 1975, № 14.
128. Жизнь и лира / Сост. Никитина Е.Ф. М., 1970.
129. Жизнь Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2 томах. Т. 2. М., 1988.
130. Жуковский В.А. Письмо к А.Х.Бенкендорфу. 25 февраля – 8 марта 1837 года // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1985.
131. Зайцев Б. Осенний свет. М., 1990.
132. Зайцева С. Искры в ночи. Харьков, 2000.
133. Записки А.О.Смирновой. СПб., 1895.
134. Записки Ф.Ф.Вигеля. Ч. 1. М., 1891.
135. Зинухов А. Кто убил А.Пушкина. Х., 2004.
136. Иванов Вс. Н. Александр Пушкин и его время. Хабаровск, 1985.
137. Иванов Вс. Н. Из неопубликованного. Л., 1991.
138. Игнатович А.Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М., 1987.
139. Из истории Пекинской Духовной Миссии. 9 миссия // "Китайский благовестник", 1914, вып.11-2.
140. Из письма Высокопреосв. Флавиана, митрополита киевского и галицкого // "Китайский благовестник", 1912, вып 2.
141. Еп. Иоанн. Современное состояние православной миссии в Китае // "Китайский благовестник", 1910, вып. 7-8.
142. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. Кн.2. /Сергиев Посад/, 1993.
143. Иоанн Златоуст. Полн. собр. творений. Т.1, 2. Кн.1. М., 1993-4.
144. Иоанн Златоуст. Полн. собр. творений. Т.3. Кн.2. М., 1994.
145. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до краха. Харьк.-Белг., 2007.

146. Кайгородов А. Я родом из Трёхречья // "На сопках Маньчжурии", 1995, № 22-23.
147. Каксли О. О дивный новый мир // Утопия и антиутопия XX века. М., 1990.
148. Каменский В. Степан Разин. Пушкин и Дантес. Кафе поэтов. М., 1991.
149. Кончаловский А. Возвышающий обман. М., 1999.
150. Керкегор С. Повторение. М., 1997.
151. Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989.
152. Книга, которая "говорит" на живых языках // Книга для всех.
153. Ковда В.А. Современные научные представления о биосфере//Использование и охрана природных ресурсов. М., 1972.
154. Козаков М. Актёрская книга. М., 1997.
155. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.
156. Комовский С.Д. Воспоминания о детстве Пушкина // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т 1. М., 1985.
157. Кон И.С. Дружба. Этико-психологический очерк. М., 1980.
158. Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1966.
159. Коренева-Кулинич О. Стихи и очерки путешествий. 1995.
160. Косиков Г.К. Последний гуманист, или подвижная жизнь истины // Монтень. Опыты. М., 1991.
161. Крамер С. Шумер. М., 2002.
162. Красиков В.А. На пути к системной теории эволюции // "Экология и жизнь", 2004, №5 (40).
163. Краткий исторический очерк о деятельности русских в Китае // "Известия Братства православной церкви в Китае". Вып. 1. Харбин, 1904.
164. Кривцов В. Отец Иакинф. Л., 1988.
165. Крушинский А. Миссия в Пекине // "Родина", 2002, №1.
166. Крылов П. Прогресс в природе // Бюллетени Харьковского общества любителей природы, 1915, № 3.
167. Кулик А.В. Линейный порядок в Природе и в жизни человека // "Экология и жизнь", 2004, №3. (38).
168. Курбанов Р.О. Солодухо Н.М. Философия небытия // "Вопросы философии", 2004, №6.
169. Лагунов Г.А. Ещё о Харбинской духовной семинарии // "На сопках Маньчжурии", 2001, № 90.
170. Лазарев В., Толмачёв А. Новые страницы жизни и приключений А.Т.Болотова // "Наше наследие", 1988, №2.
171. Лазарев С.Н. Диагностика кармы. 3. СПб., 1996.
172. Лазарев С.Н. Диагностика кармы. 4. СПб., 1997.
173. Лактанций. Творения, ч.2. СПб., 1848.
174. Лакшин В.Я. Пять великих имён. М., 1988.
175. Лакшин В.Я. Толстой и Чехов. М., 1975.

176. Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. СПб., 1909.
177. Лицей св. Николая 1929 – 1949 в г. Харбине. Сидней.
178. Лобикова Н.М. "Тесный круг друзей моих" (Пушкин и декабристы). М., 1980.
179. Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990.
180. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
181. Лосиевский И. Анна Всея Руси. Харьков, 1996.
182. Лосиевский И.Я. Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. Харьков, 1998.
183. Лотман М.Ю. Семиотика культуры // "Экология и жизнь", 2003, № 6.
184. Лотман Ю. Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
185. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Л., 1982.
186. Лотман Ю.М. Биография – живое лицо // "Новый мир", 1986, № 2.
187. Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-литературном контексте // Уч. зап. Тарт. ун-та: тр. по рус. и слав. филол., 1986, вып. 683.
188. Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина "Евгений Онегин". Комментарий. Л., 1983.
189. Лугинин Ф.Н. Из "Дневника" // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1985.
190. Лукиан из Самосаты. Избранная проза. М., 1991.
191. Лукин А. Образ Китая в России (до 1917 года) // "Проблемы Дальнего Востока", 1998, № 5.
192. Лукин А. Русские учёные-востоковеды о Китае // "Проблемы Дальнего Востока", 1998, № 6.
193. Лынша О.Б. Тарас Петрович Гордеев: учёный и педагог // "На сопках Маньчжурии", 2002, №95.
194. Мадорский А. Сатанинские зигзаги Пушкина. М., 1998.
195. Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество. М., 1981.
196. Максимов М. По страницам дневников и писем А.И.Тургенева // Прометей, 10. М., 1974.
197. Малявин В.В. Афоризмы старого Китая. М., 2003.
198. Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001.
199. Мамардашвили М. Лекции о Прусте. М., 1995.
200. Мамардашвили М. Необходимость себя. М., 1996.
201. Марк Аврелий. Размышления. Л., 1985.
202. Марсель Г. К трагической мудрости и за её пределы // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991.
203. Мартенс Ф.Ф. Россия и Китай. СПб., 1881.
204. Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1960.

205. Мачехин А.Е. Предисловие // Мудрость тысячелетий: В поисках смысла. М., 2005.
206. Мейлах Б. Пушкин и его эпоха. М., 1958.
207. Мемуары декабристов. М., 1988.
208. Мень А. Мировая духовная культура. Христианство. Церковь. Лекции и беседы. М., 1997.
209. Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений. Т. 14. М., 19 .
210. Михайлов В.С. Автобиография инженера В.С.Мишелс // "Австралиада", 1996, № 8.
211. Модзалевский Б.Л. Пушкин и его современники. СПб., 1999.
212. Модзалевский Б.Л. Пушкин под тайным надзором. Л., 1925.
213. Моисеев Н.Н. Мир XXI века и христианская традиция // "Экология и жизнь", 2003, № 1.
214. Моллер Н.С. Иакинф Бичурин в далёких воспоминаниях внучки // "Русская Старина", 1888, №9.
215. Монтень М. Опыты. М., 1991.
216. Мудрость тысячелетий. В поисках смысла / Сост. А.Е.Мачехин. М., 2005.
217. Мункуев Н.Ц. Вклад Н.Я.Бичурина в изучение истории монгольских завоеваний в Китае (XIII-XIVвв.) // Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. Ч. I. М., 1977.
218. Мясников В. Три нормы и пять прельщений // "Родина", 2004, №10.
219. Набоков В. Истребление тиранов. Минск, 1989.
220. Найдыш В.М. Концепции современного естествознания. М., 1999.
221. Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1989.
222. Нароков Н. Мнимые величины. Нью-Йорк, 1952.
223. Невзглядова Е. Морфология жизни. Дм. Притула. Факел. Книга рассказов // "Новый мир", 2004, №8.
224. Непомнящий В. Поэзия и судьба. М., 1987.
225. Неру Д. Взгляд на всемирную историю. Т. 3. М., 1975.
226. Нечкина М.В. День 14 декабря 1825 года. М., 1985.
227. Николаева П.А. Ликующее и скорбное слово // Бунин И.А. Поэзия и проза. М., 1986.
228. Ницше Ф. Неизвестный и неожиданный. Симферополь, 1998.
229. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Казус Вагнер. Антихрист. Esse Nomo. Человеческое, слишком человеческое. Злая мудрость. Минск, 2005.
230. Новиков И. Пушкин в изгнании. М., 1982.
231. О подворах Миссии // "Китайский благовестник", 1908, вып 20.
232. О смысле жизни: мысли Л.Н.Толстого. Собранные В. Чертковым. III. СПб., 1906.

233. Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина (Неизвестные письма...). М., 1978.
234. Одесский год жизни Пушкина. Одесса, 1979.
235. Одинокое В.Г. И даль свободного романа. Новосибирск, 1983.
236. Одоевский В.Ф. Из истории русского идеализма. Т.1, ч.2. М., 1913.
237. Ориген. О началах. СПб., 2000.
238. Основы философии объединения.
239. Осоргин М. Времена. Екатеринбург, 1992.
240. Отцы и учителя Церкви III века: Антология. Т.2. М., 1996.
241. Павлюченко Э.А. В добровольном изгнании. М., 1986.
242. Панаев И.И. Литературные воспоминания. М., 1950.
243. Панкратов Б. И.Я.Бичурин как переводчик// "Проблемы Дальнего Востока", 2002, №4.
244. Парандовский Ян. Алхимия слова [Алхимия слова. Петрарка. Король жизни]. М., 1990.
245. Пастернак Б. Доктор Живаго. Вильнюс. 1988.
246. Патрушева М.А. О рукописи Н.Я.Бичурина "Реестр китайских и маньчжурских книг, находящихся в императорской Публичной библиотеке // Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. Ч.I. М., 1977.
247. Перминова Н. Преломление света. Киров, 2000.
248. Перминова Н. Рассказы; Новеллы; Эссе; Повесть. Киров, 2003.
249. Перминова Н. Соловьиная ветка. Киров, 1991.
250. Пернатъев Ю. Великие загадки истории. Харьков, 2006.
251. Пётр Великий. Меншиков. Воронцовы. Дашкова. Сперанский. – СПб., 1995. (ЖЗЛ).
252. Петров С.М. А.С.Пушкин. Очерк жизни и творчества. М., 1973.
253. Письма Н.М.Ядринцева к Г.Н.Потанину. Красноярск, 1918.
254. Письма Бичурина из Валаамской монастырской тюрьмы// "Народы Азии и Африки", 1962, № 1.
255. Платон. Соч. В 4-х т.
256. Плачинда Ю.И., Нягу А.И. Способ определения жизнеспособности и прогнозирования предстоящей продолжительности жизни человека// "Проблемы старения и долголетия", 2002, №2.
257. Плеханова Е.А. Христианство и жизнь: метафизический синтез "нового богословия" // "Философские науки", 2004, №5.
258. Плутарх. Моралии. М.; Харьков, 1999.
259. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т.1. М., 1994.
260. Полежаев А. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников. М., 1990.
261. Погодин М. Иакинф Бичурин // "Беседы в Обществе Любителей Российской Словесности", 1871, т.3.

262. Подорога В.А. Выражение и смысл. М., 1995.
263. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т.2. М., 1992.
264. Полюхов А.М., Холин В.А. и др. Возрастные изменения структуры личности // "Проблемы старения и долголетия". Т.13. 2004, №1.
265. Померанцева Г.Е. Биография в потоке времени. ЖЗЛ: Замыслы и воплощения серии. М., 1987.
266. Попов Г.А. Что стоит за вопросом о жизни и смерти в религиозно-философском учении Толстого? // "Философские науки", 2004, № 3.
267. Последний год жизни Пушкина. М., 1990.
268. Потенба А.А. О доле и сходных с нею существах // Слово и Миф. М., 1989.
269. Православный Китай в Москве // "Китайский благовестник", 1913, №12.
270. Проект инструкции Начальнику новой Пекинской духовной миссии (1831–37) // "Китайский благовестник", 1912, №7.
271. Прометей. Т. 10. М., 1974.
272. Путинцев Вл. "Былое и думы" А.И.Герцена // Герцен А.И. Былое и думы. Минск, 1971.
273. Путята Н.В. Из записной книжки // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1985.
274. Пушкин А.С. Дневники. Автобиографическая проза. М., 1989.
275. Пушкин А.С. Письма к жене. Л., 1986.
276. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т.2. М., 1985.
277. Пушкин и Сибирь. Иркутск, 1937.
278. Пушкин Л.С. Биографическое известие об А.С.Пушкине до 1826 года // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т.1. М., 1985.
279. Пушкинская энциклопедия. 1799-1999. М., 1999.
280. Пушин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1989.
281. Раевский Н. Избранное. В 2-х т. Алма-Ата, 1983, 1984.
282. Рейснер М.А. Русский абсолютизм и европейская реакция. СПб., 1906.
283. Рерих Н.К. Сердце Азии.
284. Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1998.
285. Рождественский Вс. Читая Пушкина. Л., 1962.
286. Розанов В.В. Семья и жизнь // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М., 1992.
287. Русская православная миссия в Китае // "Китайский благовестник", 1916, №№ 9-12.
288. Русский биографический словарь. СПб., 1897.
289. Русский космизм – антология философской мысли. М., 1993.
290. Русско-китайские отношения в XVII веке. Т.1. М., 1969.
291. Рыбников Н. Биографии и их изучение. М., 1920.

292. Саакянц А. Рассказы Бунина 1914-1927гг. // Бунин И.А. Стихотворения. Рассказы. М., 1986.
293. Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Задачи, методы и приложения общей теории систем // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
294. Светлое имя Пушкин. Л., 1988.
295. Семенс А. О "Китайской грамматике" Иакинфа (Н.Я.Бичурина) // Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. Ч.1. М.,1977.
296. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977.
297. Сенека. О краткости жизни. СПб., 1996.
298. Сенковский О.И. Собрание сочинений. Т. 6. СПб., 1858.
299. Сидоров В. На вершинах. Творческая биография Рериха // Врата в будущее. М., 1990.
300. Скачков К.А. Пекин в дни тайпинского восстания. М., 1958.
301. Скачков П.Е. Иакинф Бичурин (1777-1853). Архивные материалы к биографии (к 80-летию смерти – 11 мая 1853 г.) // "Библиография Востока", вып. 2-4 (1933). М.-Л., 1934.
302. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
303. Словарь языка Пушкина. М., 2000.
304. Современное состояние православной миссии в Китае // "Китайский благовестник", 1910, № 8.
305. Соколов В.Д. Рядом с Пушкиным: Портреты кистью и пером. Харьков, 1991.
306. Сократ. Платон. Аристотель. Сенека. Бруно. СПб., 1995.
307. Солженицын А. В круге первом. М., 1990.
308. Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Л., 1988.
309. Сологуб Ф. Мелкий бес. М., 1989.
310. Соловьёв В. Из литературного наследия. М., 1990.
311. Соловьёв В.С. Кризис западной философии. Соч.: В 2-х т. М., 1988.
312. Соловьёв В. Поэзия Ф.И.Тютчева // "Наше наследие", 1988, №2.
313. Солодухо Н.М. Философия небытия. Казань, 2002.
314. Солонин Ю.Н., Аркан Ю.Л. Герман фон Кайзерлинг: метафизика нового мира// "Философские науки", 2004, № 1.
315. Сорокин П.А. Социологический прогресс и принцип счастья//Питирим Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
316. Сто стихотворений и десять писем. М., 1969.
317. Сурат И. Биография Пушкина как культурный вопрос // "Новый мир", 1998, № 2.
318. Тареев М.М. Основы христианства. Система религиозной мысли. Т. 1–5. Сергиев Посад, 1908–1910.
319. Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М., 1994.
320. Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994.

321. Тимковский Е.Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. СПб., 1824.
322. Тимофеев-Ресовский Н.В. Волны жизни // "Экология и жизнь", 2004, №3 (38).
323. Тиссен О. Скауты-пржевальцы // "На сопках Маньчжурии", 1996, № 33.
324. Токарева Н. Такая вот зараза, или Микромир – микропроблемы// "Экология и жизнь", 2004, №4 (39).
325. Толстой Л.Н. О жизни. СПб., 1906. II.
326. Толстой Л.Н. Патриотизм и правительство (1900). Харьков, 1917.
327. Толстой Л.Н. Путь жизни // Л.Н.Толстой. ПСС, т. 45. М., 1956.
328. Томашевский Б. Пушкин. М.-Л., 1956.
329. Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. М., 2002.
330. Троицкий Л. Моя жизнь. М., 1990.
331. Трубецкой Б.А. Пушкин в Молдавии. Кишинёв, 1983.
332. Трубецкой Е. Личность В.С.Соловьёва// "Наше наследие", 1988, №2.
333. Трубников Н.Н. <Перспектив книги о смысле жизни> //Квинтэссенция: Филос. альманах. М., 1990.
334. Трухина Н.Н. Политика и политики "золотого века" Римской республики (II в. до н.э.). М., 1986.
335. Тургенев А.И. Из "Дневника" // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1985.
336. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968.
337. Тынянов Ю. Смерть Вазир-Мухтара. М., 1984.
338. Тынянов Ю. Пушкин. Минск, 1988.
339. Тюменева Т. Зачем построили Великую китайскую стену// "Отдыхай" (Хабаровск), 1999, № 5.
340. Улицкая Л. Искренне ваш Шурик. М., 2004.
341. Умарова М.С. Концепция Н.А.Умова о живой материи, её происхождении и современные представления // "Философские науки", 2003, № 6.
342. Умов Н.А. Физико-химическая модель живой материи//Н.А.Умов. Собр. соч., т. 3. М., 1916.
343. Усов В. Последний император Китая. (1906-1967). М., 2003.
344. Усольцев В.А. "Русский космизм" и современные глобальные проблемы// "Экология и жизнь", 2003, № 4.
345. Уссеин А.М. [Воспоминания] // "На сопках Маньчжурии", 1995, № 16.
346. Утехин С.В. И.М.Берлин и его идейное наследие// "Вопросы философии", 2000, № 5.
347. Ухтомский Г.Ф. Автобиографический очерк // "Австралиада", 2001, № 26.
348. Фаусен В.А. Сущность жизни. СПб., 1903.
349. Фёдоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982.
350. Фейнберг И.Л. Абрам Петрович Ганнибал прадед Пушкина. М., 1983.

351. Фейнберг И.Л. Незавершённые работы Пушкина. М., 1976.
352. Фейнберг Илья. Читая тетради Пушкина. М., 1981.
353. Фиалковский П. Лучший управляющий (к 120-летию со дня рождения Б.В.Остроумова) // "На сопках Маньчжурии", 1999, № 70.
354. Филюшкин А. Дойти до Поднебесной // "Родина", 2004, №10.
355. Флоренский П. Избранные труды по искусству. М., 1996.
356. Фомина Н.И. Материалы о китайском купечестве в трудах Н.Я.Бичурина//Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. Ч.1. М., 1977.
357. Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. М., 1989.
358. Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992.
359. Фридкин В.М. Пропаший дневник Пушкина. М., 1991.
360. Фромм Э. Душа человека. М., 1998.
361. Фукидид. История. М., 1993.
362. Фуко Мишель. Слова и вещи. СПб., 1994.
363. Хазен Александер. Есть ли у жизни перспективы? // "Экология и жизнь", 2004, №5 (40).
364. Хейдок А. Радуга чудес. Рига, 1994.
365. Харрисон Дж. и др. Биология человека. М., 1979.
366. Хохлов А.Н. В.П.Васильев в Нижнем Новгороде и Казани//История и культура Китая. М., 1974.
367. Хохлов А.Н. Н.Я.Бичурин и его труды о Монголии и Китае первой половины XIX в. // Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. М., 1977.
368. Хохлов А.Н. Новые материалы к биографии Н.Я.Бичурина // Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. Ч. 2. М., 1977.
369. Цветаева М. Мой Пушкин. Баку, 1988.
370. Циолковский К. Космическая философия. М., 2001.
371. Цицерон, Марк Тулий. О государстве; О законах; О старости; О дружбе; Об обязанностях; Речи; Письма. М., 1999.
372. Цявловская Т. Рисунки Пушкина. М., 1980.
373. Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина, т. I. М., 1951.
374. Цявловский М.А. Тоска по чужбине у Пушкина // М.А.Цявловский. Статьи о Пушкине. М., 1962.
375. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989.
376. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1989.
377. Чёрный К.Г. Пушкин и Кавказ. Ставрополь, 1950.
378. Чугуевский Л.И. Из истории издания восточных текстов в России в первой четверти XIX века // "Страны и народы Востока", вып. XI. М., 1971.
379. Чугуевский Л.И. Новое о рукописном наследии Н.Я.Бичурина// "Народы Азии и Африки", 1966, № 3.

380. Шатилов Б. Пушкин. М., 1969.
381. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992.
382. Шевырев С.П. Рассказы о Пушкине // А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. Т 2. М., 1985.
383. Шичанина Ю.В. Феномен иномерности: человеческое и сверхчеловеческое // "Философские науки", 2004, № 5.
384. Шопенгауэр А. Избранные произведения / Авт. вступ. статьи И.С.Нарский. М., 1992.
385. Шредингер Э. Что такое жизнь? С точки зрения физика. М., 1972.
386. Щеглов И. Подвижник слова. СПб., 1909.
387. Юнг Г. Плач или ночные мысли о жизни, смерти и бессмертии. Ч.1. СПб., 1799.
388. "Я лучшей доли не искал..." (Судьба А.Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях) / Сост., очерки и комм. П.Енишерлова. М., 1988.
389. Ясперс К. Истоки истории и её цель. М., 1978.
390. Бхагавад-гита как она есть. Изд-во "Бхактиведанта Бук Траст", 1986.
391. Шуян Су. Загадочный Китай. Путешествие по Стране огненного дракона. Харьков–Белгород, 2007.

С о д е р ж а н и е

Наука и мудрость просвещения

1. То, что было философией.....3
2. Стихии неведения всплеск.....16

Непреходящая ценность мысли

1. Биография как осмысление27
2. В поисках мысла.....45
3. К истории философских взглядов.....47
4. Голоса истории (конференц-зал)65
 - Секция 1. Древний мир и Восток.....65
 - Секция 2. Европейцы.....67
 - Секция 3. Россия, Евразия.....77
- Общие вопросы познания жизни102

Тайна и мудрость жизни

- Заметки в ежедневнике106
- Жизнь как цитата и смысл110
1. Человек дерзкого склада135
2. Титул, честь, достоинство136
3. Стихия поэта140
4. Былое – думы142
5. Толстой и Чехов147
6. "Эка штука!"163
7. Книги моей жизни183
8. Философия по Осоргину193
9. Осенний свет Бориса Зайцева199
10. Жизнь в письмах и дневниках208
11. Terra incognita215
12. Личность: след после223
13. Обожение красоты228
14. Кругозор Питирима Сорокина235
15. Самопознание Бердяева246
16. От о. Павла254
17. Диалектика мифа259
18. Мир Рериха270
19. Художник, мыслитель271
20. Агни-Йога: Сердце277
21. Последователь280
22. Жизнь пройти – не поле перейти284

23. Испытание мерзлостью	293
24. Дорога в жизнь	296
25. Смысл духа, сила мысли	299
26. Соловьиная ветка Надежды	302
27. Из "Узника России"	307
28. От сатиры колючей крохи	311
29. Взгляд в историю	318
30. Загадки истории	322
31. Кто в мире распоряжается	332
32. Великая Китайская стена	336
33. Последний император Китая	338
34. Острова благоденствия	341
35. Познать себя	345
36. Необходимость себя.....	350
37. Артур Шопенгауэр	354
38. На пути к психоанализу	359
39. Дружба	363
40. Из бесед А.Меня	364
41. Ветхий Завет кришнаитов	366
42. Будда	375
43. Конфуций	376
44. Савонарола	380
45. Из жизни замечательных идей	382
46. Свободный ум, просто мудрость	392
47. Из моей жизни и мыслей.....	407
48. Перегруженный ковчег.....	414
49. Мнение и цитата, заодно другие слова.....	421
50. Фрагменты курсовой	432
51. Религиозное мировоззрение:моральный объём.....	444
52. В ладонях святой догмы.....	458
53. Тема жизни в "Загадочном Китае".....	464

Непостижимость жизни

1. Из чего проросли мысли	473
2. Экология планетарной жизни	477
3. Сокращённый список речений.....	493

Статистическое приложение..... 507-540

Список использованной литературы..... 541-554